

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Археографический ЕЖЕГОДНИК за 1995 год

Основан в 1957 году
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА "НАУКА"
1997

8(n)
А-87

90464

Ответственный редактор
академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:

Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н.А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В.А. ДЬЯКОВ, М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ,
Б.Г. ЛИТВАК, Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ,
В.А. ЧЕРНЫХ, С.В. ЧИРКОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук А.Е. ИВАНОВ,
доктор исторических наук В.В. КАБАНОВ

Археографический ежегодник за 1995 год. – М.: Наука, 1997. – 398 с.
А 87 ISBN 5-02-010081-1

Ежегодник содержит статьи, обзоры и публикации по проблемам археографии, источниковедения и архивоведения. В книге публикуются новые материалы о Ленинградской блокаде, воспоминания о лекции опального маршала Г.К. Жукова в 1966 г., опыте вологодских преподавателей по увековечению памяти защитников Отечества, посвященные 50-летию Победы. Продолжается публикация полного списка участников II Всероссийского съезда Советов; исследуется история книгописания и украшения книг в России XVII в.; печатаются статьи к юбилеям Российской национальной библиотеки и археографической группы МГУ, отечественных историков С.М. Соловьева, И.Е. Забелина, А.Е. Преснякова, Д.Б. Рязанова, Ю.Г. Оксмана, датского историка К. Расмуссена, материалы о зарубежных изданиях по генеалогии и др.

Для историков, архивистов, филологов и всех интересующихся историей.

0502000000-045
А 042(02)-97 19-1996, II полугодие

ББК 63.2

ISBN 5-02-010081-1

© Коллектив авторов, 1997
© Издательство "Наука", художественное
оформление, 1997
© Российская академия наук, 1997

І. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А.В. Добровская, И.Ю. Горбунов, С.В. Мироненко

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И КОМПЛЕКТОВАНИЯ (1920–1995)¹

Необходимость для России Государственного архива, т.е. хранилища бумаг высших органов государственной власти, была осознана еще в начале XIX в.², но в дореволюционное время такой архив так и не был создан. Несмотря на то что с 1834 г. существовал Государственный архив Министерства иностранных дел, который в архивоведческой и исторической литературе часто называют Государственным архивом Российской империи³, все же в нем хранились лишь отдельные комплексы важнейших государственных бумаг, извлеченных главным образом из кабинетов покойных самодержавцев или близких к ним государственных деятелей.

Документы же высших и центральных государственных органов находились в ведомственных архивах.

После Февральской революции идея централизации архивного дела и создания единого хранилища документов высших органов государственной власти широко обсуждалась в кругах историков и архивистов. Однако в трудное пореволюционное время она получила свое законодательное оформление только в знаменитом декрете СНК "О реорганизации и централизации архивного дела", принятом 1 июня 1918 г.⁴ В соответствии с ним были ликвидированы "все архивы правительственных учреждений", а хранившиеся в них документы образовали Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). ЕГАФ делился по тематическому принципу на восемь секций. Секции, в свою очередь, делились на отделения, которые, в сущности, были ничем иным, как прежними исторически сложившимися архивами. Их дополнили несколькими новыми, задачей которых было собирание материалов по истории революционного движения. Руководство архивным делом в стране возлагалось на Главное управление архивным делом (Главархив), входившее в Народный комиссариат просвещения РСФСР.

Однако прошло совсем немного времени и система архивов, установленная в 1918 г., подверглась серьезному реформированию. С начала 20-х годов постоянные изменения в советской административной системе, а с ними и в системе архивов, влекли за собой лихорадочное перемещение архивных фондов из одного архивохранилища в другое и обратно. Кажется просто невозможным не только

¹ В основе статьи – доклад на Ученом совете ГАРФ в связи с его 75-летием 22 декабря 1995 г.

² Макаров А.Н. Проект архивной реформы бар. Г.А. Розенкампа // ИА. 1919. Кн. 1.

³ Кононов Ю.Ф. Из истории организации и комплектования б. Государственного архива Российской империи // ТМГИАИ. 1957. Т. 8; Самошенко В.Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII – начало XX вв.). М., 1990.

⁴ См. об этом: Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 6–67.

понять принципы, но даже и уследить за хаотическим движением составных частей этого стремительного калейдоскопа. Существует довольно много работ по истории архивного дела, но исследование этой сложной проблемы далеко не исчерпано. Введение в научный оборот новых документов, снятие существовавших ранее ограничений открывают перед исследователями возможности для более глубокого анализа. Результаты этого могут быть крайне полезны для организации работы в современных условиях.

Основой для создания истории архивного дела в нашей стране безусловно должны стать истории отдельных архивов. Только проследив по архивным документам, как возникали и развивались, а зачастую и исчезали архивы, составляющие плоть и кровь архивной системы, как искажался состав самих фондов, как видоизменялось центральное архивное руководство можно будет получить объективную картину во всей ее полноте.

Настоящая статья – лишь первый шаг на этом пути.

Государственный архив РСФСР был образован решением коллегии Главархива 17 сентября 1920 г. "для хранения важнейших документов РСФСР, а также наиболее ценных исторических материалов предшествующих режимов"⁵.

Созданию Госархива РСФСР предшествовала острая борьба за руководство архивным делом в стране. Победителем в ней оказался М.Н. Покровский и его сторонники, побежденными – прежний руководитель Главархива Д.Б. Рязанов и группа поддерживавших его членов Союза российских архивных деятелей, в которую входили известные архивисты и ученые-историки. Начался "процесс политизации архивного дела". Причиной этого, по словам самого Покровского, послужило сознание того, что "наши архивы находятся в руках чужих людей"⁶.

Реформирование ЕГАФ и образование Госархива РСФСР стало, в сущности, одним из первых шагов новой коллегии Главархива, куда, помимо Покровского, вошли старый большевик В.В. Адоратский (кстати, именно его "большевистскому чутью" Покровский приписывал инициативу разгона "рязановского" Главархива и последующих "чисток" архивов), А.А. Трояновский, В.Н. Сторожев и А.М. Полянский.

Т.И. Хорхордина детально проанализировала, к чему привела линия на "большевизацию" архивного дела. Однако вряд ли можно согласиться с ее утверждением, что только стремление к изъятию "политически важных, с точки зрения властей, комплексов документов из состава секций, каждая из которых имела свой собственный аппарат управления, свой план комплектования и использования" была главной побудительной причиной, "главным смыслом" образования Госархива РСФСР⁷. Дело было не в этом или, скажем, не только в этом. Пользоваться "спецхранами" и выискивать "компромат" на политических противников можно было и в прежних секциях и отделениях ЕГАФ.

Причина, как нам представляется, крылась в другом. В 1920 г., когда уже завершалась гражданская война, необходим был архив, который концентрировал бы материалы важнейших государственных учреждений нового государства, сохраняя относительную преемственность с архивами прежних государственных структур ("наиболее ценные материалы предшествующих режимов"). В сентябре 1920 г. отнюдь не политические интриги, а именно такие прозаические, и вместе с тем идеологически важные задачи сохранения для будущих поколений памяти о великих революционных событиях (в это искренне верили и сам Покровский, и его сторонники) привели к созданию Госархива РСФСР.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 209. Л. 4.

⁶ Хорхордина Т.И. Указ. соч. С. 85–86.

⁷ Там же. С. 97–98.

В архиве было образовано четыре отделения: 1 – древлехранилище, содержащее материалы по внешней и внутренней политике России до XVIII в. включительно; 2 – хранилище государственных документов новой русской истории (XIX в. – 1 марта 1917 г.); 3 – хранилище документов истории революции и общественного движения (до 1 марта 1917 г.); 4 – архив пролетарской революции, содержащий документы после 1 марта 1917 г.

В первое отделение Госархива РСФСР вошли фонды Московского Главного архива МИД, в котором находилось созданное в середине XIX в. "Древлехранилище хартий и рукописей", и части фондов 3-го Петроградского отделения 1 секции ЕГАФ – так называемый Государственный архив Российской империи.

Второе отделение образовалось из фондов Петербургского Главного архива МИД. Вскоре туда же был передан так называемый "Новоромановский архив".

Комплекс документов, составивших третье отделение Госархива РСФСР, имел более сложную судьбу. Он начал формироваться сразу же после Февральской революции. В марте 1917 г. группа политических деятелей и историков Москвы, спасая от разгрома архивы Московского охранного отделения, перевезла их из Б. Гнездиковского переулка в Московский исторический музей⁸. В марте 1917 г. при Исполнительном комитете Московских общественных организаций была образована "Комиссия по разработке политических архивов" во главе с С.П. Мельгуновым. Комиссии поручалась охрана и собирание полицейских архивов Москвы и Московской губернии⁹. В помещении Исторического музея кроме документов Московского охранного отделения перевезли еще материалы Московского губернского жандармского управления, жандармско-полицейских управлений железных дорог и фонды ряда других учреждений, содержащие документы о борьбе правительства с революционным и общественным движением. К ним были присоединены и архивы, эвакуированные из Царства Польского.

На этой основе 1 августа 1918 г. был образован Московский историко-революционный архив¹⁰, в дальнейшем комплектовавшийся историко-революционными документами. В него поступили остатки полицейских архивов Москвы, часть архива Московской судебной палаты, включающая дела о государственных преступлениях. В конце 1919 г. из Следственной комиссии Верховного революционного трибунала при ВЦИК в архив были переданы документы "Чрезвычайной комиссии для расследования противозаконных по должностям действий бывших министров и прочих высших должностных лиц". Среди материалов самой Комиссии находилось много дел Департамента полиции, Министерства юстиции, МВД и других учреждений¹¹.

В Петрограде, как и в Москве, в первые дни Февральской революции были приняты меры для спасения архивов полицейских учреждений. По распоряжению Временного правительства 3 марта 1917 г. документы архива Департамента полиции, помещение которого подвергалось разгрому, начали перевозить в учреждения Академии наук, причем хранившиеся в архиве дела III Отделения с.е.и.в. канцелярии поместили в помещение Пушкинского Дома, а дела Департамента полиции – в библиотеку Академии наук¹². Перевозка проводилась без проверки по описям, материалы были расположены в мало приспособленных помещениях. Часть дел осталась на старом месте.

⁸ Максаков В.В. Архив революции и внешней политики XIX и XX вв. // АД. 1927. Вып. XIII. С. 29, 30.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 74. Л. 58.

¹⁰ Максаков В.В. Указ. соч. С. 32.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 74. Л. 59, 106, 180; Д. 176. Л. 33.

¹² ИА. 1919. Кн. 1. С. 449, 450.

Для использования архива Департамента полиции в 1917 г. под руководством П.Е. Щеголева была образована Комиссия по разборке дел секретного отделения и особого отдела этого архива. Так начал складываться Петроградский историко-революционный архив, управляющим которого был назначен П.Е. Щеголев. Летом 1918 г. архиву предоставили помещение бывшего Сената, в которое из Академии наук с августа 1918 по февраль 1919 г. были перевезены архивы Департамента полиции и III Отделения с.е.и.в. канцелярии¹³. В последующие годы в Петроградский историко-революционный архив постепенно были включены фонды Особого присутствия правительствующего Сената, Штаба корпуса жандармов, Шлиссельбургской крепости, "Союза 17 октября", "Союза русского народа" и др.

Четвертое отделение Государственного архива, получившее название Архив пролетарской революции, должно было хранить документы, образовавшиеся после 1 марта 1917 г. Однако в начальный период в его состав вошли только материалы 1-го Московского отделения VIII секции ЕГАФ, в котором были собраны главным образом печатные издания, относящиеся ко времени Октябрьской революции. Четвертое отделение с самого начала имело еще одно название, так за ним и закрепившееся – Архив Октябрьской революции. Следует подчеркнуть, что он тогда еще не был самостоятельным архивным учреждением.

Управляющим Государственным архивом РСФСР стал В.В. Адоратский, а управляющими отделениями – С.К. Богоявленский, Э.Л. Гуревич, Б.И. Николаевский и В.В. Максаков, одновременно бывший заместителем Адоратского. Архиву были предоставлены здания бывшего Московского отделения Архива МИД (ул. Воздвиженка, 1 – Ваганьковский пер., 8; здание не сохранилось, на его месте были построены корпуса библиотеки им. В.И. Ленина) и Историко-революционного архива (Москорецкая ул., 25). Архив получил собственную печать и бланки для переписки – важные атрибуты самостоятельного советского учреждения.

Единственным активно комплектующимся хранилищем в составе Госархива РСФСР является Архив Октябрьской революции. Одной из основных его задач было собирание и хранение вновь создаваемых документов высших органов государственной власти и управления, наиболее важных республиканских учреждений, а также "письменных, печатных и иллюстративных документов по истории Октябрьской революции, отложившихся в учреждениях и организациях после первого марта 1917 г."¹⁴

Архив Октябрьской революции состоял из следующих отделов: 1 – политический с подотделами внутренней и внешней политики; 2 – документы по истории РКП(б), в составе которого был в 1921 г. образован подотдел Бунда и других еврейских социалистических партий; 3 – письма, дневники, воспоминания, заметки и т.п.; 4 – экономико-статистические документы; 5 – печать; 6 – иллюстративный отдел; 7 – в октябре 1921 г. был образован отдел отделения церкви от государства¹⁵. Эта структура достаточно полно отражала характер хранилища и состав документов, которыми оно должно было пополняться.

Одновременно с образованием Госархива РСФСР, постановлением СНК РСФСР от 21 сентября 1920 г. создается "Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии" (Испарт)¹⁶. По соглашению с Главархивом, отдел докумен-

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 176, л. 7.

¹⁴ Там же. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 367. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 114. Л. 47.

¹⁶ СУ РСФСР. (М.). 1920. № 80. Ст. 386.

тов по истории РКП(б) АОР стал фактическим хранилищем документов, собираемых Истпартом.

Собирать документы, которые должны были составлять четвертое отделение, было чрезвычайно трудно.

Возникшее после Февральской революции учреждения и организации просуществовали недолго. Их неповторимое документальное наследие зачастую оставалось бесхозным. В первую очередь, это были фонды учреждений Временного правительства, общественных, экономических и политических организаций. Архив занялся учетом, собиранием и вывозом этих документов из Петрограда в Москву, установлением места хранения недостающих документов. Более полно из материалов Временного правительства сохранились Канцелярия Министра-Председателя и Канцелярия Временного правительства с подлинными журналами его заседаний и совещаний по подготовке проекта положения об Учредительном собрании и по выборам в Учредительное собрание. Довольно большие утраты понесли фонды министерств. Так, в фонде Министерства внутренних дел достаточно полно до нас дошли только документы отдела местного управления, главного управления по делам милиции, департамента общих дел и некоторых других.

По другим же министерствам была собрана незначительная часть документов. При этом часть документов министерства Временного правительства была вывезена в Москву из Петрограда соответствующими наркоматами (Наркомтруд, Наркомзем, Наркомфин и др.) во время переезда правительственных учреждений РСФСР. Они поступили в архив значительно позднее из ведомственных архивов этих учреждений¹⁷.

Труднее было собирать материалы по истории гражданской войны, интервенции, многочисленных контрреволюционных правительств, их руководящих органов, войсковых формирований и т.д. В условиях гражданской войны отступающие белые армии и эвакуирующиеся правительства стремились вывезти свое делопроизводство или уничтожить его.

Отметим, что почти полностью удалось собрать уцелевшие ценные фонды Российского правительства Колчака и Временного правительства Северной области Чайковского-Миллера. Из фондов Деникина сохранились лишь документы Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России, штабов отдельных армий и др.

Были предприняты поиски недостающих фондов. Так, весной 1923 г. заместитель заведующего АОР специально обследовал архивы и учреждения ряда городов юга России и Кавказа¹⁸.

Непростым было положение и с сохранностью документов учреждений, созданных в перюд Октябрьской революции. Так как эти учреждения имели чисто практические задачи, выполнив которые, они прекращали свое существование, их документация теряла оперативное значение. Материалы, имеющие неоценимую научно-историческую и политическую ценность, часто оказывались брошенными на произвол судьбы, их расхищали, "раскуривали", сжигали¹⁹.

Собирание архивных фондов в то время, в первую очередь, решало задачу их спасения, осматривали даже чердаки, подвалы, дома, где размещались когда-то какие-либо учреждения.

Значительные усилия сотрудников АОР были направлены на собирание партийных архивов. В плане-отчете четвертого отделения Госархива РСФСР, составленном в марте 1921 г., отмечалось: "Путем переговоров сотрудников АОР

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5142. Оп. 1. Д. 367. Л. 7-8.

¹⁸ Там же. Ф.Р-5325. Оп. 9. Д. 376.

¹⁹ Там же. Ф.Р-5142. Оп. 1. Д. 367. Л. 9.

с представителями партийных организаций (ЦК РКП и МК) удалось добиться передачи части партийных архивов. Одновременно производятся розыски архивов и отдельных документов, касающихся деятельности других партий, в частности, меньшевиков, правых и левых эсеров²⁰.

С первых дней своего существования Госархив РСФСР начал комплектоваться и документами личного происхождения. В 1921 г. передали документы из своих личных архивов А.М. Коллонтай, руководители Центрархива В.В. Адоратский, М.Н. Покровский, были получены также документы М.С. Ольминского, А.И. Елизаровой-Ульяновой, других видных деятелей большевистской партии и государства, всего на конец 1924 г. – 19 личных фондов.

Однако еще в 1922 г. возникла и стала получать свое организационное оформление мысль о необходимости создания специальных Архивов Октябрьской революции. 30 октября 1922 г. коллегия Главархива РСФСР постановила "в связи с 5-летием Октябрьской революции разработать Положение об АОР для представления его в Президиум ВЦИК"²¹. В мае 1923 г. Архив Октябрьской революции был выведен из состава Госархива РСФСР и стал самостоятельным. В материалах Малого Совнаркома сохранился проект постановления ВЦИК и СНК "Об учреждении архивов Октябрьской революции", подписанный 2 мая заместителем председателя СНК Л.Б. Каменевым²².

В соответствии с этим постановлением АОР "учреждался" (т.е. как бы заново организовывался, уже как самостоятельный архив) и "причислялся" к центральным архивным учреждениям РСФСР с непосредственным подчинением Центрархиву РСФСР, который в 1921 г. заменил Главархив.

Согласно "Положению" об АОР, приложенному к постановлению, в его состав входили архивные материалы: 1 – государственных учреждений и организаций, возникших и ликвидированных во время Октябрьской революции; 2 – учреждений, организаций, партий периода Временного правительства; 3 – контрреволюционных правительств, организаций, партий; 4 – архивы действующих государственных учреждений (по истечении сроков ведомственного хранения). В пункте 5 отмечалось, что в соответствии с декретом от 26 июня 1919 г. о хранении и уничтожении архивных дел немедленно передаются в АОР все дела действующих учреждений за 1917–1918 гг. Таким образом, в состав организаций – источников комплектования АОР вошли как российские, так и союзные государственные учреждения, и он, юридически и фактически, стал хранилищем документов по современной истории не только Российской Федерации, но и СССР.

В сущности, это означало ликвидацию и самого Госархива РСФСР, поскольку он лишался главной своей функции – собирания и хранения документов высших органов государственной власти. Фактически государственным архивом РСФСР и СССР с мая 1923 г. стал Архив Октябрьской революции, и в этом отношении он является прямым преемником Госархива РСФСР. Однако формально последний просуществовал до февраля 1925 г., когда коллегией Центрархива было утверждено новое Положение о ЕГАФ, и он был окончательно расформирован.

Проследим в общих чертах дальнейшую судьбу документальных комплексов, оставлявших Госархив РСФСР, так как, пережив многочисленные перемещения и побывав в составе различных архивов, существенные части этих комплексов в конце концов объединились в составе ЦГИАМ, а затем оказались в Государст-

²⁰ Там же. Д. 1. Л. 5.

²¹ Там же. Ф.Р-5325. Оп. 1. Д. 114. Л. 47.

²² Там же. Ф.Р-130. Оп. 7а. Д. 3а. Л. 231. На проекте имеется машинописная помета: "На утверждение Президиума ВЦИК". Однако в протоколах заседаний Президиума ВЦИК, которые хранятся в ГАРФ и были нами просмотрены, сведений о нем нет.

венном архиве Российской Федерации, формирование и комплектование которого является предметом нашего исследования.

Документы, собранные в первом отделении, получили новое наименование – "Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива"²³ и вместе с дореволюционными документами бывшего Государственного архива Российской империи влились в созданное тогда же Московское отделение Центрального исторического архива РСФСР.

Фонды третьего отделения (Московского историко-революционного архива) были объединены с фондами бывшего МИД России, входившими во второе отделение, и образовали Архив революции и внешней политики России XIX–XX вв., получивший отдельное помещение на Б. Серпуховской, д. 15²⁴. Был поставлен вопрос и о передаче в него фондов Ленинградского историко-революционного архива. Значительную роль в этом сыграло ОГПУ.

В письме от 9 декабря 1925 г., адресованном в Центрархив РСФСР, Г.Г. Ягода требовал всю работу с архивами полиции "подчинить и связать с интересами оперативного свойства со стороны Секретного отдела (СО) ОГПУ". Для этого предлагалось перевезти в Москву весь архив Департамента полиции и создать специальный центр, который должен был возглавить сотрудник ОГПУ²⁵. Предложение поддержал руководитель Центрархива РСФСР М.Н. Покровский²⁶. Однако СНК РСФСР 9 января 1926 г. отказал в разрешении на перевод и ассигновании на это средств. В тот же день Покровский в телеграмме опротестовал отказ. 24 февраля 1926 г. СНК РСФСР разрешил Центрархиву РСФСР по согласованию с ОГПУ перевезти архив Департамента полиции из Ленинграда в Москву²⁷. В течении марта – мая 1926 г. все документы Департамента полиции были привезены и размещены в Архиве революции и внешней политики. Часть дел была оставлена в Ленинграде для работы Истпарта и других организаций²⁸.

В мае – июне 1926 г. на коллегии Центрархива РСФСР решался вопрос о переводе в Москву документов III Отделения с.е.и.в. канцелярии²⁹. Основным аргументом при этом явилась "органическая связь этого фонда с документами Департамента полиции", разрыв которой может помешать научно-исследовательской работе. Учитывалось и то, что часть фонда хранится в Москве с 1919 г. При решении данного вопроса был выделен отдельный пункт: «Просить через Генкина ОГПУ дать указание начальнику Ленинградского ОГПУ т. Мессингу о необходимости содействия в переводе архива III Отделения "с.е.и.в." канцелярии в Москву». В октябре 1926 г. было принято решение о переводе из Ленинграда в Москву документов фонда Особого присутствия правительствующего Сената (ОППС)³⁰. 17 марта 1927 г. коллегия Центрархива РСФСР удовлетворила ходатайство секретного отдела ОГПУ о возникшей при разработке документов Департамента полиции необходимости в перевозке из Ленинграда в Москву фондов Штаба отдельного корпуса жандармов, Уголовного отделения 1-го департамента Министерства юстиции, Главного тюремного управления, части фонда Управления дворцового коменданта Министерства

²³ Дремина Г.А., Крайская З.В., Кононов Ю.Ф. Центральный государственный архив древних актов СССР. М., 1960. С. 67–68; Автократова М.И., Буганов В.И. Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 102.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 831. Л. 29.

²⁵ Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х годов) // ОА. 1992. № 3. С. 14–15.

²⁶ ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп. 1. Д. 169. Л. 6, 7.

²⁷ Там же. Л. 1, 2, 5.

²⁸ Там же. Д. 314. Л. 11, 18 об.

²⁹ Там же. Л. 15, 16 об.

³⁰ Там же. Оп. 9. Д. 1269. Л. 80.

Двора³¹. Таким образом, Архив революции и внешней политики существенно расширил свой состав.

В течение нескольких последующих лет в архив передавались оставшиеся в Ленинграде отдельные дела переведенных фондов. В ноябре 1929 г. П.Е. Щеголев сообщал В.В. Максакову о возвращении ряда дел III Отделения с.е.и.в. канцелярии. Так было обнаружено и передано делопроизводство сенаторов М.И. Трусевича Н.В. Шульгина³²; из Пушкинского Дома Академии наук передали документы графа А.Х. Бенкендорфа³³. От секретного отдела ОГПУ поступали отдельные дела, изъятые в свое время для оперативной работы (материалы Департамента полиции, охранных отделений и жандармских управлений за 1884–1917 гг., переписка Департамента полиции по партии "Поалей-Цион" 1904–1905 гг., регистрационные и фотографические карточки охранных отделений и жандармских управлений, документы Комиссии по обеспечению нового строя³⁴ и ряд других).

В 1934 г. Архив революции и внешней политики был разделен на два самостоятельных архива – Государственный архив внешней политики и Государственный архив революции, который хранил в то время около 750 тыс. дел³⁵.

Еще одна часть документального комплекса, входившая в Госархив РСФСР, – так называемый Новоромановский архив, составлявший часть второго отделения, в 1925 г. был присоединен к АОР. "Новоромановский архив" был создан в 1918 г., чтобы предотвратить утрату документов из бывших царских и великокняжеских архивов³⁶. В него вошли дневники и переписка Николая II и его семьи, документы из Царскосельского, Зимнего, Гатчинского и других дворцов. Эти документы хранились в так называемом "Отделе падения старого режима".

По мнению директора АОР Г. Костомарова, одной из причин передачи группы наиболее ценных фондов дореволюционного периода в этот Архив было его укомплектование, по сравнению с другими центральными архивами, "более крепкими, политически проверенными кадрами"³⁷.

Активное пополнение этого комплекса, в том числе документами политических и общественных деятелей Российской империи, началось после издания декретов ВЦИК и СНК РСФСР от 2 августа и 12 октября 1923 г. В соответствии с ними, передаче архивным органам подлежали "...архивные материалы семьи Романовых (бывшей царской фамилии), а также лиц, занимавших за время последних царствований и в период Временного правительства высшие государственные должности или находившихся в близких отношениях ко двору или к отдельным лицам бывшей царской фамилии..."³⁸.

Опираясь на эти декреты, коллегия Центрархива 27 мая 1926 г. приняла решение о перемещении из Ленинграда в Москву ряда личных архивов³⁹. За 1926–1928 гг. "Отдел падения старого режима" систематически пополнялся документами из Ленинграда. Были переданы материалы Александра III, Николая II,

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 401. Л. 6–10; Д. 462. Л. 8.

³² Там же. Д. 217. Л. 27; Д. 21. Л. 47–50.

³³ Там же. Д. 571. Л. 10, 10 об.

³⁴ Там же. Д. 384. Л. 21, 23; Д. 517. Л. 3, 68.

³⁵ Далаго В. Архив революции за 20 лет // АД. 1938. № 3(47). С. 87.

³⁶ Максаков В.В. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. С. 10, 11.

³⁷ Костомаров Г. Центральный архив Великой Октябрьской социалистической революции // АД. 1938. № 3(47). С. 30, 31.

³⁸ Сборник руководящих материалов по архивному делу (1017 – июнь 1941 г.) М., 1961. С. 24, 25; ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 40. Д. 22. Л. 4, 50.

³⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1269. Л. 220.

императрицы Марии Федоровны, великих князей Владимира Александровича, Андрея Владимировича, Константина Константиновича, великой княгини Ольги Александровны, 32 письма на имя Николая II и его семьи, материалы о зарубежных капиталах, принадлежавших императрице Александре Федоровне; из Свердловска поступили продовольственные карточки, выданные Николаю II Тобольским городским продовольственным комитетом, письмо великой княжны Марии Николаевны к сестре в Тобольск от 27 июня 1918 г.; был также передан косяк двери дома Ипатьева с автографом Николая II⁴⁰. По устным легендам этот кусок дерева с автографом был утрачен при эвакуации архива во время войны.

Если передача документов царской фамилии внутри архивной системы проходила довольно гладко (архивы, как правило, подчинялись решениям своего руководства), то с музеями дело обстояло сложнее, поскольку они не всегда стремились выполнять декреты 1923 г. Решение коллегии Центрархива от 25 октября 1928 г. (п. 1) признало необходимым привлечь к ответственности заведующего Музеем города в Ленинграде Ильина за сокрытие архивов Романовых: материал был передан в Прокуратуру⁴¹.

Скандалный характер носило выявление и передача документов их Рукописного отдела БАН в Ленинграде. Особая Комиссия из Москвы в конце 1929 г., проверяя состав документов отдела, отмечала, что часть из них имеет политическое значение и умышленно скрывается от "общественности". Речь шла об архиве В.Ф. Джунковского (дневники великого князя Константина Константиновича, тексты отречений от престола Николая II и великого князя Михаила Александровича, отдельные документы Департамента полиции)⁴². Нужно ли говорить, насколько подобные обвинения были далеки от истины, но именно они послужили толчком к фабрикация так называемого "академического дела" и к расправе с выдающимися отечественными историками.

В декабре 1929 г. архив В.Ф. Джунковского поступил в Москву и был присоединен к фондам "Отдела падения старого режима" АОР, причем препроводительные документы к передаче были составлены ленинградскими органами ОГПУ⁴³. В 1930 г. из Архива Академии наук поступил фонд А.Ф. Кони, но часть документов историко-литературного характера осталась в хранилищах Пушкинского Дома⁴⁴. Поступили в архив и дневники великого князя Константина Константиновича.

В декабре 1929 г. "Отдел падения старого режима" в АОР был упразднен и все фонды переданы вновь образованному Особому отделу Центрального исторического архива РСФСР⁴⁵. 14 февраля 1930 г. коллегия Центрархива РСФСР утвердила Положение об этой структуре. Особый отдел входил в состав Московского отделения ЦИА РСФСР на правах центрального архивохранилища. Временно его разместили в помещении "Древлехранилища" этого архива. В Особый отдел были включены и документы бывшего Государственного архива Российской империи, хранившиеся в "Древлехранилище". Несмотря на статус самостоятельного центрального архивохранилища заведующим Особым отделом назначался заведующий "Древлехранилищем"⁴⁶. 18 сентября 1931 г. оно было переи-

⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 635. Л. 22, 69; Д. 636. Л. 35; Ф. Р.-5142. Оп. 5. Д. 24. Л. 91, 119, 125, 130, 149; Д. 25. Л. 20, 29, 35.

⁴¹ Там же. Ф.Р.-5325. Оп. 1. Д. 568. Л. 1; Д. 660. Л. 1-3.

⁴² Стенограмма заседания Особой комиссии Наркомата РКИ СССР 24 октября 1929 г. // ИА. 1993. № 1.

⁴³ ГАРФ. Ф.Р.-5325. Оп. 1. Д. 739. Л. 13.

⁴⁴ Там же. Дело Ф. 564.

⁴⁵ Там же. Оп. 9. Д. 1773. Л. 59; Д. 1842. Л. 61.

⁴⁶ Там же. Д. 1842. Л. 111а-113.

меновано в ГАФКЭ. В 1934 г. документы Особого отдела вошли в состав этого архива⁴⁷.

В марте 1941 г. постановлением Совнаркома СССР была утверждена новая сеть государственных архивов СССР. Государственные архивы революции и внешней политики, с 1934 г. существовавшие раздельно, вновь были объединены в один архив, названный Государственным историческим архивом в г. Москве. При утверждении Положения о новом архиве был уточнен его профиль и к нему был присоединен хранившийся в ГАФКЭ (который получил новое название – ЦГАДА) комплекс фондов и коллекций документов членов императорской фамилии, ее окружения, а также Зимнего, Царскосельского и других царских и великокняжеских дворцов, документов государственных и общественных деятелей, архивов политических партий, общественных организаций и союзов за период XIX – начало XX в.⁴⁸

Основная часть этих документов была передана из ЦГАДА в мае–июне 1941 г., перед войной. Акты фиксируют передачу не только дел, но и россыпи документов, причем в значительном количестве. Например, при передаче фонда императора Николая II отмечено наличие 3456 листов и 218 кг россыпи, в фонде великого князя Константина Константиновича – 2983 листов и 20 кг россыпи⁴⁹. Передача документов из ЦГАДА продолжалась и после войны, причем наличие россыпи отмечено почти в каждом акте. В феврале 1947 г. из ЦГАДА был передан фонд "Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу декабристов". В ноябре 1949 г. из ЦГАЛИ поступил фонд "Собрание документов о декабристах", полученный архивом в 1941 г. из Государственного литературного музея⁵⁰.

Наличие большого количества россыпи и дополнительных поступлений отдельных документов сделали необходимым провести формирование, описание, систематизацию дел и составление новых описей к этим фондам, на основе описей был составлен предметно-тематический каталог.

В послевоенное время в архиве начал складываться профессионально подготовленный научный коллектив, состоявший из выпускников МГИАИ, исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Это позволило разработать единую методику и квалифицированно провести такую сложную и трудоемкую работу.

Существенное организационное изменение в составе документов ЦГИАМ произошло, когда в соответствии с постановлением СНК СССР от 3 декабря 1945 г.⁵¹ из него были переданы Архивному управлению МИД СССР все фонды внешнеполитических учреждений (кроме Посольского приказа, оставшегося в ЦГАДА). Внутриполитическая и внешнеполитическая части архива существовали обособленно, поэтому реорганизация никак не повлияла на состав комплекса документов по истории общественного и революционного движения в России XIX – начала XX в. Далее вплоть до 1961 г. серьезных изменений в положении ЦГИАМ не было.

После такого необходимого отступления вернемся к истории АОР. В 1925 г. из него выделился как самостоятельный Архив Красной армии. В 1926 г. на базе иллюстративного отдела АОР был создан Центральный кинофотоархив.

Несмотря на эти потери, наиболее важной задачей, которая стояла перед АОР после реорганизации 1925 г., было планомерное комплектование документами советских учреждений. Ее решению во многом способствовали декрет

⁴⁷ Дремина Г.А., Крайская З.В., Кононов Ю.Ф. Указ. соч. С. 67, 68.

⁴⁸ ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 1. Д. 184. Л. 390–495.

⁴⁹ Там же. Дело Ф. 601, 660.

⁵⁰ Там же. Дело Ф. 48.

⁵¹ Там же. Ф.Р-9401. Оп. 12. Д. 202. Т. 1. Л. 141, 142.

ВЦИК от 22 февраля 1925 г. "О приведении в порядок и сдаче в единый Государственный архивный фонд архивных материалов за 1917–1921 гг."⁵², декрет СНК от 13 марта 1926 г. о сдаче архивов национализированных и муниципализированных промышленных, кредитных и торговых учреждений и предприятий, архивов всех учреждений Временного правительства, дворцов, членов бывшей царской фамилии и других архивов и циркуляр Центрархива от 16 апреля 1926 г. "О сдаче Центрархиву архивных материалов 1917–1921 гг."⁵³ В 1926–1929 гг. резко возросло количество поступлений в АОР из ведомственных архивов.

К концу 20-х годов в АОР уже были сконцентрированы следующие важнейшие фонды: ЦК РКП(б) за 1917–1921 гг., Петроградского, Московского, местных ревкомов, фонды ВЦИК, СНК, Наркоматов внутренних дел, продовольствия, национальностей, здравоохранения, просвещения, Верховного суда, Центрсоюза и других учреждений – трестов, синдикатов, банков, акционерных обществ, редакций и издательств, фонда Временного правительства, Учредительного собрания, за февраль–октябрь 1917 г., фонды правительств Областной Сибирской Думы, Временного Сибирского правительства (Директории), Российского правительства (Колчака); Совета Министров, отдельных министерств, войсковых соединений Всевеликого Войска Донского (Краснова), Правительства вооруженных сил Юга России (Деникина), Временного Правительства Северной области (Чайковского-Миллера) и др. Однако так поступали не все ведомственные архивы. В отчете АОР за 1926 г., в специальном разделе, посвященном работе с текущими архивами учреждений, отмечалось, что "не достаточно нормальные отношения существуют с ВСНХ и НКВД", а "с НКВД надо усилить вопрос о сдаче нам материалов по 20-е годы включительно"⁵⁴.

Между тем, ряд центральных и местных государственных архивов передал в АОР документы. Так, из органов ОГПУ в 20-е годы поступили документы белогвардейских правительств и даже некоторых участников белого движения (например, в конце 20-х годов – документы А.В. Пешехонова и П.И. Пальчинского)⁵⁵. К хранению же в АОР документов самого ОГПУ его руководство не было склонно. Более того, на запрос АОР о разрешении хранить документы ВЧК, обнаруженные среди материалов, эвакуированных с Украины, из спецотдела ОГПУ последовал решительный отказ⁵⁶. Из партийных же архивов (Истпарта и его местных отделений) материалы в 20-е годы передавались в АОР систематически.

Особое место в комплектовании фондов АОР занимали печатные издания. В августе 1922 г. коллегия Главархива решила ходатайствовать о предоставлении АОР одного экземпляра всех выходящих в свет в РСФСР изданий. И хотя решение об обязательном экземпляре для АОР не было принято, книги и периодика все же поступали в таком объеме, что в 1923 г. библиотека АОР стала самостоятельным отделом архива. Многие печатные издания, даже эмигрантские, библиотека АОР получала по книгообмену.

С 1927 г., в соответствии с циркуляром Центрархива, местные архивы начали содействовать АОР в собирании газет за первые 10 лет советской власти. Из разных учреждений поступали и большие массивы литературы. Так, Разведупр

⁵² СУ РСФСР. 1926. № 19. Ст. 142.

⁵³ Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 г.). С. 137.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 172. Л. 244–246.

⁵⁵ Там же. Д. 129. Л. 23, 24, 28, 31–35; Д. 212. Л. 68; Д. 217. Л. 13, 70; Д. 356. Л. 60; Д. 284. Л. 95, 143, 145, 181, 182; Ф.Р.-5142. Оп. 5. Д. 24. Л. 230, 242, 308; Д. 25. Л. 36; Д. 52. Л. 26–28; Д. 67. Л. 21; Д. 78. Л. 5, 146, 18.

⁵⁶ Там же. Ф.Р.-5325. Оп. 1. Д. 531. Л. 1–16; Ф. 5142. Оп. 5. Д. 35. Л. 19–30.

передал архиву два грузовика неразобранных иностранных и эмигрантских газет, Истпарт – 10 пудов книг заграничных изданий⁵⁷.

В 1928 г. в АОР хранился 3001 фонд, содержащий 1 121 554 дел и свыше 51 тыс. кг неразобранных документов⁵⁸.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1929 г. при ЦИК было образовано Центральное архивное управление СССР для "общего направления и объединения деятельности архивных управлений союзных республик"⁵⁹. В его ведение постепенно перешли центральные государственные архивы РСФСР. Но несмотря на то, что АОР по своему статусу практически был общесоюзным, он передан в союзное ведение только в 1938 г. после официального слияния Центрархива СССР с Центрархивом РСФСР и передачи первому руководства архивным делом и всеми государственными архивами РСФСР. Определение "Центральный" в названии архива утверждается только в 1931 г.

В первые годы работы АОР, в нем оказалось значительное количество документов, не относящихся к его профилю. Постепенно их передавали в другие архивы. Передача началась еще в начале 20-х годов. Так, в 1921–1922 гг. на Украину были отправлены фонды партийных организаций и эвакуированных советских учреждений за 1918–1919 гг., правительства гетмана Скоропадского; в Белоруссию были переданы дела Белорусского комиссариата. Но основная передача происходила в конце 20-х – середине 30-х годов.

В 1933 г. из ЦАОР в ЦВИА были переданы собрания общественных организаций периода первой мировой войны (1914–1918): Всероссийского земского союза; Союза городов, Центрального военно-промышленного комитета и др.

В Центральный архив народного хозяйства в Ленинграде были отправлены фонды Общества фабрикантов и заводчиков, Совета съездов промышленности и торговли и т.п.

Но особенно сложная история была с поступлением в АОР и изъятием из него партийной документации. Сначала, в соответствии со своим положением, архив комплектовался документами политических партий, в том числе и РКП(б). Начиная с 1921 г. в архив начали поступать партийные документы – впрочем, довольно непоследовательно. Были приняты материалы X съезда РКП(б); часть общего архива секретариата ЦК РКП(б); материалы одной только немецкой секции ЦК РКП(б) и т.п.

В декабре 1925 г., стремясь сконцентрировать партийные архивы в одном месте, коллегия Центрархива принимает решение изъять из всех архивов советских учреждений материалы, касающиеся деятельности РКП(б), и запретить доступ к ним в читальном зале без разрешения ЦК партии⁶⁰. Особой задачей АОР были выявление и постепенная передача в Институт В.И. Ленина (потом ИМЭЛ) материалов, относящихся к жизни и деятельности Ленина. Постановление о передаче их из всех государственных архивов было принято еще XIII съездом РКП(б) в мае 1924 г., но реализация его продолжалась в АОР около 60 лет, активизируясь накануне ленинских юбилейных дат. Понятно, в какой степени нарушалась при этом цельность фондов, из которых изымались документы, тем более, что копии вместо изъятых из фонда подлинников оставляли далеко не всегда.

К 1929 г. дело изменилось коренным образом. Центральным хранилищем партийных документов становится Институт В.И. Ленина, в который на основании

⁵⁷ Там же. Ф.Р-5142. Оп. 5. Д. 24. Л. 5, 7, 181.

⁵⁸ Там же. Оп. 1. Д. 367. Л. 13.

⁵⁹ СЗ СССР. 1929. № 28. Ст. 253.

⁶⁰ ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп. 1. Д. 171. Л. 23.

решения коллегии Центрархива в феврале–марте 1929 г. из АОР передаются все материалы упраздненного при этом отдела документов по истории ВКП(б)⁶¹. В дальнейшем передавались соответствующие материалы, обнаруживавшиеся при разборке и упорядочении архивов – что естественно. Однако не раз поднимался вопрос о передаче тех или иных дел и даже отдельных документов из фондов, хранящихся в АОР.

Практика изъятия отдельных документов из фондов была, конечно, связана не только с этим. Начиная с середины 20-х годов все большее значение приобретало засекречивание документов, для которого систематически издавались особые инструкции (принципы выделения материалов, режим их хранения и использования). Изъятые из фондов документы передавались внутри АОР на секретное хранение.

Кульминацией этой деятельности явился циркуляр ГАУ НКВД СССР от 31 июля 1939 г., первый пункт которого гласил: "Подлинные приказы, циркуляры, распоряжения, положения, правила, инструкции, представленные в вышестоящие органы, протоколы заседаний, отчеты, доклады и другую служебную переписку, подписанную врагами народа, независимо от того, отменены они или нет последующими приказами и распоряжениями, хранить в секретном порядке". Неосуществимость этого предписания через несколько месяцев стала ясна даже его авторам и последовало дополнение, снимавшее это требование о фактическом изъятии целых массивов документов. Их разрешалось опять хранить "в общем порядке"⁶².

В 1935 г. с появлением нового положения об архиве профиль ЦАОР как центрального хранилища документальных источников высших органов государственной власти и управления советского периода окончательно определился. К этому кругу были отнесены документы ЦИК и СНК СССР, наркоматов СССР, ВЦИК и СНК РСФСР, наркоматов РСФСР, Прокуратуры и Верховного суда СССР и РСФСР, а также другие фонды, имеющие общегосударственное значение. Кроме этого в архиве продолжали храниться фонды Временного правительства и контрреволюционных правительств периода гражданской войны и иностранной интервенции⁶³. Еще с 20-х годов объем ежегодных поступлений документов (около 80 т в год) обострил проблему их размещения. В дальнейшем положение усугубилось тем, что в связи с расчисткой площадки для строительства библиотеки им. В.И. Ленина, АОР в феврале 1931 г. был срочно перемещен в совершенно не приспособленное для хранения документов здание ГУМа на Красной площади. На заседании секретариата ЦИК СССР было принято решение приступить в 1930–1931 гг. к строительству нового здания для архивов Октябрьской революции и Красной Армии.

Однако реализовать это решение было не так легко. Сначала М.Н. Покровскому, а потом В.В. Максакву пришлось обращаться в ЦК ВКП(б). Только за один 1932 г. было принято четыре постановления Президиума ВЦИК об ускорении темпов строительства и отнесении его к числу ударных строек. В том же году работала созданная постановлением Президиума ВЦИК комиссия "по разработке указаний по архитектурному оформлению строящегося здания архивов Октябрьской революции и Красной армии"; членами комиссии были такие архитектурные авторитеты, как А.В. Щусев и Б.М. Иофан⁶⁴. В 1934 г. была введена в строй первая очередь здания.

⁶¹ Там же. Ф.Р-5142. Оп. 5. Д. 82. Л. 1–5, 25, 30–35.

⁶² Там же. Д. 189. Л. 3, 6.

⁶³ Там же. Оп. 1. Д. 220.

⁶⁴ Там же. Ф.Р-5325. Оп. 1. Д. 764. Л. 5; Д. 766. Л. 11; Д. 933. Л. 1–20, 42, 43, 55, 57.

В 1938 г. произошла новая реорганизация управления архивным делом: сеть государственных архивов передавалась НКВД СССР. ЦАУ СССР преобразовано в Главное архивное управление (ГАУ) НКВД СССР.

В соответствии с этим ЦАОР, как и другие центральные архивы РСФСР, перешел в ведение ГАУ НКВД СССР и был переименован в Центральный государственный архив Октябрьской революции. Архивное дело в СССР было достаточно "политизировано" и до перехода архивов в систему НКВД. Это было лишь логическим завершением давно идущего процесса. Архивное руководство уже с середины 20-х годов неуклонно занималось "усилением политической бдительности", "борьбой с врагами народа", систематически перетряхивая кадры архивистов, пополняя их по единственному критерию – членству в партии. В решении же вопросов комплектования фондов и порядка доступа к документам архивная администрация всегда тесно сотрудничала с органами ОГПУ–НКВД. Иногда это сотрудничество обретало прямую организационную форму: в Положении 1935 г. о секретной части ЦАОР определено, что заведующий секретной частью "подчиняется непосредственно директору ЦАОР и спец. отделу НКВД СССР"⁶⁵. С 1938 г. архивы стали уже формально частью системы политического сыска в стране. Главное архивное управление заняло в ней свое место в одном ряду с Главным управлением лагерей, а архивы на четверть века оказались упрятыми в свой "архивный ГУЛАГ".

Пожалуй, кое в чем переход в НКВД принес пользу архивам – была прекращена (или, если точнее сказать, резко сокращена) пресловутая "макулатурная кампания", которая нанесла непоправимый вред комплектованию архивов, в том числе и ЦГАОР. Вместе с тем переход во всесильную систему НКВД, обладавшую приоритетом на денежные средства и материальные ресурсы, помог архивной службе в решении практических вопросов обеспечения своей деятельности, в частности, в строительстве новых помещений. Легче стало и контролировать работу ведомственных архивов, когда методические документы утверждались приказами НКВД.

Произошедшие изменения в системе архивных органов и архивных учреждений были закреплены Положением о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР, утвержденным в 1941 г. ЦГАОР был переименован в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, что закрепляло за ним функции государственного архива. К началу 40-х годов в ЦГАОР была в основном завершена концентрация документов ведущих наркоматов и ведомств за 1917–1925 гг. Основную их массу составляли документы российских учреждений, так как большая часть союзных еще находилась на ведомственном хранении.

Совместное хранение всех основных документальных источников по истории государств после 1917 г. позволяло сосредоточить в ЦГАОР квалифицированных специалистов, избежать распыления опытных кадров и получить экономию материальных средств. К тому же, в построении государственного аппарата СССР широко использовался опыт государственного строительства Российской Федерации, и в 1923–1924 гг. однородные союзные и российские учреждения часто имели общее делопроизводство, поэтому исторически сложившиеся комплексы документов наиболее эффективно можно было использовать именно в объединенном виде, тем более, что большую часть их продолжали составлять фонды республиканского происхождения.

Но, с другой стороны, с 1938 г. РСФСР оставалась единственной союзной республикой, не имевшей своего центрального республиканского архива. Фонды по истории России сосредоточивались в союзных архивах.

⁶⁵ Там же. Д. 1068. Л. 1–5.

С утверждением Положения о ГАФ СССР понятие "Государственный архивный фонд РСФСР" в нормативной документации перестало существовать. Попытка создания Центрального государственного архива РСФСР была предпринята в 1943 г., когда началось возвращение эвакуированных архивных фондов. План создания такого архива был одобрен Научным советом Управления государственных архивов НКВД СССР, но не реализован.

Война внесла значительные изменения в работу архива. Основной задачей стала эвакуация части документов архива, организация их размещения и охраны. Документы архива хранились в Молотове (Перми) (600 тыс. дел), Чкалове (720 тыс. дел), Барнауле (132 тыс. дел). Часть дел, размещенных первоначально в Молотове, была эвакуирована в Саратов, где находилась до 1942 г. В числе эвакуированных материалов было около 60 тыс. экземпляров печатных изданий, из них 1274 экземпляра белогвардейских. В эвакуации архив продолжал функционировать, несмотря на тяжесть в условиях временного размещения документов. К 1 декабря 1944 г. в Москву были возвращены все эвакуированные фонды (44 вагона, 3172 фонда, 1 540 939 ед.хр.)⁶⁶.

С 1942 г. архив стал заниматься сбором документов Великой Отечественной войны. Для этого был создан специальный отдел⁶⁷. Этим отделом были собраны десятки тысяч документов о зверствах, разрушениях и разграблении имущества немецкими оккупантами, о борьбе фашистских войск с партизанами. Кроме того, здесь хранилось значительное количество печатных источников, главным образом о разрушениях и насилиях фашистов в захваченных районах, фотографий, фашистских листовок, писем и др.

Документы поступали в архив как из ГАУ НКВД СССР, так и непосредственно из областных архивов территорий, оккупированных немецко-фашистскими войсками и пострадавших в ходе военных действий. Документы, собранные и другими архивными учреждениями, послужили важнейшим источником для деятельности созданной в 1942 г. Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Они дали большой фактический материал, который был использован на Нюрнбергском процессе.

Документы ЧГК, Нюрнбергского и Токийского процессов над главными военными преступниками также вскоре поступили на хранение в ЦГАОР.

Несмотря на все трудности, ЦГАОР за годы войны принял на государственное хранение около 350 тыс. дел, в том числе Межведомственной комиссии при Президиуме ВЦИК, Секретариата Президиума ВЦИК, Верховного Совета РСФСР, СНК СССР, ликвидированных учреждений Республики Немцев Поволжья (85 тыс. дел), секретариата Н.К. Крупской⁶⁸.

Война нанесла огромный ущерб архивным фондам, находившимся на ведомственном хранении. Значительное количество документов за довоенные и военные годы было уничтожено, погибло во время эвакуации министерств и ведомств из Москвы. Это прослеживается по большинству фондов, принятых в архив в более поздние годы.

В 1946 г. в Москву были доставлены фонды Русского заграничного исторического архива (РЗИА), основанного в Праге русскими эмигрантами в 1923 г. и переданного правительством Чехословакии в дар АН СССР. В действительности материалы РЗИА сразу были привезены в ЦГАОР, где использование их было

⁶⁶ Там же. Ф.Р-5142. Оп. 1. Д. 367. Л. 46.

⁶⁷ Там же. Оп. 5. Д. 205. Л. 1-24; Д. 207. Л. 7, 7 об.

⁶⁸ Там же. Оп. 1. Д. 254. Л. 4-5; Д. 256. Л. 7, 9; Д. 293. Л. 5.

легче контролировать. Значительная часть этих материалов была собрана эмигрантскими организациями, действовавшими в период гражданской войны на территории России, а затем в зарубежных странах.

В постановлении Президиума АН СССР по этому поводу специально оговаривалось, что "РЗИА должен быть сохранен в том виде, в каком он образовался в Праге, не допуская передачи архивных фондов или отдельных коллекций в другие госархивы или другие научные учреждения". Однако и это оказалось пустым звуком. Как только фонды РЗИА поступили в ЦГАОР, сразу начался процесс их дробления и передачи в другие архивы. В первую очередь были выявлены и переданы в ЦПА ИМЛ все документы, связанные с деятельностью Сталина⁶⁹. В 1946–1965 гг. по решению ГАУ из РЗИА передавали большие документальные комплексы в ЦГАСА, ЦГАЛИ, ЦГВИА, Архив МИД, на Украину и в Белоруссию; в г. Новочеркасск, в Донской казачий музей были переданы 1040 экспонатов музея по истории войска Донского, полученных в составе документов РЗИА. В результате документы РЗИА были распылены более чем по 20 архивам, в ГАРФ осталось только 98 тыс. дел из поступивших 350 тыс. дел и 250 кг россыпи.

После войны возобновилось и расширилось комплектование архива документами ведомств союзного и республиканского значения, круг которых был определен в 1946 г. Принятый тогда первый пятилетний план комплектования архива на 1946–1950 гг. предусматривал прием около 3 млн дел от 75 учреждений и организаций, что превышало объем уже хранившихся в архиве дел (немногим более 2 млн)⁷⁰. Фактически было принято гораздо меньше документов – главным образом, из-за неготовности в ведомственных архивах к их сдаче. Количество поступлений колебалось в зависимости от этого в разные годы: так, в 1947 г. было принято всего 26 тыс. дел СНК СССР, в 1951 г. – 100 тыс. дел. В 1955 г., т.е. в конце уже следующей пятилетки, поступило 439 083 дела, но это была лишь половина запланированного количества. В основном же в 50-е годы поступало от 5 тыс. до 10 тыс. дел в год. Случалась даже передача россыпи. Так, в 1952 г. ЦГИАЛ передал в ЦГАОР 760 кг россыпи документов Временного правительства.

В то же время ЦГАОР передавал в другие хранилища "непрофильные" материалы: в Саратовский областной архив – документы учреждений Республики Немцев Поволжья, в Архив МИД – фонды германского посольства и консульства в Москве, в Центральный партийный архив – фонды Коммунистического университета трудящихся Востока, Коммунистического университета национальных меньшинств Запада и т.п.

В 1957 г. на архив обрушился "поток" материалов. В соответствии с Законом "О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством СССР" от 10 мая 1957 г. произошла реорганизация органов управления экономикой страны и были ликвидированы 24 союзных министерства и ведомства (машиностроения, продовольственных товаров, лесной и электрической промышленности и др.). Их документы (в значительной части неупорядоченные) – около 3 млн дел – поступили на хранение в ЦГАОР⁷¹.

К началу 1958 г. в архиве хранилось 5498 фондов, насчитывавших 5 851 958 ед.хр. за 1917–1956 гг. Таким образом, за 10 лет объем материалов архива вырос более чем в 2,5 раза. Столь же интенсивной была работа архива во всех направлениях, особенно в отношении обработки фондов, объем которой (диктовавшийся, в частности, большим количеством россыпи), с позиций се-

⁶⁹ Так, Т.И. Хорхордина пишет: "То, что было передано в ЦПА ИМЛ, а что пропало навсегда, установить нельзя" (*Хорхордина Т.И. Указ. соч. С. 290*).

⁷⁰ ГАРФ. Ф.Р-5142. Оп. 5. Д. 218.

⁷¹ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 3. Д. 489. Л. 20; Ф.Р-5142. Оп. 5. Д. 492. Л. 19, 20.

годняшнего дня, просто поражает: в 1949 г. – 150 тыс., 1951 – около 100 тыс., 1952 – 111 тыс.

В 1960 г. ликвидируется МВД СССР, а его функции передаются республиканским министерствам. Главное архивное управление было преобразовано в ГАУ при Совете Министров СССР. В этом же году ЦГАОР принимает около 55 тыс. дел из НКВД–МВД СССР и РСФСР и подведомственных им организаций (по 1960 г. включительно). Документы этого ведомства поступили на государственное хранение впервые.

В 60-е годы развиваются и укрепляются связи с архивными учреждениями зарубежных стран. Архив начал пополняться копиями документов, выявленных отечественными архивистами и историками во время зарубежных командировок. Создана коллекция микрофотокопий документов по истории России и СССР, хранящихся в зарубежных архивах. В коллекцию вошли поступления из 26 стран в объеме 1,3 млн кадров. Пополнение этой коллекции продолжается и в настоящее время.

В 1994 г. архив принял микрофотокопии документов по истории России из Губеровского института войны, революции и мира в объеме 776 картонов.

Переход архивной системы в непосредственное подчинение Совета Министров СССР повлек за собой разработку нового положения о Государственном архивном фонде и очередное изменение системы центральных государственных архивов.

При обсуждении в 1961 г. новой сети центральных государственных архивов СССР рассматривалось несколько вариантов реорганизации ЦГАОР. По одному из них предполагалось сузить его рамки до архива, хранящего документы по истории революции и высших органов государственной власти и государственного управления, органов государственной безопасности, контроля, юстиции, суда, прокуратуры, фонды промышленности передать в новый Центральный государственный архив народного хозяйства, а фонды учреждений социально-культурной сферы – в ЦГАЛИ, преобразовав его в Центральный государственный архив культуры и быта СССР⁷².

По другому варианту, к ЦГАНХ предлагалось присоединить и фонды учреждений социально-культурной сферы, назвав его Центральным государственным архивом народного хозяйства, культуры и быта⁷³. Во всех вариантах предлагалось упразднить ЦГИАМ с передачей одной части его фондов, содержащих сведения о революционном движении, в ЦГАОР, а другой – в ЦГИАЛ. Существовал вариант разделения фондов ЦГИАМ между Историческим архивом в Ленинграде и ЦГАДА, именно этот вариант был изложен в заключении отдела комплектования ГАУ при СМ СССР и в предложениях, направленных в Правительство.

Руководство ЦГАОР возражало против разделения фондов архива, нарушавшего, по его мнению, взаимосвязь целостного комплекса документов органов государственной власти и управления, органов планирования и органов управления экономикой, осуществлявших выполнение государственных планов⁷⁴. Отмечалась "искусственность" данного решения, принимавшегося без серьезного научно-методического изучения обоснования раздела фондов ЦГАОР.

Единственным документом, на основании которого было принято столь ответственное решение, разделившее реально существовавший Государственный архив страны на две части, стала краткая справка (на 7 страницах) "О целесообразности некоторых изменений в сети центральных государственных

⁷² Там же. Ф.Р-5325. Оп. 3. Д. 489. Л. 19–25.

⁷³ Там же. Л. 106.

⁷⁴ Там же. Л. 33–35.

архивов СССР и уточнении их профилей", датированная 9 апреля 1960 г. и подписанная начальником организационно-методического отдела ГАУ при СМ СССР С.Т. Плешаковым⁷⁵. Отметим при этом, что справка была подготовлена в ГАУ в апреле 1960 г., предложения в Правительство направлены в декабре 1960 г., а возражения ЦГАОР на эту справку датированы январем 1961 г.; последняя дата стоит под заключением отдела комплектования ГАУ, подтверждающем это решение. Библиотеки ЦГАОР и ЦГИАМ были оставлены в ЦГАОР. Приходится констатировать, что комплекс фондов высших органов государственной власти и управления был разорван, так как такие ведомства, как Госплан, ЦСУ, Минфин и другие несомненно носили межотраслевой характер и по своему содержанию были тесно связаны с фондами ВЦИК, ЦИК СССР, Верховного Совета, СНК – Совета Министров СССР.

Постановлением Совета Министров СССР от 28 июля 1961 г. № 669 были образованы Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) и Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР). Приказом Главархива СССР от 14 декабря 1961 г. № 205 было объявлено об упразднении Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР и Центрального государственного исторического архива СССР в г. Москве⁷⁶.

Из ЦГАОР в ЦГАНХ СССР были переданы фонды ВСНХ, ГОЭЛРО, Госплана, Наркомторга, Колхозцентра, министерств финансов, связи, морского флота СССР и других союзных ведомств экономического профиля. Социально-культурный комплекс документов остался на хранении в ЦГАОР. Министерство культуры СССР было сохранено в списках источников комплектования ЦГАОР СССР с пометкой о передаче творческих материалов в ЦГАЛИ, вскоре было принято решение об отнесении министерства к источникам комплектования ЦГАЛИ.

Ликвидированный ЦГИАМ в полном составе был присоединен к ЦГАОР СССР, и таким образом архив получил значительную часть материалов, составивших в 1920-е годы Госархив РСФСР.

В ЦГАОР были определены в качестве непрофильных свыше 500 фондов. Наибольшее количество документов предполагалось передать в ЦГА РСФСР, созданный в 1957 г. Ряд малообъемных фондов белогвардейских учреждений и местных советских учреждений, действовавших в годы гражданской войны, был отнесен к профилю республиканских (АССР), краевых, областных архивов, архивных учреждений других союзных республик. Часть фондов планировалось передать в другие центральные государственные архивы. Например, фонды дальневосточных правительств и их учреждений времен гражданской войны были отнесены к профилю ЦГА РСФСР Дальнего Востока. Ряд фондов научно-исследовательских институтов и личных фондов был отнесен к профилю ЦГАЛИ.

В последующие годы работа по передаче непрофильных фондов была проведена, к счастью, в меньших, чем планировалось, объемах. Принять фонды ликвидированных в соответствии с Законом СССР от 10 мая 1957 г. российских министерств ЦГАОР уже был не в состоянии.

В этих условиях Совет Министров РСФСР 3 августа 1957 г. принял постановление "О мероприятиях по обеспечению сохранности и использованию материалов министерств и ведомств РСФСР", которым был организован Центральный государственный архив РСФСР. Создание ЦГА РСФСР в 1957 г. было

⁷⁵ Там же. Л. 19–25.

⁷⁶ Там же. Л. 71.

связано прежде всего с потребностью практически решить проблему сохранности и использования документов упраздненных промышленных министерств и ведомств РСФСР. Первым начальником ЦГА РСФСР был назначен майор А.Н. Гаврилов.

В 1957 г. ЦГА РСФСР принял от десяти ликвидированных республиканских министерств и их учреждений 371 тыс. дел, 208 тыс. которых считались делами временного срока хранения.

По временному положению о ЦГА РСФСР 1957 г. архив должен был собирать и хранить документы, образовавшиеся на территории Российской Федерации с 1923 г. в процессе деятельности высших органов государственной власти и государственного управления, органов суда и прокуратуры, государственных, общественных и кооперативных учреждений, организаций и предприятий республиканского значения, научных, учебных, культурных и технических учреждений, организаций и предприятий республиканского значения, а также государственных и общественных деятелей республики, деятелей науки и техники⁷⁷. Вопрос о включении в состав ЦГА РСФСР документов, образовавшихся до 1923 г., должен был решаться в каждом отдельном случае ГАУ МВД СССР⁷⁸.

Таким образом, ЦГА РСФСР, в отличие от аналогичных архивов других республик СССР, создавался только как архив советского периода с момента образования союзного государства.

Документы ЦГА РСФСР в тот момент размещались в 14 хранилищах (в большинстве случаев полуподвальных) архивов бывших министерств и ведомств в разных районах Москвы. Основная часть документов находилась в неупорядоченном состоянии, и до 50–60% их вообще не подлежали государственному хранению⁷⁹.

В 1957–1958 гг. ЦГА РСФСР занимался упорядочением принятых документов и созданием условий для обеспечения их сохранности и использования. Только в 1959 г. архив смог приступить к комплектованию документами, находившимися на ведомственном хранении, с тем, чтобы создать полноценную источниковую базу для изучения истории Российской Федерации.

В конце 50-х – первой половине 60-х годов в кругах архивистов и историков, на страницах периодической печати, на совещаниях и семинарах велась оживленная дискуссия о профиле ЦГА РСФСР, составе фондов, которыми он должен комплектоваться, их хронологических границах. В 1965 г. была создана междуведомственная комиссия, которая попыталась выработать конкретные принципы деления фондов между ЦГА РСФСР и ЦГАОР, ЦГАНХ, ЦГАЛИ СССР. Универсальных критериев выработать так и не удалось. Решения принимались по отдельным фондам и комплексам документов. Каждая из сторон "тянула одеяло на себя". В результате, часть фондов российских учреждений было предложено передать в ЦГА РСФСР из союзных архивов с 1917 г., часть – с 1923, 1924 или более поздних годов⁸⁰.

Несмотря на попытки комиссии аргументировать отнесение тех или иных фондов, либо частей фондов к союзному или республиканскому (РСФСР) уровню, ее решения были явно непоследовательными. Например, фонды наркоматов земледелия, труда, юстиции, просвещения, здравоохранения РСФСР было решено передать в российский архив с момента их образования (1917–1918), а СНК РСФСР – с 1924 г., Госплан РСФСР – с 1925 г., Минфин РСФСР – с 1927 г.

⁷⁷ Там же. Ф.А-309. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6.

⁷⁸ Там же. Л. 6.

⁷⁹ Там же. Д. 132. Л. 41.

⁸⁰ Там же. Д. 148.

Фонды ВЦИК, НКВД РСФСР – оставить в ЦГАОР за весь период их существования. В союзных архивах сохранялись документы ВСНХ РСФСР, Верховного суда РСФСР – за 1922–1944 гг., Госарбитража РСФСР – за 1931–1941 гг.

Этими решениями изначально закладывалась определенная неполнота комплексов документов по истории Российской Федерации, подлежащего концентрации в ЦГА РСФСР.

Основной объем документов в ЦГА РСФСР поступил именно из ЦГАОР. В 1965–1971 гг. архиву было передано более 230 тыс. дел российских министерств, ведомств, организаций и учреждений. Разделение ЦГАОР совпало с переломным моментом в методике и практике комплектования. Теперь для комплектования прежде всего выделялись группы учреждений, от которых документы принимались в госархивы, работа с этими источниками комплектования поручалась госархивам, обязанностью экспертно-поверочной комиссии (ЭПК) становилось утверждение описей дел постоянного хранения, а не отборочных списков на их уничтожение, как ранее. Для подготовки передачи документов на госхранение создавались хозрасчетные отделы, работавшие в них специалисты проводили экспертизу и упорядочение документов в соответствии с требованиями госархивов, принимавших документы на хранение. В результате в отношениях с ведомствами более целенаправленно, чем прежде, внедрялась идея преемственности между государственным и ведомственным архивами. Влияние государственного архива начинает распространяться на организацию документов в делопроизводстве. Учреждения, сдающие документы в ЦГАОР, обязаны были согласовывать с архивами номенклатуры дел, которые рассматривались на ЭПК и имели официальный гриф согласования. Этим почти полностью был исключен случайный прием фондов.

В 1966–1970 гг. в ЦГАОР было принято свыше 356 тыс. дел. Среди них были такие важнейшие фонды, как Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР (до 1950 г), Прокуратура СССР. Впервые на госхранение поступил основной комплекс документов союзных учреждений печати, цензуры, радио и телевидения, по связи с религиозными культами, юстиции; также Верховного суда СССР и ряда общественных организаций.

С середины 60-х годов серьезной проблемой формирования ЦГАОР СССР стало прекращение передачи на государственное хранение документов Совета Министров СССР. Не нужно объяснять, какой ущерб цельности всего комплекса документов высших органов государственной власти наносило изъятие из научного оборота документов фонда такого уровня. Официальных объяснений по поводу этого архив не получал, хотя было общеизвестно, что за пределами Москвы правительство построило оборудованное архивохранилище и материалы вывозит туда. Двусмысленное положение архива в подобных ситуациях было обычным явлением: до 1991 г. Совет Министров СССР открывал список источников комплектования ЦГАОР, хотя более 25 лет не передавал документы на государственное хранение. Не откликалось правительство и на предложения о продлении срока ведомственного хранения. Длительное время лишь числился в списке источников комплектования Комитет государственной безопасности СССР. И только в приложении к Положению о Государственном архивном фонде СССР, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 4 апреля 1980 г., среди ведомств, имеющих право постоянного хранения документов, он был назван. В том же году Комиссия Комитета изъятия из фондов ЦГАОР СССР документы, отражающие его деятельность, что систематически продолжалось и дальше.

Важное значение для формирования государственного архивного фонда имело поступление документов Госкомтруда СССР за 1955–1960 гг., Юридической комиссии при СМ СССР за 1956–1970 гг., Государственного комитета по культур-

ным связям с зарубежными странами за 1956–1968 гг., Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО за 1956–1966 гг., других фондов.

В начале 70-х годов в Научную библиотеку центральных государственных архивов при Главном архивном управлении была передана ценнейшая библиотека ЦГАОР, активно комплектовавшаяся в 20-е и 30-е годы, и содержавшая в числе других изданий много белогвардейской и белоэмигрантской литературы.

Таким образом, через 10 лет была осуществлена идея руководства Главного архивного управления об объединении библиотек архивов, расположенных на Б. Пироговской, 17. К сожалению, при объединении библиотек ЦГАОР и ЦГАСА (ЦГАДА удалось доказать уникальность своей библиотеки) им был нанесен непоправимый урон, многие издания были утрачены. В настоящее время, когда идет интенсивная работа с документами белогвардейских и эмигрантских фондов такая утрата ощущалась особенно остро.

В 1974 г. в архив создается отдел, затем архивохранилище личных фондов. Всего за 1960–1975 гг. в архив было принято более 50 личных фондов, в основном деятелей профдвижения, участников революционных событий октября 1917 г. Архивохранилище личных фондов вело списки и картотеки источников комплектования личного происхождения, занималось приемом документов, экспертизой их ценности и научным описанием. В настоящее время в ГАРФ насчитывается свыше 700 личных фондов.

В 1976–1980 гг. в ЦГАОР поступили фонды Министерства высшего и среднего специального образования СССР за 1959–1965 гг., Госпрофобра СССР за 1959–1965 гг., Комитета по печати при СМ СССР за 1963–1966 гг., Комитета по международным Ленинским премиям "За укрепление мира между народами" за 1949–1966 гг., Агентства печати "Новости" за 1960–1967 гг., Ассоциации содействия ООН в СССР за 1955–1966 гг., Советского фонда мира за 1961–1965 гг.

В 60–80-е годы успешно решалась задача отбора и подготовки к передаче на госхранение документов из ведомственных архивов. При этом темпы описания документов, находящихся на ведомственном хранении, значительно опережали темпы их приема. Все это позволило наладить более надежный учет документов Государственного архивного фонда и его полноценное пополнение. В этот период почти все учреждения профиля ЦГАОР СССР систематически передавали в архив свои документы. Лучше других работал в том направлении Центральный архив ВЦСПС.

В то же время перестали поступать документы МВД СССР, были переданы лишь документы на момент его ликвидации в 1960 г., после возобновления в 1968 г. деятельности МВД СССР передача документов не проводилась, так как сроки ведомственного хранения не истекли, а к моменту наступления этих сроков в 1984 г. ведомству было предоставлено право постоянного срока хранения документов.

Среди новых поступлений архива можно отметить фонд Организационного комитета "Олимпиада-80", принятый в 1983 г.

В 1989–1991 гг. происходили многочисленные реорганизации сети министерств и ведомств СССР – источников комплектования ЦГАОР, а в конце 1991 г. все они были ликвидированы. В этих условиях наиболее важной задачей стал прием в госархив документов ликвидированных учреждений. Только за один 1992 г. в архив поступило около 64 тыс. дел из ХОЗУ СМ СССР, Минздрава СССР, Минюста СССР, Минвуза СССР, Госарбитража СССР, Комитета народного контроля СССР, Главлита СССР, других учреждений.

Если сравнить эту цифру с "обвальным" приемом 3 млн дел в 1957 г., то станут очевидными положительные результаты произошедшей в 60-е годы рефор-

мы комплектования: ведомственные архивы в большинстве своем уже не накапливали большие "завалы" документов с истекшими сроками хранения.

Накануне образования ГАРФ, в середине 1992 г. бывший ЦГАОР СССР хранил около 3 млн 400 тыс. дел.

Строительство специального здания ЦГА РСФСР было завершено в 1964 г. Это позволило значительно ускорить комплектование архива документами министерств, ведомств РСФСР и других центральных государственных архивов. В связи с вводом нового здания в эксплуатацию был составлен новый план комплектования на 1963–1970 гг., и к началу 1965 г. ЦГА РСФСР уже имел около 400 тыс. дел.

В 1965–1971 гг. произошли значительные поступления в ЦГА РСФСР из союзных архивов: ЦГАОР СССР передал дела Верховного Совета РСФСР за 1938–1947 гг., СНК РСФСР за 1923–1940 гг., Экономического совета и комиссий СНК РСФСР, НК РКИ РСФСР за 1923–1934 гг., Центризбиркома при ВЦИК за 1925–1938 гг.; республиканских наркоматов: труда за 1917–1922 гг., здравоохранения, просвещения (оба – с 1917 г.), социального обеспечения за 1917–1922 гг., юстиции за 1917–1936 гг., а также ряда наркоматов – министерств по производству продовольственных товаров за период с конца 30-х годов по 1957 г.

Из ЦГАНХ СССР поступили дела комитетов и комиссий СНК РСФСР, ЦСУ РСФСР за 1917–1946 гг., наркоматов: финансов за 1928–1940 гг., торговли за 1924–1929 гг., земледелия за 1922–1931, 1937–1938 гг., легкой промышленности за 1932–1934 гг., леса, бумажной и деревообрабатывающей промышленности, Сельхозбанка РСФСР за 1926–1929 гг., а также ряда советов, союзов промышленной кооперации, государственных акционерных обществ.

Кроме того, поступали фонды и из других государственных архивов, музеев и библиотек. Так, из ЦГАЛИ СССР был передан фонд Центрального дома народного творчества им. Н.К. Крупской в количестве 1125 дел. Были и единичные передачи из ЦГАДА (Европейская историческая комиссия при Наркомпросе РСФСР), из ЦГВИА и ЦГАСА (отдельные документы Наркомздрава РСФСР), из Госархива Московской области (часть фонда Наркомата юстиции РСФСР), из ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (документы Комитета просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР, отдельные документы Наркома труда, НК РКИ) из ГБЛ (документы Главнауки и Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР), из Центрального музея революции (отдельные документы Главполитпросвета и Наркомпроса РСФСР). Кроме того, из Центрального государственного особого архива СССР в 1967 г. поступили документы Госплана РСФСР за 1962–1963 гг., Совета Народного Хозяйства РСФСР за 1960–1965 гг. и совнархозов административно-хозяйственных районов РСФСР.

ЦГА РСФСР в течение 1965–1970 гг. принял из ведомственных архивов документы Совета Министров РСФСР, Верховного Совета РСФСР, Госплана, ЦСУ, министерств: финансов, здравоохранения, автомобильного транспорта, сельского хозяйства, совхозов, торговли, просвещения, коммунального хозяйства; Верховного суда, Прокуратуры РСФСР и многие другие фонды.

К концу 1975 г. объем хранящихся в архиве документов увеличился и составил свыше 1 млн дел.

С начала 80-х годов темпы комплектования архива резко снижаются. Это было связано с тем, что резервы свободных площадей архивохранилищ подошли к концу, а решение о строительстве нового здания оставалось нереализованным. В этих условиях ЦГА РСФСР основное внимание сосредоточил на приеме наиболее ценных в научном и историческом отношении фондов, а также документов, над которыми нависла угроза их сохранности. Возрастало количество документов, хранящихся в ведомственных архивах сверх установленного срока. К на-

чалу 1992 г. эта цифра превышала 280 тыс. постоянного хранения. Требовалось принять и документы упраздненных министерств, ведомств РСФСР.

Но и этого в необходимых объемах ЦГА РСФСР сделать не мог. А с середины 80-х годов по 1992 г. были ликвидированы крупнейшие ведомства, составляющие агропромышленный комплекс РСФСР, ряд промышленных и строительных министерств. Сохранность документов этих учреждений вызывала и вызывает до сих пор большое беспокойство. Несмотря на это, к началу 90-х годов ЦГА РСФСР удалось сконцентрировать и ввести в научный оборот значительный комплекс документов по истории Российской Федерации начиная с 1917 г. Объем хранящихся в архиве документов составил около 1,4 млн дел.

Распад Союза ССР в декабре 1991 г. и переход союзных центральных государственных архивов в ведение Российской Федерации в очередной раз поставили задачу реорганизации их сети. Необходимо было определить, в какой государственный архив будет поступать документация центральных органов законодательной и исполнительной власти России – наиболее важная государственная документация, отражающая общественную, политическую и экономическую жизнь страны.

Правительство Российской Федерации распоряжением от 28 апреля 1992 г. № 809-р на базе Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) и Центрального государственного архива РСФСР (ЦГА РСФСР) образовало Государственный архив Российской Федерации.

При определении профиля ГАРФ исходили, прежде всего, из необходимости концентрации в нем фондов наиболее важных государственных учреждений Российской Федерации, начиная с 1917 г. Одновременно учитывалась теснейшая взаимосвязь богатейших архивных комплексов бывших ЦГАОР СССР и ЦГА РСФСР, которые надлежало не только сохранить в неприкосновенности, но и пополнить документами, еще находящимися на ведомственном хранении. Значительная часть фондов ЦГАОР СССР и ЦГА РСФСР были родственны по составу и содержанию.

На момент образования в ГАРФ было сосредоточено около 5 млн дел.

Принципиально важным было определить источники комплектования нового архива. И здесь в сущности вернулись к принципу, который был установлен в 1920 г. при образовании Госархива РСФСР. Было признано необходимым сосредоточить в одном государственном хранилище документы высших органов государственной власти и органов государственного управления нового государства – Российской Федерации. Проект списка организаций – источников комплектования, разработанный ГАРФ, отразил эту генеральную линию. Однако при его утверждении на ЦЭПК Росархива Министерство культуры, Комитет по кинематографии РФ и подчиненные им республиканские учреждения было решено отнести к профилю РГАЛИ. Таким образом, все министерства и ведомства Российской Федерации вошли в число организаций – источников комплектования ГАРФ.

Это послужило основой для целенаправленного пополнения фондов ГАРФ. Систематическая работа по уточнению и дополнению списка организаций – источников комплектования позволяет уделить основное внимание приему наиболее значимых комплексов документов по истории нашего государства, а также документов ликвидированных союзных и республиканских учреждений.

О масштабах комплектования ГАРФ можно судить по тому, что за 1993–1995 гг. на государственное хранение поступило около 193 тыс. дел.

Существенное значение в работе с организациями – источниками комплектования имело принятие в 1993 г. основ законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах, а также утверждение

Указом Президента Российской Федерации Положения об Архивном фонде Российской Федерации.

Характерной чертой политики архива в области комплектования является стремление сосредоточить в едином государственном хранилище фонды упраздненных министерств и ведомств вплоть до их ликвидации, т.е., в ряде случаев, по 1993 г. включительно. Уже полностью приняты документы таких организаций, как Комитеты народного контроля СССР и РСФСР, Советы по делам религий при СМ СССР и при СМ РСФСР, Главархив СССР, Главлит СССР, Министерство труда СССР, Министерство здравоохранения СССР, Госкоминтурист СССР, Главинтурист РСФСР, Министерство просвещения, Министерство высшего и среднего специального образования СССР, Госкомитет по народному образованию СССР, Министерство юстиции СССР, Верховный суд СССР, Высший арбитражный суд СССР. По 1989 г. приняты документы Верховного Совета СССР, по 1990 – Верховного Совета РСФСР. В архив поступали документы СМ СССР, СМ РСФСР, ряда других министерств и ведомств.

По своей сложности проблема комплектования архива на современном этапе в чем-то схожа с ситуацией 20-х годов. Провести определенную аналогию позволяют и носящие массовый характер реорганизации и ликвидации учреждений, участвовавшие случаи порчи или даже гибели архивов в результате небрежного к ним отношения и сложности со свободными площадями архивохранилищ в ГАРФ. Как и в прежние годы, преданность архивистов своему делу помогает спасать архивы.

В ходе событий сентября–октября 1993 г. серьезно пострадал Дом Советов РФ, в котором располагался Верховный Совет РФ. В результате обстрела часть помещений выгорела, часть была залита водой при тушении пожара, часть – разгромлена. Под угрозу была поставлена судьба комплекса документов высшего органа законодательной власти государства, который имеет не только огромное научно-историческое, но и практическое значение.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации Росархивом был организован сбор и вывоз документов бывшего Верховного Совета РФ. Сотрудники федеральных государственных архивов, Росархива собирали, упаковывали, готовили к вывозу документы из всех рабочих комнат Верховного Совета с цокольного по 14-й этаж. Работать приходилось в тяжелых условиях, в обгоревших помещениях, в комнатах с выбитыми стеклами. В отдельные дни в здании трудилось до 350 архивистов. Сотрудники ГАРФ не только активно участвовали в этой работе, но и занимались ее организацией, так как собранные документы поступали в ГАРФ.

За октябрь–декабрь 1993 г. в архив было привезено около 48 т документов текущего делопроизводства аппарата Верховного Совета, его комитетов и комиссий. К сожалению, ряд этажей Дома Советов выгорел полностью и часть документов оказалась безвозвратно утраченной. Все материалы поступили в виде россыпи и нуждались в срочной разборке, экспертизе ценности и описании. Для проведения этой работы в архиве была создана специальная группа. Первичная разборка документов, их систематизация по структурным подразделениям была проведена в первые же месяцы. В настоящее время они проходят экспертизу ценности и описание.

Особенностью данного периода комплектования архива является массовое поступление документов, созданных в последние годы. Эти документы используются, главным образом, для решения практических задач, стоящих перед теми или иными органами государственной власти, проработки вопросов, имеющих важное государственное значение. Данное обстоятельство не только накладывает на архив дополнительную ответственность, но и повышает его роль в информационном обеспечении деятельности органов государственной власти.

Одним из новых направлений в области комплектования стало собирание документов по истории России, находящихся за рубежом. Эта работа проводилась в рамках программы Государственной архивной службы по возвращению архивной "России". В хранилище эмигрантских и белогвардейских фондов ГАРФ в 1992–1995 гг. поступили документы из семейного архива Деникиных, переданные дочерью А.И. Деникина М.А. Деникиной-Грей, личный архив княгини З.А. Шаховской, проживающей в Париже, документы видного деятеля Народно-трудового союза Н.А. Троицкого, живущего в США, целый ряд других фондов.

Во исполнение совместного приказа Росархива и Федеральной службы контрразведки на основании утвержденного графика приема-передачи в течение 1995 г. ГАРФ получал документы бывшего КГБ СССР из архивов Федеральной службы безопасности России. В настоящее время принято более 63 тыс. ед. хр. архива Московского управления ФСР, из Центрального архива ФСБ – документы Департамента полиции МВД Российской империи об организации охраны царской семьи, некоторые другие материалы.

Первейшей задачей в соответствии с графиком является прием в ГАРФ исторических документов КГБ СССР, начиная с ВЧК.

Подведем некоторые итоги 75-летней истории архива, называющегося в настоящее время Государственным архивом Российской Федерации. Создававшийся как архив истории Октябрьской революции он в течение нескольких десятилетий уточнял свой профиль и в настоящее время хранит документы за период с 1800 по 1991 г. Комплекс дореволюционных документов (1800–1917) сформировался, как крупная тематическая коллекция, в которую вошли фонды и части фондов учреждений Российской империи, содержащие документы о революционном и общественном движении, личные фонды членов царской семьи и крупных государственных деятелей того времени. Период с 1917 по 1991 г. отражен в собранном здесь массиве документов по истории советского государства, представленном фондами высших органов государственной власти и управления СССР и РСФСР, центральных органов государственного управления РСФСР, центральных органов государственного управления СССР в области труда, народного образования, здравоохранения, печати, информации, контроля, внутренних дел, юстиции, а также высших судебных органов, органов Прокуратуры, Государственного арбитража СССР и РСФСР, общественных организаций СССР и РСФСР. Обособленным комплексом являются документы белоэмигрантских правительств и эмигрантских учреждений и организаций.

Таким образом, для пореволюционного времени в архиве представлен не тематически подобранный комплекс, а документы системы союзных и республиканских органов с непосредственно подчиненными учреждениями. К сожалению, в этой системе имеются определенные пробелы: центральные органы государственного управления СССР в области экономики и промышленности продолжают храниться в образованном в 1961 г. архиве, носящем в настоящее время название Российского государственного архива экономики (при этом подобная документация республиканского уровня находится в ГАРФ). Отсутствуют в ГАРФ и фонды органов управления в области культуры: и Министерство культуры СССР, и Комитет кинематографии СССР хранятся в РГАЛИ.

Нарушает целостность комплекса также отсутствие в нем документов ВЧК–ОГПУ–КГБ, документов Совета Министров СССР с 1951 г., документов МВД СССР с 1961 г., имеющие право постоянного хранения документы НКВД–МИД СССР, документы Министерства обороны также хранятся в ведомственном архиве.

Ряд фондов государственных учреждений, о которых уже упоминалось, были в свое время неоправданно переданы в Центральный партийный архив и продолжают храниться в нем. Разукомплектована была поступившая в архив коллекция

РЗИА. Все сказанное касается отдельных фондов, но анализ комплектования позволяет критически оценить состав самих фондов, находящихся в настоящее время на хранении в архиве.

Напомним об описанных выше изъятиях отдельных документов и их групп, воспринимавшихся как имеющие отношение к Ленину, более позднем (1980) изъятии документов о деятельности ВЧК–ОГПУ. Массовое засекречивание фондов, особенно в 30-е годы, привело к дроблению фондов, меняющаяся без конца практика этой процедуры нанесла им значительный ущерб.

Таким образом, одной из важных задач архива на перспективу является заполнение этих исторически образовавшихся пробелов. Пр всей сложности (а в ряде случаев – нереальности) возвращения в ГАРФ профильных ему материалов было бы целесообразно вернуть из РЦХИДНИ фонды Государственного Комитета Обороны СССР, Коммунистических университетов и ряд других. Нуждается в большей ясности правовая основа взаимоотношений архива с архивами ФСБ, МВД, Правительства РФ.

До сих пор в Государственном архиве РФ не собран *полный* комплекс основополагающих документов по истории нашего государства. В подтверждение можно привести совсем свежий пример. Когда стала готовиться выставка, посвященная 50-летию окончания второй мировой войны, долгое время не могли найти оригинала Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. В конце концов выяснилось, что он находится в архиве МИД. Не очевидно ли, что место ему, конечно, не в ведомственном, а в Государственном архиве РФ. Подобных примеров можно привести много. Где, например, должна храниться действующая Конституция государства? В архиве Федерального собрания или в Государственном архиве?

Все это серьезные вопросы и решение их – одна из актуальных задач и Государственного архива РФ, и всей Государственной архивной службы страны.

Явно ощущаются пробелы в комплектовании Государственного архива личными фондами. У нас практически нет личных архивов руководителей тех министерств и ведомств, архивы которых хранит ГАРФ. Если не принять экстренных мер к пополнению личных фондов советского периода, мы рискуем оставить в наследство нашим потомкам Монблан делопроизводственной документации, лишив их возможности изучать на основании частных архивов личности тех людей, которые на протяжении десятилетий стояли во главе нашей страны.

Серьезным вопросом для ГАРФ является размещение фондов, так как резервы площадей для комплектования отсутствуют. Наиболее рациональным решением этого вопроса в настоящее время является строительство нового здания под архив.

Словом, у Государственного архива Российской Федерации в области комплектования остается много сложных практических и методических задач.

А.Е. ПРЕСНЯКОВ – АРХЕОГРАФ И АРХИВИСТ

(К 125-летию со дня рождения)

Александр Евгеньевич Пресняков, 125 лет со дня рождения которого исполнилось в 1995 г., – ученый, чье творчество привлекает все большее внимание в наши дни¹. Привлекают работы талантливого и парадоксального историка, ставшего вождем научной молодежи рубежа XIX–XX в., которая подвергла пересмотру классическую концепцию Соловьева – Ключевского². Привлекает исследовательское мастерство "на редкость осторожного, вдумчивого и чуткого критика" древнерусских источников³. Привлекает и недостаточно еще изученный вклад ученого в развитие отечественной археографии и становление послереволюционного архивного дела в России. Некоторые характеризующие этот вклад материалы и будут приведены в настоящей статье.

По собственному признанию, А.Е. Пресняков принадлежал к петербургской исторической школе – школе В.Г. Васильевского, "органическою ветвью которой стала и наша школа русских историков, воспитанная в аудитории С.Ф. Платонова". Основная особенность этой школы, противопоставлявшая ее московской школе С.М. Соловьева – В.О. Ключевского, определилась как "научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции"⁴. Эта особенность сказывалась и в повышенном внимании историков петербургской школы к исследованию источников, например, в традиции, восходящей к заветам М.С. Куторги и В.Г. Васильевского, начинать работу в науке с изучения определенной разновидности или группы источников⁵. Дань этой традиции отдал и Пресняков, в первое десятилетие своей ученой карьеры разрабатывавший историю московского летописания и предполагавший посвятить данной теме магистерскую диссертацию.

Пристальное внимание к историческим источникам, длительная работа по их изучению привели Преснякова в тот круг петербургских ученых, который ставил безотлагательной задачей всемерное обогащение источниковой основы отечественной историко-филологической науки и трудился в стенах Археографической комиссии и Академии наук над введением в оборот этой науки древнерусских рукописных памятников. Пресняков стал сотрудником, а затем и членом Археографической комиссии и немало сделал для публикации летописей на новых тео-

¹ Ср.: Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990; Он же. Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. См. также рец. В.С. Брачева на последнее издание: ОИ. 1995. № 1.

² См. об этом: Федотов Г.П. Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. № 3. С. 102. Статья впервые напечатана в 1932 г.

³ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 14.

⁴ Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием "Образование Великоорусского государства" // ЛЗАК. Пг., 1920. Вып. 30. С. 7.

⁵ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Тр. юбил. науч. сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948.

ретических основаниях, внесенных трудами А.А. Шахматова⁶. Сохранились некоторые косвенные данные о том, как он представлял задачи археографии. Эти представления претерпели определенную эволюцию.

С.Н. Валк установил, что содержание термина "археография" изменялось с развитием исторической науки и изменением задач ее в отношении фонда исторического материала. Им же отмечено, что представление Преснякова о предмете археографии отразилось в соответствующей статье "Русской энциклопедии" издательства "Деятель", где Пресняков редактировал отдел русской истории⁷. В появившемся в 1911 г. втором томе этой энциклопедии говорится (в неподписанной статье), что археография представляет собой "собрание, описание и издание письменных исторических источников"⁸ (при этом "исторические источники" в словнике энциклопедии отсутствуют). Можно предположить, что такое чисто "инструментальное" определение археографии сформировано под влиянием практических задач, решавшихся Археографической комиссией. Даже десятилетие спустя Академия наук отвечала на запрос Главнауки Наркомпроса, "нельзя ли рассматривать Археографическую комиссию как уже готовый научно-исследовательский институт по археографии?", что комиссия никогда не имела преподавательских функций и не ставила своей задачей изучение археографии как науки⁹.

По-видимому, до поры теоретические проблемы и не включались в предметную область археографии. Они должны были ставиться и решаться другими специальными историческими дисциплинами, изучающими письменные источники. Это находит подтверждение в той же "Русской энциклопедии", где дано определение дипломатики как "науки о форме документов, актологии": "Дипломатика изучает формальные признаки подлинности и достоверности исторических и юридических документов и является основой научной археографии актового материала"¹⁰. Точно так же в качестве "основы научной археографии" летописного материала рассматривали в те годы разработанную А.А. Шахматовым историю русского летописания¹¹.

Определенный пересмотр взглядов на сущность и задачи археографии относится к послереволюционному периоду научной биографии Преснякова, когда ему пришлось столкнуться с совсем иными историческими источниками и обогатить опыт работы с ними в новой для него сфере архивного дела. Известно, что уже в 1917 г., после победы Февральской революции Пресняков включился в ставшую общей для большинства историков той поры работу по собиранию и сохранению архивных материалов¹². Инициатива собирания документов о потрясавших Россию событиях – невиданной войне и разразившейся революции – исходила от самих масс. По почину "Союза солдат-республиканцев" Петроградского гарнизона было образовано "Общество изучения революции 1917 года". Союз обратился за помощью к интеллигентским кругам – "к молодым силам университетской среды". Председателем общества был избран Пресняков. Как он впоследствии вспоминал, "общество принялось не только собирать разнооб-

⁶ См. об этом: Чирков С.В. Археография русского летописания в трудах А.Е. Преснякова // АЕ за 1975 год. М., 1976.

⁷ Валк С.Н. Судьбы "археографии" // АЕ за 1961 год. М., 1962.

⁸ Русская энциклопедия. СПб., [1911]. Т. 2. С. 41.

⁹ Иванова Л.В. Археографическая комиссия 1917–1931 гг. // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 406.

¹⁰ Русская энциклопедия. СПб., [1914]. Т. 7. С. 185.

¹¹ См. об этом: Чирков С.В. Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. // АЕ за 1974 год. М., 1975.

¹² См.: Шмидт С.О. Советские историки и архивы // СА. 1968. № 6; Он же. Привлечение интеллигенции к советскому архивному строительству // Интеллигенция и революция. XX века М., 1985.

разный печатный материал, текучий и летучий, отражавший быструю смену событий, но и создавать источники будущего изучения русской революции путем опроса видных ее деятелей и рядовых участников движения, чтобы сохранить по свежим следам фактические следы пережитых ею моментов"¹³.

Сведений о сколько-нибудь активной роли Преснякова в Союзе российских архивных деятелей в литературе не имеется¹⁴. Можно полагать, что в период наиболее успешной работы Союза историк был поглощен напряженной преподавательской работой и подготовкой докторской диссертации, защищенной в апреле 1918 г. Есть основания полагать, что Пресняков был привлечен к архивной работе уже после создания руководящего органа подготовки архивной реформы, возглавленного Д.Б. Рязановым (назначенного заведовать архивным делом Республики 1 апреля 1918 г.)¹⁵. В отчете Петроградского отделения Главного управления архивным делом (далее: ГУАД), составленном в октябре 1918 г., говорится о направлении Преснякова в Центральный комитет по управлению архивным делом от Петроградского университета. Видимо, Пресняков действительно представлял в этом органе университетских ученых, но, судя по протоколам, впервые он присутствовал лишь на шестом заседании, 8 мая, когда комитет уже вполне оформился и даже разработал первоначальный проект "Положения об управлении архивами и библиотеками"¹⁶. Впрочем, еще 3 мая комитет принял решение о разборке и подготовке к сдаче в архив документов канцелярии Временного правительства, Совета министров и Кабинета министров Российской империи, а руководство работой предложил А.Е. Преснякову "в качестве инспектора"¹⁷.

Основное направление своей первоначальной архивной деятельности сам Пресняков описывал так: "На первых порах все силы и средства ушли на лихорадочную, спешную работу по розыску, выяснению, защите, охране и первоначальному, элементарному устройству архивных фондов... Для целого ряда фондов и делопроизводств надо было подыскать новые, возможно надежные и безопасные, помещения, хотя бы временные, отстаивать их от напора нетерпеливой текущей и бурлящей жизни, бороться с крайней нуждой в перевозочных средствах и рабочих руках..."¹⁸.

Очевидно, руководители архивной реформы торопились использовать научную эрудицию Преснякова и знакомство его с архивными материалами императорской России, которое он приобрел при подготовке большого труда по истории Сената, целиком выполненного на архивных источниках. Протоколы архивного управления характеризуют ученого как одного из деятельнейших сотрудников исполнительного органа Центрального комитета – архивной инспекции. 11 мая комитет предложил Преснякову "принять немедленные меры к охранению" библиотеки Главного комитета по делам местного хозяйства, 14 мая – выяснить возможности вывоза документов архива Земского отдела МВД, 19 мая – обследовать фонд Чрезвычайной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны и рассмотреть вопрос о приеме его на хранение, а также ознакомиться с содержанием архива судебных следователей, который предпола-

¹³ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела // РИЖ. 1918. № 5. С. 205. О деятельности общества см.: Макасов В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945). М., 1969. С. 25–26.

¹⁴ Ср.: Иванова Л.В. Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917–1924 гг. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981.

¹⁵ См. об этом: Шмидт С.О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970. С. 26–28.

¹⁶ РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 126. Л. 7; Д. 127. Л. 9.

¹⁷ Там же. Д. 128. Л. 7.

¹⁸ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. С. 216.

галось передать в Сенатский архив¹⁹. В конце мая Пресняков организовал перевозку из Марининского дворца дел канцелярии Временного правительства, а также охрану архива Коммерческого суда, а 8 июня вновь образованный Совет ГУАД назначил его председателем комиссии по разборке дел Сената, одновременно поручив и разборку материалов Чрезвычайной следственной комиссии²⁰.

Практическая деятельность Преснякова в качестве инспектора ГУАД продолжалась и в дальнейшем: летом 1918 г. он ведал разборкой Чертковской библиотеки, в феврале 1919 г. участвовал в переговорах о передаче в Государственный архивный фонд (далее: ГАФ) склада документов Государственной типографии, в июне организовал перемещение в 1-ю секцию ГАФ фамильного архива князей Юсуповых²¹. 21 января 1919 г. Пресняков в должности главного инспектора был назначен руководителем инспекции ГУАД, состоявшей из 6 сотрудников²². С этого времени в его обязанности входило методическое руководство практической инспекционной работой, координации поездок инспекторов по северо-западным губерниям России. Тем самым Преснякову удалось оказать определенное влияние на возрождение местной архивной жизни, а о насущной важности поддерживать и улучшать работу местных архивов он писал еще в 1918 г.²³

Постепенно очередные задачи архивной реформы менялись: на смену собиранию и охране документов выдвигались процессы организации ГАФ. 4 апреля 1919 г. в связи с образованием коллегии Петроградского отделения ГУАД должность главного инспектора была упразднена, а Пресняков стал заведовать Второй, Юридической секцией ГАФ²⁴.

В организационной работе по управлению архивами Пресняков начал принимать участие еще ранее. 8 июня 1918 г. он был включен в комиссию для доработки положения о Главном управлении архивным делом – нормативного акта, на основе которого разворачивалось практическое осуществление архивной реформы, провозглашенной декретом 1 июня. Одновременно ученый участвовал в разработке проекта положения о губернских архивах и затем читал этот проект на заседании Комитета ГУАД в Петрограде 21 января 1919 г. 29 января Пресняков доложил Комитету о состоянии работы над проектом положения об организации и управлении ГАФ, переданным потом для доработки в Москву²⁵.

Продвижение архивной реформы было осложнено проявившимися уже в то время тенденциями бюрократизации управления архивами, что оттолкнуло от архивной деятельности крупнейшие научные силы, в частности, А.С. Лаппо-Данилевского²⁶. Но Пресняков, как и С.Ф. Платонов, остался в руководстве Петроградского отделения ГУАД²⁷. Занимая должности члена коллегии отделения и заведующего II секцией ГАФ, а также ученого секретаря совещания при заведующем Петроглавархивом (это совещание с административными функциями действовало с конца 1919 до середины 1921 г.), Пресняков многое сделал для налаживания научной деятельности архивного ведомства.

¹⁹ РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 127. Л. 10–13.

²⁰ Там же. Д. 128. Л. 8; Д. 129. Л. 1 об.

²¹ Там же. Д. 128. Л. 13 об.; Д. 357. Л. 20; Д. 358. Л. 60, 61, 91.

²² Там же. Д. 357. Л. 13.

²³ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. С. 218, 219.

²⁴ РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 358. Л. 1–4.

²⁵ Там же. Д. 129. Л. 1; Д. 357. Л. 13, 18.

²⁶ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 42.

²⁷ О работе С.Ф. Платонова в ГУАД см.: Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994.

Научно-организационная деятельность Преснякова основывалась на его глубоко убеждении в том, что в исследовании документальных богатств отечественных архивохранилищ и в подготовке их к научному использованию решающая роль принадлежит не сторонним ученым силам, а архивистам, соприкасающимся с архивными фондами в непосредственной работе. По его словам, "издание исторических материалов может быть правильно поставлено... лишь при том условии, чтобы дело это находилось в руках тех, кто стоит в непосредственной близости к архивным фондам, изучает в полном объеме их состав, сроднился с ними в постоянном деловом общении, т.е. в руках архивистов"²⁸. Возникшее в практической архивной работе такое убеждение обусловило усилия ученого по организации научной подготовки архивистов-исследователей на Архивных курсах, в Петроградском археологическом институте, а затем на археографическом отделении факультета общественных наук Петроградского университета, а также по развертыванию научно-публикаторской работы в архивной системе.

Обращение к источникам убеждает, что научная деятельность сопутствовала самым первым шагам архивной реформы, цель которой ученые видели в рациональной организации архивного дела в интересах русской исторической науки²⁹. Пресняков принимал деятельное участие в научно-публикаторских начинаниях ГУАД. В июле 1918 г. он был избран в созданную в составе Петроградского отделения издательскую комиссию, в августе стал заместителем по научной части редактора архивного журнала (вскоре на его плечи легла вся организационная работа по изданию), первый и единственный номер которого под названием "Исторический архив" вышел в 1919 г. (Были подготовлены материалы двух последующих номеров, но выпустить в свет их не удалось)³⁰. Задачей издательской комиссии историк считал "внести единство и планомерность в ход публикации архивных материалов, установить основные нормы приемов издания, проводить, по возможности, их единообразное применение вплоть до выработки нормального археографического и типографского типа архивных изданий"³¹. Так в новых условиях должна была осуществиться идея научно целесообразного систематического издания исторических материалов, вынашиваемая археографами с начала XX в.³²

Составной частью издательской программы архивов должна была стать публикация описей, "дающих общий инвентарный обзор наличных фондов, их описаний, глубже вскрывающих их внутренний состав и содержание". По мысли Преснякова, выработка и публикация этих справочников "одна только обеспечивает источниковедению... необходимую базу и научно-ясный кругозор", кроме того, решается задача "популяризации интереса к историческим материалам и ознакомления с ними общественных кругов, более широких, чем круг ученых исследователей"³³.

Ясно, что столь широкая программа не могла быть исполнена при наличных средствах в период гражданской войны, но практические шаги все же были предприняты. С октября 1918 г. Пресняков председательствовал в справочно-статистическом совещании, ведавшем организацией описательной работы в секциях ГАФ и выпуском справочной и методической литературы. Через год вместо

²⁸ Пресняков А.Е. Исторические источники и подлинные документы в научной работе // Архивные курсы. Лекции, читанные в 1918 г. Пг., 1920. Ч. I. С. 15.

²⁹ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. С. 219.

³⁰ РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 129. Л. 12 об.; Д. 132. Л. 1. См.: Седельников В.О. Журнал "Исторический архив" и возникновение советской архивной периодики // АЕ за 1979 год. М., 1981.

³¹ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. С. 218.

³² Ср.: Чирков С.В. Вопросы публикации летописей...

³³ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. С. 221.

нерегулярного совещания была образована постоянная Научно-техническая комиссия во главе с Пресняковым. Этими органами подготовлено издание "Архивных курсов", составлялся указатель-справочник архивов РСФСР. Для этого проводилось обследование архивов, рассылались опросные листы и анкеты по личному составу, собиралась библиография частных и провинциальных архивов. Целью этой работы было "внесение научных принципов в архивную технику, объединение архивов на почве единообразных научно и практически обоснованных приемов работы над архивным материалом"³⁴.

Важным начинанием Петроградского отделения ГУАД был первый в советские годы опыт создания "Правил издания документов"³⁵. Эти правила были разработаны совещанием под председательством Преснякова летом 1919 г., который не только участвовал в обсуждении, но и практически направлял это обсуждение, о чем свидетельствуют протоколы совещания³⁶. Учитывая обозначившееся к тому времени стремление Преснякова наладить публикацию архивных материалов, "обнимая все эпохи русской исторической жизни и все ее стороны, без того преобладания интереса к далекой старине и к государственной истории, которые характеризуют, в значительной мере, прошлое нашей археологии"³⁷, можно полагать, что усматриваемые С.Н. Валком в тексте "Правил" элементы нового в немалой мере принадлежат влиянию Преснякова. Ученый ведал и печатанием "Правил издания документов"³⁸.

Предпринятая большевистской властью кадровая чистка петроградских архивов в 1923 г. привела к уходу Платонова и Преснякова из руководящих архивных органов³⁹. Однако Пресняков оставался в числе архивных сотрудников еще более года, да и в дальнейшем сотрудничал с Центрархивом, участвуя в работе Комиссии по истории труда в России, готовя книгу "14 декабря 1825 года" при содействии Комиссии по изучению декабристского движения⁴⁰. Его многообразная и напряженная архивно-научная деятельность привела к постановке многих принципиальных вопросов архивоведения и археологии, к решению по-новому некоторых старых проблем, особо волновавших историка.

³⁴ РГИА. Ф. 6900. Оп. 3. Д. 73; Оп. 1. Д. 358. Л. 24, 25.

³⁵ Валк С.Н. Советская археология. М.; Л., 1948. С. 43–47.

³⁶ СПб. ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1062а.

³⁷ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. С. 222.

³⁸ РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 229.

³⁹ Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивист в тоталитарном обществе: борьба за "чистоту" архивных кадров // ОА. 1993. № 5.

⁴⁰ РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 12; Оп. 1. Д. 523в.

К ЮБИЛЕЮ Д.Б. РЯЗАНОВА

10 марта 1995 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Давида Борисовича Рязанова – видного революционера и ученого, которого при жизни называли и в нашей стране, и за рубежом создателем науки марксосведения. Деятельность Рязанова имела определяющее значение и для становления советского архивного дела и привлечения научной интеллигенции (особенно ученых-гуманитариев) на службу советской власти. Но после того как Рязанова в 1931 г. исключили из партии, лишили звания академика и выслали из Москвы, фамилия его долгое время употреблялась только в негативном смысле (борьба с "рязановщиной" считалась одной из первоочередных задач и на архивном "фронте"), а еще чаще замалчивалась. Даже после XX съезда КПСС, когда в первой книге нового журнала "История СССР" напечатали абзац с положительной оценкой научных трудов Рязанова¹, на редколлегиях (а я был заместителем главного редактора журнала и организатором написания этой статьи о Ленинских премиях 1920-х годов) поступила жалоба в ЦК. В советских изданиях об Октябрьской революции и рождении Советского государства и в 1980-е годы о Рязанове вспоминали обычно лишь в связи с неприятием им каких-либо положений, сформулированных В.И. Лениным, противостоянием ленинской линии. Правда, в 1970 г. в 8-м томе "Литературного наследия", посвященного А.В. Луначарскому, решились опубликовать его статью из запрятанного в спецхраны юбилейного сборника 1930 г. в честь Д.Б. Рязанова, впрочем, с соответствующими времени комментариями. О заслугах Рязанова впервые заговорили на рубеже 1960–1970-х годов в работах о судьбе литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса: в книге И.А. Аграновского "Прочитаны впервые" (М., 1968) и в коллективной монографии "Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса" (М., 1969). Однако в звании академика он был восстановлен позже всех остальных – в 1990 г.

С конца 1980-х годов стали печатать и статьи о Рязанове, записки-письма самого Рязанова и адресованные ему. В 1989 г. В.В. Крылов сумел опубликовать библиографию Рязанова со вступительной статьей "Человек огромной энергии и интеллекта"². В 1994 г. В.И. Носач сделал доклад "Теоретик и практик профдвижения России"³. Весной 1995 г. состоялась научная конференция его памяти (см. хронику в наст. изд.), материалы которой готовятся к печати. Особенно признательны должны быть тем, кто обратился к архивным документам – покойной В.А. Смирновой (писавшей о Рязанове главным образом как об организаторе и руководителе ИМЭ)⁴, В.Е. Корнееву⁵ и Я.Г. Рокитянскому, по-

¹ Борисов Ю.С. Из истории Ленинских премий // ИСССР. 1957. № 1. С. 228.

² Советская библиография. 1989. № 6.

³ Профсоюзы России сегодня! Состояние и проблемы: Материалы научно-практической конференции (15 июня 1994 г.) СПб., 1994. С. 74–81.

⁴ См.: Смирнова В.А. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса – Д.Б. Рязанов // ВИ КПСС. 1989. № 9. С. 71–84. Она же. Д.Б. Рязанов // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР: Сб. статей М., 1995 (Указана литература 1982–1992 г.).

⁵ Последние письма Д.Б. Рязанова / Подгот. В.Е. Корнеев // АЕ за 1993 год. М., 1995.

местившему статьи и документальные публикации такой проблематики в нескольких периодических изданиях РАН, в том числе в "Археографическом ежегоднике"⁵. Однако жизнь и деятельность выдающегося историка и общественного деятеля и по сей день остаются еще недостаточно изученными, а воздействие его на развитие науки и общественного сознания недооцененным. Поэтому во вступлении к теме допустимо, в порядке постановки вопроса, обратить внимание на стороны жизни и творчества Рязанова, исследование которых существенно не только для познания его биографии, но и особенностей общественно-политической жизни, менталитета той эпохи.

Рязанов еще гимназистом в Одессе стал серьезно изучать историю, социальные доктрины, философию, а, начав юношей занятия в рабочих кружках, сразу же составил рекомендательный список книг и журнальных статей для самостоятельного чтения. Научно-просветительская направленность его интересов и активность жизненного поведения выявились очень рано. Книгочей, лектор, горячий спорщик оказался и неутомимым, изобретательным организатором. И все это при энергичнейшем темпераменте, феноменальной памяти и работоспособности. Тяге к кабинетному творчеству всегда сопутствовало стремление к активному участию в массовой общественной жизни: он был выдающимся практиком партийной и профсоюзной работы и в эмиграции, и в годы революции 1905 г. в Петербурге, и после возвращения в Россию в 1917 г.

Повседневностью его молодых лет стали тюрьмы и ссылки. Тюрьма же – его университет. Рязанов не получил высшего образования. И позднее не без горделивости утверждал, что он единственный избран членом Академии наук без вузовского диплома. Исклученный из пятого класса гимназии "за неспособность", он путем упорного самообразования достиг вершин гуманитарных знаний. "Дело" о пребывании в петербургской тюрьме помогает узнать как это происходило, составить представление об интересах молодого человека, круге его чтения: Евангелие на польском языке, Данте – на итальянском, Маркс – на немецком⁶. Впоследствии он переводил с немецкого и других языков сочинения Маркса и Энгельса, с английского – экономические труды Рикардо, с французского – социально-философский роман утописта Кабе "Путешествие в Икарию". В 1920-е годы А.В. Луначарский характеризовал его как "эрудита и бесспорно ученойшего человека нашей партии", а в юбилейной статье 1930 г. писал: "Рязанов представляет собою одну из самых культурных личностей, каких я встречал на своем уже не коротком веку", назвал его "туземцем высокой культуры"⁷. (Эта большая статья озаглавлена "Соблазн и опасность высокой культуры" и имеет направленность против насаждаемой в Институте красной профессуры (ИКП) тенденции политико-идеологизированного верхоглядства в сфере науки и культуры.)

Выросший в многодетной семье набожного еврея-торговца (его настоящая фамилия – Гольдендах) в Одессе, большом портовом городе широких международных связей и влияний, он рано проникся традициями русской литературы и передовой общественной мысли, и в советские годы в анкете, в графе "национальность" писал: "Еврей по происхождению и русский по национальности"⁸. (Это характеризует и его отношение к пресловутой анкете и представление о "национальности" как о социокультурной общности). Показательно, что он избирает псевдоним "Николай Рязанов". Так звали революционера-демократа – главного героя повести писателя В.А. Слепцова "Трудное время", изданной в

⁵ Редколлегия АЕ намерена и впредь публиковать материалы о жизни и творчестве Д.Б. Рязанова.

⁶ Смирнова В.А. Д.Б. Рязанов. С. 144–145.

⁷ Луначарский А.В., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: Политические портреты. М., 1991. С. 196; На боевом посту: Сб. к 60-летию Д.Б. Рязанова (1870–1930). Л., 1930. С. 40, 41.

⁸ Рокитянский Я.Г. Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // ННИ. 1992. № 2. С. 107.

1865 г. Живой интерес к общественной жизни России времени Чернышевского, к его наследию он сохраняет до конца своей деятельности.

Рязанов первым из молодых революционеров-марксистов его поколения сблизился с эмигрантами революционерами старших поколений – причем и с народниками, начиная с П.Л. Лаврова, и с марксистами 1880-х годов. Едва ли и не первым из своего поколения российских революционеров он был принят как свой и в среде западноевропейских социалистов (опять-таки и старших по возрасту, и сверстников). А о том, какое значение имели тогда эти связи для российских революционеров, можно судить по упоминанию имени Рязанова в выступлении М.Н. Покровского в 1927 г. на заседании, посвященном 10-летию юбилею Наркомпроса и 10-летию пребывания Луначарского на посту наркома просвещения. Покровский говорил: «Анатолий Васильевич из всех членов партии был, не скажу самым (памятуя о Рязанове), но во всяком случае одним из самых "европейских", если можно сделать такое определение». И далее обосновывает это положение: "теснейшие связи с революционными кругами" ("Его тогда знали все революционеры Европы"), непререкаемый представитель на всех международных конгрессах ("и, если мы, эмигранты, узнавали что-нибудь по непосредственным впечатлениям об этих конгрессах", то чаще всего от него), поскольку он являлся "человеком, глубоко проникнутым европейской культурой", это "давало ему возможность вращаться в европейских интеллигентных кругах, как в своих собственных", что "в огромной мере облегчало нам работу подпольного периода" благодаря связи через него "с местными социалистическими кругами"⁹.

Рязанова допустили к важнейшим государственным и частным хранилищам, где находились необходимые ему для работы документальные памятники. И он еще до 1917 г. обрел прочную международную репутацию знатока истории марксизма и ее архивов, крупнейшего исследователя и публикатора (в зарубежных изданиях) рукописного и печатного наследия Маркса и Энгельса, первооткрывателя тем "Маркс-историк", "Маркс и Россия" (взаимоотношения Маркса и лиц российского зарубежья, Маркс в прошлом и настоящем России). Доверие зарубежных социалистов во многом обусловило и результативность его работы уже в советские годы по выявлению, собиранию, изучению и изданию памятников истории западноевропейского революционного движения и общественной мысли.

Рязанов – одна из самых колоритных и в то же время самостоятельных фигур российской революции. Активист не только социал-демократического движения России, но и зарубежного II Интернационала, Рязанов до 1917 г. не вступил ни в партию большевиков, ни в партию меньшевиков, пропагандировал идею объединения всех российских социал-демократов. Принятый в большевистскую партию летом 1917 г. с межрайонцами, он стал деятельным участником революции, ее страстным оратором и энергичным организатором. Однако Рязанов не склонен был отступать от разработанных еще Марксом теоретических доктрин – не был сторонником торопливых решений о сроках революционного переворота, а затем поддерживал идею создания коалиционного правительства социалистических партий, отказавшись от поста наркома путей сообщения: в известных письмах Ленина и документах ЦК большевистской партии, свидетельствующих об этом, речь идет о Рязанове (что отражено даже в заголовках некоторых из них). Рязанов – член Президиума II Всероссийского Съезда Советов, голосовал против роспуска Учредительного собрания.

Современники, настроенные антисоветски (а особенно – антисемитски), упоминают имя Рязанова в ряду виднейших деятелей социалистической революции. В этом нетрудно убедиться даже по фактам, приведенным в биографическом

⁹ Покровский М.Н. Избранные произведения. М., 1967. Кн. 4. С. 518–519.

словаре "Политические деятели России, 1917" (Под ред. П.В. Волобуева. М., 1993). И вызывает недоумение отсутствие статьи о самом Рязанове в нем, как и в энциклопедии "Великая Октябрьская социалистическая революция" (3-е изд., доп. М., 1987). В двухтомнике "Без ретуши: Страницы советской истории в фотографиях, документах, воспоминаниях" (Под ред. М.П. Ирошников. СПб., 1991. Т. 2. С. 104–105)) помещена справка о Рязанове.

Уже положение ни с кем несравнимого знатока творческого наследия основоположников марксизма (а, следовательно, и возможностей использования этого наследия в сложившейся социально-политической ситуации в России), подкрепленное к тому же близкими личными связями с зарубежными социал-демократами (именно к Рязанову обращались по этим вопросам Ленин и его соратники), обусловили уникальное – и неизменно влиятельное – место в партийно-правительственной иерархии, хотя Рязанов не избирался членом ЦК, а самый высокий его правительственный пост – член коллегии Наркопроса. На официальной фотографии группы делегатов XI партсъезда (вычленив из которой, обычно воспроизводили лишь троих, сидящих рядом слева направо – Сталина, Ленина, Калинина) Рязанов в верхнем – третьем ряду прямо над Калининым¹⁰. Ведь советское государство провозгласило марксизм официальной идеологией, а освоение этого учения – важнейшей задачей общественных наук!

Однако суть не только в этом. Рязанов – прежде всего Личность. Неординарность общественного деятеля и мыслителя, своеобразие поведения ощущались всеми; некоторым казались и небезопасными. Рязанов отнюдь не был лишен самолюбия, пожалуй, даже самомнения, был нелегок, иногда и нетерпим в общении. Но выделялся (и, видимо, еще с молодости) созвездием ярких дарований – многосторонностью интересов и широтой образования и в то же время способностью целенаправленно сводить все это в систему, четкостью понятий о нравственных ценностях и убежденностью в научной обоснованности своего общественного мировоззрения, независимостью суждений и особой манерой самовыражения, самоуверенным бесстрашием и бойцовским характером (он и физически был очень крепким человеком). А. Лозовский формулировал: "Д.Б. Рязанов никогда не бывает ни пассивен, ни нейтрален. Про него нельзя сказать, что он или холоден, или горяч. Он всегда кипит, клокочет, вкладывая во все, в том числе и в свою исследовательскую работу, бурный, переливающийся через край темперамент. Он не входит в дело, а вливается в него..."¹¹. Рязанов вторгался и в речь других ораторов – в стенограммах съездов, конференций (партийных, профсоюзных и других) постоянно встречаем его реплики.

Оратор он был впечатляющий, страстный и язвительный, часто приклеивал "эпитеты и ярлыки, которые остаются надолго" – замечает тот же Лозовский. В ораторской его речи – сплав и классической риторики, и многоязычной художественной и философской литературы, и журнальной публицистики (так хорошо изученной им по российским и зарубежным изданиям), и особого свойственного одесситам остроумия устной речи, и всегда осознание того, что значит ораторское искусство в ходе революции, в ее преобразованиях. При этом молниеносная реакция на реплики – в напечатанных стенограммах его выступлений постоянно в скобках отмечено: "смех", даже "хохот". К примеру, стилистика выступления на XVI партконференции в апреле 1929 г. в связи с обсуждением плана 1-ой пятилетки (не удовлетворявшего Рязанова) с цифрами и объяснением терминологии зарубежной политекономии. Там и указание на то, что можно было ожидать большего от возглавляемого Г.М. Кржижановским

¹⁰ Фото воспроизведено в статье Я.Г. Рокитянского. См.: ННИ. 1992. № 2. С. 116.

¹¹ На боевом посту. С. 141.

Госплана, "сосредоточившего у себя не только коммунистические мозги", но и "беспартийные мозги", и характеристика обиженного Ю. Ларина ("непризнанный экономист и статистик"), и "комсомольских гегелей". Обыгрывание того, как "бюджет требует каждая республика": "Головотяпов из РСФСР, Голодедов из БССР (явный намек на председателя Совнаркома республики Н.М. Голодеда. – С.Ш.), Голопупенко из УССР, Голодрадзе с Кавказа – каждый тянет в свою сторону". И ответ на реплики об управлении государством ("А что сказал Ленин?", "а что говорит Рязанов?"): "Ленин сказал, что каждая кухарка должна научиться управлять государством, а Рязанов говорит, что пока этого не случилось, но кое-кто из наркомов управляет государством, как повар"¹². Или его замечание в обоснование лозунга "Долой кандидатов в вожди!" на XIII партконференции в январе 1924 г.: "Как, друзья, вы не садитесь, все же в Ленины не годитесь"¹³. Стремительно и в схожем стиле Рязанов реагировал и на появление печатных текстов – отвечал пространным письмом в газету буквально на следующий день.

Эта неукротимость и склонность к публичному изложению своего мнения совмещалась с полнейшей самоотдачей работе, с практической деловитостью и смелостью прирожденного организатора, властного руководителя коллектива. И в этом плане допустимо сравнение с другим сверстником Ленина Леонидом Борисовичем Красиным (возросшим в среде демократически настроенной сибирской интеллигенции). Человек иного психологического склада, но также исключительной незаурядности и независимости суждений, он не вписывался в представление тех лет об образе вождей революции, и тем более в схемы историков, сконструированные в последующие десятилетия. Но в первые после-революционные годы именно Красина выделяли из среды влиятельных государственных деятелей за деловой практицизм, высокую "европейскую" образованность, основательность коммерческих и инженерных знаний, – он занимал сразу несколько правительственных должностей, его опыт использовался для общения с зарубежьем, к его советам прислушивался председатель Совнаркома, что прослеживается и по Ленинским сборникам и по протоколам заседаний СНК. Однако Красин тоже основательно забыт – менталитет правящей верхушки России первого советского десятилетия остается еще слабоизученным и непонятым.

Деятельность Рязанова – первого руководителя советского архивного дела (сначала в Петрограде, а затем во всей России – с июня 1918 по декабрь 1920 г.) определяла тогда ход советского архивного строительства. Все так называемые ленинские декреты об архивах – и 1 июня 1918 г., и другие – были подготовлены под руководством Рязанова. Он поддерживал инициативу реформаторов архивного дела (сотрудников хранилищ, академиков, профессоров университетов), объединившихся после Февральской революции в Союз российских архивных деятелей. Они (по словам архивиста кн. Н.В. Голицына) "неожиданно для себя" сразу же нашли общий язык с Рязановым и совместно способствовали сохранению документальных памятников правительственных учреждений, частных коллекций, личных архивов. Оказавшись за рубежом в период второй мировой войны, историк Н.И. Ульянов, писавший в статье о С.Ф. Платонове о "дружбе его с Д.Б. Рязановым", восклицал: "Когда-нибудь будут отмечены заслуги этих двух людей в деле спасения архивных ценностей России". Он рассказывает со слов Платонова: «В тогдашнем Питере шел разгром дворцов и правительственных учреждений. В здании Сената, где помещался Центрархив, постоянно звонил телефон, извещавший об опасности, грозившей тому или иному учреждению.

¹² Шестнадцатая конференция ВКП (б), Апрель 1929: Стеногр. отчет. М., 1962. С. 215–221.

¹³ ИА. 1995. № 2. С. 202 (вступ. статья Я.Г. Рокитянского).

Надо было спешить на выручку. Приходили иной раз в последнюю минуту, когда драгоценный материал оказывался уже выброшенным на мостовую, полит керосином и только спички не хватало, чтобы он запылал. Толпа обычно была глубоко убеждена в своих погромных правах и кричала: "Царские бумаги спасаете?!" Но натиска Рязанова, его грозного голоса не выдерживали и отступала. "Кипяток" – восхищался им Платонов... Начавшаяся в Центральном архиве дружба Рязанова и Платонова продолжалась весь остаток жизни Платонова¹⁴.

В профессиональном подходе Рязанова к организации архивного дела убеждались быстро: он обладал личным опытом работы в хранилищах (архивах, музеях, библиотеках) разных западноевропейских стран, имел вкус к архивным разысканиям и археографическим штудиям. При его содействии организуются Архивные курсы и вырабатывается план их изданий, начинается работа по превращению "архивов в научные лаборатории" (определение Ю.В. Готье) с широкими замыслами научного описания и публикации документальных памятников, закрепляются творческие взаимосвязи хранилищ с Академией наук и высшей школой. Рязанов целенаправленно привлек к работе по выявлению и сбережению культурного наследия "старую" интеллигенцию, доверив видным профессорам истории научное и организационное руководство архивами¹⁵. Известный архивист А.Ф. Изюмов, высланный в 1922 г. из России и ставший затем в Праге руководителем отдела документов Русского заграничного исторического архива, отмечал в статье 1928 г.: "Рязанов представлял среди большевиков редкий тип широко образованного человека, считающегося с мнением других", "он сумел привлечь к архивному делу почти все научные силы Петербурга и Москвы, а, главное, дал возможность для спокойной деловой работы. После много раз упрекали Рязанова за то, что в своем учреждении он давал приют антисоветским элементам" и подчеркивал: "ни разу аппарат Главного управления архивным делом при Рязанове не был использован для посторонних архивному ведомству целей"¹⁶.

Никогда не было столь близкого и результативного творческого сотрудничества архивов и исторической науки – и, пожалуй, не только в России. Успех архивной реформы в значительной степени определяли позиция и деловая активность Рязанова. Это тем более важно отметить, что несколько десятилетий заслуги Рязанова в архивном деле, в развитии отечественной археографии замалчивались, а в учебных пособиях по истории архивного дела (А.В. Чернова, В.В. Максакова, В.И. Вяликова) сделанное Рязановым оценивалось негативно. Тем самым искажалась история и первых лет советского архивного строительства, и развития отечественной архивной мысли в те годы. Только в последнее время заговорили об этом – в исследованиях В.Н. Автократова¹⁷, В.О. Седельникова и других в лекционном курсе того же Седельникова в ИАИ

¹⁴ Ульянов Н. С.Ф. Платонов // Новый журнал-The New Review, Нью-Йорк. 1977. № 126. С. 193–194.

¹⁵ Шмидт С.О. Вступительное слово [На Тихомировских чтениях, посвященных 60-летию Декрета 1 июня 1918 г.] // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 122–126; Он же. К истории архивного строительства в первые годы советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. М., 1970. С. 27–30; Он же. Привлечение интеллигенции к советскому архивному строительству // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 163–170; Солодянкина О.Ю. Реорганизация архивного дела под руководством Д.Б. Рязанова в 1918–1920 гг. // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы к Всерос. науч. конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 306–308.

¹⁶ Цит. по: Седельников В.О. ЧК и архивы: Два эпизода из истории архивного дела в первые годы советской власти // Звенья: Ист. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 453.

¹⁷ Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918) // ОА. 1993. № 3, 4.

РГГУ, в книге Т.И. Хорхординой "История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг." (М., 1994. Гл. 1).

После Октябрьской революции Рязанов организовывал лекции видных ученых перед рабочими Петрограда. Став членом коллегии Наркомпроса, с лета 1918 г. возглавлял там Отдел науки. "Научно-исследовательскую работу" он считал "высшим типом просвещения", "высшим просвещением"¹⁸. Однако эта сторона его многообразной деятельности остается пока совершенно не изученной – ни по официальной документации, ни по личным архивам ученых. Судя по тому, как у него сложились взаимоотношения с историками, можно полагать, что роль Рязанова в привлечении на службу советской власти академиков и других "спецов" и использовании для ее нужд оставшегося от прежнего времени культурного наследия (а также живых носителей этих культурных традиций) была значительной, и неслучайно совпадение по времени его назначения на такую должность в Наркомпросе и соответствующей направленности высказываний Ленина.

Об отношении к Рязанову ученых Петрограда, особенно негуманитариев, в те годы, пока судить нелегко. В недавно напечатанном впервые письме М. Горького В.И. Ленину (декабрь 1919 г.) имеется фраза: "Если Вы поручите кому-нибудь – человеку ученому и серьезному, а не Рязанову, напр., – составить перечень открытий и работ научных за два года – вас поразит обилие ценнейших фактов высокого практического значения"¹⁹. Но отражает ли это взгляд самих ученых (или части их из бывших активных кадетов) или характер взаимоотношений М. Горького с Рязановым? Более всего известно теперь об отношении к Рязанову крупнейшего историка России С.Ф. Платонова, человека отнюдь не левых убеждений, приближенного в свое время к президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу.

Платонов не раз писал и говорил, что "благодаря сближению" с Рязановым "вошел в разумение свершившегося, признал власть и стал работать в Главархиве" (цитата из собственноручных показаний арестованного академика от апреля 1930 г.). Об этом "образованном, благородном и симпатичном человеке", заместителем которого по Главному управлению архивным делом в Петрограде он стал в 1918 г., Платонов счел необходимым написать и в предназначенной для напечатания в Германии "Автобиографии". О дружбе с Рязановым Платонов рассказывал и близким ему ученикам. В письме 1928 г., прося защиты от самоуправства чиновников Наркомпроса (руководимых М.Н. Покровским) подчеркивал, что Рязанов "чуток к охране личного достоинства и научной работе"²⁰.

Знаменательно в этом плане и суждение Н.А. Бердяева (соприкасавшегося с Рязановым, видимо, в период своей работы в Хранилище частных архивов (Хранчасар)). Уже в эмиграции он писал: "Тогда в Кремле еще были старые русские интеллигенты Каменев, Луначарский, Бухарин, Рязанов, и их отношение к представителям интеллигенции, писателям и ученым, не примкнувшим к коммунистам, было иным, чем у чекистов; у них было чувство стыдливости и неловкости в отношении к теснимой интеллигенции в России"²¹. Следует подчеркнуть знаменательную закономерность: именно эти действительно образованные, творчески одаренные, трудолюбивые и получающие радость от самого процесса

¹⁸ Шестнадцатая конференция ВКП (б). С. 220.

¹⁹ Письма М. Горького к В.И. Ленину // Неизвестный Горький (К 125-летию со дня рождения). Сер. "Горький и его эпоха": Материалы и исследования. М., 1994. Вып. 3. С. 32.

²⁰ Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 60, 284 и др.; Неизвестные письма российских ученых двадцатых годов / Публ. Я.Г. Рокитянский // ВАН. 1991. № 11. С. 96.

²¹ Цит. по: Сивцов В. Великий изгнанник (к 120-летию Н.А. Бердяева) // Независимая газ. 1994. 18 марта.

научной работы лидеры большевистской революции, когда Сталин их отодвинул от большой политики, отдали свои силы науке – ее организации и созиданию индивидуальных исследовательских трудов (как уже прежде поступили активные участники революции 1905 г. А.А. Богданов и Н.А. Рожков). Для младших по возрасту из названных Бердяевым примером могла служить деятельность того же Рязанова, возвратившегося – уже на более широкой основе – к классическим формам научной работы историка, архивиста, археографа. Выступая с юбилейным приветствием в 1930 г. А. Лозовский (близко сотрудничавший с Рязановым в руководстве профсоюзным движением), восклицал: "Д.Б. Рязанов начал свою октябрьскую карьеру с комиссара на железных дорогах, но государственным деятелем он был недолго. Ибо он не укладывается ни в какие графики, ни в какие правила, ни в какие расписания. Как показал опыт, его стихия это – исследовательская работа, это – марксведение"²².

В литературе отмечалось уже деятельное участие Рязанова в организации в 1918 г. Социалистической академии общественных наук (затем получившей название Коммунистической). Она конструировалась как высший научно-исследовательский центр марксистской мысли в стране. При этом выдвигался новый принцип организации научной работы в области общественных наук: основа ее – библиотека, тогда как для учреждений сферы естественных и технических наук – лаборатория. Кабинеты такой академии-библиотеки должны были комплектоваться материалами для работы, а также сотрудниками, в зависимости от тематики изучения таким образом, чтобы позднее превратиться в научно-исследовательские институты. Сам Рязанов возглавил там кабинет теории, истории и практики марксизма. (Показательно то, что он размещался в пяти комнатах того же бывшего шереметевского особняка – на углу Воздвиженки и Шереметевского переулка – где предоставили помещение упоминавшемуся Хранчасару, ставшему местом службы бывшего владельца особняка П.С. Шереметева и других высокопородных знатоков генеалогии и личных архивов.) На базе кабинета в 1920 г. создали Музей марксизма, преобразованный в 1921 г. в ИМЭ, выведенный в 1922 г. из подчинения Социалистической академии (руководимой М.Н. Покровским) и ставший самостоятельным учреждением при ВЦИК РСФСР (затем ЦИК СССР).

В 1930 г., в день юбилея Рязанова, президент Академии наук А.П. Карпинский, приветствуя "ученого, давно работающего на новых путях", характеризовал его, как "замечательного организатора, сумевшего в сложной обстановке революционного творчества создать научно-исследовательский институт исключительного значения". А в постановлении ЦИК СССР о награждении Рязанова орденом отмечались "крупнейшие научные заслуги" "при создании им Института – единственной в мире научной лаборатории по марксведению, истории социализма и классовой борьбы"²³. Имя Рязанова-организатора работы и создателя коллектива научно-исследовательского учреждения должно стоять в одном ряду с именами крупнейших творцов системы научной работы тех лет – таких прославленных создателей научных институтов, связавших с ними свою жизнь, как И.П. Павлов, А.Ф. Иоффе, Н.К. Кольцов, Н.И. Вавилов, Н.Я. Марр.

ИМЭ не ограничивался задачами изучения жизни и сочинений основоположников марксизма, а также Г.В. Плеханова. Он скоро стал всемирнопризнанным центром исследования истории революционного движения, материалистической философии, политэкономии. Там образовались ценнейшая по подбору изданий библиотека, архив (где сосредоточились некоторые подлинники сочинений Маркса и Энгельса, личный архив Бабефа, затем детально изученный

²² На боевом посту. С. 141–142.

²³ Там же. С. 7, 11.

В.М. Далиным, и многие другие материалы по зарубежной истории XVIII–XX вв.), музей. В музее были организованы и первые в России новаторские по замыслу большие выставки исторической тематики (посвященные Великой Французской революции, Парижской Коммуне), вызвавшие и международный резонанс²⁴. Велась многообразная работа по изучению и подготовке к печати сочинений классиков философии, политэкономии, выходили периодические издания с документальными публикациями, исследовательскими статьями, богатыми информацией библиографическими разделами. Публикации и комментирование сочинений Маркса и Энгельса – высокие образцы археографической культуры и искусства текстологии (издания "академического" типа, на языке подлинника и в переводе), а концентрация в Институте в копиях всего написанного Марксом и Энгельсом и относящегося к их биографии явилось новым словом в организации архивного дела. Этот вклад наших соотечественников в архивоведение и археографию был сразу же высоко оценен зарубежными специалистами, начавшими сотрудничать с возглавляемым Рязановым Институтом в подготовке международных изданий. По понятным причинам этим сюжетам уделялось доселе мало внимания в общих трудах по теории и методике архивоведения и археографии. Необходимо скорее восполнить этот пробел.

В биографии Рязанова, помещенной (видимо, с его ведома) во втором выпуске 41 тома Энциклопедического словаря Гранат, подготовленном к 10-летию революции 1917 г., подчеркнуто то, что еще в обратившей на себя всеобщее внимание исторической работе "Англо-русские отношения в оценке К. Маркса", этот "ортодоксальный" марксист не побоялся подвергнуть весьма обстоятельной критике взгляды Маркса на историческое развитие России и на внешнюю политику русского царизма²⁵. Рязанову и после революции казались неприемлемыми методы "изучения" трудов классиков марксизма-ленинизма, сводившиеся лишь к фактологическому комментированию или к подбору данных, иллюстрирующих правильность того или иного высказывания "классика", тем более использование этих давних высказываний в конъюнктурных целях.

У Рязанова, как исследователя, по наблюдениям Луначарского, "глубокий интерес всегда проявлялся к фактам индивидуальным". А Н.И. Бухарин в том же юбилейном сборнике подчеркивает, что "высококвалифицированная работа" Рязанова-исследователя "может выдержать какое угодно испытание "на качество". И противопоставляет его научную методiku (а "душой всякого исследования является метод") входившим в обычай иным приемам обращения к сочинениям "классиков": «...дело заключается вовсе не в том, чтобы хозяйничать в известном очень ограниченном количестве цитат – а это очень часто, к сожалению, встречается. Совершенно правильно замечает в своей последней книге Андрей Белый, что такого рода "цитатооператоры" суть "воры и убийцы смыслов", "Ворами и убийцами смыслов" ни в какой ситуации быть негоже»²⁶.

Это – суждения лиц ленинского окружения, близко знавших Рязанова. Но и далекие от этой сферы знали о высмеивании Рязановым вульгаризаторов марксизма цитатчиков-конъюнктурщиков, "философских младенцев", "которые – как писал Рязанов в 1931 г., – думают, что марксизм также легко путем декрета ИКП переименовать в ленинизм, как Петроград декретом ЦИК в Ленинград, а

²⁴ Корнеев В.Е. Материалы ЦГАОР СССР о собирании и использовании в 20-е годы документов К. Маркса и Ф. Энгельса и международного революционного движения // АЕ за 1985 год. М., 1986; Голосовкер М. Парижская Коммуна 1871 г. (Выставка) // Летописи марксизма. 1928. Вып. VII–VIII. С. 251–270.

²⁵ Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции (Автобиографии и биографии): Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. М., 1989. Ч. I. Стб. 232. Репр.

²⁶ На боевом посту. С. 52, 125.

Царицын – в Сталинград..."²⁷ В воспоминаниях о С.Ф. Платонове Н.И. Ульянов рассуждает: «Темпераментный Рязанов, слывший "огнедышащим" большевиком, был всего лишь огнедышащим марксистом. С большевизмом у него обстояло не вполне благополучно, что и сказало потом на его судьбе. Но и как марксист он создал себе уйму врагов. Рассказывали, что когда какой-нибудь красный профессор распинался перед аудиторией, Рязанов трогал его за локоть: "Послушайте! Послушайте! Ведь вы же ни черта не понимаете в марксизме!" Сам он был ученый-марксовед, исследователь, и не этот ли ученый темперамент сблизил его с Платоновым?»²⁸.

Рязанов с увлечением, по-молодому, без усталости трудился в исследовательской сфере – и преподавал, и лично готовил к печати и комментировал труды Маркса и Энгельса, писал научные статьи и популярные очерки публицистического жанра, рецензии, газетные статьи, переводил с нескольких языков и постоянно занят был работой главного редактора периодических изданий Института. И старался во все внести методику современных исследований. Когда решено было, начиная с 1926 г. ежегодно присуждать пять премий В.И. Ленина за "имеющие наибольшее практическое значение научные труды", первым лауреатом в области общественных наук был Рязанов – в 1927 г. (вторым ученым-гуманитарием, получившим премию, стал в 1928 г. Н.Я. Марр).

Рязанову был глубоко чужд догматизм в подходе к наследию классиков марксизма. Воззрения их ученый рассматривал в движении и во взаимосвязи с развитием других явлений. Да и для самого Маркса – по его убеждению – сущность диалектического материализма в рассмотрении всего "исторически". Он полагал необходимым выяснить происхождение и конкретную направленность тех или иных суждений "классиков": когда? при каких обстоятельствах? на основании каких данных? с какой целью (научно-исследовательской, политической или иной)? на какую аудиторию рассчитаны? и т.д. Старался отметить и объяснить изменение оценок Маркса и Энгельса на протяжении годов и десятилетий. Также он подходил и к наследию Ленина и предостерегал, выступая в прениях по докладу М.Н. Покровского о Н.Г. Чернышевском: "При анализе высказываний Ленина о Чернышевском нельзя забывать, что Ленин писал не как историк, а как публицист и пользовался правом публициста показывать историю под нужным ему углом зрения, "натягивать историю"»²⁹.

Таковыми принципами руководствовался Рязанов, направляя работу сотрудников руководимого им Института, и требовал высокого профессионализма, творческого освоения сделанного предшественниками, уважения к нему. Подобные мысли стремился внушить и причастным к работе Комакадемии. Выступая там в марте 1928 г., он призывал к овладению научно-исследовательской культурой: «Если вы хотите быть научными исследователями, вы должны всю эту буржуазную культуру научную, которая развивалась в течение XIX и начала XX веков, всю исследовательскую историческую работу и всякую другую так усвоить, так претворить, чтобы буржуазные ученые могли бы сказать, получив вашу работу: "Правда, большевик, хотя и коммунист, но нашу кухню всю знает в совершенстве"»³⁰.

Это все предопределяло и тематику и стиль работы в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Рязанов приглашал к сотрудничеству лиц, европейски образованных, свободно владевших иностранными языками – только они могли быть квалифицированными переводчиками и комментаторами сочинений зарубежных

²⁷ Цит. по: Рокитянский Я.Г. Трагическая судьба... С. 130.

²⁸ Ульянов Н. Указ. соч. С. 193.

²⁹ Историк-марксист. М., 1928. Т. 8. С. 136.

³⁰ Цит. по: Смирнова В.А. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса... С. 79.

мыслителей, выполнять необходимую работу в библиотеке, музее, архиве. Среди них оказались и отодвинутые от общественно-политической жизни бывшие меньшевики, а в музее и библиотеке – и потомки титулованных аристократов. Столь же серьезной и усидчивой работы директор требовал и от недоучек – выпускников ИКП, заявляя, что "для научной работы нет дофинских дорог". Это вызывало публичные выступления икапистов против "политической" линии Рязанова, доносы в ЦК.

Один из таких молодых сотрудников на съезде ВЛКСМ обвинил Рязанова в том, что среди переводчиков первого тома Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса нет ни одного члена партии; говорили, что к переводческой работе привлечены в основном бывшие меньшевики – А.М. Деборин и другие (Л.Д. Троцкий потом напишет о "кознях молодых негодяев"). Рязанов с достоинством (и, конечно же, не без издевки) отвечал с трибуны того же съезда: "...Скажу с гордостью, мне удалось собрать ряд товарищей – я называю их товарищами, как называю товарищами и вас, хотя не все из вас входят в ряды партии. Мне удалось уговорить ряд товарищей не за страх, не за деньги, а за совесть работать в этом деле, упорно работать, добросовестнейшим образом работать за такое вознаграждение, за какое многие молодые люди никогда не будут работать"³¹.

Понятно, что при такой высокопрофессиональной требовательности к научной работе, в отношениях Рязанова и "спецов" преобладало взаимное уважение. С Рязановым советовались, у него искали защиты историки "старой" школы. Он, в свою очередь, поддерживал (а скорее всего, и выдвинул?) идею организации в Академии наук Института методов исторического исследования на базе возглавляемой академиком Платоновым Археографической комиссии. Когда решено было реформировать Академию наук, пополнив состав академиков коммунистами, наибольшее расположение академиков вызвала кандидатура Рязанова. И Покровский не без умысла подчеркнул, выступая на юбилейном заседании в честь Рязанова: "Мне кажется, я не нарушу никакой особенной тайны, если скажу, что Д.Б. был единственным нашим ученым, которого старая Ленинградская Академия наук соглашалась принять в свою среду раньше всяких наших общественных кампаний"³². Академики склонны были именно его избрать и вице-президентом Академии наук. Во время предварительных выборов (7 марта 1929 г.) он прошел сразу (второй вице-президент, и прежде уже занимавший такой пост – лишь при четвертой баллотировке)³³. Но в Политбюро этого не допустили, и Рязанов снял свою кандидатуру под предлогом болезни. Рязанов, поддержанный одновременно с ним избранными академиками Г.М. Кржижановским и Н.И. Бухариным, защитил от разгрома Отделение общественных наук на заседании Политбюро³⁴. Академик В.И. Вернадский в письме сыну отмечал, что Рязанов "вел себя очень свободно и во многом правильно", "он и Бухарин после первой сессии решительно выступили против ломки АН"³⁵.

Значение Рязанова в общественной жизни (причем не только в партийной среде) было очень заметным. Он не принимал активного участия в борьбе партийных группировок за власть, в противостоянии "оппозиции", явно не склонен был участвовать в "хоровых" акциях, направляемых сталинским ЦК. Имел неза-

³¹ VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ, 5–16 мая 1928: Стенограмма. М., 1928. С. 158.

³² На боевом посту. С. 119.

³³ Перченко Ф.Ф. Академия наук на "великом переломе" // Звенья: Ист. альманах. Вып. 1. С. 194.

³⁴ См.: Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противостояние историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 68–74.

³⁵ Пять "вольных писем" В.И. Вернадского сыну (Русская наука в 1929 г.) / Публ. К.К. // Минувшее. М., 1992. Т. 7. С. 434.

висимый образ мыслей и самый образованный круг общения, вел и независимый образ жизни – обитал в небольшом особняке подле здания основанного им ИМЭ, целиком подчинявшегося установленному им ритму работы. И, конечно, не случайно то, что Рязанов первым из видных коммунистов не участвовавших в оппозициях второй половины 20-х годов был уничтожен укреплявшимся тоталитарным режимом.

В марте 1930 г. торжественно отпраздновали его 60-летие. На юбилейном заседании председательствовал М.И. Калинин. Юбилера наградили орденом Трудового Красного Знамени. "В целях поощрения научных исследований по истории развития марксизма и разработке научных биографий Карла Маркса и Фридриха Энгельса" учредили "премию имени Рязанова за лучшую марксоведческую работу раз в два года, начиная с 1931 года"³⁶. Юбилей был ознаменован изданием сборника "На боевом посту" с материалами о Рязанове (в большинстве своем в необычном для подобных изданий "человечном" ключе) и научными статьями по тематике его исследований. Однако через год Рязанов был арестован. Оклеветанного ученого и революционера после недолгого тюремного заключения, без суда, выслали в Саратов. Только там из газет он узнал об исключении из партии и из состава членов Академии наук (в этом отношении его приравнивали к крупнейшим историкам, лишенным звания академика месяцем ранее, в феврале 1931 г., и тоже приговоренным к ссылке – к С.Ф. Платонову, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачеву, М.К. Любавскому) и Комакадемии. Рязанова вычеркнули из общественной жизни, лишили возможности научной работы.

Конечно, Рязанов становился все более неудобным властям после всего свершившегося в год "великого перелома" и разгрома оппозиции Бухарина и его сторонников. Демонстративная независимость его манеры поведения и высказываний, старомодная строптивость в духе социалистических партий рубежа веков, его "идейная неподкупность" (определение Троцкого) казались нетерпимыми. И это уловили молодые карьеристы из "красных профессоров". Избавление от Рязанова, изменение направленности и стиля работы основанного им ИМЭ отвечало стремлению Покровского освободиться от главного соперника на "фронте" научной идеологии и подготовки кадров марксистов-гуманитариев, а его заместителю по Главархиву В.В. Адоратскому – от главного соперника в сфере изучения и публикации наследия основоположников марксизма. Безусловно все это поддерживалось, если не направлялось, самим генеральным секретарем партии И.В. Сталиным, с личной неприязнью воспринимавшим поступки и слова Рязанова, публично не признававшим его теоретиком марксизма-ленинизма (что убедительно – с привлечением архивных данных – показано в статье Я.Г. Рокитянского).

Но падение Рязанова и избранная форма публичной экзекуции обусловлены были не только отношением влиятельных ненавистников. Это отражало и существенные изменения общественно-политической обстановки, что было связано с наступлением на "верхушку буржуазной интеллигенции", против "буржуазных спецов", провозглашенным в докладе Сталина на XVI партсъезде – Рязанов всей деятельностью своей противостоял такой партийной линии и "спецы"-гуманитарии видели в нем своего защитника, если не союзника. Отражало оно также изменение международных ориентаций Советского Союза и зависимого от него Коминтерна – Сталин не склонен был теперь учитывать уникальные личные связи Рязанова с вождями II Интернационала и мог не обращать внимание на осуждение ими расправы с международно-знаменитым марксистом. Это отражало и превращение официальной идеологии марксизма уже не в "марксизм-ленинизм", а в сталинизм, в учение четырех "классиков" марксизма-ленинизма, а Рязанов

³⁶ На боевом посту. С. 7.

настороженно относился даже к тенденции изображать Ленина новым "классиком" марксизма.

Показателем утверждения тоталитарного государственного режима и тоталитарной идеологии была и форма публичной расправы с Рязановым. Ее можно рассматривать и как репетицию политических фальсификаций последующих лет. В то же время и как первый опыт опровержения публичных похвал и официального признания особо выдающихся заслуг человека, имевших место лишь год назад. Раньше на такое скорое публичное изменение своих же оценок на 180° еще не решались, в 1930-е годы это войдет в норму общественно-политической жизни (в частности, в отношении М.Н. Покровского, именем которого назвали после кончины сразу три высших учебных заведения, а через два года были написаны замечания И. Сталина, С. Кирова, А. Жданова, еще через два года его взгляды заклеили уже как "антимарксистские") – тогда нередко объявляли врагами народа тех, кого незадолго до того награждали и возвеличивали, и даже тех, за, якобы, попытку покушения на которых других объявляли "врагами народа".

Небезопасным казался ученый-марксист даже тогда, когда имел возможность заниматься лишь переводческой работой в отдаленном от столицы Саратове, где ученый был, по его словам, "обречен на интеллектуальный голод". Сталин ожидал, что Рязанов (судьба которого волновала зарубежную общественность), публично покается, подобно другим отодвинутым от власти и бывшим партийным лидерам, но неуступчивый и непримиримый к несправедливости Рязанов продолжал считать себя "совершенно неповинным в тех преступлениях", в которых его обвиняли, и писал об этом, обращаясь в вышестоящие партийные органы, еще в 1934 г.³⁷ В 1934 г., благодаря содействию С.М. Кирова, Рязанов перебирается для продолжения научной работы в Ленинград, откуда, с началом массового террора, в начале 1935 г. его снова отправляют в Саратов, где Рязанов занимается библиотечной работой, организуя библиотеку образованного тогда в Саратовском университете исторического факультета – подвиг трудолюбия и добросовестности ученого-эрудита и методиста! В период пика кровавых репрессий, в июле 1937 г., Рязанова арестовали. В "Обвинительном заключении" следователи констатировали: "Рязанов виновным себя не признал". В последнем слове заявил: "В своих убеждениях... не искал ни союзников, ни сочувствующих"³⁸. Закрытое судебное заседание происходило в день кончины его великого сверстника Ленина. Рязанова расстреляли 21 января 1938 г.

Книге о Рязанове место в серии "Жизнь замечательных людей".

³⁷ "Я не совершал никакого преступления": Две саратовские рукописи академика Д.Б. Рязанова 1932–1934 гг. / Подг. Г.Д. Головина, Я.Г. Рокитянский // ИА. 1995. № 2. С. 216, 217.

³⁸ Цит. по: Рокитянский Я.Г. Указ. соч. С. 145–146.

И.В. Поздеева

**30 ЛЕТ ПОЛЕВОЙ АРХЕОГРАФИИ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(1966–1995)**

Все, как это обычно и бывает, начиналось со слова: в нашем случае с доклада, прочитанного на конференции молодых специалистов Научной библиотеки им. А.М. Горького МГУ А.Х. Горфункелем о его первых (1963–1965) археографических экспедициях к старообрядцам Русского Севера. Результаты этой деятельности были столь многообещающи, что не могли не заинтересовать сотрудников Отдела редких книг и рукописей Библиотеки МГУ. Первая археографическая экспедиция двух сотрудников университетской библиотеки состоялась в 1966 г. и, начиная с этого времени, ежегодно в МГУ организуется одна, а то и две и даже три экспедиции. Лето 1995 г. было 30-м сезоном полевых работ, а экспедиция этого года – 80-й. В первых экспедициях Московского университета в 1966–1971 гг. участвовали только сотрудники библиотеки, основывавшиеся на опыте своих ленинградских коллег, и прежде всего на тех рекомендациях, которые были изложены в не потерявшей и сегодня своего научного и методического значения статье В.И. Малышева "Задачи собирания древних рукописей" (ТОДРЛ. 1964. Т. XX). В ней признанный основоположник современной полевой археографии сформулировал программу археографических полевых исследований на многие десятилетия вперед. Правда, В.И. Малышев определил сроки возможных поисков только в 3–4 года, МГУ, начав работы в конце этого "отпущенного" срока, результативно ведет их и поныне.

За это 30-летие изменились не только задачи и характер научных исследований, но и характер общества, в котором археографы работают, а также и задачи науки, по крайней мере всей ее гуманитарной части.

В 60-х годах археографы прежде всего сталкивались с так называемой антирелигиозной пропагандой, которая проводилась в жизнь всеми учреждениями советской государственной и идеологической системы. На прошедшей в ноябре 1995 г. международной конференции "Живые традиции" (конференция, так же как и одноименная выставка находок экспедиций и научных трудов археографов МГУ в актовом зале старого здания университета, была проведена при финансовой помощи Российского гуманитарного научного фонда – РГНФ), посвященной 30-летию полевых исследований Московского университета, один из представителей белокрыницкой старообрядческой церкви (Рогожская община), с удовлетворением отмечая равноправное участие старообрядцев в заседаниях, с грустью напомнил, что едва ли бы это было возможно 30 и даже 20 лет назад. И действительно, в 60-х и 70-х годах археографов МГУ пытались обвинить не только в поддержке старообрядческого движения, но даже в его "систематическом насаждении", а естественно уважительные и добрые отношения со старообрядческой иерархией и общинами, которые всегда были и остаются неизменным принципом и условием как полевой, так и исследовательской работы, являлись причиной "недоразумений" и доносов. Чтобы не ставить под удар тех,

с кем мы работали на местах, необходимо было "докладывать" о сроках и маршрутах экспедиции уполномоченным по делам религии при исполкомах всех уровней. Разъяснение ценности древнего культурного наследия, сохраненного русским старообрядчеством, вызывало у них или сожаления, что не все книги были в свое время сожжены, или стремление не выпускать их из подведомственного региона. Боязнь "как бы чего не вышло" заставляла местные власти, ничего не делая для спасения памятников, запрещать не только вывоз, но даже просмотр в местах их прямой гибели.

Археографам приходилось постоянно сталкиваться не только с невежеством и соответствующими настроениями местной власти, но и с укорененным страхом самих представителей старообрядческих общин. Вопрос, который раньше или позже возникал при каждом знакомстве, был всегода один и тот же: "А вы нас расспрашиваете, чтобы потом забрать?". Причем "забрать" относилось не только к церковным книгам, но и к хозяевам.

Сегодняшним участникам археографических исследований просто невозможно представить ту страну, в которой начиналась наша работа. Это были годы, когда в деревнях почти не осталось личного скота, налог на который был непосилен для разоренных колхозников; когда старые крестьянки, потерявшие мужей и сыновей на Великой Отечественной войне, больные, и неспособные работать даже на собственном огороде, получали 12 руб. пенсии и предлагали нам одно или два яйца в обмен на соль, которую не могли, за отсутствием денег, купить. Это были годы, когда участники экспедиций сталкивались на "богатой" Брянщине с многочасовыми очередями за хлебом, и были вынуждены просить у местной власти не только разрешения ходить по домам, но и купить буханку хлеба; когда сами участники экспедиций могли жить только в палатках, готовить суп на костре, но в то время оставлять на бивуаке одного человека было вполне безопасно. Именно в этих условиях в стране складывалась та форма научной деятельности, которая получила название полевой археографии, признанной позднее самостоятельной научной дисциплиной. В те же годы у старшего поколения археографов сложилось представление о глубокой личной ответственности перед теми людьми, кто нередко ценой своей жизни хранил (и создавал!) бесценные сокровища русской культуры, к которым на протяжении веков небрежно или преступно относилась официальная власть. Именно в те годы возникли прочные принципы, которые вот уже 30 лет передаются молодым исследователям: неизбывной ответственности ученого и гражданина перед историей, ибо именно археографы воочию видели незащитность истории и максимальную уязвимость документа. Владелец одной из рукописей, хранящейся в фондах МГУ, написал на ней: "...О неоцененная древность! Где... тебя обрящешь более? Не одна рука времени имя твое загладила, но и зависть окрестных врагов твоих большею частию предала огню и острию меча – громъ хищной войны поглощалъ твои труды неоднократно..." (ОРКиР НБ МГУ. № 1398. Л. 1).

Таким образом, объективная ситуация в стране, необходимость спасения гибнущих памятников, незначительные силы и средства на полевые работы, определяли задачу и характер первого периода складывания полевой археографии, которая в те годы была чистым или почти чистым собирательством.

Рубеж между первым и вторым периодом развития полевой археографии¹ как самостоятельной научной деятельности (чаще всего при периодизации науки условный) можно отнести к 1970 г. К этому времени рядом научных учреждений

¹ В предлагаемой статье речь идет только о полевой археографии памятников кирилловской письменной традиции и кириллической печати, которые являются основой традиционной русской культуры, сохраненной и развитой общинами русских староверов.

был накоплен опыт полевой работы, собраны тысячи памятников древнерусской рукописной книги и кириллической печати².

Необходимо отметить, что период археографического "собираательства" начинается отнюдь не 60-ми годами XX в. Основоположник полевой археографии В.И. Малышев начал работы в 1934 г. и, в свою очередь, продолжал деятельность "путешествующего археографа" П.М. Строева, его соратников и последователей XIX в. Эту преемственность как с точки зрения содержательной, так и этической стороны своей деятельности понимали большинство археографов 60-х годов, когда складывается или скорее распространяется представление об общегосударственном значении полевой археографии, сформулированное еще в вышеназванной статье В.И. Малышева. Решающую роль для дальнейших судеб полевой археографии в те годы несомненно сыграла Археографическая комиссия АН СССР, воссозданная 13 апреля 1956 г. по инициативе академика М.Н. Тихомирова, который и как ее председатель уделял самое серьезное внимание теории археографии и организации полевых работ. После смерти Тихомирова дело своего учителя продолжил, став председателем Археографической комиссии, С.О. Шмидт.

Уже в 1968 г. на заседании комиссии был поставлен доклад о методике полевого собирания и изучения документальных памятников инициатора и руководителя археографических работ в Сибири, также ученика академика М.Н. Тихомирова – Н.Н. Покровского, которому вместе с созданной им новосибирской школой археографов, принадлежит честь "археографического открытия" Сибири (определение академика Д.С. Лихачева). Археографическая комиссия в 1970 г. помогла объединить достижения и опыт полевой работы, посвятив проблемам полевой археографии ежегодные "Тихомировские чтения" и выпустив сборник представленных на конференции докладов³.

Полевая археография тех лет не могла быть свободна от влияния окружающей действительности. Оно проявлялось и в невнимании крупнейших хранилищ к среде бытования книги, и в конкуренции различных научных учреждений, выливавшейся в своеобразное "местничество", что серьезно мешало перерастанию собирательства в научные исследования. На конференции обсуждались проблемы разделения изучаемых районов, необходимости "сплошной археографической разведки" регионов еще необследованных, комплексных работ в регионах высокой сохранности традиции, была отмечена роль Ленинградского, Новосибирского и Московского университетов в подготовке кадров, выработке методики и практической организации полевых работ.

Именно эти проблемы – проблема кадров и проблема методики – оказались в те годы важнейшими и для полевых археографических исследований МГУ. Однако решение их как в рамках Московского университета, так и в рамках Российской Федерации относится, как нам представляется, уже ко второму периоду в истории полевой археографии, начало которого определяют Тихомировские чтения 1970 г., а завершение – Первая всесоюзная конференция по полевой археографии, подготовленная и проведенная в 1976 г. той же Археографической комиссией. Именно в те годы и происходит становление полевой археографии как научной дисциплины со своими специфическими задачами и методами их решения, определенной в 1976 г. С.О. Шмидтом, как собирание и изучение памятников древнерусской книжности в среде их бытования⁴.

² *Тверская Д.И.* О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // ИСССР. 1976. № 1. С. 106–124.

³ Тихомировские чтения 1970 года: Материалы науч. конф., посвященной опыту организации археогр. экспедиций в РСФСР. М., 1970.

⁴ *Шмидт С.О.* Вступительное слово // Проблемы полевой археографии. М., 1979. С. 9.

Прежде чем говорить о новых сторонах полевых исследований, напомним, что чем больше становятся они научной деятельностью, тем более к ним приложимо (а позднее, и абсолютно необходимо) условие коллективности. Успех полевых работ зависит не только от знаний каждого, как ученого, но и от его человеческих качеств, норм поведения, этических принципов работы с людьми. В полевые исследования вносят свою лепту каждый участник, будь это доктор наук или впервые поехавший в "поле" студент. В этой области научной деятельности особенно важен учет опыта каждого коллектива, понимание специфики и методики каждой научной школы. Именно складывание в 60–70-х годах нескольких довольно разных в своих подходах к проблеме и в своих интересах научных школ определило и определяет дальнейшее развитие полевой археографии.

В первые годы работы археографические поиски в МГУ вели два-три сотрудника Научной библиотеки (И.Д. Кашкарова, И.В. Поздеева), которыми в 1966–1970 гг. было собрано 249 рукописных и 360 старопечатных книг (420 из них относились к XVI и XVII вв.). С 1972 г. к археографическим работам присоединились студенты-филологи (прежде всего ученики профессора филологического факультета МГУ В.В. Кускова), студенты и сотрудники исторического факультета. Именно в начале 70-х годов складывается факультативный коллектив, объединившийся вокруг Археографической группы МГУ, созданной в июне 1971 г. по инициативе ректора академика И.Г. Петровского при кафедре Источниковедения отечественной истории исторического факультета (И.В. Поздеева, М.М. Леренман, Т.А. Круглова). В 1972 г. впервые в археографических экспедициях университета приняли участие студенты, прошедшие серьезную специальную подготовку, которая базировалась на основных дисциплинах филологического и исторического факультетов МГУ.

К знаниям средневековой русской литературы, истории, языка, палеографии, источниковедения и других обязательных дисциплин добавлялись курсы догматического и литургического богословия, православного церковного календаря, литургической (в том числе певческой) и учительной книги. Позднее обязательными стали краткие курсы истории христианства и старообрядчества, методики полевой археографии, определения и научного описания рукописной и старопечатной книги. Параллельно складывалось и представление о методике полевых работ, которые уже понимались не как выявление и получение книги, а как собирание и изучение книги в среде ее традиционного бытования. Еще в 1968 г. Н.Н. Покровский совместно с его коллегами был поставлен вопрос о комплексных задачах полевых работ (АЕ за 1968 год. М., 1970). Эта проблема полнее была раскрыта им на вышеупомянутой конференции "Тихомировские чтения" 1970 г. Археографам Московского университета также была очевидна "абсолютная необходимость подробнейшей фиксации всех разнообразных условий, в которых находился найденный материал"⁵.

В начале 70-х годов на базе осмысления как своего, так и чужого опыта разработаны легшие в основу полевой методики представления о категориях сохранности традиционной культуры в старообрядческих регионах⁶. Район, который определялся как район "*первой категории*", характеризовался сохранностью традиционной культуры как системы. В таких районах не только сохранялась древнерусская традиционная книжность, но и во многом зависящая от нее устная словесность и материальная культура. Здесь еще можно было проследить внутренние связи живой традиции, их зависимость от догматических воззрений

⁵ Поздеева И.В. Археографическая экспедиция Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А.М. Горького МГУ в 1966–1967 гг. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 259.

⁶ Поздеева И.В. Комплексные археографические экспедиции: Цели, методика, принципы организации // ИСССР. 1978. № 2. С. 103–115.

данного направления староверия. В этих регионах необходимы систематические развернутые во времени, комплексные полевые исследования, задачей которых является выявление и изучение не только книжности в среде ее бытования, но и самой среды – т.е. местного варианта традиционной культуры. В районах "*второй категории*", как правило, сохраняется традиционная книжность и какие-либо из характерных черт определяемой ею культуры. Здесь необходимы систематические археографические работы и изучение сохранившихся языковых, фольклорных, музыкальных или художественных традиций. В районах "*третьей категории*" можно было найти только отдельные элементы традиционной культуры. В основе всех полевых работ лежит так называемая "сплошная" археографическая разведка, задачей которой является определение уровня сохранности традиций (т.е. категории района), зависящие от него состав полевых исследований и их методика.

Даже самые тщательные полевые работы, теряют свое научное значение, если все, обнаруженное в процессе их проведения, не фиксируется достаточно подробно. Полевая документация археографов МГУ сложилась в начале 70-х годов и до сих пор в основе своей сохраняется. Все конкретные разыскания и работу с людьми ведет группа из двух или трех, специально для этого подобранных сотрудников, повсеместно названная "полевой отряд", который и фиксирует всю полученную им в поле информацию в "полевом дневнике отряда". В 1974 г. в связи с обилием и сложностью комплексной информации о культуре изучаемых районов было принято решение о ведении в поле не только черного, но, обязательно, белого дневника, информация которого затем обрабатывается в стационарных условиях хранилищ и разносится соответственно в картотеки: территориальную (административно-алфавитную), находок и другие картотеки, которые сегодня существуют также и в памяти компьютера.

Другим документом в полевой работе является так называемый паспорт каждой полученной книги: в нем фиксируется информация о времени и месте получения книги, ее последнем хозяине, его отношении к старообрядческому движению. Паспорт – индивидуальный документ, который подписывает начальник отряда, получившего книгу, и он должен вместе с ней храниться. Все находки полевых экспедиций записываются в книги, которые получили название *тетради находок*. В ней фиксируется адрес лица или общины (с их разрешения), передавших документ; сведения о его происхождении, функционировании и использовании, указывается его датировка и способ приобретения. Тетрадь находок является официальным документом (ее листы заранее пронумерованы), позднее в нее вносятся шифры, которые получили находки в библиотеке МГУ или указывается, куда они были переданы. Важными для методики полевой работы, во многом и определившие ее специфику и научные возможности, стали правила: обязательная фиксация в полевых дневниках и, по возможности, более полное описание *всех* (и рукописных, и печатных) памятников, выявленных в районе, особенно тех, которые не получены (естественно, речь идет только о кириллической книге).

Сделать это профессионально можно только при наличии подготовленных кадров – участников исследований. В 1972–1973 гг. в состав факультативного археографического коллектива вошли будущие руководители его специальных направлений, которые и сегодня продолжают исследования культуры русского старообрядчества. Это филологи: Е.М. Сморгунова (исследование живого языка старообрядцев и их рукописного наследия), С.Е. Никитина (исследование традиционной устной словесности и народного православия), этнограф Г.Н. Чагин (общие и частные проблемы традиционной материальной и духовной культуры и этнологии), и немного позже Л.А. Игошев (древнерусская церковная музыка), студенты и аспиранты, в большинстве случаев ставшие специалистами в обла-

сти древнерусской истории, источниковедения, археографии, филологии, истории культуры: Н. Кобяк, Т. Брун, Т. Борисова, Н. Коршунова, Е. Варенцова, Т. Тутова, С. Паскаль, В. Калугин. В работах начала 70-х годов принимали также участие лингвист О.А. Князевская, искусствовед Э.К. Гусева, музыковеды М.Б. Чернышова и М.В. Богомолова. В 1975 г. начала работать будущий руководитель многих экспедиций – Е.Б. Смилянская и несколько позднее – Е.А. Агеева. Им и многим десяткам других участников экспедиций, мы, пользуясь случаем, выражаем искреннюю и глубокую признательность, так как именно этому коллективу и принадлежат все успехи как в собирательской, так и в научной археографической деятельности Московского университета.

Представление о районах *первой категории*, где традиционная культура сохранилась как система, и обязательное научное описание всей кириллицы, обнаруженной экспедициями, позволили поставить еще одну важную для полевых исследований проблему – репрезентативности комплекса книжности исторически сложившегося и географически определенного старообрядческого региона относительно истории духовной жизни носителей данной догматической и культурной традиции. Вместе с ростом собранных научными центрами книжных фондов эта проблема все более осмысливалась как одна из важнейших. Очевидно, что для доказательства возможности путем полевой археографии создать репрезентативный региональный комплекс письменных источников, потребовалось время. Также очевидно, что репрезентативные книжные собрания можно было составить только в районах первой категории; книжность, собранная экспедициями в районах иной категоричности получила определение территориальной *книжной коллекции*⁷.

В ОРКиР НБ МГУ сейчас хранятся два территориальных книжных собрания (Ветковско-Стародубовское: 662 единицы, 385 относятся к XV–XVIII вв.; Верхотамское: работы 1972–1992 гг., 581 единица и 15 территориальных коллекций. В том числе, Молдавско-Украинская (636 единиц, 329 – XV–XVIII вв.); Оренбургско-Казахстанская (279 единиц, 104 – древних), Московская (1981–1993 гг. работы, 181 единица, 91 – XV–XVIII вв.), Кавказская (работы 1986–1994 гг.; 77 единиц, 31 – XVI–XVIII вв.) и т.д.⁸ Наиболее полные и убедительные доказательства подлинной исторической репрезентативности современной книжности местного старообрядчества для восстановления и изучения истории его развития и бытования в регионе, выполнены во время работ в районе первоначально названном Верещагинским (по названию центрального административного района), а затем ему было присвоено старое название Верхотамье, установленное по источникам XVIII в., под которым он сейчас и известен в научной литературе. В этом районе археографы МГУ ведут ежегодные работы начиная с 1972 г., когда во время сплошной разведки Пермской области (Верещагинский, Очерский и Сивинский районы Пермской области, Кезский и часть Базинского районов Удмуртии) он был найден и определен по сохранности традиционного культурного слоя как район первой категории.

Верхотамье оказалось также уникальным заповедником устной традиционной словесности (особенно очень редкого в XX в. духовного стиха), традиционного хозяйства, архитектуры, ремесла, народного быта. Уровень сохранности словес-

⁷ Поздеева И.В. Территориальная книжная коллекция и задачи комплексных археографических исследований // Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. М., 1978. С. 111–119.

⁸ См.: Кобяк Н.А., Леренман М.М., Поздеева И.В., Смилянская Е.Б. Задачи и результаты комплексных археографических экспедиций Московского университета 1966–1980 // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С. 11–39; Агеева Е.А., Смилянская Е.Б. Находки археографических экспедиций, пополнявшие фонды МГУ // Из фонда Редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 236–256.

ности в ее двух традиционных формах – письменной и устной – позволил обратиться к методам работы, которые до этого показались бы совершенно невозможными: в Верхокамье археографы смогли сначала теоретически вычислить наличие в местной духовной культуре типичных для старообрядчества памятников, а затем найти их. Так было с находками исторических сочинений о расколе 1866–1888 гг. местной поморской общины на два остро полемизирующих согласия, местных родословий, а также текста посланной сюда в 1735 г. с поморским старцем Григорием Яковлевичем грамоты Симеона Денисова, сведения о которой первоначально были получены только из устной традиции. Параллельное собирание и изучение Верхокамской традиционной словесности позволило коллективу выполнить первоначальную разработку комплексной полевой методики, которая основывалась прежде всего на представлениях о репрезентативности местной традиции и в "горизонтальном" и в "вертикальном" ее исторических аспектах.

Сегодня можно говорить, что зафиксированный в регионе комплекс источников охватывает все *пространство истории* местного старообрядчества, начиная с последней трети XVII в., когда сюда пришли бежавшие из Москвы сторонники Аввакума, до начала археографического изучения этого района. Имея целый ряд исследований и, главное, полное научное описание Верхокамского территориального книжного собрания МГУ⁹, основные положения о репрезентативности и источниковедческом значении этого книжного комплекса можно считать очевидными. Кроме понятия репрезентативности, применительно к новому живому материалу необходимо было разработать и представления о единстве традиционной словесности, содержания и структуре понятий книжности и традиционной книжной культуры, о составе комплексных работ, последовательности, роли и взаимоотношениях в них разных направлений исследования и многое иное.

Аналогичные проблемы так или иначе решались всеми научными коллективами, участвовавшими в полевых работах. В 1974 г. археографические исследования начал ныне широко известный коллектив Екатеринбургского (Свердловского) университета во главе с Р.Г. Пихоей. Археографы МГУ прочитали в Свердловском университете несколько специальных курсов, и провели первую экспедицию молодых коллег, помогая им освоить методику организации комплекса и ведения полевой документации. В те же годы возникла и полевая археография на базе областной библиотеки г. Перми. В 1973 г. сотрудники этой библиотеки, воспитанники ленинградской археографической школы, участвовали в Верхокамских работах МГУ и самостоятельно начали собирание книг в нескольких старообрядческих районах Пермской области. К сожалению, эти работы быстро прекратились.

Сегодня трудно переоценить значение в развитии полевой археографии московской конференции, состоявшейся в декабре 1976 г. С докладами выступили руководители основных полевых работ, а общее их состояние и задачи были проанализированы руководителями Археографической комиссии АН СССР, ее председателем С.О. Шмидтом и ученым секретарем В.А. Черных. Особое внимание на конференции было уделено археографическим экспедициям как методу изучения народной культуры – доклады Н.Н. Покровского, А.С. Мыльникова и выступление А.И. Копанева. Непосредственной конкретизации этих положений применительно к комплексным археографическим экспедициям (проблема полевой методики) был посвящен доклад И.В. Поздеевой. Именно культурологические проблемы особенно широко обсуждались на конференции и касались проблем книги и культуры (доклад А.С. Мыльникова), взаимосвязи археографии

⁹ Агеева Е.А., Кобяк Н.А., Круглова Т.А., Смилянская Е.Б. Рукописи Верхокамья: Каталог. Из собрания Научной библиотеки Московского университета им. М.В. Ломоносова. М., 1994.

и археологии (доклад В.Л. Янина). В программе были представлены также доклады о состоянии полевой археографии в области собирания письменности народов востока (доклад Г.Ф. Гирса, выступление М.А. Усманова) и нового времени (доклад А.А. Курносова, выступление Н.Б. Волковой).

Естественно, необходимость значительного усложнения методики работ, связанная с проблемами комплексного изучения традиционной культуры как системы, научного описания всех найденных в поле книг были одобрены далеко не всеми руководителями полевых работ и далеко не всеми введены в практику. Споры вокруг комплекса продолжались еще много лет и, к сожалению, комплексные исследования в полном или значительном объеме, фактически, были проведены в 70-х и 80-х годах только новосибирскими, московскими и свердловскими археографами. Однако конференция 1976 г. в своих рекомендациях достаточно полно и последовательно сформулировала основные принципы проведения полевых работ, которые затем, благодаря трудам Археографической комиссии и научно-педагогической деятельности многих коллективов были в той или иной степени проведены в жизнь: юридическое обоснование работ; их географическое размежевание и координация; подготовка кадров археографов как важная задача университетов; создание территориальных книжных комплексов как наилучшая форма организации собирания документальных памятников; особенное значение комплексных археографических исследований с участием специалистов в области смежных научных дисциплин; проведение сплошной археографической разведки всех территорий.

На конференции были поставлены вопросы и о необходимости создания "археографической" карты, оперативном издании сведений о результатах археографических экспедиций, что в значительной степени было решено путем публикации их кратких отчетов в "Археографическом ежегоднике". С этого времени Археографическая комиссия АН СССР стала реальным координатором, а во многом и руководителем полевых работ фактически во всесоюзном масштабе. В последующие годы количество научных учреждений и организаций, ведущих полевые работы значительно выросло, а их ежегодные результаты стали исчисляться тысячами находок.

Конец 70-х – 80-е годы, когда новая научная дисциплина окрепла и каждый из коллективов выработал свой специфический путь исследований, прекратились споры из-за регионов и другие признаки "местничества", всеми участниками была признана и по возможности стала проводиться в жизнь методика комплексных работ (или ее отдельные направления), – началась скрупулезная работа по осмыслению многоаспектных результатов экспедиций и их специфических задач, введение в научный оборот тысяч новых памятников и их всестороннее изучение. Очевидно, что каждый из коллективов внес в это общее творчество свой незаменимый и неповторимый вклад.

Коллектив археографов Московского университета, значительно пополненный молодыми, но уже опытными кадрами, прошедшими специальную подготовку, ни на один год не прекращал полевых работ. Основными их принципами стали: комплексное исследование традиционной культуры, базой сохранения и воспроизводства которой является традиционная кириллическая книжность, и изучение исторического пространства этой культуры, т.е. изучение ее в историческом развитии и географическом движении. Метод комплексных исследований был разработан и осуществлен во время полевых работ 1972–1996 гг. в районе Верхокамья. Результатом этих исследований стало Верхокамское территориальное собрание МГУ, насчитывающее сейчас около 600 памятников, начиная с рукописи 1456 г., в этом районе выявлено и описано в поле более 2 тыс. рукописей и печатной кириллицы. Во второй половине 80-х годов собирание и изучение памятников традиционной духовной культуры местного старообрядческого насе-

ления было дополнено всесторонними исследованиями материальной культуры, которые ведет Пермский областной краеведческий музей (ПОКМ) и Пермский университет во главе с известными пермскими этнографами С.А. Димухаметовой и Г.Н. Чагиным. Существенный вклад в понимание состояния и динамики развития традиционной культуры Верхоямья внесла также известная социолог К.Г. Мяло. В 1994 г. здесь началось создание TV-архива местной традиционной культуры, которое выполняет в составе археографических экспедиций Лаборатория аудиовизуальной антропологии МГУ во главе с Е.В. Александровым.

Сегодня комплексный источник по истории духовной и материальной культуры русскоязычного населения района Верхоямья всесторонне исследован самыми разными специалистами, работы которых по этим вопросам широко известны. К 1990 г. ими уже было опубликовано около пяти десятков каталогов, книг и статей¹⁰. В 90-х годах благодаря работам В.П. Пушкова, полевые исследования были дополнены изучением (по местным архивам и по похозяйственным книгам) важных вопросов истории старообрядческих хозяйств, а также всего комплекса имеющихся в нашем распоряжении статистических сведений.

Другое направление в археографических исследованиях МГУ связано с анализом старообрядческой книжности, как модели воспроизведения и результатов развития книжности средневековой. Достаточно хорошо зная состав, функции и культурную роль церковных и монастырских библиотек, мы фактически, не имели источников для изучения книжности и книжной культуры народа. Только экспедиционная работа, при условии репрезентативности собранного по отношению к характеру народного чтения и духовных интересов XVI–XVII вв., впервые позволила ставить и убедительно решать этот вопрос. Позволим себе пример, который с благодарностью заимствуем у академика Н.Н. Покровского.

Во время одной из археографических конференций в Екатеринбурге в докладах Н.Н. Покровского и И.В. Поздеевой, подготовленных совершенно независимо и на разном материале археографических находок, был составлен список наиболее авторитетных читаемых и переписываемых христианских и русских авторов, который на 9/10 совпал не только в персоналиях, но и в их взаимном расположении, что показало несомненную объективность и полностью зафиксированной археографами древнерусской традиции. Поэтому изучение структуры, состава, функции текста и памятника в традиционной книжной культуре представляют особое значение, связанное как с восстановлением истории духовной жизни русского народа позднего средневековья, так и современной традиционной культурой русского старообрядчества как ее продолжением. Таким образом, важнейшим результатом всех полевых работ, какой бы характер – от собирательства до полного научного комплекса – они не носили, является выявление и изучение кириллической традиционной книжности в среде ее бытования. Археографическими экспедициями собраны десятки тысяч памятников, отражающих все жанры и все направления древнерусской книжности десятков регионов. Поэтому за всеми полевыми работами этого типа справедливо сохраняется название именно археографических.

Совершенно исключительное значение имеют находки экспедиций для изучения традиционной духовной истории русского народа XVIII–XIX и даже XX вв. Археографами открыты тысячи неизвестных до этого оригинальных богословских, литературных, исторических, догматических, полемических текстов, не оставляющих никаких сомнений в самом широком и напряженном творчестве

¹⁰ См. статьи в сборнике "Русские письменные и устные традиции и духовная культура" (М., 1982) и библиографию "Научные публикации по итогам комплексных археографических исследований МГУ (1966–1992)" // Мир старообрядчества. Личность. Книга. Традиция. М.: СПб., 1992. Вып. 1. С. 127–137. См.: № 9, 12, 17–19, 22, 24, 25–29, 34, 36–37, 39–40, 42–43, 46, 48–50, 52–53, 55, 57–58, 61, 63–66, 69, 72–74, 78, 80–83, 86, 93–96, 99–102.

русского старообрядческого крестьянства. Сотни неизвестных посланий, житий, родословий и всех остальных традиционных жанров, авторами которых были сторонники этого движения, начиная с Аввакума и братьев Денисовых, до ранее никому неизвестных крестьян и монахов как XVII так и XX вв. Очевидно, именно эти яркие свидетельства живых творческих традиций, сохраненных русским народом несмотря на века преследований – наиболее крупное коллективное открытие полевой археографии, которое предстоит осмысливать и исследовать еще много десятилетий.

Очевидно, что необходимым условием для любого из названных исследований, как и условием успешности осуществления комплексных работ и каждого из их составляющих, является оперативное изучение полученных материалов. Отсюда вытекает необходимость для всех полевых коллективов осуществлять параллельно экспедиционным камеральные археографические и источниковедческие исследования. Результатом их стали многочисленные каталоги и описания, обобщающие и анализирующие собранный в поле материал научные публикации¹¹.

Находки археографов заставили пересмотреть также многие исторические, книговедческие и культурологические проблемы, связанные с историко-культурным значением ранней старопечатной книги и в русской средневековой культуре, и в 300-летней истории русского старообрядчества. Оказалось, что создание репрезентативных территориальных книжных собраний невозможно без включения в них дониконовской старопечатной книги, которая в большинстве районов обслуживала (и сегодня еще обслуживает) важнейшие культурно-исторические функции традиционной культуры, прежде всего, функции литургические.

Насколько искаженными могут быть выводы о характере книжности, если в полном объеме не учитывать старопечатную книгу, показывает анализ зафиксированных в Верхокамье литургических памятников. Из них датируются: XVI в. – 3 рукописных, 27 печатных (90%) – 30 книг; XVII в. – 8 рукописных, 531 печатных (98,5%) – 539 книг; XVIII в. – 9 рукописных, 10 печатных (52,6%) – 19 книг; XIX–XX вв. – 267 рукописных, 216 печатных (44,7%) – 483 книги.

Поскольку до 60-х годов многие экспедиции старопечатную книгу не собирали, возникали казавшиеся убедительными легенды об особой "светскости" крестьянской книжности, например, северных районов России. Старопечатная, преимущественно московская книга, обслуживала не только богослужение. В том же Верхокамье экспедициями выявлено 54 экземпляра Прологов и 35 экземпляров поучений Ефрема Сирина (и со словами аввы Дорофея) московской печати при 6 списках Прологов XV–XVII вв. и одном списке Паренесиса XVII в. Ранняя печатная книга, как показал анализ местных верхокамских сборников, являлась источником большинства из наиболее излюбленных и часто переписываемых во все века существования старообрядческой культуры текстов. Эта картина ти-

¹¹ Кашкарова И.Д., Поздеева И.В. Книги XVI–XVII вв. кирилловской печати, поступившие в Научную библиотеку им. А.М. Горького МГУ в 1966–1968 гг. // Рукописная и печатная книга в фондах Научной библиотеки Московского университета. М., 1973. С. 41–73; Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М. Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980; Кобяк Н.А., Поздеева И.В. Славяно-русские рукописи XV–XVII вв. Научной библиотеки Московского университета (поступления 1969–1978). М., 1981; Кобяк Н.А., Поздеева И.В. Славяно-русские рукописи XIV–XVII вв. Научной библиотеки МГУ (поступления 1964–1984 гг.). М., 1986. Поздеева И.В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры русского старообрядчества // Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen: Akten des Heidelberger Symposions. Heidelberg, 1988. S. 224–263; и др. См. статьи в сборниках: Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982; Мир старообрядчества. М.; СПб., 1992; Вып. 1. Личность. Книга. Традиция; Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993; Чагин Г.Н. Традиционные связи духовной культуры семьи и общины русского старообрядческого населения Верхокамья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992.

пична фактически для всех исследуемых московскими археографами регионов. Именно полевая археография ускорила пересмотр существовавшего в науке до середины XX в. положения, отрицающего культурно-историческое значение деятельности крупнейшей российской типографии XVII в.

Исследование состава и характера изданий и их функций в культуре своего времени позволили доказать, что, во-первых, литургическая книга имела самое серьезное не только идеологическое, но и широкое политическое значение; почти треть напечатанной Московской типографией продукции, в том числе использовалась для обучения, а изданные в первой половине XVII в. Печатным двором сборники отвечали на самые важные и актуальные вопросы духовной жизни и полемической борьбы. Архив Московского печатного двора (РГАДА. Ф. 1182), в котором сохранились сведения о многих десятках тысяч фактов продаж новой печатной продукции, позволил проследить быстрое распространение печатной книги во всех регионах Российского государства. Таким образом, значение печатной книги в традиционной старообрядческой культуре соответствует роли изданий Московского печатного двора в культуре своего времени.

Полевые работы заставили также принципиально пересмотреть и отношение к каждому экземпляру старопечатной книги как к историческому источнику. То что сегодня кажется элементарным – необходимость выявления исторических особенностей экземпляра: записей, помет, вставок и даже утрат как важнейших исторических фактов, связанных с выполнением книгой своей историко-культурной функции – еще недавно в большинстве хранилищ не признавалось. Комплексное изучение традиционной культуры как системы оказало существенное влияние на современную этнографию, музейное дело, фольклористику и т.д. Фактически все направления этнологии, исторической психологии, истории религии и народного сознания не могут сегодня не считаться с материалами, полученными полевой археографией. Если в первые периоды своего существования археографические экспедиции создавали комплексы письменных памятников, отражающих духовную историю носителей традиционной культуры региона, то результатом комплексных работ становится территориальный архив, отражающий, как правило, основные направления традиционной культуры как системы. 23-летняя работа в Верхокамье наиболее показательна. Культура местного русскоязычного старообрядчества отражена в фондах: Верхокамское книжное собрание МГУ; архив фонозаписей – более 2 тыс. номеров, в том числе и музыкальных; Собрание памятников материальной культуры, состоящее более чем из 3 тыс. единиц основного хранения (ПОКМ); в Археографической лаборатории МГУ хранится значительный фото- и слайдо-фонд, а также фонд переписки с носителями старообрядческой культуры района, собранный в 1972–1996 гг. Все эти материалы, в том числе и TV-архив традиционной культуры (45 час. записей), объединяет фонд полевой документации, в котором сегодня насчитывается уже многие сотни страниц полевых дневников и тысячи карточек в рабочих картотеках. Фактически этот комплекс источников нерасторжим, ибо отражает одно конкретно-историческое явление, а именно – живую традицию древней национальной культуры, базирующуюся на кириллической книжности и народном православии в форме старообрядческой поморской веры. И только знание всех памятников дает возможность правильно понять и объяснить особенности жизни местного населения последних веков: и такие, как необычная карта старых деревень (кустовая), сохранение именно в этом небольшом районе архаической избы, или наличие в деревнях мелких, а не крупных форм местной керамики. Все эти явления объясняются особенностями воззрений местного старообрядчества, семейной и конфессиональной его организацией.

В свою очередь, современный уровень развития полевых исследований ставит перед их руководителями новые задачи и вопросы. Если ранее приходилось

доказывать необходимость собирания старопечатной книги и источниковедческую важность территориальных книжных собраний, то сегодня вопрос идет о создании территориальных архивов местной традиционной культуры из документов на разных, в том числе и современных, носителях. С точки зрения общей государственной организации и правового обеспечения полевых работ, также как и проблемы их финансирования, мы снова как бы вернулись в уже далекие 60-е годы. Если тогда руководителей хранилища надо было убеждать брать находки археографов в полном составе, то сегодня ни одно хранилище не готово принять комплексный территориальный архив и создать условия для его хранения, так как развитие архивного дела привело к строгой специализации архивов. К сожалению, координация археографических работ, которой долго добивались, и которая успешно проводилась в жизнь Археографической комиссией, прекратилась. Разрешения на полевые работы, которые выдавали архивные управления краев и областей по рекомендации Археографической комиссии, теперь не являются необходимым документом. Каждая организация, каждая область и даже район (например, в Пермской области) сам устанавливает свои правила для экспедиций, приезжающих на его территорию, может их разрешить, а может и запретить. Точно также организуют их и научные учреждения – когда хотят и куда хотят. К тому же почти все учреждения, которые ранее вели археографические работы, теперь просто не имеют средств. Таким образом, дело, которое привело к развитию целого ряда научных дисциплин, вернуло потомкам десятки тысяч памятников культуры их предков, дело, которое актуально сегодня и важно для нашего будущего, может просто погибнуть, если не будут приняты достаточно быстрые и реальные меры, поскольку именно в полевой археографии особенно необходима преемственность.

Однако, по крайней мере у университетских археографов, нет причин заканчивать оценку современного состояния работ на столь печальной ноте. На историческом факультете, наконец, в конце 1995 г. решением Ученого совета оформлено существование Археографической лаборатории в составе кафедры источниковедения отечественной истории, а направление ее исследований стало одним из приоритетных, в том числе, и для педагогической работы. Пока, благодаря истфаку МГУ, программе "Университеты России" и РГНФ удавалось систематически проводить (хотя и в значительно меньших масштабах) полевые и стационарные исследования. И мы уверены, что уникальные кадры археографов-источниковедов, которые готовят и школа Московского университета, и другие научные полевые школы, сумеют вернуть завтрашнему дню России еще многое из наследия прошлых поколений.

ПАТРИАРШИЕ КНИГОПИСЦЫ И ЗОЛОТОПИСЦЫ КОНЦА XVI–XVII вв.

Древнерусская или старомосковская книгописная мастерская представляла собой, с одной стороны, издательское предприятие (в особенности это касается скрипториев крупнейших монастырей, Московской митрополичьей кафедры), а с другой – художественный центр, связанный с искусством книжного письма, золотописания, гравирования, оформления дорогих переплетов. С этой точки зрения древнерусские и старомосковские скриптории, каждый в отдельности, заслуживают самого пристального исследовательского внимания. Учитывая также, что определение места и времени изготовления тех или иных рукописей, представляющих собой важный исторический источник, опять-таки приводит к изучению истории книгописных предприятий, данная исследовательская задача представляется достойной специальных разысканий.

Российские исследователи древней книжности уже имеют опыт работы в этой области. Особого внимания удостоилась книгописная мастерская Посольского приказа в XVII в. И.М. Кудрявцев указывал, что при А.С. Матвееве в Посольском приказе «развернулась работа по "строению" книг, содержащих переводные и оригинальные тексты. Переписывались и оформлялись рукописные, а иногда и печатные книги, и это делалось в таком масштабе, о котором раньше и не помышляли... многие рукописи, изготовленные там (в Посольском приказе. – Д.В.) роскошно оформлялись целым штатом иконописцев, золотописцев, писцов»¹. Исследователь установил примерный штат скриптория, перечислил рукописи, созданные в нем, идентифицировал труды над некоторыми из них с деятельностью конкретных книгописцев и золотописцев². З.Е. Калишевич высказывала мнение, согласно которому Посольский приказ в середине XVII в. «сделался вторым, после Оружейной палаты, художественным центром страны»³. Ею была установлена хронология существования книгописной мастерской при Посольском приказе – от введения штатной должности золотописца (1632) до последнего упоминания золотописцев (1718)⁴.

Деятельность художественной мастерской Оружейной палаты стала темой специальных исследований В.К. Трутовского и Н.Е. Мневой. Первый лишь отметил работы иконописцев Оружейной палаты над украшением грамот и рукописей⁵. В статье Мневой в отношении скриптория Оружейной палаты,

¹ Кудрявцев И.М. "Издательская деятельность" Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга, исследования и материалы. М., 1963. Вып. VIII. С. 181–182. См. также: Морозов Б.Н. Из истории русской переводной и технической книги в последней четверти XVII – начале XVIII в. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1993. С. 107–124.

² Кудрявцев И.М. "Издательская деятельность"... С. 185–240.

³ Калишевич З.Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 392–393.

⁴ Калишевич З.Е. Художественная мастерская... С. 394–395.

⁵ Трутовский В.К. Боярин и оружничий Б.М. Хитрово и Московская Оружейная палата // Старые годы. 1909. № 7–9.

проделана, по сути, такая же работа, какую несколько позже показал уже в качестве образцового примера И.М. Кудрявцев на материалах, касающихся скриптория Посольского приказа⁶.

А.Н. Свирин подчеркивал значительную роль в истории старомосковской культуры некоторых скрипториев, в частности, для XVI в. – книгописной мастерской архиепископа Макария в Новгороде⁷, а для XVII в. – опять-таки художественных центров Оружейной палаты и Посольского приказа⁸. Н.Н. Розов совершенно справедливо отмечал в 1971 г., что "история... рукописной книжности XVII в. только еще начинает создаваться советскими книговедами, она находится пока в стадии накопления фактов"⁹. К настоящему времени "стадия накопления фактов" еще, к сожалению, не миновала: серьезных обобщающих трудов по этой теме нет. Розову также принадлежат важные наблюдения по поводу истории книгописания XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре¹⁰.

В фундаментальном труде Л.М. Костюхиной содержится исследование истории книгописных мастерских Свято-Троицкого Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей. Показан широкий масштаб распространения книгописного дела в Московском государстве XVII в.: "... Во многих монастырях и архиерейских домах существовали специальные книгописные мастерские-палаты. Они имелись, по-видимому, в некоторых... киевских и новгородских обителях... в Троице-Сергиевой Лавре, Кирилло-Белозерском и Соловецком монастырях"¹¹. Ею же отмечено появление книгописного центра в Александровой слободе¹².

Р.П. Дмитриевой кратко охарактеризована работа книгописной мастерской Иосифо-Волоколамского монастыря¹³. М.В. Кукушкиной собраны обширные данные по репертуару, масштабам и организации книгописных работ в мастерских крупных северных монастырей (Соловецкого, Антониева-Сийского, Николо-Корельского, Красногорского и Александро-Свирского) в XVI–XVII вв.¹⁴; получила освещение книгописная деятельность, которая велась при Холмогорском архиерейском доме под присмотром архиепископа Афанасия в конце XVII в.¹⁵ М.Г. Гальченко принадлежат некоторые наблюдения относительно книгописания в московском Спасо-Андроникове монастыре¹⁶. Э.В. Шульгиной прослежена история создания так называемых Милютинских миней XVII в. и особенно их письма¹⁷. Работы Ю.А. Грибова позволяют говорить о наличии значительных провинциальных скрипториев¹⁸. В поле зрения современных исследователей попадала деятельность наиболее известных книгописцев, принадлежавших к круп-

⁶ Мневa Н.Е. Изографы Оружейной палаты и их искусство украшать книги // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 224–229.

⁷ Свирин А.Н. Искусство книги Древней Руси XI–XVII вв. М., 1964. С. 118.

⁸ Свирин А.Н. Искусство книги... С. 135, 137.

⁹ Розов Н.Н. Русская рукописная книга. Л., 1971. С. 87.

¹⁰ Там же. С. 69–72.

¹¹ Костюхина Л.М. Книжное письмо в России XVII в. М., 1974. С. 6.

¹² Костюхина Л.М. Русские полууставные почерки в рукописных книгах XVI в. // История и палеография. М., 1993. Вып. 2. С. 277.

¹³ Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 6–9.

¹⁴ Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 46–68.

¹⁵ Кукушкина М.В. Указ. соч. С. 188–197. О книгописании при Холмогорском архиерейском доме см. также: Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908. С. 593–594.

¹⁶ Гальченко М.Г. Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблема второго южнославянского влияния на Русь в конце XIV–XV вв. М., 1994.

¹⁷ Шульгина Э.В. Скорописное письмо XVII в. по Милютинским Минеям-Четьям // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987.

¹⁸ Грибов Ю.А. Новые атрибуции русских лицевых рукописей XVII в. // Русская книжность XV–XIX вв. М., 1989. С. 98; Он же. О неизвестном комплексе лицевых рукописей 70–80-х годов XVII в. // Вопросы источниковедения и палеографии. М., 1993. С. 161–162.

нейшим книжным центрам, например, творчество Ионы Соловецкого¹⁹. Б.Л. Фонкич выявил и в ряде случаев атрибутировал 80 греческих рукописей, написанных в России в XVII столетии²⁰. Н.Д. Буравченко разработан вопрос о социальном статусе книгописцев Северо-Восточной Руси XV в.²¹

Патриарший дом в XVII в. являлся крупным центром книжности, располагавшим со времен Никона огромным книжным фондом (функции этого фонда заключались в собирательской деятельности в отношении древнего рукописного наследия, а также распространении продукции Московского Печатного двора) и державшим под контролем все дело книжной sprawy. Особое значение истории этого центра придает формирование именно в XVII столетии богатейшего из дошедших до наших времен старомосковских книжных собраний – так называемого Синодального (Патриаршего).

Невозможно, чтобы при Патриаршем доме не было тогда собственной книгописной мастерской. Представляется немаловажным делом работа по определению масштабов деятельности, репертуара и штата этого скриптория; особенно важен вопрос о том, какой вклад внесли патриаршие книгописцы в создание Синодального книжного собрания, т.е. собственно-патриарших библиотеки и архива.

Однако до сих пор не существует специального очерка деятельности патриаршей книгописной мастерской, хотя отдельные наблюдения уже высказывались. Б.М. Клосс доказал существование скриптория на московской митрополичьей кафедре²². Автор этих строк отмечал восстановление мастерской при патриархе Филарете, после Смуты, а также наличие сравнительно небольшого штата книгописцев в дальнейшем²³. А.П. Богданов сделал ряд любопытных наблюдений, касающихся связи патриаршего скриптория с Посольским приказом и характера контроля со стороны патриарха Иоакима над скрипторием, в котором создавались летописи Патриаршего дома²⁴.

По мнению Л.М. Костюхиной, основной патриарший книгописный центр располагался в Чудове монастыре. Во времена, предшествовавшие Смуте, согласно хорошо обоснованному предположению Л.М. Костюхиной, в Чудовом монастыре находилась крупная книгописная мастерская, в которой только в 1599–1600 гг. было переписано 17 томов книг²⁵. Этот скрипторий имел давнюю историю и располагал весьма искусными писцами и художниками: уже в Богородичнике 1489 г. с тонкой работы многоцветными заставками обнаруживается автограф чудовского книгописца²⁶. Лествица Иоанна Синайского, созданная в 1557–1558 гг. и украшенная многоцветными прописанными золотом заставками неови-

¹⁹ Морозов Б.Н. Иона Соловецкий – книжник и каллиграф конца XVI – начала XVII веков // Вспомогательные исторические дисциплины: Тез. докл. и сообщений науч. конференции, 27–29 января 1994 г. М., 1994. С. 102–104.

²⁰ Фонкич Б.Л. Греческое книгописание в России XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 60.

²¹ Буравченко Н.Д. К истории книгописания на Северо-Востоке Руси в XV в. // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщений вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Январь 1995 г. М., 1995. Ч. 1.

²² Клоос Б.М. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20–30-х годах XVI в. // Древнерусское искусство. М., 1972. Он же. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 81.

²³ Володихин Д.М. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М., 1993. С. 105–106, 199.

²⁴ Богданов А.П. Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 78–79, 81.

²⁵ Костюхина Л.М. Книжное письмо... С. 7, 11. См. также: Тихомиров М.Н. Записи XIV–XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1957 год. М., 1958. № 81 – писцовая запись, свидетельствующая о создании в Чудове монастыре рукописи Лествицы Иоанна Синайского.

²⁶ ОР ГИМ. Чуд. 71. Л. 345.

зантийского стиля (их защищают прокладки из цветной тафты) также имеет запись писца – монаха Чудова монастыря Ильи Воробьева²⁷.

Во второй половине XVII в. Сидор Сназин, предположительно принадлежавший к числу монахов Чудова монастыря, создал и переписал ряд крупных произведений исторического содержания²⁸, в 1670-х годах там же, видимо, создавались и переписывались патриаршие летописные своды²⁹. Чудовский же монах Евфимий встал во главе всего дела книжной справки, требовавшего переписывания книг в массовых масштабах. Казалось бы, маловероятно наличие еще одной особой книгописной мастерской Патриаршего дома, отличной от чудовской, – она представляется просто-напросто излишней, когда существует столь мощный скрипторий. Тем не менее, по крайней мере в середине – второй половине XVII в. был все-таки еще один, отдельный от чудовского, скрипторий при Патриаршем доме, поскольку в делопроизводственной документации особо выделялись "чудовские книгописцы"³⁰, в то время как остальные патриаршие книгописцы упоминались без каких-либо дополнительных определений. Кроме того, в расходной книге 1667–1688 гг. в записи за 9 апреля 1668 г. обнаруживается случайное упоминание о том, что патриаршие книгописцы работают в патриаршей "Золотой палате", а не в Чудове монастыре³¹.

История книгописного дела при Патриаршем доме в XVII столетии может быть прослежена на основании двух главных источников. Имеются в виду, во-первых, архив патриарших приказов (РГАДА), главным образом фонд Патриаршего Казенного приказа (Ф. 235) с многочисленными разрозненными фондовыми включениями в Ф. 236–237 (Патриарший Дворцовый и Монастырский приказы).

В погодных расходных книгах патриаршей казны, с небольшими пропусками сохранившихся на всем протяжении от конца 1620-х годов и до отмены патриаршества, содержатся регулярно вносившиеся сведения о тратах на приобретение расходного материала для создания книг и грамот (т.е. бумага, чернильные орешки, краски, тонкое листовое золото и т.д.), а также об оплате труда книгописцев и золотописцев. Из тех же записей в расходных книгах становятся известны имена мастеров книгописного дела и перечень их работ. Собственно, использование данных приходно-расходной документации патриарших приказов в качестве источника по истории Московского патриаршего дома как крупного культурного центра имеет давнюю традицию. В частности, "Словарь патриарших иконописцев" А.И. Успенского построен в значительной степени на основе указанного комплекса материалов³²; а в фундаментальной работе Н.П. Парфентьева по истории древнерусского певческого искусства расходные книги Патриаршего Казенного приказа используются весьма широко³³. В связи с этим встает вопрос: насколько полны, насколько репрезентативны сведения этого источника. Расходные и приходно-расходные книги Патриаршего Казенного приказа составлялись на основе отдельных столбцов, из которых переписывалось все необходимое, а также платежных ведомостей, совокупность которых из года в год составляла наиболее обширную главу расходных книг – раздел по выплате

²⁷ Там же. Чуд. 227. Л. 7–18.

²⁸ Чистякова Е.В., Богданов А.П. "Да будет потомкам явлено..." М., 1988. С. 60–75.

²⁹ Клосс Б.М. К изучению московских скрипториев XV–XVII веков // Филигранологические исследования: Теория. Методика. Практика. Л., 1990. С. 112.

³⁰ Например, 20 ноября 1670 г. упомянут "Чудова монастыря книгописец Ивашка Никифоров", получавший из Патриаршего Казенного приказа плату за дописывание патриаршего чудовского синодика. См.: РГАДА. Ф. 235 (Патриарший Казенный приказ). Оп. 2. Д. 73. Л. 244 об.

³¹ Там же. Д. 64. Л. 393 об. (Далее ссылки на Ф. 235. Оп. 2 РГАДА даются в тексте с указанием только номеров дел и листов).

³² Успенский А.И. Словарь патриарших иконописцев // Записки МАИ. М., 1917. Т. XXX.

³³ Парфентьев Н.П. Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI–XVII вв. Свердловск, 1991.

жалования. Весьма часто в тексте книги встречаются ссылки на казначейские пометы в "расходном столпу", время от времени листы столбцов оказываются просто-напросто вшитыми в блок книги (см., например, Д. 24. Л. 226–226 об.). Затруднительно было бы определить, сколь точно соответствует запись в книге тексту столбца (из-за отсутствия значительного количества столбцов), но в тех случаях, когда отрывки столбцов, включенные в книги, сравнивались со стандартными записями книг, последние оказывались менее пространными. Сравнение черновых расходных записок (осень 1668 – лето 1670 г.), переплетенных в одну книгу³⁴, с расходными книгами Патриаршего Казенного приказа те же годы (Д. 67 и 69) выявила явные существенные отличия в содержании и количестве записей. Таким образом, можно предполагать, что информация расходных и приходно-расходных книг хотя бы в отношении предмета настоящего исследования при всей ее представительности полной не является.

Во-вторых, важнейшим источником по истории патриаршего скриптория следует считать Синодальное книжное собрание, ибо только в нем можно рассчитывать обнаружить крупный комплекс образцов работы патриарших книгописцев. По причине ремонта здания ГИМ'а, идущего вот уже семь лет, доступ к собраниям ОР ГИМ ограничен, и автор этих строк не имел возможности обработать или хотя бы просмотреть весь колоссальный фонд рукописей, в которых можно было бы предполагать продукцию книгописной мастерской Патриаршего дома. Ведь только "плотный" кодикологический и палеографический анализ или вскрытие особенностей письменной фиксации литургической традиции (в стиле А.П. Голубцова) могли бы позволить более или менее точно отнести рукописи к тому или иному скрипторию. В основном пришлось довольствоваться данными писцовых записей на листах рукописей и менее надежными в смысле атрибуции соображениями, исходящими из оценки стилистических особенностей оформления той или иной рукописи³⁵.

При этом ни вкладные, ни даже владельческие записи атрибутирующим признаком служить в данном случае не могут. В Синодальном собрании хранится немало книг со вкладными записями патриарха Никона, однако это отнюдь не указывает на создание их в патриаршем скриптории, поскольку подобные записи обнаруживаются весьма часто на книгах, которые совершенно невозможно связать с мастерскими Патриаршего дома. Например, пергаменный Апостол с толкованием, датируемый 1220 г., или же Апостол XV в., судя по записям, задолго до Никона принадлежавший архиепископу Новгородскому Леониду³⁶. Сборник XVI в.³⁷, принадлежавший в начале XVII в. патриарху Гермогену, был дан им Андрею Мосееву, в 1612 г. отправился вкладом в казанский монастырь св. Федора Стратилата по душе самого Гермогена, затем оказался проданным из монастыря и прошел несколько рук, прежде чем возвратился в патриаршее книжное собрание³⁸. Таким образом, патриаршая владельческая запись еще не указывает на то, что книга была переписана для данного владельца и, тем более, по его заказу. Надежным материалом в данном случае могут служить исключительно писцовые записи.

Книгописное дело в Патриаршем доме отнюдь не было сосредоточено в одном лишь скриптории (во всяком случае, в XVII столетии). Собственно книгописная

³⁴ РГАДА. Ф. 236 (Патриарший Дворцовый приказ) Оп. 1. Д. 20.

³⁵ Да и этот сравнительно небольшой объем работ оказался возможным лишь благодаря всяческой помощи и доброжелательному отношению сотрудников Отдела рукописей.

³⁶ ОР ГИМ. Син. 7 и 18.

³⁷ Там же. Син. 652.

³⁸ Там же. Син. 652; Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2. Ч. 2. С. 653. (Далее: Описание славянских рукописей...).

мастерская была ориентирована на работы, требовавшие высоких художественных навыков. Будничные писцовые занятия бывали функцией самых разнообразных лиц, принадлежавших к Патриаршему дому.

К их числу можно отнести патриарших певчих. Согласно наблюдениям Н.П. Парфентьева, их грамотность, нередко опиравшаяся на специальное школьное обучение, в том числе с середины XVII в. и обучение греческому языку, явилась причиной того, что переписывание книг (причем не только тех, которые были непосредственно связаны с певческими нуждами) стало ordinарным занятием певчих³⁹. Патриарший певчий подьяк А. Исаков, занимавшийся переписыванием книг, в 1693 г. был зачислен в книгописцы и значился в этой должности до 1702 г.⁴⁰ В 1654 г. для патриарха Никона "Серапионов Служебник" переписывал певчий подьяк М. Кузьмин; в 1670–1671 гг. певчие подьяки П. Остафьев и П. Иванов переписывали книгу "Матфеевы правила" – в келью патриарха Иоасафа II; в 1680 г. подьяк Ив. Веригин и тот же А. Исаков переписывали в патриаршей "правильне" Устав⁴¹. К фактам, перечисленным Н.П. Парфентьевым и приведенным выше, можно добавить еще одно наблюдение: согласно описи патриаршей ризной казны 1691 г., в ней хранился Чиновник (патриарших выходов?) "со 175-го году ноября 2 числа 183-го году ноября по 3 число (1666–1674) ... письма певчаго Федора Константинова"⁴².

Непрофессиональные книгописцы обнаруживаются и в среде приказных людей Патриаршего дома: в 1640-х годах патриаршим ризничим (в патриаршей администрации должность ризничего имела полуприказное значение) был дьякон Никон, книгописец, о котором, в частности, известно, что в 1647 г. он переписывал Апокалипсис для патриарха Иосифа⁴³. В роли книгописца выступал и иеродьякон Тихон Воинов, занимавший пост патриаршего ризничего в 1680-х годах. В 1696 г. подьячий Патриаршего Казенного приказа А. Холмов получил 1 руб. (Д. 160. Л. 269–269 об) за переписывание в патриаршую казну "Книги Арсения Суханова" (т.е., видимо, "Проскinitария") и "Книги описания всех рек Российского государства" (очевидно, имелась в виду "Книга Большому Чертежу"). Причем жалование было им получено не от числа тетрадей, как получали его профессиональные книгописцы, а за совокупность работ, т.е. в качестве единоразового вознаграждения, в добавление к основному служебному окладу. С 1666 г., почти 30 лет, Патриарший Казенный приказ возглавлял дьяк Перфилий (Порфирий) Семенников (ум. в 1695 г.)⁴⁴. Он был известным книжником, имел собственную библиотеку и столь активно занимался переписыванием книг, что в последние 10 лет жизни совершенно потерял зрение. Ему посвящена эпитафия, сочиненная Карионом Истоминым⁴⁵.

В 1687 г. Семенниковым был переписан и преподнесен в дар патриарху Иоакиму за отпущение грехов "Лексикон греко-славяно-латинский"; есть основания предполагать, что его же перу принадлежит крупный памятник старомосковской библиографии – список книг, приобретенных в Константинополе для

³⁹ Парфентьев Н.П. Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI–XVII вв. С. 72–75.

⁴⁰ Там же. С. 75.

⁴¹ Там же; РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 73. Л. 257, 348, 358–358 об., 372 об.

⁴² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 5. Л. 88 об. А.П. Голубцов связывал с именем Ф. Константинова создание двух рукописей Чиновников в 1650–1670-х годах. См.: Голубцов А.П. Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908. С. XXXIII–XXXVI.

⁴³ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 22. Л. 327. О пребывании Никона в ризничих в 1642–1647 гг. см.: Там же. Д. 15. Л. 219 об.; Д. 22. Л. 372 об.

⁴⁴ См.: Шимко И.И. Патриарший Казенный приказ: Его внешняя история, устройство, деятельность. М., 1894. С. 13.

⁴⁵ См. об этом: Блюм А.В. Книга и книжники в русской литературе конца XVII – начала XVIII в. (Две атрибуции) // Федоровские чтения. 1982 год. М., 1987. С. 203–204.

Типографской школы (датируется 1682 г.)⁴⁶. Наконец, в качестве книгописцев, обеспечивая надобности патриаршей казны и самих патриархов, работали представители духовенства, принадлежавшего к Патриаршему дому, иереи и прочие чины кремлевских соборов. А.П. Голубцов убедительно атрибутировал несколько рукописей, созданных для нужд патриаршего богослужения. Согласно его выводам, "Сказание действенных чиноу" и Устав Московского Успенского собора написаны были успешными ключарями Маркелом и Иваном Наседкой⁴⁷. Надо отметить, такого рода "разовые", непрофессиональные книгописцы занимались не только составлением современных или ретроспективных (но относительно недавних) регулярных богослужебных записок, какими были опубликованные Голубцовым Чиноуники. Диапазон их работ был значительно шире.

До наших дней дошло колоссальное собрание рукописей, созданных, исправленных, отредактированных патриаршим справщиком Евфимием Чудовским, изрядная доля которых хранится в Синодальном собрании⁴⁸. Причем некоторые из них переписывались не для издательских нужд Московского Печатного двора и не в общем потоке книжной справки, а специально по заказу патриаршей казны⁴⁹. Трудно поверить, что один человек мог осилить подобный объем издательской, переводческой, редакторской деятельности, и при этом множество раз выступать в роли простого писца. Возможно, имеет смысл пересмотреть атрибуцию некоторых рукописей, приписываемых Евфимию. Быть может, он лишь давал образец писцам, а те более или менее точно подражали его почерку.

В частности, Б.Л. Фонкич указывал на сходство почерков Евфимия Чудовского и книгописца Флора Герасимова, предполагая, что они либо вместе обучались письму, либо Ф. Герасимов учился под руководством Евфимия Чудовского⁵⁰. Но в любом случае работа Евфимия как книгописца неоспорима⁵¹, и столь же неоспорима работа его ближайших помощников, в том числе бывших учеников иеромонаха Тимофея и братьев Лихудов – Николая Семенова и Федора Поликарпова-Орлова⁵². В 1646 г. придельный благовещенский поп Григорий писал в келью патриарху Иосифу Апокалипсис в лицах; в 1647 г. его работу продолжил дьякон Иван патриаршего домового села Троицкое (Д. 22. П. 314–314 об., 322 об.). Зимой 1674/75 г. успенский придельный петропавловский дьячок Семен Сидоров приписал 13 тетрадей к "ветхому" киевскому Требнику, а чудовский уставщик старец Моисей работал над переписыванием патриаршей келейной книги "Арменоупл" (Д. 83. Л. 382–382 об., 419 об. – 420). В 1692 г. "васильевский дьячок" Андрей Терентьев написал в ризную казну "Чиноуник архиерейского поставления" и "Чиноуник сочинения и освящения святого мира" (Д. 143. Л. 169 об. – 170). Иногда к работам, по сути дела, книгописным, привлекались патриаршские иконописцы. Например; в 1656 г. иконописец Г. Кондратьев "цветил" патриаршую келейную "Библию в лицах", а в следующем году его работу продолжил другой иконописец – старец Агафонник (или Огофонник –

⁴⁶ Володихин Д.М. Книжные списки библиотеки Типографской школы как памятник отечественной библиографии XVII в.: Проблемы атрибуции // Вспомогательные исторические дисциплины: Тез. докл. и сообщений науч. конференции, 27–29 января 1994 г. С. 47–48.

⁴⁷ Голубцов А.П. Указ. соч. С. V–XVI.

⁴⁸ Исаченко-Лисовая Т.А. О переводческой деятельности Евфимия Чудовского // Христианство и церковь в России феодального периода: Материалы. Новосибирск, 1989. С. 195–201; Словарь книжности и книжников Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). С. 287–295.

⁴⁹ См., например, "Книгу, толкований на соборные послания", 1698 (1697?) г., на листах которой имеется писцовая запись, сообщающая о том, что эта книга "в казну святейшего патриарха преписана и справлена" (Син. 671. Л. 1–9); почерк, напоминающий руку самого Евфимия.

⁵⁰ Фонкич Б.Л. Греческое книгописание... С. 47.

⁵¹ Об этом дополнительно свидетельствуют записи в делопроизводственной документации. См.: РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 118. Л. 335 об.

⁵² Володихин Д.М. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. С. 31–32.

Д. 38. Л. 735; Д. 41. Л. 397 об.). В 1656 г. иконописец Г. Афанасьев (Офонасьев) расписывал и "розвечивал" "Немецкую книгу Бытия в лицах" (Д. 32. Л. 738–738 об.).

Во второй половине XVII в. вполне обычные и многочисленные случаи, когда на патриаршую казну работали по найму писцы и книгописцы, не имеющие отношения к самому Дому московских патриархов. В 1643 г. при посредничестве некоего "соловецкого дьячка" Ивашки Васильева патриаршая казна передавала заказ на переписывание Канонника и кондаков "к соловецким чудотворцам" (Д. 15. Л. 652 об. – 653, 656). Книгописцу Алешке архиепископа Астраханского Пахомия в марте 1653 г. была оплачена работа по переписыванию "ерлыков ордынских князей, что списывал с столпцов к государю патриарху в келью" (Д. 34. Л. 487 об.).

В 1674 г. над рукописью "Чин последования святого елеа, певаемое в великий четверток" для патриаршей казны работали книгописцы из мастерской известного книжника митрополита Сарского и Подонского Павла (Д. 86. Л. 105). В 1678 г. услугами наемных книгописцев пользовался для казенных нужд патриарший казначей (1677–1694) Паисий Сийский (Д. 92. л. 129 об. – 130). В следующем, 1679 г. для переписывания "Чина царского венчания" был приглашен писец Аптекарского приказа Василий Иванов (Д. 95. Л. 123, 432). Еще через год (1680) для подновления (вписывания отдельных листов) нескольких ветхих книг были использованы услуги тяглеца Огородной слободы переплетчика Ивана Дмитриева (Д. 99. Л. 353 об.), до того, да и позднее весьма часто получавшего от патриаршей казны заказы на переплетные работы.

В ноябре 1692 г. золотописец Карп Иванович Золотарев расписал золотом и красками лица, ризы и каймы на печатном антиминсе, предназначенном для Успенского собора в Кремле (Д. 147. Л. 138). Для столь ответственной работы был нанят авторитетный мастер: К.И. Золотарев состоял в учениках у известного живописца Б.И. Салтанова, армянина, затем работал жалованным царским живописцем (золотописцем) в мастерской Посольского приказа, где приобрел добрую славу своими многочисленными работами⁵³.

Подводя итоги перечислению лиц, которые не относились к числу постоянных книгописцев, но выступали, и порой неоднократно, именно в этой роли, нельзя не отметить значительное рассеивание книгописного дела в Патриаршем доме, его полицентризм.

На долю собственно скриптория выпадали задачи более специального характера по сравнению с широчайшим диапазоном работ разнообразных "побочных", непостоянных книгописцев и писцов. Отсюда и сравнительно небольшие масштабы патриаршего скриптория: вся черновая, будничная писцовая работа, да и часть художественного творчества могли быть отданы в другие искусные руки, ведь грамотными людьми и церковными живописцами был богат Патриарший дом.

К сожалению, подавляющее большинство документов, относящихся к архиву патриарших приказов, датируется временем после большого московского пожара 1626 г. По этой причине патриаршее книгописание конца XVI – начала XVII в. восстанавливается почти исключительно по материалам Синодального собрания.

Л.М. Костюхиной на основе изучения рукописей этого собрания, принадлежащих к указанному периоду времени, было выдвинуто предположение о наличии

⁵³ Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы: словарь // Записки МАИ. М., 1910. Т. II. С. 91–93. Кстати говоря, одна из его крупнейших работ – участие в золотописном оформлении дружиной живописцев Посольского приказа Евангелия, предназначенного для вклада (1689–1690). По царскому указу расписывались "золотом и серебром, и красками евангелисты, и по полям каймы, и заставки, и начальные слова у глав и речений..." (РГАДА. Ф. 153. Д. 66).

особой "московско-старицкой" книгописной школы. В составе рукописей, относящихся, по ее мнению, к названной школе, выделены две группы: первая из них связывается с именем патриарха Иова, а вторая – с именем боярина Д.И. Годунова. В данном случае характеристика первой группы приобретает большое значение⁵⁴. К ней Л.М. Костюхина отнесла 6 рукописей. Первая из них, Служебник 1588 г.⁵⁵, была переписана писцом Мисаилом Гневнышевым для бывшего архиепископа Ростовского Иова. Л.М. Костюхина полагает, что, поскольку писец называет себя "стариченином", то, вероятно, работа велась им в Москве, иначе зачем было бы специально оговаривать писцу свое происхождение из Старицы⁵⁶. По ее мнению, слово "стариченин" в данном случае никоим образом не связывает книгописца со Старицей в географическом смысле, поскольку может быть частью антропонима, устойчивым прозвищем, а в этом случае М. Гневнышев мог переписывать книгу в любой точке России.

В Старице в Успенском монастыре, вероятно, еще в те времена, когда Иов был там архимандритом⁵⁷, действительно, переписано было несколько рукописей, принадлежавших впоследствии патриаршему собранию⁵⁸. К тому же факт ссылки Иова в Старицу в 1605 г. был настолько широко известен⁵⁹, что уже в XVII в. некоторые рукописи московского происхождения приписывались старицким книгописцам. Работе М. Гневнышева принадлежит также часть Требника конца XVI – начала XVII в., переписанная, судя по писцовой записи, именно в Старице⁶⁰. Книга написана несколькими почерками, впрочем довольно схожими (Костюхина выделяет два почерка), чрезвычайно крупными буквами (до 12 мм высотой); подобное письмо настолько неординарно, что невозможно отнести его с уверенностью ни к особой форме книжного полуустава, ни к попытке возродить устав. В работе над Служебником 1588 г. у М. Гневнышева имелся напарник, почерк которого прослежен Л.М. Костюхиной еще в четырех рукописных книгах⁶¹, возможно, им был архидьякон кремлевского Успенского собора Олимпий (Алимпий) Гадов, "старорушенин". Довольно редкая фамилия (патронимического происхождения?) Гневнышев (Гневашев) позволяет сделать попытку установления происхождения книгописца: вероятно, он был потомком новгородского помещика Вотской пятины Харитона Борисовича Тиркова по прозвищу Гневаш Заяц, похороненного во Псково-Печерском монастыре в 1570 г.⁶²

К данной группе рукописей времен патриарха Иова следует отнести также и "Толкования на евангелия Матфея и Марка Феофилакта Болгарского" переписанные в 1590 г. Рукопись была создана в Москве по повелению Иова и, скорее всего, патриаршим книгописцем иноком Исайей, бывшим дьяконом и уроженцем Каменца-Подольского, согласно собственной записи писца⁶³. Позднее, вероятно,

⁵⁴ Костюхина Л.М. Русские полууставные почерки... С. 281.

⁵⁵ ОР ГИМ. Воскр. 6.

⁵⁶ Костюхина Л.М. Русские полууставные почерки... С. 281.

⁵⁷ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 47.

⁵⁸ Описание славянских рукописей... М., 1857. Отд. 2. Ч. 1. С. 112–113.

⁵⁹ Ульяновский В.И. Православная церковь и Лжедмитрий I // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 3. С. 33–34.

⁶⁰ ОР ГИМ. Син. 309. См. приперепл. Л. верхней доски, скорописью: "Книга Потребник, а писал ее по патриархову приказу старец Мисаило Гневашев в Старице".

⁶¹ Костюхина Л.М. Русские полууставные почерки... С. 282, 286. Это два Служебника (ОР ГИМ. Син. 1072/Усп. 22. Син. 267), Часослов и Канонник (ОР ГИМ. Син. 1089/Усп. 20. Син. 267).

⁶² Плешанова И.Н. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. М., 1978. Вып. XII. № 4. С. 153. Менее вероятный вариант – царский бараш Гневаш Яковлевич Извеков (упом. в 1569 г.). См.: Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. С. 80.

⁶³ ОР ГИМ. Син. 351. Л. 2. Об Исاية см. также: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. (вторая половина XIV–XVI вв.). С. 444–448.

кем-то из патриарших книгохранителей XVII в., была сделана скорописная запись, ошибочно сообщающая о создании книги в Старице⁶⁴.

Сложнее с атрибуцией небольшого Сборника XVII в.⁶⁵, состоящего из "Указа о совершении освящении церкви" (Л. 1–4) и Служб русским святым (Л. 5 и далее). Сборник писан различными почерками:

Л. 1–4 об. – первый почерк;

Л. 5–179 – второй почерк;

Л. 180–242 об. – третий почерк;

Л. 243–302 об. – четвертый особый почерк, подражающий шрифту старопечатных книг производства Московского Печатного двора. Филигрانی бумаги отдельных частей книги различаются⁶⁶, и все это в совокупности производит впечатление создания в XVII в. конволюта, включившего в себя разновременные рукописи. На листах 5–10 имеется скорописная вкладная запись, сообщающая о передаче книги от имени патриарха Иова церкви Трех Святителей в сентябре 1604 г. Совершенно очевидно, что запись была сделана рукой писца. Таким образом, как минимум средняя часть книги относится к работе патриарших книгописцев начала XVII в.

К сожалению, каких-либо систематических данных о работе патриарших книгописцев в период от окончания Смуты до начала 1630-х годов обнаружить не удалось, хотя это отнюдь не означает, что не существовало самой книгописной мастерской Патриаршего дома. Первое упоминание о книгописных работах, которое удалось отыскать в документации Патриаршего Казенного приказа, относится к 1631 г.; на протяжении всего этого десятилетия по указанному источниковому комплексу прослеживаются имена пяти книгописцев: Егорий (?) Евсеев (предмет работы не указан) – май 1631 г. (Д. 3. Л. 640); старец Никанор (предмет работы не указан) – август 1635 г. (Д. 8. Л. 556 об.); "переписчик книг у патриарха" Гришка Анисимов переписывал "Прелог (Пролог) декабря" – ноябрь 1636 г. (Д. 9. Л. 584 об.); Тимошка Быстрый (писал "патриарховы книги келейные") – декабрь 1636 г. (Д. 9. Л. 587 об.); наконец, Тимошка Семенов (не исключено, что "Семенов" – это патроним того же Т. Быстрого) писал тот же Пролог – январь–июнь 1637 г. (Д. 9. Л. 590 об., 604).

Переписанный Пролог, по всей вероятности, можно идентифицировать с Прологом сентябрьской половины из Синодального собрания⁶⁷ по первому месяцу в составе наименования книги, указанного в приказной документации, по формату рукописи (в обоих случаях в десять) и по бумаге, которая отнесена Т.Н. Протасьевой по филиграммам к 1634 г.⁶⁸ В рукописи, не отличающейся особой роскошью оформления, действительно, прослеживается несколько почерков, но какой из них кому из книгописцев принадлежал, определить затруднительно.

При патриархе Никоне среди прочих книгописцев упоминается Тимофей Быстровский, писавший "государю патриарху книги" (1653). Было бы соблазнительно отождествлять его с Тимофеем Быстрым времен патриаршества Иоасафа I, но едва ли это возможно. Быстровскому в 1653 г. были куплены принадлежности, необходимые для его профессиональной деятельности: "гладильные доски" и "пест" для разглаживания бумаги, "стул кожаной", "шандан", "щипцы и горшок" и пр. (Д. 34. Л. 471 об., 473); маловероятно, что книгописец мог без них обо-

⁶⁴ Там же. Син. 351. Л. 1.

⁶⁵ Там же. Син. 629.

⁶⁶ Л. 1–4 и 243–302 см.: *Герасимов А.А.* Филигрانی XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. № 1477 (1606). Л. 5–242 об. см.: *Герасимов А.А.* Указ. соч. Похоже на № 416–419 (1600).

⁶⁷ ОР ГИМ. Син. 242.

⁶⁸ *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания. М., 1973. Ч. 2. № 909.

даться до этого времени. Так что, видимо, Быстровский незадолго до того поступил на службу и не имеет отношения к Т. Быстрову⁶⁹.

Работать книгописцем начинал, видимо, при Иосифе и продолжил при Никоне Афанасий Игнатьев. В 1648–1650 гг. он на пару с патриаршим иконописцем Леонтием Астафьевым "прописывал золотом грамоты и книги", в том числе ризы на изображениях святых. В перечень работ А. Игнатьева и А. Астафьева входят: "Канонник трем святителям московским", "Книга Исаака Сирина", "Житие Авраамия болгарского чудотворца", "Книга осмочастная", сочинения Иоанна Богослова, Григория Синаита, Василия Великого, Дионисия Ареопажита, патриарший синодик из Владимира (?) (Д. 24. Л. 226–226 об.).

Здесь, думается, не лишним будет отметить одну важную особенность патриаршего книгописного дела в XVII в., которую, вероятно, можно считать отличительной стилистической чертой книгописной школы, сложившейся в патриаршем скриптории: там любили работать с "твореным золотом", т.е. с золотой краской, делаемой из тонкой золотой фольги. Сообщения о покупке листового золота для книгописных работ весьма часто обнаруживаются в расходных книгах Патриаршего Казенного приказа. В лучших, наиболее высокохудожественных образцах работы патриарших книгописцев удивительно изящная золотописная каллиграфия, чрезвычайно сложная золотая миниатюра, причудливые золотые инициалы и листовые рамки вытесняют оформление книг во всех других красках и даже киновари оставляют немного места. Одни и те же люди с одинаковой частотой именуются в приказной документации как книгописцами, так и золотописцами (например, "книгописец старец Паисей золотописец", или "книгописцы и золотописцы старцы Паисей и Маркел"), что в некоторой степени указывает на специфику разделения труда в патриаршем книгописном деле: скрипторий был в то же время и золотописной палатой, объединявшей сравнительно небольшую группу истинных художников, не занимавшихся ни книжной справой, ни переплетным делом (для этого существовала особая переплетная мастерская; время от времени переплетали книги приказные люди Патриаршего дома, или московские слободские и посадские мастера), ни ведением повседневных литургических заметок, ни, тем более, заполнением приказной документации.

Одним из ранних образцов мастерства патриарших золотописцев является так называемый "Сборник о поставлении московских патриархов" со вкладной записью патриарха Никона в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь за 1660/61 г. (7169)⁷⁰. Переплет книги – вполне стандартный для патриарших мастерских: доски обтянуты бархатом, с серебряными наугольниками и средником, а также с медными (посеребренными) застежками⁷¹. Золотом прописаны отдельные буквы (не только инициалы) и целые фразы в тексте. Первый лист с оборотом полностью писан золотом⁷². Работа выполнена с виртуозным искусством; вязь,

⁶⁹ Если только не является его сыном, по своему наследственному ремеслу занявшим вакансию после отца.

⁷⁰ ОР ГИМ. Воскр. 213. Л. 1–15.

⁷¹ Так, патриаршие мастера имели обыкновение оформлять переплеты Напрестольных Евангелий; если книгу требовалось несколько удешевить, серебряные наугольники и средник заменялись на медные с посеребрением; в противном случае создавались настоящие тяжелые серебряные "ризы", украшенные самоцветами и жемчугом.

⁷² А также и Л.3. Еще один список этого сочинения хранится в РГАДА (Ф. 135. (Древлехранилище) Д. 296). Он представляет собой книгу, доски которой обтянуты малиновым бархатом и украшены серебряными наугольниками и средником. Золотопись занимает здесь то же место в оформлении, что и в рукописи Синодального собрания. Полностью золотописные Л. 3–4 (2 заставки с рамками, обнимающими текст страницы – старопечатного стиля; инициалы, вязь). В тексте золотом выделены имена московских государей и патриархов, отдельные буквы, слова и целые отрезки по несколько строк. Именно по этому списку сочинение было издано в ДАИ (СПб., 1846. Т. II. № 76), на с. 221 имеется краткое описание рукописи. Синодальный же список был использован при опубликовании текста в СГГД (М., 1822. Ч. 3. № 45), здесь же и краткое описание рукописи.

тонкий, красивый полуустав. Основной объем рукописи занимает "Чин наречения к поставлению..." патриарха Филарета (им она и оканчивается). Таким образом, раньше лета 1619 г., когда происходили эти события, книга и не могла быть создана. Бумага ее листов, совершенно однотипная по всему блоку, относится к 1570–1611 гг.⁷³ Если учесть скрупулезность описания всех частных подробностей прагматического и литургического характера, то можно с полной уверенностью говорить об использовании в качестве источника заметок очевидца; судя по ее содержанию, вряд ли рукопись могла быть создана где-либо помимо патриаршего скриптория; едва ли (на том же основании) она могла быть составлена после 1633 г. (год смерти Филарета). Скорее всего, датировать эту книгу следует 1619 – началом 1620-х годов.

Не столь высокохудожественным образцом патриаршего книгописания середины XVII в. является один из патриарших синодиков⁷⁴ и пергаментный свиток с поучениями патриарха Филарета на поставление архиереям; архимандритам и игумнам; игуменьям⁷⁵.

"Поучение" датируются, по всей видимости, временами патриаршества Филарета (1620-е – 1633 годы). Синодик значительно более поздний: по последнему поминаемому патриарху (Иосифу) – не ранее 1652 г.⁷⁶ и не позднее 1672 г. (год смерти Иоасафа II). В художественном оформлении обеих рукописей имеется некоторое сходство. Текст "Поучений" в свитке заключен в сложную орнаментальную рамку старопечатного стиля. Синодик, выполненный не особенно аккуратным книжным полууставом, тем не менее, черновиком считаться никак не может по причине обилия выделенных киноварью заголовков и отдельных букв; имеется сложная многокрасочная заставка и несколько инициалов старопечатного стиля. В заставке, как и в рамке свитка "Поучений", в качестве фона использована золотая краска, настолько выцветшая, что золото почти совершенно перешло в обыкновенную желтизну (в то время как в других рукописях того времени золотопись вполне сохраняется), что указывает на составление краски по какому-то особому, не слишком удачному рецепту. Дополнительное сходство обнаруживается в следующих элементах орнаментики: особенных переплетениях растительных стеблей; удлиненных шишечках, упрощенно изображаемых разделенными на ромбы и треугольники конусами; расцветке листов и лепестков цветов одиночными киноварными пятнами. Вероятно, над художественным оформлением обеих рукописей работал один и тот же книгописец, принадлежавший к патриаршему скрипторию. Указать его точно не представляется возможным.

Одну из прекраснейших золотописных рукописей работы патриарших книгописцев предположительно следует приписать тому же А. Игнатьеву, расцвечивавшему в 1648–1650 гг. рукописи, как это отмечалось выше. Известно, что в феврале 1653 г. шли работы по созданию рукописной "книги Григория Двоеслова" (Д. 34. Л. 482), и занимался ими как раз А. Игнатьев. В настоящее время в Синодальном собрании содержится лишь одна рукопись по времени подходящая для отождествления с работой этого книгописца – Чтения на евангелия Григория Двоеслова⁷⁷. Филигрانی рукописи (по всему блоку – "Феникс", клюв развернут вправо) находят полное соответствие в водяных знаках бумаги, на которой было

⁷³ Briquet C.M. Les filigranes. Geneve, 1907. V. 1. N 1477.

⁷⁴ ОР ГИМ. Син. 666.

⁷⁵ Там же. Син. 258.

⁷⁶ Последний поминаемый царевич – Дмитрий Алексеевич (умер в 1650 г.). См.: ОР ГИМ. Син. 666. Л. 6–6 об.

⁷⁷ Там же. Син. 47.

написано Соборное деяние Московского собора 1654 г.⁷⁸ Это весьма близко к предложенной датировке рукописи (1653).

Книга писана ровным, аккуратным полууставом и роскошно оформлена: имеются во множестве инициалы, тонко прописанные золотом, и весьма тонкого рисунка многокрасочные заставки; доски обтянуты малиновым бархатом. На Л. 4 обнаруживается глубокая карандашная обводка филиграни – птица Феникс в круговом орнаменте, – которая вполне подходит для роли особой формы концовки, впрочем, так и не расцветенной по непонятным причинам. Это косвенно подтверждает принадлежность рукописи патриаршей книгописной мастерской: ведь в патриаршую казну вряд ли стали бы приобретать книгу со следами незавершенности художественного оформления.

В 1654 г. в книгописную мастерскую принят был "новым третьим книгописцем" Знахарий Лукин (Д. 36. Л. 603 об.). Это указывает на то, что при патриархе Никоне штат скриптория был невелик и насчитывал всего лишь трех мастеров. Поскольку известно, что возглавлял в то время патриарших книгописцев старец Паисий (см. ниже), а Т. Быстровский, по всей вероятности, был только что принят на службу, надо полагать, З. Лукин сменил А. Игнатьева. О деятельности этого книгописца известно немного: еще в 1659–1660 гг. упоминается выдача ему годового жалования (Д. 47. Л. 301); в 1656 г. Лукин писал и прописывал золотом "жалованную грамоту на село Черкизово", и в том же году – некую "грамоту в Киев в лист" (Д. 38. Л. 732, 734).

Окончание следует

⁷⁸ Филиграни XVII в. по рукописным источникам ГИМ. М., 1988. № 1108.

**СПИСОК УЧАСТНИКОВ II ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА
СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ**

(Набросок социально-политического портрета)¹

- КАБАНЕНКО** Николай Максимович (1877–1943) – б-к с 1904. Род. в семье рабочего, в Харькове. Слесарь. Делегат от Харьк. Сов. р. и с-д. – I, 1; I, 2; IV, 9 (С. 74); IV, 10 (С. 165); VI, 103 (29 июня; 8, 13 июля; 26 нояб.); VII, 21 (С. 229); IX, 2.
- КАБАНОВ** Василий – чл. больш. фракции съезда от I-го Сиб. корпуса X армии Зап. фронта. – I, 1 (здесь: от Действующей армии; партийность не указана); I, 2. Известен также Кабанов – б-к, чл. Обл. испол. к-та Зап. фронта (Обл.комзапа) на 3 дек. 1917. – IV, 41 (С. 361).
- КАВИЦЫН** Василий Иванович – левый с-р. Делегат от флотилии Сев. Ледовитого океана, избран 10 окт. – I, 1; IV, 47 (С. 381; здесь: Кашицын). Известны также: Кашицын В.П. – б-к, чл. ВЦИК III соз. – VIII, 40 (С. 407); Ковицын В. – чл. Целедфлота, с апр. 1919 – зав. политотделом Северо-Двинской воен. флотилии. – VII, 137 (С. 144).
- КАВТАРАДЗЕ** Сергей Иванович (15.8.1885–17.10.1971) – б-к с 1903. Из дворян. Юрид. ф-т Петерб. ун-та. Юрист, журналист. Ред. газ. "Кавказ. рабочий" (Тифлис). Чл. ВЦИК II соз. Вероятно, на съезде не был. – VI, 102 (1889, № 9. С. 217); VI, 108 (март-апр., сент.-нояб.); VII, 52 (Т. 54. Указ. имен); VII, 110 (С. 26, 32); VIII, 5 (Т. 11); IX, 2.
- * **КАГАН** М.Я. делегат из Петрограда. – I, 1. Известен также Каган Меер – б-к, из Мстислав. организации, расстрелян белогвардейцами под Петроградом в 1919. – VIII, 36 (С. 255).
- * **КАДИНОВА** – чл. больш. фракции съезда из Новороссийска (Черномор. губ.). – I, 2.
- КАЗАЧКОВ** Николай Георгиевич (? – янв. 1920, ум. от тифа) – б-к с 1905. Род. в семье рабочего в г. Серпухове. Слесарь. Делегат от Серпухов. Сов. р-д. (Моск. губ.). – I, 1 (здесь: Козачков Николай Егорович); I, 2; VII, 6; VII, 46; VII, 66 (С. 139); VIII, 36 (С. 255).
- * **КАЛАЧ** Андрей Васильевич – нац. с-д. Делегат от Киев. губ. Сов. р-д. – I, 1.
- КАЛИНИН** Михаил Иванович (7.11.1875 – 3.6.1946) – б-к с 1903 (в рев. движ. с 1898). Из кр-н. Род. в д. Верхняя Троица Корчевского у. Твер. губ. Народное уч-ще (1888). Вечерние курсы Русс. технич. о-ва при Путиловском з-де. Токарь. В 1917 – чл. Петрогр. Сов. р. и с-д., Испол. к-сии ПК РСДРП(б), чл. ред. "Правды", гласный Петрогр. гор. думы. Участвовал в заседаниях съезда. – VIII, 40. С. 131.
- КАЛИЧ** Андрей Иосифович (1892 – ?) – б-к. Сын малоземельного кр-на Херсон. губ. Рабочий. Солдат крепостной артиллерии, ст. писарь. Делегат от Севастопол. Сов. р., с., и матр-д. Избран 17 окт. – I, 1; I, 2; IV, 9 (С. 872, 902, 903); IV, 23 (С. 75, 84, 287); VI, 55 (20, 29 окт.); VI, 86 (июль-авг., окт.-нояб.); IX, 2.
- КАЛЛИС** Карл Матвеевич (Мартынович) (1893–1920) – левый с-р (с дек. 1918 – б-к). Подпоручик. Чл. Петрогр. ВРК. Делегат от Колпин. и Павлов. Сов. (Петрогр. губ.). – I, 2; (С. 717); IV, 2 (С. 636); IV, 47 (С. 174); VI, 68 (31 дек.); VI, 158 (18 окт.); VII, 109 (С. 274); VII, 129 (С. 79, 95); IX, 2.

¹ Окончание. Начало списка, предисловие и справочный аппарат к нему см.: АЕ за 1994 год. М., 1996.

- *КАЛУГИН Петр Нестерович – левый с-р. Делегат от Александрийского у. Сов. р. и с.д. (Херсон. губ.). – I, 1.
- КАМЕНЕВ (РОЗЕНФЕЛЬД) Лев Борисович (6.7.1883–25.8.1936) – б-к с 1903. Род. в семье ж.-д. машиниста, позже ставшего инженером. Юрид. ф-т Моск. ун-та (исключен). Литератор. Чл. ВЦИК I–II соз., Предпарламента. Пред. съезда, неоднократно выступал на нем. – I, 1 (С. 3 и др.); VI, 101 (19 окт., С. 5); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 40 (С. 131–136 и др.); IX, 2.
- КАМЕРИСТЫЙ Николай Васильевич – м-к-интерн. Делегат от Изюм. Сов. р., с. и к.д. (Харьк. губ.). – I, 1; VI, 103 (22, 23 июня; 5 окт.).
- КАМИНСКИЙ Юзеф Юзефович – б-к (чл. СДКПил). Делегат от Чугуев. Сов. р., с. и к.д. (Харьк. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 126 (С. 282); VI, 103 (11 окт. С. 4).
- КАМКОВ (КАЦ) Борис Давидович (1885–29.8.1938) – левый с-р (в ПСР с 1904). Род. в Сорокском у. Бессараб. губ., в семье земского врача. Гейдельбергский ун-т, ф-т права. Юрист. Чл. ВЦИК I–II соз., Предпарламента, Презид. съезда. Выступал на съезде. – I, 1 (С. 3 и др.); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 5 (Т. 11); VIII, 40 (С. 136–139); IX, 2.
- КАНДЕЛАКИ Давид Владимирович (1895–1938) – левый с-р. Делегат от Моск. Сов. р.д. – I, 1; VI, 72 (июль-окт., списки дежурных чл. Испол. к-та); VII, 139 (с. 216); IX, 2. Известен также Канделаки Георгий Владимирович (род. 1899 в с. Кулаши (Грузия) в семье сельского учителя. Гимназия. Б-к с 1917. 27 авг. 1918 расстрелян в Дербенте бичераховцами). – IX, 2.
- КАНТОР Дебора Исааковна (1897–?) – чл. РКП(б) с 1918. Делегат съезда. – VIII, 53 (С. 42).
- КАНТОРОВИЧ Анатолий Яковлевич (28.9.1896 – 3.12.1944) – объедин. с-д-интер. Род. в Петербурге, в семье юриста. Среднее образование. Солдат. Канд. в чл. ВЦИК I соз. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1; I, 2 (С. 717); III, 6 (Оп. 1, Ед. хр. 8, 28, 35); VI, 32 (16 нояб.); VI, 38 (19 нояб., с. 2); VI, 51 (10, 22 окт.); VI, 75 (июнь, авг., окт.-нояб.); VI, 209 (8 нояб. С. 4); VIII, 29 (С. 239); VIII, 40 (С. 376); IX, 2.
- КАПЕЛИНСКИЙ Наум Юрьевич (1890 – ?) – м-к. Кооператор. Чл. ВЦИК I соз., канд. в чл. Предпарламента. Выступал на съезде. – I, 1 (С. 11 и др.); III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 6); IV, 76 (С. 601–602); VIII, 30; VIII, 40 (С. 377, 387); IX, 2.
- КАПУСТЯНСКИЙ Давид Исаевич – с-р центра. Солдат. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1; VI, 51 (21, 22 окт.).
- КАРАВКИН Абрам Борисович – нац. с-д [Бунд]. Делегат от Витеб. Сов. р. и с.д. Избран 18 окт. – I, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 6). Известен Каравкин Юрий Борисович (1908) – советский сценарист. Учился в Белорус. ун-те. (см.: Энци. словарь "Кино". С. 170).
- КАРАХАН Лев Михайлович (Караханян Левон Микаелович) (20.1.1889–20.9.1937) – б-к с 1917 (в рев. движ. с 1904). Род. в Тифлисе, в семье адвоката. Юрид. ф-т Петерб. ун-та. Чл. ВЦИК I соз., Петрогр. ВРК. Канд. в чл. ВЦИК II соз. – VI, 49 (1 февр. 1989); VI, 110 (2 авг. 1988); VII, 29 (С. 511–512; здесь: род. в Кутаис. губ., в семье мещанина); VII, 110 (С. 27, 33); VIII, 5 (Т. 11); VIII, 40 (С. 377 и др.); IX, 2.
- *КАРЕЛИН Алексей Павлович – левый с-р. Делегат от Оршан. у. Сов. р. и с.д. (Могилев. губ.). – I, 1.
- КАРЕЛИН (МИХАЙЛОВ) Владимир Александрович (1891–1938) – левый с-р (в ПСР с 1909). Из дворян. Юрист, журналист. Чл. Предпарламента, Презид. съезда, ВЦИК II соз. Выступал на съезде. – I, 1 (С. 3 и др.); VII, 110 (С. 26, 52, 198); VIII, 5 (Т. 11); VIII, 40 (С. 139–141 и др.); VIII, 48 (Т. 7); IX, 2.
- КАРКЛИН Отто Янович (БЛУМ Эдуард Карлович) (1884–1939) – б-к с 1903 (в с-д с 1902). Род. в семье рабочего, в Курлянд. губ. Чл. ВЦИК I соз. Делегат от Окр. Сов. р. и с.д. (Латвия). – I, 1 (здесь: Карклин Антон Янович); I, 2; IV, 46 (С. 397); IV, 73 (С. 779 и др.; здесь: Карклин Отто); IV, 111 (С. 615); VI, 102 (1990. № 2. С. 177); VI, 173 (12 мая, С. 6); VI, 174 (9, 30 мая; 7 июня); VIII, 40 (С. 376, 409, 413); IX, 2.
- *КАРПЕНКО Дмитрий Терентьевич – с-р центра. Делегат от VIII армии Рум. фронта. – I, 1.
- КАРПИКОВ Иван Васильевич – левый с-р. Делегат съезда. – I, 1 (здесь: делегат из Казани); I, 3 (здесь: делегат от Мосальского у. Калуж. губ.); VIII, 40 (С. 400; здесь: чл. Испол. к-та Всерос. Сов. к.д. от Калуж. губ.).

- КАРЧЕВСКИЙ** Афанасий Сергеевич – чл. больш. фракции съезда. Делегат от Киев. гарниз. и Сов. к.д. – I, 1 (здесь: Карневский Афанасий, партийность не указана; Корлевский Афанасий Сергеевич, левый с-р); I, 2; I, 3 (здесь: Карчевский и Корчевский А.С. – максималисты); VII, 110 (С. 30, 32, 108; здесь: Корчевский А.С., б-к).
- ***КАТАЕВ (КАШАЕВ)** Михаил Федорович – с-р центра. Делегат от VIII армии Рум. фронта. – I, 1.
- КАТАШЕВСКИЙ (КАТЫШЕВСКИЙ)** Федор Стефанович – чл. больш. фракции съезда. Делегат от Сов. к.д. Киев. гарниз. – I, 1 (здесь: нац. соц.); I, 2; I, 3 (здесь: левый с-р).
- ***КАУЛЕ** Андрей – делегат из г. Торжка (Твер. губ.). – I, 1.
- КАХОВСКАЯ** Ирина Константиновна (1888–1.3.1960) – чл. партии левых эсеров. Из дворян (отец – землемер, мать – народная учительница). Марининский ин-т благородных девиц (Петербург); ист.-фил. отд. Высших женских (Бестужевских) курсов. Чл. Презид. съезда, ВЦИК II соз. – I, 1 (С. 3 и др.); VI, 148 (С. 55, 56) VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 40 (С. 142–143 и др.); IX, 2.
- КАШЕВСКАЯ** Ефросинья Исаевна (1897–1978) – чл. РСДРП (б) с 1915. Принимала крестьянских ходоков на съезде. – VII, 29 (С. 517–518); VI, 126 (2 марта 1978).
- КВАНТАЛИАНИ** Епифан Алексеевич (1889–1938) – б-к с 1906. За два года Нарымской ссылки самостоятельно прошел курс шести классов гимназии. Рабочий. Солдат. В авг. 1917 избран чл. Презид. Западно-Сиб. Сов. и военно-окр. к-та в Омске. Делегат от Баку. – I, 1; IV, 113 (С. 207 и др.); VII, 132 (С. 133, 155, 174); VIII, 40 (С. 407); IX, 2.
- КВАСМАН** Илья Михайлович (1873 – ?) – м-к – оборонец (в с-д с конца 1890-х). Делопроизводитель Витеб. гор. больницы кассы "Помощь". Канд. в чл. ВЦИК I соз. Делегат от Витеб. Сов. р. и с.д. – I, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 1, 3, 7, 9, 17); VI, 43 (17 мая. С. 2); VIII, 40 (С. 376).
- ***КЕФЕРОВ** – б-к. Делегат от V армии Сев. фронта с совещ. голосом. – I, 2.
- КИБРИК** Борис Самойлович (1884/86 – ?) – м-к с 1903. Наборщик. Делегат от Моск. Сов. р.д. – I, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед.хр. 9, 15, 17, 34); IV, 112 (С. 38–41 и др.); V, 7 (С. 260 и др.); VI, 59 (9 нояб., С. 3); VI, 72 (20 сент.; 12, 15, 19 нояб.); VII, 74 (С. 141 и др.); VIII, 40 (С. 401).
- КИЙКОВ** Иван Степанович – с-р центра. Делегат от Новгород. Сов. р. с. и к.д. – I, 1; VI, 75 (5 июля, 12 окт., 1 дек.).
- ***КИРИЛЛОВ** Иван – делегат из г. Старая Русса (Новгор. губ.). – I, 1. Известен также Кириллов Иван Кириллович (1892–1969) – б-к с 1918. Из кр-н. Работал черно-рабочим в Петербурге. До 1917 г. служил в 3-й воздухоплавательной роте. После Февр. револ. – чл. Гельсингф. Сов. и гарниз. к-та; делегат II обл. съезда Финляндии, где примкнул к фракции б-ков. – VI, 114 (11 сент. 1969); IX, 2.
- КИРИЧЕНКО** Дмитрий Исаакович – укр. соц. (с-р). Солдат. Чл. ВЦИК I–II соз. – VII, 110 (С. 27 и др.).
- КИРОВ** Сергей Миронович (1888 – 1.12.1934) – б-к с 1904. Род. в семье лесника. Казанское пром. мех.-техн. уч-ще. Техник (чертежник) в гор. управе. Журналист. Делегат от Владикавказ. и Нальчик. Сов. р. и с.д. Избран 5 окт. – I, 1; I, 2; IV, 68 (С. 506); VI, 197 (сент.-нояб.); VI, 199 (27 сент., 10 окт.); VII, 102 (С. 207–223); IX, 2.
- КИРЮХИН** Иван Иванович (1880–1941) – б-к с 1905. Рабочий-каталь мартен. цеха. Делегат от Муром. Сов. р. и с.д. (Владимир. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 65 (С. 99–101); VII, 35 (С. 135, 141, 142); VII, 41 (С. 61); IX, 2.
- КЛЕЙНЕРШЕЙХТ** Исай (? – 24.2.1918, убит в Пскове мародером) – делегат из Пскова. – I, 1; VI, 161 (9 дек. С. 2–3); VII, 36 (С. 272).
- КЛИМОВ** Василий – м-к-интерн. Делегат от Валдайского у. Сов. р., с. и к.д. (Новгор. губ.). – I, 1; VI, 131 (25 окт. С. 4). Известен Климов В.П. (1886 – ?) – б-к с 1917; чл. арм. к-та V армии Сев. фронта и ревкома в г. Двинске. – IV, 76 (С. 605).
- КЛОКОВ** Николай Иванович – б-к. Солдат 295-го пех. запас. полка. Делегат от Гдов. Сов. р., с. и к.д. (Петрогр. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 11 (С. 294, 295); VI, 25 (1, 15 окт.); VII, 110 (С. 38); VIII, 40 (С. 392); IX, 2.
- КЛУМБ** Иосиф Михайлович – м-к-интерн. Делегат от Серпухов. Сов. с.д. (Моск. губ.). – I, 1; VII, 66 (С. 139).

- КЛЮЗОВ Андрей Николаевич** – б-к. Полковой писарь. Делегат от Осташков. Сов. р. и сд. (Твер. губ.). – I, 1; VI, 80 (5, 26 сент.).
- ***КНЯЗЕВ Григорий Дмитриевич** – левый с-р. Делегат от Антонов. Сов. р., с. и к.д.(?). – I, 1.
- КОБОЗЕВ Петр Алексеевич** (13.8.1878–4.1.1941) – б-к (в с-д с 1898). Сын ж.-д. рабочего. Рижский политех. ин-т. Инженер-технолог. Делегат от Оренбурга и больш. фракции Петрогр. гор. думы. – I, 1; II, 1; IV, 46 (С. 3); IV, 61 (С. 672); IV, 90 (С. 408–409); VI, 44 (9, 14 апр.); VII, 76 (С. 276 и др.); VII, 103 (С. 108 и др.); VIII, 5 (Т. 12); VIII, 30; IX, 2.
- ***КОБЦЕВ Сергей Васильевич** – правый с-р. Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1.
- КОВАЛЕВ Виктор Семенович** (1883 – 4.3.1919, ум. от туберкулеза) – б-к с 1905. Сын бедного казака станицы Кременской Усть-Медведицкого окр. Дон. обл. Воен.-ремесл. школа. Кузнец. Делегат от Гуков. Сов. р., с. и к.д. Дон. обл. – I, 1; I, 2; IV, 10 (С. 318, 338–389); IV, 66 (С. 62 и др.); VI, 103 (13 сент. С. 4); VI, 136 (5 сент.; 5, 13 окт.); VII, 69 (С. 102–110); VIII, 5 (Т. 12); VIII, 36 (С. 283); IX, 2.
- КОВАЛЕВ Владимир Георгиевич** – делегат от Борисов. Сов. р. и сд. (Мин. губ.). – I, 1; IV, 40 (С. 446, 447).
- КОВАЛЬСКИЙ Викентий Викентьевич** – б-к. Матрос с линкора "Евстафий". Делегат от Черном. флота. – I, 1; I, 2; IV, 2 (С. 342); VII, 101 (С. 416); VII, 110 (С. 38).
- КОВАЛЮКАС Норберт Андреевич** – левый с-р. Делегат от X армии Зап. фронта. – I, 1; VII, 104 (С. 254; здесь: Ковалюнас).
- КОВАЧ Игнатий Петрович** – б-к. Солдат. Делегат от II армии Зап. фронта. – I, 1; I, 2; II, 2; IV, 41 (С. 79); IV, 53 (С. 49); VII, 110 (С. 38).
- КОВНАТОР Рахиль (Роза) Ароновна** (1899 – июль 1977) – чл. РСДРП(б) с июля 1917. Род. в м. Гриво Лифлянд. губ. Студентка Петрогр. психоневрологического ин-та. Присутствовала на съезде. – VI, 126 (30 июля 1977); VII, 7 (С. 441); VII, 29 (С. 535–536); VII, 34 (40–51, 223).
- КОГАН (Г.З?)** – б-к. Делегат от Испол. к-та Моск. Сов. сд. – VI, 72. (24 окт. С. 4); VI, 194 (14 июня. С. 3)
- КОГАН Евгения Соломоновна** (1886 – нояб. 1937) – чл. РСДРП(б) с 1907. Из многодетной бедной семьи мелкого служащего, работавшего на мельнице. Среднее образование; самообразование. Чл. ВЦИК I–II соз. Делегат от Поволжья. Ее присутствие на съезде под вопросом. – IV, 47 (С. 43, 183); VI, 154 (июль-дек.); VII, 12 (С. 136–144); VII, 76 (С. 155; 157); VII, 110 (С. 26, 73); VIII, 40 (С. 376); IX, 2.
- КОГАН Илья Львович** – б-к. Врач. Солдат (?). Делегат от III армии Зап. фронта. – I, 1; I, 2; IV, 41 (С. 409 и др.); IV, 53 (С. 289); IV, 87 (С. 220, 361); VI, 26 (21, 26 сент.); VI, 32 (май–нояб.); VII, 104 (С. 295); VII, 110 (С. 71, 72); IX, 2.
- КОЖЕВНИКОВ Стефан Трофимович** – б-к. Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1. Известен также Кожевников С. – комиссар I армии Сев. фронта с 27 окт. 1917. – I, 2 (С. 717).
- КОЖУРОВ (КОЖУРА, КОЖУРО, КАШУРА, КАЖУНОВ, КАШУКОВ) Владимир Федорович** – б-к. Из кр-н с. Дубовое Вилейского у. Вилен. губ. Солдат. Делегат от Виленско-Ковенского окр. Сов. р., с. и к.д. – I, 1; I, 2; IV, 9 (С. 281, 315); IV, 107 (С. 113); IV, 112 (С. 191); VII, 110 (С. 30, 32, 108); VIII, 40 (С. 394, 407).
- ***КОЗЕРСКИЙ** – делегат от Действующей армии. – I, 1.
- ***КОЗЛОВА И.** – делегат из Петрограда. – I, 1.
- КОЛЕГАЕВ Андрей Лукич** (1887–1937) – левый с-р (чл. ПСР с 1906). Париж. ун-т. Делегат из Казани. Выступал на съезде. – I, 1 (здесь ошибочно: делегат из Мосальска Калуж. губ.); VI, 109 (25 мая; 4–6, 29 авг.; 2, 12, 13 сент.); VI, 148 (С. 56); VII, 76 (С. 151, 339, 446); VII, 110 (С. 30 и др.); VIII, 5 (Т. 12); VIII, 40 (С. 157–158); IX, 2.
- КОЛЕРОВ Вячеслав Аркадьевич** – с-р. Врач. Чл. ВЦИК I соз. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1 (здесь: Колеров Вячеслав Арнольдович. Действующая армия. Партийность не указана); III, 5 (Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 29); IV, 85 (С. 281, 282); IV, 87 (С. 240); IV, 108 (С. 376); VI, 51 (22 окт., 1 нояб.); VI, 72 (18 окт. С. 2); VI, 118 (С. 136–137); VI, 160 (28 окт. С. 2); VIII, 40 (С. 376, 388, 394).
- КОЛЕСНИКОВ Сергей Сергеевич** (1882–1932) – б-к с 1903 (в рев. движ. с 1901). Из тульских мешан. Слесарь. Калильщик инструментальной мастерской. Делегат от Тульского Сов. р. и сд.; избран 16 окт. – I, 1; I, 2; IV, 39 (С. 256); IV, 83 (С. 90 и

- др.); VI, 95 (24 окт. С. 2); VI, 158 (2 сент., 7, 11, 17 окт., 16 нояб.); VI, 178 (23 июля, С. 3); VIII, 9 (С. 161–162); VIII, 40 (С. 398); IX, 2.
- *КОЛЕСОВ В.И. – б-к. Делегат от Вичугского Сов. р. и с.д. (Кинешем. у Костром. губ.) – I, 1.
- КОЛЕСОВ Федор Иванович (20.5.1891 – 29.7.1940) – б-к с 1917. Из семьи мелкого служащего г. Уральска. Церк.-прих. школа. Конторщик на ж.-д. Делегат от Ташкент. Сов. р. и с.д.; избран 12 окт. – I, 1; I, 2; III, 3 (Оп. 112. Ед.хр. 5. Л. 5, 63); IV, 96 (С. 123 и др.); IV, 97 (С. 152 и др.); IV, 100 (С. 224 и др.); VI, 134 (17 сент., С. 1); VII, 38 (С. 541); VIII, 5 (Т. 12); VIII, 48 (Т. 7); IX, 2.
- КОЛЛОНТАЙ Александра Михайловна (1872–1952) – чл. РСДРП(б) с 1915. (в рев. движ. с 1897–98). Род. в семье полковника (с 1875 – генерал-майора). Образование домашнее и высшее (за границей). Народная учительница; литератор. Чл. ВЦИК I соз., Презид. съезда. – II, 1; VI, 117 (3 авг., 12 окт.); VI, 154 (26 окт.); VI, 200 (14, 16, 25, 30 мая; 3 июня); VII, 29 (С. 552–554); VII, 110 (С. 38, 67); VIII, 40 (С. 158–159 и др.).
- *КОЛОКОЛЬЦЕВ Евгений Алексеевич – левый с-р. Делегат от Бугуруслан. Сов. р., с. и к.д. (Самар. губ.) – I, 1.
- *КОЛОСОВ Александр Васильевич – левый с-р. Делегат от Старо-Рус. у. Сов. р., с. и к.д. (Новгород. губ.) – I, 1.
- *КОЛОСОВ Федор Исаевич – с-р центра. Делегат от VIII армии Рум. фронта. – I, 1.
- *КОМАРОВ Н.Г. – левый с-р. Делегат от Екатериносл. Сов. р. и с.д. – I, 1.
- КОМИССАРОВ Николай Иванович – левый с-р. Делегат из Ярославля. – I, 1 (здесь: б-к); I, 3; VI, 216 (21 окт. С. 1; здесь он – канд. в Учред. собр. от эсеров и Сов. к.д.).
- *КОНОВАЛОВ Иван Митрофанович – делегат из г. Можайска Моск. губ. – II, 3.
- *КОНОНОВ Николай Васильевич – м-к-интерн. Делегат от Креслав. Сов. р., с. и к.д. (Витеб. губ.) – I, 1.
- КООЛЬМЕЙСТЕР Михкель Карлович (1.10.1893 – 3.9.1919) – б-к с марта 1917. Из семьи бедного кр-на о. Сааремаа. Министерское уч-ще. Рабочий вагоностроительного з-да в Ревеле. Чл. Ревел. Сов. Делегат I, II(?) и III Всерос. съездов Сов. р. и с.д. Расстрелян близ г. Изборска вместе с рядом делегатов I съезда профсоюзов Эстонии (30–31.VIII. 1919) за призыв к прекращению интервенции в Россию. – VII, 52(Т. 39); VIII, 5 (Т. 13); VIII, 40 (С. 407; здесь: Кольмейстер).
- КОПТЕВ Михаил Владимирович (1887–1966) – б-к с 1917. Солдат, ст. писарь эвакопункта. Делегат от Костром. губ. Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2; IV, 52 (С. 162); VI, 19 (30 апр. С. 3); VI, 46 (11 нояб. С. 2); VI, 183 (26 июля; 6, 15, 26 авг.; 6, 23 сент.; 1 нояб.); VII, 73 (С. 33–38); VII, 87 (С. 395); IX, 2.
- КОПЯТКЕВИЧ Александр Антонович (1886 – 10.11.1960) – б-к с 1905 (в рев. движ. с 1904). Сын землемера из г. Петрозаводска. Был студентом Петерб. ун-та. Чл. ВЦИК I соз. Делегат от Олонец. губ. Сов. р., с. и к.д. – I, 1; I, 2; II, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед.хр. 9. Л. 115); IV, 29 (С. 9 и др.); IV, 111 (С. 69); V, 2 (С. 126); VI, 150 (11 нояб. 1960); VII, 29 (С. 571–572); VIII, 40 (С. 377, 407); IX, 2.
- КОРМИЛЬЦЕВ Филипп Степанович (1881 – ?) – левый с-р. Сын хлебопашца. Низшее образование. Батрак. Солдат. Делегат от Ардатовского у. Сов. р., с. и к.д. (Нижегород. губ.) – I, 1; IV, 124 (С. 126); VII, 96 (С. 112); VIII, 38; VIII, 39.
- КОРНИЛОВ Филипп Васильевич – б-к. [Рабочий токарного цеха]. Делегат от Оренбург. Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2; VI, 44 (20 апр.; 9 июля; 27 авг.; 2, 3, 5, 10 сент.); VIII, 40 (С. 407, 409).
- КОРОЛЬ Анна Алексеевна – см. ВИЛЮМСОН А.А.
- КОРОСТЕЛЕНКО Иван Артемьевич – б-к. Делегат от Александропольского у. Сов. р., с. и к.д. (Эриван. губ.) – I, 1; I, 2 (здесь: Костеленко); IV, 47 (С. 161); VI, 108 (24 окт.; здесь: Коростыленко); VII, 86 (С. 332, 366).
- КОРОТКОВ Михаил Александрович (? – арест 1.10.1937; расстрелян 1.9.1938) – б-к с 1914. Делегат из г. Вичуга (Костром. губ.) – I, 1; IX, 2.
- *КОРЯКОВ Александр – делегат от Действующей армии. – I, 1.
- КОСИОР Станислав Викентьевич (1889 – 26.2.1939) – б-к с 1907. Сын польского кр-на. Начальное заводское уч-ще при Сулинском металлургическом з-де. Слесарь. Чл. ПК РСДРП(б). Канд. в чл. ВЦИК II соз. – VII, 29 (С. 577–578); VII, 110 (С. 27 и др.); VIII, 26 (Т. 4); VIII, 40 (С. 407); IX, 2.

- КОСТЕРИН Александр Константинович** – б-к с 1905. Солдат. Делегат из Петрограда. – I, 1; IV, 24 (С. 228, 231); IV, 69 (С. 89); VII, 110 (С. 39); VII, 134 (С. 356); IX, 2.
- КОТЛЯРЕВСКИЙ Семен Исаакович** – левый с-р. Делегат от I армии Сев. фронта. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1 (здесь: с-р); VII, 110 (С. 26); VIII, 40 (С. 407).
- КОФФЕР Август Юрьевич** – б-к. Делегат от Феллинского у. Сов. р., с. и к.д. (Лифлянд. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 42 (С. 240 и др.).
- КОЦЮБИНСКИЙ Юрий Михайлович** (25.11.1896 – 8.3.1937) – б-к с 1913 (в рев. движ. с 1911). Сын писателя М.М. Коцюбинского. Род. в Виннице. Реальное уч-ще. Одесское военное уч-ще. Прапорщик. Чл. Петрогр. Воен. организации РСДРП(б). Присутствовал на съезде. – II, 1; IV, 20 (С. 516 и др.); IV, 36 (С. 424 и др.); IV, 55 (Кн. 1, С. 749–750); VII, 29 (С. 584–585); VII, 110 (С. 39, 112); VIII, 5 (Т. 13); IX, 2.
- КРАВЦОВ Никифор Васильевич** – б-к. Рабочий, делегат от Луган. Сов. р. и с.д. (Екатеринос. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 45 (С. 109).
- КРАМАРОВ Григорий Моисеевич** (1.12.1887 – 12.8.1970) – объедин. с-д-интерн. (в с-д с 1903). Род. в м. Кагальнике Дон. обл. 7 классов гимназии. Чл. Петрогр. ВРК. Выступал на съезде. – I, 1 (С. 9 и др.); I, 2; III, 6 (Оп. 1. Ед.хр. 3, 7, 8); VII, 110 (С. 29); VIII, 21 (С. 605); VIII, 38; VIII, 39; IX, 2.
- КРАСИКОВ Петр Ананьевич** (5.10.1870 – 20.8.1939) – б-к с 1903 (в револ. движ. с 1890). Род. в семье учителя (чиновника) в Красноярске. Петерб. ун-т. Юрист. Чл. ВЦИК I соз., Предпарламента. Канд. в чл. ВЦИК II соз. Делегат съезда. – II, 1; VI, 102 (1989. № 8. С. 184); VII, 29 (С. 586–588); VII, 110 (С. 27, 30, 32); VIII, 5 (Т. 13); VIII, 40 (С. 376 и др.).
- КРАСНОПОЛЬСКИЙ Николай Александрович** – с-р. Делегат от 3-й стр. дивизии (Финляндия). – I, 1; IX, 2.
- КРЕЙНЕС Иосиф Вульфвич** (1891 – окт. 1917, убит во время боев в Москве). – Б-к. Из семьи торгового служащего г. Слуцка Минской губ. Мед. ф-ты Кенигсберг. и Моск. ун-тов. Врач. Делегат от 15-й стр. дивизии II армии Зап. фронта. Первый делегат съезда, умерший после Октября 1917. – I, 1; I, 2; VII, 19 (С. 205); VII, 104 (С. 85–175); VIII, 36 (С. 301–303; здесь отчество: Владимирович).
- КРЕМЛЕВ Александр Васильевич** – правый с-р. Солдат Упр. нач. инженеров XII армии Сев. фронта. Делегат от XII армии. – I, 1; I, 3; VI, 51 (1 нояб.); VI, 160 (28 окт. С. 2); VI, 172 (21 окт. С. 3; здесь ошибочно: Кремнев); VIII, 40 (С. 402).
- КРЕМЛЯНСКИЙ Николай Александрович** (1877–1938) – б-к с 1904. Род. в Севастополе. Слесарь; матрос, судовой механик. Чл. Презид. и тов. пред. союза моряков торгового флота (Одесса). Делегат с совещ. голосом. – II, 1; II, 2 (С. 385–386); VI, 150 (28 окт. 1977); VII, 21 (С. 291); VIII, 52; IX, 2.
- КРЕСТИНСКИЙ Николай Николаевич** (1883 – 15.3.1938) – б-к (в с-д с 1903). Род. в Могилеве, в семье учителя гимназии. Канд. в чл. ВЦИК II соз. На съезде не был. – VI, 3 (1, 29 июля); VI, 15 (3 окт. 1994); VI, 203 (28 окт., 18 нояб., 17 дек.); VI, 204 (13 окт. С. 3); VII, 110 (С. 27); VIII, 26 (Т. 4); VIII, 40 (С. 169 и др.).
- * **КРИВОЗУБОВ Федор Спиридонович** – б-к. Делегат от Рутченков. Сов. р.д. (Екатеринос. губ.). – I, 1.
- КРИВОЩАПОВ Алексей** – б-к. Делегат от 2-го Кавк. стр. полка Сев. фронта; избран 19 окт. – I, 1 (здесь: от Действующей армии; партийность не указана); I, 2; IV, 87 (С. 65); IV, 108 (С. 504). Известен также Кривошапов А.И. – б-к, нач. 1-го советского отряда, отправленного из Ржева на Урал в мае 1918; погиб в первых боях. – VII, 85 (С. 199).
- КРИГЕР Иосиф Маркович** (1899 [?] – 1919 [?]) – б-к. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1; I, 2; IV, 53 (С. 214, 215, 233); IV, 87 (С. 308 и др.); VI, 51 (3 нояб.); VII, 93 (С. 517); IX, 2.
- КРИЖЕВСКИЙ Давид Моисеевич** – м-к. Солдат. Делегат от III армии Зап. фронта. – I, 1 (здесь: беспартийный); IV, 41 (С. 445 и др.); VI, 32 (4, 8, 11, 14, 15, 17, 21 нояб.).
- КРИСТАЛОВСКИЙ Иосиф Александрович** (1883/84 – 1938) – б-к с 1903 (в рев. движ. с 1901). Сын чернорабочего. Род. в Одессе. Низшее образование. Рабочий-слесарь Главных Одес. ж.-д. мастерских. Делегат от Одес. Сов. р.д. (Херсон. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 37 (С. 48, 51, 74); VII, 21 (С. 296); VIII, 38; VIII, 39; VIII, 52; IX, 2.

- КРОЛЮНИЦКИЙ** Николай Александрович – м-к – оборонец. Журналист. Делегат от Вятского Сов. р. и с.д. – I, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед.хр. 28, 35); IV, 119 (С. 236); VI, 23 (26 авг., 23 сент.); VI, 184 (28 апр.).
- КРОПИН** Михаил Владимирович – б-к. Делегат от Шлиссельбург. у. Сов. р. и с.д. (Петрогр. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 11 (С. 296, 300); IV, 112 (С. 290).
- КРОТОВ** Иван Иванович – левый с-р. Делегат от Псков. губ. Сов. к.д. – I, 1; I, 3; VIII, 40 (С. 400).
- КРУГЛОВА** Агриппина Ильинична (1883 – 2.4.1974) – чл. РСДРП(б) с 1905. Род. в семье рабочего табачной ф-ки (Петербург). Низшее образование. Работница картонажных мастерских, альбомной ф-ки Бехли, з-да "Промет" (Петербург). Чл. Петрогр. Сов. р. и с.д. Присутствовала на съезде. – VI, 121 (апр. 1974); VII, 29 (С. 595–596).
- КРЫЛЕНКО** Николай Васильевич (2.5.1885 – 1938) – б-к с 1904. Род. в семье акцизного чиновника, в г. Белом Смолен. губ. Люблинская гимназия, ист.-фил. ф-т Петерб. ун-та; юрид. ф-т Петерб. и Харьк. ун-тов. Преподавал в гимназии в г. Калише (Царство Польское). Прапорщик. Чл. ВЦИК I–II соз., Презид. съезда. Выступал на съезде. – I, 1 (С. 3 и др.); VI, 158 (23 нояб. С. 3); VI, 207 (26 нояб. С. 2; здесь – не отраженные в других источниках сведения о месте рождения Крыленко – г. Калише и преподавании в тамошней гимназии, до 1909); VII, 29 (С. 603–604); VII, 110 (С. 26, 32, 206); VIII, 26 (Т. 4); VIII, 40 (С. 375 и др.); IX, 2.
- КРЫЛОВ** Сергей Ефимович – б-к. Солдат 174-го пех. запас. полка. Делегат от Боровичского у. Сов. р., с. и к.д. (Новгород. губ.). – I, 1; I, 2; VI, 56 (5, 11 окт.).
- ***КРЮКОВ** – делегат из г. Кременчуга (Полтав. губ.). – I, 1. Возможно, фамилия спутана с названием пригорода Кременчуга (Крюков).
- КРЮКОВ** Петр Васильевич (1886–1970) – б-к с 1915. Род. в семье каменщика в г. Козлове Тамбов. губ. Низшее образование. Рабочий-литейщик. Солдат 184-го пех. запас. полка в г. Острогжске (Воронеж. губ.). Делегат от Острогж. у. Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2; II, 2 (С. 327–329); IV, 22 (С. 137 и др.); IV, 64 (С. 34, 40, 90); VI, 186 (7 нояб. 1979); IX, 2.
- КУБАРЕВ** Иван Иванович – сочувствующий б-кам. Делегат от Киясовского вол. Сов. (Серпух. у. Моск. губ.). – I, 1; IX, 2.
- ***КУБРЯШОВ** Павел Федорович – делегат от Действующей армии. – I, 1.
- КУДЕЛЛИ** Прасковья Францевна (1859–1944) – чл. РСДРП(б) с 1903 (в рев. движ. с 1895). Род. в Екатеринодаре, в семье врача. Петерб. высшие женские курсы. Учительница. В 1917 – чл. ред. газ. "Известия", "Правда", журн. "Работница". Присутствовала на съезде. – II, 1; IV, 92 (С. 685); VII, 29 (С. 607–608); VIII, 26 (Т. 4).
- КУДИНОВ** Семен Иванович (1887 – 1976) – б-к с 1917. Делегат от Донец. окр. Сов. р., с., к. и казачьих д. – I, 1 (здесь: объед. с-д-интерн.); I, 2 (здесь ошибочно: Куданов); VII, 92. (С. 363). См. также: Революцией призванные: Восп. участников ВОСР. Ростов-на/Д, 1977. С. 40–63, 172–173.
- КУДРИЦКИЙ** Антон Константинович – делегат от Перм. Сов. р. и с.д. – I, 1; IV, 21. (С. 499).
- ***КУЗНЕЦОВ** Ал. Ал. (так в источнике) – чл. больш. фракции съезда от Окуловки. (Возможно, речь идет об Окуловской писчебумажной ф-ке в д. Парихино Крестецкого у. Новгор. губ.). – I, 2.
- КУЗНЕЦОВ** Терентий Семенович – б-к с 1905. Слесарь. Делегат от Невьян. Сов. р. и с.д. (Перм. губ.). – I, 1; I, 2; (здесь: от Екатеринбург. окр. съезда); V, 5 (С. 52); VI, 203 (26 окт. С. 3); VI, 204 (1, 13 окт.); IX, 2.
- КУЗЬМИН** Александр Александрович (20.12.1876 – 6.2.1920. Ум. от тифа, похоронен в Екатеринбургe) – б-к с 1905. Сын петерб. архитектора. Горный ин-т. Учитель механики и математики. Инженер (механик). Делегат из г. Лысьвы (Перм. губ.). – VI, 203 (26 окт. С. 3); VI, 204 (13 окт. С. 3); VIII, 19 (С. 469); VIII, 35 (С. 58–60); здесь указано: А.А. Кузьмин (умер от оспы в Нижнем Тагиле в февр. 1919); VIII, 53 (здесь: б-к с 1904); IX, 2.
- ***КУЗЬМИН** Алексей Кузьмич – беспартийный. Делегат от Стариц. у. Сов. к. и с.д. (Твер. губ.). – I, 1.
- ***КУЗЬМИН** Андрей Владимирович – делегат из г. Кыштыма (Перм. губ.). – I, 1.

- КУЗЬМИН И.Д.** – беспартийный. Делегат от Рыбин. Сов. р. и с.д. (Ярослав. губ.); избран 18 окт. – I, 1; VI, 156 (20 окт., 22 дек.).
- КУЗЬМИН Михаил Кузьмич** – делегат из Ревеля (Эстлянд. губ.). – I, 1. Известен Кузьмин (Кузьмин Яан, Кузьмин Иван Ефимович) – б-к с 1906, чл. Ревельского Сов. р. и воен. д. – IV, 42 (С. 55 и др.); VI, 82 (2, 18, 19 авг.; 1, 14, 22 окт.); VI, 166 (22 апр. С. 3).
- КУЗЬМИН Николай Николаевич** (1883–1937) – б-к с 1903 (в рев. движ. с 1901). Сын работницы табачной ф-ки. Воспитывался в пансионе. Гимназия. Мат. ф-т Петерб. ун-та. На съезде присутствовал как представитель газ. "Деревенская беднота" и "Солдатская правда". – II, 1; IX, 2.
- *КУЗЬМИН Сергей Николаевич** – левый с-р. Делегат от Пятринского Сов. (?). – I, 1.
- КУЗЬМИНСКИЙ Андрей Алексеевич** (? – конец июля 1918; ум. в плену у бело-казанов от тифа, пыток, побоев). Из семьи портового грузчика. Гимназия. Служил на ж.-д. В сборнике 1928 (I, 1) фигурирует как делегат съезда от г. Ейска (Кубан. обл.), партийность не указана. В действительности, Кузьминский, как и Ткач И.С. (см.), были ходоками от союза крестьян-хлеборобов, семей мобилизованных и Ейской гор. управы с требованием понижения цен на хлеб. Их выслушали на заседании Петрогр. ВРК 3 нояб., доклад был опубликован через два дня в "Известиях ЦИК и Петрогр. Сов. р. и с.д." Кузьминский был близок к б-кам. – VII, 48 (С. 45–54).
- *КУЗЬМИЧЕВ Андрей Андреевич** – б-к. Делегат от Луцкого у. Сов. р., с. и к.д. (Волын. губ.). – I, 1.
- КУЛИНИЧЕНКО Павел Ильич** – "укр. социалист" (впоследствии – чл. ВКП(б)). Делегат от Киев. обл. Сов. р. и с.д. (куда он был избран от Черкас. Сов. р. и с.д.). Избран на съезд 19 окт. Выступал на съезде. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1 (здесь: нац. с-д); V, 15 (С. 300, 556); VI, 137 (29 авг. С. 3, 4); VII, 110 (С. 27).
- *КУЛИШЕВ Иван** – чл. больш. фракции съезда от 173-го полка. – I, 2.
- КУЛЬКОВ Михаил Максимович** (9.5.1891 – 27.2.1939) – б-к с 1915. Род. в семье рабочего-текстильщика в с. Константиново Бронниц. у. Моск. губ. Низшее образование. Рабочий. Делегат от Брян. и Бежиц. Сов. с.д. (Орлов. губ.) – I, 1; I, 2; IV, 35 (С. 83, 124); V, 3 (С. 10 и др.); VI, 102 (1989. № 12. С. 106); VI, 106 (1967. № 3. С. 64); VI, 126 (16 сент. 1981); VII, 43 (С. 156); VII, 65 (С. 486); IX, 2.
- КУЛЬПЕ Ян Карлович** (1888–1943) – б-к с 1904. Рабочий. Делегат от Костром. губ. Сов. р.д. Избран 12 окт. – I, 1; I, 2; IV, 49 (С. 343); IV, 123 (С. 214–215); VI, 19 (12 сент. С. 3); VI, 183 (20 июля, 30 сент., 6, 14 окт.; 1, 16 нояб.; 1, 15 дек.); VII, 5 (С. 35, 105); VII, 52 (С. 17, 18); VII, 87 (С. 395); VII, 134 (С. 357); IX, 2.
- *КУЛЬЧИЦКИЙ Иван Андреевич** – левый с-р. Делегат от Новогород-Волын. Сов. р., с. и к.д. (Волын. губ.). – I, 1.
- *КУПРЕЕВ Тимофей** – левый с-р. Делегат от Перновского у. Сов. р., с. и к.д. (Лифлянд. губ.). – I, 1.
- КУРАЕВ Василий Владимирович** (1891/92 – 1937/38) – б-к с 1912 (1914). Род. в Пензе; сын горничной, работавшей у купца. Был студентом Петерб. ун-та (исключен), юрид. ф-та Петерб. психоневрол. ин-та (исключен). Солдат тылового гарниз. Чл. ВЦИК I соз., Предпарламента, Орг. к-сии по подготовке съезда. Канд. в чл. ВЦИК II соз. – I, 1; IV, 46 (С. 584); IV, 112 (С. 186); VI, 81 (17 окт. С. 4); VI, 102 (1989. № 8. С. 184); VII, 49 (С. 5–7 и др.); VII, 65 (С. 486–487); VII, 76 (С. 40 и др.); VII, 110 (С. 27 и др.); VIII, 40 (С. 376, 388, 413).
- КУРБАНГАЛИН Шайхетдин Шарифуллич** – левый с-р. Делегат от Мензелин. у. Сов. к.д. (Уфим. губ.). – I, 1. Известен Курбангалин – чл. Мензелин у. прод. управы. – VI, 71 (22 окт. С. 6).
- *КУРИЛОВ Иван Васильевич** – левый с-р. Делегат от Старо-Русского у. Сов. р., с. и к.д. (Новгород. губ.). – I, 1.
- КУРКОВ Петр Иванович** (1889–1938) – б-к с мая 1917. Род. в семье кузнеца в с. Солотча Рязан. губ. Ремесл. уч-ще. Машинная школа. Слесарь мастерских Окского пароходства. Машинный старшина на крейсере "Аврора", затем унтер-офицер. Гость съезда. Выступил с заявлением, что "Аврора" стреляла холостыми снарядами. – VII, 29 (С. 619–620); VIII, 53 (С. 53; здесь Курков значится в 1917 левым эсером, а б-ком – с 1918); IX, 2.

- КУРОЧКИН Иван Егорович** – с-р. Делегат от Шлиссельбург. у. Сов. р. и с.д. (Петрогр. губ.). – I, 1; II, 2 (С. 366; здесь: левый с-р); IV, 11 (С. 271); IV, 43 (С. 273).
- КУРЯКИН Григорий Григорьевич** – м-к-оборонец. Делегат от Вольского у. Сов. р., с и к.д. (Саратов. губ.). – I, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед.хр. 8. Л. 97); IV, 116 (С. 172; здесь: Куракин).
- КУСТОВ Николай Петрович** (1882/92 – убит в ночь на 18.8.1918) – б-к с 1917. Из мещан; отец работал на ж.-д. Гор. начальное уч-ще. Самообразование. Слесарь Рыбинских ж.-д. мастерских. Делегат от Рыбин. Сов. р. и с.д.; избран 18 окт. – I, 1 (здесь: Кустов И.П.); I, 2 (здесь: Кустов И.П.); IV, 125 (С. 257, 284); VI, 156 (7, 10, 13, 20 окт.); VII, 5 (С. 37); VII, 98 (С. 157); VII, 120 (С. 139–144); VIII, 36 (С. 322–323).
- КУТУЗОВ Григорий Петрович** – б-к. Делегат от Осташков. Сов. с.д. (Твер. губ.). – I, 1; I, 2 (С. 718, 746); VI, 80 (12, 19 сент., 10 окт.).
- КУЧИН (ОРАНСКИЙ) Георгий Дмитриевич** (1889 – ? Последний арест в 1935) – м-к-оборонец (в с-д с 1907). Высшее образование. Поручик 44-й арт. бригады (прапорщик, капитан артиллерии). Чл. ВЦИК I соз. Делегат от XII армии Сев. фронта. Выступал на съезде. – I, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед.хр. 17, 229); IV, 85 (С. 253, 256); IV, 87 (С. 432); VI, 2 (13 окт. С. 4); VI, 10 (12 сент. С. 1); VI, 51 (1 нояб.); VI, 90 (окт.); VI, 165 (9 сент. С. 2); VI, 167 (21 окт. С. 3); VI, 172 (июль-авг., окт.); VI, 174 (26 марта, 13 апр.); VII, 52 (Т. 27. Указ. имен); VII, 100 (С. 178–179, 201, 203); VIII, 40 (С. 375–412).
- ЛАГУТИН** – левый с-р. Канд. в чл. ВЦИК II соз. (Из г. Аткарска Саратовской губ.). – VII, 110 (С. 26, 79); VIII, 40 (С. 391, здесь: Лагутин А.И.). Известен также Лагутин Иван, первый пред. Казачьего отдела ВЦИК II соз., участник Октябрьского вооруж. восстания в Петрограде, гражд. войны на Дону. Погиб 27 апр. 1918. – IX, 2.
- ЛАЗАРЕВ Петр Станиславович** (1885/87 – осень 1919 (января 1920), расстрелян денкинцами) – с-р (чл. РКП(б) с 1919). Рабочий Главных Одес. ж.-д. мастерских. Чл. ВЦИК I соз. Делегат от Одесского Сов. с.д. (Херсон. губ.); избран 11 окт. – I, 1; III, 1; IV, 37 (С. 74); VI, 29 (30 авг. С. 1); VI, 77 (25 мая); VII, 21 (С. 303); VIII, 36 (С. 327); VIII, 40 (С. 376, 421. Здесь: Лазарев Петр Степанович); VIII, 52.
- ЛАЗАРЕНКО Степан Федорович** – левый с-р. Делегат из г. Почепа Черниговской губ. – I, 1; IV, 36 (С. 96, 99, 134); IX, 2.
- *ЛАЗУТКИН Федор Иванович** – левый с-р. Делегат от Финляндского окр. Сов. к.д. – I, 1. Известен Лазуткин – в авг. 1917 матрос 1-й бригады линейных кораблей. – IV, 104 (С. 467).
- *ЛАНГЕ** – чл. больш. фракции съезда от I армии Сев. фронта. – I, 2. Известен также Ланге Иван Иванович (1894–29.3.1919) – б-к с 1914; в 1917 – чл. Гомельского Сов. и Полес. организации РСДРП(б). – VIII, 1 (Т. 5).
- ЛАПАТОВ Григорий Алексеевич** – с-р-максималист. Делегат из Курска. – I, 1; IV, 30 (С. 164. Здесь: Лопатов); IX, 2.
- ЛАПИДУС Григорий Аркадьевич** (? – июнь 1974) – б-к с 1917. Врач. Делегирован Презид. Белев. Сов. р. и с.д. (Тул. губ.). На съезде не был, но присутствовал на зас. фракции б-ков 24 окт. – II, 1; IV, 83 (С. 293); VIII, 32; IX, 2.
- ЛАПИНСКИЙ Павел Людвигович (ЛЕВИНСОН Я.)** (1879–1937, самоубийство после ареста) – чл. ППС (Левицы) с 1906. Экономист, публицист. Чл. ВЦИК I соз., Предпарламента. Выступал на съезде. – I, 1 (С. 12 и др.); III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 1–3); VII, 52 (Т. 41. Указ. имен); VII, 110 (С. 30); VII, 129 (С. 108); VIII, 26 (Т. 4); VIII, 30; VIII, 40 (С. 376, 388).
- ЛАПЬЕР Константин Эмильевич** – левый с-р. Счетовод. Чл. Предпарламента. Делегат от Викжеля (Сев.-Зап. ж.-д.). – I, 1; VII, 110 (С. 41); VII, 129 (С. 452, 484); VIII, 40 (С. 388); IX, 2.
- ЛАРИН (ЛУРЬЕ) Михаил Александрович** (1882–1932) – б-к с авг. 1917 (до этого – м-к-интерн.; в с-д с 1900). Род. в Симферополе, в интеллигентной семье. Гимназия. Литератор. Чл. ВЦИК I соз. Делегат от Костромского Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2; III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 1, 2, 9); VI, 143 (8 дек.); VI, 158 (22 авг., 26 сент., 24 окт.); VI, 163 (3 дек.); VI, 183 (окт.); VI, 204 (25 окт., 6 дек.); VII, 110 (С. 156 и др.); VIII, 26 (Т. 4); VIII, 40 (С. 377, 383, 395).

- ЛАССМАН Евгений Иванович – укр. с-д. Делегат от Киев. Сов. р.д.; избран 19 окт. – I, 1 (здесь: нац. с-д); V, 15 (С. 271 и др.).
- ЛАЦИС Мартын Иванович (Мартин Янович) (СУДРАБС Ян Фридрихович) (1888–1938) – б-к с 1905. Род. в семье батрака в Лифляндской губ. Приходское уч-ще. Сдал экзамен на народного учителя. Ун-т им. Шанявского (Москва). Чл. Петрогр. ВРК. Канд. в чл. ВЦИК II соз. – II, 1; VII, 110 (С. 27 и др.); VIII, 40 (С. 408, 409, 413).
- ЛАШЕВИЧ Михаил Михайлович (1884–30.8.1928) – б-к с 1909 (в рев. движ. с 1901). Из купеческой семьи. Гимназия (исключен). Унтер-офицер. Чл. ВЦИК I–II соз. Делегат от Петрогр. Сов. – I, 1; I, 2 (С. 18–20); IV, 39 (С. 254–255); VI, 101 (19 окт.); VI, 162 (25 апр. С. 1); VII, 110 (С. 26, 51, 64); VIII, 5 (Т. 14); VIII, 26 (Т. 4); VIII, 40 (С. 176–178 и др.); IX, 2.
- *ЛЕБЕДЕВ Иван Ефимович – правый с-р. Делегат от Бологов. Сов. р., с. и к.д. (Новгор. губ.). – I, 1.
- ЛЕБЕДЕВ Сергей Иванович (1888–1919, ум. в иркутской тюрьме) – б-к (с 1913). Рабочий-типографщик. Делегат от Иркут. Сов. р.д. – I, 1; I, 2; IV, 16 (С. 115, 142, 264); IV, 107 (С. 414); V, 9 (С. 106); VI, 13 (7 апр.); VI, 42 (8 сент. С. 2); IX, 2.
- ЛЕБЕДЕВ-САРАТОВСКИЙ Петр Александрович (1877–1952) – б-к (в рев. движ. с 1899). Род. в Харькове. Был студентом Петерб. ун-та. Делегирован от Саратовского Сов., но до Петрограда не доехал, так как был возвращен в Саратов. – II, 1; IV, 90 (С. 411); VI, 159 (С. 251); VI, 195 (25 июня. С. 4); IX, 2.
- *ЛЕБЕДИНСКИЙ Лонгин Федорович – с-р. Делегат от III армии Зап. фронта. – I, 1.
- ЛЕВИН Михаил (Моисей) Абрамович (1895–?) В янв. 1935 приговорен к заключению в концлагерь) – левый с-р. Делегат от Полтав. Сов. р. и с.д. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1; I, 2 (С. 719); VI, 39 (29 окт. С. 4); VI, 149 (24 июня. С. 3); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 31; VIII, 40 (С. 398, 407); IX, 2.
- ЛЕВИН Рувим Яковлевич (1898–1937/38) – б-к с 1915. Делегат от Царицынского Сов. р. и с.д. (Сарат. губ.); избран 8 окт. – I, 1; I, 2; IV, 84 (С. 149 и др.); IV, 91 (С. 242); VI, 102 (1989. № 9. С. 188); IX, 2.
- ЛЕВИТ Соломон Абрамович (1878–20.4.1926) – б-к с 1903 (в рев. движ. с 1897). Сын лесного приказчика. Род. в Витеб. губ. Низшее образование. Делегат от Нижегородского Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2; IV, 45 (С. 41); IV, 78 (С. 313. Здесь дата смерти: 20.4.1925); IV, 98 (С. 81 и др.); VI, 88 (14 марта, 1 апр.; 6, 17, 20 авг.; 10, 14, 17 сент.); VI, 116 (18, 21 нояб., 6 дек.); VI, 138 (26 окт. С. 1); VI, 139 (23 апр., 6 авг., 15 окт., 30 нояб., 3 дек.); VII, 75 (С. 26, 304–305); IX, 2.
- ЛЕВТАНОВ (ЛЕВТОНОВ) Владимир Николаевич (1889–?) – с-р центра. Род. в семье инженера, в Воронеже. Студент. Солдат 13-го пех. Особого полка. Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1; VI, 51 (1 нояб.); VI, 160 (28 окт. С. 2); VI, 172 (21 окт. С. 3); VIII, 38; VIII, 39. Известны также Левтоновы Александр и Сергей Николаевичи. – VI, 32 (2 нояб. С. 2); VIII, 40 (С. 372, 395).
- ЛЕЙБМАН Борис Яковлевич – м-к-интерн. [Высшее образование]. Присяжный поверенный. Делегат от Симферопольского Сов. р. и с.д. (Тавр. губ.). – I, 1; VI, 43 (28 марта, 26, 28 апр., 27 мая, 28 июня, 12, 14, 21 июля, 1, 10 авг.).
- ЛЕКОНТ Александр Тимофеевич – левый с-р. Делегат от Макеевского Сов. р. и с.д. (Дон. обл.). – I, 1; VI, 5 (14 июля. С. 4); VI, 104 (25 нояб. С. 2).
- ЛЕМИСОВ Иван Ефимович (1878–14.8.1929) – б-к с 1904. Из семьи кр-на-бедняка с. Сошняковка Пензенской губ. Пекарь. Делегат от Астраханского Сов. р. и с.д.; избран 15 окт. – I, 1; I, 2; IV, 13 (С. 367–375, 386, 405); VII, 76 (С. 275); IX, 2.
- ЛЕНИН (УЛЬЯНОВ) Владимир Ильич (10.4.1870–21.1.1924) – б-к с 1903 (в рев. движ. с 1893). Из семьи инспектора народных уч-щ. Петерб. ун-т. Пом. присяжного поверенного; литератор. Чл. ВЦИК I–II соз. Выступал на съезде. – I, 1; VIII, 40 (С. 178–188 и др.).
- *ЛЕНСКИЙ Афанасий Фомич – чл. больш. фракции съезда от Мыза-Раевского гарниз. к-та и Сов. р. и с.д. Моск. склада огнеприпасов (Моск. губ.). – I, 2. Ср.: Лепский Афанасий Фомич.
- ЛЕОНОВ Александр Павлович (1888–22.6.1919, погиб в бою под Гатчиной) – б-к с 1912. Из бедных кр-н с. Козимки Ефремовского у. Тульской губ. Низшее образование. Молотобоец в трамвайных парках Москвы и Петрограда, потом – ваго-

- новожатый. Делегат из Петрограда. – I, 1 (здесь партийность не указана); I, 2 (С. 33–34); VII, 20 (С. 114, 346).
- ЛЕОНОВ Илья Дмитриевич – м-к-интерн. Прапорщик. Делегат от Тамбов. Сов. р. и с.д. – I, 1; IV, 107 (С. 391); VI, 196 (19 марта. С. 3; 20 окт. С. 2. Здесь – солдат); VII, 65 (С. 317 и др. Здесь – прапорщик, чл. Тамбов. Сов. р. и с.д., правый с-р).
- ЛЕПА Альфред Карлович (1876–9.5.1938) – б-к с 1914. Отец занимался извозным промыслом в Риге. Реальное уч-ще в Риге. Делегат от Уткинского Сов. р. и с.д. (Перм. губ.). – I, 1; I, 2; II, 1; V, 5 (С. 56); VI, 3 (18 апр. С. 4); VI, 102 (1989. № 12. С. 107; 1990. № 12. С. 162); VI, 203 (25, 26 нояб., 17, 22 дек.); VI, 204 (11, 18 окт.); VII, 91 (С. 275); IX, 2.
- *ЛЕПИН Михаил Мартынович – левый с-р. Делегат от Петергоф. Сов. р. и с.д. (Петрогр. губ.). – I, 1.
- ЛЕПЛЕВСКИЙ Герш Моисеевич (Григорий Моисеевич) (1.5.1889–1939) – б-к с марта 1917. Род. в семье рабочего-табачника в Брест-Литовске. Киев. коммерч. ин-т. Делегат от Гомель. Сов. р. и с.д. (Могилев. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 40 (С. 779); V, 16 (С. 241 и др.); VII, 52 (Т. 54. Указ. имен); VII, 104 (С. 308, 309); VIII, 1; VIII, 40 (С. 398); IX, 2.
- *ЛЕПСКИЙ Афанасий Фомич – делегат съезда от Мариенгама (?) (Мариенгамна (Финляндия)?). – I, 1. Ср.: Ленский Афанасий Фомич.
- ЛЕСНОВСКИЙ Григорий Львович – левый с-р. Канд. в чл. ВЦИК I, чл. ВЦИК II соз. – III, 8 (Оп. I. Ед. хр. 14, 17); IV, 49 (С. 81); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 40 (С. 139, 376, 410).
- ЛЕТИН Яков Кузьмич – б-к. Делегат от Воронежского Сов.р. и с.д. – I, 1; I, 2 (здесь: от Листенского гарниз. и Сов. р. и с.д. (Воронеж. губ.)).
- ЛЕЩИНСКИЙ (ЛЕНСКИЙ) Юлиан Марианович (8.1.1889–21.9.1937) – б-к (с 1906 в СДКП и Л). Род. в семье рабочего в Плоцке. Философский ф-т Крак. ун-та. Канд. в чл. ВЦИК I–II соз. Чл. Предпарламента. – I, 2 (С. 42–44); VII, 110 (с. 27, 32, 200); VIII, 4 (Т. 51); VIII, 40 (С. 376, 388, 395); VIII, 48 (Т. 8); IX, 2.
- ЛИВШИЦ Наум Александрович – с-р центра. Чл. ВЦИК I соз., Предпарламента. Делегат от Петрогр. Сов. р. и с.д. – I, 1; VIII, 40 (С. 376, 388).
- ЛИЗДИНЬ Георгий Янович (1864–1937) – б-к с 1903 (в с-д с 1892). Работал на Балтийском з-де в Петрограде. В 1917 – чл. Василеостровского райкома РСДРП(б). Участвовал в работе съезда. – I, 2 (С. 700); II, 1; VI, 37 (здесь: Лиздинь Григорий Яковлевич); IX, 2.
- ЛИМАНСКИЙ Аким Антонович (1875–22.3.1948) – б-к с 1912. Переплетчик. Делегат от Екатеринодар. Сов. р., с. и к.д. (Кубан. обл.). – I, 1; I, 2; II, 1; IV, 26 (С. 39 и др.); VII, 31 (С. 268–291); IX, 2.
- *ЛИОНИН – чл. больш. фракции съезда (Муромец (?), Моск. у. Моск. губ.). – I, 2.
- ЛИСОВСКИЙ Игнатий Петрович – б-к. Делегат от Киевского Сов. р.д. – I, 1; I, 2; IV, 20 (С. 596); IV, 70 (С. 159).
- ЛИТВИН Иван Васильевич – б-к. Делегат из г. Двинска (Витеб. губ.). Чл. ВЦИК II соз. – I, 1 (здесь партийность не указана); I, 2; IV, 40 (С. 832–833); IV, 53 (С. 166); VI, 83 (17 окт. С. 3); VII, 110 (С. 26, 32, 51); VIII, 40 (С. 407).
- ЛИТВИН (ЛИТВИНОВ) Иосиф Израилевич (1896–?) – объедин. с-д-интерн. Род. в м. Пильтен Курлянд. губ. Реальное уч-ще. Чл. ред., корректор в типографии газ. "Рижский фронт". Делегат от Валкского Сов. р. и с.д. (Лифлянд. губ.). – I, 1; VI, 51 (1 нояб. С. 2); VII, 71 (С. 82–122).
- ЛИФШИЦ Павел Исаевич – с-р центра. Делегат от Александровского у. Сов. р., с. и к.д. (Екатеринос. губ.); избран 19 окт. – I, 1; IV, 70 (С. 30, здесь: Лившиц); VI, 1 (27, 31 окт., 12, 16 нояб.).
- ЛИХАЦКИЙ Семен Тимофеевич – б-к. Делегат от Донецкого окр. Сов. р., с. и к.д. – I, 1; I, 2; IV, 10 (С. 318, здесь: Лехацкий).
- *ЛОБАЧЕВ Константин Яковлевич – м-к-оборонец. Делегат от XII армии Сев. фронта – I, 1.
- ЛОБАЧЕВ Павел Лукьянович – с-р центра. Солдат. Делегат от Тамбов. губ. Сов. р. и с.д. Избран 17 окт. – I, 1; VI, 92 (8, 15 июля, 19 сент.).
- ЛОБОВ Семен Семенович (1888–30.10.1937) – б-к с 1913. Из семьи беззем. кр-на д. Неськово Смолен. губ. Рабочий-металлист. Чл. Петрогр. Сов. Канд. в чл.

- ВЦИК II соз. – I, 2 (С. 49–51); II, 1; VI, 102 (1989. № 12. С. 94); VII, 110 (С. 26); VIII, 5 (Т. 14); IX, 2.
- ЛОГАЧЕВ Павел Осипович (1890–1957) – б-к с 1912. Род. в д. Дерново Медынского у. Калуж. губ. Служил в Калужском гарниз. Делегат от Калуж. Сов. сд. – I, 1 (здесь: делегат от Действующей армии; партийность не указана); VII, 42 (С. 248); VII, 135 (С. 310); VIII, 40 (С. 395).
- *ЛОЖКОМОВ Павел Алексеевич – делегат из г. Тихвина (Новгород. губ.) – I, 1.
- ЛОЗОВСКИЙ (ДРИДЗО) Соломон Абрамович (1878–1952) – б-к (в с-д с 1901). Сын бедного евр. учителя (меламеда). Гимназия. Работал кузнецом. В 1917 – секретарь ВЦСПС. Выступал на съезде. – I, 1 (С. 33); III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 75); VI, 102 (1990. № 10. С. 166); VII, 14 (Кн. 1. С. 289–292); VII, 110 (С. 30); VIII, 26 (Т. 4); VIII, 40 (С. 378 и др.).
- ЛОМОВ (Оппоков) Георгий Ипполитович (1888–2.9.1937) – б-к с 1903. Из дворян. Юрид. ф-т Петерб. ун-та. Пом. присяжного поверенного. Чл. Испол. к-та Моск. Сов. р.д., Предпарламента. Присутствовал на первом заседании съезда. – II, 1; VI, 48 (28 окт. С. 4); VI, 72 (июнь–нояб.); VI, 117 (30 мая, 8 авг.); VI, 135 (24 сент. С. 1); VI, 158 (7 окт. С. 3); VI, 183 (20 окт. С. 2); VIII, 40 (С. 191–193 и др.).
- ЛОМОНОСЕНКО Борис Владимирович – правый с-р. Солдат. Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1; Дело трудового народа (Рига), 16 мая. С. 3.
- ЛОПУХОВСКИЙ Степан Яковлевич – б-к. Матрос. Делегат от Арханг. губ. Сов. р. и сд. Избран 15 окт. – I, 1; IV, 32 (С. 117, 123); VI, 53 (3 нояб.).
- ЛОТИКОВ Василий Петрович (1870–22.10.1918, убит на Тамбовщине) – б-к. Родился в с. Сентяпино Пензен. губ. Учительская семинария. Учитель в Моршан. гор. уч-ще. Делегат от Белян. Сов. р., с. и к.д. (Екатеринослав. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 15 (С. 27); VI, 47 (С. 151, здесь ошибочно: Лютиков); VI, 70 (12 нояб., 30 дек.); VI, 103 (19 нояб. С. 3); VI, 140 (6 нояб. С. 4); IX, 2.
- ЛУКАВСКИЙ Иосиф – б-к. Делегат от Кременчугского Сов. р. и сд. (Полтав. губ.). – I, 1; I, 2 (здесь: Иосиф Ф.).
- ЛУКЬЯНОВ Федор Петрович – б-к. Солдат. Делегат от 35-го арм. корпуса III армии Зап. фронта. Выступал на съезде. – I, 1; I, 2; IV, 41 (С. 256 и др.); VI, 32 (8, 15 нояб.); VII, 104 (С. 295).
- ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (11.11.1875–26.12.1933) – б-к с 1903 и окончательно с 1917; в с-д с 1895). Род. в Полтаве, в семье действительного статского советника. Цюрихский ун-т (философия, естествознание). Литератор. Чл. ВЦИК I соз., Предпарламента, Презид. съезда. Выступал на съезде. – I, 1 (С. 3 и др.); VII, 110 (С. 39); VIII, 40 (С. 193–196 и др.); IX, 2.
- ЛУПАЩЕНКО Алексей Васильевич – б-к. Делегат от X армии Зап. фронта. – I, 1; I, 2 (здесь: Лупашин, от 6-го корпуса); VII, 104 (С. 254. Здесь: Лупашенко).
- *ЛУПИНСКИЙ Лев Моисеевич – м-к-оборонец. Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1.
- ЛЫСЕНКО Григорий Васильевич – левый с-р. Делегат от Николаевского Сов. р. и сд. (Херсон. губ.); избран 15–16 окт. – I, 1; IV, 12 (С. 135–136. Здесь: максималист).
- ЛЬВОВ Иван Андреевич (? – сент. 1966) – левый с-р (б-к с 1919). Солдат. Делегат от Галицкого у. Сов. р., с. и к.д. (Костром. губ.). Выступал на съезде. – I, 1; VI, 24 (июнь–окт.); VI, 46 (нояб. – дек.); VII, 73 (С. 64, 168).
- *ЛЯЛИН – чл. больш. фракции съезда от Коломенского Сов. р. и сд. (Моск. губ.). – I, 2.
- *МАЕРОВ Лазарь Соломонович – левый с-р. Делегат от Камышинского у. Сов. р., с. и к.д. (Саратов. губ.). – I, 1.
- МАЕРОВ (Майоров) Михаил Моисеевич (Биберман Меер) (22.1.1890–20.1.1938) – б-к с 1906. Из семьи кустика с. Скородное Мин. губ. Рабочий-портной. Делегат от Киев. Сов. р. и сд.; избран 19 окт. Чл. ВЦИК II соз. – I, 2; V, 15 (С. 5 и др.); VII, 110 (С. 26, 32); VIII, 5 (Т. 15); IX, 2.
- МАЙКО Петр Иванович (1887–?) – б-к. Прапорщик. Делегат от Сызр. Сов. р., с. и к.д. (Симбир. губ.); избран 11 окт. – I, 1; I, 2; IV, 31 (С. 91, 109); VI, 91 (20 окт., 2, 5, 7, 11, 14, 25 нояб., 6, 22 дек.); VII, 88 (С. 612); VII, 135 (С. 292); IX, 2.
- МАКАРЕВИЧ Владимир М. – б-к. Делегат от флотилии Сев. Ледовитого океана (Архангельск). – I, 1; VI, 53 (14 окт.).

- МАКАРОВ Г.В. (I, 1) – см: МОНАХОВ Григорий Васильевич.
- МАКАРОВ Федор Иванович – левый с-р. Делегат из Тулы. – I, 1; IV, 118 (С. 87); VIII, 40 (С. 373).
- МАКЛАШИН Андрей Иванович – б-к. Делегат от Середского Сов. р.д. (Нерехтского у. Костром. губ.). – I, 1; I, 2.
- *МАКСИМОВ А.П. – с-р центра. Делегат от II армии Зап. фронта. – I, 1. Известны также: Максимов Александр Петрович – б-к с 1919, участник гражд. войны, персональный пенсионер – VI, 126 (18 дек. 1982); Максимов Александр Прокофьевич – в 1920 зав. минным заграждением и тралением Черного и Азовского морей. – IV, 2 (С. 641).
- *МАКСИМОВ Василий Федорович – левый с-р. Делегат от Петрогр. губ. Сов. к.д. – I, 1.
- МАКСИМОВ Дмитрий Федорович – м-к. Делегат от Батум. окр. Сов. р. и с.д.; избран 13 окт. – I, 1; VI, 41 (6, 20 апр., 15 окт.).
- МАКСИМОВ Михаил Михайлович – см.: ВЕЛЬЦМАН Михаил.
- МАЛАШЕНКО Георгий Давыдович – б-к с 1914. Шахтер. Делегат от Макеевского Сов. р. и с.д. (Дон. обл.). – I, 1; I, 2 (здесь: от Берест.-Богодухов. рудничного Сов. р. и с.д.); IX, 2. См.: *Пармонов И.В.* Командарм угольного фронта. М., 1977. С. 22.
- МАЛИНИН Сергей Геннадиевич – левый с-р. Делегат от Галич. у. Сов.р., с. и к.д. (Костром. губ.). Избран не позднее 18 окт. – I, 1; IV, 123 (С. 214–215); VI, 24 (18 окт. С. 2).
- МАЛИНОВСКИЙ Лев Павлович (1895(1897)–1938) – б-к с 1915. Род. в Нижнем Новгороде, в семье архитектора. Ин-т гражд. инженеров в Москве (не закончил). 2-я Моск. школа прапорщиков. Офицер 193-го полка в Москве. Делегат от Моск. Сов. с.д. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1; I, 2; VI, 72 (24 окт., 12, 14–16, 29 нояб., 31 дек.); VII, 30 (С. 134, 334); VII, 110 (С. 26, 32); VIII, 40 (С. 407); VIII, 49 (С. 257–258); IX, 2.
- МАЛКИН Борис Федорович (1894–1938) – левый с-р (в ПСР с 1908; с весны 1918 – б-к). Чл. Предпарламента, ВЦИК II соз. – IV, 61 (С. 664); VI, 49 (13 марта 1927); VI, 128 (24 авг. С. 3); VI, 102 (1989. № 12. С. 184); VI, 150 (7 нояб. 1924); VII, 52 (Т. 42. Указ. имен); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 40 (С. 385 и др.).
- МАЛКИН Иона Менделеевич – м-к-интерн. Делегат от Хорол. у. Сов. р. и с.д. (Полтав. губ.). – I, 1; VI, 39 (26, 28 сент.); VI, 130 (29 сент. С. 3).
- *МАЛЫШЕВ Александр Николаевич – с-р. Делегат от Великолуц. у. Сов. р., с. и к.д. (Псков. губ.). – I, 1.
- МАЛЫКОВ Павел Дмитриевич (1887–1965) – б-к с 1904. Из семьи кр-на-бедняка Вят. губ. Низшее образование. Рабочий. Ст. санитар крейсера "Диана". Делегат от Балтфлота. – I, 1; I, 2; IV, 104 (С. 131 и др.); VI, 150 (12 мая 1987); VII, 52 (Т. 50. Указ. имен); VII, 59; VIII, 5 (Т. 15); VIII, 40 (С. 410, 413).
- МАЛЫЦЕВ Андрей Федулович – солдат. Делегат из Иркутска. – I, 1; I, 3.
- МАМОНОВ Константин Васильевич – б-к. Делегат от Кальмиусовского Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2; II, 2 (С. 277–278).
- МАРИНЬОЛО-МИРСКИЙ К.Л. – максималист. Чл. ВЦИК I соз. Делегат от Воен.-крест. союза (Петроград). – I, 1 (партийность не указана); I, 3; VII, 110 (С. 30, 31, 108); VIII, 40 (С. 377).
- МАРКАРЬЯН (МАРКАРЯН) Вартан Карапетович – с-р. Врач. Участник Моск. и Демокр. совещаний. Делегат от окр. Сов. р. и с.д. Карсского крепостного р-на (Карс. обл.). – I, 1; IV, 50 (С. 91); VI, 64 (3, 14 нояб.); VIII, 40 (С. 398).
- *МАРКАРЬЯНЦ Макар Георгиевич – делегат из Петрограда. – I, 1. Известны также: Маркарьянц – секретарь Сев. обл. конф. ПСР (Дело Народа, 21 мая, с. 2) и Маркарьянц, выступивший 1 июля 1918 на III съезде партии левых эсеров от Саратовской организации. – III, 8 (Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 290).
- МАРКЕЛОВ Григорий Степанович – с-р центра. Солдат. Делегат от Курского губ. Сов. р. и с.д. – I, 1; VI, 179 (31 окт. С. 4).
- *МАРКЕЛЬ Бронислав – делегат из Петрограда. – I, 1.
- МАРКИН Николай Григорьевич (1893–1918, погиб в бою) – б-к с 1916 (в рев. движ. с 1910). Из бедных кр-н. Родители – ткачи. Самообразование. Рабочий-электромонтер. Служил в минной батарее на Балтфлоте. Чл. ВЦИК I соз. Гость съезда.

- Присутствовал на съезде в ночь на 26 окт. – I, 2 (С. 91–94); VIII, 5 (Т. 15); VIII, 40 (С. 376); IX, 2.
- МАРКОВ Борис Дмитриевич (ДОРОНИН Федор Алексеевич)** – с-р. Делегат из Новониколаевска (Томской губ.). Избран 11–12 окт. – I, 1 (партийность не указана); IV, 19 (С. 315–317, 325–326); V, 9 (С. 171); VIII, 40 (С. 395); IX, 2.
- ***МАРКОВ Павел Алекс.** (так в источнике) – б-к. Делегат от Судогодского Сов. р. и с.д. (Владимир. губ.). – I, 2.
- МАРТОВ Л. (ЦЕДЕРБАУМ Юлий Осипович)** (12.11.1873–4.4.1923) – м-к-интерн. Род. в семье служащего (потомств. почетного гражданина), в Константинополе. Естеств. ф-т Петерб. ун-та. Чл. ВЦИК I соз. Выступал на съезде. – III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 1–3, 137); IV, 3а (С. 316); V, 26 (Т. 4); VIII, 40 (С. 204–208 и др.).
- МАРТЬЯНОВ Александр Петрович** – б-к. Подпоручик. Делегат от Кавк. фронта. – I, 1 (здесь: Мартьян); III, 1 (Л. 96); VI, 2 (29 сент. С. 5).
- МАРУЛИН Дмитрий Николаевич** (1889–1923) – б-к с 1917. Род. в Ярославле. Писарь с линкора "Гангут". Делегат от Черноморского флота. – I, 1 (здесь ошибочно: Марунин); I, 2 (С. 98–99); IV, 2(С. 29 и др.); IV, 49 (С. 76, 86, 88).
- МАРШКОВ (МОРШАНОВ) Николай Григорьевич** – б-к. Делегат от Сов. р.д. Яхромы (Моск. губ.). – I, 1 (здесь: Маршиков); VII, 66 (С. 92 и др.; здесь: Моршанов).
- МАРЬЯНОВ Андрей Самсонович** (1890–1942, погиб в бою под Брянском) – чл. больш. фракции съезда от Херсонского Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2; IV, 99 (С. 49, 171); VI, 99 (20 авг. С. 3); VI, 190 (6 авг., 30 сент.); VII, 21 (С. 330; здесь: Марьянов А.С. – б-к с 1918).
- ***МАСЛЕННИКОВ Александр** – делегат от Действующей армии. – I, 1. Известны также: Масленников – пред. арм. к-та 42-го отдельного арм. корпуса Сев. фронта (Финляндия). – IV, 108 (С. 366); Масленников – б-к, чл. ВЦИК IV соз. – VIII, 40 (С. 409); Масленников А.А. (1890–1919) – б-к с 1909, с дек. 1918 – чл. Сиббюро ЦК РКП(б) – VI, 102 (1889. № 6. С. 182); Масленников Александр Александрович – б-к, чл. Учред. собр. от Самары – VIII, 40 (С. 395); Масленников Александр Михайлович – чл. Предпарламента – VIII, 40 (С. 388); Масленников Александр – м-к с 1917, сапер 122-й отдельной роты, слушатель агит. курсов ЦК РСДРП (объед.) по выборам в Учред. собр., рекомендован фракцией при Испол. к-те Сов. с.д. XII армии – III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 30 об. – 31).
- МАШКОВ Владимир Михайлович** – чл. больш. фракции съезда от Одесского Сов. с.д.; избран 11 окт. – I, 1 (здесь: объед. с-д интерн.); I, 2 (здесь: Мышко); III, 1 (Л. 10); IV, 37 (С. 74).
- ***МЕДВЕДЕВ** – чл. больш. фракции съезда от Петрогр. Сов. – I, 2.
- МЕДВЕДЕВ Кирилл Васильевич** (1887–1958) – б-к с 1917. Из семьи рабочего. [Среднее образование]. Делегат от Жиздринского Сов. р., с. и к.д. (Калуж. губ.). – I, 1 (здесь иниц. и партийность не указаны); IV, 46 (С. 153, 585); IV, 112 (С. 284, 286, 287); IV, 122 (С. 132 и др.); VII, 42 (С. 249); IX, 2.
- МЕДВЕДЕВ Философ Ефимович** – б-к. Делегат от Моск. у. Сов. р.д. – I, 1 (здесь отчество: Михайлович); I, 2; VI, 164 (4 сент. С. 3–4).
- МЕДОВ Андрей Алексеевич** – б-к (в с-д с 1897; ранее – народоволец). Рабочий-текстильщик. Делегат от Вышневолоцкого у. Сов. р. и с.д. (Твер. губ.); избран 20 окт. – I, 1; I, 2; IV, 80 (С. 13 и др.); VI, 80 (31 окт. С. 1); VIII, 40 (С. 395).
- ***МЕДОВЫЙ** – делегат от Действующей армии. – I, 1.
- МЕДЯНЦЕВ Иван Филиппович** (1889–?) – с-р. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1; VI, 38 (19 нояб. С. 2); VI, 51 (22 окт.); VII, 51 (С. 111, 118, 145); VII, 52 (Т. 50, указ. имен).
- МЕЛКОВ Петр Иванович (КОЧУРИХИН, "Дед")** (1867–1935) – левый с-р (в ПСР с 1900-х; впоследствии вступил в РКП(б)). Делегат от Уфимского губ. Сов. к.д. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1; III, 8 (Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 114); IV, 49 (С. 417); IV, 79 (С. 229, 282); VI, 22 (5, 6 дек.); VII, 110 (С. 26).
- ***МЕЛЬНИКОВ Г.Д.** – солдат. Делегат от 2-го Заамурского ж.д. б-на Юго-Зап. фронта. – VII, 57 (С. 348).
- ***МЕЛЬНИКОВ Петр Павлович** – с-р центра. Делегат от VIII армии Рум. фронта. – I, 1.
- МЕРКИН Герц Борисович** – б-к. Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1; I, 2 (здесь без иниц.); IV, 73 (С. 787; здесь: Меркин Герц Абрамович); IV, 85 (С. 274, 275); VI,

- 51 (1 нояб., здесь: Меркин Герц Абрамович); VI, 146 (18 июля. С. 4; здесь: без иниц.); VII, 110 (С. 39); VIII, 31 (здесь: Меркин Гр.Б.); IX, 2.
- МЕХОНОШИН** Константин Александрович (30.10.1889–7.5.1938) – б-к с 1913 (в рев. движ. с 1906). Род. в п. Александровский з-д Пермской губ., в семье счетовода (учителя). Физ.-мат. ф-т Петерб. ун-та (исключен). Солдат Гренадерского полка. Чл. ВЦИК 1–2 соз. – I, 2 (С. 115–116); III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 11); VII, 76 (С. 441, 448, 449); VII, 110 (С. 26, 200); VIII, 26 (Т. 5); VIII, 40 (С. 377 и др.); VIII, 48 (Т. 9); IX, 2.
- ***МЕШКОВ** Илья К. – левый с-р. Делегат из Гельсингфорса. – I, 1.
- ***МИГЛЕВ** И. (в источнике значится как б-к и как с-р центра) – делегат от Моск. Сов. сд. – I, 1.
- МИЛЛЕР** Вацлав Александрович (1887–1939) – б-к с 1905 (в рев. движ. с 1903). Чл. Петрогр. Сов. Присутствовал на съезде. – II, 1; IX, 2.
- МИЛОВАНОВ** Николай Иванович – левый с-р. Делегат от Одесского Сов. р.д. (Херсон. губ.); избран 11 окт. – I, 1; IV, 37 (С. 74, 110); IV, 51 (С. 339, 362, 367; здесь: Милованов К.Г.).
- МИЛЮКОВ** Петр Иванович (1889 – май 1977) – б-к с июня 1917. Род. в д. Зыбино Орловской губ., в семье рабочего-железнодорожника. Учитель. Прапорщик. Делегат от Речицкого Сов. р. и сд. (Минской губ.); избран 18 окт. – I, 1; I, 2; VI, 45 (С. 204–206); VI, 126 (24 мая 1977); VII, 57 (С. 348); VII, 101 (С. 423); VII, 104 (С. 255–256, 280); VII, 126 (С. 20–22); VIII, 30; IX, 2.
- МИЛЮТИН** Владимир Павлович (1884–1937) – м-к с 1903, б-к с 1910. Сын сельского учителя. Петерб. ун-т. Экономист, литератор. Чл. ВЦИК I–II соз. – I, 2 (С. 122–123); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 26 (Т. 5); VIII, 40 (С. 220–221 и др.).
- МИНИН** Гавриил Васильевич (1891–1939) – б-к с 1908. Род. в Дмитрове (Моск. губ.) в семье рабочего. 3-классное гор. уч-ще. Рабочий (контрищик) на ф-ке Яхромской м-ры и др. Делегат от Дмитровского у. Сов. р.д. – I, 1; I, 2; IV, 49 (С. 363); IV, 101 (С. 476); IV, 112 (С. 345); VII, 66 (С. 92, 97, 99, 270–272); VIII, 49 (С. 272); IX, 2.
- МИНИН** Сергей Константинович (29.6.1882–8.1.1962) – б-к с 1905. Из семьи сельского священника. Венский ун-т. Делегат от Царицынского Сов. р. и сд. (Саратовской губ.). Чл. ВЦИК II соз. – IV, 84 (С. 35 и др.); IV, 91 (С. 237); IV, 107 (С. 133–134 и др.); VII, 76 (С. 85, 167); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 5 (Т. 16); VIII, 40 (С. 398); VIII, 48 (Т. 9); VIII, 51 (Т. 3); IX, 2.
- МИНИЧЕВ** Александр Георгиевич (1884–1937) – б-к с 1911. Рабочий. Чл. ПК РСДРП(б), канд. в чл. ВЦИК II соз. – VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 40 (С. 407); IX, 2.
- МИНЯЕВ** А.Н. – с-р. Из кр-н Сходненской вол. Моск. губ. Делегат от Моск. Сов. сд. – I, 1 (здесь: Москва; партийность не указана); IV, 46 (С. 359, 585); IV, 47 (С. 439–440); IV, 48 (С. 244); VI, 72 (28 июля, 6 сент., 24 окт.); IX, 2. – см.: *Грунт* А.Я. Москва 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 80, 89, 215.
- МИРОНЦЕВ** Николай Васильевич – б-к. Прапорщик. Делегат от 6-го арм. корпуса XI армии Юго-Зап. фронта. – I, 1; I, 2; IV, 53 (С. 379); IV, 87 (С. 152); IV, 108 (С. 470–473).
- МИРОШНИЧЕНКО** Андрей Михайлович – левый с-р. Делегат от Петрогр. Сов. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1; VII, 110 (С. 26, 84); IX, 2.
- МИСКИНОВ** Василий Исаевич (1882 – февр. 1920, ум. от туберкулеза) – б-к с 1903. Делегат от Оренбургского Сов. р.д. – I, 1 (здесь ошибочно: Мисканов); IV, 46 (С. 91, 585); VI, 22 (7 окт. С. 3); VI, 44 (апр., июль–сент.); VI, 154 (3 окт. С. 3); VII, 90 (С. 37, 55, 72); VII, 112 (С. 85–89); VII, 135 (С. 311); IX, 2.
- МИСУНА** (Мисун, Мисум) Антон Степанович – левый с-р. Делегат от Петрогр. Сов. к.д. – I, 1; I, 3; III, 8 (Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 14 (здесь: Мисупов); VII, 110 (С. 41); VIII, 40 (С. 399, 400).
- ***МИХАЙЛОВ** Григорий Михайлович – левый с-р. Делегат от Сычевского у. Сов. к.д. (Смолен. губ.). – I, 1.
- МИХЕЕВ** Сергей Васильевич – б-к. Делегат от Звенигородского у. Сов. р. и сд. (Моск. губ.). – I, 1; I, 2.
- ***МИХЕИЧЕВ** Юрий Михайлович – б-к. Делегат от Вс. С.р. и кр. (так в источнике – А.П.). – I, 1.

- МИЦКЕВИЧ (МИЦКЯВИЧЮС-КАПСУКАС) Винцас Симанович** (26.3.1880–17.2.1935) – б-к с 1915 (1917) (в СДПЛ – с 1903). Род. в семье "многоземельного кр-на" в Литве. Гимназия. Философ. ф-т Бернского ун-та (не окончил). Литературный критик-марксист. Канд. в чл. ВЦИК II соз. Выступал на съезде. – I, 2 (С. 143–144); VII, 110 (С. 26, 32, 200); VIII, 5 (Т. 16); VIII, 19 (С. 545, 546); VIII, 23 (Т. 4); VIII, 26 (Т. 5); VIII, 48 (Т. 9); IX, 2.
- МИЦКЕВИЧ Феодосий Макарович** – левый с-р. Делегат от Киевского окр. Сов. с.д.; избран 19 окт. – I, 1; V, 15 (С. 300. Здесь: с-р максималист); VI, 18 (15 окт. С. 4).
- МОЗГОВОЙ Иван Иванович** – б-к. Делегат от Верровского рудничного Сов. р.д. (Екатеринослав. губ.). – I, 1; I, 2; II, 2 (С. 247–248). Известен также Мозговой (без иниц.) – в гражд. войну командир кав. бригады XI армии. – IX, 2.
- МОИСЕЕВ Борис Измаилович** (1882–?) – объедин. с-д-интерн. (в с-д с 1905). Присяжный поверенный. Прапорщик. Чл. ВЦИК I–II соз. Делегат из Тамбовской губ. Выступал на съезде. – I, 1 (откуда делегирован и партийность не указаны); III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 89); VI, 125 (25 окт. С. 2); VI, 156 (3 нояб. С. 3); VI, 196 (14 мая. С. 2); VI, 205 (30 апр. 2,5 мая, 2, 4, 16 июня, 8, 11 авг., 3, 8 сент., 15, 18, 20 окт.); VII, 65 (С. 490); VII, 110 (С. 27 и др.); VIII, 40 (С. 376 и др.).
- МОИСЕЕВ Иван Дмитриевич** – б-к. Солдат. Делегат от Шуйского у. Сов. р., с. и к.д. (Владим. губ.). – I, 1; I, 2; VI, 124 (23 нояб. С. 4); VI, 214 (27 мая, 1 июля, 22 авг., 12 сент., 17, 19–21, 25, 27 окт.).
- МОИСЕЕНКО Семен Тимофеевич** – б-к. Делегат от Канского у. Сов. р., с. и к.д. (Енисейской губ.); избран 8 окт. – I, 1; IV, 67 (С. 201); VI, 63 (24 сент., 10 окт.); VII, 136 (С. 461).
- МОКРОУСОВ (САВИН) Фома Матвеевич (Алексей Васильевич)** (9.6.1887–28.10.1959) – анархист (в ВКП(б) с 1928). Род. в с. Поныри Курской губ., в семье кр-на. Низшее образование. Батрак, чернорабочий, шахтер, слесарь. Матрос. Делегат от Севаст. Сов. воен. и р.д. (Тавр. губ.). – I, 1 (партийность не указана); I, 2 (С. 788); VI, 17 (1967. № 6. С. 41–52); VI, 86 (1, 15, 17, 21, 23, 24, 26 нояб.); VII, 21 (С. 343–344); VIII, 48 (Т. 9); IX, 2. Избрание Мокроусова на съезд от Севаст. Сов. (I, 1) вызывает сомнения.
- МОЛОТОВ Вячеслав Михайлович** (1890–8.11.1986) – б-к с 1906. Из семьи приказчика, помещика г. Нолинска Вятской губ. Эконом. отд. Петерб. политех. ин-та (не закончил). Чл. Петрогр. Сов., ПК РСДРП(б), канд. в чл. ВЦИК II соз. – VI, 49 (11 нояб. 1986); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 26 (Т. 5); VIII, 40 (С. 222–223, 407); IX, 2.
- *МОЛЧАЛОВ (МОЛЧАНОВ) Юлий Осипович** – левый с-р. Делегат от VIII армии Рум. фронта. – I, 1.
- МОЛЧАНОВ Николай Тимофеевич** – б-к. Делегат от Перво-Константиновского вол. Сов. (Днепропетровского у. Таврической губ.). – I, 1; IX, 2.
- МОНАХОВ Григорий Васильевич** – б-к. Делегат от Боровичского у. Сов. р., с. и к.д. (Новгород. губ.). – I, 1 (здесь ошибочно: Макаров Г.В.); I, 2; VI, 56 (5, 7, 20 окт.).
- *МОНИН Василий Павлович** – делегат от Моск. у. Сов. р.д. – I, 1.
- МОРОЗОВ Григорий Константинович** – б-к с 1905. Токарь. Делегат от Кыштымского Сов. р.д. Пермской губ. – I, 1; I, 2 (здесь: от Пермского губ. Сов. р. и с.д.); VI, 204 (20 окт. С. 3).
- МОРОЗОВ Дмитрий Егорович (Георгиевич)** (18.10.1888 – июнь 1963) – б-к с 1905. Род. в д. Камешки Владимирской губ. в семье рабочего. Низшее образование. Рабочий-текстильщик. Делегат от 115-й пех. дивизии VI армии Рум. фронта. – II, 1; VI, 150 (12 июня 1963); IX, 2. Морозов Д.Е. выехал на съезд только 29 окт. На нем не присутствовал.
- МОРОЗОВ Иван Иванович** – беспартийный. Делегат из Гельсингфорса, от Балт-флота. – I, 1; IX, 2. Известен также Морозов Иван Иванович, б-к с 1918, персональный пенсионер, умер на 79-м году. – VI, 15 (29 апр. 1976).
- МОРОЗОВ Михаил Иванович** – с-р-максималист. Раб[очий] арх. цеха. (Так в VI, 30, 25 июня. С. 1). Делегат от Рязанского Сов. р.д. – I, 1; VI, 30 (21, 24, 25 июня, 22 июля, 6 авг.); VI, 176 (6 авг. С. 1).
- МОРОЗОВСКИЙ Ной Самуилович** (1892–?) – м-к-интерн. Студент-медик. Делегат из г. Александрия (Херсонской губ.). – I, 1 (иниц. не указаны); III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 3, 7, 9, 21, 33); VI, 29 (21 июля. С. 4).

- МОСКОВЧЕНКО Павел Петрович** – 6-к. Делегат от Мариупол. Сов. р. и с.д. (Екатеринослав. губ.); избран 18 окт. – I, 1; I, 2; IV, 15 (С. 154–155).
- *МОТОРИН Ив.Е.** – чл. больш. фракции съезда от Могилево-Подольского Сов. р. и с.д. (Подольской губ.). – I, 2.
- МСТИСЛАВСКИЙ (МАСЛОВСКИЙ) Сергей Дмитриевич** (23.8.1876–22.4.1943) – левый с-р (в ПСР с 1904). Из семьи проф. военной академии, преподавателя истории военного искусства. Отделение естеств. наук Петерб. ун-та. Писатель. Чл. Презид. съезда, выступал на съезде. – IV, 54 (С. 333); VII, 67; VII, 110 (С. 33 и др.); VIII, 5 (Т. 17); VIII, 23 (Т. 4); VIII, 30; VIII, 40 (С. 392 и др.); IX, 2.
- МУРАВИН Григорий (Гирша) Моисеевич** (1883–?) – м-к (в с-д с 1900). Род. в с. Горки Могилевской губ. в семье мелкого торговца. Среднее специально-техн. образование. Солдат. Делегат от Арханг. Сов. р. и с.д. Избран 15 окт. – I, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 6); VI, 53 (3, 11, 19, 21 нояб.); VIII, 38; VIII, 39. Известен также его брат – Муравин Соломон Моисеевич (1888–1938), в рев. движ. с 1902. – VIII, 9 (С. 207–208).
- МУРАНОВ Матвей Константинович** (29.11.1873–1959) – 6-к с 1904. Из кр-н с. Рыбцы Полтавской губ. Низшее образование. Ж.-д. рабочий, слесарь; приказчик. Чл. ВЦИК I–II соз. Избран на съезд от Донбасса. Чл. Презид. съезда. – I, 2 (С. 156–158); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 5 (Т. 17); VIII, 40 (С. 224 и др.); IX, 2.
- МУРМИЛОВ Василий Иоакимович** – м-к-интерн. Делегат от Дружковского Сов. р., с. и к.д. (Екатеринослав. губ.). – I, 1; IV, 15 (С. 58. Здесь: Мармилов); IV, 51 (С. 300, 301. Здесь: Мармилов).
- МУХИН Федор Иванович** – левый с-р. Матрос, писарь 2-го подводного дивизиона Черноморского флота. Делегат от Центрофлота (Черное море). – I, 1; IV, 2 (С. 643); VI, 86 (4 окт. С. 3).
- МУЦЕНИЕК Андрей Янович** (1891–9.10.1938) – 6-к. Делегат от латыш. стр. полков. – I, 1 (здесь: Муцкнек); VI, 37 (№ 4. С. 122); VII, 114 (С. 181, 341); IX, 2.
- МЯСНИКОВ Василий Спиридонович** (1893 – март 1918, убит на Крюковом канале в Петрограде) – 6-к с марта 1917. Род. в с. Кологриновке Пензенской губ. Матрос учеб. судна "Океан". Делегат от Балтфлота. – I, 1; I, 2; IV, 2 (С. 345 и др.); IV, 49 (С. 76, 86, 88); IV, 104 (С. 342, 470); VIII, 48 (Т. 9); IX, 2.
- МЯХКОНОВ (МЯГКОНОВ) Андрей Петрович** – делегат из Вологды. – I, 1; IV, 49 (С. 231); IX, 2.
- НАКАШИДЗЕ Козьма Иванович** – левый с-р. Слесарь. Делегат от Екатеринослав. Сов. р. и с.д. – I, 1; VI, 5 (18 мая, 10 июня); Трудовой народ (Екатеринослав). 1 авг. С. 2.
- НАТАНСОН (БОБРОВ) Марк Андреевич** (1850–1919, ум. в Берне) – левый с-р. Сын купца. Петерб. мед.-хирур. академия; Земледельческий ин-т. Чл. Предпарламента. Его участие на съезде под сомнением. – VII, 110 (С. 41, 51, 143); VIII, 26 (Т. 5); VIII, 40 (С. 228–230 и др.); IX, 2.
- НАХАНОВИЧ Исай Леонтьевич (Леонидович)** (1889/92 – авг. 1919, погиб около Иркутска) – 6-к с 1907. Из семьи кр-на с. Арты Читинского у. Забайкальской обл. 2-классное уч-ще. Рабочий-наборщик. Канд. в чл. ВЦИК I соз. Делегат от Томского Сов. р. и с.д.; избран 7 окт. – I, 1; I, 2; IV, 19 (С. 155 и др.); IV, 113 (С. 50 и др.); V, 9 (С. 40 и др.); VII, 11 (С. 143–156); VII, 136 (С. 305); VIII, 36 (С. 408–410); IX, 2.
- НАХИМСОН Семен Михайлович** (13.11.1885–6.7.1918, убит во время мятежа в Ярославле) – 6-к с 1912 (до 1907 – чл. Бунда). Род. в Либаве (Курляндской губ.) в семье купца. Бернский ун-т, диплом д-ра философ. и эконом. наук. Чл. ВЦИК I–II соз. – I, 2 (С. 165–166); IV, 85 (С. 283, 295 и др.); IV, 87 (С. 423); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 5 (Т. 17); VIII, 36 (С. 410–411); VIII, 40 (С. 377, 395); VIII, 53 (С. 64); IX, 2.
- НЕВЕРОВСКИЙ Николай Михайлович** (1886–?) – 6-к с марта 1917. Гальванер Кроншт. флотского полуэкипажа. Делегат от Балтфлота. – I, 1; I, 2 (С. 701–702, 748); IV, 1 (С. 295, 369); IV, 2 (С. 345 и др.); IV, 104 (С. 470).
- НЕВСКИЙ Владимир Иванович (Кривобоков Феодосий Иванович)** (2.5.1876–26.5.1937) – 6-к с 1903 (в рев. движ. с 1897). Из семьи богатого купца (Ростов-на Дону). Естеств. ф-т Харьк. ун-та. Приват-доцент Харьк. ун-та. Литератор. Канд. в чл. ВЦИК I соз. – II, 4; VIII, 5 (Т. 17); VIII, 26 (Т. 5); VIII, 30; VIII, 40 (С. 230–231 и др.); VIII, 48 (Т. 10); IX, 2.

НЕДРИТ Александр Андреевич – б-к с 1905. Делегат от Дружковского Сов. р., с. и к.д. (Екатеринослав. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 10 (С. 291, 296); IV, 15 (С. 207); IV, 109 (С. 206); IX, 2.

* НЕКРАСОВ – I, 1.

НЕЛЮБОВ Сергей Федорович – б-к. Солдат. Делегат от Минского Сов. и 37-го пех. запас. полка. – I, 2 (здесь ошибочно: Немобов); II, 2 (С. 384); IV, 41 (С. 382, 515); V, 16 (С. 329); VII, 104 (С. 279).

НЕПРОКИН Федор Сергеевич – б-к. Солдат. Делегат от Брянского Сов. р., с. и к.д. (Орлов. губ.). – I, 1; I, 2 (здесь ошибочно: Непрохин); IV, 35 (С. 90, 124); V, 3 (С. 27); VI, 4 (23 нояб. С. 4); VII, 43 (С. 159).

НЕСТЕРОВ Иван Петрович – левый с-р. Делегат из Минска. Чл. ВЦИК II соз. – VII, 110 (С. 26, 33); VIII, 40 (С. 395).

НЕФЕДОВ Иван Сергеевич (1888 – дек. 1925, ум. от туберкулеза) – б-к с июня 1917 (до этого – с-р; в рев. движ. с 1906). Рабочий-электрик. Делегат от Александровского у. Сов. р. и с.д. (Владимир. губ.). – I, 1; I, 2; V, 4 (С. 82, 85); VI, 33 (20 июля, 24 сент.); VII, 33; VII, 40 (С. 195); IX, 2.

НИКИТИН Николай Михайлович – б-к с июля 1917. Делегат от V армии Сев. фронта. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1; I, 2; VII, 110 (С. 26, 55, 57); VIII, 40 (С. 392 и др.); IX, 2.

* НИКИТИН Павел Михайлович – б-к. Делегат от 19-й пех. бригады. – I, 1.

* НИКИТИН Павел Яковлевич – делегат от III армии Зап. фронта. – I, 1.

* НИКИФОРОВ Дмитрий – левый с-р. Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1.

* НИКОЛАЕВ Николай Павлович – с-р. Делегат от Великолуцкого у. Сов. р., с. и к.д. (Псковской губ.). – I, 1.

НИКОЛАСЬ Иван Егорович – б-к. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1; I, 2 (здесь: Николас); VII, 110 (С. 39. Здесь: Николаев И.Е.); VIII, 40 (С. 407. Здесь: Николас).

* НОВИКОВ – чл. больш. фракции съезда. – I, 2.

НОВИКОВ – чл. больш. фракции съезда от воен. секции Аткарского Сов. р. и с.д. (Сарат. губ.); дан наказ 21 окт. – I, 2; II, 2 (С. 199–200); V, 18 (С. 131).

НОВИКОВ Василий Андреевич (1891–?) – б-к с 1914. Рабочий. Делегат от Екатеринослав. Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2; IV, 9 (С. 131); IV, 10 (С. 256, 285); IV, 107 (С. 113); VII, 21 (С. 374).

НОВИКОВ Кирилл Романович – б-к. Солдат 174-го пех. запас. полка (Боровичи). Делегат от Боровичского у. Сов. р. и с.д. (Новгород. губ.). – I, 1; I, 2 (С. 721, 749); VI, 56 (11, 22 окт.).

НОВЛЯНСКИЙ Михаил Михайлович – левый с-р. Юнкер. Делегат из Костромы. – I, 1; I, 3; III, 5 (Оп. 1. Ед.хр. 15. Л. 157, 172 об.); IV, 52 (С. 18); VI, 19 (20 авг. С. 3).

НОГИН Виктор Павлович (1878–1924) – б-к с 1903 (в с-д с 1898). Сын приказчика крупной мануфактурной фирмы. 4-классное гор. уч-ще, воскресная школа. Рабочий на текстильной ф-ке в Петербурге. Чл. ВЦИК I и канд. в чл. ВЦИК II соз. Чл. Предпарламента. Делегат от Моск. Сов. р.д. Чл. Презид. съезда. На съезде не присутствовал: выехал из Петрограда в Москву 25 окт. в 8 час. вечера, т.е. за 2 часа до открытия съезда. – VI, 72 (сент.-окт.); VII, 110 (С. 26); VIII, 40 (С. 237–238 и др.); VIII, 49 (С. 296–298).

* НОСИКОВ Алексей Филиппович – чл. больш. фракции съезда. – I, 2.

НОСОВ Василий Романович – б-к. Делегат от Нижне-Тагильского Сов. р. и с.д. (Перм. губ.). – I, 1; I, 2; VII, 17 (С. 179, 182).

* НУЦУБИДЗЕ Илья Дмитриевич – делегат из г. Ардагана Карсской обл. – I, 1. Известен также Нуцубидзе Варлаам Исаакович – чл. Предпарламента. – VIII, 40 (С. 385, 388).

ОБУХОВ Н.А. – б-к. Канд. в чл. ВЦИК II соз. – VII, 110 (С. 26, 33).

ОГУРЦОВ Михаил Федорович (1890–1.8.1969) – б-к с 1916. Низшее образование. Рабочий Ижорского з-да (котельщик, сварщик). Чл. Петрогр. Сов. Гость съезда. Присутствовал на съезде. – I, 2 (С. 189–190); VIII, 20 (С. 597).

ОЗЕМБЛОВСКИЙ Иван Густавович (1888–1919, расстрелян денкинцами) – б-к (в рев. движ. с 1901). Из семьи польского полковника. Учился в Гейдельбергском ун-те (естеств.-мат. ф-т), в Берне. Преподавал в коммерч. уч-щах. Делегат от Белгород.

- Сов. р. и с.д. (Кур. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 25 (С. 338); IV, 30 (С. 95 и др.); VI, 54 (8, 14, 22 сент., 10, 15, 20 окт.); VII, 45 (С. 15–17); VIII, 40 (С. 395, 407); IX, 2.
- ОКИНЧИЦ Фабиан Иванович** – с-р-интерн. Пом. присяжного поверенного. Делегат из Малой Вишеры (Новгор. губ.). – I, 1 (здесь ошибочно: Окинчик); VI, 75 (2 июня, 5, 12 июля, 9 авг., 8 сент., 12 окт., 10 нояб., 1, 8, 15, 23, 30 дек.).
- * **ОЛДАКОВСКИЙ Евгений Петрович** – чл. больш. фракции съезда из Окуловки (по-видимому, от Окуловской писчебумажной ф-ки, д. Парихино Крестецкого у. Новгор. губ.). – I, 2. Известен также Олдак-Олдаковский Иосиф. Род. в 1893 в Варшаве, в семье ж.-д. рабочего; в рев. движ. с 1914. После Октября – на подпольной работе в Польше, чл. ЦК КП Польши. В 1925 вернулся в СССР. Чл. О-ва старых б-ков. Репрес. – IX, 2.
- ОЛИЧ Федор Владимирович** – б-к. Матрос с крейсера "Аврора". Делегат от Балт-флота. Выступал на съезде. – I, 1; I, 2; IV, 104 (С. 471); VII, 101 (С. 417); VII, 110 (С. 30 и др.).
- ОЛОВЯНИШНИКОВ Василий Петрович** – б-к. Делегат от Камышинского у. Сов. р., с. и к.д. (Сарат. губ.). – I, 1; I, 2 (здесь: Оловяшников).
- * **ОРГУСАР** (? Так в источнике) – делегат из Ново-Георгиевска. – I, 1. В царской России было два Ново-Георгиевска: крепость в Варшавской губ. и заштатный город Херсонской губ. Очевидно, речь шла о втором, так как Варшавская губ. была занята немцами.
- ОРДЖОНИКИДЗЕ Георгий Константинович** (1886–1937, самоубийство?) – б-к с 1903. Из обедневших мелких дворян. Тифлисская фельдшер. школа. Фельдшер. Чл. ПК РСДРП(б). Канд. в чл. ВЦИК II соз. – VII, 110 (С. 26, 69); VIII, 26 (Т. 6); VIII, 40 (С. 243–244 и др.); IX, 2.
- ОРЕЛ Степан Максимович** (1894–?) – "нац. соц." (так в I, 1). Делегат от Полтав. губ. Сов. р. и с.д. – I, 1; VI, 149 (24 июня. С. 3). Ср.: Орлов Степан.
- ОРЕХОВ Александр Михайлович** (1887–1951) – б-к с 1907. Из семьи потомств. тульских оружейников. Низшее образование. Рабочий-токарь. Делегат от Моск. Сов. р.д. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1 (здесь: Алексей); I, 2 (здесь: Алексей); IV, 77 (С. 278); VI, 72 (8 июля, 1, 18, 29 авг., 17 сент., 1, 8 окт., 15 нояб.); VI, 126 (6 июля 1987); VI, 194 (30 июня. С. 4); VII, 30 (С. 56, 57, 59); VII, 74 (С. 83, 167); VII, 110 (С. 26, 32); VIII, 40 (С. 409); VIII, 49 (С. 305–307); IX, 2.
- ОРЕШИН Федор Алексеевич** (1890–1957) – б-к с апр. 1917 (в рев. движ. с 1913). Рабочий трамвайного парка. Солдат. Делегат от Орловского Сов. р. и с.д. – I, 1 (здесь ошибочно: Астафьевич); I, 2; II, 1; IV, 90 (С. 274–279); VI, 40 (26, 27 авг., 22 сент., 19 окт., 7 нояб.); VII, 65 (С. 491).
- ОРЛОВ Василий Антонович** – б-к. Делегат от Петрогр. Сов. к.д. – I, 1; I, 2; I, 3; VII, 110 (С. 39, 112).
- ОРЛОВ Илья Филиппович** – б-к. [Солдат]. Делегат от Рославл. у. Сов. р., с. и к.д. (Смоленской губ.); избран 19 окт. – I, 1; I, 2; VI, 84 (24, 28 сент., 8, 26 окт.).
- ОРЛОВ Кирилл Никитович** (Егоров Иван Никитович) (1879–1943) – б-к с 1903 (в рев. движ. с 1901). Чл. Презид. Петрогр. Сов., Центр. сов. фабзавкомов Петрограда. Присутствовал на съезде. – II, 1; IX, 2.
- ОРЛОВ Михаил Алексеевич** – б-к. Делегат из г. Ржева (Тверской губ.). – I, 1 (здесь отчество и партийность не указаны); I, 2.
- * **ОРЛОВ Павел Александрович** – с-р. Делегат от 35-го корпуса III армии Зап. фронта. – I, 1. Известен также Орлов Павел Александрович, генерал-майор с 9 июля 1945. – IX, 2.
- ОРЛОВ Петр Васильевич** – б-к. Делегат от Егорьевского у. Сов. р.д. Рязанской губ. – I, 1; I, 2 (здесь: от Рязанского губ. Сов. р. и с.д.).
- * **ОРЛОВ Степан** – делегат из Полтавы. – I, 1. Ср.: Орел Степан Максимович.
- ОРЛОВСКИЙ Николай Петрович** – б-к. Делегат от съезда провинциальных Сов. р. и с.д. (Нижний Новгород, 14 окт.). – I, 1 (здесь: от Нижегородского Сов. с.д.); I, 2; IV, 98 (С. 393 и др.); VI, 6 (4 сент. С. 2); VI, 88 (10 сент., 22 окт., 16 нояб.); VI, 116 (6 дек.); VI, 139 (1, 3 дек.).
- ОРЛЯНИН К.И.** – [б-к]. Делегат от Петрогр. Сов. – III, 2 (восп. Орлянкина).
- ОСИНКИН Аркадий Александрович** (8.6.1893–17.2.1965) – б-к с 1916. Род. в Иваново-Вознесенске. 6-классное гор. уч-ще. Школа колористов. Лаборант-химик. Делегат

от Иваново-Вознесенского Сов. р. и с.д. (Владим. губ.). – I, 1; I, 2; V, 19 (С. 93); VI, 48 (20, 31 мая, 13 окт.); VI, 135 (2, 6, 24 сент., 2, 22 окт.); VI, 163 (5, 8 нояб., 3, 22, 25 дек.); VII, 5 (С. 29); VIII, 44 (С. 215–217).

* ОСТРОУМОВ Феоктист Меф[одиевич] – чл. больш. фракции съезда от 171-го запас. полка (Петроград). – I, 2.

ПАВЛОВ Андрей Андреевич – б-к. Делегат от Ковровского у. Сов. р. и с.д. (Владим. губ.). – I, 1 (здесь: беспартийный); I, 2. Известен также Павлов А., б-к, чл. ВЦИК III соз. – VIII, 40 (С. 407).

ПАВЛОВ Василий Николаевич (? – 1919, погиб от рук белогвардейцев) – б-к. Столяр. Делегат от Ейского Сов. р. и с.д. (Кубан. обл.). – I, 2; II, 2 (С. 264–265); VII, 48 (С. 40–44).

ПАВЛОВ Михаил Егорович – левый с-р. Делегат из Москвы. – I, 1; IX, 2. Известен также Павлов В.Е., пред. Моск. губ. съезда Сов. к.д. (16–17 сент.), канд. в чл. Учред. соб. – VI, 72 (22 сент., 19 окт.).

ПАВЛОВ Федор Георгиевич (1898 – март 1972) – б-к с апр. 1917. Из семьи кр-на Кубинской вол. Звенигор. у. Моск. губ. Низшее образование. Рабочий на предприятиях Москвы и Петербурга. Солдат 59-го пех. запас. полка в Воронеже. Делегат из г. Вереи Моск. губ. По пути в Петроград задержался в Москве. На съезде не присутствовал. – I, 1; VI, 15 (16 марта 1972); VIII, 49 (С. 310–311); IX, 2.

ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Лев Николаевич – левый с-р. Делегат от Харьк. Сов. р. и с.д. – I, 1; IV, 51 (С. 561, 562); VI, 103 (авг. – нояб.).

ПАВЛОВСКИЙ Н.А. – с-р. Прапорщик. Делегат от Екатеринб. Сов. р. и с.д. (Перм. губ.); избран 12 окт. Однако на съезд не поехал, вместо него был левый с-р Савиных П.М. (см.) VI, 203 (15, 24, 28 окт., 18 нояб.).

ПАВЛЮЧЕНКО Владимир Васильевич (1895 – не ранее авг. 1971) – с-р центра (б-к с 1919). Моск. коммерч. ин-т. Делегат от Сумского у. Сов. р. и с.д. (Харьк. губ.). – I, 1; IV, 47 (С. 169); VI, 21 (1971. № 8. С. 100–103).

ПАДЭРИН (ПАДЕРИН) Александр Николаевич (1892/93 – не ранее 1927) – б-к с 1912. Чл. ВЦИК I соз. Участвовал в работе съезда. – I, 2 (С. 721); II, 1; IV, 107 (С. 16); VI, 102 (1990. № 10. С. 166); VIII, 40 (С. 409).

ПАЙКИН Яков Моисеевич – объедин. с-д-интерн. Делегат от "Вил.-Ковенс. губ. Сов. р., с. и к.д." (так в I, 1). – I, 1; VII, 104 (С. 254. Здесь: от Дисненского у. Сов. к.д. Виленской губ.).

ПАЛАВАНДИШВИЛИ Захар Ильич (?–1938) – беспартийный, делегат от Тавризского гарниз. Сов. с.д. (Персидский фронт). – I, 1.

ПАЛАДИЙ Андрей Григорьевич (1883–1938) – беспартийный (чл. ВКП(б) с 1930). Из бедных кр-н. Низшее образование. Солдат 40-го полка в Одессе. Делегат от Бельцкого у. Сов. к.д. Бессарабской губ. На съезде не был. – I, 3; II, 1; V, 6 (С. 85); VI, 188 (1 нояб. 1983); VII, 15 (С. 103–105).

ПАНКЕЕВ Александр Васильевич (1895–1922) – б-к. Делегат от 42-го отдельного арм. корпуса Сев. фронта (Финляндия). – I, 1; I, 2; VI, 209 (15 окт. С. 4); VIII, 53 (С. 68–69).

ПАНТЕЛЕЕВ Иван Степанович – б-к. Делегат от Сергинско-Уфалейского Сов. р.д. (Перм. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 21 (С. 216); IV, 27 (С. 46 и др.); VI, 204 (11 окт. С. 4); VII, 103 (С. 450); IX, 2.

* ПАНФИЛОВ – чл. больш. фракции съезда от обл. Финляндского Совета. – I, 2.

ПАРФЕНОВ – чл. больш. фракции съезда от "Сов. р. и с.д. Щелковского р. м.-г. Сев. ж.-д." (так в источнике). – I, 2. Известен Парфенов И.В. – чл. районного к-та Сев. ж.-д., канд. в гласные Моск. гор. думы от б-ков. – VI, 194 (21 июня. С. 3). Отметим также, что секретарем Сов. Щелковского р-на и Щелковского к-та РСДРП(б) в сент.–окт. 1917 был И. Панфилов – IV, 47 (С. 73, 74, 101); VI, 164 (12 окт. С. 4).

ПАРФЕНОВ Петр Семенович (Петр Алтайский) (29.6.1894–1937) – м-к-интерн. Из кр-н с. Никольского Белебеевского у. Уфимской губ. Гимназия (экстерном). Учитель в сельской школе. Поэт (автор песни "По долинам и по взгорьям..."), литератор. Делегат от Славгородского у. Сов. р., с. и к.д. (Алтайской губ.). – I, 1; II, 1; IV, 17 (С. 31, 41); V, 9 (С. 133); VI, 34 (19, 20 сент.); VI, 89 (18 окт. С. 5); VIII, 23 (Т. 5); VIII, 37 (С. 69–71); IX, 2.

- ПАСТУХОВ Иван Дмитриевич** (1887 – осень 1918, убит белогвардейцами) – б-к с 1905. Род. в семье потомств. рабочего в Ижевске. 2-классное уч-ще. Токарь. Делегат от Ижевского з-да, Сов. р., с. и к.д. (Вятской губ.). – I, 1; I, 2 (здесь отчество ошибочно: Данилович); II, 1 (анкета заполнена Клягиным А.Г.); IV, 86 (С. 144 и др.); IV, 117 (С. 297); IV, 119 (С. 102 и др.); VII, 16 (С. 289); VII, 36 (восп. А.П. Спундэ); VII, 103 (С. 278); VII, 110 (С. 395); IX, 2.
- ПАСУНЬКО (ПОСУНЬКО) Григорий Петрович** (1895/96 – ?) – левый с-р. Самообразование. Электрик. Матрос. Делегат от Севаст. Сов. к.д. (Тавр. губ.); избран 19 окт. Вернулся со съезда, не принимая в нем участия. – I, 3; III, 7 (Оп. 1. Едхр. 3, 19, 40); IV, 23 (С. 82); VI, 86 (26 июля, 23 сент., 27 окт.).
- * **ПАТРАВСКИЙ Николай Дмитриевич** – с-р. Делегат от Псковского Сов. р. и с.д. – I, 1. По-видимому, это – Покровский Николай Дмитриевич, с-р, делегат от Псковского Сов. р. и с.д. (см.).
- ПАЩЕНКО Владимир Степанович** – б-к. Делегат от Киев. окр. Сов. с.д.; избран 19 окт. – I, 1; I, 2; IV, 20 (С. 347–348); IV, 107 (С. 299, 300); V, 15 (С. 53 и др.); VI, 18 (10, 20 сент.).
- * **ПЕГАСОВ Григорий Ефимович** – делегат из г. Корчева (Твер. губ.). – I, 1.
- ПЕНДЯК Савва Феопонтович** – б-к. Делегат от Громовской вол. (Днепровского у. Тавр. губ.). – I, 1. В стенограмме IV Всерос. Чрезв. съезда Сов. (IX, 2): Пендак С.Ф.
- ПЕНХАЙТИС (ПЕНКАЙТИС) Виктор Иванович** (1894–1937) – беспартийный. Из семьи рабочего. Рулевой судна "Карс". Делегат от Каспийской воен. флотилии. – I, 1; IV, 1 (С. 25, 370); IV, 2 (С. 346); IV, 49 (С. 76 и др.); IV, 104 (С. 471); VII, 2 (С. 201); VII, 8 (С. 570); VII, 9 (С. 50); IX, 2.
- * **ПЕРЕЛЕШИН Лев Николаевич** – с-р центра. Делегат от Томского Сов. офицерских деп. – I, 1.
- ПЕРЕЛЬМАН Арон** – делегат от Действующей армии. – I, 1. Известен также Перельман Арон Филиппович – чл. Предпарламента – VIII, 40 (с. 388).
- * **ПЕРКОНИН** – б-к. Делегат от VI армии Рум. фронта. – I, 1.
- ПЕРФИЛЬЕВ Евгений Леонидович** (1890–1938) – левый с-р (б-к с авг. 1918). Из семьи служащего. Поручик. Избирался на съезд от Ташкентского Сов. Возможно, на съезде не был (2 нояб. находился в Ташкенте). – IV, 96 (С. 119, 123 и др. Здесь: прапорщик); IV, 97 (с. 609 и др.; здесь: с-р-максималист); IV, 100 (С. 169, 224); VI, 134 (17, 19 сент., 8, 10, 14, 16 нояб.); VI, 202 (8, 14, 17 сент.); VII, 38 (С. 562–563); IX, 2.
- ПЕСКОВСКИЙ Николай Титович** – б-к с 1904. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1; I, 2; I, 3; IV, 45 (С. 391, 392); IX, 2.
- ПЕСТКОВСКИЙ Станислав Станиславович** (3.12.1882–15.11.1937) – б-к (в с-д с 1902, в рев. движ. с 1899). Род. в семье помещика-дворянина в Польше. 6 классов гимназии. В 1917 работал в Секретариате ЦК РСДРП(б). Участвовал в подготовке съезда как фактический секретарь больш. фракции, но на самом съезде не был, так как до 1 нояб. находился на телеграфе. Канд. в чл. ВЦИК II соз. – I, 2 (С. 232–233); II, 1; VII, 110 (С. 26, 32, 66); VIII, 5 (Т. 19); VIII, 26 (Т. 6); VIII, 40 (С. 409); IX, 2.
- ПЕТЕРС Яков Христофорович** (21.11.1886–25.4.1938) – б-к (в рев. движ. с 1904). Сын батрака. Низшее образование. Батрак, рабочий. Делегат от Сов. р., с. и беззем. деп. Латвии. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1; I, 2; II, 1; VII, 110 (С. 26); VIII, 5 (Т. 19); VIII, 40 (С. 407, 409, 413); VIII, 48 (Т. 11); IX, 2.
- ПЕТЕРСОН Карл Андреевич** (1877–17.1.1926, ум. от туберкулеза) – б-к (в с-д с 1898). Род. в семье кр-на Лиелвардской вол. Рижского у. Лифляндской губ. Каменщик, продавец книг, корреспондент газеты. Делегат от XII армии Сев. фронта. Чл. ВЦИК II соз. Выступал на съезде. – I, 1; I, 2 (С. 236–238, 751); IV, 53 (С. 42–43); IV, 85 (С. 274 и др.); VII, 50 (С. 102–109); VII, 102 (С. 469); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 5 (Т. 19); VIII, 40 (С. 395 и др.); IX, 2.
- * **ПЕТРИЩЕВ Василий Макарович** – б-к. Делегат от Центрофлота (Черное море). – I, 1.
- ПЕТРОВ Алексей Васильевич** – м-к-интерн. Делегат от Сов. р. и с.д. Сергиевского з-да (Самарской губ.). – I, 1; V, 12 (С. 75, 140, 159); V, 13 (С. 13, 87, 88). Известны также: Петров Алексей Васильевич – нач. штаба 2-й (впоследствии 2-й Тульской)

- стр. дивизии (19.11.1920–29.9.1921); Петров Алексей Васильевич – генерал-майор с 19 апр. 1945. – IX, 2.
- ПЕТРОВ Виктор Васильевич – левый с-р. Делегат от Могилевского Сов. р. и с.д. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1; IV, 41 (С. 213); VII, 110 (С. 26, 33, 84); VIII, 40 (С. 407, 409).
- * ПЕТРОВ Григорий Петрович – б-к. Делегат от 29-го инж. полка. – I, 2. В анкете больш. фракции съезда указан представитель от 23-го инж. полка. – II, 2 (С. 381–382).
- * ПЕТРОВ Сергей Николаевич – левый с-р. Делегат от стр. полка. – I, 1. Известен Петров С.Н. – левый с-р, чл. ВЦИК III соз. – VIII, 40 (С. 407).
- ПЕТРОВ Яков Петрович – б-к. Делегат от Покровского Сов. р. и с.д. (Самарской губ.). – I, 1; I, 2.
- ПЕТРОВСКИЙ Григорий Иванович (1878–1958) – б-к (в рев. движ. с 1901). Род. в Харькове, в семье ремесленника-портного. Образцовая школа при семинарии. Токарь по металлу. Делегат от Донбасса. Чл. ВЦИК II соз. Приехал в Петроград 26 окт., присутствовал на 2-м зас. съезда. – I, 2 (С. 249–251); VI, 140 (6 нояб. С. 4); VII, 102 (С. 256, 257); VII, 110 (С. 26, 73, 74); VIII, 26 (Т. 6); VIII, 40 (С. 396 и др.).
- * ПЕТРУХИН Иосиф – делегат от Действующей армии. – I, 1. Известен Петрухин – левый с-р, чл. ВЦИК III соз. – VIII, 40 (С. 407).
- ПЕЧНИКОВ Николай Игнатьевич (19.11.1895–1981) – объедин. с-д интернац. (б-к с 1917). Род. в Москве в семье потомств. рабочего. Токарь вагоностроит. з-да в Мытищах. Матрос, машинист эсминца "Гавриил". Делегат от Ревельского Сов. р. и воен. деп.; избран 17 окт. – I, 1; I, 2; IV, 47 (С. 170); VI, 82 (23 авг., 8, 14, 20, 21 окт.); VII, 14 (Кн. 2, 1983. С. 250–253); VII, 101 (С. 419–422).
- ПИЛИПЕНКО Григорий Матвеевич (? – после 1955) – б-к. Делегат от Вырицкого Сов. р., с. и к.д. (Петрогр. губ.). – I, 1 (здесь партийность не указана); I, 2 (С. 721, 751).
- ПИНКЕВИЧ Альберт Петрович (1883/84 – 1937) – объедин. с-д интерн. (в 1903–1908 – б-к). Сын дворянина-поляка. Казанский ун-т. Педагог, литератор. Делегат от Новгородского у. Сов. р., с. и к.д. – I, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед.хр. 1–3, 8, 10, 15, 28, 35); IV, 76 (С. 598); VI, 75 (26 июля, 2, 4, 9 авг., 24 сент., 17, 27 окт., 7 нояб., 15, 30 дек.); VIII, 40 (С. 250–251).
- ПИСАРЕВСКИЙ Евгений Леопольдович (? – 1918/19, ум. в тюрьме г. Николаевска от сыпного тифа (расстрелян?)) – м-к-интерн. Статистик. Солдат. Делегат от Тобольского Сов. р., с. и к.д. – I, 1 (здесь: м-к); IV, 18 (С. 154, 158, 392–393); VI, 94 (4 июля, 9 окт.); VI, 143 (13, 28 окт. – 14 нояб. Здесь отчество: Леонидович); VIII, 36 (С. 442).
- ПИСКАРЕВ Гавриил Алексеевич (1888–1953) – б-к с 1906. Из семьи бедного кр-на д. Скородумки Моск. губ. Сельская школа. Рабочий трамвайного парка, живописец вывесок. Делегат от Моск. Сов. р.д. – I, 1 (здесь отчество: Александрович); I, 2 (здесь без иниц.); IV, 49 (С. 310, 329); IV, 77 (С. 278); VI, 20 (1977. № II. С. 123–125); VI, 72 (17, 20, 22, 26 сент., 10 окт., 15, 23 нояб.); VII, 30 (С. 56–59); VIII, 49 (С. 321–322); IX, 2.
- ПИСКАРЕВ Егор Семенович – м-к-интерн. Делегат от Харьк. Сов. р.д. – I, 1; IV, 126 (С. 437, 442); VI, 103 (18 окт. С. 3).
- ПЛАНСОН Виктор Антонович – трудовик. Юрист. Чл. Предпарламента. Делегат от Викжеля (Рязано-Уральской ж.-д.). – I, 1 (здесь: Плансон Антон); III, 6 (Оп. 1. Ед.хр. 271. Л. 1–3); VII, 53 (Т. 21. С. 564. Здесь: Плансон А.А.); VII, 110 (С. 42, 207, 208); VIII, 40 (С. 388). Известен также Плансон Константин Антонович, в 1915–1916 – вице-адмирал, нач. штаба командующего Черноморским флотом, гидрограф. – IX, 2.
- * ПЛАТОНОВ Михаил Данилович – левый с-р. Делегат от Финляндского окр. Сов. к.д. – I, 1.
- ПЛУЖНИКОВ Афанасий Миронович (1882 – не ранее 1965) – б-к с 1914 (в рев. движ. с 1912). Рабочий на сборке аэропланов на з-де Щетинина в Петрограде. Чл. ПК РСДРП(б). Канд. в чл. ВЦИК II соз. – II, 1; IV, 45 (С. 556, 625); VII, 22 (С. 360); VII, 110 (С. 27, 32, 67).
- ПЛУЖНИКОВ Иван Андрианович – м-к-интерн. Делегат от Юрьевского Сов. р., с. и к.д. (Владим. губ.). – I, 1.

- ПЛЮШИН** – чл. больш. фракции съезда от XI армии Юго-Зап. фронта. – I, 2. Очевидно, это Илюшин А.К. – б-к, делегат от 5-го Сиб. корпуса XI армии (см.).
- ПОГОДИН Иван Михайлович** – б-к. Делегат от Гельсингф. Сов. армии, флота и рабочих; избран 18 окт. – I, 1; I, 2; VI, 62 (22 окт. С. 1); IX, 2.
- ПОГОДИН Николай Васильевич** – б-к. Делегат от Богородского Сов. р. и с.д. (Моск. губ.). – I, 1; I, 2.
- ПОДВОЙСКИЙ Николай Ильич** (1880–1948) – б-к (в с-д с 1901). Род. в с. Кунашевка Черниговской губ., в семье сельского учителя, впоследствии священника. Нежинское духовное уч-ще, Черниговская семинария (исключен), Демидовский лицей (Ярославль). Чл. Петрогр. Сов., ВРК, ВЦИК II соз. – I, 2 (С. 263–266); VI, 1 (4 нояб. С. 2); VII, 110 (С. 26, 69); VIII, 5 (Т. 20); VIII, 26 (Т. 6); VIII, 40 (С. 255–256 и др.); VIII, 48 (Т. 11); IX, 2.
- ПОКРОВСКИЙ Николай Дмитриевич** – с-р. Прапорщик. Делегат от Псковского Сов. р. и с.д. – I, 1 (здесь иници. и партийность не указаны); VI, 131 (15, 29, 30 авг., 1, 4 окт.); VI, 160 (29 июня, 26 авг.).
- * **ПОЛЕЩУК** – чл. больш. фракции съезда от 502-го пех. полка. – I, 2.
- * **ПОНОМАРЕВ** – чл. больш. фракции съезда от 22-й арм. бригады. – I, 2.
- * **ПОНОМАРЕВ Иван Якимович** – с-р центра. Делегат от Пермского Сов. р. и с.д. – I, 1. Известен также Пономарев – чл. Сов. р.д. Чусовского з-да (Пермс. у.). – IV, 43 (Указ. имен).
- * **ПОПОВ** – чл. больш. фракции съезда. – I, 2.
- ПОПОВ Анатолий Николаевич** – б-к. Делегат от Одесского Сов. с.д. (Херсон. губ.); избран до 17 окт. – I, 1; I, 2; IV, 37 (С. 77, 99); IV, 112 (С. 103).
- ПОПОВ Андрей Порфирьевич** (1896–1949) – беспартийный. Матрос. Делегат от Сиб. воен. флотилии. – I, 1; IV, 2 (С. 30 и др.); VII, 102 (С. 167); IX, 2 (здесь: Попов А.И., б-к с 1917).
- ПОПОВ Иван Константинович** – б-к. Делегат от Кунгурского Сов. р. и с.д. (Перм. губ.); избран 10 окт. – I, 1; I, 2; IV, 21 (С. 513); VI, 120 (11 авг., 12, 29 окт.); VII, 32 (С. 136–137). Известен также Попов И.К. (1887–1918) – уполномоченный по разгрузке Владивостокского порта. Расстрелян японцами. – VII, 52 (Т. 54. Указ. имен).
- ПОПОВ Иван Сергеевич** – б-к. Делегат от II армии Зап. фронта. – I, 1; I, 2; IV, 41 (С. 76, 154); VI, 32 (8 нояб. С. 1). Известен также Попов Иван Сергеевич (1891 – не ранее 1955) – б-к с 1917. Род. в с. Федоровском Вяземского у. Смоленской губ. С 1910 работал на ф-ках Москвы, в депо ст. Вязьма. Чл. Вяземского Сов., в окт.-нояб. 1917 – чл. Вяземского ВРК. – VII, 26 (С. 220); VII, 135 (С. 313); IX, 2.
- * **ПОПОВ Михаил** – чл. больш. фракции съезда от Сорымовского (?) Сов. р. и с.д. – I, 2.
- ПОПОВ Михаил Яковлевич** – м-к-интерн. Солдат 691-й пешей Самарской дружины (Саратов). Делегат от Саратовского губ. Сов. р. и с.д. – I, 1; VI, 85 (26 сент., 12, 17 нояб.).
- * **ПОПОВ Николай Константинович** – м-к-интерн. Делегат от Ровенского Сов. р. и с.д. (Волин. губ.). – I, 1. Известны также: Попов Николай Константинович – батальонный комиссар; награжден 22 февр. 1938 орденом Красного Знамени – VI, 150 (24 февр. 1938); очевидно, ему же 6 дек. 1942 присвоено звание генерал-майора интендантской службы; Попов Николай Константинович – участник гражд. и ВОВ войн, генерал-майор в отставке, чл. КПСС с 1919, ум. в дек. 1987 – VI, 114 (13 дек. 1987); IX, 2.
- * **ПОПОВ Сергей** – делегат из Можайска (Моск. губ.). – I, 1. Нет упоминания о нем в статье А. Каравасева "Февральская и Октябрьская революции в Можайском уезде" – VII, 66 (С. 102–114).
- * **ПОТАПОВ Степан Павлович** – чл. больш. фракции съезда от 42-й дивизии. – I, 2.
- ПРЕДЭ Август Иванович** – б-к. Делегат от Мышкинского Сов. р. и с.д. (Яросл. губ.). – I, 1; I, 2 (С. 722, 752); VII, 5 (С. 114); VI, 156 (1 июля, 22, 29 дек.).
- ПРЕМУДРОВ Петр Константинович** (1891–1938) – б-к. Делегат из Нижнего Новгорода. – I, 1 (здесь партийность не указана); I, 2 (здесь ошибочно: Примудров); IV, 98 (С. 266 и др.); VI, 88 (3 мая, 6 авг.); VII, 102 (С. 23, 26, 27); IX, 2.

- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ** Евгений Алексеевич (1886–13.7.1937) – 6-к с 1903. Род. в г. Болхове Орловской губ., в семье священника. Гимназия (Орел). Экономист. Чл. ВЦИК I–II соз. Был избран канд. на съезд от 3-го Уфимского губ. съезда Сов., но на съезд не поехал. – VI, 22 (3, 5 сент., 6 окт., 5 дек.); VI, 97 (7 сент. С. 3); VI, 102 (1989. № 12. С. 185; 1990. № 5. С. 164; 1991. № 6. С. 73–74); VII, 110 (С. 26); VIII, 26 (Т. 6); VIII, 40 (С. 259–260 и др.); IX, 2.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ** Михаил Александрович – беспартийный. Делегат от Новобухарского окр. Сов. р., с. и к.д. (Туркестан). – I, 1; IV, 107 (С. 95); VI, 155 (8 авг. С. 4).
- ПРЕЖДЕПЕЛЬСКИЙ** Виктор Янович – чл. ППС (Левицы), м-к-интерн. Инженер. Делегат от Сергиевского з-да [взрывчатых веществ] (Самарская губ.). – I, 1; VII, 18 (С. 86, 87, 89, 99, 101, 276); IX, 2.
- ПРИМАКОВ** Виталий Маркович (1897–12.6.1937) – 6-к с 1914. Род. в с. Шуманы Черниговской губ., в семье учителя. Гимназия (Чернигов). Солдат 13-го запас. полка. Делегат от Обл. к-та Сов. (Киев); избран 19 окт. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1; I, 2; IV, 9 (С. 311, 336–337, 755); IV, 20 (С. 199–201); IV, 55 (С. 750); IV, 107 (С. 130); V, 15 (С. 85, 109, 301); VI, 15 (11 июня 1992); VII, 110 (С. 26, 113); VIII, 5 (Т. 20); IX, 2.
- * **ПРИМАЧЕНКО** Яков Степанович – м-к-оборонец. Делегат от Екатеринослав. Сов. р. и с.д. – I, 1.
- * **ПРОКОПЕЦ (ПРОКОПЬЕВ)** Георгий Федорович – делегат от Островского у. Сов. р., с. и к.д. (Псков. губ.). – I, 1.
- ПРОНИН** Алексей Григорьевич (1891 – янв. 1976) – 6-к с марта 1917. Род. в д. Алешня Тульской губ. Слесарь на Патронном з-де в Туле. Инструктор-электрик учебно-минного отряда Балтфлота. Чл. Кронштадтского Сов. Присутствовал на 1-м зас. съезда. – I, 2 (С. 287–289); III, 4 (Ед.хр. 595. Л. 1–16); VI, 121 (11 янв. 1976); VII, 23 (С. 572–573); VII, 55 (С. 232–233); IX, 2.
- ПРОШЬЯН** Прох Перчевич (1883–1918) – левый с-р. Сын писателя, ученого, просветителя Прохьяна Перча (Ованеса тер-Аракеляна, 1837–1907). Юрид. ф-т Новороссийского ун-та. Публицист. Делегат от Гельсингф. Сов. д. армии, флота и рабочих; избран 18 окт. Чл. ВЦИК II соз. – IV, 104 (С. 198–200); VI, 62 (22 окт. С. 1); VI, 82 (28 окт. С. 3); VI, 154 (23 июля. С. 2); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 26 (Т. 6); VIII, 40 (С. 375 и др.); IX, 2.
- * **ПРТИКИН** П.З. – с-р центра. Делегат от II армии Зап. фронта. – I, 1.
- ПЬЯНЫХ** Иван Емельянович (1863/65 – 21.2.1929) – с-р. Род. в с. Васютине Курской губ. в семье хлебопашца. Сельская школа, самообразование. Хлебопашец. Чл. Предпарламента. Гость съезда. Выступал на съезде от имени Испол. к-та Всерос. Сов. к.д. – I, 1 (С. 23 и др.); VI, 19 (25 марта. С. 1); VI, 92 (5 июля. С. 5); VI, 179 (16, 27, 30 июля, 19 авг., 28 сент.); VII, 52 (Т. 16, указ. имен); VIII, 38; VIII, 39; VIII, 40 (С. 373 и др.); VIII, 48 (Т. 11); IX, 2.
- РАБИНОВИЧ** Борис Николаевич – правый с-р. Солдат 44-й арт. бригады, канонир. Тов. пред. Испол. к-та с.д. XII армии (Искосола), чл. Предпарламента. Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1; VI, 18 (13 окт. С. 3); VI, 51 (1 нояб. С. 2); VI, 160 (28 окт. С. 2); VI, 172 (14 июля, 8 авг.); VIII, 40 (С. 389, 396). Известен также Рабинович Константин Николаевич – с-р, чл. ВЦИК I соз. – VIII, 40 (С. 376, 389).
- РАВИЧ** Сара (Ольга) Наумовна (1879–1957) – чл. РСДРП(б) с 1903. Врач. Чл. ПК РСДРП(б). Канд. в чл. ВЦИК II соз. Б. жена Г.Е. Зиновьева. Присутствовала на съезде. – II, 1; IV, 49 (С. 179, 526); VI, 102 (1989. № 12. С. 185; 1990. № 1. С. 42, 43, 51); VII, 53 (Т. 29. С. 181); VII, 110 (С. 27, 32, 66); VIII, 40 (С. 407, 413); IX, 2.
- РАДКЕВИЧ** Константин Степанович – 6-к. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1 (здесь отчество и партийность не указаны); I, 2 (здесь: Роткевич, без иниц.); IV, 87 (С. 209); VI, 38 (19 нояб. С. 2); VI, 51 (22 окт. Здесь: Роткевич).
- * **РАДЧЕНКО** Григорий Иванович – правый с-р. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1.
- РАЕВ** Григорий Федорович (1885 – конец 1923) – 6-к с 1904. Из бедных кр-н. Низшее образование. Рабочий-металлист. Делегат от Владивостокского Сов. р. и с.д.

- (Прим. обл.); избран 10 окт. – I, 1; I, 2; VI, 58 (15, 29 окт., 1 нояб.); VII, 27 (С. 15 и др.); VII, 102 (С. 167); VII, 138 (С. 120–130); IX, 2.
- РАКИТНИКОВ Николай Иванович** (1864–1938) – один из лидеров ПСР, б.народник. Юрид. ф-т Петерб. ун-та. Литератор, редактор. Делегат из Иркутска (I, 1), хотя связь с Иркутском в 1917 не прослеживается по другим источникам. – I, 1; VI, 102 (1989. № 12. С. 187); VII, 52 (Т. 24. Указ. имен); VII, 53 (Т. 17, 21. Указ. имен); VII, 76 (С. 53); VII, 110 (С. 127); VIII, 40 (С. 271–272); IX, 2.
- РАМАН Арт[емий] Як[овлевич]** (?–1938) – б-к. Прапорщик. Делегат от Сенгилеевского Сов. р. и сд. (Симбир. губ.). – I, 1 (здесь ошибочно: Ратом; иници. и партийность не указаны); I, 2; II, 2 (С. 344–345. Здесь указано, что на съезд был послан один б-к, в качестве гостя); IV, 31 (С. 105, 106); VII, 96 (С. 112, здесь: Рамон).
- РАССОМАХИН Афанасий Филиппович** – б-к. Делегат от Киевского окр. Сов. р. и сд.; избран 19 окт. – I, 1; I, 2 (С. 722, 752, здесь: Рассомахин и Ратсомахин – от Киевского обл. Сов. р. и сд.); V, 15 (С. 301, здесь: Россомахин – от обл. к-та Сов. р. и сд.).
- РАШКЕВИЧ Андрей (Абрам) Маркович** – б-к. Делегат от Бакинского Сов. р. и сд. – I, 1; I, 2; IV, 47 (С. 157).
- РЕМИЗОВ Михаил Петрович** (1891 – дек. 1983) – б-к с 1914 (в рев. движ. с 1907). Из семьи кр-на д. Жихарево Гжатского у. Смоленской губ. Пречистенские курсы, ун-т Шанявского (Москва). Делегат от Гжатского у. Сов. к.д. – I, 1; IV, 5 (С. 295 и др.); IV, 47 (С. 427); IV, 121 (С. 115, 139, 170); VI, 31 (22 июня. С. 1); VI, 72 (1 нояб. С. 2); VI, 84 (26 окт. С. 2); VI, 126 (4 дек. 1983); IX, 2.
- * **РЕНТИС** – делегат от III конф. РСДРП(б) 7-го арм. корпуса (18 окт.). – V, 16 (С. 290, 435). Ср.: Репшис.
- РЕПА (РИППА) Леонтий Назарович (Назарьевич)** (1888 – 29.5.1966) – б-к с 1 авг. 1917. Род. в с. Голенки Конотопского у. Черниговской губ. Учитель земской школы; землемер. Солдат 214-го пех. полка в г. Новохоперске. Делегат от Новохоперского у. Сов. р., с. и к.д. (Воронеж. губ.). – I, 1 (здесь также: Рет Л.Н.); II, 1; VI, 76 (12 дек. С. 1); VI, 122 (31 мая 1966); VI, 132 (2, 14 сент.); VII, 57 (С. 349; здесь: Риппа Л.Н.); IX, 2 (здесь: Риппа Л.Н.).
- РЕПИН Василий Иванович** (1887–1971) – б-к с 1908. Род. в д. Ново-Першино Ярославской губ. Низшее образование. Ученик мастера, мастер в позолотной мастерской. Солдат. Делегат от Томского Сов. р. и сд.; избран 7 окт. – I, 1; I, 2 (С. 310–312, 753); IV, 19 (С. 258); IV, 113 (С. 207 и др.); VII, 11 (С. 177–186); IX, 2.
- * **РЕПШИС** – чл. больш. фракции съезда. – I, 2. Ср.: Рентис.
- РЕУТ** – делегат от Тюменского Сов. р., с. и к.д. Избран 5 окт. – "Свободное слово" (Тюмень), 11 окт. С. 4.
- РЕХОВ Григорий Васильевич** – б-к. Солдат. Делегат от Владимирского губ. Сов. р. и сд.; избран до 21 окт. – I, 1; I, 2; IV, 112 (С. 245); VI, 33 (22 окт. С. 4); VII, 135 (С. 313).
- РИВКИН Григорий Абрамович** – с-р-максималист. Рабочий Кронштадтского порта. Чл. ВЦИК I соз. Делегат от Кроншт. Сов. р. и сд. (Петрогр. губ.); избран 17 окт. – I, 1 (здесь: левый с-р); VI, 68 (6, 29 окт., 31 дек.); VII, 20 (С. 379. Здесь: Ривкин Н.И.); VII, 79 (С. 50); VIII, 40 (С. 377, 396, 407, 425. Здесь: Ривкин Залмон Осеров). Известен также Ривкин Николай Иванович – один из основателей и теоретиков союза максималистов. Химич. ф-т (Франция, 1902). Ум. от сыпного тифа в Киеве 29 янв. 1922. – I, 3; III, 8 (Оп. 1. Ед.хр. 13, 14); IV, 95 (С. 403); VIII, 40 (С. 104, 392, 399, 400).
- * **РИЭКСТЕН Вольдемар Карлович** – м-к-оборонец. Делегат от Сов. с. и офицерских деп. Рум. фронта. – I, 1.
- * **РОГАЧЕВ Василий** – делегат от "Мариенгама" (Мариегамна Або-Бьернеборгской губ., Финляндия?). – I, 1.
- * **РОГОВ Иван Васильевич** – б-к. Делегат от Кемского окр. Сов. р. и сд. (Архангель. губ.). – I, 1. Известен также Рогов Иван Васильевич (10.8.1899–5.12.1949) – б-к с 1918, участник гражд. войны; генерал-полковник береговой службы (1944). – VIII, 5 (Т. 22); IX, 2.
- РОГОЖИН Иван Матвеевич** – б-к. Делегат из г. Венева Тульской губ. – I, 1; IV, 18 (С. 392); V, 14 (С. 175); IX, 2.

- РОЖКЕВИЧ** Константин Степанович – 6-к. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1.
См.: Радкевич (Роткевич) Константин Степанович.
- * **РОЗОВСКИЙ** – выступал на съезде. – I, 1 (С. 14 и др.).
- * **РОМАНЕНКОВ** – делегат от 6-й арт. бригады II армии Зап. фронта. – IV, 53 (С. 315, 316).
- РОМАНОВИЧ** Георгий Аверьянович – 6-к. Делегат от Харьк. Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2; IV, 9 (С. 41 и др.); IV, 10 (С. 143, 148); IV, 48 (С. 157, 314); IV, 55 (С. 382); VI, 103 (июнь–авг., окт.–дек.); VI, 215 (18, 25 марта); VIII, 40 (С. 408).
- РОМИН** Иван Саверьянович – 6-к. Делегат от II армии Зап. фронта. – I, 1; I, 2; VII, 41 (С. 61).
- РОММ** Владимир Георгиевич (1896 – 8.3.1937) – левый с-р. Род. в г. Вильно. Среднее образование. [Журналист]. Юнкер Петроградской школы прапорщиков инженерных войск. Делегат от Новгородского Сов. р., с. и к.д. – I, 1; IV, 43 (С. 253, 886); VI, 75 (28 апр., 2 июня, 5 июля, 4, 9, 11 авг., 8 сент., 7 нояб., 12, 15, 19, 23, 30 дек.); VII, 111 (С. 224); VIII, 40 (С. 251); VIII, 42; ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 626. Л. 1–2).
- РУБИН** Авраам Азарьевич (1883 – 21 окт. 1918, убит по приказу восставшего против Сов. власти Сорокина) – 6-к с 1905. Род. ок. Симферополя. Из рабочих. Юрид. ф-т Моск. ун-та. Делегат от Новороссийского Сов. р. и с.д. (Черноморской губ.). – I, 1; I, 2; IV, 26 (С. 128 и др.); VI, 189 (3 дек. С. 3); VI, 213 (23 июня, 14 июля, 15 окт., 10 нояб.); VIII, 5 (Т. 22); VIII, 36 (С. 485); VIII, 48 (здесь: Абрам Израилевич); IX, 2.
- * **РУДНЕВ** Александр Георгиевич – делегат съезда. – I, 1. Известен Руднев – 6-к, чл. Харьк. организации РСДРП(б) и Харьк. Сов. р. и с.д. – IV, 9 (С. 474, 478); VI, 103 (13 сент., 22, 24 окт.).
- * **РУМЯНЦЕВ** Никита Константинович – делегат из г. Мышкина (Яросл. губ.). – I, 1.
- РЫБАКОВ** Иван Федорович – 6-к. Делегат от флотилии Сев. Ледовитого океана (Архангельск); избран 8 окт. – I, 1; VI, 53 (14 окт.).
- * **РЫБАЛЬЧЕНКО** Трофим Степанович – м-к. Делегат от Липецкого у. Сов. р., с. и к.д. (Тамбов. губ.). – I, 1.
- РЫЖКОВ** Тимофей Матвеевич – 6-к. Моряк. Канд. в чл. Предпарламента. Делегат от Черноморского флота. – I, 1; I, 2; IV, 2 (С. 29 и др.); VIII, 40 (С. 385, 389).
- РЫКОВ** Алексей Иванович (13.2.1881–15.3.1938) – 6-к с 1903. Род. в Саратове. Из кр-н. Юрид. ф-т Казанского ун-та. Делегат от Моск. Сов. р.д. Чл. Презид. съезда. Канд. в чл. ВЦИК I–II соз. – I, 1; I, 2; VI, 4 (5 нояб. С. 1); VI, 72 (июль–нояб.); VII, 74 (С. 64 и др.); VII, 110 (С. 27 и др.); VIII, 26 (Т. 7); VIII, 40 (С. 280–281 и др.); IX, 2.
- * **РЫСЦОВ** Василий Ефимович – левый с-р. Делегат от Тамбовского у. Сов. р., с. и к.д. – I, 1.
- РЫТОВ** Алексей Николаевич – делегат от г. Лодейное Поле (Олонецкой губ.). – I, 1. Среди делегатов V Всерос. съезда Сов. Рытов (без иниц.) – левый с-р. – IX, 2.
- * **РЮНДИН** Игнатий Киреевич – сочувствующий б-кам. Делегат из г. Ростова (Яросл. губ.). – I, 1.
- РЯЗАНОВ** Давид Борисович (1870–1938) – 6-к с 1917. Род. в Одессе. Гимназия (не закончил). Литератор. Чл. ВЦИК I соз., Предпарламента, ВЦСПС. Чл. Презид. съезда. Выступил на съезде. – I, 1; VII, 110 (С. 30 и др.); VIII, 5 (Т. 22); VIII, 30; VIII, 40 (С. 376 и др.); IX, 2.
- РЯМО** (РЯММО) Павел Яковлевич (1892–?) – 6-к с 1917. Водолазный унтер-офицер авиац. судна "Орлица". Делегат от Балтфлота. Избран 19 окт. – I, 1; I, 2 (С. 704, 753); IV, 104 (С. 237 и др.).
- СААР** Альберт – 6-к. Делегат от Ревельского Сов. р. и воен. д. – I, 1 (здесь имя и партийность не указаны); I, 2 (здесь имя не указано); IV, 42 (С. 50, 364); VI, 82 (11 июля, 8, 21, 22 окт.); VII, 102 (С. 429). Известен Саар Альберт Тенович – в марте 1917 телегр. унтер-офицер 1-й статьи эсминца "Пограничник"; в авг. – пред. судового к-та линкора "Гражданин". – IV, 3 (С. 396).
- САБЛИН** Юрий (Георгий) Владимирович (12.11.1897–19.6.1937) – левый с-р (в ПСР с 1915, 6-к с 1919). Род. в г. Юрьеве Лифляндской губ., в семье книгоиздателя В.М. Саблина (1872–1916). Моск. коммерч. ин-т. Прапорщик Чл. Предпарламента, ВЦИК II соз. Его пребывание на съезде под вопросом. – III, 8 (Оп. 1, Ед. хр. 1, 4);

- IV, 49 (С. 283); VI, 72 (2, 26 авг., 12, 14, 15, 23 нояб.); VII, 110 (С. 26 и др.); VII, 129 (С. 90 и др.); VIII, 5 (Т. 22); VIII, 40 (С. 389); VIII, 48 (Т. 12); IX, 2.
- САВЕНКО Михаил Яковлевич** – сочувствующий анархистам. Делегат из г. Павловска Воронежский губ. – II, 4; IX, 2.
- САВИНЫХ Павел Михайлович** – левый с-р. Прапорщик. Делегат от Екатеринбург. Сов. р. и с. д. (Перм. губ.); избран не ранее 12 окт. – I, 1; VI, 203 (24 окт. С. 2); См.: Павловский Н.А.
- * САВЧИТОВ Иван Григорьевич** – делегат от порта Петровска (Дагестанской обл.) – I, 1.
- САГАЛОВИЧ Михаил Дмитриевич (Вадим Леший)** – объедин. с-д-интерн. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1; IV, 87 (С. 149); VI, 51 (3 нояб.).
- САГИРАШВИЛИ Дмитрий Алесевич** – объедин. с-д – интерн. Рабочий. Чл. ВЦИК I–II соз., Орг. к-сии по созыву съезда. Выступал на съезде. – I, 1 (С. 9 и др.); III, 6 (Оп. 1, Ед. хр. 3, 8. Здесь: Давид Алексеевич); IV, 84 (С. 64, 65, 348); VI, 101 (24 июня. С. 9); VI, 198 (23 июня. С. 3); VII, 61 (С. 95–96); VII, 110 (С. 27 и др.); VII, 129 (С. 108); VIII, 40 (С. 375).
- САДИКОВ Алексей Алексеевич** – левый с-р. Делегат от Олонецкого Сов. р., с. и к. д. – I, 1; I, 3; II, 1 (восп. А.А. Копаткевича); IV, 29 (С. 130 и др.); VI, 78 (29 сент., 5, 17, 19, 22 окт., 9, 10 нояб.); VII, 102 (С. 231).
- САДОВСКИЙ Андрей Дмитриевич (1880–8.7.1927)** – б-к с 1903 (в с-д с 1901). Род. в Симферополе, в бедной семье. Петерб. ин-т путей сообщения. Инженер-путеец. Солдат 6-го саперного б-на. Чл. Петрогр. Сов., Предпарламента, ВЦИК I–II соз. Делегат съезда. – I, 1; I, 2 (С. 339–341); VII, 20 (С. 342); VII, 110 (С. 26, 52); VIII, 5 (Т. 22); VIII, 40 (С. 377 и др.); VIII, 48 (Т. 12).
- САЙКО Ефим Антонович (1879–?)** – с-р. Из малоземельных кр-н Полтавской губ. Высшие коммерч. курсы в Москве. Волостной писарь; бухгалтер. Чл. ВЦИК I соз. Делегат от Кадиевского Сов. р., с. и к. д. Екатеринослав. губ.). – I, 1; VI, 1 (27 окт. С. 4); VI, 70 (12 нояб. С. 1); VI, 103 (7 сент. С. 3); VII, 53 (Т. 11. С. 630); VIII, 15 (Т. 17); VIII, 33 (Т. 14); VIII, 40 (С. 376).
- САКУЛИНСКИЙ (СОКУЛИНСКИЙ) Александр Иванович** – с-р. Делегат от II армии Зап. фронта. – I, 1; III, 1 (Л. 4).
- САЛАПИН Алексей Васильевич** – левый с-р. Солдат. Чл. арм. к-та III армии Зап. фронта. Делегат от Ставки Верховного главнокомандующего. – I, 1; III, 1 (Л. 6); VI, 32 (30 мая, 18 авг., 7, 12 сент., 8 нояб.).
- САЛУНОВ Степан Федорович** – левый с-р. Делегат из г. Невеля (Витеб. губ.). – I, 1; IV, 41 (С. 548 и др. Здесь: Солунов); VII, 110 (С. 41. Здесь: Саунов С.Ф.); VIII, 40 (С. 399, 407).
- САМОХВАЛОВ Дмитрий Спиридонович (1890–16.8.1919, расстрелян колчаковцами)** – б-к с 1912 г. Род. в Нагорно-Тузловском пос. Таганрогского окр. Донской обл., из кр-н. Гимназия (экстерном). Рабочий на табачной ф-ке Асмолова в Ростове-на-Дону. Делегат от Ачинского у. Сов. р. и с. д. (Енисейской губ.). Канд. в чл. ВЦИК II соз. – I, 1; I, 2; VII, 41 (С. 61); VII, 69 (С. 102–110); VII, 110 (С. 27).
- САННИКОВ Павел Петрович** – левый с-р. Чл. ред. газ. "Известия Мензелинского Сов. к.д.". Делегат от Мензелинского у. Сов. к.д. (Уфим. губ.). – I, 1; VI, 71 (4 окт. – 19 нояб.).
- САПОВ Иван Андреевич (1897–1937)** – б-к с 7 янв. 1917 (в рев. движ. с 1912). Чл. дивизионного к-та 22-й дивизии Рум. фронта. Участвовал в работе съезда. – II, 1; IX, 2.
- САПОЖНИКОВ Иван Петрович (1888–1964)** – б-к с 1911. Сын уральского рабочего. Рабочий Надеждинского з-да с 14 лет. Класс электриков в Кронштадте. Матрос крейсера "Рюрик". Электрик 2-го отд. б-на Примор. фронта. Делегат от Балтфлота. – I, 1; I, 2 (С. 355–356, 753); IV, 104 (С. 37 и др.); VIII, 53 (С. 81).
- * САПОЖНИКОВ Николай Александрович** – б-к. Делегат от Екатеринодонского Сов. р. д. (Донской обл.). – I, 1.
- САПОЖНИКОВ Павел Флегонтович (1897/98 – 26.5.1937)** – левый с-р (с сент. 1918 – чл. партии "рев. коммунистов", чл. ЦК). Род. в г. Канске Енисейской губ., в семье потомств. почетного гражданина. 3-й курс физ.-мат. ф-та Казанского ун-та. Делегат от Уфимского у. – I, 1; III, 7 (Оп. 1. Ед. хр. 3, 4, 40, 45, 67, 74, 78, 79, 90;

- Оп. 2. Ед. хр. 6, 23, 35); III, 8 (Оп. 1, Ед. хр. 17. Л. 5); VI, 15 (18 сент. 1992. Здесь дата рождения дана ошибочно: 1877, а место рождения, г. Канск, отнесен к Пермской губ. В заполненных им в 1920-х гг. анкетах он указывал свой возраст – 22–23 года); VI, 22 (5 дек. С. 4); VII, 110 (С. 41); VIII, 40 (С. 392 и др.).
- САРУТА Агафоник Онуфриевич** – чл. больш. фракции съезда от Екатеринодонского Сов. р. и с. д. (Донской обл.). – I, 1 (здесь: делегат от Балтфлота); I, 2 (здесь ошибочно: от Екатеринодарского Сов. р. и с. д. Донецкой обл.).
- САРЫЧЕВ Сергей Васильевич** (5.6.1891 – июнь 1965) – б-к июля 1917. Из рабочих. Род. в с. Хорошево Коломенского у. Моск. губ. Учительская Поливановская семинария, Моск. ун-т (не закончил). Учитель. Делегат от Коломенского Сов. р. и с. д. – I, 1; I, 2; IV, 46 (С. 377, 389); VI, 15 (16 июня 1965); VII, 66 (С. 172, 174); VIII, 49 (С. 362–363); IX, 2.
- САФРОНОВ Петр Николаевич** – б-к. Солдат. Делегат от Яросл. Сов. р. д. – I, 1; I, 2; IV, 112 (С. 119); VI, 16 (8, 11, 15, 23, 30 нояб., 3 дек.); VII, 98 (С. 161–163); IX, 2.
- СВЕРДЛОВ Яков Михайлович** (23.5.1885–16.3.1919) – б-к с 1903 (в с-д с 1901). Сын ремесленника-гравера. 5 классов гимназии. Ученик аптекаря. Чл. ВЦИК I–II соз., Предпарламента. Делегат съезда. – VII, 110 (С. 26, 45, 50); VIII, 40 (С. 286–288 и др.); VIII, 53 (С. 81); IX, 2.
- СВИДЕРСКИЙ Алексей Иванович** (8.3.1878–10.5.1933) – б-к с 1903 (в рев. движ. с 1898). Род. в Новгород-Северском у. Черниговской губ., в семье чиновника, служившего в земстве и по Министерству внутренних дел. Петерб. ун-т (2 курса физ.-мат. и 1 курс юрид. ф-тов). Журналист. 14 окт. на зас. Уфимского Сов. были избраны на съезд Евлампиев или Свидерский (в зависимости от того, кому предоставится возможность уехать). 16 окт. Испол. к-т Сов. признал нежелательным отъезд Свидерского и Евлампиева "ввиду серьезности переживаемого момента" и заявления Свидерского о его "остром болезненном состоянии". – VI, 22 (июнь-дек.); VI, 207 (28 окт., 3 нояб.); VI, 208 (5 марта. С. 3); VIII, 26 (Т. 7); VIII, 40 (С. 413); IX, 2.
- СВИНЬИН Роман Андреевич** – с-р центра. Делегат от Петропавловского Сов. р. и с. д. (Акмолин. обл.). – I, 1; IV, 115 (С. 259. Здесь: левый с-р).
- СЕВЕРОВ Михаил Михайлович** (1875–1920) – б-к. Рабочий Казанских ж.-д. мастерских. Делегат от Казанского губ. Сов. р. и с. д. – I, 1; I, 2; IV, 6 (С. 177, 698); VI, 109 (28 мая, 13, 28 сент.); VII, 14 (Кн. 3. С. 304–309); VII, 102 (С. 69, 71).
- СЕКАВИН Александр Николаевич** – с-р. Делегат от Тифлисского Сов. р. и с. д.; избран 14 окт. – I, 1; VI, 108 (17 окт. С. 2).
- СЕЛЕДЦОВ Григорий Федорович** – с-р центра. Солдат. Делегат от Курганского и Тюменского у. Сов. р. и с. д. (Тобол. губ.); избран 16 окт. – I, 1; VI, 69 (14, 29 июля; 5, 27 авг.; 2 сент.); VI, 143 (15, 17, 20, 22, 25 окт.).
- СЕМЕНОВ Анисим Лукьянович** – с-р центра. делегат от Хабаровского Сов. р. и с. д. (Прим. обл.). – I, 1; IV, 107 (С. 89); VI, 98 (3, 10 сент.); VI, 153 (6 окт., 8 дек.).
- СЕМЕНОВ Василий Иванович** – б-к. Делегат от Нижне-Тагильского Сов. р. и с. д. (Перм. губ.). – I, 1; VII, 17 (С. 182).
- СЕМЕНОВ (ВАСИЛЬЕВ) Григорий Иванович** (1891–1937) – правый с-р (с янв. 1921 – чл. РКП(б)). Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1; III, 5 (Оп. 1. Ед. хр. Л. 10, 177 об., 224 об.); IV, 54; VI, 102 (1991. № 4. С. 191); VII, 117; VII, 124 (Т. 3. Кн. 5–6–7, С. 397); VII, 139 (С. 268 и др.).
- СЕМЕНОВ Григорий Кузьмич** – с-р. Делегат от I армии Сев. фронта. – I, 1; III, 1 (Л. 3).
- СЕМЕНОВ Михаил Семенович** – б-к. Делегат от Бакинского Сов. р. и с. д. – I, 1; I, 2; IV, 47 (С. 157).
- * **СЕМЕНОВ Петр Алексеевич** – левый с-р. Делегат от Златоустовского у. Сов. р. и с. д. (Уфим. губ.). – I, 1.
- СЕРЕБРОВСКИЙ Александр Павлович** (13.12.1884–10.2.1938) – б-к с 1903 (в рев. движ. с 1902). Отец – из ссыльных народовольцев, работал на ж.-д. Высшее техн. уч-ще в Бельгии. Инженер-механик. Главный механик на з-де Нобеля (Петроград). Присутствовал на съезде. – I, 2 (С. 372–374); II, 1; VI, 102 (1990, № 9, с. 183); V, 5 (Т. 23); VII, 26 (Т. 7).
- * **СЕРКОВ Владимир** – делегат от Действующей армии. – I, 1.

- СИДОРЕНКО Иван Трифионович – левый с-р. Делегат от Витебского Сов. р. и с. д. Избран 18 окт. – I, 1. Известен также Сидоренко И.Т. – зам. пред. Новохоперского у. испол. к-та Воронежской губ.; чл. ЦИК СССР IV соз. (26 апр. 1927); чл. ВЦИК XIV соз. (18 мая 1929). – IX, 2.
- СИЛИН Петр Егорович – левый с-р. Делегат из г. Луги Петрогр. губ. – I, 1; VII, 110 (С. 84).
- * СИЛЬЯНОВ – делегат от Действующей армии. – I, 1.
- СИМОНОВ Андрей Алексеевич – б-к. Делегат от Владимирского Сов. р. и с. д. – I, 1; I, 2.
- СИМОНОВ Михаил Иванович – б-к. Делегат от Коломенского Сов. р. и с. д. (Моск. губ.). – I, 1; I, 2 (здесь: от Озерского Сов. р. д. Моск. губ.); VI, 164 (4 сент. С. 3–4. Здесь: Симанов М.И. – представитель Озерского р-на в Моск. губ. Сов. р. д.).
- СИНИЦЫН Степан Григорьевич – б-к. Солдат. Делегат от Канского Сов. р., с. и к. д. (Енис. губ.); избран 8 окт. – I, 1; IV, 67 (С. 56); VI, 63 (10 окт.); IX, 2.
- СИРОТА Матвей Львович – левый с-р. Делегат из г. Елисаветграда Херсонской губ. – I, 1; III, 8 (Оп. 1. Ед. хр. 4, 8); VIII, 40 (С. 409, 410); IX, 2.
- СКАЧКОВ Алексей Ильич (1879 – 1919, расстрелян колчаковцами) – б-к с 1908. Из кр-н с. Ильинского Звенигородского у. Моск. губ. Рабочий-металлист. Делегат от Звенигородского у. Сов. к. д. – I, 1; I, 2 (С. 723, 754); VIII, 8 (С. 232–233); VIII, 36 (С. 519–520).
- СКВОРЦОВ Петр Иванович (1889–1941) – б-к с 1917. Моряк службы связи Балтфлота. Присутствовал на съезде. – I, 2 (С. 382–383); III, 4 (Оп. 3. Ед. хр. 598. Л. 4–5 об.); IV, 1 (С. 372).
- СКЛЯНСКИЙ Эфраим Маркович (31.7.1892–27.8.1925, утонул в озере, в США, во время командировки) – б-к с 1913. Род. в м. Фастов Киевской губ.; из мещан. Окончил гимназию с золотой медалью. Мед. ф-т Киевского ун-та. Врач. Делегат от V армии Сев. фронта. Чл. ВЦИК II соз. Чл. Презид. съезда. – I, 1; I, 2 (С. 384–386, 754); IV, 85 (С. 268); IV, 87 (С. 149 и др.); VI, 17 (1967, № 4. С. 39–47); VI, 38 (19 нояб. С. 2); VI, 51 (22 окт., 1 нояб.); VI, 72 (18 окт. С. 2); VII, 110 (С. 26, 82); VIII, 5 (Т. 23); VIII, 40 (С. 396, 413); IX, 2.
- СКРЫПНИК Мария Николаевна (1883–1968) – чл. РСДРП(б) с 1905. Род. в Красноярске. В 1917 – чл. Рождественского райкома РСДРП(б) в Петрограде. Присутствовала на съезде. – I, 2 (С. 392–393); IV, 59 (С. 586); VII, 25 (С. 510).
- СКРЫПНИК Николай Алексеевич (13.1.1872–7.7.1933) – б-к (в с-д с 1897). Род. в семье ж.-д. телеграфиста (потом – пом. нач. станции Ясиноватая Бахмутского у. Екатеринос. губ.). Петерб. технол. ин-т (исключен). Пред. Центр. сов. фабзавкомов Петрограда. Делегат съезда. – I, 2; IV, 48 (С. 131, 157); VI, 125 (15 апр., 14 мая); VIII, 5 (Т. 23); VIII, 26 (Т. 7); VIII, 40 (С. 293–294 и др.); VIII, 48 (Т. 12).
- СКУДРЕ Отто Андреевич – б-к. Солдат. Делегат от Каспийской организации при Воен. министерстве. – I, 1; IV, 71 (С. 245; без иниц.); IV, 87 (С. 388; без иниц.); IV, 89 (С. 228; без иниц.); VI, 2 (29 сент. С. 5); VI, 18 (13 окт. С. 3. Здесь: Скудра, без иниц.); VI, 82 (2 авг. С. 3; без иниц.); VI, 131 (4, 12 авг., 17, 18 окт.).
- СКУРАТОВИЧ Иосиф Феофилович (27.9.1887–23.6.1964) – б-к с 1917. Из рабочих. Слесарь, пом. машиниста Минского паровозного депо. Делегат от Минского Сов. р. и с. д.; избран 18 окт. – I, 1; I, 2; IV, 40 (С. 835); IV, 71 (С. 441; без иниц.); VII, 104 (С. 76, 255); VII, 107 (С. 114–117); VIII, 1; IX, 2.
- СЛАБОШПИЦКИЙ Иван Арсеньевич – с-р., делегат от Закаспийского обл. Сов. р., с. и к. д. – I, 1 (здесь ошибочно: Слабошанцкий); IV, 100 (С. 130, 189); IV, 107 (С. 111); VI, 155 (22 июля. С. 2, 4). Известен также Слабошпицкий (Павло Диброво), автор заметок в газ. "Известия Юга" (Харьков). – VI, 103 (28 сент., 8 окт.).
- СЛОВЯНИНОВ Федор Яковлевич – левый с-р. Делегат из г. Костомы. – I, 1; I, 3 (здесь: Словининов Ф.Я., Славянников – делегат от Чухломского у. Сов. к. д. Костром. губ.).
- СЛУЦКИЙ Антон Иосифович (Нафталий Григорьевич) (1884–24.4.1918, расстрелян в Алуште) – б-к с 1903. Журналист. В 1917 – секретарь Невского райкома РСДРП(б) Петрограда; чл. Петрогр. Сов., ПК РСДРП(б), ВЦИК II соз. – I, 2 (С. 403–405); IV, 44 (С. 382, 588); IV, 49 (С. 528); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 5 (Т. 23); VIII, 36 (С. 529); VIII, 40 (С. 407); VIII, 48 (Т. 12); IX, 2.

- * СЛУЦКИЙ Михаил Маркович – м-к. Делегат от I армии Сев. фронта. – I, 1.
- СМИДОВИЧ Петр Гермогенович (7.5. 1874–16.4.1935) – б-к (в с-д с 1898, в рев. движ. с начала 1890-х). Род. в г. Рогачеве Могилевской губ., из дворян. Моск. ун-т (не закончил). Высшая электротехн. школа в Париже (закончил с дипломом). Инженер-электрик. Чл. ВЦИК I–II соз., МК РСДРП(б), Моск. Сов. р. д. На съезде, по-видимому, не был: был пред. на зас. Моск. Сов. р. д. 24 и 25 окт. – VI, 72 (окт. – нояб.); VI, 102 (1889. № 8. С. 185); VII, 110 (С. 27, 31); VIII, 5 (Т. 23); VIII, 26 (Т. 8); VIII, 40 (с. 376 и др.); VIII, 53 (С. 86–87); IX, 2.
- СМИРНОВ Александр Иванович – левый с-р. Делегат из г. Кадникова Вологодской губ. – I, 1; IV, 14 (С. 99, 119, 128); VIII, 40 (С. 392, 407).
- СМИРНОВ Василий Михайлович (1883–4.11.1969) – б-к с 1903 (в рев. движ. с 1901). Из семьи ткача. Рабочий. Солдат 55-го пех. запас. полка (Москва). Делегат от Моск. Сов. с. д. – I, 1 (здесь ошибочно: Владимир Михайлович); I, 2 (здесь ошибочно: Владимир Михайлович); VIII, 20 (С. 602); VIII, 49 (С. 379). Известный б-к Смирнов Владимир Михайлович (1887–1937), прапорщик, чл. Испол. к-та Моск. Сов. р. д., избранный 25 окт. в Моск. ВРК, – на съезде не присутствовал.
- СМИРНОВ Григорий Васильевич – б-к. [Солдат] 199-го пех. запас. полка (Иваново-Вознесенск). Делегат от Иваново-Вознесенского Сов. р. и с. д. (Владим. губ.). – I, 1; I, 2; VI, 163 (5, 9, 16, 19, 24, 25, 29, 30 нояб.).
- СМИРНОВ (ЖИГА) Иван Федорович (29.1.1895–9.11.1949) – б-к с 1917. Из семьи рабочего. Работал молотобойцем в Туле. Писатель-очеркист (начал печататься с 1914). Делегат от Ревельского Сов. р. и воен. д.; избран 17 окт. – I, 1; I, 2; IV, 47 (С. 170); VI, 82 (23 авг., 14, 21 окт., 21 нояб.); VI, 123 (12 нояб. 1949); VI, 166 (22 апр. С. 3); VI, 206 (5 дек. С. 3–4); VII, 25 (С. 503); VII, 3 (Т. 25); VIII, 23.
- СМИРНОВ Петр Степанович – б-к с 1917 (в рев. движ. с 1905). Рабочий-металлист. Организатор союза металлистов во 2-м Гор. р-не Петрограда. Делегат I и II Всерос. съездов Сов. р. и с. д. – II, 1; VII, 110 (С. 40).
- СМИРНОВ Федор Иванович – б-к. Делегат от гарниз. г. Рени Измаильского у. Бессарабской губ. – I, 1; IV, 17 (С. 157–158).
- СМИТ-ФАЛЬКНЕР Мария Натановна (4.2.1878–7.3.1968) – чл. РСДРП с 1905 (в РКП(б) с июля 1918). Род. в Таганроге. Лондонский ун-т, ф-т экон. наук. Статистик, экономист. Чл. Петрогр. продуправы. Присутствовала на съезде. – I, 2 (С. 724); II, 1; VIII, 5 (Т. 23); VIII, 26 (Т. 8).
- * СМОЙЛОВСКИЙ Арон Моисеевич – б-к. Делегат от Киевского окр. Сов. с. д. – I, 1. В некрологе упоминается Смойловский Аркадий Моисеевич, чл. РКП(б) с 1919, участник гражд. войны, персональный пенсионер; ум. на 98 году жизни (т.е. род. в 1890). – VI, 126 (19 апр. 1987).
- СМОЛЕНЦЕВ Михаил Иванович (1890–1920-е годы) – б-к. Делегат от Смоленского губ. Сов. р. и с. д.; избран 20 окт. – I, 1; IV, 5 (С. 37, 257, 261, 297. Здесь отмечается, что до Октября Смоленцев М.И. примыкал к левым эсерам и на съезд был избран от фракции левых эсеров.); IV, 121 (С. 203); VII, 95 (С. 75); VII, 135 (С. 315); IX, 2 (здесь даты жизни: 1895–1944).
- СМОЛЬНИКОВ Алексей Александрович (1887–1945) – б-к с 1905. Род. в г. Алапаевске Екатеринбург. у. Пермской губ., в семье мастера мех. з-да. Нижнетагильское горно-заводское уч-ще (исключен с 3-го курса). Горный техник. Делегат от Алапаевского Сов. р. и с. д. – I, 1; I, 2; V, 5 (С. 86); VI, 102 (1889. № 9. С. 190); VI, 120 (29 окт. С. 4); VI, 203 (26 окт. С. 3); VI, 204 (13, 18 окт.); VII, 13 (С. 84–94); VII, 16 (С. 89); VII, 103 (С. 362); IX, 2.
- СМОЛЬЯНИНОВ Вадим Александрович (Смольников Сергей Александрович – брат Смольникова А.А.) (12.9.1890–8.9.1962) – б-к с 1908 (в рев. движ. с 1905). Род. в семье мастера мех. з-да, в г. Алапаевске Екатеринбург. у. Пермской губ. Слесарь. Солдат 231-го пех. запас. полка (Смоленск). Делегат от Смоленского Сов. р. и с. д. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1 (здесь ошибочно: левый с-р); I, 2; IV, 5 (С. 297–298 и др.); IV, 121 (С. 85 и др.); VI, 102 (1991. № 4. С. 191); VII, 13 (С. 84–94); VII, 26 (С. 6–38); VII, 110 (С. 26, 32); VIII, 48 (Т. 12); IX, 2.
- СОБАКИН Николай Дмитриевич – б-к. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1; I, 2; IV, 47 (С. 379); IV, 49 (С. 446); IV, 53 (С. 174); IV, 87 (С. 306, 355, 413); VI, 17 (1974. № 11. С. 71); VI, 209 (23, 26 июля; без иниц.).

- СОКИРКО Захарий Васильевич – левый с-р. Делегат из Петрограда. – I, 1; IX, 2.
- СОКОЛОВ Александр Иванович – м-к. Солдат. Делегат от Нижегородского Сов. р. и с. д. – I, 1; VI, 88 (14 марта, 24 авг.); VI, 139 (25 июня, 15 окт.).
- СОКОЛЬНИКОВ (БРИЛЛИАНТ) Григорий Яковлевич (1888 – 21.5.1939, убит в тюрьме сокамерниками) – б-к с 1905. Сын врача. Уи-т в Сорбонне. Юрист, экономист. Чл. Предпарламента, ВЦИК I–II соз. Участвовал в работе съезда. – II, 1; VI, 102 (1989. № 12. С. 111); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 26 (Т. 8); VIII, 40 (С. 298–299 и др.); IX, 2.
- СОЛДАТОВ Александр Александрович – "нац. соц." (так в I, 1). Делегат от Киев. окр. Сов. с. д. – I, 1; VI, 18 (10, 22 сент., 15 окт.).
- СОЛОВЕЙ Дон (Донат) Маркович (1883–1954) – б-к с 1903. Род. в Рыбинске, в семье бедного ремесленника. Комиссар Петрогр. ВРК. Участвовал в заседании больш. фракции съезда. – I, 2 (С. 420–421); VII, 72 (С. 269–270); VIII, 53 (С. 88. Здесь: чл. РСДРП(б) с 1917); IX, 2.
- * СОЛОВЫХ Иосиф Михайлович – б-к. Делегат от Балтфлота. – I, 2.
- СОЛОНКО Павел Николаевич (1882–1976) – беспартийный. Юрист. Делегат от Режицкого Сов. р., с. и к. д. (Витеб. губ.); избран 22 окт. – I, 1; I, 2 (С. 724); IV, 41 (С. 215 и др.); VI, 83 (26 сент., 25 окт.); VI, 109 (27 мая. С. 4); VII, 25 (С. 510).
- СОЛЬКИН Андрей Федорович (1895–1941) – б-к с 1 апр. 1917. Род. в м. Пыркино Чертковский вол. Пензенской губ., в семье кр-на-бедняка. Ж.-д. уч-ще. Техник на ж.-д. Делегат от Ташкентского Сов. р. и с. д. (Сырдарьинской обл.). – I, 2 (здесь ошибочно: Салькин); IV, 96 (С. 201, 295, 306); IV, 97 (С. 613 и др.); IV, 100 (С. 455, 468); VI, 134 (17 сент., 10, 14 нояб.); VI, 151 (18 июня 1985); VII, 38 (С. 574); IX, 2.
- СОМОВ Михаил Федорович – б-к. Делегат от Слуцкого Сов. р. и с. д. (Минский губ.) – I, 1; I, 2; VII, 104 (С. 253. Здесь ошибочно: Сотов М.Ф.); VII, 110 (С. 40); VIII, 40 (С. 407).
- * СОРОКОТЯГА Василий Иванович – "нац. с-д." (так в источнике). Делегат от Киевского Сов. р. д. – I, 1.
- СОСЕД Григорий Тихонович – б-к. Литейщик. Делегат от Омского Сов. р. и с. д. (Акмоллин. обл.). – I, 1 (здесь интерн.); I, 2; IV, 88 (С. 89, 262); VI, 168 (9, 24, 28, нояб.); IX, 2.
- СОФИЕНКО Алексей Петрович – укр. с-д. Делегат от Харьк. Сов. р. и с. д. – I, 1 (здесь: нац. с-д.); V, 15 (С. 274); VI, 103 (8, 13 июля, 18 окт., 4 нояб.).
- * СОХАЦКИЙ Виктор (Викентий) Степанович – левый с-р. Делегат от Центрофлота (Черное море). – I, 1.
- СПИРИДОНОВА Мария Александровна (16.10.1884–11.9.1941, расстреляна в Медведском лесу близ г. Орла среди других 157 политических заключенных, содержавшихся в местной тюрьме; среди них – Х. Раковский, И.А. Майоров, В.Н. Яковлева и др.) – чл. партии левых эсеров. Из дворян. Род. в Тамбове, в семье мелкого фабриканта мебели. Исключена из 8-го класса гимназии (г. Козлов). Чл. Предпарламента, ВЦИК II соз. Чл. Презид. съезда, но на съезде не присутствовала: в эти дни совершала поездку по городам Юга России (Одесса, Александровск, Бердянск). – I, 1 (С. 3 и др.); III, 8 (Оп. 1. Ед. хр. 13, 14, 17); VI, 1 (28 окт. С. 4); VI, 102 (1990. № 11. С. 124); VI, 126 (29 мая 1990); VI, 158 (15 окт. С. 3); VI, 163 (9 нояб. С. 4); VII, 52 (Т. 12. Указ. имен); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 5 (Т. 24); VIII, 26 (Т. 8); VIII, 40 (С. 300–303 и др.); VIII, 48 (Т. 13); IX, 2.
- СПИРО Вильям Бернгардович (1884–1918, расстрелян) – левый с-р. Делегат от Рум. фронта. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1; III, 8 (Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 6); IV, 17 (С. 227, 315); IV, 23 (С. 233); IV, 49 (С. 64); VII, 8 (С. 571); VII, 52 (Т. 35. Указ. имен); VII, 110 (С. 26 и др.); VII, 129 (С. 109 и др.); IX, 2.
- СПУНДЭ Александр Петрович (7.5.1892–19.9.1962) – б-к с 1909. Род. в Вендене (Лифлянд. губ.) в семье рабочего-столяра. Торговая школа в Риге. Конторщик на ж.-д. Делегат от Алапаевского Сов. р. и с. д. (Перм. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 21 (С. 207, 208); IV, 45 (С. 51, 52, 553); IV, 111 (С. 36); VI, 102 (1989. № 6. С. 183); VI, 204 (15 окт., 9 нояб., 1 дек.); VII, 16 (С. 286, 288–290, 325); VII, 20 (С. 395–396); VIII, 5 (Т. 24. кн. 1); VIII, 40 (С. 396); VIII, 43 (С. 600–609); IX, 2.
- СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) Иосиф Виссарионович (9.12.1879/6.12.1878 – 5.3.1953) – б-к с 1903 (в с-д с 1898). Сын сапожника. Тифлисская духовная семинария (исключен).

- Чл. ВЦИК I-II соз., Предпарламента. – VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 40 (С. 303–306 и др.); IX, 2.
- * СТАНКЕВИЧ – б-к. Делегат от Шуйского Сов. р. и с. д. (Владим. губ.); избран единогласно 13 окт. Но на съезде, видимо, не был; поехал избранный тогда же канд. в делегаты съезда Анисимов Е.П. (см.). – VI, 214 (17, 21, 24, 25, 27 окт.).
- СТАРКЕ Петр Я. – б-к. Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1; I, 2; VII, 102 (С. 469, здесь: Старкис П. – от Объед. Сов. латыш. стр. полков).
- СТАРОВЕРОВ Петр Павлович – левый с-р. Солдат. Делегат от Новониколаевского у. Сов. р. и с. д. (Том. губ.). – I, 1; IV, 112 (С. 268 и др.); V, 9 (С. 171); IX, 2.
- СТАРОЖИЛОВ Андрей Кузьмич – б-к. Делегат от Сергинско-Уфалейского Сов. р. д. (Перм. губ.). – I, 1, I, 2 (здесь: Старожилов).
- СТАРОСТИН Петр Иванович (1883–1918) – б-к с 1903. Неполное среднее образование. Рано порвал с родителями, ушел учеником на з-д. Токарь. Смазчик, кочегар на судне "Святой Николай". Чл. ВЦИК I-II соз. Делегат от Одесского Сов. р. д. (Херсон. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 17 (С. 226, 338); IV, 37 (С. 69 и др.); IV, 51 (С. 768, 782); IV, 90 (С. 423); V, 9 (С. 40); VI, 77 (25 мая, 6 июля); VII, 105 (С. 86); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 40 (С. 376); IX, 2.
- СТАСЕВИЧ Ефим Александрович — б-к. Делегат от XII армии Сев. фронта. – II, 3; VII, 110 (С. 40).
- СТАШКОВ Роман Илларионович – левый с-р. Делегат из г. Белый Смоленской губ. – I, 1 (здесь ошибочно: Сталиков Роман; отчество и партийность не указаны); I, 2 (здесь: чл. больш. фракции съезда); VIII, 40 (С. 392, 399, 400).
- СТЕКЛОВ (НАХАМКИС, НЕВЗОРОВ Ю.) Юрий Михайлович (15.8.1873–15.9.1941) – б-к с 1917 (в с-д с 1893, в рев. движ. с 1888). Род. в Одессе, в мелкобуржуазной семье. Киевский ун-т (исключен), Петерб. ун-т. Литератор, публицист, журналист, историк. Чл. Презид. Испол. к-та Петрогр. Сов., ВЦИК I-II соз. – II, 1; VII, 110 (С. 26 и др.); VII, 122; VIII, 5 (Т. 24, кн. 1); VIII, 23; VIII, 26 (Т. 8); VIII, 40 (С. 377 и др.); IX, 2.
- СТЕПАНЕНКО Вячеслав Артемьевич – делегат от I армии Сев. фронта. – I, 1 (здесь: от Действующей армии); III, 1 (Л. 2). Известны также: Степаненко В.А. – полковой комиссар, в ноябре 1942 зам. командира 4-го кав. корпуса по политчасти 51-й армии Сталингр. фронта; Степаненко В.А. – полковник – зам. командира 7-го гв. кав. корпуса 1-го Белорусского фронта (1944). – IX, 2.
- СТЕПАНОВ Андрей Степанович – с-р. Делегат от Ревельского Сов. р. и воен. д. Избран 17 окт. – I, 1 (здесь: б-к); IV, 42 (С. 491); VI, 82 (июль-дек.); VI, 175 (4 нояб. С. 3); VIII, 40 (С. 407). Здесь: б-к). Известен также Степанов Андрей Степанович – бригадный комиссар, воен. комиссар 25-й (Чапаевской) стр. дивизии (30.10.1941–18.2.1942). – IX, 2.
- СТЕПАНОВ Василий Яковлевич (3.6.1893–12.1.1920, ум. от тифа) – б-к с 1910. Из кр-н Тверской губ. Гравер на текстильных ф-ках. Делегат из г. Иваново-Вознесенска (Владим. губ.) – II, 4; VI, 214 (26 сент. С. 3); VIII, 44 (С. 251–253). Известен также Степанов Василий Яковлевич – военком 14-й стр. дивизии им. А.К. Степина (28.11–24.12.1919). – IX, 2.
- СТЕПАНОВ Николай Александрович – левый с-р. Делегат от Нижегородского губ. съезда Сов. р. и с. д. – I, 1; VI, 88 (6 авг., 14 сент., 8 окт.); VI, 139 (6 авг., 4 нояб.). Известен также Степанов Николай Александрович – чл. КПСС с 1917, персональный пенсионер. Ум. в авг. 1963. – VI, 15 (27 авг. 1963).
- СТОЛОВСКИЙ Лев Владимирович – б-к. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1; I, 2; IV, 53 (С. 166).
- СТРОЕВ (ДЕСНИЦКИЙ) Василий Алексеевич (18.1.1878–22.9.1958) – объедин. с-д интерн. (в с-д с 1897). Нижегородская духовная семинария. Юрьевский ун-т. Литературовед. Чл. ВЦИК II соз. – III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 3); VI, 123 (13 нояб. 1948, 25 сент. 1958); VII, 52 (Т. 13, 15. Указ. имен); VII, 53 (Т. 7. Указ. имен); VII, 110 (С. 27 и др.); VIII, 5 (Т. 8); VIII, 23 (Т. 2); VIII, 28; VIII, 31; VIII, 40 (С. 381); IX, 2.
- СТРУНИН Георгий Максимович – левый с-р. Чл. ВЦИК I-II соз. – II, 1 (восп. Бухарцева П.В.); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 40 (С. 376).
- СТУЛОВ Алексей Яковлевич (1882–?) – б-к. Род. в с. Дединово Рязанской губ., в семье хлебопаша. 1-й курс юрид. ф-та ун-та Шанявского (Москва). Слесарь. Делегат от

- Несвижского Сов. р. и с. д. (Новогрудского у. Минской губ.) – I, 1; I, 2 (здесь имя: Александр); IV, 71 (С. 112, здесь: без иниц.); VII, 104 (С. 254. Здесь: П.Я. Стулово); VIII, 38; VIII, 39.
- СТУЧКА** Петр Иванович (14.7.1865–25.1.1932) – б-к (в с-д с 1895, в рев. движ. с 1893). Из зажиточных кр-н Кокнесской вол. Рижского у. Юрид. ф-т Петерб. ун-та. Присяжный поверенный, журналист. Чл. ВЦИК I–II соз., Предпарламента. Делегат от Лифляндского губ. Сов. р., с. и беззем. деп. Чл. Презид. съезда. Выступал на съезде. – I, 1; I, 2; II, 1; IV, 45 (С. 35); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 5 (Т. 25); VIII, 26 (Т. 8); VIII, 40 (С. 376 и др.); IX, 2.
- СУВОРОВ** Дмитрий Васильевич – левый с-р. Делегат из г. Кадникова (Вологод. губ.). – I, 1; I, 3; VIII, 40 (С. 400).
- СУЛИМОВ** Василий Павлович (1877–1948) – б-к (в с-д с 1901). Из семьи рабочего. [Низшее образование]. Токарь. Делегат от Златоустовского у. Сов. р. и с. д. (Уфим. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 102 (С. 207, 459); IV, 127 (С. 638); VII, 134 (С. 386); IX, 2.
- СУЛИМОВ** Даниил Егорович (22.12.1890–27.11.1937) – б-к с 1905. Из семьи рабочего Миньярского металлургического з-да. Церковно-приходская школа. Рабочий Миньярского з-да, потом – конторщик. Солдат. делегат от Миньярского Сов. р. д. (Уфим. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 79 (С. 39, 279); IV, 127 (С. 637); VI, 22 (2, 5 сент., 7 окт., 5 дек.); VI, 102 (1989. № 12. С. 97); VII, 103 (С. 408, 475); VIII, 5 (Т. 25); VIII, 26 (Т. 8); IX, 2.
- СУТЫРИН** Павел Сергеевич – левый с-р. Машинный унтер-офицер 2-й статьи эсминца "Изяслав". В сент.-окт. 1917 - пред. Центробалта. Делегат от Балтфлота. – I, 1; IV, 3 (С. 398. Здесь Сутырин П.С. – матрос); IV, 104 (С. 475 и др.).
- СУХАНОВ** (Гиммер) Николай Николаевич (10.12.1882–29.6.1940) – м-к-интерн. (с 1903 – с-р; с 1917 – м-к). Род. в Мокве, в семье мелкого ж.-д. служащего; мать – акушерка. Высшая школа обществ. наук (Париж); экон. ф-т Моск. ун-та. Экономист-аграрник, публицист, журналист. Чл. ВЦИК I соз. Делегат съезда. – III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 2, 3); VII, 110 (С. 207, 208); VII, 124; VIII, 5 (Т. 25); VIII, 26 (Т. 8); VIII, 40 (С. 311–312 и др.); VIII, 48 (Т. 13).
- СУХАРЕВ** Алексей Иванович – м-к-оборонец. Делегат от Сов. с. и офицерских деп. Рум. фронта. – I, 1; IV, 87 (С. 427. Здесь: Сухарев, без иниц., чл. переизбранного в нач. дек. 1917 ВРК Рум. фронта).
- СУХАРЦЕВ** Иван Алексеевич (1881–1931) – левый с-р (в ПСР с 1905). Род. в Моршанске Тамбовской губ., в семье кузнеца. Низшее образование. Кузнец. Делегат от Бакинского Сов. р. и с. д. – I, 1; VII, 130 (С. 249); VIII, 38; VIII, 39; IX, 2. Известен также Сухарцев Иван Александрович, с-р, чл. Предпарламента. – VIII, 40 (С. 389).
- СУХАРЬКОВ** Георгий Николаевич – левый с-р. Чл. Предпарламента, Петрогр. ВРК. Делегат от Петрогр. Сов. к. д. – I, 1 (здесь: Григорий; партийность не указана); I, 2 (С. 724); I, 3; VII, 110 (С. 41); VIII, 40 (С. 385 и др.).
- * **СУЧКОВ** П. – делегат из Петрограда. – I, 1. Известны: Сучков – чл. Сов. р. и с. д. Петергофского р-на и Междурайонного совещания Сов. Петрограда. – IV, 49 (С. 151, 161, 171); Сучков – уполномоченный Наркомата по воен. делам; командовал сводными отрядами советских войск и рабочих дружин, участвовавших в ликвидации мятежа левых эсеров 6–7 июля 1918. – VII, 129 (С. 504).
- СЫЗРАНЦЕВ** Иван Иванович – б-к. Делегат от Чистяковского Сов. р. и с. д. (Дон. обл.) – I, 1; I, 2; IV, 15 (С. 300); IV, 47 (С. 293); VI, 103 (1 дек. С. 4); VI, 136 (21 окт. С. 4, здесь Сызранцев упомянут как с-р).
- ТАГУНОВ** Никифор Николаевич – б-к с 1916. Рабочий. Делегат от Гусевского фаб.-заводского Сов. р. д. (Владим. губ.). – I, 1; I, 2 (здесь ошибочно: Тапунов); V, 19 (С. 70, 71, 118. Здесь Тагунов – представитель Муром; чл. Муромского Сов. на 30 окт.); VI, 27 (10 сент. С. 4); VII 134 (С. 369); IX, 2.
- ТАРАКАНОВ** Василий Алексеевич (1893–1940) – б-к с июня 1917. Делегат от Мелекесского и Бугульминского Сов. р. и с. д. (Самар. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 109 (С. 179); VII, 88 (С. 630); IX, 2.
- ТАРАСОВ** Тимофей Михайлович – "партия трудового крестьянства" (так в I, 1). Делегат из Челябинска (Оренбург. губ.). – I, 1; VIII, 40 (С. 409, здесь: левый с-р); IX, 2.

- ТАРАСОВА Екатерина Павловна (1894–1962) – чл. РСДРП(б) с 1914 (в рев. движ. с 1911). Из семьи рабочего. [Работница]. Чл. завкома на з-де "Промет" (Петроград). Присутствовала на 2-м зас. съезда. – I, 2 (С. 462–463); IX, 2 (справка. Здесь: Тарасова Е.П. – чл. партии с 1917).
- ТАРНОПОЛЬСКИЙ Александр Евграфович – объедин. с-д-интерн. Делегат от Тираспольского Сов. р. и с. д. (Херсон. губ.). – I, 1; VI, 93 (2 июля, 21 авг.); VII, 105 (С. 177).
- ТАРТАКОВСКИЙ Лазарь Моисеевич (1886–?) – м-к (в 1903–1917; в 1917–1919 – с-д-интерн.; с 1919 – б-к). Делегат от Черкасского у. Сов. р. и с. д. (Киев. губ.). – I, 1; VI, 137 (12 июля, 4, 29 авг., 1 сент.); VII, 52 (Т. 43. Указ. имен).
- * ТАТОЧЕНКО (ТОТОЧЕНКО) Кирилл Илларионович – левый с-р. Делегат от 105-й дивизии XI армии Юго-Зап. фронта. – I, 1.
- ТВЕРДОХЛЕБОВ Василий Александрович – б-к. Делегат от Центрофлота (Черное море). – I, 1; I, 2. Известен Твердохлебов (без иниц.) – секретарь зас. съезда делегатов частей фронта и тыла, созданного Всерос. бюро фронтовых и тыловых воен. организаций при ЦК РСДРП(б) (8 ноября 1917) – IV, 49 (С. 79).
- * ТЕМКИН Моисей Самойлович – объедин. с-д-интерн. Делегат от Друйского Сов. р. и с. д. Виленской губ. – I, 1.
- * ТЕМКО Вольф Прейдалевич – правый с-р. Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1. Известен Темко (без иниц.) – зав. экспедицией Искосола XII армии. Объявил о возобновлении с 21 окт. выпуска арм. газ. "Рижский фронт". – VI, 82 (24 окт. С. 3).
- ТЕОДОРОВИЧ Иван Адольфович (29.8.1875–20.9.1937) – б-к с 1903 (в с-д с 1895). Род. в Смоленске, в семье землемера, дворянина-поляка. Естеств.-ист. отд. Моск. ун-та. Чл. ВЦИК I соз. Делегат от Красноярского Сов. р. и с. д. (Енисейской губ.). – I, 2 (С. 470–471); IV, 74 (С. 227); VI, 117 (12, 14, 22 марта, 11 апр.); VIII, 5 (Т. 25); VIII, 26 (Т. 8); VIII, 30; VIII, 40 (С. 376, 389, 412); IX, 2.
- ТЕПЛОВ Николай Павлович (28.2.1887–1.6.1942; арестован и осужден в 1937) – б-к с 1904. Из семьи слесаря Патронного з-да (Тула). 3 класса начальной школы. Слесарь. Делегат от Самар. губ. Сов. р. и с. д. – I, 1; I, 2; IV, 95 (С. 72 и др.); IV, 109 (С. 162 и др.); VI, 154 (апр.-дек); VII, 12 (С. 294–309); VIII, 5 (Т. 25); IX, 2.
- ТЕР-ВАГАНЯН Вагаршак Арутюнович (1893–25.8.1936) – б-к с 1912. Род. в с. Карачеван (Армения), в семье кр-на. Солдат. делегат от II армии Зап. фронта. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1 (здесь: Тер-Ваганьян, и ошибочно: от XI армии); I, 2 (здесь: Тер-Ваганьян); III, (здесь: Тер-Ванданьян); VI, 15 (9 апр. 1992, письмо бывш. жены Тер-Ваганяна – К. Генераловой); VI, 72 (18 июня. С. 4); VI, 102 (1991. № 6. С. 72–73); VII, 52 (Т. 45. Указ. имен); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 40 (С. 408, 409); IX, 2.
- ТЕР-ПОГОСЯН Михаил Матвеевич – с-р. Чл. Предпарламента. Делегат от Кавк. армии. – I, 1; (здесь: Тер-Богосян); VI, 18 (13 окт. С. 2. Здесь: Тер-Погасян); VIII, 40 (С. 389).
- * ТЕРРАВСКИЙ – делегат от Действующей армии. – I, 1.
- * ТЕРЬНОВ – б-к. – I, 1. Здесь же, на с. 107, упомянут некто Теранов.
- ТИТАРЕНКО Малафия Степанович – б-к. Делегат от Киевского окр. Сов. с. д. – I, 1; I, 2; V, 15 (С. 359).
- * ТИТОВ – с-р. Делегат от Петрогр. Сов. р. и с. д. – VI, 101 (19 окт. С. 5). Известны также Титовы (без иниц.): 1) с-р, Патронный з-д (Петроград) – III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 5); 2) чл. Нарвского районного Сов. – IV, 106 (С. 379); 3) чл. Центробалта 5-го соз. – IV, 104 (С. 476).
- ТИХОМИРОВ Василий Петрович – б-к. Делегат от Кинешемского Сов. р. и с. д. (Костром. губ.). – I, 1; I, 2.
- ТИХОМИРОВ Григорий [Георгиевич] – левый с-р. Минно-машинный унтер-офицер 2-й статьи учебно-минного отряда. Делегат от Балтфлота. – I, 1; IV, 104 (С. 476); VII, 110 (С. 41); VIII, 40 (С. 408).
- ТИХОНРАВОВ Николай Александрович (1894–?) – б-к. с 1912. Студент агрономического отделения ун-та. Прапорщик. Делегат от Самарского Сов. р. и с. д. – I, 1; I, 2; IV, 95; (С. 127, 181); IV, 109 (С. 304, 453); VI, 154 (5 окт., 16 дек.); VI, 191 (14 дек. С. 3); VII, 76 (С. 266); VII, 88 (С. 630–631).
- * ТИШУКОВ Николай Васильевич – м-к-интерн. Делегат от Козловского Сов. р. и с. д. (Тамбов. губ.). – I, 1.

- ТИЩЕНКО Семен Григорьевич** (1887–1957) – б-к с 1907. Род. в с. Ольховатка Острогожского у. Воронежской губ., в семье бедного кр-на. Приказчик в магазине, в г. Острогожске. Делегат от Острогожского у. Сов. р. и с. д. – I, 1; I, 2; IV, 22 (С. 137, 463); VI, 132 (29 окт. С. 4); VII, 37 (С. 138–139); IX, 2.
- ТКАЧ Иван Степанович** (? – лето 1918, повешен деникинцами) – б-к. Значится как делегат из г. Ейска Кубанской обл. – I, 1 (партийность не указана). В действительности, ему и другому ходоку из Ейска, А.А. Кузьминскому (см.) был выдан разовый пропуск в Петрогр. ВРК, спустя неделю после взятия Зимнего. Их доклад был заслушан на зас. ВРК 3 ноября, а через два дня опубликован в "Известиях ЦИК и Петрогр. Сов. р. и с. д.". Они были командированы от союза кр-н-хлеборобов, семей мобилизованных и от Ейской гор. управы, чтобы ходатайствовать о понижении цен на хлеб. – VII, 48 (С. 45–54).
- ТОКАРЕВ Алексей Степанович** – б-к. Солдат. Делегат от Владимирского Сов. р. и с. д. – I, 1; I, 2; IV, 107 (С. 78 и др.); IV, 112 (С. 245); IX, 2. Известен также Токарев Иван Степанович (1889–1960) – б-к с 1914; в 1917 – пред. Владимирского Сов. с. д. – VI, 27 (7, 27 июля, 4, 12, 13, 17, 24, 29 авг., 28, 30 сент.); VII, 40 (С. 185, 189).
- ТОМАХ Леонид Афанасьевич** – б-к. Делегат от Хотинского у. Бессарабской губ. – I, 1; I, 2 (здесь ошибочно: Темах); II, 2 (С. 245); VII, 104 (С. 254. Здесь: Л.А. Томах ошибочно назван делегатом от Хотимского у. (?) Сов. р. и с. д. Хотимск – заштатный город Могилевской губ.); VII, 105 (С. 67, 75).
- *ТРЕЙЗОН А.** – Делегат из г. Двинска Витебской губ. – I, 1.
- ТРИФОНОВ Василий Васильевич** – левый с-р. Делегат от Македонского фронта. – I, 1; VI, 72 (30 нояб. С. 2–3); VI, 199 (22 окт. С. 3); VII, 110 (С. 28, 84).
- *ТРИШКИН** – делегат от Действующей армии. – I, 1. Известен также Тришкин – на 29 нояб. пред. дивиз. к-та 7-й стр. дивизии Рум. фронта. – IV, 87 (С. 222–223).
- *ТРОИЦКИЙ Александр Георгиевич** – делегат из Петрограда. – I, 1.
- ТРОИЦКИЙ Александр Яковлевич** – б-к. Прапорщик. Делегат от Вяземского Сов. р., с. и к. д. (Смолен. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 5 (С. 299); IX, 2.
- ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН) Лев Давидович** (26.10.1879–20.8.1940) – б-к с авг. 1917 (в рев. движ. с 1896–1897). Род. в д. Яновка Херсонской губ., в семье колониста-хлебопашца. Венский ун-т. Литератор. Чл. Предпарламента, ВЦИК I–II соз. Делегат от Петрогр. Сов. р. и с. д. Чл. Презид. съезда. Выступал на съезде. – I, 1 (С. 3 и др.); VI, 101 (19 окт. С. 5); VIII, 40 (С. 320–324 и др.); IX, 2.
- ТРОЯНСКИЙ Семен Федорович** – м-к-интерн. Делегат от Юзовского Сов. р. и с. д. (Екатеринослав. губ.); избран 17 окт. – I, 1; VI, 70 (12 дек. С. 3); VI, 104 (19 окт., 4 нояб., 23 дек.).
- ТРУБАЧЕВ Петр Данилович** (? – июнь 1919, погиб под Петроградом) – б-к. Солдат. Делегат от 5-го Сиб. арм. корпуса XI армии Юго-Зап. фронта. – I, 1; I, 2; II, 1 (согласно анкете, заполненной Я.Я. Безайсом, Трубачев и Илюшин А.К. (см.) не успели приехать на съезд); IV, 87 (С. 423); VI, 36 (27 окт., 19 нояб.); VIII, 36 (С. 580); VIII, 40 (С. 397 и др.).
- ТРУШКОВ Прокопий Поликарпович** – б-к. Делегат от Омского Сов. р. и с. д. (Акмол. обл.). – I, 1; VI, 168 (9 нояб. С. 3); VII, 108 (С. 302); IX, 2.
- ТРЮХ Михаил Яковлевич** (1879–1926) – б-к. Солдат. Делегат от Одесского Сов. с. д.; избран 11 окт. – I, 1 (здесь: объедин. с-д-интерн.); I, 2; IV, 37 (С. 74); IV, 51 (С. 797); IV, 107 (С. 234); IV, 112 (С. 106); VIII, 52.
- ТУГОЛУКОВ Владимир Иннокентьевич** – б-к с июня-июля 1917 (в рев. движ. с 1914–1915. В июне 1918 механически выбыл из партии, вновь вступил в нее в авг. 1920; вновь выбыл из нее механически в нояб. 1920; вступил в партию канд. в июле 1923). Студент Петерб. ун-та. [Офицер]. Делегат от Бисертского Сов. р. и с. д. (Красноуфим. у. Перм. губ.). – I, 1 (здесь: Тугулуков); I, 2 (здесь: от Екатеринбург. окр. съезда); II, 1; IV, 21 (С. 318); VI, 203 (28 окт., 18 нояб.); VI, 204 (13 сент., 13 окт., 8 дек.).
- *ТУМАНОВ Василий** – делегат от Действующей армии. – I, 1.
- *ТУРИН Б.А.** – делегат от Действующей армии. – I, 1.
- УГАРОВ Федор Яковлевич** (14.2.1885–22.4.1932) – б-к с 1905. Из кр-н Тверской губ. Церковно-приходская школа. Слесарь. Гость съезда. Присутствовал на съез-

- де. – I, 2 (С. 798); II, 1; VI, 102 (1989. № 9. С. 217); VIII, 5 (Т. 26); VIII, 26 (Т. 9); IX, 2.
- *УЖЕЛОВ Николай Александрович** – делегат из г. Глазова Вятской губ. – I, 1.
- УЛЬЯНОВ Ефим Евграфович** – левый с-р. Делегат из г. Покров Владимирской губ. – I, 1; VI, 201 (18 дек. С. 3); IX, 2.
- УЛЬЯНОВ Иван Иванович** (24.10.1884–13.4.1946; осужден в 1937) – б-к (в с-д с 1904; в 1917 – м-к-интерн., затем – б-к). Род. в с. Грачев Куст Саратовской губ., в семье кр-на. Реальное уч-ще (экстерном). Журналист. Солдат 216-го полка (г. Козлов). Делегат от Козловского Сов. р. и с.д. (Тамбов. губ.). Чл. ВЦИК II соз. – I, 1 (здесь партийность не указана); VII, 52 (Т. 50. Указ. имен); VII, 65 (С. 320, 498); VII, 110 (С. 13, 26); VIII, 5 (Т. 26); VIII, 40 (С. 408, 409); VIII, 48 (Т. 14); IX, 2.
- УМАНСКИЙ Лев Аронович** (1887–?) – беспартийный. Бухгалтер. Делегат от Роменского Сов. р. и с.д. (Полтав. губ.); избран 23 окт. – I, 1; VI, 130 (авг.-дек.).
- УПЫРЬ Василий Антонович** – б-к. Делегат от 3-й гв. дивизии VII армии Юго-Зап. фронта. – I, 1 (здесь: от 3-й пех. дивизии); I, 2 (С. 725); IV, 53 (С. 359, 635).
- УРИЦКИЙ Михаил Соломонович** (2.1.1873–30.8.1918, убит) – б-к с 1917 (в с-д с 1898, в рев. движ. с середины 1890-х). Род. в г. Черкассы Киев. губ., в семье купца. Юрид. ф-т Киевского ун-та. Комиссионер по продаже леса. Чл. Предпарламента, ВЦИК II соз. – IV, 3а (С. 314); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 5 (Т. 27); VIII, 26 (Т. 9); VIII, 40 (С. 326–328 и др.); VIII, 48 (Т. 14); IX, 2.
- УСТИНОВ Алексей Михайлович** (1879–26.9.1937, Таллин) – левый с-р (в ПСР с 1906, в рев. движ. с 1901; с 1920 – б-к). Из семьи богатого помещика-дворянина. Исключен из дворянского сословия с конфискацией имущества. Ист.-фил. ф-т Моск. у-та; агроном. отд. Цюрихского политехникума. Прапорщик запаса. Чл. Предпарламента, Петрогр. ВРК. – III, 7 (Оп. 1. Ед. хр. 3, 4, 37, 67, 78; Оп. 2. Ед. хр. 6, 23); IV, 3 (С. 399); VI, 47 (27 окт.); VI, 150 (27 сент. 1937); VI, 154 (23 июля. С. 2); VII, 41 (С. 38); VII, 52 (Т. 30. Указ. имен); VIII, 40 (С. 328–329 и др.).
- *ФАДДЕЕВ Василий Иванович** – беспартийный. Делегат от Сев. фронта. – I, 1. Известен также Фаддеев (без иниц.). – левый с-р, чл. мандатной к-сии IV обл. съезда армии, флота и рабочих Финляндии (открылся 25 нояб. 1917). – IV, 87 (С. 181).
- ФАДДЕЕВ Федор Сергеевич** – б-к. Делегат от Богородского Сов. р. и с.д. (Моск. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 112 (С. 345); VI, 30 (25 мая. С. 4); VI, 72 (13 окт. С. 4); VI, 164 (16 авг., 4 сент.).
- *ФЕДОТОВ** – делегат от Действующей армии. – I, 1. Известны также Федотовы (без иниц.): 1) участник конф. б-ков IX армии Рум. фронта – IV, 87 (С. 170); 2) чл. арм. испол. к-та V армии Сев. фронта, на 31 авг. 1917, – IV, 108 (С. 376); 3) исп. должность секретаря полкового к-та 157-го пех. Имеретинского полка, на 30 сент. 1917, – IV, 108 (С. 441).
- ФЕДОТОВ Константин Яковлевич** (1886–1944) – партийность не указана (чл. РКП(б) с 1919). Род. в с. Заплавное Саратовской губ., в семье портного. Учитель. Прапорщик. Делегат [от Царицынского гарниз.]. – IV, 8 (С. 228); VI, 17 (1974. № 11. С. 112); IX, 2.
- ФЕНИГШТЕЙН (ДОЛЕЦКИЙ) Якуб Германович** (1888–1937) – б-к с 1904 (чл. СДКП и Л.). Журналист, инженер. В 1917 – чл. Саратовского Сов. р.д., ПК РСДРП(б), ВЦИК II соз. – I, 2 (С. 707); IV, 110 (С. 780); VI, 102 (1991, № 1. С. 125); VI, 195 (10, 22, 29 июня, 18 июля); VII, 52 (Т. 35. Указ. имен); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 40 (С. 408).
- ФИАЛЕК Ипполит Михайлович** – б-к. Рабочий-металлист. Делегат от Киев. Сов. р.д.; избран 19 окт. – I, 1; I, 2; IV, 10 (С. 432, 448); IV, 20 (С. 189); V, 15 (С. 5 и др.); VII, 102 (С. 267, 275).
- *ФИЛАТОВ Герасим Семенович** – с-р центра. Делегат от V армии Сев. фронта. – I, 1.
- ФИЛИППОВ Фаддей Филиппович** – левый с-р. Делегат от Нижегородского губ. съезда Сов. р. и с.д. – I, 1; IV, 98 (С. 348 и др.); VI, 88 (18 мая, 6, 24 авг., 1, 8, 22 окт.); VI, 116 (6 дек. С. 3); VI, 139 (6 авг., 15 окт., 4, 7, 15 нояб.).
- ФИЛИППОВСКИЙ Василий Николаевич** (1889–1940-е, ум. на Колыме) – с-р с 1903. Ст. лейтенант флота. Чл. ВЦИК I соз., Предпарламента, первоначального Презид. съезда. – I, 1; IV, 3 (С. 399); IV, 54; VI, 193 (16 дек. С. 7); VII, 139 (С. 207, 269); VIII, 40 (С. 383 и др.).

- ФЛАКСЕРМАН Юрий Николаевич** (31.1.1895 – не ранее 1987) – 6-к с 1 марта 1917. Род. в Ярославле, в семье часовщика. Студент физ.-мат. ф-та Моск. ун-та. Прапорщик. Делегат от Ямбургского Сов. р., с. и к.д. (Петрогр. губ.); избран не позднее 19 окт. – I, 1; I, 1, 2 (С. 529–531); IV, 11 (С. 109); IV, 47 (С. 174. Здесь: делегат от Гатчинского, Стрельнинского, Ямбургского и Гдовского Сов.); VI, 139 (1 июня. С. 2); VII, 64 (С. 656); VII, 101 (С. 264); VII, 131; VIII, 30.
- ФЛЕРОВСКИЙ Иван Петрович** (19.1.1888–10.11.1959) – 6-к с июня 1905. Род. в с. Катунки Нижегородской губ., в семье рабочего. Учительская семинария. Учитель в Сормове. Журналист. Чл. ВЦИК I–II соз. Делегат от Кроншт. Сов. р. и с.д.; избран 17 окт. – I, 1; I, 2 (С. 532–533, 757); V, 1 (С. 392, 675, 693); VI, 68 (7, 29 окт.); VI, 150 (13 нояб. 1959); VII, 20 (С. 378–379); VII, 110 (С. 26, 242); VII, 128 (С. 439); VIII, 5 (Т. 27); VIII, 40 (С. 377); VIII, 48 (Т. 15).
- ФОМИН Василий Васильевич** (2.4.1884–1.9.1938) – 6-к с 1910 (в рев. движ. с 1905). Род. в Москве, в семье рабочего-портного. Низшее образование. Работал приказчиком. Солдат. Делегат от фронтового к-та Зап. фронта. Чл. ВЦИК II соз. – I, 2; IV, 40; VI, 102 (1990. № 6. С. 188); VI, 133 (18, 24 нояб.); VI, 211 (15, 19, 22, 25 окт.); VII, 104 (С. 76 и др.); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 5 (Т. 27); VIII, 40 (С. 408, 413); IX, 2.
- ФРОЛОВ Андрей Игнатьевич** (11.10.1892–12.7.1918, убит в Кызыл-Арвате) – 6-к с апр. 1917. Из кр-н д. Низовки (ныне – Поречский р-н Чувашии). Начальная школа, самообразование. Пом. приказчика, приказчик. Солдат, писарь 731-й Саратовской дружины в Самарканде. Делегат от Самарканд. обл. конф. Сов.; избран 13–14 окт. – I, 1; I, 2; IV, 96 (с. 127 и др.); IV, 97 (С. 92 и др.); IV, 100 (С. 456 и др.); VII, 80 (С. 69–75); VII, 5 (Т. 28); VIII, 48 (Т. 15); IX, 2.
- ФРОЛОВ Михаил Николаевич** – 6-к. Рабочий. Делегат от Сызранского у. Сов. р., с. и к.д. (Симб. губ.); избран до 22 окт. – I, 1 (здесь: Викентьевич); I, 2; IV, 31 (С. 91); VI, 91 (2, 7, 11, 14 нояб., 2, 6, дек.); VI, 170 (25 авг. С. 4); VI, 192 (13, 15, 24 июня, 25 июля; 3, 22, 26, 31 авг.); VI, 200 (25 мая. С. 4).
- ФРУМКИН Иосиф Евсеевич** (1890–?) – м-к-интерн. Студент Горного ин-та. Делегат от Белгородского Сов. р. и с.д. (Курской губ.). – I, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 3, 7, 10); IV, 25 (С. 65, 338); VI, 54 (10 окт.).
- ХАБОРСКИЙ Валерий Сергеевич** – беспартийный. Делегат от I армии Сев. фронта. – I, 1; III, 1.
- *ХАМКО-ХОМЕНКО Борис Филиппович** – 6-к. Делегат от X армии Зап. фронта. – I, 1.
- ХАМОВ Фрол Аримович** – 6-к. Делегат от Лозово-Павловского Сов. р. и к.д. (Екатеринослав. губ.); избран 12 окт. – I, 1; VI, 70 (18 окт. С. 3).
- ХАРАШ Яков Александрович** – м-к-оборонец. Делегат от XII армии Сев. фронта. Вольноопределяющийся 132-го Бендерского полка; мл. унтер-офицер. Чл. ВЦИК I соз. Выступал на съезде. – I, 1; IV, 45 (С. 503, 629); IV, 108 (С. 327); VI, 51 (1 нояб.); VI, 90 (17 мая, 13, 15, 17, 19 окт.); VI, 167 (15 авг.); VI, 172 (6, 14, 19, 30 июля, 2, 6, 8, 10 авг., 21, 22 окт.); VIII, 40 (С. 390).
- *ХАРИТОНОВ** – делегат от Действующей армии. – I, 1. Известны также Харитоновы: 1) с-д-интерн., выступал на III съезде V армии (16–18 окт.) – VI, 51 (25 окт.); 2) чл. Петрогр. районного Сов. – IV, 106 (С. 381); 3) в авг. 1917 – комиссар Гельсингф. рев. к-та при штабе 1-го кав. корпуса – IV, 3 (С. 339).
- ХАСКИН Владимир Исаакович** – левый с-р. Делегат от Царицынского Сов. р., с. и к.д. (Сарат. губ.); избран 8 окт. Чл. ВЦИК II соз. – I, 1; I, 2 (С. 726); IV, 116 (С. 172); VII, 110 (С. 26, 33, 84); VIII, 40 (С. 408).
- ХАСЛАВСКИЙ Авраам Лейбович** – "нац. с-д" (так в I, 1). Делегат от XII армии Сев. фронта. – I, 1; VI, 10 (7 окт. С. 2).
- ХАХАНЬЯН Григорий Давидович** (29.12.1895–22.2.1939) – 6-к с 1917. Род. в с. Руиси Горийского у. Тифлисский губ., в семье учителя. Филол. ф-т Моск. ун-та (поступил в 1915). Прапорщик. Делегат от Городокского у. Сов. р., с. и к.д. (Витеб. губ.); избран 16 окт. – IV, 40 (С. 817); VI, 17 (1966. № 2. С. 11–12; 1975. № 9. С. 114); VI, 110 (28 дек. 1975; 29 дек. 1985; 2 авг. 1988); VII, 104 (С. 254); VIII, 5 (Т. 28); VIII, 48 (Т. 15); IX, 2.
- ХИНЧУК Лев Михайлович** (16.11.1868–14.3.1944, репрес.) – м-к-оборонец (м-к с 1903, в с-д с 1890; в РКП(б) с 1920). Сын владельца портняжной мастерской. Философ.

- ф-та Бернского ун-та. Статистик, кооператор. Чл. ВЦИК I соз. Делегат от Моск. Сов. р.д. Выступал на съезде. – I, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 1, 2, 3, 7, 10); IV, 48 (С. 239, 244); VI, 72 (25 июля, 20 сент., 6 окт., 15, 28 нояб.); VI, 102 (1991. № 5. С. 192); VII, 74 (С. 40, 144); VII, 75 (С. 86 и др.); VIII, 48 (Т. 15).
- *ХЛЫНИН Сергей Яковлевич – делегат из г. Одоева Тульской губ. – I, 1.
- ХЛЫСТОВ Николай Данилович – б-к. Делегат от Горловского Сов. р. и с.д. (Екатеринослав. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 9 (С. 663); IV, 15 (С. 165, 310–316).
- ХОВРИН Николай Александрович (7.10.1891–10.1.1972) – б-к с 1915. Род. в Петербурге, в семье рабочего-судостроителя. Низшее образование. Рабочий. Матрос 1-й статьи линкора "Республика". Делегат от Балтфлота. – I, 1; I, 2 (С. 545–547, 757. Здесь год рожд. – 1892); IV, 3 (С. 343, Здесь год рожд. – 1893); IV, 104 (С. 477); VIII, 2; VIII, 5 (Т. 28); VIII, 48 (Т. 15); VIII, 53 (С. 99. Здесь: чл. КПСС с 1917); IX, 2.
- ХОДЧЕНКОВ Василий Моисеевич – б-к. Делегат от Ярцевского Сов. р., с. и к.д. (Смолен. губ.). – I, 1 (здесь также: Хетченков); I, 2.
- *ХОДЫРЕВ Николай Григорьевич – делегат от Ижевского Сов. р., с. и к.д. (Вят. губ.). – I, 1.
- ХОРОХОНОВ Дмитрий Степанович – б-к. Делегат из г. Вязники Владимирской губ. – I, 1; IX, 2. Выдвижение б-ка Хорохонова Д.С. от Вязниковского Сов. р. и с.д. и его пребывание на съезде сомнительны: 21 нояб. м-к Полетаев, выступая на Владимирской губ. съезде Сов., заявил, что Вязниковский Сов. не признает СНК – VI, 163 (23 нояб. С. 4).
- ХРАМЦОВ Петр Иванович – правый с-р. Ефрейтор 697-й пешей Вятской дружины. Делегат от Вятского Сов. р. и с.д. – I, 1 (здесь: Храмцев Петр Иванович); IV, 119 (С. 96); VI, 23 (13 сент. С. 4). Известен также Храмцов И.И. (9.10.1882–?) – инженер-технолог, главный инженер Бумстроя и строительства Балахнинского бумажного комбината, род. в д. Храмцовская Котельничского у. Вят. губ. – VIII, 31.
- ХРИСТОЛЮБОВ Дмитрий Родионович – левый с-р. Мл. унтер-офицер. Делегат из Яранского у. Вятской губ. – I, 1; I, 3; IX, 2.
- ХРУЛЕВ Николай Гаврилович – объедин. с-д интерн. Токарь. Канд. в чл. Предпарламента. Делегат от Всерос. ж.-д. союз (Сев. ж.-д.). – I, 1; VIII, 40 (С. 389); IX, 2.
- *ХРЯЩЕВ Ефим Петрович – б-к. Делегат из Осташкова Тверской губ. – I, 1. Известен также Хрящев Ефим Петрович – б-к, в 1917 – чл. Гор. районного Сов. в Петрограде – IV, 106 (С. 382).
- ЦАПЛИН Матвей Константинович (1886 – 27 сент. 1918, расстрелян в барнаульской тюрьме) – б-к с 1905. Из семьи кр-на с. Сергеевка Шуйского у. Владим. губ. Рабочий. Делегат от Барнаульского Сов. р. и с.д. (Алтайской губ.); избран 4 окт. – I, 1; I, 2; II, 2 (С. 236–237); IV, 34 (С. 39–44 и др.); V, 9 (С. 91 и др.); VI, 34 (3, 10, 21, 22, 24, 29 сент., 7, 21 окт., 7, 9 нояб., 13 дек.); VI, 87 (конец окт.); VI, 129 (28 июня, С. 3, 4); VI, 182 (24 окт. С. 4); VII, 136 (С. 194); VIII, 5 (Т. 28); IX, 2.
- ЦАРЕВ Николай Матвеевич – делегат от Действующей армии. – I, 1; I, 2 (здесь: Царев (без иниц.), делегат от гарниз. Николайстада [Вазаской губ., Финляндия]). Известны также: Царев (без иниц.) – б-к, солдат, делегат II–III съездов III армии Зап. фронта (нояб.-дек.) – IV, 41; IV, 87 (С. 356 и др.); VI, 32 (4, 8, 11, 12, 14, 15, 17 нояб.); Царев Николай – м-к, деревообделочник, слушатель агит. курсов ЦК РСДРП (объед.) по выборам в Учред. собр.; рекомендован с-д фракцией Испол. к-та Сов. с.д. XII армии Сев. фронта – III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 31).
- ЦАРУК Иван Осипович – с-р. Солдат. Делегат от Твер. Сов. с.д. – I, 1; VI, 144 (25 июля, 16 сент.); VI, 157 (18, 24 нояб.); VII, 135 (С. 317, здесь: левый с-р).
- ЦВИЛЛИНГ Самуил Моисеевич (13.1.1891–2/4.4.1918, убит белоказаками у станицы Изобильная) – б-к с 1905. Род. в Тобольске. Отец – парикмахер, мать – красильщица. Школу не закончил. Ред. газ. "Степь" в Троицке, работал в ред. газ. "Уральская жизнь" (Екатеринбург). Солдат Челябин. гарниз. Делегат от Челябин. Сов. р. и с.д. (Оренбург. губ.). – I, 1; I, 2; IV, 7 (С. 384); IV, 48 (С. 131 и др.); IV, 107 (С. 187, 455); VI, 3 (1, 29 июля); VI, 22 (7 окт. С. 3); VI, 154 (3 окт. С. 3); VI, 204 (18, 29 окт.); VII, 97; VII, 102 (С. 250, 377, 378); VII, 103 (С. 239 и др.); VII, 112 (С. 24–37); VII, 118 (С. 253); VIII, 5 (Т. 28); VIII, 40 (С. 397); VIII, 48 (Т. 15); IX, 2. Известен

также Цвиллинг Г.М. (1881–1941) – б-к, журналист, секретарь Испол. к-та Ташкент. Сов.; в сент. 1917 – ред. "Нашей газеты" (Ташкент) – IV, 97 (С. 618 и др.); IV, 100 (С. 194); IX, 2.

*ЦЕЙЛОН Александр – делегат от Действующей армии. – I, 1.

ЦЫМБАЛОВ Александр Павлович – чл. больш. фракции съезда от 2-й Кавк. дивизии. – I, 1 (здесь: беспартийный, от кав. дивизии); I, 2.

ЦЫПЫЛОВ Иван Васильевич (1893–1964) – б-к с 1917. Из семьи кр-на-бедняка с. Душелан Читинского у. Забайкальской обл. Низшее образование. Работал на шахте, предприятиях золотодобывающей промышленности. В 1912–1915 – на флоте. Дважды судим. Делегат от ЦК флота Сев. Ледовитого океана. На съезде не был из-за болезни. – VI, 53 (14 окт. Здесь ошибочно: Цепилов); VIII, 7 (С. 281–282); IX, 2.

*ЧЕРВИНСКИЙ Антон – делегат от Действующей армии. – I, 1.

ЧЕРВЯКОВ – чл. больш. фракции съезда с совещ. голосом от X армии Зап. фронта. – I, 1 (здесь: Червянов Александр, от Действующей армии; партийность не указана); I, 2. Известны также: Червяков – комиссар Петрогр. ВРК с 30 окт. 1917 – I, 2 (С. 726); Червяков Александр Григорьевич (8.3.1892–16.6.1937) – б-к с июня 1917. Сын мелкого служащего из кр-н. Гор. уч-ще. Учитель начальной школы. С февр. 1918 – комиссар по белорусским делам при СНК РСФСР – VI, 102 (1991. № 1. 126); VIII, 5 (Т. 29); VIII, 26 (Т. 9); IX, 2.

ЧЕРЕПОВ Александр Иванович – левый с-р. Делегат от 42-го отдельного арм. корпуса Сев. фронта (Финляндия). – I, 1; VI, 209 (15 окт. С. 4).

ЧЕРНЯЕВ Александр Федорович – с-р центра. Солдат. Делегат от III армии Зап. фронта. – I, 1; VI, 32 (30 мая, 5 сент., 6 окт.).

*ЧЕРНЯКОВ – делегат от Действующей армии. – I, 1. Ср.: Червяков.

ЧЕСАЛИН Иван Петрович – б-к. Канд. в чл. ВЦИК I соз. Делегат от Сергинско-Уфалейского Сов. р.д. (Перм. губ.). – I, 1; I, 2; VIII, 40 (С. 376).

ЧИГРИН Николай Андреевич – б-к. Делегат от Николаевского Сов. р. и с.д. (Херсон. губ.); избран 15–16 окт. – I, 1; I, 2; IV, 12 (С. 135, 136); IX, 2. Известен также Чигрин Иван (1880–1919, убит бандитами) – б-к с 1903, активный участник рев. в Николаеве и др. городах. – IX, 2.

ЧИКИРИСОВ Федот Захарович – б-к. Делегат от Краматорского Сов. р.д. (Изюмского у. Харьк. губ.). – I, 1 (здесь: Чекирисов); I, 2; IV, 15 (С. 122, 140–141); IV, 126 (С. 197, 206); IX, 2. Известен также Чикирисов Алексей Иванович (1891–?) – б-к с мая 1917. Род. в Макаевке в семье рабочего. 3-классное уч-ще. Токарь на з-де "Феникс" (Петроград). – I, 2 (С. 570–571).

ЧИКОИДЗЕ Роман Александрович – левый с-р. Чл. ВЦИК I соз., Предпарламента; канд. в чл. ВЦИК II соз. – IV, 104 (С. 139, 477. Здесь: Чегоидзе, Чекоидзе); VI, 158 (29 июля. С. 3. Здесь: Чиквоидзе); VII, 110 (С. 26, 95, 102); VIII, 40 (С. 376, 389).

ЧУВЫРИН Михаил Евдокимович (1883–1947) – б-к с 1903. Из кр-н Нижегородской губ. Низшее образование. Рабочий. Чл. Псков. Сов. р. и с.д. Гость съезда. – II, 1; VI, 102 (1989. № 12. С. 98); VI, 131 (4, 18 окт.); VII, 93 (С. 527–528); IX, 2.

ЧУДНОВСКИЙ Григорий Исаакович (3.10.1890–8.4.1918, убит в бою) – б-к с 1917 (в с-д с 1908, в рев. движ. с 1905). Род. в Екатеринославе, в семье адвоката. Был студентом юрид. ф-та Петерб. ун-та. Вольноопределяющий маршевой роты гв. Преображенского полка. Делегат от 1-го гв. корпуса. Чл. ВЦИК II соз. – I, 2 (С. 578–581, 758); IV, 10 (С. 456, 560); VI, 36 (14, 26–28 сент.); VII, 20 (С. 387–388); VII, 47; VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 3 (Т. 61); VIII, 5 (Т. 29); VIII, 26 (Т. 9); VIII, 40 (С. 397 и др.); IX, 2.

*ЧУКИН Михаил – чл. больш. фракции съезда с совещ. голосом от Сергинско-Уфалейского Сов. р. и с.д. (Красноуф. у. Перм. губ.). – I, 2.

*ЧУЛАМАНЕНКО – делегат из Москвы. – I, 1.

ЧУПШЕВ Михаил Иванович – чл. больш. фракции съезда от Моршанского Сов. р. и с.д. Солдат – I, 1 (здесь партийность не указана); I, 2; VI, 125 (18 нояб. С. 3). Известен также Чупшев Григорий – чл. арм. к-та V армии Сев. фронта. – См.: Боевые новости. Изд. при Штабе V армии, 11 апр. С. 4.

ЧУРКИН Александр Андрианович – левый с-р. Делегат из г. Торжка Тверской губ. – I, 1; I, 3 (здесь: Чуркин А.А. – с-р центра, делегат от Испол. к-та Сов. к-д. армий

Зап. фронта); II, 8 (Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22 – сообщение "Бюллетеня № 4 Центр. Орг. Бюро партии левых эсеров объедин. (интерн.-синдикалистов)" от 1 дек. 1921 об аресте в Твери чл. Тверской организации Баскакова и Чуркина); IX, 2.

- *ШАЛАЕВ Николай Григорьевич – левый с-р. Делегат от Чусовского Сов. р. и с.д. (Перм. губ.) – I, 1.
- ШАНШИЕВ Г.З. – делегат от Тифлис. Сов. р. и с.д.; избран 14 окт. – VI, 108 (17 окт. С. 2). Известен Шаншиев Зураб Григорьевич – прапорщик, чл. Испол. к-та Тифлиссского Сов. с.д., канд. в гласные Тифлис. гор. думы. по списку ПСР. – "Борьба" (Тифлис), 28 мая. С. 3; "Знамя труда" (Тифлис). 26 июля. С. 1.
- ШАУМЯН (СУРЕН, СУРЕНИН, АЯКС и др.) Степан Георгиевич (1.10.1878–20.9.1918, расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров) – б-к (в с-д с 1900). Из семьи приказчика. Рижский политех. ин-т (исключен); философ. ф-т Берлинского ун-та. Журналист, литературный критик. Работал учителем. Чл. ВЦИК I соз. Делегат от Бакин. Сов. р. и с.д. На съезд не поехал. – IV, 47 (С. 157); VIII, 5 (Т. 29); VIII, 26 (Т. 9); VIII, 40 (С. 357–358 и др.); VIII, 48.
- ШАУСЕ Ян Георгиевич – м-к-интерн. Делегат от Царскосел. Сов. р. и с.д. (Петрогр. губ.); избран 19 окт. – I, 1; IV, 11 (С. 156); VI, 35 (21 авг. С. 6); VI, 100 (23 окт. С. 3. Здесь: Шаусе Я.П.).
- ШАШКОВ Яков Андреевич – левый с-р. Делегат от Севаст. Сов. воен. и р.д. (Тавр. губ.) – I, 1; IV, 23 (С. 138 и др.); VI, 86 (13 июля; 9, 12 авг.). Известен Шашков (без иници.) – б-к. чл. ВЦИК IV соз. – VIII, 40 (С. 409).
- *ШАШМАШОВ Мансур Нуретдинович – левый с-р. Делегат от Мензелинского у. Сов. к.д. (Уфим. губ.) – I, 1.
- ШВЕДКО А. – с-р центра. Делегат от Моск. Сов. с.д. – I, 1; VI, 72 (24 окт. С. 4).
- ШВЕРНИК Николай Михайлович (7.5.1888–24.12.1970) – б-к с 1905. Род. в семье рабочего, в Петербурге. Гор. 4-классное уч-ще. Рабочий-металлист. Делегат из Самары. – VI, 121 (19 мая 1978); VI, 150 (20 мая 1938; 18 мая 1978); VII, 9 (С. 275–278); VII, 41 (С. 61); VIII, 4 (Т. 47); VIII, 5 (Т. 29); VIII, 48 (Т. 16); IX, 2.
- ШЕВЕРДЯКОВ – б-к. Рабочий кожевенного з-да. Делегат от Кунгурского Сов. р., с. и к.д. (Перм. губ.); избран 10 окт. – VI, 120 (12 окт. С. 4); VII, 135 (С. 318).
- ШЕЕНКОВ Никандр Ксенофонович – б-к. Солдат. Делегат от 35-го арм. корпуса III армии Зап. фронта. – I, 1; I, 2 (С. 726, 758. Здесь ошибочно: Швенков); IV, 41 (С. 452); VI, 32 (8 нояб. С. 1. Здесь: Шиенков).
- ШЕЙНКМАН Яков Семенович (22.12.1890–8.8.1918, убит в Казани белогвардейцами) – б-к с 1910. Род. в Тобольске, из мещан. Петерб. ун-т (исключен). Делегат съезда. – IV, 114 (С. 441); VII, 41 (С. 61); VIII, 48 (Т. 16); IX, 2.
- ШЕЙНМАН Арон Львович (1886–?) – б-к с 1903. Делегат от Гельсингф. Сов. д. армии, флота и рабочих; избран 18 окт. На съезд, по-видимому, не выезжал. – IV, 2 (С. 351); IV, 3 (С. 401); IV, 104 (С. 477); VI, 40 (24 сент. С. 4); VI, 62 (22, 27 окт.); VII, 52 (Т. 35. Указ. имен.); IX, 2.
- *ШЕПЕЛЕВ Ефим Александрович – делегат от Брацлавского у. Сов. р., с. и к.д. (Подол. губ.) – I, 1.
- ШЕРСТОВИТОВ Иван Михайлович – б-к. Студент. Нивелировщик съемочной гидрографической партии. Делегат от Сов. д. армии, флота и рабочих Або-Аландского укрепленного р-на (Финляндия). – I, 1; I, 2; IV, 3 (С. 401); VI, 17 (1967. № 6. С. 42); VI, 209 (15 окт. С. 3); IX, 2.
- ШЕХАНОВ Георгий Петрович – б-к. Делегат от Юрянского (?) у. Оренбургской губ. (I, 1); от Юрянского районного Сов. Орловской губ. (IX, 2). Такого уезда в России не было. Возможно, речь шла о Шоханове Георгии Климовиче, делегате от Брянского Сов. Орловской губ. (см.).
- *ШИМАНОВСКИЙ Павел Борисович – левый с-р. Делегат из г. Мглина Черниговской губ. – II, 4.
- *ШИМОНОВСКИЙ Я. – б-к; делегат от двух б-нов 3-й ж.-д. бригады. – II, 2 (С. 379–380).
- ШИМШЕЛЕВИЧ Арон Рувимович – чл. Бунда. ВЦИК I соз. Зубной врач. Делегат от Нижегородского Сов. р. и с.д. – I, 1 (здесь: нац. с-д); IV, 98 (С. 148 и др.); VI, 6 (30 авг., 1 сент.); VI, 88 (14 марта, 1 апр., 25 мая, 29 июня, 9, 16 июля, 6, 24 авг., 28 сент., 1, 12, 19, 22 окт.); VI, 139 (23 апр., 25 июня, 30 июля, 6, 31 авг., 29 сент.,

- 15 окт., 7 нояб.), VIII, 40 (С. 375. Здесь: Шеншелевич А.Р.). Известен также Шимшелевич Я.И. – б-к с 1919, делегат IX–X съездов РКП(б) с совещ. голосом, от Тверской организации. – IX, 2.
- ШИФМАНОВИЧ** Лев Лазаревич – м-к. Делегат от Моск. Сов. с.д.; избран до 24 окт. – I, 1; VI, 72 (6, 27 сент., 3, 24 окт.).
- ШЛЯПНИКОВ** Александр Гаврилович (1885–2.9.1937) – б-к (в с-д с 1901, в рев. движ. с 1900). Из мещан г. Муром Владимирской губ. Народная школа (три года учебы). Токарь-металлист. Чл. ВЦИК I соз., Петрогр. Сов. и Центр. сов. фабзавкомов Петрограда, пред. Петрогр. союза металлистов. – II, 1; VI, 15 (4 февр. 1992); VIII, 26 (Т. 10); VIII, 40 (С. 361–362).
- ШМАРАГА** Тимофей Иванович – сочувствующий левым эсерам. Делегат из г. Себежа Витебской губ. – I, 1; I, 3 (здесь упоминаются от Себежского у.: Шмаров Т.А. и Шмарго Т.И.); IV, 41 (С. 543. Здесь: Шморолы Т.); IX, 2.
- ШОЙХЕТ** Матля (Мотля) Эльевна (1892–1970) – чл. РСДРП(б) с 1911. В 1917 – чл. райкома партии 1-го Гор. р-на Петрограда. Присутствовала на съезде. – I, 2 (С. 596–597); VII, 113 (С. 288).
- ШОХАНОВ** Георгий Климович (1894–1935) – б-к с 1912. Рабочий-токарь. Делегат от Брянского у. Сов. с.д. (Орлов. губ.); избран 15 окт. – I, 1; I, 2 (здесь ошибочно: Шохалов); II, 1; IV, 35 (С. 83 и др.); IV, 89 (С. 97); V, 3 (С. 8 и др.); VI, 4 (14 сент., 8, 22 окт., 2, 3, 5 нояб.); VI, 21 (1976. № 7. С. 114); VII, 43 (С. 166); VII, 65 (С. 501–502); VII, 135 (С. 295); IX, 2.
- ШОХЕРМАН** Давид Самойлович – м-к. Делегат от Псковского Сов. р. и с.д. – I, 1; IV, 120 (С. 108, 109. Здесь: м-к-интерн.); VI, 131 (30 июля, 1, 2, 4, 9, 15, 19, 20, 29, 30 авг., 29, 30 сент., 4, 18, 22, 24 окт.); VI, 160 (29 июня, 26 авг., 12, 28 сент., 12 окт.).
- ШРЕЙДЕР** Александр Абрамович (?–1930) – левый с-р. Юрист, философ. Чл. Предпарламента, ВЦИК II соз. – IV, 76 (С. 650); VII, 110 (С. 26 и др.); VIII, 40 (С. 373 и др.).
- ШТАММ** Владимир Александрович – м-к-оборонец (в с-д с 1905). Штабс-капитан. Делегат от Елисаветградского Сов. р. и с.д. (Херсон. губ.). – I, 1; III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 34, 87); IV, 48 (С. 336); VI, 99 (20 авг. С. 4).
- ШТАММЕР** Яков Андреевич (1894–1972) – б-к с мая 1917. Из семьи беззем. кр-на. Среднее образование. Учитель. Делегат от Смильтен. Сов. р. и с.д. (Лифлянд. губ.). – I, 1; I, 2 (здесь ошибочно: от Семиреченского Сов. р. и с.д.); IV, 73 (С. 802); IV, 85 (С. 254 и др.); VIII, 53 (С. 105).
- ШТЕЙНБЕРГ** Исаак Захарович (1888–1957) – левый с-р. Пом. присяжного поверенного. Чл. Предпарламента. Делегат от Уфимского Сов. р. и с.д.; избран 14 окт., но на съезд не поехал. – IV, 47 (С. 155); IV, 49 (С. 384); IV, 76 (С. 651); VI, 22 (4, 5, 8 июля, 8, 27 авг., 1, 3, 10, 12, 22 сент., 17, 28, 29 окт., 1 нояб.); VI, 71 (25 окт. С. 2); VI, 97 (7 сент., С. 3); VI, 207 (28 окт. С. 3); VI, 208 (19 марта. С. 3); VII, 52 (Т. 35. Указ. имен); VII, 139 (С. 247 и др.); VIII, 40 (с. 390 и др.); IX, 2.
- ШТЕЙНГАРДТ** Вильгельм Христианович (Вилис Кришьянович) (1888–1938) – б-к с 1905. Род. в Риге, в семье рабочего. Среднее образование. Рабочий-каменотес. Делегат от Испол. к-та Сов. объедин. латыш. стр. полков. – I, 1 (здесь: Литовский стр.); IV, 73 (С. 802); IX, 2.
- ШУЛЯКЕВИЧ** Александр Людвигович – левый с-р. Делегат от Опочечского Сов. р. и с.д. (Псков. губ.). Канд. в чл. ВЦИК II соз. – I, 1; VII, 110 (С. 26, 84).
- ШУФЕР** Раиса – чл. больш. фракции съезда от Ачинского Сов. р. и с.д. (Енис. губ.). – I, 1 (здесь партийность не указана); I, 2.
- ЩАДЕНКО** Ефим Афанасьевич (1885–6.9.1951) – б-к с 1904. Из семьи рабочего. Портной. Делегат от Донецкого окр. Сов. р., с., к. и казач. д. (Дон. обл.). – I, 1; I, 2; III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 90); IV, 10 (С. 318); IV, 36 (С. 226); IV, 55 (Кн. 1. С. 780); VI, 21 (1991. № 6. С. 20); VI, 102 (1990. № 1. С. 217); VIII, 5 (Т. 29); IX, 2.
- ЩЕРБАКОВ** А. – б-к. Рабочий спичечной ф-ки. Делегат от Речицкого Сов. р. и с.д. (Минс. губ.); избран 18 окт. – I, 2 (здесь: без иниц.); VI, 45 (С. 204); VII, 126 (С. 20, 21).
- ЩЕРБИНСКИЙ** Михаил Петрович – левый с-р. Делегат от I армии Сев. фронта. – I, 1; III, 1 (Л. 1).

- ЭВАЛЬД** Бернгард Яковлевич – б-к с 1909 (в рев. движ. с 1905). Слесарь снарядного з-да "Земгор" в Подольске. Делегат от Подол. у. Сов. р. и с.д. (Моск. губ.). – I, 1; I, 2 (здесь отчество: Якубович); II, 1; VII, 66 (С. 184); VII, 125 (С. 129, 152, 158); VII, 134 (С. 374).
- ЭГЛИТ** Рудольф Германович (1881–1954) – б-к с 1905. В 1917 – чл. ПК РСДРП(б). Делегат от Сов. р., с. и беззем. деп. (Латвия). – II, 3; IV, 73 (С. 802); IX, 2. Известны также: Эглит Мартын Адамович (1886–1937) – б-к с 1904. – VI, 37 (№ 4. С. 124); Эглит Ян Янович – б-к, участник гражд. войны, арестован в 1937. – VI, 37 (№ 7. С. 127); Эглит Кристап (1879–1941, репрес. в 1937) – б-к с 1903. – VI, 37 (№ 12. С. 116).
- *ЭЙРАНОВ** Сергей Артемьевич – с-р правый. Делегат от Кавк. армии. – I, 1.
- ЭЛИАВА** Шалва Зурабович – (18.9.1883–3.12.1937) – б-к с 1904. Род. в с. Ганири Кутаисского у. и губ., в семье обедневшего дворянина. Юрид. ф-т Петерб. ун-та. Чл. ВЦИК I соз., Предпарламента. Делегат от Вологодского Сов. р. и с.д. с совещ. голосом; избран 17 окт. – I, 1 (здесь: м-к-интерн.); II, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 3); IV, 14 (С. 43, 74 и др.); VI, 102 (1989. № 7. С. 165; № 9. С. 218; № 12. С. 100; 1991; № 4. С. 157, 176); VIII, 5 (Т. 29); VIII, 40 (С. 376, 390. Здесь: м-к); VIII, 48 (Т. 16). На зас. Тифлисского Сов. р. и с.д. 14 окт. одним из канд. на съезд был назван находившийся в Петрограде Шалва Элиава. – VI, 107 (17 окт. С. 3); VI, 108 (17 окт. С. 2). Известен также Элиава Н.З. – гор. голова Тифлиса; выехал 11 окт. в Москву на Всерос. съезд. городов. (см., Тифлис. листок. 11 окт. С. 3).
- ЭПШТЕЙН (ЯКОВЛЕВ)** Яков Аркадьевич (21.6.1896–29.7.1938) – б-к с 1913. Род. в г. Гродно, в семье учителя. 4 курса электромех. отд. Петерб. политех. ин-та (не закончил). Делегат от Екатериносл. Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2; IV, 9 (С. 102 и др.); IV, 10 (С. 255 и др.); IV, 51 (С. 332 и др.); IV, 55 (Кн. I. С. 754); IV, 57 (С. 9 и др.); IV, 81 (С. 65 и др.); VI, 102 (1989. № 12. С. 100; 1990. № 10. С. 166); VIII, 3 (Т. 65); VIII, 5 (Т. 30); VIII, 26 (Т. 10); VIII, 30; VIII, 48 (Т. 16).
- ЭРАДЗЕ** Георгий Павлович – рабочий, делегат от Тифлисского Сов. р. и с.д.; избран 14 окт. – VI, 107 (17 окт. С. 3); VI, 108 (17 окт. С. 2).
- ЭРЛИХ** Генрих Моисеевич (1882–1942) – чл. Бунда с 1904. Журналист. Чл. ВЦИК I соз., Предпарламента. Выступал на съезде. – I, 1 (С. 39, 111); III, 6 (Оп. 1. Ед. хр. 10, 17, 28, 150); IV, 48 (С. 209, 236); VI, 32 (25, 26, 28 мая); VI, 40 (13 окт. С. 4); VI, 72 (1 окт. С. 1); VIII, 40 (С. 376 и др.).
- ЭРЛИХЕРМАН** Исаак Львович – левый с-р. Делегат от Обл. Испол. к-та Сов. р. и с.д. Юго-Зап. края. Он же – в списке больш. фракции съезда. – I, 1 (здесь: от Киев. окр. Сов. р. и с.д.); I, 2 (здесь ошибочно: Эрлихман); IV, 10 (С. 518); V, 15 (С. 225 и др.); VI, 103 (14 дек. С. 3).
- ЭТИНГОФ** Борис Евгеньевич (1887–1958) – б-к с 1903. Делегат от Персидского фронта. – VI, 142 (С. 177); VII, 57 (С. 351); VII, 127 (С. 32–34); IX, 2.
- ЮДЕФОВИЧ** – чл. больш. фракции съезда от Чугуевского Сов. р., с. и к.д. – I, 2. Это – Каминский Юзеф Юзефович (см.).
- ЮДЗЕНТОВИЧ** Викентий Михайлович – левый с-р (? – 1918, разоблачен как б. сотрудник Сувалкского губ. жандармского упр., расстрелян). Делегат из Литвы. Чл. ВЦИК II соз., Петрогр. ВРК. – I, 1; I, 2 (С. 727); I, 3 (делегат II Всерос. съезда. Сов. к.д. от Сувалкского губ. Сов. р., к.д.); VII, 104 (С. 298); VII, 110 (С. 26, 97); VIII, 40 (С. 392). Известен Юдзентович И.М. – также делегат II Всерос. съезда Сов. к.д. – I, 3.
- ЮДИН** Александр Алексеевич – с-р. Делегат от Нижегород. губ. Сов. р. и с.д.; избран не ранее 14 окт. – I, 1 (здесь партийность не указана); IV, 98 (С. 328); VI, 88 (5, 12, 22 окт. Здесь: делегат от съезда провинциальных Сов. р. и с.д., открылся в Нижнем Новгороде 14 окт.). Известен также Юдин Александр Алексеевич – б-к с 1912. Род. в Кургане, в семье рабочего. Работал на мыловаренном з-де, потом 15 лет служил на Черноморском фронте. Унтер-офицер. С авг. 1918 – комиссар 1-го крестьянского коммунистического полка III армии. В сент. 1919 был захвачен в плен белогвардейцами и повешен. – IX, 2.
- *ЮДИН** Михал Иванович – м-к-интерн. "Уполн[омоченный] стр. полка" (так в источнике). – I, 1.

- ЮНКЕРОВ Федор Архипович** – м-к-интерн. Делегат от Зап. фронта. – I, 1; III, 6 (Оп. 1.Ед. хр. 17. Л. 118); IV, 41 (С. 145); VI, 32 (24 мая. С. 2); VI, 212 (23 авг., 3, 5, 8, 26, 28 сент., 22 окт.).
- ЮРЕВИЧ Эрнест Генрихович** (1895–?) – б-к с 1912 (чл. СДЛК). [Солдат]. Чл. Испол. к-та латыш. стр. полков. Участвовал в работе съезда. – II, 1; IV, 73 (с. 803, 804); VI, 51 (1 нояб. Здесь: Юревич Эрнст[т] Интов); VI, 146 (7 июля. С. 3); VI, 147 (26 июля, С. 4. Здесь: А. Юревич – солдат 1-го Усть-Двинского латыш. полка). Известен также Юревич Э.Я. – канд. в гласные Моск. гор. думы от б-ков, чл. Хамовн. к-та РСДРП. – VI, 194 (21 июня. С. 3).
- ЮРЕНЕВ (КРОВОТСКИЙ) Константин Константинович** (1888–1.8.1938) – б-к с 1917 (в с-д с 1905). Из семьи сторожа на ст. Двинск Петерб.-Варшавской ж.-д. Двинское реальное уч-ще. Канд. в чл. ВЦИК I соз. Пред. Бюро Центр. комендатуры Красной гвардии. Чл. к-сии, созданной ЦК РСДРП(б) по созыву II Всерос. съезда. Сов. р. и с.д. Делегат от Петрогр. Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2 (С. 621–622); V, 1 (С. 397); VI, 101 (19 окт. С. 5); VI, 102 (1989. № 7. С. 165; № 9. С. 190); VII, 129 (С. 135, 198); VIII, 5 (Т. 30); VIII, 48 (Т. 16); Протоколы ЦК РСДРП(б); М., 1958, с. 69.
- ЯГОДКА Алексей Степанович** – с-р центра. Делегат от Харбинского Сов. р. и с.д. (Квантун. обл.). – I, 1; VI, 141 (20 авг., 8, 10 сент., 11 окт.).
- *ЯКОВЛЕВ** – чл. больш. фракции съезда от 5-й батареи 51-й арт. бригады.
- ЯКОВЛЕВ Василий Васильевич (МЯЧИН Константин Алексеевич)** (1886–16.9.1938) – б-к с 1905 (в 1918 вышел из РКП(б)). Из-кр-н с. Шарлык Оренбургской губ. Электротехн. школа (Брюссель). Служащий. Организатор крупных экспроприаций на Урале в 1906, 1909. После Февр. рев. вернулся в Россию, работал на з-де, был пред. Симского Сов. Делегат от Уфим. губ. съезда Сов. р. и с.д. – I, 1; I, 2; IV, 102 (С. 129, 136, 492); V, 22 (5, 8, 12 сент.); VII, 76 (С. 428, 438, 444); IX, 2.
- ЯКОВЛЕВ Иван Александрович** – б-к. Делегат от Винницкого Сов. р., с. и к.д. (Подол. губ.). – I, 1; I, 2.
- ЯКОВЛЕВ Яков Аркадьевич** – См.: Эпштейн (Яковлев) Я.А.
- ЯКУБОВ Аршак Степанович** (1882 – дек. 1923) – б-к (в с-д с 1902). Род. в г. Сигнахе Тифлис. губ. Делегат от Харбинского Сов. р. и с.д. (Квантун. обл.). – I, 2 (С. 727, 759); VII, 123 (С. 189).
- ЯНСОН Иван Яковлевич** – б-к. Делегат от Мурман. Сов. р. и с.д. (Арханг. губ.). – I, 1; IV, 32 (С. 319, 320).
- ЯРЧУК Ефим Захарович (ЗАХАРЬЕВ Хаим)** (1882/83–1935) – анархист-коммунист. Из мещан м. Березно Ровенского у. Волынской губ. Рабочий-шляпочник. Делегат от Кроншт. Сов. р. и с.д. (Петрогр. губ.); избран 17 окт. – I, 1; I, 2 (С. 727); IV, 2 (С. 352); IV, 3 (С. 401); IV, 44 (С. 91 и др.); VI, 68 (9 июля, 30, 31 авг., 3, 17, 28 сент., 1, 4, 7, 12, 14, 21, 22, 27, 29 окт., 3, 5, 15, 19, 23, 25, 26, 29 нояб., 31 дек.); VII, 20 (С. 379); VII, 79 (С. 54); VIII, 40 (С. 368–369); IX, 2*.

* Глубоко благодарен Д.Г. Юрасову, создателю картотеки репрессированных при Сталине: просмотрев публикацию 1-й части "Списка..." и рукопись 2-й, он сообщил точные даты рождений, смертей, арестов и расстрелов ряда лиц (со ссылками на источники). В 1-й части "Списка": Антипов Н.К. – 28.7.1938; Берман Я.Л. – 1937; Борисов И.И. – 1937, арест; Бронский (Варшавский) М.Г. – 1938; Бубнов А.С. – 1.8.1938; Гжельшак Ф.И. – 25.12.1937; Гиснс (Кисис) Р.И. – 7.2.1981; Гоникман С.Л. – 1938; Гранас А.П. (1886–1937); Дадукин А.И. – 1938; Дзевяловский (Гинтовт) И.Л. – 1937; Дингельштедт Ф.Н. – 1938; Добраницкий М.М. – 5.11.1937; Доброхотов Н.Ф. – 6.10.1938; Дробнис Я.Н. – 10.2.1937; Евдокимов Г.Е. – 22.8.1936; Евсеев Д.Г. – 1942, арест в 1937; Ермощенко В.И. – 26.9.1937; Закс Г.Д. – 2.7.1937. К сожалению, не попали в "Список": Борисов Георг. Спирид. (1894–1941) – б-к с 1913, комиссар Центробалта; был на 1-м заседании съезда (VII, 29); Булкин-Семенов Федор Афан. (1888–?) – м-к с 1904 (с 1920 – б-к), сын чернорабочего, слесарь (VIII, 17). Отметим также, что Александрович (Дмитриевский) В.А. и Живов В.Н. были рабочими; Базарный Я.С. – солдатом; Гутман (Каменштейн) М.Л. – публицистом (окончил гимназию экстерном и школу провизоров). Березин М.Е. жил в 1864–1933.

В связи с дополнениями, внесенными в "Список" в ходе его издания, цифровые показатели, отмеченные в предисловии (АЕ за 1994 год), требуют пересчета.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ К.А. ГВОЗДЕВА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ЭКОНОМИКИ

Кузьма Антонович Гвоздев – русский политический деятель, меньшевик, министр труда в 3-м коалиционном Временном правительстве, занимал видные посты в хозяйственных организациях и в первое десятилетие после Октябрьской революции. Впервые статья о нем была опубликована в первом издании БСЭ. Однако как в статье, так и в других справочных изданиях имеются неточности в освещении его биографических данных и почти не отражена деятельность в 1920-е годы. Так, в БСЭ указано, что Гвоздев в 1919–1920 гг. состоял "председателем Южного правления Центросекции в Харькове, а потом и членом правления Центросоюза. С 1920 работает в ВСНХ"¹. В статье о К.А. Гвоздеве в энциклопедии "Великая Октябрьская социалистическая революция"² он назван контрреволюционным деятелем, сведения о служебной деятельности после революции отсутствуют. Заканчивается она данными о привлечении Гвоздева в 1931 г. к суду по делу организации меньшевиков. В издании "Политические деятели России. 1917" фактически повторяются данные БСЭ о деятельности Гвоздева в 20-е годы: "работал в кооперации. С 1920 на работе в ВСНХ"³, как и в последнем биографическом справочнике⁴.

Документы РГАЭ позволяют дополнить и уточнить сведения о его жизни и деятельности в 20-е годы. В названных изданиях имеются следующие данные о времени и месте рождения Гвоздева: БСЭ – 1883 г., по происхождению крестьянин Пензенской губернии; в энциклопедии об Октябрьской революции (1883), в биографическом словаре о политических деятелях России 1917 г. – 1882 г., д. Чекаевка Саранского уезда Пензенской губернии, 1882 г. – и в справочнике "Государственные деятели России XIX – начала XX в."

По трудовому списку и его личным делам в НКПС, ВСНХ, списку служащих Центрального управления "Гомзы", учетной карточке сотрудника Госбанка СССР⁵ удалось установить следующее: в документах с ноября 1920 по август 1922 г. указывается год его рождения – 1875, а позднее – 1883. День рождения 25 октября и 7 ноября – очевидно, по новому стилю – ошибка, должно быть 6 ноября. Место рождения – с. Блохино Саранского уезда Пензенской губернии. Образование – низшее или начальное – сельская школа в с. Блохино, специальность – слесарь-механик, член союза металлистов с 1906 г. В первом разделе его трудового списка – пункты о времени рождения и об образовании – указано "документами не подтверждено"⁶.

¹ БСЭ. М., 1929. Т. 14. С. 746–747.

² Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 116.

³ Политические деятели России, 1917: Биограф. словарь. М., 1993. С. 76–77.

⁴ Государственные деятели России XIX – начала XX в.: Биограф. справочник. М., 1995.

⁵ РГАЭ. Ф. 8122. Оп. 2. Д. 116; Ф. 1884. Оп. 21. Д. 1905; Ф. 3429. Оп. 22. Д. 33 (личное дело № 467); Ф. 1637. Оп. 2. Д. 112. Л. 1; Ф. 2324. Оп. 22. Д. 114.

⁶ Там же. Ф. 8122. Оп. 2. Д. 116. Л. 1.

Документы о служебной деятельности К.А. Гвоздева сохранились далеко не полностью. В трудовом списке, завизированном К. Гвоздевым 29 июля 1929 г., во втором разделе – данные о прохождении службы – не заполнена графа "основание" о времени и месте работы в 1896–1921 гг., включая НКПС⁷. В том же списке указано: сентябрь 1919 – апрель 1920 г. – Председатель правления Центросекции в г. Харькове, апрель–август 1920 г. – член правления Центросоюза в Харькове. Последнее косвенно подтверждает пункт 5 протокола заседания Президиума Всероссийского центрального союза потребительских обществ от 3 апреля 1920 г. (№ 48)⁸ – о слиянии аппаратов Центросоюза и Центросекции.

Однако в трудовом списке К.А. Гвоздева имеются неточности. Так, указано, что с августа 1920 по февраль 1921 г. он работал начальником центрального бюро нормирования Народного комиссариата путей сообщения (НКПС). Ознакомление же с его личным делом в фонде НКПС за 28 октября 1920 г. – 14 января 1921 г.⁹ и "Бюллетенями" НКПС показало: время определения на эту должность ученого квалификатора ВЦСПС К.А. Гвоздева 28 октября 1920 г. – приказ Главного управления путей сообщения № 897 от 28 октября 1920 г.¹⁰

30 декабря 1920 г. Гвоздев в заявлении просит освободить его от занимаемой должности вследствие постановления Президиума "Цектрана"¹¹ о слиянии органов нормирования НКПС с тарифно-расценочными отделами "Профсоюза", а также от работы в организационной тройке по созыву съезда "по научной организации труда в производстве"¹², если ему не будет предложена другая должность в НКПС¹³. Приказом Главного управления путей сообщения № 56 от 13 января 1921 г. он был освобожден от занимаемой должности с 1 января 1921 г.¹⁴

По данным трудового списка с 8 марта 1921 по 9 августа 1922 г. К.А. Гвоздев работал в Главном (с 21 декабря Центральном) правлении государственных объединенных машиностроительных заводов (ГОМЗЫ) ВСНХ начальником административно-финансового управления, помощником директора, заместителем председателя правления. Основание – справка Центрального архива ВСНХ СССР от 30 июля 1929 г.

По протоколам заседаний дирекции, правления ГОМЗЫ, президиума коллегии Главного управления металлической промышленности, Президиума ВСНХ¹⁵ и другим материалам можно установить степень участия К.А. Гвоздева в производственной деятельности ГОМЗЫ, входил он и в состав арбитражной комиссии ВСНХ. В частности, на заседании дирекции ГОМЗЫ 19 ноября 1921 г. (прот. № 27) ему было поручено проведение операции по закупке хлеба для коллективного снабжения объединения¹⁶. Подробности о ее ходе и результатах, приведших к постановке вопроса о выводе Гвоздева из состава членов правления ГОМЗЫ, можно найти в документах ГОМЗЫ и ВСНХ¹⁷.

⁷ Там же. Л. 2–4.

⁸ Там же. Ф. 484. Оп. 1. Д. 134. Л. 245.

⁹ Там же. Ф. 1884. Оп. 21. Д. 1905.

¹⁰ Бюл. НКПС. 1920. № 144.

¹¹ Центральный комитет Всероссийского объединенного союза работников железнодорожного и водного транспорта.

¹² В Бюллетене НКПС № 183 от 24 декабря 1920 г., в разделе "Хроника" дана информация "К созыву инициативной конференции по научной организации труда в производстве", в том числе и об организационной тройке (С. 4–5).

¹³ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 21. Д. 1905. Л. 6.

¹⁴ Бюл. НКПС. 1921. № 11 (199).

¹⁵ РГАЭ. Ф. 1637. Оп. 1. Д. 126, 152; Ф. 4086. Оп. 1. Д. 7. Л. 6; Д. 78. Л. 181; Ф. 3429. Оп. 1. Д. 2988. Л. 33.

¹⁶ Там же. Ф. 1637. Оп. 1. Д. 126. Л. 68.

¹⁷ Там же. Д. 126, 152; Ф. 3429. Оп. 1. Д. 3216.

Так, правление ГОМЗЫ 27 июля 1922 г. (прот. № 46) единогласно констатировало (в отсутствие Гвоздева) факт "халатного и легкомысленного" отношения его к хлебным операциям, постановило довести до сведения ЦК Всероссийского профсоюза рабочих металлистов, Главметалл, Президиума ВСНХ и просило освободить К.А. Гвоздева из состава членов правления. Президиума ВСНХ 7 августа 1922 г. постановил (прот. заседания № 299/249. п. 4299) освободить его от обязанностей члена правления ГОМЗЫ, правлением ГОМЗЫ освобожден с 10 августа¹⁸. Правлению ГОМЗЫ приказом по ВСНХ № 414 от 30 августа 1922 г. "ставятся на вид неправильные действия, выразившиеся в заключении договора поставки, с нарушением Положения о подрядах и поставках", а Гвоздеву был объявлен выговор.

С 15 августа 1922 г. К.А. Гвоздев – на работе в Главном управлении электротехнической промышленности (с 30 октября Главное электротехническое управление) – Главэлектро ВСНХ¹⁹. Приказом по Главэлектро № 92 от 24 августа 1922 г. (пункт 1) в структуре главка образовано финансово-экономическое управление, в.и.д. начальника которого был назначен К.А. Гвоздев²⁰, а, возможно, в апреле-мае 1924 г. – начальником²¹. 23 августа 1922 г. Гвоздев назначается членом Плановой комиссии по электрофикации (электроплана)²². В связи с новым штатом Главэлектро (приказ по ВСНХ СССР № 413 от 10 февраля 1925 г.) Гвоздев с 15 февраля 1925 г. – заведующий финансово-счетным отделом (картотека ВСНХ). Согласно трудовому списку и картотеке ВСНХ К.А. Гвоздев был уволен с 16 августа 1927 г. вследствие сокращения штатов.

С 1 сентября 1927 г. Гвоздев – председатель Временной комиссии при Президиуме ВСНХ СССР по распределению заказов на электропровода. С 10 августа 1929 г. назначается в резерв ответственных работников Главучраспреда ВСНХ СССР, уволен из резерва с 15 сентября 1929 г. 12 ноября 1929 г. К.А. Гвоздев принят на должность заместителя уполномоченного Московского представительства Государственного управления по строительству Кузнецкого металлургического завода, 21 марта 1930 г. уволен ввиду ликвидации представительства.

В середине мая 1930 г. Гвоздев по данным его трудового списка и по учетной карточке сотрудника Госбанка СССР²³ поступает на работу в Госбанк СССР консультантом, "обслуживал электропромышленность"²⁴, уволен с 11 августа 1930 г. В вышеупомянутой учетной карточке в графе "Откуда прибыл" указано: Кузнецкстрой.

Последнее место работы К.А. Гвоздева – Государственное всесоюзное объединение паровозо-вагоно-дизельной промышленности ВСНХ СССР, куда он был зачислен 30 августа 1930 г. (по данным его трудового списка) ответственным руководителем в сектор реконструкции. По словам самого Гвоздева, он работал заведующим этим сектором и ему было поручено составить генеральный план реконструкции заводов отрасли²⁵. Там он работал до дня ареста – 12 декабря²⁶. В его трудовом списке после даты 14 декабря 1930 г. указано – уволен ввиду ареста.

¹⁸ Там же. Ф. 1637. Оп. 1. Д. 152. Л. 136, 153.

¹⁹ Там же. Ф. 3429. Оп. 22. Д. 33. Л. 168.

²⁰ Там же. Ф. 3700. Оп. 1. Д. 5. Л. 105.

²¹ Там же. Д. 33.

²² Там же. Д. 4. Л. 81.

²³ Там же. Ф. 2324. Оп. 22. Д. 114.

²⁴ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта – 9 марта 1931 г.): Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. М., 1931. С. 308.

²⁵ Там же. С. 309.

²⁶ Там же. С. 307.

Таковы основные данные о служебной деятельности К.А. Гвоздева в 20-е годы. С конца октября 1920 по январь 1921 г. в НКПС, с марта 1921 по март 1930 г. – в учреждениях ВСНХ, ВСНХ СССР, с мая по август 1930 г. – в Госбанке СССР, с конца августа до середины декабря – опять в ВСНХ СССР²⁷. Остался открытым вопрос о начале работы К.А. Гвоздева в Москве после Харькова.

В марте 1931 г. К.А. Гвоздев был вызван в качестве свидетеля «для установления вредительской работы со стороны контрреволюционной организации социал-демократов в лице отдельных подсудимых и в целом со стороны руководящей организации так называемого "Союзного бюро"», на процесс контрреволюционной организации меньшевиков²⁸. Коллегией ОГПУ 25 апреля 1931 г. К.А. Гвоздев был приговорен к 10 годам лишения свободы. 1 июля 1941 г. Особым совещанием НКВД СССР – к 8 годам. Освобожден 20 апреля 1956 г. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован в 1989 г.²⁹

В Указателе имен к хрестоматии "История Отечества в документах, 1917–1920" о К.А. Гвоздеве (1882 – после 1956) указано: "умер в ссылке в Красноярском крае"³⁰.

²⁷ Автор настоящей статьи выражает благодарность за помощь в работе И.И. Дроздовскому (РГАЭ).

²⁸ Процесс контрреволюционной организации... С. 53.

²⁹ Политические деятели России. 1917. С. 77; "Плехановские прибавки". Г.В. Плеханов – председатель Комиссии по улучшению материального положения железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих / Публ. А.Л. Райхцаума // ИА. 1993. № 5. С. 104 (примеч. 8).

³⁰ История Отечества в документах, 1917–1993: Хрестоматия для учащихся ст. кл. сред. шк. М., 1994. Ч. 1 (1917–1920). С. 210.

П.Л. Вахтина, Л.Б. Вольфцун

ИСТОРИЯ АРХИВА РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Архив РНБ¹ известен сейчас лишь небольшому кругу исследователей, невосстановленными остались ценные документы, которые часто самым неожиданным образом дополняют сведения о русской культуре, ее выдающихся деятелях, да и сами по себе являются чрезвычайно интересными свидетельствами времени.

История архива начинается практически с создания самой библиотеки. Самыми ранними документами, хранящимися в нем, являются материалы первоначальной разработки "Залуской библиотеки", привезенной А.В. Суворовым в 1795 г. из Варшавы в качестве трофея и ставшей основой Императорской Публичной библиотеки. Когда увеличился фонд документов, было решено выделить специального чиновника для "ведения документации и смотрения за уже имеющимися материалами"².

Первым архивариусом в 1810 г. стал известный впоследствии цензор и историограф Александр Иванович Красовский. Ведение архива не было его единственной обязанностью, он был и секретарем библиотеки, и участвовал в разборе и проверке рукописей из библиотеки Залуских, занимался составлением отчетов по Публичной библиотеке и приведением в порядок каталогов. Архив пребывал в запустении. В 1813 г. директор библиотеки А.Н. Оленин отдал А.И. Красовскому приказ привести документы в порядок. Прошло 14 лет. В связи с составлением отчета ИПБ за 1827 г. А.Н. Оленин требует у него "подробную ведомость, перечневую, входящим и исходящим бумагам по Императорской Публичной Библиотеке и объяснение, с которого времени поручено мной Вашему Высочайшему приведение в надлежащий порядок старого и нового Архива Императорской Публичной Библиотеки – и в каком положении сие дело ныне находится?" (Ф. 1. Оп. 1. 1827. Ед. хр. 26).

В ответ Красовский пишет директору пространное письмо о положении дел с архивом, в котором, в частности, говорится, что он "...сам находил нужным иметь [архив] в лучшем порядке, которым облегчается и ускоряется делание справок, и о сем заботился прежде..." Однако в 1813 г. "я был занят сверх отправления двух должностей секретаря и библиотекаря составлением отчета за все время управления Вашего Библиотекою, смотрением за печатанием оного, переводом актов, относящихся до нового образования Библиотеки, смотрением за печатаньем оных и приготовлением двух сочинений, назначенных для чтения в день торжественного открытия Библиотеки; все сии труды столько озабочивали меня, что я вовсе не имел времени заняться другим делом" (Там же). Далее Красовский пишет, что после открытия библиотеки для читателей "производство письменных дел умножилось", он по-прежнему исполнял несколько должностей, и положение изменилось лишь в 1816 г., когда в Библиотеку был определен Алек-

¹ До 1917 г. – Императорская Публичная Библиотека (ИПБ), с 1918 по 1925 г. – Российская Публичная Библиотека (РПБ), с 1925 по 1932 г. – Государственная Публичная библиотека (ГПБ), с 1932 по 1991 г. – Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

² Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1827. Ед. хр. 26. Далее ссылки на архив РНБ даются в тексте статьи.

сей Георгиевич Протопопов³. "[Я] усмотрел в его трудолюбии и способностях надежду иметь в нем со временем одного помощника и для сего дела, приготовив оному Протопопова, сначала не имевшего к тому нужного навыка, я имел удовольствие и через несколько лет увидеть, что его неусыпностью и отличным усердием к службе дела многих лет приведены были в такой порядок, при котором скоро и удобно делать с оными нужные справки" (Там же). Необходимые документы и объяснения были Ленину предоставлены, но все же Красовский замечает, что "приведение бумаг, накопившихся со времени существования Библиотеки в совершенный архивный порядок... превосходит силы двух человек" (Там же).

В связи с составлением того же отчета А.Н. Оленин обратился к эконому и казначею библиотеки С.В. Васильевскому с требованием о приведении в порядок казначейских книг. 5 февраля 1827 г. Васильевский отвечал директору, что по вступлении в должность дела были приняты им "в совершенном беспорядке, кои привести в порядок и содержать в надлежащей канцелярской исправности текущие дела, находящиеся при мне всегда, оному писцу недостаточно времени; почему Ваше превосходительство разрешить изволили взять для приведения в порядок этим постороннего писца, на каковой конец по означенному предмету занимался коллежский секретарь Василий Масалов, коим перебелены журналы всем поступившим бумагам в течение тринадцати лет, то есть с 1811 по 1824 год, с означением в оных против каждой бумаги при каком деле какая из них находится; 2-е, разделены все бумаги по родам содержания их; 3-е, составлен алфавит лицам, коим выдавались денежные суммы с означением сколько кому оных выдано, когда и где деньги записаны расходом, и 4-е, составлена общая опись всем делам и шнурованным книгам, находящимся по казначейской части Императорской Публичной Библиотеки с 1802 по 1824 год" (Ф. 1. Оп. 1. 1814. Ед. хр. 19).

К сожалению, мы мало знаем об архивариусах, работавших в библиотеке в прошлом веке. Известно только, что в 1862 г. архив принял Филипп Богданович Фельд⁴, который вместе с Николаем Викторовичем Ильиным⁵ составил хронологический и алфавитный указатели к делам. К середине XIX в. начало упорядочиваться и комплектование архива. Таким образом, еще при А.Н. Оленине возникла традиция, что именно секретари и делопроизводители библиотеки занимались архивом, что, безусловно, имело самые негативные последствия: занятые текущими делами, они не имели возможности сосредоточиться на хранении и обработке архивных документов, хотя и исправно комплектовали архив. Тем временем он постепенно разрастался, новые документы по своему значению зачастую оказывались намного шире собственно библиотечных. Мало достоверных сведений и о том, в каком именно помещении хранились архивные документы. Известно лишь, что в начале XIX в. они находились в закрытых ясеневых шкафах Овального зала – ныне это Отдел рукописей.

После Октябрьской революции для библиотеки и ее архива наступили еще более трудные времена. В 1918 г. в ней начались реорганизации. Был уволен директор Д.Ф. Кобеко, чье пребывание на этом посту (1902–1918) составило

³ А.Г. Протопопов послужил в ИПБ 46 лет (1816–1862), сначала – писцом, а в 1842–1850 гг. – секретарем и членом хозяйственного комитета библиотеки. После 1850 г. он работал в отделении дублетов, занимаясь их продажей, а также в отделении "Россика". Протопопов не имел семьи, и вся его жизнь была связана с библиотекой.

⁴ Ф.Б. Фельдт (1835–после 1883), в ИПБ – 1853–1865. Канцелярский служащий, заведующий письмоводством и хозяйственной частью библиотеки, дежурный в читальном зале, регистратор.

⁵ Н.Д. Ильин (1836–?), в ИПБ – 1856–1863. Канцелярский служащий, чиновник в читальном зале, технический сотрудник при подготовке каталога отделения "Россика". В 1863 г. вместе с Ф.Б. Фельдтом приводил в порядок дела архива.

целый этап в истории ИПБ; в библиотеку был назначен правительственный комиссар. Все вопросы решались коллегиально правлением библиотеки. Основными проблемами на первых порах были: сохранность фондов, борьба с холодом и сыростью в неотапливаемых помещениях, обеспечение работы читального зала. Из-за холода и отсутствия света рабочий день был сокращен, некоторые фонды переведены в другие помещения. Эти перемещения коснулись и архива.

Архив из канцелярии, где он раньше располагался, переместили как попало в шкафы "Косой галереи", в проходные комнаты, в коридор управления библиотеки, в кабинет иностранной литературы и в подвал. Не было и лица, ответственного за хранение.

Однако нельзя сказать, чтобы значения архива не понимали вовсе. В 1919 г. принимается решение об охране архива, чуть позже – о предоставлении ему прежнего помещения (канцелярии). В 1921 г. были срочно приведены в порядок документы, относящиеся к библиотеке Залуских (списки книг, их распределение по отделениям и т.п.). Они были необходимы для работы русско-польской комиссии, которая создавалась для выполнения условий Рижского договора 1921 г. в той его части, которая касалась возвращения Польше ее культурных ценностей. В работе этой комиссии принимали участие крупные ученые: О.А. Добиаш-Рождественская, В.Н. Бенешевич, Е.В. Тарле, М.Л. Лозинский, В.В. Бахтин, С.А. Ушаков, М.Г. Гуковский, Л.И. Олавская, Д.Д. Шамрай, В.Э. Банк и др. Без использования архивных документов невозможно было принимать решения о передаче польской стороне книг и рукописей. Материалы по передаче книг и рукописей Польше частично сохранились в архиве РНБ, частично были переданы в ЦГАЛИ СПб. и некоторые другие архивохранилища.

Необходимость существования и нормальной работы архива хорошо понималась многими сотрудниками библиотеки. Летом 1924 г. исполняющий обязанности зам. директора И.И. Яковкин предложил "озаботиться приведением в порядок архива Библиотеки, за прежние годы подвергшегося в некоторых частях расстройству"⁶. Он рекомендовал поручить эту работу сотруднику канцелярии В.Ф. Устрялову (историку по образованию, сыну известного литератора) и выполнить ее за два месяца. Устрялов писал: "Архивные дела пришли в окончательный беспорядок после производившегося летом 1928 г. ремонта отделения в занимаемом архивом подвале" (Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1500). Хозяйственные службы смотрели на это иначе: "Поскольку в наводнение помещение архива не затапливается (но грунтовые воды иногда проникают на 30–50 см.), теперешнее помещение можно считать с этой стороны удовлетворительным" (Там же). Тот же Устрялов отмечал, что трудно говорить о сохранности документов, когда двери архива открыты настежь, а подметать помещение архива предполагалось не менее 1 раза в месяц. Конечно же, положение архива было ужасным. После многочисленных перебросок, наводнений, реорганизаций и других стихийных бедствий он оказался в чудовищном состоянии. Материалы были перепутаны, разрознены, некоторые документы находились в других помещениях и, конечно же, ни о какой научной и исследовательской работе с ними не могло быть и речи.

Возможно, положение архива и оставалось бы таким же жалким на долгие годы, на него все так же не хватало бы времени и внимания, но в 1936 г. на имя директора библиотеки А.Х. Вольпера пришел циркуляр из Москвы: "На основании приказа Наркома по просвещению А.С. Бубнова от 06.05. об упорядочении архивов и составлении перечня архивных материалов, предлагаю выделить сотрудника, на которого возложить проведение в кратчайший срок всех необходимых мероприятий по упорядочению архива. Зам. нач. библ. управления Киров." (Ф. 2. Оп. 21. 1936. Ед. хр. 1). Буквально через несколько дней в

⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 206.

Наркомпрос был отправлен ответ, в котором говорилось, что ввиду полного расстройтва архива нет никакой возможности подготовить перечни архивных материалов, но что в самое ближайшее время для архива будет выделено отдельное помещение и назначен туда постоянный сотрудник.

К этой работе впервые за долгие годы был привлечен по-настоящему квалифицированный сотрудник, в будущем известный ученый – египтолог И.С. Кацнельсон. Его знакомство с архивом библиотеки состоялось несколько раньше, когда он готовил свой "Путеводитель по ГПБ"⁷ и значение, и ценность архива были для него очевидны. В договоре, заключенном между библиотекой и Кацнельсоном, предусматривалось "полное приведение в порядок архива с 1797 по 1936 гг." (Ф. 2. Приказ № 78 от 11.11.1936), т.е. расстановка дел по местам, сверка с описями, составление новых, выделение макулатуры. По мере того как архив приводился в порядок, стали поступать просьбы исследователей на его материалы. Во время документальной проверки Кацнельсон составил список отсутствующих документов (967 ед. хр.). Помимо утраченных, некоторые дела отыскились в других отделах библиотеки, в частности в Рукописном.

С 1938 г. вводится должность заведующего архивом. Первым заведующим стал С.А. Оханов, бывший красный командир, кадровый военный, направленный в библиотеку на укрепление ее партийных рядов. В 1926–1930 гг. он работал в читальном зале, затем был назначен заведующим статистическим бюро. В 1938 г. на Оханова, помимо работы в плановой группе, было дополнительно возложено временное заведование архивом библиотеки. Он продолжил работу, начатую Кацнельсоном, обращая основное внимание на дела советского периода: просмотрел россыпь, часть которой была сдана в макулатуру; привел в порядок дела за 1914–1936 гг.; разобрал материалы общественных организаций – местного комитета, союза научных работников и др.; принял дела от ученого секретаря, секретаря директора, бухгалтерии и канцелярии, а также документы найденные в подвале (Ф. 2. Оп. 24. 1939. Ед. хр. 1). Отношение к архиву со стороны дирекции библиотеки начинает понемногу меняться. Издаётся приказ об охране документов, о сдаче дел текущего делопроизводства. Исследователи продолжают изыскания в архиве, особенно частыми посетителями становятся С.М. Бабинцев и С.А. Рейсер. Однако в ноябре 1940 г. Оханов был арестован, и архив вновь остался один на один со своими проблемами.

Началась война, блокада, обстрелы, бомбежки. Главной стала задача выжить, сохранить то, что есть. Казалось бы, об архиве, о котором не очень-то заботились в мирные времена, должны были забыть. Однако уже в эти страшные годы была создана специальная комиссия для сбора материалов военных лет – воспоминаний, писем и других свидетельств времени. В комиссию под председательством ученого секретаря Л.С. Франкфурт входили: В.С. Люблинский, Е.Э. Гранстрем, А.А. Громова, Б.И. Мебель. Все документы предполагалось хранить в архиве библиотеки.

10 августа 1944 г. при ученом секретаре ГПБ состоялось совещание, где обсуждался проект положения об архиве. В совещании участвовали: Л.С. Франкфурт, Т.К. Ухмылова, С.А. Рейсер, А.Д. и В.С. Люблинские, А.Н. Михайлова, А.А. Громова, Ю.А. Меженко, А.П. Могилянский и Е.Э. Гранстрем. Все единогласно высказались за включение архива, на правах самостоятельного фонда, в Рукописный отдел и создание редакционной тройки, которой поручить не позднее 15 сентября [1944 г.] окончательную выработку Положения и инструкции об архиве ГПБ (Ф. 2. Оп. 18. 1944. Ед. хр. 2). Для этого была создана специальная комиссия, в которую входили заведующий Рукописным отделом Т.К. Ухмы-

⁷ Путеводитель по ГПБ / Сост. Б.Ю. Эйдельман, И.С. Кацнельсон. Л., 1936.

лова, исследователь-библиотековед А.А. Громова и главный библиотековед Е.Э. Гранстрем, на последнюю было возложено заведование архивом (Ф. 2. Приказ № 64 от 2 октября 1944.).

Пока обсуждался статус архива, самым сложным оставался вопрос о помещении. "...Условия хранения ужасные, дверь открыта в помещение фонда, и есть доступ в архив. Был вытащен во двор шкаф, где хранились описи и некоторые неразобранные дела... Считаю необходимым заявить, что при таком положении никакой ответственности за сохранность архивных материалов нести не могу", – писала Гранстрем (Ф. 2. Оп. 18. 1944. Ед. хр. 2).

Но, несмотря на все трудности, Евгения Эдуардовна активно принялась за работу. Среди основных дел, намеченных ею, были прежде всего: прием материалов для архива из отделов и проверка наличия и порядка хранения документов, начиная с 1930 г. Одновременно архив стал выполнять и научные заявки. Впервые за долгое время архив стали обрабатывать, описывать и систематизировать – этим занимался Ф.Я. Прийма (в будущем известный литературовед) под руководством Л.Б. Модзалевского. Уже к осени 1946 г. дела дореволюционного и советского периода (по 1938 г.) были систематизированы и инвентаризированы в хронологическом порядке. Стал создаваться справочный аппарат. В особую группу были выделены дела по личному составу (Ф. 2. Оп. 20. 1945. Ед. хр. 1).

В апреле 1947 г. была закончена разработка положения и перечня документов, подлежащих архивному хранению. Их подготовкой занимались историки, филологи, научные сотрудники Рукописного отдела. Среди составителей были: Т.А. Быкова, А.Н. Михайлова, А.А. Громова, В.А. Бриллиант, Е.Э. Гранстрем и Ф.Я. Прийма. Первое в истории архива Положение определяло его место в структуре библиотеки (в составе Рукописного отдела) и задачи по хранению и собиранию материалов по истории ГПБ (постановления, переписка, производственные материалы, личные дела сотрудников, дела общественных организаций, образцы печатей и штампов и т.д.). Положение закрепляло разделение архива на две части: 1 – фонд 1795–1916 гг., который должен находиться в ведении одного из ученых хранителей Рукописного отдела; 2 – фонд, начиная с 1917, который составляет действующий архив и находится в ведении архивариуса. Кроме того, в Положении говорилось о порядке приема документальных материалов от отделов библиотеки, о принципах их описания и обработки, о сроках хранения. К работе с архивным фондом предполагалось привлечь сотрудников отдела библиотековедения, которые "в целях наиболее эффективного использования материалов для истории библиотеки и библиотечного дела" должны были составлять различные указатели (именные, тематические, предметные и т.д.). К Положению прилагался Перечень документов, подлежащих хранению (Ф. 2. Оп. 25. 1947. Ед. хр. 1).

Итак, архив получил документ, определяющий его правовое положение, но его состояние было далеко от идеального. Перемещение фондов архива в Рукописный отдел так и не состоялось, многие параграфы так и остались на бумаге. В сентябре 1947 г. Е.Э. Гранстрем сдала архив А.Н. Михалевой, которая была профессиональным архивистом и работа при ней заметно оживилась. Положение несколько изменилось после того, как отношением Архивного отдела МВД от 29 июля 1950 г. за № 22/1132 директору библиотеки предписывалось произвести полную обработку материалов для сдачи в ГАОР ЛО.

Началась лихорадочная обработка документов, по распоряжению директора за № 88 от 9 октября 1951 г. была проведена проверка работы архива. В комиссию по проверке входили: А.А. Алексеев (в будущем заведующий архивом, на тот момент помощник директора по кадрам) – председатель, А.Н. Михалева (бывшая заведующая архивом) и С.М. Бабинцев (представитель Рукописного

отдела). В выводах комиссии отмечалось, что необходимо найти нормальное помещение для хранения документов и открыть читальный зал для исследователей, усилить штат высококвалифицированным научным сотрудником, который бы изучал и описывал архивные материалы. Однако ни о каком укреплении научным сотрудником, ни о каком широком использовании материалов для научной и исследовательской деятельности не было и речи. С помещением были все те же проблемы. Люди уходили, штат не был укомплектован. В 1957 г. заведение архивом было возложено на А.А. Алексеева. Первое, что сделал Алексеев – разработал новое положение об архиве, по которому он становился приложением отдела кадров, канцелярии, дирекции. Хотя архив впервые стал самостоятельной структурной единицей, его самостоятельность практически утрачивалась, научная и историческая ценность не учитывалась. Такой подход на долгие годы определил отношение к архиву ГПБ.

В апреле 1958 г. документальные материалы ГПБ были включены в план концентрации ГАФ СССР и подлежали передаче на постоянное хранение в ГАОР ЛО. В связи с этим предлагалось рассекретить дела, находившиеся на специальном хранении, провести экспертизу научной и практической ценности документов, обработать и подготовить к передаче дела до 1950 г. Передачи документов происходили и раньше, но теперь они предполагались в других масштабах. Предвидя крупные изменения в составе фонда архива, зав. Рукописным отделом С.М. Бабинцев стал просить о передаче некоторых архивных материалов в его отдел. В записке были названы, например: письмо С.Я. Маршака в ГПБ, рукописный том каталога книг по разделу "Теология", "Материалы к истории царствования Николая I" (14 папок большого формата), переписка Б.Р. Зельцде с Г.И. Ивановым по вопросам составления каталогов за 1931, 1933–1935 гг., письмо М. Балакирева от 20 сентября 1895 г. о преподнесении в дар Публичной библиотеке манускрипта, писанного рукой Ф. Шопена, описания рукописей, изъятых из личного дела В.Н. Бенешевича (Ф. 2. Приказ № 64 от 2 октября 1944).

Через некоторое время Рукописный отдел пополнился новыми материалами из архива. Были переданы документы Общества библиотекосведения за 1911, 1917, 1921–1931 гг., среди которых – анкеты библиотек академий, университетов, институтов, курсов Петербурга, Москвы, Киева, Варшавы и других городов; протоколы собраний учредителей Общества и приложения к ним; устав Общества, список членов-учредителей, справка о деятельности и о составе Совета; отчеты о деятельности Общества за 1926–30 гг. (Ф. 2. Оп. 45/23. 1961. Ед. хр. 1).

В январе был заключен договор с ГАОР ЛО о передаче туда документов архива библиотеки на постоянное хранение (Ф. 2. Оп. 44/24. 1960. Ед. хр. 2). Однако, несмотря на неопределенное положение архива, на его неясное будущее, работа в нем продолжалась. Помимо выдачи различных справок, учета документов по личному составу, в архив пришли исследователи. Активно стали работать с архивными материалами и сотрудники библиотеки. Во многом это было связано с предстоящим юбилеем ГПБ (в 1964 г. исполнялось 150 лет со дня ее открытия).

Штат архива был увеличен до 4 человек, и в плане работы появились новые направления. Было намечено составить исторические справки о фондообразователях 1 (ИПБ) и 2 (ГПБ) фондов, сделать именной указатель архивных документов о работниках ИПБ и РПБ за 1863–1917, 1917–1924 гг. и дополнение к "Алфавиту дел ИПБ". Предусматривалась специальная работа для подготовки к сдаче в Госархив 1 и 2 фондов. Подготовка к празднованию юбилея библиотеки повлекла за собой изучение и освоение архивных материалов.

В 1973 г. документы архива ГПБ, хранившиеся в ГАОР ЛО, были переданы

в ЛГАЛИ⁸. Всего было передано более 5,5 тыс. дел⁹. Они составили 97-й фонд ЛГАЛИ. В него входили самые разнообразные материалы: дела канцелярии, планы и отчеты библиотеки и ее отделов, переписка читателей с библиотекой, материалы по чистке личного состава, документы польской комиссии, опись библиотеки и архива С.П. Милюкова, письма, дневники сотрудников библиотеки за военные годы и многое другое. После передачи части архива ГПБ в ЛГАЛИ настал новый тяжелый период его истории. Такая ситуация продолжалась до 1982 г., когда новый зав. архивом А.С. Антонов сумел доказать нецелесообразность передачи документов в ЛГАЛИ и материалы стали оставаться в ее архиве. Однако, в который уже раз, архив нужно было приводить в порядок.

Сейчас, к счастью, для архива наступили лучшие времена. Ежедневно в нем работает до десятка исследователей. На основании данных архива РНБ удалось существенно дополнить сведения о памятных книжках различных губерний Российской империи¹⁰, уточнить биографические сведения о многих деятелях российской культуры. Был создан первый том биографического словаря сотрудников библиотеки¹¹, восстановлена хроника событий Великой Отечественной войны¹², пишутся статьи по истории библиотеки, проводятся научные конференции.

Окончание следует

⁸ Ныне ЦГАЛИ СПб.

⁹ В 1973 г. в ЛГАЛИ из ГАОР ЛО были переданы 1012 дел за 1918–1935 гг.; в 1974 г. – 1395 дел за 1936–1947 гг.; в 1975 г. – 2012 дел за 1948–1962 гг.; в 1978 г. – 416 дел за 1963–1965 гг.; в 1980 г. – 178 дел за 1966–1967 гг.; в 1982 г. – 573 дела за 1968–1973 гг.

¹⁰ Балацкая Н.М., Раздарский А.И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Предварительный список. СПб., 1994.

¹¹ Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биограф. словарь. Т. 1. Императорская Публичная библиотека (1795–1917). СПб., 1995.

¹² В память ушедших и во славу живущих: Хроника войны, 1941–1945 / Сост. С.А. Крючковский. СПб., 1995.

М.Ф. Шумейко

АРХИВЫ И ВЛАСТЬ

(К истории документальных собраний
бывших Виленского и Витебского центральных архивов
древних актов)

Данная статья представляет собой фрагмент из коллективной монографии, посвященной исследованию истории архивного дела в Белоруссии. Работа над ней ведется группой сотрудников недавно созданного в структуре архивных учреждений Республики Беларусь научно-исследовательского центра документоведения, археографии и архивного дела. Исходя из темы монографии, автор настоящей статьи ограничивает предмет своего исследования лишь двумя историческими архивами, не касаясь при этом Киевского центрального архива древних актов, созданного так же, как Виленский и Витебский, в соответствии с указом Правительствующего Сената от 2 апреля 1852 г.¹

Имеется значительная литература об истории создания, составе документов и основных направлениях деятельности Виленского и Витебского архивов во второй половине XIX – начале XX в. Она включает статьи информационно-обзорного характера бывших сотрудников архивов, юбилейные исторические очерки, монографии российских, белорусских, польских, американских исследователей, учебные пособия и пр.² Тем заметнее на фоне этой обильной литературы отсутствие специальных работ, посвященных судьбе документальных собраний обоих архивов в первой половине XX в. Восполнить данный пробел – задача настоящей статьи. Ее основу составили документы и материалы государственных и бывших партийных архивов Белоруссии (доступ к части из них до недавнего времени был ограничен для исследователей), периодическая печать (в том числе и немецкие оккупационные издания, выходившие в Белоруссии в 1941–1944 гг.) и др.

Как известно, с момента своего возникновения Виленский и Витебский архивы были поставлены в неравные условия. Первый находился в ведении Министерства народного просвещения, которое предоставило ему здание университета, закрытого ко времени создания архива. Второй архив подчинялся

¹ См.: Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 120–121.

² Горбачевский Н.И. О Центральном архиве древних актов книг губерний: Виленской; Гродненской, Минской и Ковенской // Вестн. Западной России. Вильно, 1869. Кн. 5, 6; Ляпин В.А. Виленский центральный архив // Сб. Археол. ин-та. СПб., 1878. Кн. 1; Он же. Витебский центральный архив // Там же. СПб., 1880. Кн. 3; 50-летие Виленского центрального архива древних актов книг: Ист. очерк. Вильно, 1902; Mienicki R. Archiwum akt dawnych w Wilnie. Warszawa, 1923; Он же. Archiwum akt dawnych w Witebsku. Warszawa, 1939; Улащик Н.Н. Очерки археографии и источниковедения истории Белоруссии феодального периода. М., 1973; Grimsted P.K. Archives and Manuscript Repositories in the USSR: Estonia, Latvia, Lithuania and Belorussia. Princeton, 1981; Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941; Самошенко В.Н. Исторические архивы дореволюционной России: Уч. пособие. М., 1986; Он же. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989; и др.

Министерству внутренних дел и ввиду отсутствия помещения смог начать работу лишь в 1863 г., когда ему было выделено здание бывшего фарного костела.

В отличие от Витебского архива, хранившего акты только низших судебных инстанций б. Великого княжества Литовского за 1596–1799 гг. (по административно-территориальному делению Российской империи это были документы Витебской и большей части Могилевской губернии), в Виленском архиве были сосредоточены, помимо книг соответствующих местных судов, и документы центральных судебных учреждений б. Великого княжества Литовского за 1491–1799 гг. (Главного Литовского трибунала, Скарбовой комиссии и т.д.). Соответственно разными были и объемы находившихся в архивах документов: к концу века в Виленском архиве хранилось свыше 23 тыс. актов книг, в Витебском – около 2 тыс.

Эти обстоятельства привели к тому, что просуществовав 40 лет, Витебский центральный архив древних актов, фактически первый исторический архив Белоруссии, был ликвидирован. Ссылаясь на то, что он "помещен в городе, где нельзя предполагать достаточного числа лиц, интересующихся историческими разысканиями", а также указав на сложности, возникавшие в процессе справочной работы из-за раздробленности архивных фондов, специально учрежденная комиссия по преобразованию архивов западных губерний пришла к выводу о целесообразности объединения с 1 января 1903 г. Витебского и Виленского архивов. Решение комиссии было одобрено Государственным Советом, принявшим 24 ноября 1902 г., мнение "Об утверждении временного штата Центрального архива древних актов книг". Второй пункт решения Госсовета гласил: "Упразднить с того же срока (т.е. с 1 января 1903 г. – *М.Ш.*) Витебский центральный архив древних актов книг с передачей всех хранящихся в нем актов в Виленский центральный архив"³.

С точки зрения соблюдения интересов пользователей документами архива, в том числе и его сотрудников, а также с учетом основного принципа архивоведения, предполагающего недробимость архивных фондов, присоединение Витебского архива к Виленскому в целом заслуживает положительной оценки. Оно ликвидировало распыленность и так не очень значительных средств, выделяемых на содержание и упорядочение документов обоих архивов, и, что самое главное, объединило в одном месте документы не только родственных, но во многих случаях одних и тех же учреждений. Таким образом, объединение двух архивов с одной стороны способствовало концентрации древних письменных памятников по истории Литвы и Белоруссии. Но, с другой стороны, оно же привело к тому, что на территории последней не оставалось источников по истории белорусского народа за XVI–XVII вв.

На перевозку документов и имущества Витебского архива, изготовление нового оборудования для него было выделено 1100 руб. Переезд в Вильно сильно затянулся и продолжался почти до 1908 г. После перевозки объединенный архив стал насчитывать 25 577 актов книг.

Первая мировая война и последовавшие за ней события существенным образом изменили не только состав, но и характер деятельности архива: из хранилища древних актов он превратился в Государственный архив, где начали концентрироваться и документы современных учреждений и организаций Виленского края, отошедшего, как известно, в 1920 г. к Польше. К нему были присоединены общий архив и архив Муравьевского музея. В таком качестве архив пребывал до осени 1939 г.

Тогда же, в 1915 г., с приближением кайзеровских войск к Вильно, часть

³ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т. 1. С. 216.

архива вывезли в Ярославль. Известный белорусский этнограф и библиограф Ал. Шлюбский считал, что была эвакуирована самая ценная его часть⁴. Бывший в 1920-е годы старшим архивистом архива Р. Меницкий на вопрос "Что вывезено?" не мог дать точного ответа, так как отсутствовали списки вывезенных книг. "Российские архивные власти, — писал он, — перед выездом из Вильно опечатали архив, закрыли двери на ключ и отдали их городскому совету, а те — Археографической комиссии"⁵. Правда, десятью страницами ниже Меницкий указывал, что после вывоза актовых книг в Россию и передачи в октябре 1919 г. 3518 (из находившихся там 4882) книг Люблинской губернии в соответствующий польский архив, в Виленском архиве оставалось 14 832 книги⁶.

Таким образом, нетрудно подсчитать, что, по данным польского архивиста, в 1915 г. из Виленского архива в Россию было вывезено 7227 книг. Несмотря на отсутствие точной и прямой информации о том, какие актовые книги вывезены в 1915 г. из архива⁷, косвенное подтверждение факта эвакуации документов в Россию имеется в материалах I Всебелорусской конференции архивных работников (май 1924 г.): в частности, В.И. Пичета упоминал о витебских документах, находившихся в 1922 г. в архиве Ярославля.

Дальнейшие международные события (российско-польская война, последовавший за ней Рижский мирный договор, а также мирный договор, заключенный Советской Россией с Литвой) не могли не затронуть судьбы Виленского архива. Согласно статье IX Договора между РСФСР и Литвой, заключенного 12 июля 1920 г., Литве должны были быть возвращены все культурные ценности, включая и архивы, вывезенные ранее царскими властями с ее территории. В центре внимания смешанной литовско-русской комиссии, начавшей свою работу в 1921 г., был, конечно, архив канцелярии Великого княжества Литовского — так называемая Литовская метрика. Однако при этом литовская сторона поднимала вопрос и о возвращении документов Виленского архива, которые, по ее сведениям, находились в Ярославле. Одновременно на Литовскую метрику и документы Виленского архива предъявила свои претензии и польская сторона согласно статье XI Рижского мирного договора, заключенного между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой.

Что касается Литовской метрики, то часть ее, как известно, была передана Польше⁸, документы же Виленского архива, находившиеся в Ярославле, не были отданы ни Польше, ни Литве. Правда, выступавший на архивной конференции Я. Дыло однозначно утверждал, что некоторые акты и акты, вывезенные в Ярославль, якобы все-таки были выданы Польше. Исходя из этого, он предполагал от имени участников конференции обратиться в Центральные архивы России с просьбой вернуть оставшуюся часть актовых книг Виленского архива, хранившихся в Ярославле. При этом он информировал делегатов конференции о неблагоприятном состоянии архива в Вильно: "Между прочим мне известно, что в настоящий момент заведует Виленским архивом некий эндэк⁹, который

⁴ Шлюбскі Ал. Матэрыялы да крыўскае гісторыі: Доля кнігасхову і архіваў // Спадчына (Мінск). 1992. № 4. С. 25.

⁵ Mienicki R. Archiwum akt dawnych w Wilnie. Warszawa, 1923. S. 122.

⁶ Mienicki R. Op. cit. S. 132.

⁷ По данным "Przewodnik po zbiorach rękopisów w Wilnie" (Kraków, 1993) вывезены были древнейшие книги Трибунала ВКЛ и другие "наичценнейшие документы" (С. 143).

⁸ Подробнее об этом см.: Банинскі Э. З гісторыі Літоўскай метрыкі // Беларускі гістарычны часопіс (Мінск). 1994. № 1. С. 18–23; Цаплин В.В. О праве собственности на архивные документы в дипломатических актах дореволюционной и советской России // ОА. 1992. № 4. С. 24.

⁹ Директором Госархива Польши в Вильно в тот период был профессор Вацлав Студинский, автор монографии "Archiwa Państwowe w Wilnie w okresie wojennym 1914–1920 i stan ich dzisiejszy", опубликованный в т. 27 "Отчетов" Польской Академии наук за 1922 г. С его именем будет связана судьба Виленского архива в годы второй мировой войны. Что касается информация Я. Дыло об

уничтожает те архивные материалы, которые являются свидетельствами угнетения поляками белорусов и литовцев"¹⁰.

Из справки участвовавшего в работе конференции В.И. Пичеты (он был главным инспектором Центрархива РСФСР и экспертом по реализации Рижского мирного договора в части архивов), которую он дал в связи с информацией Я. Дыло, не совсем ясна судьба документов Виленского архива, вывезенных в Ярославль. Приведем здесь полностью этот документ, дабы подчеркнуть крайнюю сложность и запутанность ситуации с белорусскими архивами в 1920-е годы.

"На основе договора с Литвой, – говорил Пичета, – все архивы, относящиеся к литовской территории, должны быть переданы Литве. В Рижском договоре (с Польшей. – *М.Ш.*). Наркоминдел смотрел с такой точки зрения, что часть Виленской губернии является Литвой и на этом основании отказался выдать полякам эвакуированные в РСФСР архивы бывшей Виленской губ. Затем, при реализации мирного договора с литовцами архивы, имеющие громадное значение, не были выданы Литве. Постановлено выдать не только архивы, которые находятся на территории РСФСР и не имеют большого значения, часть такого материала была в Ярославле. Бывший уполномоченный Центрархива (РСФСР. – *М.Ш.*) по Витебской губ. Б.Р. Брежго донес мне, что среди материалов, находившихся в Ярославле, и которые подлежат выдаче Литве, находятся документы, вывезенные из Витебска (имелись в виду, очевидно, актовые книги Витебского архива древних актов, переведенного в 1903 г. в Вильно, – *М.Ш.*). Я как главный инспектор Центрархива, сейчас же отдал распоряжение о задержке выдачи этих архивных материалов литовскому представителю. Литовский представитель обратился к послу с протестом по поводу моего выступления. Но все же Наркоминдел приостановил выдачу архивных материалов, и ответственность за целостность их была возложена на Ярославский архив. Присоединяясь к мнению, чтобы вернуть либо в Минск, либо в Витебск архивы бывшей Виленской губ., находившиеся в 1922 г. в целостности и полной сохранности в ведении Ярославского архивного бюро, и если мы их вернем, то..."¹¹. В этом месте Дыло перебил Пичету вопросом: "Я не понял и хочу спросить, отдана ли литовцам часть архива, который находится в Ярославле?", на что последний ответил: "Нет, не выдано"¹².

Из справки Пичеты можно предположить, что российская сторона, используя противоречия между поляками и литовцами, связанные с претензиями обеих сторон на Виленский край, оставила у себя часть Виленского архива. К сожалению, мы не располагаем информацией, были ли эти материалы впоследствии возвращены Россией Литве и Белоруссии¹³.

Упоминание о Виленском архиве встречается и в материалах II Всебелорусского совещания (конференции) архивистов (1927 г.), в частности, в докладе зам. руководителя архивной службы республики М.В. Мелешко. Однако он не вносит никакой ясности в историю вопроса; докладчик был вообще недостаточно

уничтожении документов в Виленском архиве, то, скорее всего, она носила гипотетический характер.

¹⁰ Белорусский государственный архив. Ф. 249. Оп. 1. Д. 63. Л. 104. (Далее: БГА).

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 105.

¹³ На этот счет А. Калубович, который, как нам известно, не работал с делопроизводственными документами белорусских госархивов, однозначно утверждает, что о судьбе вывезенных в 1915 г. в Россию документов Виленского и Витебского архивов до сих пор ничего неизвестно. См.: Калубовіч А. Крокі гісторыі: Даследаванні, артыкулы, успаміны. Беласток–Вільня–Менск, 1993. С. 240.

знаком с историей архивного дела в Белоруссии (он указывал, например, что "особо важные архивные материалы, как Метрика литовская и т.п.", перевозились в архивы Ленинграда и Москвы, откуда только Октябрьская революция дала возможность вывезенным архивам вернуться обратно в Белоруссию)¹⁴ (?).

Осенью 1939 г. начинается новый этап в истории Виленского архива. В сентябре 1939 г. части Красной Армии заняли Виленский край и г. Вильно, освободив их от поляков. 10 октября 1939 г. между Москвой и Каунасом был заключен "Договор о передаче города Вильно и Виленской области и о взаимоотношениях между Советским Союзом и Литвой", в соответствии с которым советские войска оставляли Литве территорию Виленского края. Очевидец тех событий вспоминал: "НКВД перед своим отходом грабил, что можно было грабить и вывозил на восток... Со своим отходом из Вильно большевистские власти опоражнивали тюрьмы, забирали все стоящее из магазинов, предприятий, музеев, научных учреждений"¹⁵. Белорусский НКВД тоже "приложил руку" к этой акции: в конце 1939 – начале 1940 г. в Минск был вывезен Виленский архив, насчитывавший к тому времени около 1,3 млн ед. хр.¹⁶

19 декабря 1939 г. Совнарком Белоруссии принял постановление "О размещении архива, прибывшего из г. Вильно"¹⁷. В соответствии с ним Академии наук республики предлагалось разместить у себя прибывший из Вильно архив, что и было сделано.

Наряду с актовыми книгами, составлявшими основу архива древних актов, среди документов вывезенного архива находилась огромная коллекция материалов Муравьевского музея (в основном документы католических монастырей, закрытых после восстания 1863 г., рукописи частных лиц, документы следственных комиссий, материалы воинских начальников и др.), фонды канцелярии Виленского генерал-губернатора, Виленского учебного округа, цензурного комитета, губернского правления и др. Кроме того, в составе архива находились материалы органов власти и управления, действовавших на территории Виленского края в период его оккупации германскими войсками (1915–1918), хозяйничанья там большевиков (1919), поляков (1920–1938).

Обследовавший в июле 1940 г. состояние архива инструктор отдела кадров ЦК КП(б)Б Бондарович писал тогда же в докладной записке на имя секретаря ЦК П. Пономаренко: «По количеству материалов и их содержанию архив является одним из самых богатых и ценных в Восточной Европе. Он широко известен научно-исследовательским учреждениям почти всех стран Европы (Германии, Франции, Англии и др.). У нас в СССР по богатству своего содержания архив приобретает общесоюзное значение. При архиве имеется ценная библиотека с богатыми коллекциями старопечатных книг с XVI, XVII, XVIII вв. Например, Статут Великого княжества Литовского 1588 г. (печатанный в 1614 г. в знаменитой типографии Мамоничей), "Сборник прав и привилеев главного города Великого княжества Литовского" на латинском и польском языках (печатан в 1788 г.) и многое другое»¹⁸.

С позиций международного права (в том числе и ныне складывающегося архивного) невозможно объяснить факт вывоза архива одного суверенного государства (Литвы) в другое (Белоруссия). Как известно, войны между этими государствами не было и архив не являлся трофеем. Безусловно, часть документов, хранившихся в Виленском архиве, с учетом существующего в архивоведении принципа провинциальности, относилась к территории Белоруссии и должна была

¹⁴ БГА. Ф. 249. Оп. 1. Д. 230. Л. 56.

¹⁵ Малецкі Язэп. Пад знакам Пагоні: Успаміны // Спадчына. 1994. № 2. С. 124.

¹⁶ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1020. Л. 181. (Далее: НАРБ).

¹⁷ БГА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 893 б. Л. 186.

¹⁸ НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1020. Л. 181.

быть передана в ее архивохранилища. Однако все-таки подавляющая часть материалов Виленского архива являлась собственностью Литовского государства. Скорее всего вывоз архива из Вильно был обусловлен политическими мотивами: получая из рук Москвы территорию Виленского края, населенного преимущественно поляками и белорусами, Литва выполняла все требования Москвы. А в том, что требование о передаче Виленского архива исходило от Москвы, сомнений нет: дальнейшие события подтверждают наше предположение. Как писал упоминавшийся выше Я. Малецкий, "литовцы до того были ослеплены передачей им Сталиным Вильно, что принимали покорно каждый раз новые посягательства Москвы на их независимость"¹⁹.

Был ли вывезен в Минск весь Виленский архив? Если верить межархивному справочнику "Государственные архивы СССР", то ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. В справочнике об истории создания Центрального государственного исторического архива Литвы, читаем: "Архив создан в 1957 г. на базе документов Отдела исторических фондов Центрального государственного архива Литовской ССР, образованного в 1949 г. и включившего документы Виленского архива древних актов. Виленского архива присутственных мест и Архива-музея М.Н. Муравьева" (курс. авт. – М.Ш.)²⁰. Информация справочника косвенно подтверждается данными уже упоминавшейся докладной записки инструктора ЦК КП(б)Б. В последней указывается, что один этаж архива (6–7 вагонов) остался в Вильно невывезенным²¹. Правда, из докладной не ясно, было ли это следствием плохой организации перевозки архива, или это исходило из условий предварительной договоренности между руководством Белоруссии и Литвы.

Документы свидетельствуют, что перевозка Виленского архива в Минск была организована действительно архиплохо. Как отмечал инструктор ЦК, "тов. Климов²² (парткурсы ЦК КПБ) не сумел обеспечить перевозку архива в надлежащем порядке"²³. Из 26 вагонов, в которые был погружен архив, один вообще не дошел до пункта назначения: по ошибке он попал в Москву.

"При перевозке, – отмечал Бондарович, – много документов, экспонатов Масонского музея и книг библиотеки потеряно и похищено. Так, население Минска на улице находило связки документов и сдавало в Минский областной архив. Из 400 экспонатов Масонского музея доставлено в Минск только несколько, из 1200 книг библиотеки им. Врублевского, отправленных с места, прибыло только 829, много ценнейших книг пропало. Судя по настоящему состоянию архива значительная часть его материалов из различных фондов пропала. Недостает значительного числа рукописей Архива древних актов, Архива учебного округа, архива Муравьева и комиссии Радзивилла"²⁴.

К сожалению, очень плохо была организована не только перевозка, но и размещение архива. Привезенные дела свалили в подвале и коридоре Академии наук, где они находились безо всякой охраны. Вследствие этого со многих дел исчезли ценные переплеты; вырванными оказались не только чистые листы, но и документы. Архив неоднократно затапливало водой из лопавшихся труб.

¹⁹ Спадчына. 1994. № 2. С. 125.

²⁰ Государственные архивы СССР: Справочник. М., 1989. Ч. 2. С. 231.

²¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1020. Л. 182.

²² И.Ф. Климов до сентября 1939 г. являлся заведующим парткурсов ЦК КП(б)Б, в сентябре-октябре 1939 г. был одним из руководителей назначенного правительством БССР Временного управления Вильно и Виленского воеводства, в 1940–1941 гг. работал первым секретарем парткома пограничной с Литвой Виленской области. Его статьи о событиях тех лет в Вильно публиковались в газете "Звезда" (1989. 18 окт., 1990. 8 апр.). Правда, в них автор ни слова не упоминает о вывозе Виленского архива, организация которого была ему поручена.

²³ НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1020. Л. 133.

²⁴ Там же.

Приехавшие вместе с архивом из Вильно двое его сотрудников были не в состоянии разобрать, систематизировать дела, обеспечить их сохранность и научное использование. "Такого варварского отношения к памятникам старины и историческим ценностям, — резюмировал автор докладной записки в ЦК КП(б)Б, — история нам не простит"²⁵.

На состоявшемся 16 июля 1940 г. заседании ЦК КП(б)Б был рассмотрен вопрос о состоянии Госархива Академии наук БССР²⁶. В принятом высшим партийным органом республики решении отмечалось, что переданный Академии наук архив находится в хаотическом состоянии, значительная часть его документов свалена в подвале, безо всякой охраны, часть их похищена, испорчена водой; до сих пор отсутствует директор архива; руководство Академии не принимает никаких мер к наведению порядка в архиве и сохранению исторических памятников. За халатное отношение к сохранению и упорядочению архива президенту и ученому секретарю Академии наук были объявлены выговоры. До наведения в архиве порядка и систематизации фондов партийный комитет республики запретил без своего специального разрешения кому бы то ни было доступ к материалам архива. Руководству Академии было предложено в 10-дневный срок навести в архиве порядок, вернуть из Москвы случайно попавший туда вагон с документами. Совнаркому республики давалось поручение предоставить для размещения архива специально приспособленное здание, выделить необходимые средства на упорядочение материалов и содержание необходимого штата сотрудников. Отдел кадров ЦК должен был подобрать кандидатуру на должность директора архива. И заключала постановление ЦК протокольно оформленная запись: "Поручить НКВД БССР, т. Цанава, установить соответствующее наблюдение за государственным архивом, находящимся при АН БССР"²⁷.

Эта запись требует некоторого пояснения. Дело в том, что в сентябре 1938 г. госархивы Белоруссии были переданы в ведение НКВД. Виленский же архив не включался в структуру госархивов республики, находясь при Академии наук, т.е. формально он не подчинялся ведомству Цанавы. Однако интерес последнего к документам оперативного характера, хранившимся в архиве (имеются в виду, прежде всего, материалы польских полицейских органов), очевиден. Возможно с учетом этого была сделана данная протокольная запись.

Что же касается причин невключения вывезенного из Вильно архива в общереспубликанскую сеть госархивов, то их могло быть две. Во-первых, предполагалась научная разработка документов архива, их публикация и использование в качестве источников при написании статей, монографий. Сделать это лучше других могли ученые Академии наук, куда и передавался архив. Во-вторых (и это, на наш взгляд, главное), архив еще до вывоза из Вильно был назначен к раскассированию, поэтому московское архивное руководство сочло нецелесообразным ломать уже сложившуюся структуру госархивов Белоруссии, сначала передавая в нее Виленский архив, а затем изымая оттуда подавляющую часть документов.

Вскоре после состоявшегося заседания ЦК КП(б)Б был решен вопрос о

²⁵ Там же. Л. 183.

²⁶ Любопытно отметить, что партийные чиновники, формулируя повестку дня заседания ЦК, не улавливали разницы между госархивом и архивом АН Беларуси: для них все было "государственным". На самом же деле Виленский архив составил основу Исторического архива при АН БССР, не входившего в систему госархивов республики. Помимо Виленского в Исторический архив был включен и фамильный архив кн. Радзивиллов, перевезенный после сентября 1939 г. из Несвижа. (Подробнее об архиве Радзивиллов см.: *Леонтьева Т.Е.* Несвижский архив Радзивиллов: Обзор документальных материалов // Науч.-информ. бюл. Архивного управления при СМ БССР. 1961. № 2).

²⁷ НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1020. Л. 7 об.

директоре архива – им стал К.А. Бангайтис; остававшиеся в подвале документы были перемещены на первые два этажа правого крыла строящегося здания Академии наук.

В дальнейшем судьба Виленского архива решалась в Москве. 31 января 1941 г. союзный Совнарком распоряжением № СО-960 разрешил НКВД СССР все документальные материалы архивов древних актов, находившиеся в Минске, и имевшие общесоюзное значение, передать на хранение в Госархив феодально-крепостнической эпохи в Москве (будущий ЦГАДА СССР); архивные же документы учреждений, существовавших после раздела Польши в 1795 г., распределить между госархивами союзных республик по принадлежности их к соответствующим территориям. Передаче в госархивы Белоруссии подлежали материалы Виленского генерал-губернатора, Особой следственной Минской комиссии и других учреждений, относящихся к территории Белоруссии. В госархивы Литвы должны были поступить фонды канцелярии Виленского губернатора, Особой следственной Виленской комиссии и др.

На состоявшемся 21 февраля 1941 г. совещании при заместителе начальника ГАУ НКВД СССР были рассмотрены и утверждены списки фондов бывшего Виленского архива древних актов, распределяемых между архивами Москвы, Вильнюса и Минска. Перечень подлежащих передаче в Москву фондов включал 92 наименования. Среди них значились фонды Главного Литовского трибунала (имевшего в своем составе 4 каденции: Виленскую, Гродненскую, Новогрудскую и Минскую), Главного духовного трибунала, Главного Литовского скарбового трибунала, Литовской скарбовой комиссии, Маршалковского суда, Литовского задворного ассесорского суда, Литовской войсковой комиссии, Витебской палаты гражданского суда, Литовских экономического, военного департаментов, финансовой палаты, Военной комиссии ВКЛ, юрисдикции Виленского епископа, местных городских, земских, каптуровых, подкормских, эксдивизорских судов, магдебургий, магистратов. Из фондов, не входивших в состав бывших архивов древних актов книг, в Москву должны были быть вывезены материалы Виленской археографической комиссии и др.²⁸

В список фондов, остающихся в Белоруссии, и подлежащих передаче архивному отделу НКВД, вошли 83 наименования. Это были в основном документы местных органов власти царской администрации, начиная с середины XIX в., а также материалы архива-музея гр. Муравьева²⁹.

Основная же масса документов подлежала возврату в Вильнюс, ставший, как известно, к этому времени столицей Литовской ССР. Согласно смете расходов (составлена в апреле 1941 г.) на транспортировку архива из Минска в Вильнюс требовалось 22 железнодорожных вагона (300 т). Для перевозки документов в Москву необходимо было 6 вагонов (90 т).

Вероятно угроза надвигавшейся войны заставляла руководство архивной службы СССР торопить белорусское архивное начальство с отправкой документов в Москву. Так, в письме начальника ГАУ НКВД СССР И.И. Никитинского начальнику архивного отдела НКВД БССР И.А. Переплетчикову от 10 марта 1941 г. предписывалось: "Все документальные материалы из хранилищ Академии наук должны быть распределены и высланы до 1 июня с.г. О ходе отправки материалов информируйте два раза в месяц"³⁰. Литовский коллега Норнов также торопил Переплетчикова с передачей документов³¹.

Война перечеркнула планы советского архивного руководства относительно

²⁸ БГА. Ф. 249. Оп. 4. Д. 45. Л. 9–12.

²⁹ Там же. Л. 14–17.

³⁰ Там же. Л. 45.

³¹ Там же. Л. 7.

Виленского архива. С оккупацией Минска немцы в числе других уцелевших зданий белорусской столицы заняли и помещение главного корпуса Академии наук, в правом крыле которого размещался Исторический архив. Освобождая нужные им комнаты, оккупанты выбросили часть архива во двор, где он находился до конца августа 1941 г. Уже после освобождения города в июле 1944 г. довоенный библиотечный работник Академии наук Б. Ченько рассказывал: "...в конце августа 1941 г. группа бывших работников АН в составе Морозова С., Сержанина И., Рунцо А., Сенько Б., Финкевича П., Ковзеля и Кадача... приступила к работе по охране имущества АН БССР... начала ее с архивного имущества. На территории академического двора, под колоннами и даже на площадке клинического городка валялись дела, целые и разбитые, Виленского архива. Вероятно, были выброшены архивные материалы из двух комнат, т.к. сборка их, конечно без всякого порядка, и переноска их в коридор помещения архива заняла у нас, семи человек, около двух недель. Как уже сказано, был конец августа, шли дожди – папки с бумагами промокли и разбухли, по ним ходили немецкие солдаты, ветер разносил отдельные листы на далекие расстояния. Неоднократно застигали обывателей, главным образом детей, с мешками, набитыми архивными бумагами, для разных хозяйственных нужд"³².

Весной 1942 г. в Минск из Вильно приехал профессор В. Студницкий, который вместе с сыном, а также помогавшими ему сотрудниками Минского исторического архива в течение нескольких месяцев занимался разборкой дел бывшего Виленского архива и подготовкой их к отправке туда, откуда его так спешно вывезли накануне войны. Несмотря на знание Студницким состава фондов архива, сложность его работы заключалась в том, что виленские акты были перемешаны с актами Несвижского архива и собственно документами Академии наук, также хранившимися в Историческом архиве. В ходе разборки дел архива была обнаружена папка с делопроизводственными документами самого Исторического архива за 1939–1942 гг., которые проливали свет на обстоятельства перевозок архива из Вильнюса и свидетельствовали об условиях его хранения в Минске в предвоенные годы. Она послужила основой для публикации статьи "Как большевики уничтожали белорусские архивы"³³.

Подписанная псевдонимом "Архивариус" статья, судя по знанию дела, с которым она была написана, могла принадлежать заведующему Минским историческим архивом В.К. Новаковскому. Если не считать нескольких выпадов антисемитского характера в адрес довоенного руководства архивной службы Белоруссии и подробностей интимного характера, связанных с личностью ответственного за перевозку архива, в целом она носила объективный характер и предавала огласке действительно имевшие место факты безответственного отношения, проявленного руководством Академии наук к документам Виленского архива. Правда, автор публикации слишком упрощенно трактовал причины вывоза архива из Вильнюса. Он, в частности, писал: "Инициатором этого перевоза являлся виленский еврей Хоник, который ничего общего с белорусским движением и наукой не имел, а преследовал только личную цель: стать заведующим Виленским архивом, хотя бы и в Минске. В октябре 1939 г. после занятия советскими войсками города Вильно, который в то время советская власть считала частью Западной Белоруссии, Хоник убедил политического руководителя Климова, который был тогда комиссаром культуры, перевезти Виленский архив в Минск и передать затем Академии наук Белорусской советской республики"³⁴.

³² Там же. Оп. 8. Д. 5. Л. 42–43.

³³ Беларуская газ. 1943. 7 авг. Статья была перепечатана в газ. "Раніца" (1944. 9 янв.).

³⁴ Беларуская газ. 1943. 7 авг.

Как уже отмечалось, без указания Москвы или хотя бы согласования с ней белорусское руководство вряд ли взяло бы на себя смелость решать подобный вопрос.

Далее автор статьи, упомянув о принятом в начале 1941 г. архивной комиссией решении возвратить большинство фондов бывшего Виленского архива в Вильнюс, писал: «Эта мысль соответствовала принципам архивной науки и поэтому совершенно независимо от этой архивной комиссии в Минске³⁵, немецкая центральная власть на Востоке в Риге, договорившись с Генеральным комиссариатом в Минске и Риге, постановила в 1942 г. вновь перевести Виленский архив из Минска в Вильнюс, оставив в Минске те акты, которые в соответствии с принципом "провиниенции" (своего происхождения) являются минскими актами и должны оставаться в Минске. Согласно этому постановлению из 26 вагонов архивных актов вернулись из Минска в Вильнюс 20 вагонов»³⁶.

Приводя факты действительно варварского обращения с ценнейшими документальными памятниками, автор статьи в заключение делал вывод политического характера: «Неизвестно, была ли виновата в уничтожении и порче значительной части очень ценных для истории и быта Беларуси актов плохая организация и безразличие, привитое жителям российским (царским и советским) правительством, или, возможно, евреи и москаль имели тайный замысел уничтожить документы, свидетельствовавшие о том, что Беларусь по своей культуре и истории была связана с Европой, а не с Москвой»³⁷.

После освобождения летом 1944 г. Белоруссии архивное руководство республики предпринимало энергичные меры по розыску и реэвакуации вывезенных с ее территории архивов. Разыскивали и Виленский архив, хотя сменившееся к этому времени руководство республиканской архивной службой, судя по некоторым данным, имело не совсем ясное представление о его истории и составе документов³⁸. В ряде документов о потерях белорусских архивов в годы войны, направляемых из Минска в Москву, встречаются утверждения, что Виленский архив был отправлен в Либаву для последующей вывозки в Германию. Однако это не соответствует действительности: дальше Вильнюса архив не вывозился. Это, в частности, подтверждал в августе 1944 г. бывший аспирант АН БССР А.И. Залесский (ныне доктор исторических наук, профессор), который, находясь в рядах Действующей армии, в конце июля 1944 г. ознакомился в Вильнюсе с этим архивом. В составленной 18 августа 1944 г. справке Залесский указывал: «В беседе со мной бухгалтер этого архива сообщил мне, что все архивные

³⁵ К сожалению, нам не удалось найти документов, подтверждающих деятельность этой комиссии. По данным «Архивариуса», в ее состав входили директор Виленского архива профессор Ст. Заличковский, уполномоченная ГАУ НКВД СССР Иллерицкая (автор статьи называет ее Илирынская) и начальник архивного отдела НКВД БССР И.А. Переплетчиков. Двумя голосами первых членов комиссии «за» комиссия, якобы, постановила вернуть большинство фондов в Вильнюс. Возможно решение этой комиссии предшествовало совещанию в ГАУ НКВД СССР 21 февраля 1941 г., о котором шла речь выше. Известно, что в работе последнего принимала участие в числе прочих зам. начальника отдела кадров ГАУ НКВД СССР Т.А. Иллерицкая.

³⁶ Беларуская газ. 1943. 7 авг.

³⁷ Там же. К сожалению, факты небрежного отношения к документальным памятникам в Белоруссии продолжали иметь место и после войны.

³⁸ Так, ставший в годы войны начальником архивного отдела НКВД Белоруссии А.И. Азаров считал, что Госархив Витебской области и есть «самый древний архив, организованный в 1863 г., в который вошли древние акты Московского государства» (НАРБ. Ф. 750. Оп. 1. Д. 118. Л. 261). Его заместитель П.П. Старовойтов знал несравненно больше Азарова об истории Виленского архива. Однако, что касается его состава, то и он ограничивался замечаниями вроде: «О Виленском архиве достаточно только упомянуть, потому что все историки прекрасно знают, какой это богатейший архив» (Там же. Д. 125. Л. 37 об.).

материалы, вывезенные во время немецкой оккупации из АН БССР в г. Вильно, хранятся до настоящего времени в Виленском архиве"³⁹.

Чем же закончилась история с Виленским архивом? В отличие от действительно принадлежавших Белоруссии и вывезенных немцами в Прибалтику, Восточную Пруссию документов Центрального архива Октябрьской революции, Госархивов Витебской, Минской области и других, судьба Виленского архива, возвращенного немцами туда, откуда он был незаконно вывезен накануне войны, меньше беспокоила белорусское архивное руководство. Правда, часть его документов, созданных на территории Белоруссии, передавалась после войны в белорусские архивохранилища.

Так, после представления Архивным управлением и Академией наук Белоруссии соответствующего ходатайства в Совет Министров Литвы, последний 5 сентября 1960 г. принял распоряжение о передаче Совету Министров Белоруссии архивного материала, касающегося Белоруссии⁴⁰. 6 декабря 1960 г. начальник Архивного управления А.И. Азаров информировал председателя Совмина республики Т.Я. Киселева о получении белорусской стороной около 7 тыс. дел за период с XVIII в. до 1939 г. Это были в основном фонды учреждений Могилевской, Минской, Гродненской и Витебской губерний до 1917 г., а также материалы белорусских организаций периода 1919–1939 гг. Среди последних – фонды Белорусской рабоче-крестьянской громады, Главного управления товарищества белорусских школ, Белорусского музея и др. Это была незначительная часть документов бывшего Виленского архива⁴¹. Другая его часть, которая, исходя из принципа провиниенции, подлежала передаче в Белоруссию, оставалась (и доныне остается) в Центральном государственном историческом архиве Литвы. Среди них – фонды попечительства Белорусского учебного округа (4266 ед. хр. за 1829–1850 гг.), материалы личных фондов крупных землевладельцев кн. Радзивиллов, Друцких-Любецких, имевших основные владения на территории Белоруссии (около 10 тыс. ед. хр.) и другие материалы⁴².

Изучение истории Виленского архива, его многочисленных пертурбаций предостерегает нынешних и будущих архивистов, что при межгосударственном распределении архивных документов недопустима подмена принципа провиниенции принципом пертиненции. Очевидно, что в 1939–1940 гг. белорусской стороной (не без указки Москвы) не только была произведена подмена этих принципов по отношению к документам Виленского архива, но самую акцию по его перевозке нельзя квалифицировать иначе, чем действиями с позиции силы⁴³.

³⁹ БГА. Ф. 249. Оп. 8. Д. 5. Л. 41.

⁴⁰ Там же. Оп. 5. Д. 793. Л. 61.

⁴¹ Справедливости ради отметим, что еще до 1960 г. архивными учреждениями Литвы по распоряжению Главархива СССР были переданы Белоруссии части фондов земельных и воеводских управлений, действовавших в свое время на белорусских землях. Одновременно из Белоруссии в Литву поступили фонды Виленского цензурного комитета (704 ед. хр.), древние акты книги поветовых, городских и земских судов, существовавших на территории Литвы (146 ед. хр.) и др. Спорными оставались фонды учреждений, распространивших свою деятельность как на территорию Литвы, так и на территорию Белоруссии. К таковым относились части фондов правлений Виленского учебного округа, Виленского округа путей сообщения. Комиссии по крестьянским делам при Виленском генерал-губернаторе, Виленского воеводского управления. В 1960 г. они хранились в белорусских архивах.

⁴² БГА. Ф. 7. Оп. 4. Д. 2998. Л. 26–28.

⁴³ Кстати, эта позиция проявилась и в отношении фамильного архива кн. Радзивиллов, хранившегося в 1939 г. в Несвиже, Варшаве и Вильно. После перевозки этого архива из Несвижа в Минск президент АН Белоруссии в своей докладной записке на имя секретаря ЦК КП(б)Б и председателя Совнаркома республики от 11 марта 1941 г. писал: "Исходя из того, что материалы Несвижского архива являются архивными документами бывших учреждений на территории БССР, Литовской ССР, Украинской ССР и что эти архивные материалы отражают историю белорусского, литовского и украинского народов, считаем что все материалы Несвижского архива, вывезенные

Негативные последствия таких действий не замедлили сказаться уже в первые послевоенные годы, породив взаимные претензии белорусской и литовской сторон на те или иные документальные комплексы. Это стало особенно заметным после ликвидации Советского Союза и образования суверенных государств Литвы и Белоруссии. В заключении статьи попытаемся определить, насколько соответствуют действительности утверждения некоторых белорусских эмигрантских историков (в частности, А. Калубовича, Ал. Шлюбского и др.) относительно гибели значительной части документов бывших Виленского и Витебского центральных архивов древних актов. Это можно сделать путем сравнительного анализа данных о количестве актов книг, содержащихся в опубликованном в 70-е годы XIX в. научно-справочном аппарате обоих архивов, с данными современных путеводителей по ЦГИА Белоруссии и Историческому архиву Литвы⁴⁴. Результаты сравнения показывают достаточно неплохую сохранность актов книг центральных и местных судебных учреждений⁴⁵. Ниже мы приводим выборочные данные, подтверждающие это.

Наименования книг	Данные о количестве книг по каталогу Н.И. Горбачевского 1872 г.	Данные о количестве книг по: "Przewodnik po zbiorach rękopisow w Wilnie" (Kraków, 1993)	Данные о количестве книг по путеводителю "ЦГИА БССР в Минске" (Минск, 1974)
1	2	3	4
Книги Задворного ассесорского суда ВКЛ	183	210	
Книги Маршалковского суда	28	23	
Книги Главного трибунала ВКЛ	2386	2857	
Книги Главного духовного трибунала	22	43	
Книги Скарбового трибунала ВКЛ	39	40	
Книги Скарбовой комиссии ВКЛ	1500	1509	
Книги Войсковой комиссии ВКЛ	38	103	
Книги Брестского магистрата	11		1
Книги Брестского городского суда	332		336
Книги Брестского земского суда	186		198
Книги Брестского подкоморского суда	5		3

белополяками в Варшаву, принадлежат и должны быть переданы народам СССР. Поэтому Академия наук БССР просит Центральный комитет КП(б)Б и Совет народных комиссаров БССР принять соответствующие меры для возвращения из Варшавы материалов Несвижского архива" (НАРБ. Ф. 4. Оп. 27. Д.364. Л. 30–31). При этом президент АН Белоруссии, забыв, что имения Радзивиллов наряду с Белоруссией, Литвой и Украиной находились и на территории Польши, а потому соответствующая часть их фамильного архива законно принадлежала польскому обществу.

⁴⁴ Основными видами научно-справочного аппарата являются: для документов Виленского архива – "Каталог древним актовым книгам губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, также книгам некоторых судов губерний Могилевской и Смоленской, хранящихся ныне в Центральном архиве в Вильне" (составлен в 1872 г. архивариусом этого архива Н.И. Горбачевским); для Витебского архива – Перечневая опись актов книг архива, составленная архивариусом А.М. Сазоновым и опубликованная в 1-м т. 32-томного серийного издания Витебского архива "Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской" (вышел в 1871 г.)

⁴⁵ Это же обстоятельство применительно ко времени второй мировой войны отмечают и составители "Przewodnik'a po zbiorach rękopisow w Wilnie", вообще не упоминая о факте вывоза Виленского архива в Белоруссию накануне войны (Przewodnik... С. 143).

1	2	3	4
Книги Брестского комиссарского суда	3		3
Книги Брестского компромиссарского суда	2		2
Книги Брестского эксдвизорского и таксаторского суда	5		5
Книги Гродненского магистрата	6		3
Книги Гродненского гродского суда	194		214
Книги Гродненского земского суда	212		204
Книги Гродненского подкоморского суда	4		3
Книги Гродненского эксдвизорско-таксаторско- го суда	2		3

Превышение в некоторых случаях количества ныне находящихся в архивах книг сравнительно с данными каталога Н.И. Горбачевского связано, очевидно, с их обработкой, проводившейся современными белорусскими и литовскими архивистами. В ходе ее отдельные, слишком объемные тома, могли делиться на части.

М.В. Кукушкина

РАДЗИВИЛОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ: ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ФАКСИМИЛЬНОГО ИЗДАНИЯ 1994 г.¹

Радзивилловская (Кёнигсбергская) летопись – уникальный памятник письменности и искусства конца XV в. В 1713 г. Петр I, увидев рукопись в Кёнигсбергской библиотеке, приказал снять с нее копию, которая находилась до смерти Петра в его библиотеке. В 1758 г., во время Семилетней войны с Пруссией, Кёнигсберг, где хранилась летопись, был захвачен русскими войсками, и по требованию Президента Академии наук К.Г. Разумовского памятник был привезен в Санкт-Петербург и передан в Библиотеку Академии наук. Текст подлинника использовался в вариантах или разночтениях и дополнениях при публикациях других ранних летописей, в частности Лаврентьевской. Издание 1767 г. по копии имело много пропусков и ошибок. Полностью текст был издан впервые фотомеханически А.А. Шахматовым в черно-белом варианте. Издание было осуществлено Обществом любителей древней письменности (СПб., 1902. Т. I, II). Оно снабжено двумя исследовательскими статьями А.А. Шахматова и П.Н. Кондакова. В 1989 г. впервые было издано критическое издание Радзивилловской летописи в ПСРЛ (Л., 1989. Т. 38). И, наконец, подготовленное в 1981 г. сотрудниками Российской АН факсимильное издание летописи в цвете опубликовано в 1994 г.² Оно осуществлено менее чем за полгода благодаря активной деятельности издательства "Глаголь" при участии финансовой корпорации "Арман", субсидировавшей издание. Этому, несомненно, способствовало полное взаимопонимание между авторами-подготовителями и издателями в необходимости срочной публикации памятника (сделанные ранее слайды начали гаснуть и их пришлось частично заменять!), умение руководителей издательства Д.В. и В.Н. Чернышевых правильно организовать работу, и, разумеется, удачное заключение коммерческого договора с финской фирмой By Mikto.

Вопрос об издании Радзивилловской летописи в факсимильном варианте возник в 70-е годы по инициативе советских и немецких исследователей из бывшей ГДР. С 1973 г. Библиотека АН сотрудничала с издательством "Эдицион Лейпциг" в связи с публикацией энтомологических рисунков немецко-голландской художницы XVII в. Марии-Сибиллы Мериан. Издание было осуществлено в 1976 г. при участии директора БАН, доктора биологических наук Д.В. Тер-Аванесяна и кандидата исторических наук И.Н. Лебедевой³. Обе стороны, советская и немецкая, остались вполне удовлетворенными результатами совместно выполненной работы. С 27 февраля по 5 марта 1977 г. представители "Эдицион Лейпциг"

¹ Статья написана на основе доклада, состоявшегося 22 февраля 1995 г. в Секторе древнерусской литературы (Пушкинский Дом) в присутствии академика Д.С. Лихачева и представителей прессы.

² Радзивилловская летопись: Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр. РАН / Отв. ред. М.В. Кукушкина. Общ. ред. Г.М. Прохоров: В 2 т. СПб.: "Глаголь"; М.: "Искусство", 1994 (тираж 5000 экз.).

Т. 1 [Факсимильное воспроизведение рукописи]. 253 л., илл.

Т. 2 [Транслитерация текста]. Исследование. Описание миниатюр. Указ. имен. Указ. геогр. и этнич. назв. 416 с.

³ Merian Maria Sibilla. Schmetterlinge Käfer und andere Insekten. Leningrader Studienbuch. Leipzig, 1976.

знакомились с другими лицевыми рукописями БАН и отсняли в том числе ряд миниатюр из Радзивилловской летописи.

Однако, в отличие от рукописи М.-С. Мериан, наша национальная святыня могла быть издана за рубежом только при определенных, несомненно справедливых условиях. Условий было три: 1) все фотографические работы должны были проводиться в России; 2) в подготовке издания должны были принимать участие русские ученые; 3) за предоставление рукописи для издания Библиотека претендовала на часть тиража. Они были изложены в письме от 26 января 1976 г. за подписью Д.В. Тер-Аванесяна, адресованном известному ученому, Секретарю Национального комитета славистов ГДР, профессору Х.А. Грассгоффу. Условия издания Радзивилловской летописи были предварительно согласованы с тремя академиками: Д.С. Лихачевым – от Отделения языка и литературы АН СССР; от Отделения истории – академиком-секретарем Е.М. Жуковым и Б.А. Рыбаковым. Немецкая сторона в лице профессора Грассгоффа была весьма заинтересована в факсимильном издании летописи. Это было бы продолжением изучения памятника, начатого немцем, жившим в России 200 лет назад. Как известно, в 1768 г. А.-Л. Шлецер стал первым исследователем подлинника, возвращенного в Россию. Издание летописи на древнерусском языке с переводом на немецкий (а именно так задумал Грассгофф публикацию книги) позволило бы использовать факсимиле для изучения славянского языка. Еще в конце 60-х годов заведующий в то время ОР БАН А.И. Копанев позволил Грассгоффу сделать слайды с ряда миниатюр без разрешения вышестоящих организаций, что было исключением из правила.

Вероятно, с этих слайдов и были сняты отпечатки для немецкого издания летописи, которое вышло в Веймаре под редакцией ныне покойного профессора Х.А. Грассгоффа⁴.

"Эдицион Лейпциг" в виду дороговизны издания факсимиле летописи от сотрудничества с нами безоговорочно отказалось. Однако у Грассгоффа был личный контакт с другим лейпцигским издательством – "Инзель" Антона Киппенберга, директором которого был Колл Клен. Грассгофф и Клен вели со мной около двух лет переписку о факсимиле Радзивилловской рукописи. В июле 1978 г. внезапно умер Клен, а через 10 месяцев и наш директор Д.В. Тер-Аванесян был весьма уважаемый ученый, с мнением которого в Президиуме АН считались. Хорошо знала его и зарубежная ученая элита. Его смерть, естественно, осложнила положение в плане "пробивания" дорогостоящего издания. Предполагалось, что будет заключен договор между двумя Академиями наук – СССР и ГДР с целью подготовки совместного издания. Об этом весьма патетично (в духе того времени) писал мне Грассгофф. Имея определенный опыт в результате издания материалов М.-С. Мериан, мы настаивали, прежде всего, на заключении коммерческого договора с издательством "Инзель" и предложили ему обратиться непосредственно к Президенту АН СССР А.П. Александрову.

Вскоре Президиум АН СССР поддержал проект совместного издания Радзивилловской летописи академическими учеными двух стран. Однако эта договоренность осталась на бумаге, ибо каждая сторона выдвигала свои предложения, но они не всегда отвечали интересам другой стороны, а проект издания из трех томов (два на русском и один на немецком) становился весьма дорогостоящим.

В 1978 г. я получила два письма с датой 24 мая от академика Д.С. Лихачева, только что вернувшегося из Лейпцига. В письме, адресованном лично мне, он сообщал, что у издательства "Инзель" "большие сомнения" в возможности столь

⁴ Rauchspur der Tauben Radsiwill-Chronik. Weimar, 1986. (Перевод: Голубиные следы в Радзивилловской хронике).

сложного и дорогого издания. "Убеждает их только энергично Х.А. Грассгофф". "Имейте это в виду", – предупредил меня Дмитрий Сергеевич. В копии другого письма (адресованного Грассгоффу) Лихачев писал, что он не может быть "в составе редколлегии издания, но там обязательно должна быть д.ф. (ист. – М.К.) н. М.В. Кукушкина. Она и специалист, она и заведует Рукописным отделом, где летопись хранится"⁵. В письме Грассгоффу от 28 ноября того же года из Кисловодска Дмитрий Сергеевич снова вернулся к вопросу о статье. "Написанием статьи я бы и хотел ограничить свои обязанности по Радзивилловской летописи... в общую редакцию меня, пожалуйста, не включайте", – повторил он.

Беспокойство академика Лихачева в то время можно понять, ибо план Грассгоффа был весьма грандиозным и сориентированным, главным образом на немецкого читателя. Нам же необходимо было издать уникальный памятник, прежде всего, ради его сохранности и более широкого использования. Радзивилловская летопись – древнейший исторический источник по истории страны, ее письменной культуре и искусству представляет собой интерес как для исследователей, так и для широких кругов русского населения и сопредельных с ним народов.

В 1983 г. в Киеве должен был состояться IX Международный конгресс славистов. Это обстоятельство некоторое время объединяло наши усилия в плане подготовки совместного издания. В ноябре 1978 г. Грассгофф посетил Ленинград, где у него были знакомые среди ученых, и зашел в ОР БАН для обсуждения со мной своих предложений.

Поскольку рукопись Радзивилловской летописи уже 232 года хранится в БАН, мы решили, что силами своих ученых-археографов, источниковедов и текстологов сможем подготовить памятник к печати и пригласим специалистов (из других институтов) лишь для описания миниатюр, их исследования, а также для изучения текста.

В апреле 1980 г. директор издательства "Инзель" сообщил мне, что наш совместный план для издательства невыполним, и в подтверждение своих слов прислал копию письма, адресованного им Грассгоффу. Поскольку оно имеет прямое отношение к решению о типе факсимильного издания, предложенном немецкой стороной, от которого нам пришлось решительно отказаться, приведу в переводе некоторые выдержки из него. "Дорогой товарищ профессор Грассгофф! Ярмарка прошла, план 1981 г. принят. То, что Хроники Нестора в плане нет, тебе сообщили. Однако, мне сказали, что ты намерен бороться дальше. Спрашивается, с каким успехом? Выиграл ли ты эту борьбу? Я в соответствии с нашей договоренностью исчерпал все возможности. Все мечты разбиты о гигантскую сумму 1,5 млн (в твердой валюте). Согласно протоколу это должны были сообщить тебе через товарища Гепке." Далее, подчеркивая важность "культурно-политического" проекта, Линкс предлагал для Конгресса славистов следующий вариант: издание текста Радзивилловской летописи, при этом Грассгофф должен был "взять на себя" общую и совместную редакцию. "Кроме того, было бы хорошо, – писал Линкс, – следуя прежней договоренности, наряду с предисловием Издательства получить от тебя статьи (академиков. – М.К.) проф. Лихачева и проф. Рыбакова к этому изданию. От искусствоведческой части (вводного текста д-ра Подобедовой и отдельных комментариев к миниатюрам...) в таком издании мы вынуждены, без сомнения, отказаться. Конечно, следует подумать, как еще возможно поместить рисунки (может быть в черно-белом варианте из факсимильного издания 1902 г.), в таком случае они были бы только дополнением к тексту и никакого подробного комментария не требовалось бы". В конце письма к Грассгоффу, Линкс уведомил

⁵ Личный архив М.В. Кукушкиной. Публикацию второго письма см. в Приложении.

адресата, что копию этого письма он направляет "товарищу доктору Кукушкиной", а Грассгоффу – копию письма "в Академию [наук] в Ленинграде". Я поблагодарила господина Линкса за определенный ответ на мое письмо и также откровенно написала, что для нас крайне важно издать "факсимильно в цвете миниатюры уникальной рукописи. Поэтому мы решили добиваться издания нашей рукописи через одно из советских издательств".

На этом первый этап борьбы за издание был как бы завершен.

Не помню, как завязалось мое знакомство с главным редактором издательства "Искусство" в Москве И.И. Никановой, но она была первой, кто после просмотра рукописи в нашем Отделе рекомендовал директору издательства Б.В. Вишнякову принять ее к публикации. Буквально через неделю-две Б.В. Вишняков приехал в БАН. Для нас это было очень приятное знакомство. Мы нашли взаимопонимание и желание совместно выполнить работу. Однако вскоре по каким-то, обычно по тем временам идеологически-цензурным мотивам, Вишнякова сняли с должности и уволили, хотя он имел звание Заслуженного деятеля культуры. С его преемником О.А. Макаровым такого личного контакта у меня не было до конца 80-х годов. Однако, еще до своего увольнения, Вишняков дал распоряжение фотографу Д.В. Белоусу отснять рукописи на пленку "Кодак", что и было сделано в 1981 г. Редактором издания им же была назначена К.Г. Глonti, человек опытный, с большим стажем работы.

Мы надеялись издать летопись, как и планировалось, к Международному съезду славистов, т.е. в 1983 г. В апреле 1980 г. я начала активно собирать голоса общественности в виде ходатайств от выдающихся ученых в поддержку данного издания. Академики М.П. Алексеев, Д.С. Лихачев, В.В. Меннер, Б.А. Рыбаков, П.Н. Федосеев – все обращались к Председателю Госкомиздата Б.И. Стукалину с просьбой поддержать ходатайство Библиотеки АН СССР об издании летописи. М.П. Алексеев писал, что издание явится "подарком IX Международному съезду славистов". Наиболее ярко значение летописи было определено в письме Д.С. Лихачева. Он писал, что публикация факсимиле является "первоочередной задачей" издательства "Искусство" и "нашим патристическим долгом" перед потомками. Б.А. Рыбаков отметил, что значение "этой рукописи оценил еще Петр Великий, приказавший снять с нее копию". В.В. Меннер по профессии биолог, будучи заместителем председателя Библиотечного совета при Президиуме АН СССР, специально приехал в Ленинград, чтобы ознакомиться с рукописью. От Б.И. Стукалина издательство "Искусство" получило положительный ответ.

В плане подготовки этого издания БАН по инициативе Отдела рукописей еще в 1979 г. совместно с Археографической комиссией провела Всесоюзную конференцию по проблемам научного описания и факсимильного издания памятников письменности. На этой конференции, достаточно представительной, обсуждались и типы факсимильных изданий. В 1981 г. вышел сборник докладов конференции. В своем докладе я прорекламировала подготовку Радзивилловской летописи к печати. Были названы основные авторы статей, ответственный редактор, была упомянута О.И. Подобедова, которая ранее дала согласие написать искусствоведческую статью⁶. К сожалению, она прислала телеграмму: "Не справилась со статьей, прошу простить меня и исключить из этого авторского коллектива". Пожалуй, без оригинала, который находился бы постоянно под руками, даже такому крупнейшему специалисту, каким является О.И. Подобедова, было бы трудно дополнить свой прежний текст о Радзивилловской летописи. А мы спешили. Были написаны исследовательские статьи Г.М. Прохоровым о тексте,

⁶ Кукушкина М.В. Итоги и перспективы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности в Библиотеке АН СССР: Материалы Всесоюз. конф. / Под ред. М.В. Кукушкиной и С.О. Шмидта. Л., 1981. С. 35.

академиком Б.А. Рыбаковым о миниатюрах, описаны с привлечением текста все ее 618 миниатюр (авторы описаний: М.В. Кукушкина, О.А. Белоброва, А.А. Амосов, И.Н. Сергеева). О.П. Лихачева подготовила текст летописи в транслитерации. Рукопись была прорецензирована, к сожалению, теперь уже ушедшими из жизни известными учеными: текст летописи – Н.А. Мещерским и Л.П. Жуковской, книга в целом – А.И. Копаневым и Г.Н. Моисеевой. Но подготовленной к печати рукописи, утвержденной в конце 1981 г. Ученым Советом БАН, сданной в издательство "Искусство" в Москве и отредактированной, предстояло еще 13 лет лежать без движения.

В 1988 г. очередной Председатель Госкомиздата М.Ф. Ненашев в ответе на письмо Дмитрия Сергеевича, который в то время был председателем Советского фонда культуры, сообщил, что рукопись готова к сдаче в производство, затраты на ее подготовку составили 8730 руб. и при этом каждый том будет стоить 200 руб., что существенно сузит круг читателей, которые смогут приобрести это издание. Он справедливо называл возможный тираж 3–5 тыс. и предлагал издать рукопись под двойным грифом "Искусства" и Советского фонда культуры с 50% субсидированием обеими организациями. Академику Лихачеву удалось направить на это издание 100 тыс. руб., которых при существовавшей в конце 80-х годов инфляции, уже было недостаточно.

Правда, до сих пор неясно, почему издательство не воспользовалось в первой половине 80-х годов советской типографией Ивана Федорова, которая, по словам специалистов, имеет старое оборудование, но еще достаточно пригодное для издания лицевой рукописи. Как известно, например, "Искусство" в течение года вело бесперспективные переговоры с австрийской коммунистической фирмой "Глобус".

Разумеется памятник неординарный, сложный для публикации в любом издательстве, и в силу своих финансовых возможностей "Искусство" искало выход из сложившейся ситуации. В 1989 г. оно объявило в темплане в разделе графика об издании летописи в трех томах, в общем футляре. Второй том (в отличие от изданного в "Глаголе") предполагалось опубликовать в двух частях: отдельно текст и исследовательские материалы. Цена комплекта – 105 руб. при тираже 10 тыс. экземпляров. Как мне известно, за полгода было собрано около 2 тыс. заявок: через Союзкнигу – 1600 и 400 зарубежных через Международную книгу.

Понимая, что такая дорогая и в сущности специальная книга не может быть раскуплена в одночасье, БАН направила отношение на имя вице-президента АН СССР академика В.Н. Кудрявцева, поддержанное членом-корреспондентом Л.А. Дмитриевым. В этом ходатайстве содержалась просьба заказать для "Академкниги" 3 тыс. экземпляров летописи с целью их постепенного распространения среди исследователей, которым трудно было бы приобрести столь дорогую книгу сразу. Подобная же просьба за подписью Д.С. Лихачева была направлена и в адрес Библиотечного совета АН академику-секретарю Отделения литературы и языка Е.П. Челышеву. В это время наступил период более радикальных реформ в Академии наук, "Академкнига" стала Акционерным обществом, не подвластным в финансовых вопросах администрации Президента.

В конце 80-х годов завершился, можно сказать, второй этап борьбы за издание Радзивилловской летописи через издательство "Искусство", которое не имело достаточно валюты, чтобы использовать зарубежную базу.

После пожара в Библиотеке АН в 1988 г. вновь встал вопрос о возможности издания летописи уже в объединенной Германии. В 1989 г. в Дирекции БАН состоялось совещание, где были предварительно обговорены условия заключения договора между тремя организациями: издательством "Искусство", Библио-

текой и немецкой фирмой "Научный антиквариат Ауверманна". От фирмы присутствовал сын владельца Детлева Ауверманна. На заседании речь шла о том, что глава фирмы Ауверманн, будучи Председателем международного "Общества друзей книги", созданного ЮНЕСКО после пожара в БАН, нашел полиграфическую базу в ФРГ и предлагал осуществить издание (для которого требовалось 600 тыс. марок = 425 тыс. долл.) за счет безвалютного обмена некоторых дублетных изданий XVIII в., преимущественно на иностранных языках, хранящихся в БАН в количестве более семи экземпляров. Многие тиражи академических изданий свыше двух веков без движения хранятся в фондах Библиотеки. Список книг, которые могли быть предложены для обмена по аукционной стоимости на издание факсимиле летописи, был согласован с членами Президиума РАН: академиком-секретарем Отделения истории И.Д. Ковальченко, вице-президентом В.Н. Кудрявцевым и академиком-секретарем Отделения литературы и языка Е.П. Чельшевым. По сведениям Ауверманна, зарубежный заказ мог быть определен в 1200 экземпляров и не менее 3 тыс. – для России. Однако этот проект, который поначалу я очень поддерживала, привел, как признал и директор В.П. Леонов, к тупиковой ситуации, поскольку немецкая сторона в обмен запросила издания, которые были у нас в ограниченном количестве экземпляров.

В отчаянии, что разрушился и этот третий план издания, я написала личное письмо, как ответственный редактор, члену правления Советского фонда культуры, супруге Президента СССР Раисе Максимовне Горбачевой. Это было в 1990 г. От семейства Горбачевых я просила совершить акт меценатства, подобно тому, как это было сделано при факсимильном издании Радзивилловской летописи в черно-белом варианте в 1902 г., и пожертвовать часть Нобелевской премии на издание уникального памятника. Разумеется, об этом должно было быть сказано на форзаце I тома, а само издание, – писала я, может быть и хорошим подарком при зарубежных контактах на высоком уровне. Я просила также не пересылать ответа по инстанциям, а сообщить через референта по телефону, прежде всего, в издательство "Искусство". Однако телефонных звонков не было ни мне, ни О.А. Макарову. Но я предполагала, что выступление М.С. Горбачева через две недели по телевидению с подробным рассказом о том, как он, теперешний "миллионер", думает распорядиться своими деньгами, связано было и с моим письмом, к которому были приложены копии ходатайств крупнейших ученых страны в разные инстанции с целью найти средства для издания памятника⁷. М.С. Горбачев назвал в своем выступлении три детских больницы в Москве и одну – в Ставрополе, куда он собирался направить деньги.

И вот наступил последний, четвертый этап борьбы за издание.

Во-первых, усилиями Дирекции БАН Радзивилловская летопись как памятник мирового значения была включена в число объектов, сохранность которых должна быть обеспечена средствами ЮНЕСКО, иначе говоря, в программу "Память мира". Однако, когда с целью знакомства с рукописью, наш Отдел почти одновременно посетили два представителя ЮНЕСКО – Питер Уотрс, сотрудник Библиотеки Конгресса США, а затем г. Мотвиллов, всем стало ясно: прежде, чем делать дискету для сохранности рукописи (ЮНЕСКО предполагало выделить для этой цели, как мне сказал Мотвиллов, 220 тыс. долл.), необходимо летопись издать и при этом с хорошим справочным аппаратом, который может дать представление о памятнике в целом, о конкретных миниатюрах и

⁷ В моем рабочем архиве сохранились более 50 копий с документов, подписанных авторитетными учеными – академиками или издателями, в том числе и зарубежными, с просьбами в вышестоящие организации найти необходимые средства для издания.

т.д., а затем уже расширять возможность использования рукописи с помощью дискиеты.

Во-вторых, признание международной общественностью Радзивилловской летописи памятником мирового значения или предоставление на ее издание фондом Сороса, хотя и недостаточной суммы (20 тыс. долл.), не только принесет пользу науке и образованию, культуре в целом, так обнищавшим за последние годы, но и окупит себя постепенно. Впрочем, следует сказать, что владельцы издательства "Глаголь" Василий Иванович Чернышев (писатель, поэт, философ)⁸ и его сын Дмитрий (директор издательства) независимо от решения ЮНЕСКО приняли твердое намерение (по ироничному замечанию В.И. Чернышева, граничащее с "безумством")⁹ в интересах русской культуры – издать летопись, и еще в октябре 1993 г. договорились с издательством "Искусство" (Москва) о публикации уникального памятника в Петербурге на финской полиграфической базе. В июне 1994 г. через г. Выборг стали приходить первые корректуры исследовательского тома, а затем и факсимиле летописи.

В октябре того же года была первая презентация факсимиле летописи на заседании Постоянной комиссии по вопросам культуры, науки, образования и информации при Совете межпарламентской ассамблеи СНГ. В решении, направленном в БАН (копии лично мне) за подписью депутата Государственной думы РФ Т.В. Черторицкой, говорится: "Академической библиотекой совершен не только выдающийся вклад в отечественную и мировую культуру, но и оказана существенная поддержка интеграционным процессам в странах Содружества". 14 марта 1995 г. авторы и издатели, а также спонсоры были приглашены в Президент-отель, где имела место презентация Радзивилловской летописи в присутствии членов Правительства, представителей науки, культуры и прессы. Заседание шло под руководством вице-премьера Ю.Ф. Ярова, который отметил, как исключительно важный вклад в науку и культуру выход в свет факсимильного издания Радзивилловской летописи – уникального памятника по истории и искусству Древней Руси. В связи с этим событием и отсутствием средств у бюджетных организаций в наше время Правительство закупило у издателей 120 экземпляров факсимильных изданий по себестоимости и 30 из них были подарены в крупнейшие областные библиотеки России непосредственно на этой презентации.

Нам, авторам статей и издателям, доставило большую радость трепетное отношение в Провинции к изданной книге, как к историческому источнику. В сентябре 1995 г. Рязань, которая 18 раз упоминается в летописи и ее рисунках, отмечала свой 900-летний юбилей. В связи с этим грандиозным событием для города в Областной рязанской библиотеке, получившей экземпляр факсимильного издания, также состоялась презентация по инициативе ее директора Л.А. Прониной в присутствии благодарных читателей.

Итак – это эпохальное издание ждет своего исследователя¹⁰ и прежде всего среди искусствоведов, а рукописный памятник, столь много переживший за последнее время, нуждается в реставрации высококвалифицированным специалистом.

⁸ Чернышев В.И. Соч.: В 3 т. СПб.: "Глаголь", 1994. Т. I; 1995. Т. 2–3. Он же главный редактор журнала "Мера" (СПб., 1993–1995. № 1–8).

⁹ Чернышев В.И. Записки отвергнутого издателя // Невское время (СПб.). 1995. 11 окт.

¹⁰ Кукушкина М.В. К вопросу о месте происхождения Радзивилловской летописи в списке XV в. // ТОДРЛ. Т. 50 (в печати).

**Письмо академика Д.С. Лихачева
Секретарю Национального комитета славистов ГДР
профессору Х.А. Грассгоффу**

Дорогой Хельмут Альбертович!

Спасибо Вам за письмо и за проспект издания Радзивилловской летописи. Но произошло досадное недоразумение. Я не могу быть в составе редколлегии издания, но там обязательно должна быть д.ф.н.¹ М.В. Кукушкина. Она и специалист, она и заведует Рукописным отделом библиотеки, где летопись хранится. По поводу издания Радзивилловской летописи я разговаривал с Вами и редакционными работниками только как частное лицо. Поэтому, пожалуйста, замените меня М.В. Кукушкиной. Статью о тексте Радзив[илловской] летописи я напишу². Что касается до искусствоведческой статьи, то с моей личной точки зрения такая статья, конечно, необходима, но решить – кто будет ее писать из ленинградских искусствоведов должна М.В. Кукушкина, я могу ей только помочь советом, если он ей понадобится.

Я думаю, что подробно напишет Вам письмо М.В. Кукушкина. Со своей стороны должен сказать, что спрос на издание в СССР будет очень большой. Я сужу об этом по тому, как раскупаются у нас очень дорогие издания "Авроры" (издательство, занимающееся дорогими изданиями). У нас проектируется создание серии факсимильных изданий, чтобы удовлетворить спрос на роскошные издания.

С удовольствием вспоминаю дни, проведенные в Лейпциге.

Искренне Ваш

Д. Лихачев

24.V.78.

*Публикуется по копии письма из личного архива
Б.В. Кукушкиной.*

¹ М.В. Кукушкина – доктор исторических наук.

² Этой статьи нет в издании.

А.А. СПИЦЫН В ПИСЬМАХ С.Ф. ПЛАТОНОВУ

Александр Андреевич Спицын (1858–1931), выдающийся русский археолог, краевед, специалист по исторической географии, с 1937 г. член-корреспондент АН СССР. В 1878–1882 гг. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. К занятиям русской историей, по словам студента из Вятки, его привели три причины: патриотизм, инстинкт и интересное преподавание. Он слился с аудиторией видного историка того времени К.Н. Бестужева-Рюмина. Последний, будучи специалистом по русским летописям, нацеливал студентов на изучение исторических источников. Источниковедческая направленность изучения истории формирует А.А. Спицына как ученого.

На старших курсах он почувствовал себя специалистом именно по русской истории, человеком, преданным науке, активно работал в студенческом кружке (5–6 человек) вместе с известными впоследствии историками С.Ф. Платоновым, И.А. Шляпкиным, И.М. Гревсом, В.Г. Дружининым. Дружбу с Платоновым, перешедшую затем в дружбу семьями, он сохранил до конца своих дней. Да и почти весь этот узкий кружок под названием "Старые друзья" сохранил близкие отношения до старости. Вместе с Платоновым Спицын и закончил университет в 1882 г., затем он уехал в родную Вятку и стал преподавателем гимназии. Активно занимаясь вятской историей и археологией, Александр Андреевич остро ощущал свое одиночество, отсутствие друзей и единомышленников. В течение 10 лет своего пребывания в Вятке (до отъезда в Петербург в 1892 г. на работу в Археологическую комиссию) он поддерживал постоянную переписку с Сергеем Федоровичем Платоновым. Собрание писем Спицына сохранилось в личном фонде Платонова, хранящемся в ОР РНБ (Ф. 585. П. 1959).

Общая характеристика этого собрания из 120 писем и записок А.А. Спицына С.Ф. Платонову за 1882–1927 гг. дана была в статье И.Л. Тихонова, правда, под специфическим историко-археологическим углом зрения¹. В данной статье речь идет только о вятском периоде, когда переписка этих историков была регулярной (1882–1892). Это время интересно вдвойне, поскольку основы научного мировоззрения Александра Андреевича закладывались именно тогда. Внутренний мир, научные взгляды и становление молодого ученого очень ярко отразились в письмах. С самого начала он рассматривает свою жизнь в Вятке как временный этап. "Я уверен, – писал он в 1883 г., – что едва ли что-нибудь собьет меня с моего пути и само преподавание в гимназии не будет большим уклонением от него [...] Не верю, чтобы мне пришлось долго пробыть в Вятке в качестве заурядного учителя"².

Спицын активно занялся изучением истории и археологии Вятского края. Определенная народническая закваска, полученная им еще в университете, явственно ощущалась в очень широких задачах, которые он ставил перед собой.

¹ Тихонов И.Л. Из эпистолярного наследия А.А. Спицына (письма к С.Ф. Платонову) // Сов. археология. 1991. № 2. С. 265–275.

² ОР РНБ. Ф. 585. П. 1959. Д. 1. Л. 3. (Далее ссылки на этот фонд – в тексте.)

Планы у него были воистину глобальные. В письме Платонову от 24 июля 1883 г. он писал: "...позвольте сказать кое-что о смысле своей будущей деятельности, как я ее понимаю. Я – искренний патриот, и процветание России – вот что входит во все мои помыслы. Поэтому я никогда не буду таким ученым, каким будете Вы и Василий Григорьевич [Дружинин. – В.Б.]. Я буду заниматься не одной историей, но всем – историей, статистикой, языком, этнографией, изданиями – я буду заниматься, как начали всем этим заниматься славянофилы. Я буду писать, если это окажется мне по силам, как писали Аксаков, Хомяков, как теперь пишут сотрудники "Руси" [...], для чего и будет пригодно трезвое научное направление, которое я вынес из университета [...] Мне хочется для отечествоведения, принимая это слово в широком его значении, сделать то, что с помощью Готье сделал для французского языка Литре [...] Нужно, чтобы русские почаще видели свои интересы выраженными в печати – и поэтому я продолжаю книжку" (Л. 9,9 об.).

Увлечение наукой отталкивало Спицына от радикалов (он называет их либералами) и он старается быть вне политики и протестует против политизации науки. Так, в том же 1883 г., делясь с Платоновым впечатлениями о последней научной литературе, Александр Андреевич остро критикует В.И. Семевского: «Жаль, что Семевский пошел по пути, с которого трудно свернуть. При входе в либеральный лагерь человек чувствует, что оттуда нет выхода. Либералы являются воинствующими с мечом в руках... Теперь Семевского не хватит более чем на крестьянский вопрос, скоро он исчерпает его и сделается из ученого публицистом, то есть сделается № 1001 из той толпы легкомысленных писак, коими наводнены наши журналы. Печатная брань и "направление" заедят в нем все доброе» (Л. 8).

Много работая в области местной истории и археологии и активно публикуясь в "Вятских губернских ведомостях" (за 10 лет им напечатано только в последних 42 статьи), "Памятных книжках Вятской губернии", других изданиях, к началу 1890-х годов Спицын перерос местную тематику. Ему уже тесно в рамках одной губернии и он мечтает о научной работе по истории России в целом. В феврале 1891 г. он писал Платонову: "Я разочаровался в том, чтобы можно было написать областническую историю прежде центральной, Московской. Суть не в Хлынове, а в Москве. Провинциальная жизнь XVII века – слабая, уменьшенная копия с московских порядков (разумею администрации). Москва всему дает гон и все дозирует в своих личных интересах" (Д. 2. Л. 3.).

Для уяснения исторических воззрений Спицына интересна его полемика с С.Ф. Платоновым о В.О. Ключевском. Спицын, источниковед по призванию, выступает в этой полемике более ортодоксальным представителем петербургской школы историков и более верным учеником Бестужева-Рюмина, чем Платонов, симпатизирующий научным взглядам и работам Ключевского.

Раздраженный концептуальной историей Ключевского, Спицын резко критично относится к его работам и личности самого историка. 20 февраля 1891 г. он писал Сергею Федоровичу: «Я очень принял к сердцу Вашу горячую защиту Ключевского, но, право, я ему что-то не очень доверяю. Это – знающий историк, прекрасный работник, но очень претенциозный ученый; он все знает, все понимает и не признает никаких затруднений и препятствий в работах. Мы все мучимся недостатком фактов, недостатком мысли, на каждом шагу упираемся лбом в стену, нас осаждают все новые и новые вопросы, наши исследования все больше по части "может быть" – не люблю я бойких говорунов, блистающих [...] ловкостью оборотов речи. Это – не историк правды, трепещущий за каждый факт и ищущий в нем с боязнью, ожиданием, трепетом – истины; это лишь хладнокровный математик, систематик-резонер, все понимающий и ничем не дорожающий, которому ничего не говорят ангелы небесные и трубные звуки. Его

ясный курс истории представляется мне какою-то огромною чудовищною сплетнею; кто в прежнем видит только каких-то марионеток, которых тасует, передвигает то так, то иначе и воображает, что такова жизнь. Ключевский играет в историю, а не [...] живет ею [...] Ключевский – крупная величина и потому-то так жалко смотреть на него: кому много дано, много с того и спросится» (Л. 3,3 об.) Можно предположить, что в такой оценке Ключевского Спицын был не одинок. (Ему в то время, кстати, было всего 33 года.) Характерно, что позицию Ключевского отвергал именно выдающийся (впоследствии) источниковед и археолог.

С 1 февраля 1892 г. Спицын – штатный сотрудник имп. Археологической комиссии в Петербурге. Переписка между ними становится случайной, так как они имели возможность личного регулярного общения.

Думается, что без Вятки (т.е. без провинции вообще) Спицын не стал бы археологом. Именно на родине студенческое увлечение археологией стало главным делом его жизни³. Опираясь на свой опыт систематизации археологического материала, полученный в Вятке, Спицын скоро стал главным систематизатором археологической науки в России.

³ Подробнее см.: Бердинских В.А. Вятские историки. Киров, 1991. С. 83–126.

"ВПОЛНЕ ПРЕДАННЫЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЕ"

(С.Ф. Платонов под "негласным наблюдением" полиции)

Жизнь и творчество выдающегося русского историка Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) находятся на начальном этапе изучения, однако уже можно отметить появление работ, являющихся значительным вкладом в монографическое изучение творчества Платонова¹. Вместе с тем ощущается потребность и в исследованиях более частного характера, посвященных отдельным неизвестным или малоизвестным страницам биографии Платонова.

О пребывании С.Ф. Платонова под "негласным наблюдением" полиции имеются весьма общие сведения только в опубликованных воспоминаниях историка². Платонов сообщает лишь, что слежка за ним была установлена "по самому невероятному поводу, не связанному с Университетом", однако испытанное им состояние поднадзорного "угнетало и расстраивало" настолько, что все последующие годы не изгладил пережитого из его памяти.

26 августа 1878 г. студент историко-филологического факультета С.-Петербургского университета С.Ф. Платонов писал своему товарищу Василию Николаевичу Латкину (впоследствии известному исторiku права, профессору С.-Петербургского университета): «Тебя нельзя не любить, как человека умного, честного и в некоторой степени богатого духовными силами; но тебя становится жаль, когда видишь, что, по своей природе, ты ища истины, кидаешься в крайности: то деспот, то антидеспот. Во многом ты разочаровался, – разочаруешься и в этом, когда поймешь, что единственная истина в науке, а не в убийствах. Как социалист ты будешь Неждановым, если захочешь "делать дело". С твоим характером, ты от всякой неудачи опустишь нос, а кроме неудач и огорчений ничего не испытываешь, потому что проповедь твою примут только люди незрелые, а прочие рукою махнут, не веря в ваше учение, которое, как мне кажется, действительно для Руси неподходящее. Конституцию даст правительство; но если красные будут приписывать ее появление себе, то будут неправы: у правительства гораздо больше сил для борьбы, чем у наших недоучек-радикалов, а народ не хочет "благодетелей" с кинжалами³; вся Россия окажется Вандеею и будет молиться, чтобы вешали тех, которые мешают мирно жить, а это желание преобладает в народе, – в этом я могу поручиться»⁴.

Узнав о содержании этого письма, III Отделение Собственной е.и.в. канцелярии приступило к сбору о Платонове агентурных сведений и выяснило, что он

¹ Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов // ОИ 1993. № 1. С. 111–128; Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 39–76.

² Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Пг., 1921. Кн. 2, С. 119.

³ 4 августа 1878 г. был заколот кинжалом шеф жандармов Н.В. Мезенцов. Его убил С.М. Степняк-Кравчинский.

⁴ ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции). 3-е делопроизводство. 1894 г. Д. 172. Л. 1 об. А.Д. Нежданов – герой романа И.С. Тургенева "Нов".

известен в кругу студентов как человек "вполне преданный революционной пропаганде". Платонов во время похорон в 1877 г. умерших в крепости и клинике политических заключенных "усиленно хлопотал, чтобы студенты принимали участие как в устройстве похорон, так и в происходивших при этом демонстрациях". Платонов "производил в кругу студентов денежный сбор в пользу политических преступников". Несколько сот рублей "на поддержание революционной пропаганды" Платонов получил от Латкина⁵. 23 октября 1878 г. за Платоновым и Латкиным, с личной санкции императора Александра II, было установлено "негласное наблюдение"⁶. О происшедшем Платонов стал догадываться "по многим косвенным признакам" с осени 1879 г., но для него осталось тайной, что слежка за ним велась уже год. Об этом Платонов узнал, по его признанию, лишь "к старости"⁷. В результате 10-летнего наблюдения за Платоновым "ничего предосудительного" замечено не было и петербургскому Отделению по охранению общественной безопасности и порядка 8 февраля 1888 г. было разрешено избавить Платонова от своего пристального внимания, однако в Москве он оставался под "негласным наблюдением", которое было снято распоряжением Департамента полиции от 7 июля 1890 г.⁸

Вновь внимание Департамента полиции Платонов привлек своим участием, вместе с другими профессорами С.-Петербургского университета (А.Н. Бекетовым, Н.И. Кареевым, В.И. Ламанским), а также Г.В. Форстеном и Н.А. Котляревским в состоявшейся 4 марта 1897 г. в Казанском соборе панихиде в связи с самоубийством узницы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости слушательницы Высших женских курсов М.Ф. Ветровой. Этот поступок Платонова не привел, однако, к принятию в отношении его каких-либо мер. Департамент полиции счел возможным истолковать участие Платонова в панихиде, о котором узнали "по негласным сведениям", как обстоятельство "не вполне установленное"⁹.

В последний раз справки о политической благонадежности Платонова наводились в Департаменте полиции в связи с намерением ученого прочесть в Нижнем Новгороде в мае 1903 г. в пользу Нижегородской губернской ученой архивной комиссии ряд публичных лекций (в том числе по темам: "Совет всея земли Московского государства", "Иван Грозный и его жизнь"). Отмечая, что с 1897 г. о Платонове никаких "неблагоприятных сведений" не поступало, Департамент полиции решил не препятствовать ученому в его лекторской деятельности¹⁰.

⁵ Там же. Л. 1 об. — 1а.

⁶ На всеподданнейшем докладе о Латкине и Платонове Александр II написал резолюцию: "Необходимо иметь их под наблюдением".

⁷ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 119.

⁸ ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1894 г. Д. 172. Л. 1а, 16 об.

⁹ Там же. Л. 32 об.

¹⁰ Там же. Л. 32 об., 34—34 об.

ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ С Ю.Г. ОКСМАНОМ*

С Юлианом Григорьевичем Оксманом я познакомился в 1958 г. в Москве, во время Четвертого международного съезда славистов. Не могу точно вспомнить, когда и где мы впервые встретились, но, вероятно, это было на третий день съезда (среда, 3 сентября), в конце утреннего заседания, на котором Оксман горячо одобрил доклад Эдварда Брауна о Станкевиче и Белинском. Вскоре после этого, возможно, в тот же вечер, Юлиан Григорьевич пригласил нас, трех американцев – Эдварда Брауна, Леона Стилмана и меня – к себе домой для вечерней беседы.

Несомненно, для меня, и, скорее всего, для двух моих американских коллег, эта вечерняя беседа стала самым знаменательным событием за все десять дней съезда, ибо в ней затронут был и террор 1930-х годов и десять лет, проведенных Ю.Г. Оксманом в лагерях, потом десять лет пребывания его в Саратове в качестве профессора университета, и современное состояние науки в Москве, где в конце концов ему разрешили жить.

Международный съезд славистов 1958 г., не имевший прецедентов в советской истории, чрезвычайно радовал таких людей, как Юлиан Григорьевич, и очень беспокоил охранителей марксизма-ленинизма. Эта их тревога проявилась в двух случаях в конце апреля 1958 г., немногим более четырех месяцев до открытия съезда. 17–18 апреля в Москве состоялось заседание Ученого совета ИМЛИ. Главными темами, обсуждавшимися на нем, были: как бороться с "буржуазными" и "ревизионистскими" теориями в литературоведении и как вести себя с американской делегацией на съезде. Через восемь дней, 26 апреля, некий Вл. Штепанек выступил в чешской газете "Руде право" с грубой политической атакой на Р.О. Якобсона, самого выдающегося слависта США, игравшего главную роль в формировании решения американских славистов принять участие в будущем московском съезде.

Совпадение этих двух инцидентов, с интервалом всего в восемь дней, было, конечно, не случайным. Мнения американских славистов по вопросу об участии в съезде с самого начала разошлись. Это было честное различие во мнениях между двадцатью из нас, – с одной стороны, теми, кто верил, что, приняв участие в съезде, мы сможем скорее приблизиться к большему взаимопониманию и большей научной свободе в восточно-европейских странах, чем бойкотировав его, и, с другой стороны, меньшей группой американских славистов во главе с весьма уважаемым Глебом Петровичем Струве и его коллегами из университета Беркли в Калифорнии, которые считали, что участие в съезде будет означать одобрение нами политического догматизма, продемонстрированного на апрельском заседании такими партийными ортодоксами, как И. Анисимов, В. Щербина, Я. Эльсберг и Р. Самарин.

Клеветническая политическая атака на Р.О. Якобсона в "Руде право" заставила нас согласиться, что если он или какой-либо другой член нашей делегации

не получит визу, мы все откажемся от участия в съезде. Когда прошел июль, и другие члены делегации один за другим получали свои визы (а визы для Р.О. Якобсона все еще не было), я, как глава американской делегации сочинил следующую телеграмму, которую при необходимости собирался разослать в другие 18 национальных комитетов славистов:

"Якобсон до сих пор не может получить советскую визу на Международный съезд славистов в Москве. Дискриминация американского представителя в Международном комитете, естественно, делает невозможным американское участие в съезде. Американская делегация разочарована, посылает привет и добрые пожелания, надеется, что беспрепятственные научные контакты, сотрудничество славистов повсюду будут успешно развиваться.

Эджертон"

Наконец, 2 августа я получил от находившегося в Норвегии профессора Якобсона следующую телеграмму: "Виза получена, пожалуйста, дайте мне совет". На следующий день он послал мне письмо, где было сказано: "Мои академические норвежские друзья несколько сомневаются, безопасно ли мне ехать. Свяжитесь, пожалуйста, с Мериллом (наш знакомый в американском Государственном Департаменте) и напишите или, лучше, сообщите мне телеграфом ваше и его мнение". Мы сообщили ему, что его присутствие на съезде очень важно, и мы совершенно уверены, что это для него безопасно.

К моменту открытия съезда, 1 сентября, воздух был наэлектризован нервным напряжением идеологической старой гвардии, считавшей, что их доктрине социалистического реализма угрожают разрушительные новые идеи, которые якобы вынашиваются в Соединенных Штатах и проникают в Советский Союз через Польшу и Югославию, как "ревизионистская" пропаганда. На второй день съезда меня, как главу американской делегации, попросили сделать заявление для публикации в "Литературной газете". Я составил следующий текст этого заявления: «Если еще рано судить обо всем съезде славистов, то уже можно сказать о дружеском приеме, оказанном нам нашими советскими хозяевами и москвичами. Надеюсь, что издатель "Литературной газеты" позволит мне высказаться откровенно и сказать, что я нахожу это в высшей степени замечательным в свете того, что печатается о моей стране в этой и других советских газетах. Почти ежедневно советский народ читает в газетах статьи, где говорится, как безнравственны и воинственны Соединенные Штаты, и, тем не менее, нашу делегацию из двадцати славистов, искренне поддерживающих это будто бы плохое американское государственное устройство, прибывшую в Советский Союз, тепло встретили как друзей. Может быть, советские граждане не верят всему, что они читают в газетах!»

Мое заявление так и не появилось в "Литературной газете".

У Международного съезда славистов был обычай, что каждый национальный комитет заранее направляет другим комитетам тексты докладов своих членов. Этот удобный порядок позволял всем участникам ознакомиться с текстами докладов до того, как они фактически произносились. Во время московского съезда это привело через два дня к тому, что Роман Самарин из Московского университета обрушился на доклад Леона Штильмана из Колумбийского университета в отсутствие Штильмана, не предупредив его заранее. Когда Самарин не ответил на просьбу Штильмана показать ему текст этой атаки, последний был подробно информирован множеством возмущенных ученых, присутствовавших при этом, в том числе Г.П. Макогоненко из Ленинграда.

Во время моего следующего пребывания в Москве через год после съезда, Ю.Г. Оксман рассказал мне подробнее об инциденте с Самариным и о заседании в ИМЛИ в апреле 1958 г. Привожу запись из моего дневника, который я вел во время посещения Москвы в 1959 г.:

"Я спросил Ю.Г. о заседании в Институте мировой литературы в апреле 1958 г. Он сказал, что на этом заседании мнения о том, как вести себя с американскими учеными на съезде, разошлись. Одна группа считала нужным провоцировать нас, чтобы мы либо все удалились, либо вынуждены были так резко отвечать на их атаки, что неизбежным становился скандал. [В.В.] Виноградов это оспаривал. Ю.Г. Оксман сказал, что такие же разногласия были в Центральном комитете, тоже обсуждавшем этот вопрос. Ю.Г. сказал, что Самарин выступил против Штильмана не только потому, что он эмигрант, но и потому, что он еврей. Самарин, заметил он, играл большую роль в антисемитских кампаниях. Он заявил, что все американцы, кроме меня, – разведчики. Он хорошо относился ко мне, – сказал Ю.Г., – так как считал, что я друг русского народа и русской литературы (думаю, что могу стерпеть его доброе мнение обо мне, поскольку я пользовался также доверием и дружбой таких людей, как Ю.Г. и И[лья] С[амойлович] Зильберштейн!). Ю.Г. сказал, что Самарин приложил большие усилия во время и после съезда, чтобы заставить его выступить против Штильмана, но он отказался. Самарин нападал на Ю.Г. за то, что он так тесно общался с американцами, доказывая, что раз американцы так хорошо информированы об истинном положении дел на съезде, то они все это узнали через Ю.Г."

Ю.Г. сказал, что сам он очень устал тогда, и главным образом из-за неприятностей, которым он подвергался. Когда "они" старались заставить его нападать на американцев, он ответил, что прошел через десять лет каторги, и они больше ничего не могут с ним сделать – и прямо отказался действовать в этом с ними заодно.

Раньше, еще в ходе московского съезда, Юлиан Григорьевич сказал мне, чтобы я оставил субботний вечер, 6 сентября, для частного обеда, который он организует в ресторане, в то время находившемся на верхнем этаже гостиницы "Украина". Он был очень возбужден в связи с этим и, уже пригласив меня, напоминал мне еще не раз. Так как мои заметки об этом обеде давно потерялись, я не могу с уверенностью сказать, кто там присутствовал. Я помню, что нас, иностранцев, было четверо: Анри Гранжар из Франции, Надежда Людвиг и Герхард Цигенгайт из ГДР и я из США. Было также некоторое количество молодых коллег Оксмана, работавших с ним над большим 30-томным изданием Герцена. Праздничная атмосфера всего происходившего проявилась в трех предложенных многозначительных тостах во время обеда: за нашу молодежь, за интеллигенцию и за дух Герцена. Однако, когда я встретился с Оксманом через год, он сказал мне, что его подвергли критике за организацию обеда, куда были приглашены четыре иностранных гостя без предварительной просьбы о разрешении. Но так как он позаботился о приглашении нескольких членов партии, нападать на него было и неловко, и трудно.

За 12 лет, прошедших между Московским съездом славистов и 1970 г., годом смерти Оксмана, я восемь раз приезжал в Россию – три раза для своей научной работы, три раза как представитель Американского межуниверситетского комитета, ведавшего научным обменом с советскими университетами, один раз в качестве директора летней поездки по изучению русского языка, организованной Индианским университетом, и один раз как лектор на международном студенческом семинаре, который организовали совместно американские квакеры и Советский комитет молодежных организаций. Так как весьма немногие советские граждане могли так же свободно ездить за границу, подобно нам, американцам, некоторые советские люди, мало представлявшие себе жизнь других стран, пришли к заключению, что мое правительство не позволило бы мне так свободно ездить за рубеж, если бы я не был его агентом.

Пятью годами позже, в 1963 г., когда Американский совет научных обществ избрал меня для поездки на целый семестр для исследовательской работы о Николае Лескове в рамках программы научного обмена с Академией наук СССР, это подозрение создало для меня кое-какие трудности. Академия наук приняла меня, и мы с женой прожили в Москве с сентября 1963 по январь

1964 г., но в течение этого времени у меня то и дело возникали мелкие затруднения в работе, очень удивлявшие меня.

Наконец, поговорив с Ю.Г. Оксманом, я понял их причину. Он рассказал мне о том, как мое имя было представлено в соответствующий комитет Академии наук академиком В.В. Виноградовым, хорошо знавшим меня по совместной работе в Международном комитете славистов. Представляя мою кандидатуру, Виктор Владимирович сказал: "Эджертон хочет приехать в Советский Союз на семестр для исследования о Лескове. Предполагаю, что никто не будет возражать". Однако (сообщал мне Юлиан Григорьевич) директор ИМЛИ И.И. Анисимов сказал: "Нет, я возражаю. Известно, что Эджертон путешествует по Восточной Европе и занимается дополнительными делами". Затем Юлиан Григорьевич процитировал ответ Виноградова Анисимову, за который я всю жизнь буду благодарен Виктору Владимировичу: «Я этому не верю, вы этого не можете доказать. И, кроме того, если вас так беспокоят "дополнительные дела", почему вы не выступили против Романа Самарина, который, как общеизвестно, занимается дополнительными делами»? Этот инцидент, переданный мне Юлианом Григорьевичем, объяснил мне загадочную до тех пор причину, по которой меня, литературоведа, занимающегося Лесковым, принимал не Институт мировой литературы, которым заведовал Анисимов, а Институт русского языка, директором которого являлся В.В. Виноградов¹.

Последний раз я встретился с Оксманом при удивительных обстоятельствах. В пятницу, 27 февраля 1970 г., во второй половине дня, я только что кончил лекцию на одном из моих курсов в Индианском университете и возвращался к себе в кабинет, когда ко мне прибежала секретарша и сказала: "Вам звонят из Нью-Йорка". Голос в телефоне сообщил, что делегация, состоящая из 13 видных американцев, представляющая Фонд мира, отправляется в следующую пятницу в Москву на неделю, чтобы завершить переговоры с советским Институтом США о широкой, совместно финансируемой встрече в апреле в Нью-Йорке по вопросу об отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Говорящий по-русски американский специалист по Советскому Союзу, который, как предполагалось, должен был войти в эту делегацию, вынужден был почти в последний момент отказаться. Можно ли сделать так, чтобы я по такому краткому уведомлению заменил его? Я немедленно обсудил вопрос с соответствующими лицами Индианского университета. Мы пришли к заключению, что ввиду важности этой поездки университет освободит меня от моих обязанностей на некоторое время.

С момента нашего приезда в Москву 7 марта до отъезда 14-го днем мы были заняты встречами с разными официальными лицами в Институте США, но вечером, когда оставшая часть делегации посещала разные музыкальные представления, я спокойно отказывался от них с тем, чтобы повидаться с московскими старыми друзьями. Естественно, одним из первых в моем списке был Ю.Г. Оксман. К этому времени политические преследования, которым он подвергался в 1964 г., ослабели, но из осторожности я все же не желал, чтобы кто-нибудь из нашей делегации знал о моих визитах к русским друзьям. В нижеследующих заметках о моем посещении Юлиана Григорьевича, написанных по свежим следам, я обозначил его только псевдонимом, а других — инициалами.

¹ Дальнейшие подробности об "их" отношении ко мне и моем отношении к "ним" см.: Мельчук И.А. Мои встречи с КГБ // Память: Ист. сб. М., 1977. Вып. 2; Париж, 1979. С. 568–577; Эджертон Вильям. Кто ищет, тот найдет // Сов. библиография. № 3. Май–июнь 1991. С. 67–78 (особенно 71–72); Эджертон Вильям П. Приключения американского слависта в Советской России (о Лескове, Эйхенбауме, Громыко и о полезности "Правды") // Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 335–346.

«Студенты по праздникам развешивают листовки, спрашивая, почему не соблюдается конституция, почему нет свободы печати и т.п. Возбуждение студенчества все ширится. В Саратове полицейское расследование установило, что в той или иной степени в этом участвуют 200 человек. Пятеро или шестеро были зачинщиками. На некоторых митингах молодежи в Саратове вопросы, которые задавали диссиденты, были так остры и трудны, что молодежные руководители отправились за подкреплением в Москву, чтобы им помогли ответить. Когда студентов исключают за это из одного университета, они стараются перейти в другой. Среди прочих называют Новосибирск. На следствии студентов часто спрашивают об Оксмани».

Преемником В.В. Виноградова, как главы Советского комитета славистов, назначили М.П. Алексеева. Оксман сказал М.П., что не поздравляет его, зная, что "они" будут просто использовать его. "Они" предложили ввести в Комитет Овчаренко. М.П. сказал об этом Оксману и просто безнадежно пожал плечами. Оксман основательно разбил его. До отъезда из Москвы М.П. позвонил Оксману и сказал ему, что отказался принять Овчаренко, а "они" проглотили это и согласились».

Во время моего предыдущего посещения в январе 1969 г. я дал Юлиану Григорьевичу два экземпляра моей новой книги переводов Лескова – "Satirical stories of Nicolai Leskov" – и просил его передать один экземпляр К.И. Чуковскому. Последнее письмо Оксмана к Корнею Ивановичу от 25 января 1969 было отослано вместе с моей книгой.

«К. Ч[уковский] был доволен моей книгой Лескова и планировал серию статей о русской литературе в зарубежных переводах – сперва об английском переводе Набоковым "Евгения Онегина", потом о моем Лескове. Он написал первую статью, но "они" потребовали, чтобы он добавил абзац о "белогвардейском прошлом" Набокова, и Корней Иванович с отвращением отказался».

История семьи Рив и Корнея Ивановича. Франклин Рив, его жена Хелен и трое их детей были приглашены Корнеем Ивановичем на обед в его доме в Переделькино. Они поехали на своей машине. После обеда они пошли гулять, а в это время явилась милиция и стала спрашивать о машине с иностранными номерами. Они отправились на поиски Ривов и встретили их, возвращающихся вместе с Корнеем Ивановичем с прогулки. Капитан милиции начал грубо обвинять Ривов в том, что они нарушили закон, приехав туда. Корней Иванович спросил, почему. Милиционер: "Потому что они иностранцы". Корней Иванович: "Но на прошлой неделе Громыко сам звонил мне и просил принять здесь группу японцев". Милиционер: "Но эти – американцы. Это большая разница". Затем капитан милиции начал грубо говорить с Корнеем Ивановичем, называя его на ты и требуя, чтобы он не вмешивался. Тогда Хелен Рив бросилась на милиционера, спрашивая, как он смеет непочтительно разговаривать с таким великим человеком как Корней Иванович. Милиционер признал, что никогда не читал ни одной его книги – у него нет времени для таких вещей – и явно не знал, кто он такой.

В результате этого неприятного случая Корней Иванович написал письмо с протестом председателю Президиума Верховного совета Подгорному. Вскоре к Корнею Ивановичу явилась делегация высокопоставленных чиновников Министерства государственной безопасности и принесла ему официальные извинения, сказав, что капитан милиции уволен, а другие милиционеры, участвовавшие в этом деле, переведены в отдаленные места Советского Союза. Потом они спросили, не могут ли сделать что-нибудь, чтобы возместить нанесенный Корнею Ивановичу ущерб. Он сказал: да, местной школе нужна новая крыша, и они могли бы заменить ее. Немедленно после этого прислали целую бригаду рабочих, чтобы отремонтировать школу.

Оксману снова разрешили печататься под своим именем, что было ему запрещено с 1964 г. в результате дела Фейера². Академик Н.И. Конрад, специалист по Японии и единственный, оставшийся в Академии мужественный защитник свободы (я думаю, что говоря это, Оксман имел в виду только гуманитариев, ведь Сахаров – тоже академик), вел дело к реабилитации Оксмана. Книга Оксмана о Добролюбове, сожженная в 1930-х гг., теперь выходит в свет. Он пошлет мне два экземпляра, один для [Аркадия] Белинкова]. В серии "Литературные памятники" также публикуются исповеди св. Августина, Руссо и Толстого – последнюю будет готовить к печати Оксман. В "Литературных памятниках" только что вышла "Анна Каренина" – это единственное место, откуда, благодаря Конраду, не изгнали Оксмана. В новом издании "Анны Карениной" исправлено более 900 ошибок текста юбилейного издания. Все боялись подписывать его в качестве ответственного редактора из-за фурора, который он вызовет. Наконец, подписал Оксман, потому что "они" больше ничего не смогут ему сделать.

Когда я ушел из квартиры Оксмана, я увидел хорошо одетого человека, прогуливавшегося взад и вперед по двору у конца корпуса. Не прислали ли его следить за мной? Когда я пришел, мне пришлось спросить у женщины, сидевшей на скамейке в холле этого здания, 34-я или 36-я квартира Оксмана? Это могло побудить ее сообщить о моем присутствии».

² См.: Еще раз о "деле" Ю.Г. Оксмана // Тыняновский сборник. Пятое Тыняновское чтение. С. 347–374.

Во время одного из моих визитов к Оксману в 60-х годах – не помню точно, когда – Юлиан Григорьевич дал мне на сбережение микрофильм с библиографией его опубликованных научных трудов с 1915 по 1957 г. Поскольку у его смерти 15 сентября 1970 г. в советской печати не появилось ни слова, я решил написать некролог о нем, опубликовав его вместе с его научной библиографией, и восполнить молчание в его родной стране, разослав это издание как можно шире. А.Л. Гришунин рассказал о моих планах Антонине Петровне Оксман, и она через Андрея Леопольдовича прислала мне экземпляр библиографии Юлиана Григорьевича с 1957 г. до его смерти. Я напечатал некролог и библиографию в 1973 г. в научном журнале "Русская литература" (Вып. 5. С. 5–34), издающемся в Голландии Международным издательским советом. 18 апреля 1972 г., когда машинопись уже ушла в типографию, я получил от Андрея Леопольдовича письмо, передающее встревоженную просьбу Антонины Петровны, чтобы мой некролог Юлиана Григорьевича был "в рамках...". Я немедленно отправил в типографию телеграфное послание: "По просьбе семьи покойного Эджертона настаивает, чтобы производство было отложено, пока он не внесет в текст некоторые изменения по политическим причинам". Изменения были сейчас же сделаны, некролог опубликован "в рамках", Антонина Петровна успокоилась и с удовлетворением прочла некролог.

Теперь я свободно могу напечатать места, опущенные в то время мною:

"Затем, в конце 1936 г., Оксман внезапно был арестован. По словам бывшего редактора издания сочинений Пушкина, теперь живущего за границей, арест явился полной неожиданностью для Оксмана – настолько, что, считая визит агентов ГПУ простым недоразумением, он взял с собой в тюрьму очередные корректуры издания: он был совершенно уверен, что недоразумение вскоре разъяснится, и он не сегодня-завтра вернется домой вместе с корректурами"³.

В действительности Оксман вернулся из заключения и ссылки через десять лет. Своим ранним освобождением он был обязан прежде всего усилиям его многолетнего друга, высокоавторитетного специалиста по русской литературе XVIII в. Г.А. Гуковского, тогда профессора Саратовского университета, который сам умер через четыре года, 2 апреля 1950 г., при обстоятельствах, объясненных в Краткой литературной энциклопедии (1964. Т. II. С. 438–439) с помощью стандартного штампа – эвфемизма – "нарушением социалистической законности в период культа личности Сталина".

Оксман присоединился к Гуковскому на филологическом факультете в Саратове в 1946 г. и преподавал там до конца 1957 г.

³ Цит. по: Domherr L.L. The Pushkin Edition of the U.S.S.R. Academy of Sciences // Research Program on the U.S.S.R. (East European Fund), N. Y. 1953. P. 48–49.

В информативной в других отношениях и полезной статье "The Fifties in Transition: A.S. Dolinin and Yu.G. Oksman, Our Remarkable Teachers" (Oxford Slavonic Papers, New Series, 1985. V. XVIII, P. 120–149), бывшая молодая коллега Оксмана Елена Дрыжакова посвятила критическое подстрочное примечание (на с. 147) моему некрологу Юлиана Григорьевича: «Наиболее полная библиография печатных работ Оксмана (хотя и не без важных пропусков и неточностей), опубликована Вильямом Б. Эджертоном (Юлиан Григорьевич Оксман. 1895–1970 // Russian Literature, 1974. P. 5–34). В связи с этой публикацией можно только сожалеть, что профессор Эджертон в своем кратком биографическом очерке не информировал читателей о таком величайшем трагическом событии в жизни советского ученого, как десять лет, проведенных в ГУЛАГе. Вместо этого он делает таинственное сообщение: "После десятилетнего перерыва в своей научной работе, начавшегося в конце октября 1936 г., он работал на филологическом факультете в Саратове..."» (с. 6). Неспособность Е. Дрыжаковой понять причину моего "таинственного сообщения" указывает на то, как она уже была далека от действительности своей родной страны в 1974 г. Не сумев указать пропуски и неточности, найденные ею в библиографии, полученной мной от Оксмана и его вдовы, она вместе с тем упустила возможность войти в число других коллег Юлиана Григорьевича, подготовивших в настоящее время в Москве исправленную и расширенную библиографию, которая публикуется в настоящем томе.

Проведя десять лет в "Мертвом Доме", как жертва того, что советские власти справедливо осудили как "нарушения социалистической законности", Оксман вышел из этого испытания с тем чувством свободы, какое дается лишь тому, кто прошел столь трудный путь, что его уже ничем не испугаешь. Со времени своего возвращения в Москву в 1958 г. и до самого конца жизни он поддерживал нормальные контакты с советскими и зарубежными учеными, столь же мало заботясь о своей личной безопасности, как если бы он жил в Париже или Лондоне.

Как-будто по странному закону компенсации, его абсолютная свобода от страха внушала страх другим, более могущественным, чем он, так что с 1965 до начала 1970 г. его печатные труды, почти без исключения, давали новый материал для какого-нибудь будущего Масанова, а его имя появлялось в печати так редко, что эти исключения казались результатом оплошности».

Дж. Х. Линд

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ КНУДА РАСМУССЕНА

(К 10-летию со дня смерти)

Прошло уже десять лет с того момента, как 9 июля 1985 г. преждевременно ушел из жизни крупный историк, специалист по ранней истории России Кнуд Расмуссен. Это достаточный срок для того, чтобы попытаться определить его значение для русистики вообще и для развития этой научной дисциплины в Дании в частности.

Когда в 1960 г. Расмуссен заканчивал Копенгагенский университет по специальности история и русский язык трудно было предугадать, что он станет ведущим специалистом именно по древнерусской истории. Его дипломная работа была посвящена опять ставшей печально актуальной теме – проблемам истории на Балканах перед первой мировой войной. ("Политика сербского правительства и формирование общественного мнения во время первого этапа аннексии 1908 г.")¹.

Кнуд Расмуссен родился 16 декабря 1930 г. в маленькой деревушке Хеммешёй (Hemmeshøj) на острове Зеландия. В сохранившейся его ранней автобиографии 1965 г. он называет себя сыном болсмэна (bolsmand), т.е. мелкого крестьянина – что-то посередине между безземельным и зажиточным крестьянином². Такая социальная категория давно не существует в Дании, поэтому подобная характеристика в 1965 г. выглядит странным анахронизмом. Но это свидетельствует о том, что во всяком случае тогда Кнуд Расмуссен придавал большое значение своему происхождению и социальной принадлежности своей семьи.

Кнуд Расмуссен как архивист и археограф. Те годы, когда Расмуссен закончил университет, были, по датским понятиям, чрезвычайно благоприятными для выпускников-историков, и Расмуссену посчастливилось быстро получить место архивариуса в Государственном архиве Дании. Но научная работа молодого архивариуса редко бывает связана с его собственными желаниями. Поэтому уже в 1961 г. Расмуссен стал секретарем Комиссии по изданию источников по истории сельского населения (Udvalget for udgivelse af kilder til landbefolkningens historie)³. Это можно рассматривать как проявление его собственных научных интересов, определяющих, вероятно, в значительной мере его социальным происхождением и семейными корнями.

Первая работа К. Расмуссена по русской истории оказалась связанной с визитом в Данию в 1964 г. Н.С. Хрущева: им была написана глава в небольшой книжке о датско-русских связях⁴. Приезд Хрущева сыграл еще одну роль для будущей научной судьбы историка. Во время этого визита было заключено сог-

¹ *Rasmussen Knud. Den serbiske regerings politik og den offentlige menings udvikling under første fase i annektsionskrisen 1908.*, København, 1957. Неопубликованная рукопись работы хранится в специальном отделении Королевской библиотеки Дании (№ 12 103 944).

² *Hvidtfeldt Johan m.fl. Danske historikere 1965.* Kbh., 1966. S. 136–137.

³ Там же. S. 137.

⁴ *Dansk-russiske forbindelser gennem 500 år. Датско-русские отношения за 500 лет.* Kbh., 1964. S. 11–45.

лашение между Датским Государственным архивом, с одной стороны, и МИД СССР и советским архивным руководством, с другой. Согласно этому договору два датских архивариуса должны были поехать в 1965 и 1966 гг. в московские и ленинградские архивы, чтобы отобрать материалы для микрофильмирования⁵. Само собой разумеется, что одним из них стал Кнуд Расмуссен – благодаря его блестящему знанию русского языка⁶.

Это был уже не первый случай, когда датские историки получали возможность отмикрофильмировать в советских архивах материалы, представляющие интерес для исследования по истории Дании. В 1920-е годы скандинавским историкам удалось заключить соглашение с руководителем Централархива М.Н. Покровским⁷, что открыло перед ними двери русских архивов. И за период с 1928 по 1932 г. команда скандинавских исследователей смогла "прочесать" русские хранилища и сделать нужные фотокопии. Среди этих исследователей только один – норвежец Олаф Брок (Olaf Broch) – был славистом по образованию, поэтому его задачей стал просмотр трудночитаемых материалов допетровского времени. Ранние архивные материалы тогда не микрофильмировались, а только регистрировались. Поэтому все силы были сосредоточены на архивных материалах XVIII и XIX вв., что вообще отвечало собственным научным интересам той группы исследователей.

Когда в 1965 г. Кнуд Расмуссен и его коллега приехали в Россию, их интересовали в первую очередь старые материалы. В этой связи хорошим подспорьем для отыскания важных материалов послужили записи, делавшиеся О. Броксом.

Работа продолжалась до 1983–1984 гг., когда возможности договора оказались исчерпанными и в результате Государственный архив Дании получил от ЦГАДА микрофильмы, среди которых все 24 посольские книги за 1559–1698 гг., а также соответствующие им дела, грамоты и трактаты, охватывающие период с 1516 по 1719 г.

К сожалению, проблема с использованием этих материалов состоит в том, что они не закаталогизированы. Лучшим их описанием до сих пор остаются записи Олафа Брока. Записи за 1928 г. он опубликовал в том же году. Но все остальные – за 1929, 1930 и 1932 гг., ясно показывающие, что Брок просмотрел практически все документы, относящиеся к датско-норвежской и шведской истории до XVIII в., так и остаются неопубликованными. В 1970-е годы Расмуссен готовил эти записи к публикации, но не сумел закончить работы до своей смерти⁸.

Кнуд Расмуссен и эпоха Ивана Грозного. Работа со старыми источниками в собрании ЦГАДА явно послужила причиной того, что Расмуссен обратил свои научные интересы на древнюю русскую историю. В 1967 г. он получил прекрасную возможность заниматься этой темой, так как перешел в Славянский институт Копенгагенского университета. В те годы это было единственное место в Дании, где велось преподавание истории России и где как раз незадолго перед этим Бйарне Нёрретрандерс (Bjarne Nørretranders) защитил докторскую диссертацию на тему "Формирование идеи царской власти при Иване Грозном"⁹. Теперь Кнуд Расмуссен мог, – особенно в первые годы, когда он был стажером-иссле-

⁵ Rasmussen K. Aktuelle Forschungen zur osteuropäischen Geschichte in Dänemark (1978–1983) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1985. NF. 33. 1985. 106–108.

⁶ Помимо работы в архиве К. Расмуссен еще и преподавал русский язык офицерам военно-морского флота, а это преподавание традиционно для Дании должно было быть на самом высоком уровне (на всякий случай!). См. Danske historikere 1965. S. 136.

⁷ См.: Rasmussen K. Aktuelle Forschungen...

⁸ См.: Там же.

⁹ Nørretranders B. The Shaping of Czarism under Ivan Groznyj. Copenhagen, 1964.

дователем, целиком посвятить себя научной деятельности и написанию большой работы. Этот труд был завершен в 1972 г. и в следующем году защищен в виде докторской диссертации под названием "Ливонский кризис 1554–1561 гг."¹⁰

В работе дипломатическая история берется в чистом виде: остальные исторические события при этом не учитываются. Методические рассуждения Расмуссена о ходе политических процессов, влиявших на формирование внешней политики страны, и последовательность работы, навязанную историку самими этими отношениями, выглядели следующим образом: 1) мотивы, т.е. конкретизация желаний и потребностей; 2) определение той цели, которую надо достичь, чтобы осуществить желания, выявленные в 1-м пункте; 3) политика, т.е. сначала установление, а затем исполнение программы действий. Те, кто принимали в свое время такие исторические решения, должны были продвигаться через эти три фазы слева направо, но исследователь должен идти в обратном направлении. Материалы переговоров являются как правило достаточно надежным историческим источником, что позволяет исследователю воссоздать картину третьей фазы – политической. Исходя из этого, историк может сделать выводы о цели, и если ему посчастливится, то на основе установленной цели можно высказать предположения и о стоящих за этим мотивах. Степень неуверенности и недоказуемости возрастает по мере продвижения исследователя влево по этой цепочке.

На такой базе Расмуссен выстроил свою рабочую гипотезу о том, какие факторы определяли ту политику, в первую очередь России и Польши, на раннем этапе кризиса, которая привела в дальнейшем к Ливонской войне, а именно то, что Россия и Польша в равной степени мечтали о расширении своего влияния в Ливонии, но ни за что не хотели конфликта друг с другом. Решающим показателем проявления агрессивности обеими сторонами Расмуссен считал изменения их отношений с крымскими татарами. Позже он попытался подтвердить или опровергнуть свою гипотезу, для чего решил не рассматривать ряд обстоятельств, традиционно считавшихся историками наиболее важными в этой проблеме и отказаться от анализа внутривнутриполитических факторов во всех этих странах (их социальной, экономической и религиозной ситуации), а также взятых в широком охвате внешнеторговых интересов в данном регионе. Можно привести следующий пример: тот мотив, который в первую очередь шведские историки Артур Аттман (Artur Attman)¹¹ и Свен Свенссон (Sven Svensson)¹² рассматривали как решающий для нападения России на Ливонию – а именно потребность русской торговли в выходе к Балтийскому морю, – Расмуссен вовсе не учитывал.

То, что из большой группы различных факторов была сделана подобная выборка, обозначало существенное ограничение полноты картины. Но благодаря прекрасному знанию источников и владению методикой исследования, Расмуссен сумел по ряду важных пунктов внести существенные коррективы в более ранние исследования Вальтера Кирхнера¹³, Эрика Доннерта¹⁴, В.Д. Королюка¹⁵

¹⁰ *Rasmussen K. Die livländische Krise 1554–1561 // Københavns universitets slaviske institut. Studier 1. Kbh., 1973.*

¹¹ *Attman A. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik. 1558–1595. Lund, 1944.*

¹² *Svensson S. Den merkantila bakgrunden till Rysslands Anfall på den Livlandska ordensstaten 1558: En studie till den ryska imperialismens uppkomsthistoria. Lund, 1951.*

¹³ *Kirchner W. The Rise of the Baltic Question. Newark, 1954.*

¹⁴ *Donnert E. Der livländische Ordensritterstaat und Rußland: Der livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963.*

¹⁵ *Королюк В.Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954.*

и Б. Нёрретрандеса¹⁶. Это касается в первую очередь мотивов, приписывавшихся действующим сторонам.

Яркий пример тому – резко негативный взгляд Кирхнера на политику Дании в Ливонии, которую он обрисовывал почти как дилетантскую. Между тем виной этому было то, что Кирхнер приписал датскому правительству совершенно иные мотивы и цель, чем – как доказал Расмуссен – существовавшие в действительности.

Другой пример касается мнения, которого в частности придерживался Б. Нёрретрандес, о том, что в начале ливонского кризиса среди царского окружения царили разногласия по поводу ливонской политики. Сопротивление А.Ф. Адашева и Сильвестра служебным назначениям в Ливонию наталкивалось на противодействие И.М. Висковатого. Это повлекло за собой удаление Адашева и Сильвестра из ближайшего окружения Ивана IV. Между тем Расмуссен обнаружил, что и Висковатый оказался выброшенным из влиятельных сфер, поскольку полученное им назначение главой посольства к датскому королю не имело никакого политического значения. По мнению Расмуссена, невозможно говорить о каких-то различиях во мнениях по поводу первых вторжений в Ливонию, если опираться на современные дипломатические источники. Русские правящие верхи придерживались, очевидно, того мнения, что когда развяжется война, Россия окажется в благоприятной ситуации для осуществления своих далекоидущих амбиций в Ливонии. Разногласия возникали не ранее 1560 г., когда Иван Грозный, находясь уже не в столь благоприятной ситуации, решил все же продолжать агрессивную наступательную политику.

Интерес Расмуссена к истории дипломатии нашел позже выражение в двух важных работах. Первая проблема выросла как непосредственное продолжение темы его диссертации: о чем в действительности знали в Посольском приказе, когда надо было принимать какое-то решение внешнеполитического характера¹⁷.

Одновременно с этим Расмуссен переиздал в связи с 400-летним юбилеем датского посольства 1578 г. к Ивану Грозному знаменитые "Записки о России", которые глава посольства Якоб Ульфелдт написал по возвращении домой. Они впервые были изданы на латыни в 1608 г., а в 1680 г. их перевели на датский. Расмуссен опубликовал факсимильно первое латинское издание с параллельной, слегка подновленной датской версией. В обширном предисловии он разъяснял многие моменты, касающиеся происхождения текста, и его взаимосвязь с другими описаниями России, написанными участниками того же посольства¹⁸. Это было первое серьезное исследование "Записок" Ульфелдта после классической старой работы Ю.Н. Щербачева 1887 г.¹⁹ Важным результатом изыскания К. Расмуссена было установление, что знаменитые иллюстрации, часто используемые в современных работах о России Ивана Грозного²⁰, едва ли ведут свое происхождение от самого Ульфелдта, но скорее всего являются результатом работы фантазии первого издателя на основе чтения ульфелдтовского текста.

¹⁶ *Nørretranders B. The Shaping of Czarism...*

¹⁷ *Rasmussen K. On the Information Level of the Muscovite Posol'skij Prikaz in the Sixteenth Century // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 24. Wiesbaden, 1978. S. 87–98.*

¹⁸ *Jacob Ulfeldts Rejse i Rusland 1578 / Rasmussen K. København, 1978. S. 7–27.* Сокращенная версия этого предисловия была опубликована самостоятельно в переводе на рус. яз.: *Расмуссен Кнуд. О книге Якоба Ульфелдта "Hodoeporicon Ruthenicum"*. Франкфурт, 1608 // *Скандинавский сборник*. Таллин, 1978. 23. С. 57–67. Поправки и уточнения см.: *Линд Дж. Х. Впечатления датчан от России в 1578 году: Сравнительный анализ трех путевых описаний посольства Якоба Ульфелдта (Рукопись)*.

¹⁹ *Щербачев Ю.Н. Два посольства при Иоанне IV Васильевиче // РВ. СПб., 1887. Т. 189. № 7 (Июль). С. 88–175.*

²⁰ Все иллюстрации у Ю.Н. Щербачева – вклейка между с. 162–163; четыре первых – у Л.А. Юзефовича "Как в посольских обычаях ведется..." (М., 1988), вклейка между с. 96–97.

На основе нового прочтения ульфельдтовского текста Расмуссен уделит особое внимание и такому аспекту: следует ли рассматривать "Записки" как источник по датской истории или по русской?²¹

К. Расмуссен и изучение Новгорода. В последующие годы Расмуссен приложил много усилий для написания в первой датской большой "Истории России" своей части, охватывающей период с 1240 по 1598 г.²² В написанном им разделе (который, пожалуй, является самым сильным во всем этом коллективном труде) есть короткая – около 20 страниц – но прекрасно написанная главка о Новгороде. В ней ярко видно как активно работала его мысль, однако завершить свой труд ему помешала преждевременная смерть. Речь идет о труде по истории Новгорода, который он должен был написать в соавторстве с филологом Карлом Стифом, бравшим на себя раздел о литературе и искусстве Новгорода. Совсем незадолго до смерти Расмуссена они вдвоем совершили поездку в Новгород, где собирали материал для книги и обсуждали с русскими специалистами различные проблемы истории Новгорода.

Ясно, что такая тема как история Новгородского государства очень важна, заманчива, но в то же время и сложна для скандинавских исследователей, если мы вспомним, что Новгородское государство в течение многих столетий было непосредственным соседом скандинавов на востоке и с ним на протяжении этих столетий отношения были весьма переменчивыми, но всегда тесными.

Важным источником вдохновения для Расмуссена при обращении к этой теме послужили, несомненно, многочисленные, постоянно появляющиеся работы В.Л. Янина по ранней истории Новгорода. Многие традиционные представления должны были быть пересмотрены, что послужило для Расмуссена стимулом к полемике. Это ясно проявилось в его раннем обзоре изучения новгородской истории – "Великий Новгород в современной советской историографии"²³. Конкретной проблеме "300 золотых поясов" Новгорода посвящена и другая статья, в которой он оспаривает суждения В.Л. Янина, а заодно и В.О. Ключевского²⁴. К. Расмуссен не соглашался с В.Л. Яниным в том, что 300 золотых поясов, упоминающиеся в документе 1331 г., должны соответствовать членам вече и представлять те 300–400 усадеб, из которых, по мнению Янина, состоял тогда Новгород. К. Расмуссен толковал этот нижненемецкий текст таким образом, что 300 золотых поясов должны пониматься не как 300 человек, а как три представителя, старосты, суда Иванского ста, где золотые пояса символизировали, что эти старосты представляют три сотни богатых житейх людей.

Из-за смерти Кнуда Расмуссена "Новгородский проект" так и остался неосуществленным, и Скандинавия по-прежнему ждет появления труда по истории соседнего государства. Что же касается замыслов Расмуссена, то мы должны довольствоваться уже упоминавшейся коротенькой главой в "Истории России". Ее содержание дает некоторое представление о том, в каком направлении должны были развиваться основные идеи большой работы. Вне всякого сомнения мы бы получили картину истории Новгорода с совсем по иному расставленными акцентами, мы ее знаем по многим ценным работам В.Л. Янина и его ближайших коллег.

²¹ *Rasmussen K.* Das Hodoeporicon Ruthenicum von Jacob Ulfeldt – eine Quelle zur russischen oder zur dänischen Geschichte // Reiseberichte als Quellen europäischer Kulturgeschichte. Wolfenbüttel, 1982. S. 177–192.

²² *Politikens Ruslandshistorie.* København, 1983, Bd. 1–3. См.: Bd. 1. S. 49–170.

²³ *Rasmussen K.* Velikij Novgorod i moderne sovjetisk historiografi. Forskningsoversigt // Svantevit II. 2. Århus; København, 1977. S. 65–70.

²⁴ *Расмуссен К.* "300 золотых поясов" Древнего Новгорода // Scando-slavica. 1979. Bd. 25. S. 93–103.

Кнуд Расмуссен и датская славистика. За то время, что К. Расмуссен работал в Копенгагенском университете, датская славистика – особенно в области истории и обществоведения – совершила качественный скачок вперед.

Когда Расмуссен в 1967 г. пришел в университет, то в штате Славянского института было две профессорские должности: по русскому языку и по русской литературе. Ряд преподавателей удовлетворяли потребность в преподавании других славянских языков. На всю русскую историю и обществоведение приходился один лектор Бйарне Нёрретрандерс (ум. 1986). То, что он в 1969 г. получил новоучрежденную профессию по русской истории, явилось первым проявлением того историко-обществоведческого бума среди студентов-славистов, который мы тогда наблюдали. Передвижение Нёрретрандерса наверх имело и еще одно последствие: оно позволило Расмуссену занять освободившееся место лектора. Штат историков-русистов вскоре еще увеличился (до трех человек!), когда был принят на работу лектор по истории советского периода Нильс Эрик Розенфельдт. Поскольку в то время Нёрретрандерс все глубже погружался в изучение истории России нового времени, и даже частично советского периода, то получился благоприятный для университета расклад: Расмуссен изучал период до начала XVII в., а Нёрретрандерс и Розенфельдт – новое и советское время.

Одним из этапов преобразований, инженером которых был благодаря своим организаторским способностям Кнуд Расмуссен (занимавший, к тому же, важные административные посты председателя и заместителя председателя правления Славянского института), стало начало структурных изменений в изучении и преподавании славистики. Помимо традиционного изучения языка и литературы в 1984 г. была учреждена новая историко-обществоведческая специальность – "изучение восточноевропейских государств", а позже Славянский институт был переименован в Институт славянских и восточноевропейских исследований.

То, что институт теперь мог выпускать магистров не только по основной специальности "язык и литература", но и "история и обществоведение", означало необходимость создания новых учебных пособий. Поэтому К. Расмуссен вместе с Н.Э. Розенфельдтом выступили с предложением написать серию учебных пособий под названием "Проблемы русской и советской истории", где по каждому отдельному периоду должен был даваться подробный обзор существующих в науке точек зрения²⁵. До смерти Расмуссена успело выйти три тома, посвященных XVII в., реформам Петра I и советскому периоду²⁶. Написанный самим Кнудом Расмуссеном том "История России в XVI веке. Обзор литературы и источников" вышел в свет осенью 1985 г., уже после его смерти²⁷. Роль Расмуссена в судьбе этого проекта нашла самое лучшее выражение в том факте, что после его смерти больше не было выпущено ни одного тома, хотя в статье в "Jahrbücher für Geschichte Osteuropas", посвященной состоянию восточноевропейских исследований в Дании, Расмуссен писал, что планируется издать по меньшей мере еще два тома – о Киевской руси и о периоде с 1856 по 1917 г.²⁸

Парадоксально, что в результате деятельности Расмуссена значительно большее внимание стало уделяться новой и новейшей русской истории, чем древней. В настоящее время после смерти Кнуда Расмуссена ни в одном датском университете нет специалиста по истории допетровской России. Он до сих пор остается последним датским специалистом по древней русской истории, который

²⁵ См. об этом: *Rasmussen K., Rosenfeldt N.E. Samfundet og studiet af østeuropæisk historie // Svantevit. III. 2. Århus; København, 1977. S. 73–79.*

²⁶ Две из этих книг были переведены на русский язык: *Базгер Ханс. Реформы Петра Великого* (М., 1985), *Кристенсен Свен Оге. История России XVII в.* (М., 1989).

²⁷ *Rasmussen K. Ruslands historie i det 16. årh // Problemer i Ruslands og Sovjetunionens historie. Århus, 1985. 4.*

²⁸ *Rasmussen K. Aktuelle Forschungen... S. 111.*

состоял в штате университета. И хотя К. Расмуссен был талантливым педагогом, способным зажечь студентов, но он так и не оставил учеников, которые бы продолжили активные исследования в этой области.

В последние годы жизни Кнуд Расмуссен был, несомненно, самым известным датским специалистом по русской истории. Незадолго до смерти он стал членом редколлегии "Jahrbücher für Geschichte Osteuropas" и должен был также стать одним из авторов текущей аннотированной библиографии по русской средневековой истории в "Russia Mediaevalis" (Мюнхен).

В такой маленькой стране, как Дания, уход из жизни одного исследователя наносит тяжелый удар по и без того небольшой дисциплине; и можно сказать, что датская русистика до сих пор не оправилась от преждевременной смерти Кнуда Расмуссена.

После смерти Кнуда Расмуссена научная часть его библиотеки и архива была передана в Славянский институт Копенгагенского университета. Там находятся черновики и подготовительные материалы ко многим его трудам, в том числе и неопубликованным (как например, упоминавшаяся нами работа о записях Олафа Брока), а также тексты докладов.

Н.Н. Покровский

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д.И. ТВЕРСКОЙ

Дина Исааковна Тверская была среди тех избранных тихомировских учеников, которые по заведенному Михаилом Николаевичем порядку "присматривали" за новичками школы Тихомирова, делавшими свои первые шаги в науке. Среди последних в 1950-х годах был и я. Получилось так, что с самого начала я пользовался ее советами, опытом при анализе не только письменных источников, но и источников вещественных, музейных. Когда мне позже пришлось самому в 1960-е годы заниматься музейными экспозициями и фондами, эти советы Дины Исааковны, которые давались прямо в залах ГИМ и других музеев, оказались для меня неоценимыми.

В годы моего отстранения от науки Дина Исааковна была среди тех немногих, кто имел смелость сохранить со мной и моей семьей добрые отношения. Понятное дело, что потом до последнего дня Дины мы "дружили домами".

Когда в 1960-х годах мне пришлось заново знакомиться с ситуацией в нашей науке, одним из наиболее сильных впечатлений было то, с каким профессионализмом, упорством и смелостью Д.И. Тверская на излете той оттепели занималась преодолением в экспозициях многих центральных и местных музеев засилья мифологической мишуры "культа личности".

В конце 1960-х – начале 1970-х годов Дине Исааковне из-за работы в Археографической комиссии пришлось заняться совсем новым делом. На нее были возложены обязанности обобщения отчетов об археографических экспедициях, которыми тогда как раз начинали активно заниматься все новые научные коллективы страны. При этом не раз возникала и потребность обмена опытом методики полевых работ, и необходимость создания какого-то порядка в распределении экспедиционных районов между разными группами археографов. Д.И. Тверская очень быстро стала ориентироваться во всем этом специфическом мире настолько хорошо, что уже первые ее обзорные работы итогов полевых археографических исследований в стране читались с огромным интересом*.

* *От редакции:* В "Археографическом ежегоднике за 1975 год" (М., 1976) помещены некролог Д.И. Тверской (С. 370–371) и информация о заседании Археографической комиссии (17.IX.1975), посвященном памяти Д.И. Тверской (С. 354–358). Посмертно были опубликованы статьи Д.И. Тверской: "О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период" // ИСССР. 1976. № 1. С. 106–124; "Основные направления, виды и особенности научно-исследовательской работы в музеях" // Музейное дело в СССР: Сб. М., 1977. С. 9–16; "Музей как научно-исследовательское учреждение" // Музейное дело. Сб. М., 1992. Вып. 21. Музей – культура – общество. С. 62–90 [С предисловием С.О. Шмидта]. О ней см. также: Шмидт С.О. К предыстории издания последних книг академика М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность и литература периода феодализма [Сб. статей к 60-летию Н.Н. Покровского]. Новосибирск, 1990. С. 372 (сн. 5); Он же. Д.И. Тверская // Москва. Некрополь: Библиогр. справочник. М., 1996. Он же. Д.И. Тверская // Энциклопедия музееведения. М., 1996.

Д.А. РАВИКОВИЧ – МУЗЕЕВЕД-АРХИВИСТ

У Дины Акимовны Равикович (1922–1995) не было врагов. Все окружавшие не только уважали ее, но и любили. Большие темные глаза Д.А. как бы излучали доброжелательность, готовность помочь.

Она была не только талантливым "собирателем" документов, но специализировалась также по истории музейного дела (включая охрану памятников), в разработке которой принимала активное участие. Ей принадлежит инициатива создания музееведческого терминологического словаря, изучения закономерностей развития музейной сети. Она сумела прекрасно организовать научную работу с помощью научных карточек, систематизации источниковой базы.

При всем этом Д.А. была исключительно скромной. Скромность иногда перерастала в неуверенность в себе, а также (как защитная реакция) в безразличие ко всяким степеням и званиям. Она так и не рискнула сдать кандидатские экзамены, не защитила диссертации, хотя ряд работ были вполне достойны ученой степени. Все это, конечно ущемляло ее морально, но не умаляло ее вклада в теоретическое и практическое музееведение.

Окончив в 1947 г. МГУ по кафедре музееведения, она поступила в НИИ музейной и краеведческой работы и проработала там до 1995 г. (в последний год работала по договору).

В НИИ музееведения она начала с организации научного архива. Это научно-исследовательское учреждение в разные годы имело названия – НИИ краеведческой и музейной работы, НИИ музееведения, Отдел музееведения при НИИ культуры.

Сваленные в кучу статьи, разнообразные документы она систематизировала, раскладывала по папкам, составляла картотеку, завела книгу поступлений и выдач. Научный архив начал существовать и приносил немалую пользу и научным, и канцелярским сотрудникам. Работа неизменно сопровождалась подбором по истории изучаемых музеев.

Основными разделами архива были: Планы и отчеты музеев; Протоколы научных заседаний; Доклады и статьи по музееведческим проблемам; *Personalia* (материалы о музееведах).

При разработке архива внимание Д.А. привлекли опубликованные в разные годы отчеты музеев, довольно бессистемно попадавшие в этот архив. Это стимулировало поиск отчетов в центральных книгохранилищах, а иногда и на местах – так, в начале 1950-х годов она работала в Госархиве Иркутской области, где были сосредоточены отчеты многих сибирских музеев. Итогом работы стали статьи по истории этих музеев¹.

В дальнейшем границы исследования расширились. В него была включена и Европейская часть России. В статье "Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX в."² использован материал почти 50 местных музеев. В итоге

¹ Равикович Д.А. Из истории сибирских музеев в XIX в. // История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 159–190.

² См.: Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. II. С. 145–223.

были сделаны следующие выводы: возникновение музеев местного края было вызвано развитием капиталистических отношений в России и связанной с ним необходимостью разностороннего изучения страны; в создании местных музеев основную роль играли прогрессивные общественные организации и исследователи. Сеть музеев складывалась стихийно, без всякого государственного регулирования. Возникали музеи в областных центрах, в уездных городах и даже в селах. К 1917 г. был выработан тип местного комплексного музея – отделы естественно-научные, археографические и исторические (историко-культурные). В музеях были накоплены значительные фонды, создавались экспозиции, соответствовавшие уровню современной науки. Характерной чертой музейной деятельности были поиски наиболее доходчивых методов показа музейных материалов. С начала XX в. все чаще ощущалась необходимость связей между музеями, организациями межмузейных совещаний разного масштаба и даже музейного съезда. Однако до 1917 г. это не было осуществлено.

В дальнейшем Д.А. перешла рубеж 1917 г., участвуя в создании документальной базы для статьи историка-этнографа В.К. Гарданова³, посвященной истории музейного дела в первые годы советской власти. Обобщению опыта музеев посвящена статья Д.А. "Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921–1926)"⁴, изданная значительно позже. В этой статье, помимо всей опубликованной литературы (свыше 50 названий), использовано 8 архивных фондов. В ней освещается организация единого управления музейным делом, укрепление материальной базы музеев, работа "Государственного музейного фонда", создание государственной музейной сети, профилирование центральных и местных музеев, организация новых музеев. В специальном разделе говорится об организации музейно-экскурсионного дела.

Одновременно Д.А. готовила монографию по охране памятников истории и культуры в РСФСР за 50 лет советской власти. Эта тема была особенно актуальна, поскольку в самых разных слоях общества утвердилось мнение о том, что в годы советской власти шло повсеместное разрушение памятников истории и культуры. На основе очень большого, по существу исчерпывающего, материала (около 200 названий) и нескольких архивных фондов Д.А. дает историю охраны памятников "искусства, старины и природы", в которой ясно просматриваются две несовместимые тенденции: создание системы государственных учреждений, ведавших охраной памятников (включая вопросы реставрации, организации археологических раскопок) и вместе с тем уничтожения памятников, якобы не имевших исторического или художественного значения (критерии ценности в первые послереволюционные годы не были определены. Особенно губительными были годы так называемой культурной революции, конец 20-х – начало 30-х). Перелом в отношении к этим памятникам произошел в середине 30-х годов. Однако, утверждает автор, проблема охраны памятников оставалась неразрешенной.

В начале 50-х годов Д.А. участвует в работе над пособием "Основы советского музееведения" (подбор источников для главы, посвященной научно-просветительной работе музеев), в дальнейшем – в создании музейной энциклопедии (в разработке словника, совершенствовании научной картотеки музеев, написании статей). Немало времени Д.А. уделяла консультациям музейным работникам по самым разнообразным проблемам музееведения. Однако постоянной ее работой оставалось собирание и обработка источниковой базы, необходимой для развития музейного дела и музееведения.

³ Гарданов В.К. Музейное строительство и охрана памятников в первые годы советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1957. Вып. 1.

⁴ См.: Очерки истории музейного дела в СССР. 1968. Вып. VI. С. 97–145.

**А.Г. МАНЬКОВ – АРХЕОГРАФ, ИСТОЧНИКОВЕД, ИСТОРИК
ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ XVI–XVII вв.**

Относительно недавно известный русский ученый – историк Аркадий Георгиевич Маньков – опубликовал свои дневники за 1933–1934 гг.¹ Тогда начиналась трудовая деятельность, учеба человека, ставшего впоследствии выдающимся ученым, специалистом по истории феодальной России XVI–XVII вв.

Полстолетия он непрерывно трудился как археограф, источниковед, историк. Его перу принадлежат более сотни серьезных, глубоких исследований, в том числе три монографии, фундаментальные публикации источников, многие статьи, рецензии и другие труды.

Благодаря А.Г., его тщанию наука обогатилась изданиями ценнейших исторических источников. В первом из них он собрал неопубликованные документы Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря за 1560–1606 гг.², извлеченные из Калининского (ныне Тверского) облархива. Они включают приходные книги монастырских казначеев. Это книги записей сборов с крестьян, слуг, служебников, "заволостных людей" оброка, денег по кабалам, корма и денег "за плотников, мельников и кирпичников доход", "за мельников, плотников и кирпичников хлеб"; сбора с крестьян холста, тканей, льна, нитей, и др.; книги записей прихода хлеба, количества деревень, вытей и размера повинностей; количества жилых и пустых вытей; порядка перевода крестьян с жеребья на жеребей и др.

Опубликованные источники дают возможность изучить состав и размеры повинностей крестьян, приемы их исчисления.

Очень важны данные хозяйственных записей о закабалении зависимых от монастыря крестьян, их задолженности монастырю-ростовщику. Данные о количестве кабал приводятся с конца XV в., что дает возможность судить о кабале за целое столетие. Столь же интересны записи о даче обителью участков земли крестьянам в аренду ("на посилье").

В целом эти материалы, рисующие повседневную жизнь вотчины духовного феодала, содержат зачастую уникальные сведения, отсутствующие в других источниках по социально-экономической истории.

Другая публикация включает ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря за 1590–1600 гг.³, в которые заносились ученые записи о высевах, ужине и умолоте хлебов. Тем самым они дают ценнейшие данные о состоянии сельского хозяйства Центра России: владения монастыря, одного из крупнейших вотчинников, располагались именно в центральных уездах – Московском, Волоколамском, Дмитровском, Тверском, Старицком и др. Они характеризуют также хозяйство самой вотчины и монастырских крестьян: структуру

¹ Маньков А.Г. Из дневника рядового человека (1933–1934 гг.) // Звезда. 1994, № 5. С. 134–183.

² Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в.: Сб. документов. Л., 1955.

³ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590–1600 гг. М.; Л., 1976. Вып. 1–3.

земельных владений (вотчинные и крестьянские), управления вотчиной (приказы, посельские старцы); состав зерновых культур, нормы их высева; величину ужина и умолота, т.е. урожайность культур; количество скота – лошадей и коров, овец и свиней; годовой расход сена на голову скота, количество скошенного сена в копнах и смета его расхода. Говорится о труде крестьян на монастырь (данные о количестве высеянного и сжатого хлеба, скошенного сена), получении ими взаимы хлеба.

Столь же ценны для изучения социально-экономического строя России XVI в. и другие хозяйственные книги того же Иосифо-Волоколамского монастыря – денежных сборов и выдач, прихода-расходные⁴.

В нескольких изданиях Маньков выступает публикатором юридических памятников: второй половины XVII в. – законодательства и актов крепостного права, законодательства о посадке, а также (совместно с А.И. Копаневым) законодательства о центральном и местном управлении (среди них – наказ сыщикам беглых крестьян и холопов 2 марта 1683 г., указы о сыске беглых крестьян, холопов, посадских людей 1680-х, 1690-х годов, частнопроводные акты – рядные сговорные, данные, поступные, купчие, поручные, ссудные записи; Новоторговый устав 1667 г.; Соборное деяние 1682 г. о ликвидации местничества и др.). Ко всем опубликованным памятникам имеется историко-правовой обзор с детальным анализом их содержания – в целом и по частям⁵.

Тщательностью и скрупулезностью отличаются и другие издания, например законодательных актов в известной серии памятников законодательства X–XX вв. А.Г. участвовал в подготовке двух томов. В первом из них собраны акты земских соборов конца XVI – начала XVII в. и 1650-х годов, Соборное уложение 1649 г. (А.Г. Маньков написал, вместе с О.И. Чистяковым, общее введение и введение к уложению 1649 г., подготовил текст последнего и комментарии к его XIV, XVI, XVII, XX, XXIII и XXIV главам); во втором – источники Петровской эпохи (вводные статьи, законодательство о крестьянах, городском населении)⁶.

Наконец, – фундаментальное издание Соборного Уложения 1649 г.⁷, в котором А.Г. написал введение и значительную часть комментариев.

Немаловажны заслуги Манькова и в издании источников о крестьянских войнах в России XVII в. Совместно с А.И. Копаневым он опубликовал весь комплекс известных к концу 1950-х годов источников о восстании И.И. Болотникова 1606–1607 гг.: записи летописей и хронографов, повестей и сказаний, записок и писем современников-иностранцев; официальные акты и частные документы (челобитные и др.). Кроме того, в томе помещены источники, рассказывающие о положении крестьян и холопов (известные указы 1590-х – начала 1600-х годов о беглых, крестьянском выходе и др.), их выступлениях (волнения в Иосифо-Волоколамском монастыре в 1594 г., восстании Хлопка 1603 г., Московском восстании 1605 г.)⁸.

А.Г. Маньков предпринял первую в нашей стране публикацию описаний Разинского восстания, составленных иностранцами. Ранее они издавались, полностью или в отрывках, пересказах, в разных, зачастую малодоступных советскому читателю сборниках и др. В первой книге А.Г. поместил заметки и "крат-

⁴ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря, 1573–1595 гг. М.; Л., 1978. Вып. 1–2. Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. Л., 1980. Вып. 1–2.

⁵ Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии. М., 1963. С. 181–389.

⁶ Российское законодательство X–XX вв. Акты земских соборов. М., 1985. Т. 3; То же. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. Т. 4.

⁷ Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987.

⁸ Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959.

кую реляцию" голландца Л. Фабрициуса, попавшего в плен к Разину и бежавшего в Персию; сочинение анонима "Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным" (написано в 1671 г.); письмо 6 июня 1671 г. английского купца Т. Хебдона, очевидца казни С. Разина. Во второй книге опубликованы диссертация И.Ю. Марция о Степане Разине (издана в Лондоне в 1674 г.), первая брошюра о восстании (Лондон, 1671 г.) и др.⁹

Во вводных статьях к публикуемым текстам, написанных Маньковым и другими исследователями, даются сведения об авторах, времени, обстоятельствах написания их сочинений; характеризуется содержание последних в сравнении с другими источниками. В комментариях даны пояснения по поводу тех или иных известий, лиц, географических пунктов, писем с привлечением данных из других источников.

Важное место в научном творчестве Манькова занимает анализ источников, прежде всего им самим вводимых в научный оборот, изучаемых, комментируемых. Прежде всего, это – то же Соборное Уложение 1649 г. Ему посвящена капитальная монография¹⁰. В ней рассмотрен широкий круг вопросов: историография Уложения, его составление, структура, первые издания; основное место занимают проблемы социально-экономического строя (поместное, вотчинное землевладение) и правового положения классов (крестьяне, холопы, городское население), государственного и политического устройства (царь, Боярская дума, земские соборы, органы центрального и местного управления, вооруженные силы, церковь, правовое обеспечение торговых путей), права и судопроизводство. В труде А.Г. впервые дается всесторонняя, комплексная историко-правовая оценка этого кодекса.

Автор приводит широкое сопоставление Уложения 1649 г. с предшествующим законодательством и делопроизводством, прежде всего уставными книгами приказов первой половины столетия, особо акцентируя внимание на действенности их норм в середине века, на воздействии на них социальной борьбы, сильно обострившейся в то время. Тем самым, по убеждению автора, уложение это – памятник, порожденный эпохой народных восстаний, между- и внутри-сословных противоречий.

Для творческого подхода А.Г. к памятнику характерен важный новый момент: рассматривая, к примеру, вопросы, относящиеся к поместному или вотчинному землевладению, крестьянству и т.д., он анализирует не только прямо посвященные им главы Уложения, но и статьи, упоминания в других главах. Так, помимо главы "О поместных землях" с ее 69 статьями, нормы поместного права трактуются еще в 15 главах, 106 статьях; таким образом, почти шестая часть статей кодекса так или иначе связана с рассмотрением поместного землевладения. По существу в Уложении впервые с такой полнотой говорится о поместной системе, закрепляется монопольное право дворян на потомственное владение землей, внутрисословный принцип земельного обеспечения их службы государю. Укрепление этого права, как прослеживается в книге, находит свое выражение и в постепенном стирании граней между поместьем и вотчиной, их слиянии в дальнейшем.

Интересны наблюдения над положением крестьян: права феодалов на них возрастали, укреплялись, но все же законодатели старались оградить крестьян от крайнего своеволия, самодурства владельцев, например, от служилой кабалы, похолопывания. Крестьяне имели некоторые права владения наделом, хозяйст-

⁹ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968; Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования. Л., 1975.

¹⁰ Маньков А.Г. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. Л., 1980.

вом; их имущество, жизнь, сословный статус в некоторой степени защищались законом. Преобладающей, по мнению А.Г., была не личная, а поземельная их зависимость¹¹. Подобные наблюдения заставляют усомниться в тезисе о бесспорном бесправии русских крестьян в эпоху Соборного уложения; лишь в XVIII в., как отмечается в книге, их положение приблизилось к почти рабскому.

Источниковедческим разысканиям о законодательстве посвящен ряд серьезных статей Манькова. В одной из них¹² подвергнуты изучению записные книги Поместного приказа второй половины XVII в., содержащие данные о сделках на крестьян (поступные, закладные, рядные, раздельные, купчие и другие грамоты). Порядок их ведения в приказе предусматривается специальным указом 30 марта 1688 г. Автор анализирует содержание, формуляр записных книг с 1688 г. по 1700 г. (сохранились они по 1720 г., когда ликвидировали Поместный приказ). В другой статье¹³ автор статистически обрабатывает данные о законодательных актах того же времени, имеющимся в первом "Полном собрании законов Российской империи" (Т. I–II, первая половина т. III). Всего учтено около 1,5 тыс. актов. Проследивая подъемы и спады в законодательной деятельности Боярской думы, автор показывает, что она "еще прочно держала в своих руках во второй половине XVII в. важнейшие рычаги феодальной экономики и социальных отношений и в этих сферах... в большей мере, чем где бы то ни было, ограничивала власть царя". И далее: "Причины такого положения кроются в противоречивости реального процесса усиления царской власти и вызревания предпосылок перехода к абсолютизму. Именно в этой сфере феодального землевладения наиболее сильны были традиции прошлого, менее всего сказывались новшества. Наоборот, сфера внутривластных вопросов и государственных институтов, включая войско, претерпела наибольшие изменения, что дало возможность крепнущей царской власти взять в свои руки бразды правления и, опираясь на государственный аппарат и законодательный пресс, обеспечить себе суверенитет прежде всего в военно-политической сфере". Эти замечания А.Г. весьма важны и показательны в контексте перехода России от сословно-представительной к абсолютной монархии, подготовки будущих петровских преобразований.

Тематика одного исследования А.Г. связана с посадской реформой 1699 г. – введением Бурмистерской палаты, бурмистров и земских изб на местах для сбора податей и суда над посадским населением городов; лишением восьми приказов и воевод этих функций¹⁴. Привлекая обнаруженные им архивные документы из фонда Иверского монастыря (АСПб ФИРИ), автор показывает (что не могли сделать из-за отсутствия нужных данных его предшественники М.М. Богословский, П.Н. Милуков), как функционировали новые органы посадского управления на местах, конкретно – в Старой Руссе. Посадские жители этого города вели тяжелую борьбу с Иверским монастырем за земельную собственность на посаде, за промысловые и торговые заведения, за крестьян-тяглецов, владельцев

¹¹ Там же. С. 100, 105–107, 121, 135, 254 и др. См. также: Маньков А.Г. Правовое положение крестьян по Уложению 1649 г. // Из истории феодальной России: Сб. статей. Л., 1978.

¹² Маньков А.Г. Записные книги крепостей на крестьян Поместного приказа второй половины XVII в. // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 324–330.

¹³ Маньков А.Г. Статистика и динамика законодательных актов России второй половины XVII в. (О некоторых особенностях становления абсолютизма) // ВИД. Л., 1989. Т. XX. С. 175–187 (см. цит. слова на с. 187).

¹⁴ Маньков А.Г. К истории реформы посадского управления 1699 г. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 232–246. См. также: Он же. Эпизод из истории борьбы посада с феодалом во второй половине XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 283–287; Он же. Борьба посада с феодалами во второй половине XVII в. // ИЗ. 1959. Т. 64. С. 217–232. А.Г. Маньков описал фонд Иверского монастыря; см.: Путеводитель по Архиву Ленингр. отделения Института истории. М.; Л., 1958. С. 132–142.

дворов, лавок, промыслов на тяглой посадской земле, за расклад тяглых платежей и других поборов в соответствии со своей долей имущества.

Интересен договор 9 февраля 1701 г. между бурмистрами Старой Руссы, Иваном Троицким с товарищами, земским старостой Борисом Савостиным и старорусскими посажанами, с одной стороны, и архимандритом Иверского монастыря Тарасием с братьями, с другой. Он должен был послужить урегулированию споров между обеими сторонами о собственности и тягле на посаде. Они договорились о том, что государственные подати и повинности будут нести в соответствии с долей своего имущества на старорусском посаде; мирские же внутрипосадские и чрезвычайные сборы – поровну. Тем самым, посадские люди Старой Руссы добились облегчения налогового бремени. Далее, монастырским крестьянам, жившим и промышлявшим в городе, московская Ратуша (Бурмистерская палата) повелела "быть им в Старой Русы в посаде". Как видно, реформа 1699 г. оказывала положительное воздействие на жизнь посада, положение его жителей-тяглецов.

Одну статью А.Г. посвятил Палате об Уложении, созданной Петром I в 1700 г., но так и не доведшей свою работу до конца, ввиду начавшейся Северной войны¹⁵. В статье анализируются материалы Палаты по крестьянскому вопросу. Они включали XI главу Соборного Уложения и "разнесенные по ее статьям новоуказанные материалы", накопившиеся в большом числе по разным приказам за вторую половину XVII в. В итоге возник текст – проект новой XI главы под названием "Расправа (суд. – В.Б.) о крестьянах, а в ней 48 статей". Детальный анализ последних показал, что Палата, помимо использования названного выше законодательного материала, внесла в новую редакцию XI главы 26 своих собственных приговоров, а впоследствии, во втором и третьем чтениях, не раз их дополняла. Тем самым можно говорить об ее самостоятельном законодательном творчестве. Кроме того, ряд статей Уложения 1649 г. подверглись тем или иным изменениям, дополнениям. Законодатели, редакторы 1700 г. подновляли, сокращали, упрощали тексты предшествующих актов, приспосабливали их к условиям рубежа XVII–XVIII вв. Маньков отмечает, что в результате работы членов, сотрудников палаты, "поражающей вдумчивостью и обстоятельностью", был создан новый законодательный памятник, отразивший "высокий уровень юридической мысли и законодательства рубежа XVII и XVIII столетий". Несмотря на то, что он так и остался проектом, по нему можно изучать "объективную картину состояния крестьянского вопроса, положения крестьян, крепостнической политики правительства... развития и состояния крепостного права в конце XVII в." Уделяя главное внимание борьбе с побегами крестьян и холопов, их принадлежности феодалам, Палата "делала большой шаг на пути укрепления системы крепостного права в целом". Новая редакция XI главы – "целиком крепостнический документ", провозглашающий в 42-й статье (по приговору Палаты): "... Всякий помещик и вотчинник при владении своим в людех и во крестьянех и в бобылях волен".

Три статьи А.Г. имеют предметом исследования работу по созданию проекта Уложения 1720–1725 гг.¹⁶ Автор убедительно обосновывает мысль о том, что, в

¹⁵ Маньков А.Г. Крестьянский вопрос в Палате об Уложении 1700 г. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XV, XVII вв. М.: Л., 1960. С. 7–79 (цит. – с. 79).

¹⁶ Маньков А.Г. Проект Уложения Российского государства 1720–1725 гг. // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 157–166 (цит. с. 157); Он же. Крепостное законодательство в России первой четверти XVIII в. (по материалам проекта Уложения 1720–1725 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971. Вильнюс, 1974. С. 146–155 (цит. с. 146, 154–155); Он же. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720–1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России, IX–XX вв.: Сб. статей. Л. 1970. С. 112–126; Он же. Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720–1725 гг. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сб. статей. Л. 1975.

отличие от попыток 1700 и 1714 г. (в том году тоже была учреждена Комиссия по составлению Уложения, работа которой не была завершена), третья Комиссия по составлению Уложения, начавшая работать в 1720 г. и тоже не стяжавшая успеха, должна была не обобщить, систематизировать предыдущее законодательство (начиная с Соборного уложения 1649 г.), а составить совершенно новое уложение; здесь "мы имеем дело с качественно новой попыткой составления русского свода законов". Но, анализируя статьи проекта Уложения 1720–1725 гг., автор пишет об их источниках – русских законодательных актах второй половины XVII – первой четверти XVIII в., шведском, датском законодательстве и др.

Так, при составлении главы о крестьянах лишь 30% статей являются новыми, остальные – опираются на предшествующие нормы; к тому же первые, как правило, дополняют "статьи, за которыми следуют, либо дают варианты к прошлым установлениям"; тем самым, новый проект уложения в этой части – "свод действующего права по крестьянскому вопросу первой четверти XVIII в.". В нем в то же время имеются "новые моменты" – "резкое увеличение материальных и иных взысканий за задержание беглых, детализация владельческого и наследственного права в сфере споров о беглых крестьянах, новая регламентация крестьянских отходов и т.п."

Займствованные из иностранного права, прежде всего шведского и датского, касались вопросов судостроительства, процессуального, уголовного и гражданского права. Проблемы же земельной собственности, крепостного права решались только по русским законодательным установлениям. Интересно, что вопрос о крестьянах в проекте Уложения 1720–1725 гг. оказался включенным в рамки гражданского права ("попытка влить старое вино в новые меха", по словам А.Г.). А это заставило законодателей-составителей дать определение крепостной зависимости, которое приравнивало право помещика на крестьян к праву на недвижимую собственность, т.е. на поместья.

Крепостное право при Петре I все более принимает государственный характер в соответствии со взглядами его самого и других идеологов русского абсолютизма: государство – сила, стоящая над обществом, защищающая "общее благо".

С рассмотренным циклом исследований Манькова тесно связан комплекс его трудов о крепостном праве. Прежде всего это – известная книга о крепостном праве в России во второй половине XVII в. в эпоху осуществления норм Соборного уложения 1649 г.¹⁷ Помимо введения, содержащего характеристику изучаемой проблемы, историографии, источников, в монографии проанализированы законодательство о сыске беглых; развитие крепостного акта; прикрепление крестьян к посадам; наконец, крестьянский вопрос в Палате об Уложении 1700 г.

В центре внимания книги, основанной на огромном архивном материале, – сыск беглых, который в изучаемое время власти предприняли в общегосударственном масштабе. Автор показывает, что беглые стремились уйти от помещика, найти вольную землю на окраинах страны. Но и там их настигали сыщики и владельцы, новые законы центральных властей и меры местной администрации. Крепостное право наступало всюду, даже на вольном некогда Дону.

Маньков детально разбирает закрепостительную направленность различных актов, документов – писцовых и переписных книг, грамот – послужных и раздельных мировых, данных и купчих и др.; записей – жилых и порядных, ссудных и поручных; все они, опираясь прежде всего на нормы писаного права, официальное законодательство, все более вытесняли обычное право, "старину".

¹⁷ Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.: Л., 1962.

Важны наблюдения о прикреплении городского населения к посаду, борьбе последнего с феодалами за поселенных ими на посадах крестьян (прикрепление последних к тяглу, согласно Соборному уложению, "посадскому строению" 1649–1652 гг.).

В нескольких статьях А.Г. рассматривает проблему крепостничества на примере южных и западных окраин России, ее освещение в сочинениях В.И. Ленина¹⁸. В статье о положении русских крестьян во второй половине XVI в. он разбирает институты посилья и пожалования¹⁹. В ней использованы документы уже упоминавшегося Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Они дают возможность судить о видах, составе, размере повинностей крестьян в пользу владельца, о крестьянском землепользовании, отдаче монастырем своим крестьянам земли в аренду ("на посилье") за плату или, в условиях хозяйственного разорения конца столетия, – в виде пожалования заброшенных участков с освобождением от тягла на срок от 1 до 4-х лет.

В плане изучения сословий интересна статья Манькова о добровольном холопстве, в которой прослеживается процесс ужесточения норм добровольной службы вольного человека, приводившей к оформлению на него служилой кабалы, как на добровольного холопа, независимо от его желания²⁰. В другой статье речь идет о сельских мещанах второй половины XVII в. – тех посадских людях, которые жили не в городах, а в селах, были связаны с сельским хозяйством. На примере с. Валдай (Богородицыно), принадлежавшего Иверскому монастырю, автор показывает, что часть проживавших в нем мещан выступала в качестве ремесленников (кузнецы, сапожники, красильники, портные и др.); другие занимались торговлей; третьи – сидели на крестьянских участках. Все они находились в крепостной зависимости от монастыря²¹.

В соавторстве с А.А. Вершинской А.Г. написал статью о русской церкви, ее взаимоотношениях со светской властью в первой половине XVII в.²²

Особое и важное место в научном творчестве Манькова занимает цикл исследований о ценах в России XVI в.²³ Мобилизовав весь известный опубликованный и новый архивный материал, он детально изучил цены на скот, сельскохозяйственные, рыбные продукты, промысловые, ремесленные изделия, их движение по разным регионам. Три пятых объема книги занимают весьма ценные таблицы товарных цен и индексов. Проблема эта не только чрезвычайно сложная, но и, по словам одного из рецензентов, "забытая" в исторической науке²⁴. В самом деле, из огромного числа источников А.Г. извлек записи о ценах

¹⁸ Маньков А.Г. Вопросы крепостного права на южных и западных окраинах Русского государства второй половины XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960. Киев, 1962. С. 179–188; *Он же*. Вопросы крепостного права и крепостничества в трудах В.И. Ленина // В.И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970. С. 311–344.

¹⁹ Маньков А.Г. О положении крестьян в феодальной вотчине России во второй половине XVI в. (К вопросу о посилье и пожаловании) // ИСССР. 1959. № 4. С. 137–146.

²⁰ Маньков А.Г. К вопросу о добровольном холопстве XVI–XVII вв. // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 242–248.

²¹ Маньков А.Г. Сельские мещане второй половины XVII в. // Академику Б.Д. Грекову ко дню 70-летия: Сб. статей. М., 1952. С. 216–220.

²² Вершинская А.А., Маньков А.Г. Церковь и государство в России первой половины XVII в. // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия, церковь в истории СССР. М., 1980. С. 118–129. См. также: Маньков А.Г. Монастыри в России // БСЭ. 2-е изд. Т. 28.

²³ Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951; *Он же*. Цены и их эволюция в Русском государстве XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук // Вестн. ЛГУ. 1948. № 12. С. 113–117; *Он же*. Движение и география хлебных цен в Русском государстве XVI в. // ИЗ. 1949. Т. 28. С. 132–163. Монография издана на фр. яз. в Париже в 1957 г.

²⁴ Панеях В.М. [Рецензия] // ВИ. 1952. № 12. С. 141. – Рец. на кн.: Маньков А.Г. Цены и их движение...

на основные виды зерновых хлебов, на лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, мясные и молочные продукты, животное масло, рыбу, продукты бортничества, смолокурения, скорняжные и металлические изделия, сельскохозяйственный инвентарь, разные виды одежды, пряжи, тканей, сапожные изделия и др. Основное место отведено ценам на хлеб.

Материал, собранный в таблицах, автор обработал статистически, с помощью индексного метода, что позволило сделать выводы о непрерывном повышении цен в течение всего столетия, о сезонном колебании цен на хлеб.

А.Г. Маньков внес вклад и в изучение классовой борьбы в России XVII в.: это – очерки и статьи о Крестьянской войне в России второй половины 60 – начала 70-х годов²⁵. Рассматривая предпосылки Разинского восстания, автор особое внимание уделяет массовому и регулярному сыску беглых; показывает мирный поначалу характер похода Василия Уса к Москве (1666), сыгравшего немалую роль в усилении антиправительственных настроений, мятежного духа среди донских казаков.

Обращает на себя внимание то, что А.Г. включает Волжско-Яицко-Каспийский поход, в отличие от ряда своих предшественников, в число событий Крестьянской войны, характеризует его как первый этап народного движения. Основное внимание, и это понятно, уделено событиям 1670–1671 гг. в Поволжье и соседних районах. Показываются широкий размах антикрепостнического восстания, в частности функционирование органов народной власти (кругов) на территории, перешедшей под контроль восставших (кругам посвящена специальная статья А.Г.). Отмечая более ясное осознание разинцами своих целей в сравнении с повстанцами начала столетия, Маньков в то же время не преувеличивает степень их сознательности, организованности.

А.Г. Маньков – автор глав, разделов в коллективных, обобщающих трудах: "Очерки истории СССР. Период феодализма" (о сельском хозяйстве и развитии феодального землевладения в России XVI в., усилении феодальной эксплуатации в конце столетия, классовой борьбе в конце XV – первой половине XVI в., борьбе с польско-литовской интервенцией, Лжедмитрием II в начале XVII в.); "Очерках" для средней школы (о "смуте" начала XVII в.); "Краткой истории СССР" (XVII в.)²⁶.

А.Г. принадлежат (в соавторстве) историографические обзоры по истории сельского хозяйства и крестьянства феодальной России (IX–XVII вв.)²⁷, до десятка рецензий (на "Очерки истории СССР. Период феодализма", труды С.В. Бахрушина, В.И. Буганова, А.М. Сахарова, Ю.А. Тихонова, Е.В. Чистяковой и др.); он же – редактор, член редколлегий почти двух десятков трудов по истории феодальной России (сборники документов, монографии, коллективные труды, сборники статей).

²⁵ Маньков А.Г. Крестьянская война 1667–1671 гг. // Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л.: 1966. С. 94–175; Он же. Круги в разинском войске и вопрос о путях и цели его движения // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. статей памяти И.И. Смирнова. Л., 1967. С. 264–279; Он же. Людвиг Фабрициус о крестьянской войне под предводительством С. Разина // ВИ. 1966. № 5; Он же. К вопросу о зарубежных откликах на восстание под предводительством С.Т. Разина // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 353–369.

²⁶ Очерки истории СССР: Период феодализма, конец XV – начало XVII в. М., 1955; Очерки истории СССР, конец XV – начало XVII в. М., 1957; То же. Киев, 1959; Краткая история СССР. М.; Л., 1963. Ч. 1; То же. М., 1965 (на англ. яз.); 1967 (на фр., исп. яз.); Краткая история СССР. 2-е изд. М., 1972. Ч. 1; То же. 3-е изд. М., 1978; То же. 4-е изд. Л., 1983.

²⁷ Горская Н.А., Маньков А.Г., Панях В.М., Свердлов М.Б., Юргинис Ю.М. Советская литература 1970–1975 годов по истории сельского хозяйства и крестьянства IX–XVII веков // ИСССР. 1977. № 3. С. 84–108; Он же. Изучение сельского хозяйства и крестьянства IX–XVII вв. в новейшей советской историографии 1970–1975 гг. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев. 1978. С. 201–212.

Ряд трудов А.Г. опубликован за рубежом; там же появились рецензии на его книги.

Краткий обзор научного творчества А.Г. Манькова, предложенный выше, убеждает в значительном, весомом вкладе ученого в отечественную историческую науку. Его монографии, публикации источников, их исследование, статьи и рецензии охватывают широкий круг важных и трудоемких проблем истории России конца XV–XVII вв. – развития хозяйства крестьян и феодалов, светских и духовных; эволюции крепостного права; положения сословий в феодальном обществе; движения цен в XVI в.; истории народных движений. Особенно следует отметить любовь А.Г. к работе с источниками, поиску в архивах новых материалов, введение их в научный оборот. Его исследования насыщены огромным материалом, свежими, не известными до него данными. Основанные на них статистические таблицы (например, с данными о ценах на продукты, изделия) представляют собой незаменимое пособие, своего рода сводный источник для других специалистов, читателей.

Труды Манькова отличаются в хорошем смысле слова скрупулезностью, фундаментальностью, и потому выводы, на них основанные, заслуживают доверия. Многие наблюдения, положения, содержащиеся в трудах А.Г., приоткрывают завесу неизвестности над историческими явлениями и фактами, о которых не было известно до сих пор или известно очень мало (цены, законодательство о крепостном праве, сельские мещане, известия иностранцев о Разине и его движении). А.Г. вносит свой, и немалый вклад в пересмотр некоторых традиционных представлений (место Волжско-Яицко-Каспийского похода, разинские круги и т.д.). Труды А.Г. Манькова занимают заметное и почетное место в науке о прошлом Отечества.

50 ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1995 ГОДА

Хроника заседания

5 июня 1995 г. состоялись очередные Тихомировские чтения, посвященные 50-летию победы в Великой Отечественной войне¹. Основное внимание на заседании было уделено докладу главного редактора Вологодской областной Книги Памяти *В.В. Судакова* на тему: "Источниковедческие проблемы увековечения памяти защитников Отечества и опыт привлечения к поисковой работе учащихся и педагогов". Выступление, представлявшее результаты и перспективы деятельности по созданию книг памяти на Вологодчине, показало значительный масштаб и качество проделанной работы по сбору, систематизации, проверке и изданию материалов о сражавшихся и погибших в годы войны земляках (полный текст выступления см. в наст. издании).

На заседании Тихомировских чтений выступил *В.П. Сумароков*, уроженец Нюксенского района Вологодской области, составитель и автор предисловия Книги Памяти Нюксенского района, вышедшей в 1989 г. Он поделился своим опытом (его методика была признана наиболее удачной) и впечатлениями от работы по сбору материалов и о том как принимается это издание на Вологодчине. *В.П. Сумароков* также отметил значение вологодского опыта в рамках работы над общей Книгой Памяти России, составными частями которой предполагались Книги Памяти областей. Являясь членом комиссии Всероссийского Совета ветеранов войны и труда по увековечению памяти погибших защитников Отечества, он заметил, что проблемы с изданием Книг Памяти заключаются и в невыходе книг по целому ряду областей (к 1995 г. – Архангельская, Астраханская, Кемеровская, Смоленская области), и в нечетком определении формуляра Книги Памяти России: в Вологодской области в книгу включаются только уроженцы области, независимо от места их призыва, так исключается двойной учет погибших, и издание становится доступнее для рядового читателя. Тем не менее, многие Книги Памяти составлены иначе: по Калининградской области – это списки солдат, похороненных на ее территории, а по Мурманской области – списки призванных с ее территории (а среди них было много приезжих, в том числе уроженцев Вологодчины). *В.П. Сумароков* сообщил также о подготовке издания "Книга Памяти Вологодской области: Советско-финляндская война. 1939–1940 гг."²

Член-корреспондент РАН и РАО *В.И. Буганов* отмечал не только научно-

¹ Более подробный обзор этого заседания см.: *Лохина Т.В.* Тихомировские чтения // ОА. 1995. № 5. С. 106–107.

² Книга Памяти Вологодской области: Советско-финляндская война. 1939–1940 гг. / Автор-составитель *В.П. Сумароков*. Вологда, 1995. 224 с.

методическое значение вологодского опыта, но и нравственное его значение, о чем говорил и *И.В. Бестужев-Лада*, академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО. Он поделился личным опытом изучения проблемы уничтожения архивных документов на местах, и предложил ряд тем-направлений для продолжения работы в Вологде (разработка историографических и источниковедческих аспектов, создание подобных изданий по материалам 1917 г., 1930-х годов и т.п.).

В выступлениях *Л.К. Судаковой* (Вологда), участвовавшей в работе над Книгой Памяти, сотрудника АК *А.А. Курносова*, *И.М. Нагаева* (Российский государственный военный архив), руководителя юношеского поискового отряда, был затронут ряд вопросов, связанных с участием школьников и их учителей в поисковой работе.

О ценности "всевологодского труда" по созданию таких книг и необходимости распространения уникального именно своей "народностью" опыта, сказал председатель Археографической комиссии *С.О. Шмидт* в своем заключительном слове.

Т.В. Лохина

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УВЕКОВЕЧЕНИЯ
ПАМЯТИ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА И ОПЫТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К ПОИСКОВОЙ РАБОТЕ УЧАЩИХСЯ И ПЕДАГОГОВ**

Актуальность изучения проблем второй мировой и Великой Отечественной войн не вызывает сомнения. Острота дискуссий по данному поводу и по отношению к историческому прошлому вообще, в которые вовлечены не только профессионалы-историки, но нередко профессионалы-политики – наглядное тому подтверждение. Однако и общественное движение и историческую науку могут "оплодотворить" только добросовестные научные изыскания, исключая конъюнктурные соображения.

Это особенно справедливо в связи с социально и нравственно значимой проблемой – увековечения памяти защитников Отечества и жертв второй мировой войны. Любого рода заключения, к примеру, исчисление жертв войны среди гражданского населения или безвозвратных потерь военнослужащих, не подтвержденные соответствующими документами, могут вопреки намерениям их авторов, обернуться фальсификацией, искажением исторического прошлого.

Историки, представляющие фундаментальную науку и их собратья-краеведы, не могут не заметить по крайней мере двух благоприятных моментов, позитивно влияющих на процесс и результаты изучения истории второй мировой и Великой Отечественной войн. Первый связан с общей легализацией архивного дела, которая, не будучи, вероятно, по важным государственным соображениям, доведенной до конца, все же позволяет историкам погрузиться в документальные пласты архивохранилищ, которые раньше были почти недосыгаемы.

Второй момент вытекает из специфики массового сознания, выразившего определенное недоверие догматизированной и идеализированной трактовке отечественной истории и потому тяготеющего к документально обоснованным доказательствам. Мало того, массовое общественное сознание подталкивает исследователей к такому изложению истории, которое отмечалось бы не только вскрытием ведущих тенденций и закономерностей отечественного бытия, но четкой прорисовкой исторической ситуации, в которой присутствие рядовых участников событий было бы максимально осязаемым. Сегодня понять историю означает не только описать факты, но и чувствовать, раскрыть подлинное мировоззрение ее героев.

Любопытство к истории усилено не только ситуацией кризиса общественных отношений. Оно уходит корнями в так называемое массовое сознание. Оно выражается в необыкновенной продуктивности творчества в области исторического познания как профессионалов, представителей фундаментальной исторической науки, так и непрофессиональных исследователей – краеведов, выполняющих громадную и чрезвычайно полезную работу в области исторической эмпирии, сопровождаемую, впрочем, нередко глубокими умозаключениями, игнорировать которые было бы несправедливо со стороны фундаментальной науки. В орбиту исторических исследований, посвященных, в частности, периоду Великой Оте-

чественной войны оказались втянуты сотни людей, пожелавших принести личные свидетельства в пользу объективно-конкретной картины будней фронта и тыла.

Вторая мировая и Великая Отечественная войны, в частности, не утратили, а напротив, обрели в массовом сознании ореол великой трагедии, а ее герои – советские люди, сломавшие "хребет" фашизму, заплатив за это неизмеримо высокую цену – отнесены к поколению, на долю которого выпала самая трудная и самая великая задача XX столетия. По убеждению многих современников конца века, рядом с поколением 40-х годов XX в. поставить некого.

В Вологодском регионе, начиная с середины 50-х годов складывается традиция выделить военный период 1941–1945 гг. как самостоятельный исторический этап, оказавший и продолжавший оказывать глубокое воздействие на судьбы мировой истории. Вологодские ученые-историки и краеведы пытались отразить картину того периода в общих чертах¹, а также охарактеризовать конкретных действующих лиц². Круг исследователей 50–60-х годов был еще невелик. Однако в нем уже определилось ядро, сосредоточенное в Вологодском государственном пединституте (ВГПИ): преподаватели и студенты (будущие историки и литераторы), объединенные под началом заведующего кафедрой истории СССР П.К. Перепетченко. Пристального внимания к определенному историческому источнику еще не было. Тем не менее традиции, в выработке которой приняли участие работники архивов, музеев, школьные учителя, закреплённая солидными публикациями, была заложена. Перечисленные выше издания заняли прочное место в библиотеках области и пользовались особой популярностью читателей. Но что, пожалуй, еще существеннее – эти издания оказались на письменных столах вологодских учителей и школьных партах учащихся. Тем самым они обогатили историческую память вологодских поколений.

Конец 60-х – начало 70-х годов – особый этап вологодского исторического краеведения. В воззрениях историков, завязавших теснейшие связи с ведущими комиссиями АН СССР – по истории крестьянства (пред. Е.И. Индова) и Археографической (пред. С.О. Шмидт), пробуждается и четко оформляется интерес к историческому источнику. Ученые и архивисты ведут сложную работу по выявлению, описанию, классификации и систематизации источников изучения истории. Источниковедение и археография на Вологодчине переживают своеобразное возрождение: от исследователей архивов – к конференциям (региональным, республиканским) – к опубликованию многотомного свода памятников письменности. Параллельно в практику подготовки учителей-историков вводится методология и методика работы с историческим документом.

В области исторического познания обнаруживается стремление к расшифровке сложнейшего феномена – субъективного фактора истории. Ученые и краеведы предпринимают прорыв на том участке изучения общества, который связан с принципиально новой персонификацией истории. Так на протяжении 20–25 лет историки и краеведы Вологодчины осуществляли в своих работах поворот к Человеку, пока в фокусе их исследований не оказался рядовой участник исторических событий.

Естественно, что в центре внимания большой группы ученых и краеведов оказались проблемы увековечения памяти защитников Отечества. Не исключаем мы и того, что, возможно, угасание исторической памяти, снижение роли исторического сознания тревожило генетические механизмы нашей собственной

¹ См. об этом: Вологодская область в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Вологда, 1971; Вологодская партийная организация в период Великой Отечественной войны // Очерки истории Вологодской организации КПСС. Вологда, 1969.

² Вологжане – Герои Советского Союза. Вологда, 1959; 2-е изд. 1970; Вологжане – генералы и адмиралы. Вологда, 1969. Ч. 1; Имена вологжан в науке и технике. Вологда, 1968; и др.

памяти. К историку-исследователю еще не пришел психолог-исследователь, который мог бы диагностировать субъективные мотивы движения исторической мысли. Психология исторического познания вряд ли исчерпывается стандартными представлениями об эмоциях, ощущениях, восприятиях и представлениях.

Но прежде чем перейти к непосредственному изложению темы, я хотел бы от имени историков и всех вологжан поблагодарить Российскую Академию образования, поддержавшую выдвижение Д.С. Лихачевым и С.О. Шмидтом в академики РАО профессора Петра Андреевича Колесникова. П.А. Колесников – замечательный ученый, многолетний руководитель Северного отделения Археографической комиссии, которому многим обязано и вологодское краеведение.

Именно он инициировал изучение документов, характеризующих рядового участника исторического процесса. Такими документами явились фронтовые письма. Собранные в большом количестве, они составили любопытнейшую хрестоматию о главном действующем лице истории – человеке, с его непосредственным мироощущением, пониманием своего "Я" и окружающей его действительности в абсолютно не прикрашенном виде. Люди, прошедшие войну, первыми определили суть этого источника. "Письма фронтовиков.... представляют огромную духовную ценность..."³ "Собранные воедино письма – это до предела сжатая история Великой Отечественной..." Фронтовые письма – "живые голоса миллионов павших и миллионов дождавшихся Победы"⁴.

Нравственная сила писем такова, что она не поддается давлению времени, она отчетливо проступает по прошествии десятилетий. Наверное, потому в сборе только фронтовых писем на Вологодчине приняли участие сотни людей, учителя и школьники. Без писем не обходится ни один школьный музей. Письма павших опубликованы в каждом томе "Книги Памяти Вологодской области".

И еще одно удивительное открытие: никогда не собрать всех писем! Даже если сосредоточиться на письмах одного плана, к примеру на фронтовых. За семь лет работы над "Книгой Памяти" (с 1988) были обнаружены сотни новых писем. Вернее, их прислали сами вологжане, пожелавшие ускорить выход книги.

Методика сбора, обработки и отбора (классификации) писем изложена в опубликованных сборниках и ряде статей. Как естественно "нанизываются" друг на друга звенья цепи поиска, если он ведется непрерывно. Получаемые от населения, извлекаемые из архивов письма не только с Великой Отечественной, – но с других войн – первой мировой, афганской и т.д. – навели на мысль о создании третьего сборника, – "Эпистолярное наследие участников войн XX столетия". Он находится в завершающей стадии подготовки. По характеру это будет антивоенная книга.

Созрел и еще один замысел: создать сборник писем воинов враждовавших государств. Этот сборник может приобрести антивоенное звучание. Надеюсь, я не ошибаюсь: народ как историческая общность никогда не воюет с другим народом. Войну развязывают правящие круги, не сумевшие справиться с управлением обществом и пытающиеся оправдать, замаскировать свою ложную, обанкротившуюся политику, прибегая к военным авантюрам.

Работа с письмами послужила основанием для размышлений о том, знаем ли мы персонально тех, кто ценой жизни отстоял свободу и независимость Отечества? Группа "Поиск", состоящая в основном из студентов и преподавателей исторического факультета ВГПИ, решила выяснить, кто захоронен на воинских кладбищах Вологодской области. Исследование показало: в прифронтовой Вологодской области было дислоцировано более 100 военно-санитарных и медицинских учреждений, через которые прошло свыше 650 тыс. раненых воинов. Уси-

³ Батов П.И. К читателю // Письма с фронта, 1941–1945: Сб. Архангельск, 1979. С. 6.

⁴ Береговой Г.Т. К читателю // Письма с фронта и на фронт: Сб. Архангельск, 1985. С. 3.

лиями медиков и обслуживающего персонала до 75% из них было излечено и возвращено в действующую армию. Прах остальных приняла вологодская земля. "Книга-мемориал воинов, умерших от ран в госпиталях и захороненных на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны" (Вологда, 1989) включила 6768 имен воинов, покоящихся на кладбищах Вологды и Череповца. Всего же в области таких погребений насчитывается более 12 тыс.

Книга была издана на добровольные средства вологжан в Советский фонд мира.

Эта работа потребовала иной методики исследования, новых архивных документов. Так мы впервые обратились к архивам военкоматов (книги учета захороненных на воинских кладбищах) и Военно-медицинского музея Министерства Обороны (в Ленинграде) (истории болезней раненых, находившихся в вологодских госпиталях). Формуляр записи включал Ф.И.О., воинское звание, даты рождения и смерти, место рождения или жительства семьи и номер госпиталя.

Это издание оказалось первой в Союзе книгой, указывающей места захоронения умерших от ран воинов. Разосланная во все краевые, областные и республиканские военкоматы книга вызвала огромный, до сих пор не прекращающийся поток писем и запросов (последний из них поступил 30 мая 1995 г.). Обнаружилось: многие и многие семьи до сих пор ищут своих родных и близких, не зная точного места захоронения. Сегодня можно было бы написать по этому поводу отдельную книгу-эссе из писем, поступавших в адрес составителя. "Мемориал" – остро современная книга. Перелистывая ее страницы, каждый мог убедиться: только союз народов, единение их перед грозным врагом, привели к разгрому фашизма. На воинских кладбищах Вологды и Череповца лежат уроженцы всех республик, краев и областей Союза. Книгу посылали в "горячие точки" бывшего Союза: смотрите, читайте, разве о равенстве людей разных наций можно говорить только применительно к мертвым, покоящимся в могилах, которые народ не случайно назвал братскими?

Вместе с тем эта книга ставила вопрос и сугубо исследовательского порядка: какой же должна быть методика подсчета персональных потерь? Какими бы общими цифрами (8, 20, 27 млн) не оперировала официальная статистика, к ним нет доверия, они строятся на предположительных расчетах. Нужно было серьезно размышлять по этому поводу. Вместе с тем очевидно, что на решение этой исследовательской задачи, возможно, дается последний шанс. Ведь возраст ветеранов войны приближался к 70 годам и более. С мая 1988 г. была начата подготовка к составлению мемориального свода имен воинов-вологжан, отдавших жизнь за Родину.

Пока шла организационно-методическая работа, исследователи "прочитали" еще одну страницу военной истории. Прифронтовая Вологда была зоной активной эвакуации гражданского населения. Более двух миллионов беженцев проследовало через Вологодскую землю. Основной поток был представлен ленинградцами. Около 165 тыс. из них приютили вологжане, предоставили кров, еду, одежду, работу. Многих спасли от голодной смерти. Но многих ленинградцев смерть ожидала и на "дороге жизни, в конце ее.

Решено было использовать архивы ЗАГСов: Вологодского областного, городского и их филиалов. Предстояла изнурительная физически и тяжелая психологическая работа. В 1988 г. группа студентов под руководством старшего преподавателя кафедры истории СССР Л.К. Судаковой, ставшей ответственным составителем будущего двухтомника, просмотрела более 100 тыс. актовых записей, создала картотеку более чем на 17 тыс. фамилий.

Актовая запись о смерти эвакуированного была новым видом исторического документа, вводимого в научный оборот. За 1941–1945 гг. пришлось пересмотреть записи умерших по всем районам и городам области. Довольно скудными

были сведения об эвакуированных, ловили каждую крупницу дополнительной информации. Формуляр на эвакуированного содержал указание на Ф.И.О., год рождения (возраст), адрес проживания до эвакуации, дату смерти, место захоронения, источник информации и примечания.

Так появился "Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны" (Вологда, 1990, 1991. Ч. 1, 2), включивший 10 869 фамилий.

Исследователи, в их числе и студенты, не только прошли школу познания на базе новых источников, но и школу гражданского становления, школу мужества. Читать строки: "Умер эвакуированный... имя неизвестно... возраст 1... 2... 3... 4... года... точный адрес отсутствует..." нельзя без содрогания. "Реквием" раскрывает подлинное лицо войны. Смерть и страдания гражданского населения в годы военного лихолетья неисчислимы. В списках двухтомника – 3448 детей до 16 лет, граждан в возрасте старше 50 лет – 2792 человека, женщин – 5740. «Ценность подобного рода изданий вологжан в том, что они по существу открыли для познания отечественной истории информативные богатства таких архивохранилищ, как ЗАГС, – отметил в напутственном слове к "Реквиему" председатель Археографической комиссии С.О. Шмидт. – Это указывает и путь ищущим материалы к родословиям своих фамилий, интересующимся народной генеалогией».

"Реквием" не только проторил дорогу в архивохранилища ЗАГСов. В "Слове о книге", опубликованном в первом томе "Реквиема" М.А. Дудин подчеркнул: "Мы, живые, не хотим быть Иванами, не помнящими своего родства... Прошло почти полвека со дня нашей Победы, но мы еще до сих пор не подсчитали, сколько мы потеряли людей в этой битве за жизнь".

"Реквием" выдержал четыре общественных презентации (две – в Вологде и Ленинграде). Первая книжка "Реквиема" была единственным и неоспоримым аргументом в тогдашнем еще Ленсовете, принявшем решение о подготовке "Блокадной Книги Памяти". "Вологжане доказали, – как было сказано одним из выступавших на заседании исполкома Ленсовета, – что можно восстановить имена всех жертв блокады".

Важно и другое. Многие ленинградцы, пережившие блокаду, благодаря "Реквиему" узнали, где оборвался след дорогих для них людей. "Реквием" оказался звеном, соединившим разорванную войной цепочку поколений. Прав был поэт Ф.И. Тютчев: "Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется". Составители предполагали, но не могли угадать точно, как читатель отнесется к этой необычной книге. Выход "Реквиема" расширил круг переписки, который вели его составители, подготовившие в настоящее время к публикации третий том. Опыт создания мемориала обсудил президиум Общества жителей блокадного Ленинграда. Недавно мы получили рукопись книги "Вечной Памяти достойны" (более 500 с.) со списками эвакуированных ленинградцев, захороненных в Ярославской области. Карелия также откликнулась книгой воспоминаний блокадников "От Невы до Онега" (Петрозаводск, 1994).

Неисповедимы пути творческого поиска. Письма из Афганистана заставили задуматься над трагедией тех, кто не вернулся с афганской войны, над судьбами поколений, сломанными этой войной. В 1989 г. группа "Поиск" солидаризировалась с Вологодской ассоциацией воинов-интернационалистов для подготовки сборника очерков о 80 вологжане, погибших на афганской войне. Книге, материал для которой собирали студенты, а очерки писали ученые, профессиональные литераторы, журналисты, студенты, краеведы, учителя, однополчане погибших, было дано, вероятно, единственно верное заглавие – "Пепел Афгана. Памяти воинов-вологжан, павших в Афганистане" (Архангельск, 1993). Ее презентация состоялась 14 февраля 1993 г. с приглашением всех семей, потерявших

в Афганистане своих сыновей. Многочисленные документы и свидетельства, собранные студентами, легли в основу экспозиции афганского зала Областного музея истории вологодской молодежи.

Самой крупномасштабной исследовательской программой группы "Поиск", к тому времени расширившей число своих членов, стала программа подготовки и издания "Книга Памяти Вологодской области". Организационная, научно-методическая работа по сбору материалов была начата еще до выхода в свет постановления Секретариата ЦК КПСС "О Всесоюзной Книге Памяти" от 17 января 1989 г. К этому времени мы уже нашли поддержку и располагали соответствующими решениями Обкома ВЛКСМ, Вологодского облисполкома и Обкома КПСС. Такая огромная, как 36-томная "Книга Памяти Вологодской области" (вышло уже 24 тома), потребовала аккумулировать весь предыдущий опыт поисковой работы, объединить усилия почти всех краеведов области, интересующихся проблемами Великой Отечественной войны.

Наша "Книга Памяти" выглядит такой, какой ее хотели видеть вологжане: отдельный том – по каждому району и городу, что дает возможность найти всех погибших односельчан в отдельной книжке.

Вначале была тщательно изучена ситуация: выявлены все лица, ранее занимавшиеся или занятые составлением списков погибших в годы войны, проанализированы методы их исследования.

Как выяснилось, начинали мы, к счастью, не на пустом месте. Во-первых, по ряду районов и городов имелся некоторый задел. Во-вторых, в областном военкомате нашли ориентир – список 147 047 вологжан, числившихся погибшими. Были и нерадостные открытия. Военные комиссариаты в большинстве своем не имели надлежащих условий хранения документов военного периода. Само же по себе обращение с документами, отнесенными к категории вечного хранения, не выдерживало критики. Да что критики! Сердце перевернулось, когда я, уже утвержденный к тому времени главным научным редактором будущего издания, узнал, что в свое время в Вологодском горвоенкомате, составив примитивные списки погибших в годы войны, где кроме Ф.И.О. и года рождения не значилось более ничего, решили сжечь извещения о гибели за давностью лет, как якобы бесполезные документы. И сожгли. И никакое казенное сердце не услышало стук пепла!

Извещение о гибели (смерти) военнослужащего, направляемое в семью (военкомат) из войсковой части или из госпиталя – главный документальный источник, на котором было сосредоточено внимание исследователей. По объему информации, основанной на "похоронках" – извещениях, это была, пожалуй, работа, не имеющая аналога. С учетом этого обстоятельства были отработаны организационные и научно-методические принципы исследования.

Во-первых, предстояло обработать:

а) документы архивов рай(гор)военкоматов за 1941–1945 гг. и рай(гор)собесов с 1941 г. по настоящее время;

б) сведения о вологжане, погибших в боях, направляемых из военкоматов других республик и областей;

в) унифицированную информацию, поступившую в 1992–1995 гг. из ЦАМО.

Во-вторых, составленные списки не вернувшихся с фронта необходимо было сопоставить с другими документальными свидетельствами, дополнить, перепроверить, уточнить и т.д.

С этой целью: а) во всех районах и городах области были созданы рабочие группы по подготовке материалов для "Книги Памяти"; б) с целью получения наибольшей полноты, достоверности данных и т.д. все списки в первом варианте, как правило, полностью публиковались в районных (городских) газетах. Было выполнено значительное количество запросов в архивы. Проанализированы

тысячи писем, поступивших от населения. Общественная редколлегия "Книги Памяти Вологодской области" утвердила строго научный формуляр записи погибших, поставив задачу собрать в мемориальный свод всех уроженцев области, независимо от места призыва. Только такой подход составляет строгую научную основу для точного подсчета персональных потерь военнослужащих в Великой Отечественной войне. Этого принципа придерживались все 29 рабочих групп.

При единстве структурного и внешнего полиграфического оформления "Книги Памяти Вологодской области" предусматривалось:

а) обратить внимание будущих исследователей на незавершенность работы: фамилии погибших на фронте, место и обстоятельство гибели которых оставались все еще не установленными, выносились в отдельный список;

б) в каждом томе книги, в которую вносились уроженцы лишь одного района (города), публиковалось предисловие, раскрывающее подвиг тружеников тыла в годы войны, разнообразные мероприятия по мобилизации экономики и т.д.;

в) тома книги дополнялись иллюстративным рядом (письмами погибших, их фотографиями, заметками, письмами по поводу "Книги Памяти"): за счет этого воссоздавался своеобразный прижизненный портрет воинов-вологжан, отдавших жизнь за свободу и независимость Родины.

Огромная нагрузка выпала на долю составителей книг. Эта работа оказалась по плечу ветеранам труда и войны. Во-первых, они многих из погибших знали лично. Во-вторых, они прекрасно "чувствуют" документ, видят такие "детали", как буква в фамилии, название деревни и т.д. С такой работой молодые справиться не могли. Однако школьники привлекались иногда и для сбора писем, для подворных обходов.

Эта работа показала, сколько исследовательских талантов таит народ. Все составители были отмечены на презентациях, их многократно благодарили земляки. Но всегда есть идущие впереди. Так, член общественной редколлегии Вологодской "Книги Памяти", ответственный составитель ее первого тома (по Нюксенскому району) В.П. Сумароков разработал методику создания списков и их последующей проверки, которая была признана наиболее целесообразной. Вместе с ним мы обратились к председателю редколлегии Всесоюзной "Книги памяти" генералу армии И.Н. Шкадову с проектом создания Вологодской "Книги Памяти". Наша двухчасовая беседа с председателем повлияла и на рекомендации редколлегии Всесоюзной "Книги Памяти".

Более семи лет мне как главному редактору сериала пришлось, редактируя каждую из 36 книг, заниматься уточнением числа погибших вологжан. Это наша боль, горе, цена Победы, цена, которую мы обязаны сопоставлять с вкладом в борьбу с германским фашизмом любой другой нации, любого другого народа. Это и объяснение того, почему мы быстро восстановили экономику и памятники культуры после войны и многое другое. Во всех предыдущих изданиях, посвященных вкладу вологжан в Победу, число погибших насчитывалось в пределах 140–150 тыс. Из 1 млн 662 тыс. населения области в 1941 г. на фронт было мобилизовано 336 тыс. (более 21%).

Теперь мы ближе к истине, но подчеркну, она еще неполная. Подлинные цифры могут несколько вырасти при последующих исследованиях: 1) у нас не расшифрованы тысячи записей, поступивших из ЦАМО, где просто указано: родом из Вологодской области. Нет упоминания ни района, ни деревни; 2) данные из ЦАМО будут поступать, как нам сообщили, на протяжении 1995 г.

Итак, среди погибших:

136 871 – рядовые, матросы, ефрейторы, 21 641 – сержанты и старшины, 224 – курсанты, 12 641 – младшие офицеры, 747 – старшие офицеры, 139 – погибли, сражаясь в партизанских отрядах, 6248 – в основном те, у кого по документам отсутствовало упоминание о воинском звании. Среди них и вологодские железнодорожники, погибшие при исполнении служебных обязанностей.

Погибших в возрасте до 20 лет – 31 693 человек.

от 21 года до 30 лет – 54 348,
от 31 » до 40 лет – 50 656,
от 41 » до 50 » – 16 772,
старше 50 лет – 541

Не удалось установить возраст погибших у 24 501 человека.

В годы Великой Отечественной войны за свободу и независимость Родины заплатили своей жизнью 178 511 уроженцев Вологодской области.

На протяжении ряда лет вологодскими школьниками и студентами, работниками музеев на общественных началах велась и ведется поисковая работа. Затрудняюсь перечислить всех, кто идет дорогой поиска. Это – и совсем юные, и ветераны. Несколько имен все же назову: Лия Полиектовна Соколова и Лия Павловна Савочкина (учителя школы № 6 пос. Молочное), В.А. Гушин (директор Высоковской средней школы Вологодского района), З.А. Зверева (директор школы № 1 г. Череповца), Виктор Караваев и Валерий Палатник (Ботовская средняя школа Череповецкого района), Сергей Трифанов (студент Вологодского педагогического института), а также сотни других людей.

Особенно хочу отметить трудоемкую работу молодежных поисковых отрядов. Это настоящая школа патриотизма. Только "Вахта Памяти-90", проходившая на Оштинском рубеже, дала следующий результат: 167 останков было поднято и перезахоронено. Два бойца оказались уроженцами области – один родом из Оштинского, другой – Рослятинского районов. Много информации мы получили от наших других поисковиков, работавших на раскопках в Мурманской, Ленинградской, Новгородской, Смоленской, Московской и в других областях. Активное участие молодежи говорит о том, что понятие Родина, Отечество, Мир дорого молодому поколению, что оно способно сохранить завоеванное дедами и прадедами, в уважении к памяти погибших они видят высокий гуманный и нравственный смысл своей жизни. Студент-заочник VI курса Вологодского педагогического университета С. Трифанов свою дипломную работу посвятил анализу персональных потерь в годы войны, с учетом анализа поисковой работы на местности.

Накануне 50-летия Победы итог своим исследованиям подвели и самые юные краеведы. Были проведены областная конференция вологодских школьников по теме "Живые и павшие", посвященная созданию летописи 1941–1945 гг. (выступило 160 докладчиков 5–11 классов), а также конкурс школьных сочинений на тему "Тень войны в моем доме" с подведением итогов 22 июня 1995 г.

Ученые, краеведы, учителя до 1 мая 1995 г. при поддержке и заинтересованном отношении администрации области провели две российские научно-практические конференции. Одну из них – "Уроки и проблемы изучения истории второй мировой войны" организовал Институт повышения квалификации педагогических кадров (февраль), другую – Вологодский пединститут (конец апреля).

По решению областного оргкомитета по подготовке к 50-летию, при поддержке областной и районных администраций была начата работа над двумя крупными сериями: "Ветераны Великой Отечественной" – персональные списки вологжан, вернувшихся с войны. С выходом серии узнаем, наконец, точное число вологжан – участников минувшей войны. Первые два тома – по Нюксенскому (отв. сост. В.П. Сумароков) и Тарногскому (отв. сост. И.Т. Ульяновский) районам уже прошли презентацию. В областной общественной редколлегии лежат рукописи еще двух томов – по Вашкинскому и Верховажскому районам.

В День Победы 9 мая проведена презентация уникального издания – первого тома серии "Вологжане – труженики тыла: 1941–1945" (Вологда, 1995), сюда вошли имена жителей Нюксенского района, добывших славу нелегким трудом в условиях военного тыла. Выходит в свет еще одна книга (тоже единственный

опыт в России) – мемориальный список вологжан, павших зимой 1939/40 г. в советско-финляндской войне. Составитель этих книг – В.П. Сумароков.

Изложим ряд соображений, сложившихся под влиянием многолетней работы по изучению истории Великой Отечественной войны и увековечению Памяти защитников Родины.

1. Россия вообще, Вологодчина в частности, располагает в гуще народа огромным запасом духовности. Реальная история пишется всегда набело, пишется ее действующими лицами один-единственный раз, и будущим поколениям предоставляется право, – также единственное, – судить о ней непредвзято.

2. Стремление народа к познанию самого себя, своей роли в историческом движении огромно, постоянно и неистребимо. На одном только примере подготовки трилогии "Книга Памяти" (Вологда, 1989), "Ветераны Великой Отечественной" (Вологда, 1993) и "Вологжане – труженики тыла" (Вологда, 1995) в Нюксенском районе Вологодской области можем свидетельствовать: насколько велик интерес людей из такого маленького района к своей истории, всех захватил процесс подготовки и все так ждали выхода своих книг, жадно знакомились с их содержанием, гордились своими земляками и преклонялись перед поколением Победителей 1945 года!

3. Летопись Великой войны не закончена. Полинная история Отечества в 1941–1945 гг., может быть, только начинает просматриваться. Нюксенская трилогия, к примеру, раскрывает поразительные, требующие четкого научного осмысления факты. Еще более тяжелая обстановка в естественном движении населения была в области в целом. Если в 1941 г. прирост населения за счет рождения детей составил +187, то во все военные годы преобладала убыль: в 1942 г. – 334 человека, в 1943 г. – 331, в 1944 г. – 187, в 1945 г. – 166. Только в 1946 г. обозначился прирост: +138. Если в мае 1941 г. разность между родившимися и умершими составила +2298 человек, то в 1942 г. – 7018.

Если в 1941 г. население района составляло 25 100 человек, то в 1947 г. – 17 266!

Изучение истории войны должно быть частью государственной политики, особенно в таких экстремальных общественных условиях, как нынешние. Как создавать надежные механизмы мобилизации общества для того, чтобы сделать невозможное? Как обеспечить выживание, сохранность молодого поколения? Понять, наконец, что незнание тяжких последствий войны мешает организовать эффективное управление развитием общественных отношений.

Летопись Великой Отечественной войны нужно предельно детализировать. Довольно мало или нет вовсе исследований, посвященных жизни конкретных общественных структур и элементов общества, исследований, воспроизводящих типичные явления. Речь идет о создании и опубликовании историй предприятий, колхозов, институтов, школ, госпиталей и т.д. в годы войны. Это будет кладовая ценнейшего человеческого опыта.

4. Отсутствие четких критериев занесения погибших во Всероссийскую "Книгу Памяти" и постоянного, уверенного научно-методического и организационного руководства из Центра не позволили в целом ряде территорий-субъектов РФ "Книге Памяти" выполнить задачу – уточнить число не вернувшихся с фронта. Тем не менее издержки в качестве издания не помешали "Книгам Памяти" стать существенным дополнением к родословию российских семей обогатить память нынешних и будущих поколений.

Первоочередной исследовательской задачей на Вологодчине мы считаем подготовку и издание следующих серий: "Ветераны Великой Отечественной" и в особенности "Вологжане – труженики тыла". Не только погибшим мы, живые, обязаны жизнью, но и тем, кто своим тяжким трудом прокладывал дорогу

доблестным воинам к победе. Поэтому имена тружеников военного тыла, как и имена боевых защитников Отечества, должны по праву стоять в одном ряду.

5. Удел большой науки – глубоко осмыслить источниковедческие проблемы, связанные с увековечением памяти защитников Отечества. Воздаяние должного подвигу и Памяти поколения 40-х годов также должны быть составной частью непрерывной в этом плане государственной политики. Ждут ухода тысячи беспризорных могил эвакуированных, беженцев не только на земле Вологодчины. Есть опасение за судьбу поисковых отрядов, ведущих археологические раскопки на местах сражений. В Вологде решили продолжить работу областного оргкомитета, который был создан для подготовки к 50-летию Победы.

6. Более серьезная и трудоемкая задача – организовать передачу ценнейшего материала охарактеризованных книг подрастающему поколению. На региональном и местном уровнях управление образования администрации области, вузы, включая Институт повышения квалификации, учреждения образования, опираясь на постановление администрации "О региональном компоненте содержания образования", стремятся обеспечить все школы вышеназванными изданиями, включить их материал в школьные учебные курсы. Хотелось бы надеяться, что Министерство образования РФ, положительно реагирующее на инновации в области краеведения, реализует до конца свою программу на федеральном уровне.

ДВЕ ДИРЕКТИВЫ 1941 г. О ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СССР К ВОЙНЕ

Среди отечественных и зарубежных исследователей ведется дискуссия по коренному вопросу о том, к какой именно войне готовились Сталин и советское руководство в 1941 г.? Она опирается главным образом на новые архивные материалы¹. Их всесторонний анализ позволил некоторым историкам предположить, что с мая 1941 г. началась активная подготовка к наступательной войне. Подобная точка зрения вызывает возражения оппонентов. Это вполне объяснимое и, в конечном счете, нормальное явление, если иметь в виду подлинно научный спор.

Известные к настоящему времени факты об истинных замыслах Сталина и большевистского руководства накануне 22 июня 1941 г. крайне противоречивы, трактуются порой с прямо противоположных позиций и требуют дополнительного скрупулезного анализа. В полной мере это относится к директивным материалам, которые разрабатывались ЦК ВКП(б) и Главным управлением политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) и предназначались для политико-пропагандистской работы среди населения, командного состава Вооруженных Сил и красноармейцев.

В данной публикации представлены два ключевых документа, относящиеся к концу мая – началу июня 1941 г., которые характеризуют пропагандистскую подготовку СССР к грядущей войне.

Первый из них – проект директивы ЦК ВКП(б) "О текущих задачах пропаганды". Его составляли в Управлении пропаганды и агитации ЦК (УПА) под руководством начальника Управления Г.Ф. Александрова. 28 мая 1941 г. первоначальный вариант проекта директивы был направлен секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Жданову и А.С. Щербакову. Его содержание не удовлетворило секретарей ЦК, и в первых числах июня 1941 г., как считают исследователи, сам А.С. Щербаков составил новый проект директивы ЦК, который получил название "О текущих задачах пропаганды"².

¹ Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия: Сб. материалов. М., 1995. (Далее: Готовил ли Сталин...?); Печенкин А.А. Была ли возможность наступать? // ОИ. 1995. № 3. С. 44–58; Соколов Б.В. "Анти-Ледокол", или Миф мифа // Витрина. Читающая Россия. 1995. № 9/10 (май). С. 14; Владимирский А. Так собирался ли Сталин напасть на Гитлера? // Там же. С. 15; Фарсоби В.В. Заметки бывшего сержанта гвардии о войне // ВИ. 1995. № 5/6. С. 121–130; Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия, 1939–1945 // ВИ. 1995. № 7. С. 26–35; Бобылев П.Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // ОИ. 1995. № 5. С. 3–20; Невежин В.А. Сталинский выбор 1941 г.: оборона или... "лозунг наступательной войны"? (По поводу книги Г. Городецкого «Миф "Ледокола"») // ОИ. 1996. № 3. С. 55–73; Nevezhin V.A. The Pact with Germany and the Idea of an "Offensive War" (1939–1941) // The Journal of Slavic Military Studies. 1995. Vol. 8. N 4 (December); 1939–1945, 1 сентября – 9 мая: Пятидесятилетие разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны // Материалы научного семинара (16 апреля 1995 г.). Новосибирск, 1995; Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. М., 1995; Городецкий Г. Миф "Ледокола": Накануне войны. М., 1995; Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995; и др.

² Артамошин Ю. Просчеты руководства // Аргументы и факты. 1989. № 23; Канун и начало войны: Документы и материалы / Сост. Л.А. Кишнер. Л., 1991. С. 308; Готовил ли Сталин? С. 122.

Второй из публикуемых документов – проект директивы ГУППКА "О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время" начал составляться после заседания Главного Военного Совета (ГВС) 14 мая 1941 г. На этом заседании обсуждались итоги инспекторской проверки хода политических занятий в частях Красной Армии. Начальнику ГУППКА армейскому комиссару I ранга А.И. Запорожцу было поручено учесть выявленные недостатки в пропагандистской работе в РККА и составить проект соответствующей директивы. 26 мая 1941 г. А.И. Запорожец направил секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Жданову и А.С. Щербакову ее первый вариант. После доработки 4 июня документ обсуждался на заседании ГВС, а 9 июня направлен А.И. Запорожцем начальнику УПА ЦК ВКП(б). 20 июня ГВС утвердил проект директивы, которая получила название "О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время". Окончательное ее редактирование поручалось секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, народному комиссару обороны маршалу С.К. Тимошенко и начальнику ГУППКА А.И. Запорожцу³. Д.А. Волкогонов утверждал, что 20 июня Г.М. Маленков передал проект директивы "О задачах политической пропаганды в Красной Армии" Сталину, но тот не успел одобрить представленный материал до начала войны⁴.

Импульсом для подготовки проектов вышеназванных директив послужили выступления Сталина перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г. в Кремле. В этих выступлениях, и, прежде всего, в реплике на приеме (банкете) в честь военных "академиков" большевистский лидер заявил, что период мирной внешней политики СССР закончился и пора переходить к "военной политике наступательных действий". Сталин прямо указывал: "Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, печать в наступательном духе"⁵.

Это сталинское указание немедленно было взято на вооружение пропагандистскими органами большевистской партии и Красной Армии. Под руководством и при личном участии секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Жданова и А.С. Щербакова (согласно постановления Политбюро от 4 мая 1941 г. первый из них стал заместителем Сталина по Секретариату ЦК, второй – ответственным за агитационно-пропагандистскую работу в партии и стране⁶) началась перестройка пропаганды в духе "военной политики наступательных действий".

Публикуемый проект директивы ЦК ВКП(б) "О текущих задачах пропаганды" в литературе назван докладом⁷. Между тем, в тексте документа имеется фраза, из которой следует, что подобное утверждение наверно: "При разъяснении вопросов международного положения партийные организации обязаны руководствоваться положениями, изложенными в *настоящей директиве* (курсив мой. – В.Н.)" (Док. № 1. Л. 21). Таким образом, нет оснований считать подготовленный А.С. Щербаковым текст докладом.

Столь же безосновательны попытки представить содержащиеся в разработке Щербакова оценки как "убаюкивающие"⁷. Проект директивы ЦК ВКП(б) "О текущих задачах пропаганды", наоборот, нацеливал на активные действия и

³ Готовил ли Сталин...? С. 123.

⁴ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия / Политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. М., 1989. К. II, ч. 1. С. 154.

⁵ Готовил ли Сталин...? С. 96–97; "Современная армия – армия наступательная": Выступление И.В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий. Май 1941 г. / Публ. А. Печенкина // ИА. 1995. № 2. С. 30.

⁶ Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. документов. М., 1995. Док. № 17.

⁷ Артамошин Ю. Указ. соч.; Канун и начало войны... С. 138.

в то же время призывал к бдительности в преддверии войны (Док. № 1. Л. 14, 16).

Признавая приверженность Сталина идее наступательной войны, некоторые авторы стремились доказать, что советское военное и политическое руководство готовилось вначале отразить нападение, а уж затем наступать⁸. В публикуемых документах, на наш взгляд, содержится иное понимание данной идеи. Так в проекте директивы ЦК ВКП(б) "О текущих задачах пропаганды" (первый документ) прямо говорилось, что согласно ленинскому учению "страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, *должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий*" (курсив мой. – В.Н.) против капиталистического окружения" (Док. № 1. Л. 16). Источниковедческий анализ этого и других документов и дал возможность ученым сделать вывод, что большевистское руководство в мае–июне 1941 г. развернуло активную пропагандистскую подготовку к наступательной войне⁹. Однако исследователи, придерживающиеся иной (можно назвать ее традиционной) точки зрения, продолжают утверждать, что вопрос о перестройке пропаганды в наступательном духе так и не был решен. В подтверждение этого вывода они констатируют: директива ГУППКА "О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время" не была окончательно доработана и не стала руководящим документом¹⁰.

На наш взгляд, подобная аргументация не выдерживает критики, ибо названным документом вовсе не исчерпывается совокупность директивных материалов, готовившихся ЦК ВКП(б) и ГУППКА в мае–июне 1941 г.¹¹ Кроме того, несмотря на то, что нет сведений об утверждении приводимых в данной публикации директив высшим партийным руководством, поставленные в них основные задачи *прямо декларировались в открытой советской печати* еще до 22 июня 1941 г. Убедиться в этом позволяет, например, знакомство с публикациями в газете "Известия" (15 мая 1941 г.) и в подписанном в печать 24 мая 1941 г. номере издававшегося ГУППКА журнала "Политучеба красноармейца" передовых статей под многозначительными заголовками ("Драгоценные черты большевистского характера"; "Воспитывать большевистские черты характера")¹². В названных статьях акцентировалось внимание на следующем: "Активный, *наступательный*" (курсив мой. – В.Н.), воинственный дух ощущается всюду, где действуют, борются, творят советские люди". Что же касалось политорганов, командиров и политработников Красной Армии, то они были обязаны *"всемерно усилить работу с каждым красноармейцем и младшим командиром в духе постоянной готовности к наступательным боям за дело коммунизма"* (курсив мой. – В.Н.)¹³. Подобная задача прямо зафиксирована в публикуемом нами проекте директивы ГУППКА. В нем, в частности, подчеркивалась необходимость "решительного поворота в пропагандистской работе, большевистского воспитания личного состава в духе пламенного советского патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага" (Док. № 2. Л. 73).

⁸ Волкогонов Д.А. Указ. соч. С. 155; Куманев Г., Шкляр Э. До и после пакта. Советско-Германские отношения в преддверии войны // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 14; и др.

⁹ Готовил ли Сталин...? С. 122–168.

¹⁰ Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // ННИ. 1993. № 3. С. 37; Гареев М.А. Указ. соч. С. 93; ИА. 1995. № 2. С. 25.

¹¹ Подобного рода документы анализируются в кн.: Готовил ли Сталин...? С. 148–150; Неvezhin В.А. Указ соч.; Nevezhin V.A. Op. cit.

¹² Известия. 1941. 15 мая; Политучеба красноармейца. 1941. № 10. С. 1–2.

¹³ См. также: Партийно-политическая работа в Военно-морском флоте. 1941. № 10. С. 7–8.

Но с первых же часов германского нападения на Советский Союз для Красной Армии и всего народа обстоятельства сложились совсем не так, как представляли себе будущую войну Сталин, руководство Генштаба, пропагандистские органы большевистской партии и Вооруженных Сил. Под натиском врага приходилось стремительно отступать в глубь советской территории, а это вызвало негативную реакцию прежде всего тех, кто накануне 22 июня 1941 г. настойчиво внушал, что следует готовиться к "всесокрушающей наступательной войне". Среди политработников Красной Армии все еще оставались руководством к действию дававшиеся "сверху" наступательные пропагандистские установки. Не случайно, например, вопреки высказанному буквально в первые часы вражеского нашествия взвешенному мнению членов Военного Совета Юго-Западного фронта о необходимости ведения оборонительных боев, входивший в его состав корпусной комиссар Н.Н. Вашугин с возмущением восклицал: "А вы подумали, какой моральный ущерб нанесет тот факт, что мы, *воспитывавшие Красную Армию в высоком наступательном духе* (курсив мой. – В.Н.), с первых дней войны перейдем к пассивной обороне..."¹⁴.

О том, какие именно задачи выдвигались в целях воспитания народа и армии "в высоком наступательном духе", и свидетельствуют публикуемые нами документы. Мы не найдем в них лозунга "Социалистическое отечество в опасности!" и термина "Великая Отечественная война". Они появились позже, после 22 июня 1941 г. Накануне же грандиозной вооруженной схватки с Германией большевистское руководство рассматривало в пропагандистских материалах в качестве основополагающего иной лозунг – "наступательной войны"¹⁵. Оно готовилось исполнить ленинский завет – "на чужой земле защищать свою землю"¹⁶.

Текст проекта директивы ЦК ВКП(б) "О текущих задачах пропаганды" сохранился в машинописном виде в 2-х экземплярах. Публикация сделана по 1-му экземпляру с правками, внесенными карандашом рукой секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова¹⁷. Датирован проект директивы ЦК ВКП(б) "О текущих задачах пропаганды" на основании следующего признака. Как уже упоминалось выше, 28 мая 1941 г. начальник УПА Г.Ф. Александров представил в ЦК первоначальный вариант этого документа, который не был одобрен. Следовательно, окончательная доработка, осуществленная, по мнению исследователей, уже лично секретарем ЦК ВКП(б) А.С. Щербаковым, проводилась не ранее 28 мая 1941 г.

Второй из публикуемых документов сохранился в машинописной копии и приводится по одному из экземпляров (№ 10)¹⁸. В сопроводительной записке (на бланке ГУППКА) говорится: «Начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) товарищу Александрову. Направляю проект директивы "О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время". Начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии А. Запорожец. 9 июня 1941 г.» Следовательно, сам проект директивы можно датировать временем не позднее 9 июня 1941 г.

¹⁴ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971. С. 116.

¹⁵ Это выражение использовалось, например, в тезисах секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова к совещанию с редакторами центральных газет и журналов в ЦК ВКП(б) 8 мая 1941 г. См.: Невежин В.А. Указ. соч. С. 66.

¹⁶ Ленинский сборник. 1931. XII. С. 417.

¹⁷ РЦХИДНИ. Ф. 88 (А.С. Щербаков). Оп. 1. Д. 898. Л. 1–22.

¹⁸ Там же. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 125. Д. 27. Л. 72–83. Один из экземпляров проекта директивы ГУППКА "О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время" сохранился также в ЦАМО РФ (ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 101). Выдержки из него со ссылкой на ЦАМО приводил Д.А. Волкогонов. См.: Волкогонов Д.А. Указ. соч. С. 154–155.

На листе, где помещена сопроводительная записка, имеются штамп Техсекретариата Оргбюро ЦК (№ 23485, 10 июня 1941 г.), а также архивная отметка: "Материал в наличии. 27 ноября 1950 г."¹⁹

В.А. Невежин

№ 1

"О текущих задачах пропаганды". Проект директивы ЦК ВКП(б)

[1941 г. Не ранее 28 мая]

О текущих задачах пропаганды^{1*}

1.2* За прошедшие двадцать месяцев со времени начала второй империалистической войны¹ в капиталистической Европе произошли значительные изменения: Польша, Бельгия, Франция, Югославия, Греция² – потерпели военные поражения. Германия добилась известных военных успехов. Англия терпела и терпит ряд значительных военных неудач, однако, Англия^{3*} не разбита и продолжает сопротивление на базе возрастающей помощи со стороны США.

Встает вопрос – почему Франция потерпела поражение, а Германия добилась военных успехов?

Ленин говорил, что разбитые армии хорошо учатся.

Немецкая армия, будучи разбитой в 1918 году³, извлекла из этого факта^{4*} необходимые военные и политические уроки.

В Германии в течение многих лет, особенно начиная с 1933 года, с приходом к власти национал-социалистов, началось формирование и обучение большой армии. Народное хозяйство, перестроенное на военные рельсы, было целиком подчинено задачам войны. Удалось наладить массовое производство самолетов, танков, пушек и другого оружия. Военные руководители Германии разрабатывали оперативные планы войны, основанные на стремительном наступлении на слабого и неподготовленного противника при массовом применении современной техники. Эти военные руководители понимали, что всякая затяжка войны, которая позволит противнику оправиться после первых ударов, реализовать военный потенциал и таким образом свести на нет преимущество германской армии – чревата для Германии большими опасностями.

Военное превосходство Германии на первом этапе войны было безусловным и подавляющим. Такова была первая причина военных успехов германской армии.

2. Но исход войны решает не только вооружение и организация армии. Для победы мало иметь хорошую военную технику и организацию, войну готовят также и политически, а это прежде всего означает привлечь одни государства на свою сторону в качестве союзников, другие попытаться нейтрализовать.

О правильности этого положения говорит весь опыт прошлых войн^{5*}.

¹⁹ РЦХИДНИ. Ф. Оп. 125. Д. 27. Л. 71.

^{1*} Подчеркнуто красным карандашом.

^{2*} Здесь и далее цифры, обозначающие номера разделов проекта директивы, написаны карандашом.

^{3*} Англия вписано красным карандашом.

^{4*} Подчеркнуто простым карандашом.

^{5*} Абзац от слов Но исход войны... до прошлых войн отмечен на полях слева простым карандашом.

В 1870–1871 гг. в войнах с Францией Германия одержала победу благодаря нейтралитету России⁴, в результате, таким образом, – войны на одном фронте. В войне 1914–1918 гг. – в результате войны на два фронта Германия потерпела поражение.

Вот почему, готовясь к второй мировой войне, Германия^{6*} постаралась установить мирные и дружественные отношения с СССР⁵.

Далее. Германская дипломатия не мало потрудились над тем, чтобы оторвать союзников от своих противников – Франции и Англии и привлечь некоторые страны в качестве союзников на свою сторону. В этом направлении Германия кое-каких результатов добилась.

Во-первых, Германия привлекла на свою сторону [такие страны, как]^{7*} Италия и Япония⁶, выступавшие в прошлой войне на стороне противников Германии.

Во-вторых, Германии удалось запугать некоторые малые нейтральные страны и предупредить их переход на сторону Франции – Англии.

Такова вторая причина успехов Германии.

Следует, однако, заметить, что Германия неудачно выбирает себе союзников. Бывает, что неудачный союзник оказывается гирей на ногах своего партнера.

В первую империалистическую войну таким неудачным союзником для Германии была Австро-Венгрия. В настоящую войну один из союзников Германии – Япония пока никакой военной помощи Германии не оказала. Что касается второго союзника – Италии, то она проявила значительную военную слабость. В результате экономической и политической отсталости Италии, ее армия и флот терпели одну неудачу за другой. Германии пришлось спасти своего союзника – Италию от военного разгрома, разбрасывать свои силы, растягивать коммуникации.

3. Ленин учит, что партии и государства гибнут, если закрывают глаза на ошибки и недочеты, увлекаются своими успехами, почивают на лаврах, не думают о завтрашнем дне, о будущем.

Именно таким государством оказалась Франция. Франция, победив в первой империалистической войне, зазналась, почил на лаврах, проявила полную беспечность в деле подготовки к войне, в частности, в подготовке хозяйства к войне. Ее военная мысль^{8*}, вследствие самодовольства, не двигалась вперед, оставалась на уровне уроков^{9*} войны 1914–18 гг.

Французская авиация, которая когда-то была сильнейшей, – отодвинулась на одно из последних мест. Танковые и механизированные соединения оказались в загоне. По свидетельству лиц, стоявших близко к политическим и военным кругам Франции, – во французской армии не только не хватало артиллерии, особенно зенитной и противотанковой, но не хватало даже пулеметов и пистолетов. Французское правительство, пожалев денег, не продолжило линию Мажино⁷ до Ла-Манша, что обесценило всю укрепленную часть фронта и дало возможность немецкой армии обойти французские укрепления – линию Мажино.

В любой капиталистической стране господствует мораль, согласно которой ценится не столько человек, сколько его кошелёк. Во Франции эта мораль проявилась в полной мере и, будучи перенесена на армию, разлагала ее.

Об армии и ее командном составе не было заботы, их третировали.

^{6*} После Германия вычеркнуто во-первых.

^{7*} Вычеркнуто такие страны, как простым карандашом, но далее текст не исправлен.

^{8*} Вычеркнуто и армия.

^{9*} Уроков вписано от руки простым карандашом.

К военным относились пренебрежительно, на командиров смотрели, как на неудачников, на последних людей, вынужденных идти в армию ввиду того, что они не имели доходов от фабрик, заводов, банков и магазинов. Военный аппарат оказался в руках людей или мало понимающих в военном деле, или людей, застывших на уроках и традициях войны 1914–1918 гг.

Правящие круги Франции боялись не столько победы Германии, сколько своего народа. Лучших патриотов и подлинных защитников Франции реакционное правительство упряло в тюрьмы и лагеря. Среди высшего командного состава и руководящих политических деятелей было широко распространено пораженчество и прямое предательство.

Такова первая причина военного разгрома Франции.

4. Поражение Франции объясняется не только военной слабостью. Начиная войну, Франция и Англия не только не приобрели новых друзей и союзников, но и растеряли тех, кто был с ними. Гнилая, торгашеская политика "невмешательства" и "умиротворения", выдавшая итало-германским интервентам и их ставленникам Испанию⁸, предательство, учиненное в отношении своего прямого союзника – Чехословакии⁹ и ^{10*} тому подобные другие факты^{10*}, легкомысленное отношение к вопросу о роли и удельном весе Советского Союза в делах Европы – все это оттолкнуло от Франции и Англии часть их союзников, привело их к изоляции и укреплению позиции Германии.

Такова вторая причина военного поражения Франции.

5. Военные победы Германии и поражения ее противников вызвали известное распространение взглядов о якобы непобедимости германской армии. Подобные взгляды в корне ненаучны и противоречат историческому опыту, а также ходу военных действий в современной войне. В мире не было и нет непобедимых армий, а были и есть армии хорошие и слабые.

Численность германской армии оказалась намного больше, а ее вооружение и тактическая подготовка несравненно лучше армий Франции и Англии. Победы германской армии объясняются тем, что немцы до сих пор имели военные столкновения со слабыми противниками и немецкая армия подавляла их огромным численным превосходством и техникой.

В самом деле. В решающее наступление против Франции Германия бросила не менее 100 дивизий, вооруженных в большом числе тяжелыми танками и артиллерией, пикирующими бомбардировщиками и многочисленной истребительной авиацией. В ход были пущены парашютные войска. Это на фронте, а в тылу – внутри Франции безнаказанно орудовала "Пятая колонна".

Против не менее как 100 немецких дивизий Франция оказалась в состоянии выставить только 45–50^{11*} дивизий, к тому же вооружение которых не шло ни в какое сравнение с вооружением германской армии. При таком соотношении сил – исход сражения в пользу Германии был предreshен до того, как сражение началось.

Можно ли также удивляться тому, что превосходящая численностью и вооруженная по последнему слову техники германская армия разбила армию Югославии? Удивления скорее заслуживает то обстоятельство – как вообще могли хотя бы и непродолжительное время сопротивляться германской армии столь мало подготовленные и почти безоружные югославские войска. Вот почему так легко доставались победы германским войскам.

На почве таких легких побед в армии и политических кругах Германии получили распространение хвастовство, самодовольство и зазнайство, которые прямо ведут к отставанию.

^{10*}–^{10*} Вписано простым карандашом вместо т.п.

^{11*} Вычеркнуто французских.

Все то новое, что внесено в оперативное искусство и тактику германской армии не так уж сложно и теперь воспринято и изучено ее противниками так же, как не является новостью и вооружение германской армии. На почве хвастовства и самодовольства военная мысль Германии уже не идет, как прежде, вперед. Германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Если в начале войны Германия обладала новейшей военной техникой, то сейчас развитие идет в обратном направлении и военно-техническое преимущество Германии^{12*} постепенно уменьшается.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что сырьевые и продовольственные ресурсы Германии иссякают, что значительная часть германской армии, а также немецкий народ уже начинают уставать от войны и постепенно теряют свой пыл.

Таково первое обстоятельство, развеивающее миф о непобедимости германской армии.

6.^{13*} В современной войне внешнеполитическая линия Германии претерпела коренные изменения и прошла два этапа.

Подготовка войны и война на первом этапе велись под лозунгом освобождения страны от гнета Версальских цепей. Этот лозунг был популярен и встречал известную поддержку и сочувствие в немецком народе, поскольку народ немало натерпелся в результате грабительского Версальского мира¹⁰. Этот лозунг нашел известное сочувствие и в других странах, которых считали Версальский договор грабительским, унижительным и несправедливым.

Но в ходе войны обстановка коренным образом изменилась.

Лозунг — "долой Версальские цепи" — отпал. Сейчас германская армия, пользуясь военной слабостью ряда стран, перешла к прямому захвату и порабощению чужих территорий.

Фашистская Германия ведет захват чужих территорий под лозунгом установления так называемого "нового порядка" в Европе. Этот лозунг означает подавление национальной независимости оккупированных стран, превращение их в вассальные, эксплуатируемые государства, в аграрный придаток Германии.

Завоевательный характер лозунга — установление "нового порядка" в Европе немецкими политиками маскируется болтовней о ^{14*} необходимости "выкурить англичан отовсюду, где бы они не появились". Однако эта маскировка плохо скрывает программу порабощения народов и широкие массы начинают все явственнее видеть и понимать грабительский характер лозунга — установления "нового порядка" в Европе.

Разумеется, этот лозунг, во-первых, не встречает сочувствия и поддержки в широких массах самой Германии. Во-вторых, этот лозунг вызывает огромное недовольство и озлобление народов оккупированных стран и постепенное нарастание сопротивления захватчику. Захватническая, завоевательная политика Германии восстанавливает против нее не только народы оккупированных стран, но и лучшую часть немецкого народа.

^{15*} Весь исторический опыт напоминает о том, что завоевательная политика чревата опасными последствиями для самого завоевателя и нередко кончается ^{16*} крахом для него^{17*}. Так, например, на первом этапе наполеоновских войн, когда

^{12*} Германии вписано красным карандашом.

^{13*} Вычеркнуто простым карандашом Далее.

^{14*} Болтовней о вписано карандашом вместо вычеркнутого лозунгом.

^{15*} Вычеркнуто красным карандашом Кроме того.

^{16*} После кончается вычеркнуто красным карандашом его.

^{17*} Для него вписано красным карандашом.

в^{18*} армии Наполеона I^{19*,11} еще были живы идеи французской революции 1789 года, направленные против крепостничества, Наполеон I встречал поддержку, – его лозунги имели притягательную силу, он имел союзников, имел успех. Когда же Наполеон I перешел к войнам целиком завоевательным и захватническим, от него отвернулись союзники, он стал терять популярность как среди своего народа, так и других народов, у него появились сильные враги, а его армия начала разлагаться. В этих условиях даже значительно более слабый в военном отношении^{20*} противник Наполеона I, как, например, Испания¹², оказала ему успешное сопротивление, а русский народ нанес ему полное военное поражение¹³.

Понятно, что успехи германской политики и немецкой армии под лозунгом захватнической и империалистической войны, под лозунгом покорения и порабощения других народов не могут быть сколько-нибудь прочными.

Таково второе обстоятельство, развеивающее миф о непобедимости германской армии¹⁴.

7. Мудрая внешняя политика партии и советского правительства обеспечили народам СССР вот уже на протяжении более 20 лет мирный труд. На этой основе наша страна добилась дальнейшего неуклонного роста политического, экономического и военного могущества. Это нашло свое выражение в серьезном укреплении трудовой дисциплины, в дальнейшем росте производительности труда, в успешном ходе выполнения третьего пятилетнего плана, в дальнейшем укреплении морально-политического единства советского общества.

Красная Армия, широко используя достижения отечественной и мировой военно-технической мысли, перестроилась организационно и серьезно перевооружилась на основе опыта современной войны.

Еще 3–4 года назад вооружение Красной Армии было технически менее совершенным и разнообразным, чем ее современное вооружение. Теперь наша армия перестроена и организационно, и вооружена новейшей военной техникой. В большей мере возросли удельный вес и роль танковых и моторизованных дивизий. Эти соединения теперь обладают мощной ударной наступательной силой. Красная Армия получила и непрерывно получает во все возрастающих количествах артиллерию всех видов и калибров, а также новейшую истребительную и бомбардировочную авиацию. Современная война является войной моторов. Красная Армия насыщена моторами в той мере, в какой этого требует современное оперативное военное искусство.

Чтобы управлять всей этой новой техникой страна неустанно создает и совершенствует командные кадры, которые с большевистским упорством овладевают техникой, кадры, которые окружены любовью и доверием народа.

Наша Красная Армия готова к любым неожиданностям¹⁵.

8. СССР живет в капиталистическом окружении. Столкновение между миром социализма и миром капитализма неизбежно. Исходя из неизбежности этого столкновения, наше, первое в мире социалистическое государство, обязано изо дня в день, упорно и настойчиво готовиться к решающим боям с капиталистическим окружением с тем, чтобы из этих боев выйти победителем и тем самым обеспечить окончательную победу социализма.

Внешняя политика Советского Союза ничего общего не имеет с пацифизмом, со стремлением к достижению мира во что бы то ни стало. Еще в 1915 году Ленин предвидел возможность наступательной политики после утверждения социализма в одной стране. Он писал: "...возможна победа социализма перво-

^{18*} После в вычеркнуто красным карандашом его.

^{19*} Наполеона I вписано простым карандашом.

^{20*} После отношения вычеркнуто простым карандашом его.

начально в немногих, или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств" (Т. 18. С. 233)¹⁶.

Мирное строительство, передышку от военных столкновений, Ленин расценивал, как средство накопления сил для последнего боя. Еще в 1920 году он писал: "...но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот" (Т. 25. С. 500)¹⁷.

Далее мы имеем следующее указание Ленина: "Говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами до сих пор занесен нож..., говорить это нам значит повторять старые, давно потерявшие смысл фразы мелкобуржуазного пацифизма. Если бы мы перед такими постоянно активновраждебными нам силами должны были дать зарок..., что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками" (Т. 26. С. 49–50).

Итак, ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма.

До поры до времени СССР не мог приступить к таким действиям ввиду военной слабости. Но теперь эта военная слабость отошла в прошлое. Опираясь на свое военное могущество, используя благоприятную обстановку – СССР освободил Западную Украину и Западную Белоруссию¹⁸, вернул Бессарабию¹⁹, помог трудящимся Литвы, Латвии и Эстонии организовать советскую власть²⁰. Таким образом, капитализму пришлось потесниться, а фронт социализма расширился.

Международная обстановка крайне обострилась, военная опасность для нашей страны приблизилась, как никогда. В этих условиях ленинский лозунг "На чужой земле защищать свою землю" может в любое время обратиться в практические действия.

Таким образом, коренные изменения, которые произошли в международной обстановке и в жизни Советского Союза.

9. Эти новые условия, в которых живет страна, требуют от партийных организаций коренного поворота в партийно-политической работе по большевистскому воспитанию состава Красной Армии и всего советского народа в духе пламенного патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага.

Однако эти изменения в международной обстановке и в жизни Советского Союза не только не нашли достаточного отражения в агитационно-пропагандистской работе многих партийных организаций, но в ряде случаев освещались совершенно неправильно.

Некоторые пропагандисты перестали критиковать враждебную марксизму фашистскую идеологию, приняли на веру лживую "теорию" фашистских экономистов о планомерном ведении хозяйства в Германии и Италии, перестали разоблачать реакционную политику германского империализма, направленную на покорение и закабаление других народов. Некоторые пропагандисты в той или иной мере повторяли тезис немецкой пропаганды о непобедимости германской армии.

Перед лицом военной опасности партийные организации обязаны были удесхтерить усилия по воспитанию в народе патриотизма, беспредельной любви к

социалистической родине, в духе бесстрашия и готовности пойти на любые жертвы.

Однако – вместо укрепления мобилизационной готовности, воспитания мужества, бесстрашия и героизма в массах трудящихся, воспитания ненависти к врагам родины и безаветной любви к социалистическому отечеству, – в агитационных выступлениях и в печати нередко под видом пролетарского интернационализма протаскиваются гнилые идейки мелкобуржуазного пацифизма, слезливый гуманизм и сентиментальные настроения, способные только расслаблять мобилизационную готовность советского народа. А еще Ленин говорил, что: "Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество" (Т. 27. С. 45).

Во многих случаях отодвинули на задний план, или вовсе забыли боевую, текущую пропаганду и агитацию, дающую ответы на самые острые запросы трудящихся и подменили ее или пропагандой книжной, схоластической, оторванной от очередных хозяйственно-политических и военных задач, или простой информацией о тех или иных происходящих в стране событиях.

Эти и им подобные недостатки в партийно-политической работе отражают непонимание многими партийными работниками всей ответственности переживаемого момента, а также отражают зазнайство и самоуспокоенность, имеющие место в нашей партийной среде, что, как известно, никогда ни к чему хорошему не приводило.

Нет никакого сомнения в том, что подобные недостатки в партийно-политической работе партийных организаций по воспитанию масс, зазнайство и самоуспокоенность достигнутым, желание жить поспокойнее, не думая о будущем, не подготавливая повседневным упорным трудом нашу окончательную победу – наносят серьезный ущерб жизненным интересам нашего государства.

В современной международной обстановке, чреватой всякими неожиданностями, переход от мирной обстановки к военной – это только один шаг. "Война может вспыхнуть неожиданно. Ныне войны не объявляются. Они просто начинаются" (Сталин).

Каждый большевик должен твердо усвоить, что беспечность в современных международных условиях есть преступление перед страной и народом.

10. Центральный Комитет ВКП(б) считает важнейшей и неотложной задачей партии ликвидацию недостатков в работе партийных организаций по воспитанию трудящихся.

Задача обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик состоит в том, чтобы перестроить агитационно-пропагандистскую работу партийных организаций в соответствии с изменениями в международной обстановке и в жизни Советского Союза и в соответствии с задачами, стоящими перед советским государством.

При разъяснении вопросов международного положения партийные организации обязаны руководствоваться положениями, изложенными в настоящей директиве. Партийно-политическая работа полностью должна быть направлена на укрепление мобилизационной готовности страны.

Обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик при освещении вопросов войны и военной опасности обязаны изгнать и не допускать как в устной пропаганде и агитации, так и в печати гнилые, пацифистские идейки, слезливый гуманизм, расслабляющие мобилизационную готовность советского народа.

Трудящиеся должны знать, что если придется воевать, то война потребует жертв. Агитаторы, пропагандисты, печать обязаны прививать народу ту мысль, что мы должны быть не менее, а более энергичны, напористы и подго-

товлены, чем наши противники и уметь на удар отвечать двойным и тройным ударом.

Надо упорнее воспитывать советских людей в духе умения жертвовать за родину, в духе железной дисциплины, героизма и смелости, бесстрашия в бою и беспощадности к врагам советского государства.

В условиях, когда любые неожиданности могут возникнуть в любой момент, партийные организации должны "весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая "случайность" и никакие фокусы наших врагов не могли застать нас врасплох..." (Сталин).

Всей своей пропагандистской и агитационной работой партийные организации обязаны воспитывать боевой наступательный дух Красной Армии и всего советского народа, подчинив все средства пропаганды и агитации – газеты и журналы, брошюры и книги, лекции и доклады, собрания трудящихся и беседы – этой важнейшей задаче.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вторая мировая война (1939–1945) началась с нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г.
- ² Польские войска оказывали сопротивление немцам до 2 октября 1939 г. Бельгия была оккупирована ими в мае 1940 г. Франция капитулировала 22 июня 1940 г., Югославия – 17 апреля 1941 г. Греция 23 апреля 1941 подписала перемирие с Германией и ее союзницей Италией.
- ³ Имеется в виду поражение Германии и ее союзников в первой мировой войне 1914–1918 гг. от стран Антанты (Великобритания, Франция, до 1917 г. – Россия).
- ⁴ Имеется в виду франко-прусская война 1870–1871 гг., окончившаяся поражением Франции.
- ⁵ 23 августа 1939 г. в Москве между СССР и Германией был подписан пакт о ненападении, а 28 сентября – Договор о дружбе и границе.
- ⁶ 25 ноября 1936 г. в Берлине был заключен так называемый "Антикоминтерновский пакт" между Германией и Японией. Через год к нему присоединилась Италия. 27 сентября 1940 г. – подписан Берлинский пакт о военном союзе между Германией, Италией и Японией.
- ⁷ Линия Мажино – система французских укреплений (строилась в 1929–1934 гг., совершенствовалась до 1940 г.).
- ⁸ Гражданская война в Испании (июль 1936 – март 1939 гг.), осложнявшаяся интервенцией Германии и Италии, имела своим итогом установление диктатуры генерала Франко.
- ⁹ В октябре 1938 – марте 1939 г. в результате Мюнхенского соглашения Англии, Франции с Германией и Италией Чехословакия потеряла свою независимость. Большая часть ее территории была оккупирована Германией.
- ¹⁰ 28 июня 1919 г. в пригороде Парижа Версале был подписан мирный договор между странами-победительницами (Великобритания, Франция, США и др.) и потерпевшей поражение Германией, завершивший первую мировую войну.
- ¹¹ Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император (1804–1814, март–июнь 1815).
- ¹² В 1808–1814 гг. Испания вела вооруженную борьбу против французских оккупантов.
- ¹³ Имеется в виду Отечественная война 1812 г., завершившаяся изгнанием Наполеона I и его армии из России.
- ¹⁴ Причины поражения Франции и побед Германии на начальном этапе второй мировой войны излагаются в полном соответствии с содержанием речи Сталина перед выпускниками военных академий в Кремле 5 мая 1941 г. См.: ИА. 1995. № 2. С. 26–27.
- ¹⁵ Пункт 7 проекта директивы ВКП(б) "О текущих задачах пропаганды" является пересказом первой части упомянутой речи Сталина. См.: ИА. 1995. № 2. С. 26–27.
- ¹⁶ Здесь и далее цитаты в документе приводятся по 3-му Собранию сочинений В.И. Ленина.
- ¹⁷ Приведенная цитата из выступления Ленина на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. отсутствует в 4-м и в 5-м (так называемом "Полном") собрании его сочинений. Причина в том, что в них ленинское высказывание дается по газетному отчету, а в 3-м издании – по опубликованной в нем архивной стенограмме этого выступления.
- ¹⁸ В сентябре 1939 г. Красная Армия заняла территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, которые отошли к Польше в 1920 г., в результате советско-польской войны.
- ¹⁹ Бессарабия в 1918 г. была оккупирована Румынией, в июне 1940 г. – занята Красной Армией и вошла в состав СССР.
- ²⁰ Страны Прибалтики были присоединены к Советскому Союзу летом 1940 г.

**"О задачах политической пропаганды в Красной Армии
на ближайшее время".**

Проект директивы ГУПКА

[Не позднее 1941 г. 9 июня]

Проект*

За последнее время в международной обстановке, в жизни Советского Союза и в жизни Красной Армии произошли значительные изменения, которые необходимо учитывать во всей пропагандистской работе. Важнейшими из этих изменений являются:

В области внешнеполитической – усложнение и обострение международной обстановки, расширение второй мировой империалистической войны на балканские государства, страны Ближнего Востока и Африки, смена Германией лозунгов освобождения от "цепей Версаля" завоевательными лозунгами, полное подчинение политики и экономики всех крупных капиталистических стран интересам империалистической войны, развертывание и вооружение все новых и новых миллионных армий, иссякание сырьевых и продовольственных ресурсов всех воюющих государств, стирание грани между воюющими и невоюющими странами, между фронтом и тылом, резкое снижение жизненного уровня трудящихся всего капиталистического мира;

В области внутриполитической – дальнейший неуклонный рост политического, экономического и военного могущества Советского Союза, который находится вне войны, блестящие успехи внешней политики Советского правительства, сорвавшей антисоветские планы империалистов, обеспечившей вступление в семью советских народов Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Прибалтийских стран, расширение территории Советского Союза, вследствие чего капиталистическому миру пришлось потесниться и отступить;

В жизни Красной Армии – перестройка форм и методов обучения и воспитания войск на основе опыта современных войн, перевооружение на базе новейшей военной техники, возросшая роль и мощность танковых и моторизованных дивизий, рост политической сознательности, дисциплинированности, идеологической сплоченности личного состава, возросшая любовь и забота к Красной Армии со стороны партии Ленина–Сталина, Советского правительства и советского народа.

Новые условия, в которых живет наша страна, современная международная обстановка, чреватая неожиданностями, и задачи, поставленные партией Ленина–Сталина и Советским правительством перед Красной Армией требуют решительного поворота в пропагандистской работе, большевистского воспитания личного состава в духе пламенного советского патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага.

Однако изменения в международной обстановке, в жизни Советского Союза и Красной Армии не нашли должного отражения в пропагандистской и агитационной работе. Идеино-политическое содержание политической пропаганды отстает от требований современности и страдает существенными недостатками.

Пропаганда носит мирный характер, в ней еще много косности, шаблона и формализма. Пацифистским настроениям, которые проявляются у отдельных

* Здесь и далее подчеркнуто в машинописном тексте.

красноармейцев и командиров, не дается должного отпора. Пропагандисты перестали критиковать враждебную фашистскую идеологию, перестали разоблачать реакционную политику германского империализма, направленную на покорение и закабаление других народов. Зачастую неправильно или примитивно разъясняются основы и задачи внешней политики Советского Союза, причины и характер второй империалистической войны, причины поражения Франции и побед Германии. Не разоблачаются имеющиеся неправильные представления о германской армии, как о, якобы, непобедимой армии.

Подобные недостатки в пропагандистской работе могут ослабить политикоморальную силу, понизить боевую активность, воинственный, наступательный дух Красной Армии. Эти недостатки особенно нетерпимы теперь, когда перед Красной Армией стоят задачи всемирно-исторического значения.

Главное Управление политической пропаганды Красной Армии ПРЕДЛАГАЕТ:

1. Политическую пропаганду поднять на уровень современных задач Красной Армии. Все формы пропаганды, агитации и воспитания направить к единой цели – политической, моральной и боевой подготовке личного состава, к ведению справедливой, наступательной и всеокрушающей войны.

Политическая пропаганда в Красной Армии должна быть поднята на такую высоту, чтобы партия и правительство были полностью уверены в том, что любое задание будет с честью выполнено каждой частью, каждым соединением.

Всей системой политической пропаганды обеспечить правильное и глубокое разъяснение основных вопросов международного и внутреннего положения Советского Союза и вытекающих отсюда задач Красной Армии.

Весь личный состав Красной Армии должен проникнуться сознанием того, что возросшая политическая, экономическая и военная мощь Советского Союза позволяет нам осуществлять наступательную внешнюю политику, решительно ликвидируя очаги войны у своих границ, расширяя свои территории. Эта наступательная политика выразилась в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины¹, в разгроме белофинской авантюры².

Советский Союз сейчас сильнее чем прежде, а завтра будет еще сильнее. Красная Армия и советский народ, обороняя нашу страну, обязаны действовать наступательным образом, от обороны переходить, когда этого потребуют обстоятельства, к военной политике наступательных действий³. Это находится в полном соответствии с указаниями Ленина о том, что победивший пролетариат одной страны, организовав у себя социалистическое производство, встанет "..." против остального капиталистического мира, привлекая угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств".

3. Повседневно разъяснять личному составу причины и характер второй мировой империалистической войны, захватнические цели воюющих блоков.

Каждый красноармеец, командир и политработник должен понимать, что главной причиной второй империалистической войны является соперничество между двумя крупнейшими капиталистическими державами – Англией и Германией. Борьба между ними идет за новый передел мира, за мировое господство. В союзе с Германией выступает Италия и Япония, хотя последняя и не принимает участия в войне на европейском и средиземноморском театрах. Англия пользуется материальной поддержкой США, которые также готовятся вступить в войну за передел мира.

Каждая из участвующих в войне империалистических стран преследует свои захватнические, грабительские цели.

Германия готовилась к войне и начала ее под флагом освобождения от "цепей Версаля". На деле же Германия ведет войну за установление своего господства в Европе, за передел английских, французских и других колоний в Африке, Азии и на Ближнем Востоке. Германская буржуазия стремится к созданию крупной колониальной империи.

Итальянские фашисты стремятся установить свое господство в бассейне Средиземного моря и расширить свои колониальные владения в Африке за счет Англии и Франции.

Англия является крупнейшей колониальной империей. Имея население около 47 миллионов, она владеет колониями с населением в 480 млн человек. Владение этими колониями является основой могущества Англии. Буржуазия Англии ведет войну за сохранение своей колониальной империи, за укрепление своего господствующего положения в Европе. Страх перед германскими притязаниями на ее колониальные владения – вот в чем подоплека теперешней войны Англии против Германии.

4. Показать причины успехов Германии и поражения Франции во второй империалистической войне.

Германия, осуществляя свои захватнические цели, по очереди разбила армии и оккупировала территории Польши, Норвегии⁴, Голландии⁵, Бельгии, Франции, Югославии и Греции. Ряд государств захвачен или оккупирован Германией без войны.

Почему же Германия побеждает, а Франция потерпела поражение?

Ленин говорил, что разбитые армии хорошо учатся. Это относится и к нациям. В первой мировой империалистической войне Германия потерпела поражение и извлекла из этого необходимые политические и военные уроки. Германцы критически пересмотрели причины своего разгрома и нашли пути, чтобы лучше организовать и подготовить свою армию к войне. Военная мысль германской армии двигалась вперед. Армия вооружалась новейшей техникой и обучалась новым приемам ведения войны.

Такова первая причина побед германской армии.

Исход войны решается не только вооружением и организацией армии, но и политической подготовкой внутри и вне страны, наличием союзников. Об этом говорит опыт истории, уроки которой учла Германия.

Внутри страны германская буржуазия сумела демагогическими посулами обмануть народные массы и поднять их на борьбу против грабительского Версальского договора. Вне страны Германия сумела привлечь на свою сторону недовольных Версальским договором Италию, Венгрию и Болгарию.

Германия одержала победу над Францией в 1870 году благодаря нейтралитету России и войне на одном фронте; в войне 1914–18 годов она потерпела поражение из-за тяжести борьбы на два фронта – на востоке и на западе. Германия учла это и в 1939 году совершила поворот в своей внешней политике, заключив договор с Советским Союзом.

Такова вторая причина побед германской армии.

Каковы же причины поражения Франции?

В то время как Германия усиленно готовилась к войне, Франция и Англия – победители в первой мировой войне – зазнались, у них закружилась голова от побед. Стремясь загребать жар чужими руками, и рассчитывая, что им удастся столкнуть Германию и Японию с Советским Союзом, они проявили беспечность в деле подготовки к войне хозяйства и армии.

Военная доктрина французской и английской армий оказалась отсталой. Военная мысль этих стран не развивалась, застыла на уровне 1918 года. Французская армия не была окружена должным вниманием и заботой, ей не было моральной поддержки. К военным относились пренебрежительно, на командиров

смотрели, как на неудачников. Во главе военного ведомства стояли посредственные люди. Среди высшего командного состава было широко распространено предательство. Французское правительство не продолжило линию Мажино до Ла-Манша, что дало возможность Германской армии обойти французские укрепления через Бельгию.

Такова первая причина поражения Франции.

Поражение Франции объясняется не только ее военной слабостью. Она не была готова к войне и политически.

Политически подготовить войну – значит подготовить к ней народные массы внутри страны и иметь достаточное количество союзников во вне.

Внутри страны правящие круги Франции своей реакционной антинародной политикой оттолкнули от себя народные массы, лучшие патриоты и подлинные защитники Франции были упрятаны в тюрьмы. Правящие круги Франции боялись выступлений народа больше, чем побед Германии. Во вне – правительства Франции и Англии своей антинациональной и антисоветской политикой сами лишили себя друзей и союзников. В то время как Германия справилась с задачей политической подготовки к войне, Франция и Англия с этой задачей не справились.

Такова вторая причина поражения Франции.

5. Развенчать имеющиеся у некоторых красноармейцев, командиров и политработников неправильное представление о германской армии, как о, якобы, непобедимой армии.

Германия добилась значительных успехов в войне. Но значит ли это, что германская армия непобедима? Конечно нет.

Вооружение германской армии оказалось лучше вооружения Польши, Франции и Югославии. Но немецкие танки, артиллерия и авиация не стоят впереди вооружения некоторых других передовых стран. Германская армия еще не столкнулась с достойным противником. Кроме того, Германия имела возможность бить своих противников поодиночке.

Германская армия теряет свои преимущества и в области оперативно-тактического ведения войны. Она вынуждена теперь разбрасывать силы и растягивать свои коммуникации. Противники Германии учатся воевать, а германская армия, на почве относительно легких побед, уже начинает страдать хвастовством, самодовольством, зазнайством, "головокружением от успехов". Военная мысль Германии уже не идет, как прежде, вперед. Германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Значительная часть германской армии устала от войны.

Германия начала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальских цепей. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку народа и сочувствие всех обиженных Версалем. Вот почему, до известного момента, Германия шла в гору. Сейчас Германия сменила лозунг освобождения от Версаля на лозунги захватнические, завоевательные. Лозунг немецких национал-социалистов об установлении "Нового порядка в Европе" на деле означает стремление превратить всю капиталистическую Европу в "жизненное пространство" Германии, то есть приспособить хозяйство капиталистических стран Европы к нуждам германских империалистов, превратить их в свой аграрный придаток, в поставщиков рабочей силы, сырья и рынка сбыта для германской промышленности.

Империалистический, захватнический характер войны все больше раскрывается перед германским народом. Превращение Германии в поработителя народов, тяжелые экономические условия, жертвы и разрушения от воздушных бомбардировок, крах надежд на "молниеносное" окончание войны и неопределенность ее перспектив – порождают недовольство народных масс.

Народы оккупированных Германией стран не хотят мириться с потерей своей национальной независимости. В германской армии они видят насильников и поработителей. В германских оккупационных властях они видят носителей режима насилия и террора, реквизиций и голода, виновников всех своих бедствий и страданий.

Затянувшаяся война создала для Германии ряд серьезных экономических трудностей. Оккупация дала Германии дополнительные экономические ресурсы, но далеко не в том качестве, какое необходимо для продолжения войны.

Германия испытывает серьезные трудности с нефтью. Недостаток горючего – самое слабое место германской экономики. Германия испытывает большие продовольственные и сырьевые затруднения. У нее нет хлеба, мяса, жиров и других продуктов, нет хлопка и каучука, очень мало цветных металлов. Старые запасы тают, а импорт почти невозможен из-за английской блокады.

Все больше начинает сказываться разница в военном потенциале. Англия широко использует свои огромные материальные и людские резервы. На помощь Англии пришли США с ее колоссальными экономическими ресурсами. Наверстывая упущенное и готовясь к решающим боям, она приступила к массовому производству самолетов, танков, пушек и боевых кораблей. Она формирует армии как в метрополии, так и в колониях.

Германская армия большая сила, которую нельзя недооценивать. Однако по мере затягивания и расширения войны военная мощь Германии ослабевает.

Непобедимых армий нет. Это доказано на опыте всех войн в истории. Это доказано, в частности, на опыте самой германской армии в первой мировой империалистической войне.

6. Для глубокого разъяснения основ внешней политики Советского Союза, коренных вопросов международного и внутреннего положения СССР, причин и характера второй мировой империалистической войны использовать политические занятия с красноармейцами и младшими командирами, марксистско-ленинскую учебу начальствующего состава, изучение сопредельных стран, доклады, лекции, массовую работу и красноармейскую печать. Красноармейским газетам придать боевой характер. Задачи армейской печати не только обучать технике военного дела, но и политически воспитывать красноармейцев и младших командиров.

7. Не перекладывать пропагандистскую работу только на плечи политработников подразделений. Пропагандой должны заниматься все политработники, начиная от заместителя командира подразделения по политической части и кончая начальником управления политической пропаганды округа, а также и командиры.

Задачи политработников, командиров, партийных и комсомольских организаций возглавить поворот в политической пропаганде и обеспечить реализацию настоящей директивы не на словах, а на деле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Северная Буковина вошла в состав СССР летом 1940 г.

² Имеется в виду советско-финляндская война 1939–1940 гг.

³ Приведенная формулировка полностью совпадает с высказыванием Сталина, прозвучавшим в упомянутой реплике на примере в честь выпускников военных академий в Кремле 5 мая 1941 г.: "Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий" (ИА. 1995. № 2. С. 30).

⁴ Норвегия подверглась германскому нападению в апреле 1940 г., а 10 июня ее войска капитулировали.

⁵ Голландия капитулировала 14 мая 1940 г.

В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(Из дневниковых записей генерала армии И.Р. Апанасенко)

Среди полководцев Великой Отечественной генерал армии Иосиф Родионович Апанасенко (1890–1943) не принадлежит к самым знаменитым фигурам. Его имя было широко известно и популярно в 1930-е годы как одного из высших командиров РККА, героя гражданской войны¹. Крестьянин, уроженец с. Митрофановское Ставропольской губернии, работал батраком у помещика, служил в армии, в годы первой мировой войны дослужился до прапорщика.

"После февраля [1917 г. – А.К.] я принимал самое активное участие в разложении старой царской армии, – пишет Апанасенко в воспоминаниях² о формировании 1-й Конной Армии, – до уничтожения офицеров включительно. После того как царская армия все больше и больше разлагалась, я бежал с фронта, захватив часть своих пулеметчиков и пулеметы, но по пути из района Крамента-Подольск на Северный Кавказ в свое село Митрофановку... мне пришлось преодолеть целый ряд заградительных отрядов и у меня остался только один пулемет и 2–3 старых пулеметчика, которые дошли до Ставропольской губернии, а в село я прибыл только с частью пулемета только один. Прибыв в село, я встретился с неопределенностью: здесь были и сторонники советской власти, и эсеры, и меньшевики. Шла жестокая борьба за то, кто прав. Керенский ли прав, Ленин ли прав. Я сразу же организовал небольшую группу из моих близких товарищей – батраков, организовал Совет, стал военным комиссаром. Стал сам председателем сельсовета. Вспомнил, как я жил батраком у помещика Елкина, и этот помещик вместо ничтожной заработной платы ударил меня по лицу за то, что в возил воду для его овец и поломал ярмо (ярмо – это деревянный хомут для волов). Я постарался в первую очередь отомстить помещику и уничтожил его. Уничтожив помещика и его живой и мертвый инвентарь, я принял за организацию партизанского отряда из 21 всадника (часть на седлах, часть без седел, часть вооруженных, часть невооруженных)..." (Д. 3. Л. 3.). В 1918 г. он стал членом РКП(б).

Будучи комдивом в 1-й Конной, Апанасенко наряду с С.М. Буденным, К.Е. Ворошиловым, С.К. Тимошенко, Е.А. Щаденко считался одним из создателей конармии. Принадлежность к этой когорте красных командиров, приближенных к Сталину, видимо, помогла ему избежать участи других советских военачальников. О личном отношении Апанасенко к Сталину свидетельствует текст телеграммы, отправленной им генсеку к его 60-летию в декабре 1939 г.: "От души коммуниста, боевого командира поздравляю своего отца, лично воспитавшего меня от батрака до командарма..." (Д. 58. л. 14).

К тому времени Иосиф Родионович уже закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и занимал пост командующего Среднеазиатским военным округом (САВО).

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 40; Лысенко А.Я. Иосиф Апанасенко. Ставрополь, 1987.

² Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф. 3151 (И.Р. Апанасенко). Оп. 1. Далее ссылки на него даны в тексте без указания номера фонда.

1941 год ознаменовался для Апанасенко назначением командующим Дальневосточным фронтом и присвоением звания генерала армии, в феврале того же года на XVIII партконференции он был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В должности командующего войсками Дальневосточного фронта, находившегося в боевой готовности и противостоявшего Квантунской армии, Иосифа Родионовича застала Великая Отечественная война. Под его руководством на самых суровых этапах войны (во время битвы за Москву и летом 1942 г.) осуществлялась переброска отборных дальневосточных частей на запад, на советско-германский фронт. Как следует из публикуемого дневника, в первом случае он даже проявил инициативу. Именно этим сюжетам посвящены публикуемые ниже его дневниковые записи 1941–1942 г. из личного фонда генерала (Д. 56).

Личный фонд Апанасенко (Д. 131, 1918–1943 гг.) был передан в ЦМАМ его родственникам в 1991 г. В фонде преобладают документы 1930-х годов – воспоминания и статьи фондообразователя о гражданской войне и его довольно обширная переписка с командирами РККА различных рангов, партработниками, писателями, родственниками, односельчанами и т.д., среди них письма от К.Е. Ворошилова, В.В. Вишневского, Р.Я. Малиновского (Д. 61, 68, 89). Документов военной поры (преимущественно письма, телеграммы, фотографии) значительно меньше. В их числе – общая тетрадь в красном переплете с выгравированной на обложке под золото надписью: "КОМ. ВОЙСКАМИ И.Р. АПАНАСЕНКО". В тетради всего четыре страницы дневниковых записей, автором не датированных. По содержанию текста можно определить, что первая запись (примерно 2,5 с.), посвященная поездке Апанасенко в Москву на несостоявшийся пленум ЦК, сделана по горячим следам в октябре–ноябре 1941 г. Вторая запись (незаконченная, 1,5 с.), посвященная переброске войск с Дальневосточного фронта после прорыва гитлеровских войск на южном направлении в июле 1942 г. и потере Керченского и Севастопольского плацдармов, сделана не ранее осени 1942 г. и другими чернилами. В публикации сохранены особенности стиля, орфографии и пунктуации оригинала.

Следует отметить, что в фонде имеется письмо к Апанасенко от командира 9-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А.П. Белобородова (бывшая 78 стрелковая дивизия, передислоцированная с Дальнего Востока) об успешных действиях ее бойцов и командиров на Волоколамском направлении под Москвой в ноябре 1941 – январе 1942 г. с извещением о посылке бывшему командиру трофейного парабеллума, захваченного в боях под Истрой (Д. 100. Л. 1–4).

В июне 1943 г. многочисленные просьбы И.Р. Апанасенко об отправке его в действующую армию были удовлетворены: он был назначен заместителем командующего Воронежским фронтом. Сохранилась записка, написанная им 16 июля 1943 г. красным карандашом на вырванном из блокнота листе:

"Я – старый солдат русского народа. 4 года войны Первой империалистической, 3 года гражданской – семь лет. И сейчас на мою долю и счастье война выпало воевать, защищать Родину. По натуре хочу быть всегда впереди. Если мне будет суждено погибнуть: прошу хоть на костре сжечь, а пепел похоронить в Ставрополе н[а] К[авказе].

Апанасенко" (Д. 60. Л. 1).

Воевал Иосиф Родионович недолго. В боях на Курской дуге получил смертельное ранение и скончался в Белгороде 5 августа 1943 г.

А.А. Кац

**Дневниковые записи
генерала армии И.Р. Апанасенко**

1. 5 октября 1941 [г.] на самолете Дуглас – летчик майор Бронза – я с группой членов и кандидатов в члены ЦК вылетел из Хабаровска в Москву на пленум ЦК. В Москве мы должны быть 10 октября.

Расстояние 10000 км., а время только пять дней, быть надо в Москве вовремя.

Летал на самолетах я мало – но чувствовал себя очень хорошо хотя маршрут 10 тыс. км. До Читы я летел 7 ч. 20 м., что было утомительно. Но в Чите, поужинав у командующего Забайкальского военного округа ген[ерал] – л[ейтенанта] Ковалева¹, я был в театре.

6.X. Продолжал полет. Я в Новосибирске. Правда, уже был вечер. Там тоже, как и у Читы, нас принял командующий Сибирским военным округом ген[ерал] – л[ейтенант] Медведев², старый кавалерист. Очень хорошо мы отдыхали и 7.X – 41 были в Омске. В самолете отвратительно чувствовали до потери сознания секретарь Приморского крайкома Пегов³ и член В[оенного] С[овета] Т[ихо] о[кеанского] Ф[лота] Захаров⁴. Они были пассажиры "трупы".

Тяжело даже смотреть на людей, которые потеряли чувство и облик человека. Перелет сложный, большой, до Москвы 10 тыс. км. Они были преодолены и я в 9.00 10.X – 41 года в Москве. Москва совсем не та, когда было мирно. Она была суровой, но целой совсем – людей [в] служебное время было мало на улицах. Все лодыри уехали, а остальное служило. В магазинах уже все было по карточкам, но солидный паек. Ни вина, ни водки достать было невозможно – все закрыто – очень было хорошо. Пьяного на улицах не увидишь. В общем Москва была театром войны и самым диким соблазном для пр[отивни]ка бандита Гитлера. Он, Гитлер, направил 50 дивизий своих подлецов зверей, чтобы взять красавицу Москву и поставить на колени – сделать рабом великий русский народ – это [в] 1941 году. В Кремле в это же время великий полководец Сталин готовил – подтягивал резервы, готовил битву за Москву. 10.X. [19]41 было объявлено всем приехавшим членам ЦК, что Пленум ЦК не состоится ввиду того, что противник прорвал наши фронты и теснит Р.К.К.А. Решение верно и своевременно. Надо вести войну, не заседать. Все ожидали, что авось хотя на 1 час созовут и скажут положение на фронтах. Настроение было уныло. Вели разговор секретари⁵, что много было излишне демократизма, заседаний, совещаний. Мало занимались оборонной работой, вот тепер[ь] приходится излишне нести потери и потерять временно большое хозяйство – Украину, Белоруссию, Прибалтику. Но все буквально поняли, что сейчас не разговоры нужны, а дело, и все силы и средства надо отдать обороне, чтобы разгромить гитлеровских зверей, которые так жадно и дико напали на Родину. В тот же день 10.X. – я позвонил прямо товарищу Сталину и просил его принять меня с докладом. Я – издалека и к тому же продумал и решил из дальнего^{1*} восточных армий восемь дивизий, из них три танковых. Сталин сказал, что он примет меня днем 12.X⁶ и со мной дальневосточников – Баркова⁷, Пегова, Юмашева⁸ и Захарова. Я решил ждать и быть у Верховного вождя страны. Обстановка все больше и больше была напряжена^{2*}.

Работой занят так, что не могу описать того, что давно хотелось написать.

Итак, Москва под угрозой. Все замерли, следя, как разбойничья армия Гитлера рвется по великой стране СССР и главное на Ленинград и Москву. Сталин из Москвы командует и бодрит всю страну. Итак, я предложил тов.

^{1*} Так в тексте. По смыслу следует "дальневосточных".

^{2*} Далее идет более поздний текст.

Сталину при самой напряженной обстановке на Дальнем Востоке – японцы готовят войну против нас – послать на запад пять дивизий стрелковых и две танковых – дивизии на марше в поездах пришли под Москву.

Я выехал [к] месту службы, встречал своих славных воинов, идущих с песнями под Москву. [В] промежутке я посылал сотни тысяч маршевых войск – до ка-в[алерийского] полка включительно. Усердно и усиленно после отправления взялся за формирование и учебу новых молодых дивизий из своего же к[ом]с[остава] Д[альне]В[осточного] ф[ронта]. Формировал, крепко учил – дивизии^{3*}, бригады и армии – всюду был сам, поднимал настроение.

Вдруг в июле 1942 года на западе наши генералы пропустили сосредоточение немцев – на юге прорыв – мне приказано сразу отдать – отправить при напряженной обстановке на Дальнем Востоке 11 стрелковых дивизий. Это две хороших армии. Я был доволен, а в то же время страшно расстроен, а чем я буду защищать [фронт] в случае нападения Японии? Я лично просил ехать на запад командовать своими же войсками, но и тут мне было отказано – нельзя вас брать т[ак] к[ак] можно создать тяжелую обстановку для Дальнего Востока: взяли войска и взять командующего сразу невозможно, да и к тому [же] вы изучили театр.

Подумал коротко, как старый кавалерист принялся за новые формирования. Это уже третий раз – по большой партии: заложил одиннадцать стр[елковых] бригад, из них четыре по 6000 тыс. чел[овек].

Бригады созданы и участвовали в осен[н]их армейских учениях 1942 года. Штаб фронта стал очень оперативен [и] поворотлив – выполнял мои приказы и указания только будучи в войсках. Так как учил я штаб таким, он оперативным и стал. Снова своими новыми формированиями поднял настроение у Военных Советов армий, командиров корпусов, дивизий, было настроение, что мы остались ни с чем. Стало и самому легче дышать и работать – учить и еще учить. Одновременно впервые стали брать на запад и моряков. 100 тысяч из Т[ихо] о[кеанского] ф[лота]⁹ и 4–5 А[мурский] К[раснознаменной] Ф[лотилии]. Моряки пали духом. Еду сам поднимать настроение, что дам вам пополнение и т.д. и тут мне хорошо удалось...^{4*}

ЦМАМ. Ф. 3151. Оп. 1. Д. 56. Л. 1 – 4. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ковалев Михаил Прокофьевич (1897–1967), советский военачальник, ген.-полк. (1943), с июня 1941 г. – командующий войсками Забайкальского военного округа (впоследствии фронта), с 1949 г. – Ленинградского военного округа, с 1955 г. – в запасе.

² Медведев Никифор Васильевич (1888–1973), советский военачальник, ген.-лейтенант (1940), с апреля 1941 г. зам., с января 1942 по апр. 1944 г. – командующий войсками Сибирского военного округа, в 1944–1945 гг. в действующей армии в составе 1-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов.

³ Пегов Николай Михайлович (р. 1905), советский партийный и государственный деятель, в 1938–1947 гг. 1-й секретарь, Приморского крайкома ВКП(б), в 1952–1953 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1953–1982 гг. – на различных государственных, дипломатических и партийных постах.

⁴ Захаров Семен Егорович (1906–1986), политработник ВМФ, адмирал (1966), с марта 1939 г. член Военного Совета Тихоокеанского флота, в 1950–1953 гг. начальник главного политуправления ВМФ.

⁵ Видимо, речь идет о секретарях обкомов и крайкомов ВКП(б) и республиканских ЦК.

⁶ Судя по журналу посещений И.В. Сталина, Апанасенко был принят им 12/X–1941 г. в 15⁴⁰–17⁴⁰. См.: Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генеральный штаб. Тверь, 1995. С. 261.

^{3*} Далее 1 слово неразборчиво, предположительно "УР" (укрепрайоны) либо "стрел[ковые]".

^{4*} На этом рукопись обрывается.

- ⁷ Барков (в дневнике описки, правильно Борков) Г.А. (1905–1983), советский партийный деятель, член ЦК КПСС в 1939–1956 гг., в годы Великой Отечественной войны первый секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б). См.: СИЭ. Т. 7. Статья "КПСС".
- ⁸ Юмашев Иван Степанович (1895–1972), советский военачальник, адмирал (1949), герой Советского Союза (1945), в 1939–1947 гг. – командующий Тихоокеанским флотом, в 1947–1951 гг. – главком ВМС и военно-морской министр.
- ⁹ За время Великой Отечественной войны из состава тихоокеанского флота на Северный флот было переведено 6 боевых кораблей и 5 подлодок, свыше 140 тыс. моряков-тихоокеанцев сражались на фронте. См.: Морской энцикл. словарь. СПб., 1994. Т. 3. С. 260.

ПЕРВАЯ ЗИМА БЛОКАДЫ

(дневник ленинградца П.В. Клушанцева)

Павел Владимирович Клушанцев родился в 1910 г. в Петербурге. Отец его был врачом. До революции мальчик жил в основном в Царском Селе. Его детство прошло в аллеях Царского, в зеленых улочках вблизи вокзала. Учился Павел Клушанцев в школе К.И. Мая на 14-й линии Васильевского острова, его матери удалось получить работу в этой знаменитой школе. Возможно, именно под влиянием такой школы в мальчике пробудилась необычайная тяга ко всякого рода конструированию и изобретательству. Как ребенку из дворянской семьи, путь в институт или университет ему был закрыт. Павел поступил в фотокинотехникум, в 1930 г. закончил его по специальности кинооператора.

До середины 70-х годов Павел Клушанцев работал в отечественном кинематографе как специалист по комбинированным съемкам, инженер-конструктор, мультипликатор, оператор, режиссер-постановщик. Клушанцев вошел в историю советского кино как один из родоначальников научно-фантастического кинематографа. Ему присвоено звание заслуженного деятеля искусств. Фрагменты его фильмов до сих пор служат учебным пособием для голливудской киношколы. В 1994 г. журнал "Американский кинематографист" в двух номерах опубликовал статью "Клушанцев – российский мастер фантастики". В 1938 г. он организовал на "Ленфильме" мастерскую комбинированных съемок. С 1942 по 1945 г. Клушанцев снимал военно-учебные фильмы в Новосибирске.

Переломным годом его жизни был 1941 г. Начало войны семья Клушанцевых встретила в Ленинграде. С первых ее дней Павел Владимирович возобновил ведение дневника, записи которого он вел с 1925 г., но в 1938 г. прекратил, опасаясь ареста. А такое могло случиться – Клушанцев написал письмо А.А. Жданову, вступившись за безвинно арестованного оператора Ожигина. Оператор после этого письма был "показательно" освобожден. Жданов, очевидно, хотел этим фактом доказать людям, что аресты не безрассудны, а если ошибки случаются, то партия их тут же исправляет. Ожигин вскоре умер от перенесенных потрясений, а Клушанцев еще долгие годы прислушивался по ночам к шуму лифта. Именно опасением за семью, за близких и друзей можно объяснить и такое позднее появление на свет блокадного дневника Клушанцева.

Крошечный блокнот, помещавшийся в нагрудном кармане рубашки, стал для Клушанцева сначала отдушиной в тяжелые дни, потом черным "камнем", напоминанием об ужасных днях и одновременно представлял собой сокровенную тайну. Только в конце 80-х годов, начиная слепнуть, Павел Владимирович понял, что пора заняться дневником. Карандашные беглые записи, сделанные почти бисерным почерком, стали выплывать, и никто, кроме самого автора, не мог бы их достоверно расшифровать.

Работа по расшифровке и комментированию собственного дневника растянулась для Клушанцева на несколько лет. Увы, только эту, блокадную часть ему удалось расшифровать, прокомментировать и отпечатать на пишущей машинке. Остальные тетради дневника остались в рукописи. Впрочем, будем благодарны Павлу Владимировичу, ныне совсем ослепшему, за то, что остатки зрения он отдал подготовке самой трагической страницы своего дневника – блокадной.

Текст блокадного дневника Клушанцева публикуется по машинописной копии, представленной автором. Большинство комментариев принадлежат П.В. Клушанцеву, отдельные подготовлены редколлегией АЕ. Небольшие фрагменты дневника опубликованы в моем очерке о П.В. Клушанцеве (Комс. правда. 1995. 26 сент.).

Архив П.В. Клушанцева не исчерпывается публикуемым дневником. Некоторое представление об этом архиве дает письмо, полученное мной от Павла Владимировича: "Мои дневники содержат разный материал. В основном – это личная жизнь и работа в кинематографии. Политика, идеология, положение в стране – только фон, на котором мы жили, и это не более 10% материала, причем кусками, отрывками... Мои дневники плюс документы составляют примерно 30 папок листов (машинописных. – Д.Ш.) по 100–150 в каждой. Кроме дневников и большого фотоархива, у меня хранится много записей моих бесед с крупными учеными по проблемам поиска разума во Вселенной.

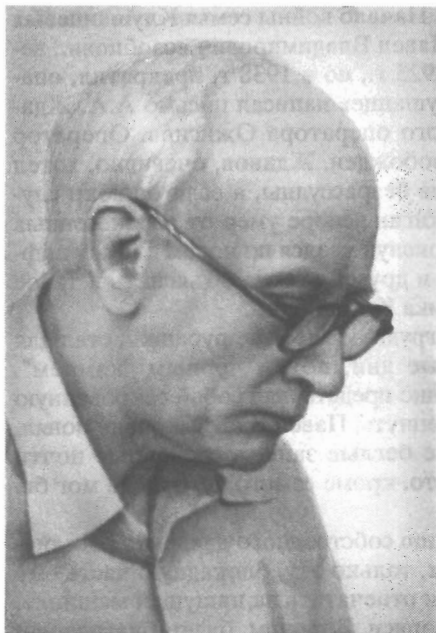
Очень многое из прошлого не записано, но может быть рассказано мной – начиная с 1914 года..."

Архив П.В. Клушанцева, старого петербуржца и выдающегося деятеля отечественного кинематографа, ждет не только своего внимательного исследователя, но и хранителя. Павел Владимирович очень волнуется за судьбу своего обширного и бесспорно во многих отношениях уникального архива.

Д.Г. Шеваров

Первая зима блокады

Предисловие

П.В. Клушанцев

Я, Клушанцев Павел Владимирович, родился в 1910 г. в Петербурге, в семье врача Клушанцева Владимира Михайловича. В 1926 г. окончил школу, в 1930 – Ленинградский фотокинетехникум, получив специальность кинооператора. Работал в Ленинграде по этой специальности, сперва на киностудии Белгоскино, потом, до войны, на студии Техфильм. В 1939 г. стал оператором высшей категории. До войны снимал в основном военно-учебные фильмы. Жена – Надежда Александровна, художник-мультипликатор, работала с 1934 г. на той же студии, что и я. Наша дочь Жанна родилась в 1936 г., к началу войны ей было 5 лет.

Дневник писался во время блокады, карандашом в маленькой карманной записной книжке микроскопическими буквами. От времени они почти совсем выцвели. Поэтому в 1993–1994 гг. пришлось дневник "расшифровывать" и сделать отпечатанный на машинке дубликат, который точно соответствует оригиналу.

Война началась 22 июня 1941 г., а дневник я стал вести только 17 сентября и закончил днем эвакуации – 28 февраля 1942 г. Так что предшествующий период

и трудную дорогу в тыл пришлось кратко описать по памяти. Разбивка текста на главы и их названия даны мною в 1994 г. После ряда записей следуют дополнения, написанные сегодня. Дневник снабжен примечаниями по памяти.

Дневник я вел для себя, совершенно не предполагая, что его кто-либо будет читать. Поэтому в нем много откровений, личных мнений и деталей жизни, которые устно я бы, вероятно, тогда никому не высказал. Не только от нежелания рисовать себя перед другими в невыгодном свете, но и потому, что это иногда не соответствовало общепринятому мнению и официальной, "государственной" точке зрения. Я мог сейчас выбросить "невыгодные" для меня места, но не сделал этого, так как считаю, что это лишит дневник истинности. Пусть будет вся правда. В полном виде дневник может принести больше пользы писателям и историкам, а может быть и режиссерам, если они снизойдут до прочтения этого "труда".

Поскольку дневник не предназначался для чтения другими, в нем упоминаются имена, фамилии, названия учреждений, детали быта, которые будут непонятны читателю. Этот недостаток я компенсирую, давая к записям дневника пояснения и дополнения, написанные в 1993 г.

Дневник ни в коем случае не претендует на описание блокады в целом. В нем нет ни показа героизма военных на фронтах, ни измученности работающих на заводах. В нем лишь рассказ о жизни одной семьи. Блокада же – явление многогранное, мой дневник рисует лишь одну, маленькую грань этой трагедии.

Дневник безусловно субъективен. Но я вообще не верю в возможность объективного отражения блокады. И дело не только в многогранности этого явления и не только в различии людей, дающих о ней информацию. Можно собрать много субъективных рассказов, но этого мало, чтобы объективно описать блокаду. Просто потому, что объединять материал будет конкретный человек, а он, как все люди, имеет свою точку зрения, на которую, кстати, еще давят и общественное мнение, и принятая в государстве идеология. Поэтому и этот "сборник" будет субъективным. Я все же считаю, что сам факт разноточности в такой гряде информации полезен. Он вызовет хотя бы ощущение, осознание сложности, масштабности и трагичности блокады.

Итак, я решил опубликовать дневник, чтобы дать свою "грань" в создании "многогранного" представления о блокаде. Приведу еще два довода в пользу опубликования.

Первое. Дневник резко отличается от воспоминаний. "Большое видится издалека" – не всегда верно. Воспоминания пишутся уже не тем человеком, который "это" пережил, а тем, каким человек стал через много лет. Отсюда усиление одних сторон, ослабление других. Скажется и влияние сегодняшнего окружения, и новые "тенденции мышления". Дневник же является *документом*, родившимся тогда, когда все это происходило. Он подобен фотографии, зафиксировавшей момент истории. Мне кажется, что именно *документальность* дневника является главным преимуществом перед воспоминаниями и подталкивает меня на его опубликование.

Блокада длилась почти три года. Мною описаны только первые шесть месяцев. Я вынужден был покинуть мой родной город потому, что вопрос стоял так – смерть или эвакуация. Я выбрал второе, чтобы выжить и сделать хоть что-то полезное людям. Но те шесть месяцев, которые я прожил в Ленинграде, были в блокаде самыми тяжелыми... Дальше, сначала чуть заметно, потом все быстрее, началось улучшение жизни в городе. Если для первой зимы были характерны пессимизм, отчаяние, безысходность, ожидание смерти, то позже начали появляться основания для оптимизма, вера в победу, в реальную возможность выжить. Существует достаточно много описаний этого периода возрождения Ленинграда. Их бодрый и оптимистический тон уравновесит грустный,

скучный, нудный тон моих записей. Суммируя их, можно будет более полно представить себе блокаду в целом.

Еще одно соображение подталкивает меня. К сожалению, сегодня блокадники являются для молодых и для тех, кто не жил тогда в нашем городе, какими-то раздражающими стариками, всюду болтающимися под ногами, мешающими и в транспорте, и в очереди, и просто на людной улице, и почему-то не уходящими на тот свет, куда им давно пора уйти. Может быть, если кто-то из них все же "снизойдет" и прочтет мой дневник, то хотя бы немного подумает и измислит свое отношение к нам, "блокадникам". Нас уже немного. Мы – живая история, а не зная истории, не уважая ее, нельзя строить будущее.

Глава 1. Война началась

22 июня 1941 г. я находился в Москве, в командировке. Ходил по ВДНХ. Солнечный теплый день. Люди нарядно одетые, веселые. И вдруг, совершенно неожиданно, часов в 12 дня из репродукторов на столбах раздалось – напал враг! Наши пограничные воинские части героически сопротивляются. Вражеские самолеты бомбят несколько городов (помню только Минск, кажется Одесса, остальные забыл). Первая реакция – скорее домой, в Ленинград. Помчался в гостиницу, схватил вещи и на вокзал. У касс толпы народа. Все же билет достал и утром следующего дня был дома.

Жили мы тогда не в самом Ленинграде, а в Детском селе (бывшем Царском селе, а теперь Пушкине). Мы переехали туда из Ленинграда в 1938 г., ради чистого воздуха, так как Надя, моя жена, заболела туберкулезом, да и ребенку (дочь Жанна – 5 лет) лучше было быть на свежем воздухе. Из Детского села ежедневно мы ездили поездом в Ленинград, на работу. Наш дом в Детском селе был вблизи вокзала, на ул. Жуковского.

Жизнь осложнилась. Поезда ходили переполненные. Их стало меньше, а пассажиров больше. Не всегда удавалось втиснуться внутрь вагона. Но если и удавалось, приходилось стоять. Сидеть никому не разрешали, сидящих заставляли вставать, чтобы стоящим было больше места. Стояли не только между скамейками, но и на самих скамейках. Если же втиснуться в вагон не удавалось, то ехали на подножках вагонов, на жиденьком мостике между вагонами и даже на буферах, стоя одной ногой на буфере одного вагона, а другой – на буфере другого. Мне пришлось освоить все эти варианты, благо был молод – 31 год.

Мужчин мобилизовали. Я тоже получил повестку. Простился с матерью, женой и дочерью. "С ложкой и кружкой" явился в военкомат. Там сидели, стояли, ходили десятки таких, как я. Все молчаливые, озабоченные, грустные. Вызывали по фамилиям, отправляли во двор, выстраивали и куда-то уводили. Я разговаривал с соседом. Он оказался тоже киношник, не то документалист, не то киновед или сценарист, не помню. Мы с ним решили, если вызовут вместе, предложим организовать при своей воинской части киностудию для фиксации всей жизни части. Просидели до конца дня. Нас не вызвали, отпустили до завтра. Придя домой, я сразу позвонил на студию и сообщил секретарше, что меня "забирают", и надо сказать об этом директору. Очевидно, Хмельницкий (тогда, кажется, заместитель директора) куда-то позвонил. Мне сообщили, чтобы я завтра шел не на призывной пункт, а в военкомат. Я пошел. Там сказали, что я буду в запасе, младшим лейтенантом какой-либо технической специальности. Дали выбрать по справочнику. Я сказал: "фотография, фотолаборатория". Так и записали в военном билете. Отпустили. Хмельницкий знал, что я в военкомате числюсь как "неполноценный", поскольку в возрасте 16–25 лет болел костным туберкулезом и поэтому в свое время не был призван на военную службу. Хмельницкий высоко ценил меня как специалиста, при этом в основном рабо-

тавшего на "оборонку" – снимал военно-учебные фильмы. Очевидно, это и побудило его постараться освободить меня от призыва в армию. Видимо, он считал, что в тылу я принесу больше пользы, чем на фронте.

Моя реакция была неоднозначной. Было и стыдно, в такой момент нашей истории не пойти воевать. И в то же время радостно, что стало больше шансов выжить и проявить свои способности. Меня успокаивало, что так получилось не по моей просьбе. Так решило начальство.

На студии все изменилось. Всех молодых и здоровых женщин и не взятых в армию мужчин отправляли за город, в сторону Луги, копать противотанковые рвы. Меня освободили по состоянию здоровья, как неполноценного. Подобно Ленфильму, наша студия собиралась в эвакуацию. Мне поручили готовить ящики и паковать все имущество моего детища – отдела комбинированных съемок. Этим я поначалу и занимался.

Немцы очень быстро продвигались в нашу сторону. Стало ясно, что из Детского села надо перебираться в Ленинград, к родственникам. Мы с Надей стали по дороге на работу понемногу перевозить к надиной тетке самое важное – одежду, документы, фотографии, наиболее ценные и необходимые предметы быта. Надо было перевозить, наконец, и мою мать, и нашу дочь. Но в связи с перегрузкой транспорта была введена в действие система пропусков. В поезд пускали только работающих в Ленинграде. Членов семей не пускали, говорили, когда надо будет – вам скажут. Не паникуйте. Мы все же тайком, вечером, в темноте, воспользовавшись давкой при входе в вагон, протолкнули перед собой обеих. Квартиру заперли. Там осталось почти все: мебель, постели, посуда, библиотека, много одежды и разных мелочей. Выехали и соседи. Дом опустел.

В Ленинграде началась эвакуация матерей с малолетними детьми. Надю уволили, занесли ее с Жанной в список, назначили день выезда, номер поезда, вагона. Но... немцы перерезали последние железные дороги, по которым еще можно было уехать. Началась блокада. Обратного на студию Надю уже не приняли. Они с дочкой остались у тетки. Мать моя устроилась у своего брата. Он вскоре умер, и мать продолжала жить с его женой. Все вместе мы уже ни в той, ни в другой квартире не помещались.

В Ленинграде я участвовал в создании фильма "Борьба с фугасными бомбами". Делал для этого фильма кадры с домами, как бы разрушенными бомбами, которых тогда еще в городе не было, и надо было показать населению, как это будет выглядеть и что делать "до" и "после".

На студии, как и всюду, заработала система гражданской местной противовоздушной обороны (МПВО). Я был назначен начальником службы наблюдения и связи. На крыше студии построили вышку для наблюдения. Оттуда был виден весь Ленинград. Поднимались туда через большое ателье, по лесенке на потолок.

Глава 2. Блокада

В первой военной записи 17.IX.41 описана обстановка с начала войны до 17 сентября.

17.IX.41.

...Подъем патриотизма, мобилизация, полная вера в победу. Жадное чтение газет.

Шитье мешков¹. Заклейка окон². Строительство убежищ, щелей, разгрузка чердаков³. Организация команд МПВО. Начались земляные работы, сперва на окраинах города, потом в отъезд. Организация этого дела на студии. Первая

эвакуация детей, ее организация, переживание матерей. Стабилизация фронта, полная вера в скорое контрнаступление.

Перелом. Начало наступления немцев. Лаконичные сводки, слухи, разговоры, очевидцы.

Карточки (с 18.VIII?). Забивка окон. Вторая эвакуация, эшелоны, организация этого дела. Бомбежки, проскакивание [между ними], окружение Ленинграда, Гатчина, Колпино, Ивановская, Красное село, Пушкин.

Бомбежка Л[енингра]да, впечатления [от] обстрела. Беженцы из пригородов, переселения внутри Л[енингра]да. Постепенное привыкание к тревогам. Слухи, рассказы, немецкие листовки, немецкое обращение с пленными копателями и мирным населением.

Копка⁴ – целая эпопея. Организация, жизнь, работа. Драмы, комедии. Немецкие самолеты над нами. Бессмысленность, ошибки.

Команды МПВО, быт, дежурство, состав, дисциплина.

Сжигание документов.

Упаковка аппаратуры, эвакуация учреждений и заводов⁵. Работа учреждений, советов, милиции, вопросы прописки и пр.

Ополчение, обучение на предприятиях женщин и негодных [к военной службе. – П.К.], добровольцы, ставки [так в тексте. – Ред.].

20.IX.41.

14.IX с утра поехали с Надей в Пушкин, с надеждой купить там в деревне картошки. Приехали туда благополучно. Слышна совсем рядом арт[иллерийская] перестрелка. Много военных и снующих военных машин. Пошли в Новую деревню. Летит немец, добежали до "щели" на огороде. Слышали взрывы у вокзала. Не нашли картошки, пошли домой. Стали в очередь у лотка, опять немец, разбежались. Бомбил станцию. Стали опять в очередь. Опять прилетел. Плонули на картошку, добрались перебежками до дома и до ночи сидели то в подвале, то в убежище. Все время рядом бомбили. Ближайшие воронки 15–20 м от нас. Ночевали в убежище. Ночью было тихо. Поезда сутки не ходили. Многие идут из Павловска и из Детского [села] в Ленинград с вещами пешком.

Утром пути починили, пошел поезд. У Шушар обстреляли. Нагибались к полу. Снаряды рвались метрах в 50 от поезда.

17.IX Матусов⁶ приехал из Шушар (?), заявил, что Пушкин сдан немцам. Вечером эти слухи опроверглись. Военкомат Пушкина перебрался в Ленинград, как мне сказали в военкомате Дзержинского района, где я стал на учет сегодня.

18.IX.41. Одна группа поехала в Мурзинку (?), другие во дворе перетаскивают что-то по производству. Ночью видели пожары в стороне Пушкина. Вечером было роскошное северное сияние. Днем в центре города взорвалось много снарядов, на одной улице Желябова 7 снарядов. Многие безвыходно сидят в убежищах.

19.IX.41. Погода холодная, ветреная, но ясная. С утра начались тревоги⁷, много самолетов бомбили Новую деревню, потом еще где-то, а к концу дня прилетели к нам в Володарский район⁸. Бомбили кругом студии. Я был на вышке.

Утром [20.IX.] узнали, что сильно пострадал центр города. Это первая бомбежка днем. До сих пор жилые районы не бомбились. Кроме того, эти бомбежки были интенсивнее предыдущих. Город разрушается, люди гибнут. Впрочем много неразорвавшихся было. На днях вышел закон о всеобщем военном обучении. На студии вербуют добровольцев. Вечером немцы летали опять, но как будто особенно не бомбили.

Все частные телефоны выключены, позвонить домой после бомбежки нельзя. По слухам, против моего дома разряжают неразорвавшуюся бомбу. Ходят слухи про приближение армии Кулика⁹ и про клин, вбиваемый под руководством Уэвелла [Так в тексте. – П.К.] на Минск.

Добавление к записи 20.IX.41.

Хочу добавить к описанию нашей с Надей поездки в Детское село одну весьма важную деталь. Когда во время небольшого затишья мы добежали до вокзала, там стоял поезд с дымящим паровозом, готовый ехать. Но вокзал был пуст. Не было ни одного человека из персонала вокзала. Вокзал пуст, брошен. Все вокзальные работники, оказывается, уже тихо "смылись". Мы еле успели вскочить в вагон, как машинист, выглянув и увидев, что больше уже никто не бежит к поезду, дал свисток и поехал.

Выяснилось, что тихо "смылась" и вся городская власть, включая даже милицию. Спасли себя, забыв про обещанное – "когда нужно будет уезжать, вам скажут".

Перед войной в Детском селе проживало 90 тыс. человек. Только 30 тыс. из них, те, что "паниковали", успели понемногу перебраться в Ленинград. А те 60 тыс., что поверили властям и сидели, ожидая команды, остались и попали к немцам, были потом все вывезены в Германию и больше уже не возвратились. Говорили, что подобное совершилось и в Гатчине, а возможно и в других пригородах Ленинграда. Что это? Предательство? Эгоизм? Халатность? Глупость? Не знаю. Но мы получили хороший урок.

22.IX.41.

Официально объявлено о сдаче Киева. 3 месяца войны закончено.

23.IX.41.

Погода, как назло, все ясная. Сегодня безоблачно: тревоги одна за другой, но видны только одиночные самолеты над окраинами, небольшие зенитные бои и зенитные обстрелы. Где армия Кулика?

Хмельницкого взяли в армию. Настроение упало. Матусов закрывает студию. Тоска. Разговоры о прошлом, о мистике, о том, что может быть и что лучше. Невероятная потребность все время есть и спать. Водоворот, ощущение, что сам ничего не можешь сделать, чтобы изменить ход событий. Что будет? Однако все острым, шутим. Последние дни не бомбят. По-прежнему ничего не знаем. Где сейчас немцы? Что сейчас Детское село? По линии производства почти ничего не делаем. Говорят о предстоящей прибавке хлеба по карточкам.

24.IX.41.

Вчера было рекордное количество тревог – 12, до сих пор было не выше 8–11.

25.IX.41.

Спали спокойно, и день прошел спокойно. Пасмурно. Сейчас наши самолеты патрулируют и до тревоги, а то всегда бывало так, сперва немцы, потом обстрел, потом тревога, потом пусто, затем появляются наши самолеты, после чего минут через 10 – отбой.

Зенитки вообще вызывают возмущение своей неэффективностью. Записывали на картошку, не достали. Сегодня давали в счет весеннего аванса морковку по 2½ кило. В столовой кормят прилично. Супы чечевичный, макаронный, котлеты, каша манная, невкусно сделано и с ужасным маслом (машинным, как его называют).

Вайнштейн и Галкин наводят порядок, номерки, расписание. Стали тратить на обед всего час. Впрочем, придя на студию, мы прежде всего идем в столовую и, уходя, заходим. Чтобы дома не съесть дефицитные продукты. Сокращенные некоторые ходят обедать на студию.

О Детском селе ничего не знаю. Где немцы? Где Кулик? Говорят, что открылась дорога на Москву, но не похоже. На улицах очереди. Ни базаров, ни спекулянтов, ни коммерческой продажи нет. Осада. Немцы бомбят госпитали и скопления войск, а они всюду. Ракеты и ночная световая сигнализация всех видов, в полном ходу. "Красные маяки", зеленые шары, ракеты на парашютах, фары, окна и т.д.

По утрам город считает "раны". Приехавших на работу спрашивают: "Ну как у вас?"

Наш штаб готовит себе помещение в подвале. Цеха тоже перебираются пониже. У пожилых людей стали встречаться "психи" (боятся ходить). Иногда вновь повторяется обстрел центра города и окраин артиллерией. Все чаще слышишь "любой конец, только бы скорее". Впрочем, шутят много. Стало хватать денег, их не на что тратить. Все жалуются на бешеный аппетит.

Работа не клеится. Усталость и сознание неопределенности. На улицах все больше разбитых стекол в окнах, заделанных фанерой и чем попало, и все больше заборов, огораживающих развалины. Дороги заделывают быстро, дома зияют. Появилось слово "самооткапывание", "самооткапавшийся", т.е. сам вылезший из-под развалин.

Многие зашивают вещи в мешок, чтобы они хранились, не рассыпаясь. Многие рассредоточивают по знакомым. Многие таскают с собой в подвалы, многие переезжают к знакомым "в менее опасный район". Многие живут в убежищах, не выходя (жена Чечулина).

27.IX.41.

Последние дни все "ОЖС" и, особенно, "ОВО" ("ОВР"?¹⁰) сводились к тому, что немцев отодвинули повсюду под Л[енингра]дом. Однако случаи артиллерийского обстрела мелкими снарядами продолжаются. Налеты ежедневные, но бомбежки не особенно сильные, ограничиваются каким-либо одним районом. Сегодня "ОВР" было даже о переговорах с Германией о мире. Малоправдоподобно.

Столовая пуста, тарелки накрыты. Это команды убежали на посты. Тревога.

Ночь. Сирена. Спим одетые. Жанна "лягается". Быстро валенки, пальто и через две минуты вниз. Холодно. Дрожь.

Темно, тихо. Потом медленно нарастает гул. Точно самолет висит над головой, не уходя. Его не видно.

При первых выстрелах зениток сотни голубей тучей взлетают с мельницы. Один предприимчивый дежурный на крыше мельницы, во время тихой тревоги ловит голубей в западню.

Скучная картина – воздушный бой. Кружат, кружат, как комары, снятые рапидом¹¹.

Некоторые утверждают, что научились различать выстрелы от разрывов и наши истребители типа И-200 от мессершмиттов. Не верю. Я не умею различать.

Заколачивают окна в домах и на предприятиях. Зимние рамы вынул. Темно, холодно.

Из-за тревог куда-то вечером нельзя сходить. Да и усталость. 36 часов в пальто иногда приходится быть. В садах мелкими группами учат военных. Во дворах и садах разбиты крас[о]армейские кухни, ремонтные мастерские и т.д. Обмундирование не стандартное.

30.IX.41.

Сегодня был на перерегистрации подлежащих обяза[тельному] всеобщему военному обучению. Записали. Сказали ждать повестки.

28-го, в день моего дежурства, была сильная ночная бомбежка. Я был на вышке. Началось сразу с наступлением темноты, в полдевятого вечера. Ночь тихая, ясная, молодая луна. Монотонный с подвыванием, очень слабый шум моторов, короткие удары зениток, вспышки выстрелов. Самолетов, конечно, не видно, хотя несколько прожекторов и шарят по небу. Медленно взматывается где-либо овал пламени и также медленно затухает, а через несколько секунд доносится глухой с раскатами удар и сотрясение земли. Это "фугасочки", как их называют "дамочки". Впервые видел массовое забрасывание зажигательными бомбами. Целые кварталы и районы вспыхивают десятками ослепительных белых огней, освещающих густой белый дым, который сливается в общее облако над всем районом. Все окрестные районы освещаются. За километр можно читать. Через несколько минут белый дым тускнеет, появляется оранжевый оттенок, потом разгораются красным пламенем пожары.

Вчера опять вечером где-то бомбили. Я стоял внизу на лестнице, где всегда, а Надя с Жанной в убежище.

Хотел ехать сегодня с Лаврентьевым искать картошку в Шувалово, там, говорят, на колхозных полях, где уже выкопано, можно, перекапывая, еще найти. Однако гоняют, стреляют, иногда отбирают. Не люблю таких авантур, да надо бы. Однако Надя отговорила. Студия организовала кое-что и мы получили немного морковки и капусты. Хлеба не хватает, мы уже доедаем сухари.

Управхоз дяди Вани¹² мстит маме, что она все-таки прописалась¹³, и не дает карточку. Он даст, но тянет и' издевается. Мама уходит сюда, на Чайковскую, каждый день, устала, часто плачет.

1.X.41.

Деньги потеряли цену. Ведь ничего не купишь поесть. Спекулянтов нет, не откуда привозить, осада. Дальше окраин города опасно вылезать (если считать, что в пределах города безопасно).

Выдали новые карточки. Говорят, что и обеды в столовых будут по этим же карточкам. Тогда конец. Сейчас только на столовой и держимся. В ресторанах можно было пообедать, но говорят, что стояли по 4 часа в очереди. Слышал еще, что люди встают рано и в 5 часов (час, с которого можно ходить по улицам) бегут к ресторану, получают номерок на очередь, потом идут досыпать. А днем обедают уже почти без очереди.

Говорят, что в Волхове гниют несколько эшелонов овощей для Ленинграда.

Где немцы? Говорят в Пушкине, в Пулкове, в Стрельне, кто их знает. Говорят, что сильно разбомбили Кронштадт. Сейчас весь день непрерывная стрельба и разрывы, здание вздрагивает, но с вышки ничего не видно. По-видимому, опять идет интенсивный обстрел какого-либо района города. По вечерам последние дни с началом темноты прилетает несколько (мы их не видим) самолетов и начинается пытка. В подвалах и под лестницами, в убежищах и щелях люди ждут своей участи. Когда гул самолета приближается, а этот гул, заунывный, монотонный с подвыванием теперь знают все, и выстрелы зениток становятся громче, люди смолкают. Когда слышен свист бомбы, я прижимаюсь к стенке. О чем я думаю в этот момент? Ни о чем. Я слушаю свист и облегченно вздыхаю, когда слышу разрыв, который убил кого-то другого, а не меня. Только сердце колотится после того, как слушаешь свист бомбы.

У многих галлюцинации. Слух всегда напряжен, и в тишине всякий шум, самый невинный, кажется "тем" шумом. Двери хлопают, как зенитки, машины шуршат по асфальту, как бомбы, самовар поет, как самолет вдалеке.

Сегодня в столовую (на студню) привезли только суп. Прогоняли его через себя два раза, как гоняет кит морскую воду, вылавливая планктон и рыбешки. Кое-что осело в желудке. А вообще вода. Говорят, что это только сегодня в связи с переходом столовых на карточки. О еде говорят много, люди уже явно голодные. Норма хлеба сейчас для рабочих 400 г в день, а для всех прочих – по 200 г, мяса в месяц рабочим – 1500 г, а иждивенцы – 400 г.

Ужасный вид принимает понемногу город из-за обилия выбитых окон и окон, забитых чем попало.

Отбой, звук трубы отбоя сейчас ставят выше лучшей музыки. Хоть на несколько минут можно быть спокойным, впрочем бывали перерывы между тревогами всего по 5 минут. После отбоя так приятно вернуться в комнату, сесть за стол, доесть остывший суп, снять ботинки, полежать в дремоте до следующей тревоги. Полтора месяца не раздеваемся.

Во время тревоги бабки ведут своеобразные разговоры, конечно, в основном либо о еде, либо о бомбежках. Одна, когда засвистели бомбы, закричала: "Ой, запишите скорее мой адрес!" Некоторые из подвала бегают посмотреть за оставленным самоваром или керосинкой, некоторые в уборную. Некоторые прячутся не там, где безопаснее, а там, где не слышно бомб, т.е. запираются в какой-либо квартире в нижних этажах.

Когда мы дежурили 28-го на вышке, я заметил, как Чечулин¹⁴, когда началась бомбежка, занял место на верхней ступеньке лестницы люка и как он стремительно скатился по лестнице вниз, когда удары разразились близко. Так же стремительно прыгающих вниз я видел и стоя в подъезде у себя дома. В эти минуты люди перестают быть самими собой, лица вытянуты, глаза широко раскрыты, поведение инстинктивно и уверенно.

7.X.41.

Стоят возмутительно ясные дни и ясные лунные ночи, так что светло, как днем. Несколько ночей немцы бомбили напролет с наступлением темноты до утра. Тревоги сменяли одна другую с перерывами в 10–20 минут. Первая ночная тревога последнюю неделю ежедневно бывает всегда ночью в одно и то же время, в 7.30 вечера, когда еще даже не потухла заря. Одна бомба попала в мельницу, рядом со студией (не в мое дежурство). Несколько ночей, проведенных почти без сна, вымотали. Раньше я аккуратно на каждую тревогу спускался ночью вниз под лестницу. Теперь я только одеваюсь и лежу в пальто. Для чего? Официально я отвечу, что когда стрельба и шум самолетов приближается, я пойду вниз, но идти бессмысленно. Если самолет сбросит бомбу на мой дом, то она упадет раньше, чем я услышу ее приблизившийся шум. Но все равно. Нет сил по 5–6 раз в ночь соскакивать с постели, надевать ботинки, пальто и катиться вниз, где холодно и даже негде посидеть. Многие вымотались настолько, что остаются дома. "А все равно".

По улицам (уже давно, как только фронт приблизился к Л[енингра]ду) снуют много замаскированных машин (сетями, окраской, грязью, зеленью) и много заграничных машин, пригнанных, очевидно, из Эстонии, трофейных.

Фаня Вязменская¹⁵ рассказывает о безобразиях, которые сейчас происходят в части переселения и прописки населения. Переезжать к родным не позволяют, а только туда, куда переселяется данный район и т.д. Я успел познакомиться с этими жилотделами и милициями месяц назад, когда целый месяц хлопотал о прописке. Сколько слез проливается сейчас зря, только по тупости! Сколько лишних рогаток поставлено на пути людей в такое тяжелое время! Зачем людей лишили личных телефонов, зачем так усложнили прописку? А зачем надругаются над желанием людей жить с теми, с кем хочется, над желанием людей сохранить имущество, с таким трудом за 20 лет накопленное? Вообще понятие

"чуткость" и "внимание к человеку" перестало существовать. Оно сменилось бесчеловечностью. А, впрочем, когда у нас была чуткость?

О Пушкине ничего не знаю. Говорят, что он наполовину наш и что город и даже дворцы разрушены. Где немцы? Ничего не известно. Иногда они обстреливают Л[енингра]д, значит недалеко. По всем "ОЖС" и "ОВР" их отжимают, подходят какие-то армии и вообще дела немцев плохи. Однако дороги все закрыты, есть нечего, бомбят и все по-старому.

Хвалят Жукова¹⁶, который, кажется, сейчас командует Ленинградским фронтом. Упоминают с похвалой еще каких-то Голикова¹⁷ и др. Говорят о каких-то реформах, реорганизациях, о переломах к лучшему в нашей армии, обороняющей Л[енингра]д и т.д. Много разговоров о наших отношениях с Англией и Америкой. По-видимому, помощь начала поступать. Говорят об их самолетах и даже об их летчиках, в большом количестве вливающихся в нашу армию. Закончилась конференция трех держав в Москве – СССР, Америка и Англия. Всем интересно знать, были ли предъявлены нам требования политических реформ и какие, и приняты ли они. Ведь о них столько было разговоров.

На днях меня вечером застала на улице тревога, и я 3 с лишним часа простоял в подъезде на Литейном. Кромешная тьма, много народу, на улице луна. Две женщины после двух часов сидения не вытерпели и, не имея возможности никуда выйти, позвонили в две-три квартиры и, не получив ответа, отправили свои естественные потребности тут же в уголке шикарного подъезда, шикарного дома. По звуку их "преступление" заметили и поднялся ожесточенный горячий спор, все разделились на две половины. Одни их обвиняли, другие защищали. А, действительно, как быть?

Окопы все еще копают. Иногда наши копщики приезжают, в сапожищах, в каких-то невероятных пальтищах, грязные, загорелые. Трудно разглядеть в них интеллигенцию.

У Макса¹⁸ родители остались в Петергофе. Он копал в Рыбацком, а теперь в Петергоф нельзя попасть: он хочет пробраться, узнать, ночью, где пешком, где ползком. Фаня его удерживает.

Почему в Л[енингра]де не оказалось запасов продовольствия¹⁹? Ведь нам всегда говорили, что продуктов не хватает потому, что делаются запасы на случай войны.

Почему у нашей армии не хватает самолетов и вообще вооружения, ведь мы 20 лет жертвовали деньги, строили и всегда слышали, что наша армия вооружена лучше всех?

Зачем Лозовский²⁰ так наивно ссылается на Конституцию, говоря о церкви? Эх, если бы наша жизнь шла по Конституции. Наша студия даже простого указа о компенсации за отпуск не может выполнить.

Пишу, сидя на вышке. Около 7 часов. Смеркается. Небо чистое. Скоро начнет. Такой сухой ясной осени я не помню в своей жизни. Вот дьявольски везет немцам. Ни одного дождя, ни тумана, редко облака. Это ведь сухие аэродромы, это лунные ночи. Население проклинает погоду. Теперь хорошей погодой называется пасмурная, и наоборот. Люди расцветают от радости, когда тучи. Люди молят бога о дожде, тумане, слякоти. Лишь бы выспаться, отдохнуть. Но нет. Вечером как будто собираются облачка, а к ночи опять все разгоняет и над головой чистое звездное небо, наглая ярчайшая луна и монотонный подвывающий гул немецких самолетов. Аэролаты²¹ теперь почему-то не поднимают. Зенитки стреляют мало, особенно под утро. Очевидно, снарядов мало. Зато как будто бы начали летать ночные истребители, их иногда слышно по ночам. Вообще наши истребители отличаются невероятным ревом моторов, в отличие от тихого и мягкого шума юнкерсов.

Директором назначен Галкин²². Ждем оживления производственной жизни и появления здравого смысла. Хотя Галкин еще далеко не то, что нам нужно.

Продолжается общегородская охота за ракетчиками²³. Иногда ловят, но по ночам все равно ракеты летят все время.

13.X.41.

Гусева²⁴ рассказывала, она в гавани по ночам, в свободные часы выкопала своей семье траншейку, так как никто не хотел, а когда их засыпали зажигательными и фугасными бомбами и она перетаскала вещи, в ее щель забились соседи – мужичье-сезонники и ей там уже не осталось места.

14.X.41.

На днях (11-го) к нам во двор, на Чайковской, упала зажигательная бомба. Обычно их падает на один дом по 10–20 штук, но к нам залетела только одна. Только что была дана тревога, и мы с Мироном, сонные и дрожащие от холода, стояли внизу у крыльца, было часов 12 ночи. Слышал ли я свист, не помню, помоему нет. Я слышал легкий стук, розовые искры, и, выскочив во двор, увидели на асфальте эту игрушку, килограммную, она уже разгорелась белым огнем, разбрасывая капли белого расплавленного металла. Я не мог почему-то сразу сообразить, что делать. Мирон оттолкнул ее ногой от стены на середину двора, потом побежал, принес лопату песка, с другой стороны дворники прибежали и еще кто-то, было светло. Тремя лопатами песка бомбу мгновенно затушили. Я бегал во время тушения кругом и не мог сообразить, где лопаты, где песок, хотя знал, где песок.

Женщинам в убежище стало худо. Крику и беготни было много. Это от одной зажигательной, а что было бы от фугасной или многих зажигательных?

Жанна просила принести ей кусочек бомбы. Я принес ей лепесток обгоревшего шлака из песка, саму бомбу кто-то уже спер. На другой день Жанна старательно раскапывала кучку песка, искала воронку. Она ведь слышала, что бомбы делают воронки. Если бы все бомбы были такими, была бы не война, а оперетка.

12-го, в воскресенье, немцы вдруг оставили нас в покое. В обычное время, в 20 минут восьмого, дали тревогу на 20 минут, и после этого вся ночь прошла спокойно. Это было так необычно и приятно. Решили, что немцы перебросили все самолеты на московское направление. Но вчера они опять сделали несколько больших налетов. Лунные ночи кончаются, но погода все сухая и ясная.

Наши сдали Орел, сдали Брянск, все это удручает и непонятно. Такого позора Россия еще никогда не испытывала.

Вернулся из армии Хмельницкий. Говорит, что Пушкин целиком занят немцами, что он очень сильно разрушен, особенно припарковая часть, Екатерининский дворец разрушен тремя бомбами. Пулковская обсерватория совершенно сметена с земли. Чудовищное время.

В воскресенье я встал в 5 часов и пошел на рынок поискать картошки или спекулянтского хлеба. Был на четырех рынках, всюду одно и то же. Почти все закрыто, кроме нескольких ларей, торгующих по карточкам, около них небольшие очереди. На колхозных базарах я видел на всех рынках по одному мешку капусты и громадные шумные очереди около них. По требованию хозяек продают по килограмму, но все равно хватит сотне, не больше. Видел на Клинском рынке одну молочницу и тоже около нее драка и толчея. Видел клюкву и тоже очередь, и все. Даже намек на картошку нет. Смотрел идущих с поезда на московском вокзале: не несут ли картошки, нет. Хлеба ворованного, продаваемого по 15 руб. за кило (при казенной цене 1 руб. 20 коп.) из-под полы, тоже не встретил. Ходил четыре часа, вернулся ни с чем.

В столовой на студии без карточек можно получить одну тарелку супа, иногда кисель какаовый, изредка какой-либо сюрприз – вроде омлета или оладьев по специальным фабкомовским талонам, на которые сбегается вся студия. Я почти все время голоден, иногда до того, что трудно работать. Норму по карточкам еще сократили. Керосину не хватает, электроэнергия лимитирована и запретили пользоваться нагревательными приборами. Дров нет. Мирон²⁵ привез 4 кубометра бревен от разобранного сарая.

Фаня Мурова²⁶ (уволенная месяц назад со студии) вернулась с окопов, куда ездила от жакта [жилищно-арендного кооперативного товарищества] своего домохозяйства. Жили две недели в хлеву, на полу на соломе, не мылись, ели один суп раз в день и чай. Работали по 11 часов. Это куда хуже нашей жизни. Правда, зато, они не знают бомбежек и тревог.

16.X.41.

На улице уже два дня лежит снег, немного, но лежит и не тает. Сухо. Мороз. Осень прошла без единого дождя. Небо и сегодня голубое, лишь немного с размазами. Две ночи спим спокойно, без тревог. Очевидно, немцы все силы бросили на Москву. Похоже, что наступил очень невыгодный перелом в течении событий в их пользу. Сейчас они прорвали фронт и бьют на Москву или на окружение Москвы. В кулуарных разговорах вопрос об исходе войны вообще уже почти не обсуждается. Говорят о том, какую форму примет наше поражение. До какого места они дойдут. Что будет дальше. Однако, честно говоря, мы еще далеко не побеждены. Зима на носу, немцы к ней не подготовлены и если они не завершат свои планы сейчас, то зима может изменить соотношение сил. Бои идут где-то в районе Калинина, а южнее Москвы – не знаю.

Холодно. Все начали думать о дровах, до сих пор было не до них. Но дров нет. Кое-где домохозяйства достают организованно. Наше – нет.

С питанием плохо. Люди стоят в очереди за клюквенным квасом и делают из него кисель, едят воду от макарон и картошки, платят любые деньги за ворованные продукты, и я был бы рад, да где их найти?

Творческим работникам дали пропуска в ресторан "Бристоль". Надя вечером ходила туда. Там можно кое-что получить без карточек, суп, иногда какао и омлеты, но последнее трудно застать. Надя притащила овсянки в бидоне домой, я ее утром похлебал и был весь день работоспособным человеком.

Антипин²⁷ невыносим. Сидит в своих бурках и пальто и читает книгу. Когда просишь что-нибудь сделать, говорит: "Да брось ты, все равно война, люди гибнут, города отдают, а ты выдумал, кому это надо? И т.д."

До сих пор самым тихим районом считался Васильевский остров, и туда многие переехали, но последние разы и ему доставалось.

Окопные работы все продолжают. Производственная жизнь несколько оживляется у нас на студии, но все это еле-еле. Холод, да есть хочется.

Режиссеры хлопочут о первой категории, а то пока ее имеем только мы, операторы.

У многих матерей и детей начались простуды от холодных сырых убежищ. У многих, кроме того, появилась апатия – "наплевать, что будет, тому и быть".

19.X.41.

На улицах довольно плотно лежит снег, на дорогах и крышах он немного постаял, а в садах лежит, несмотря на оттепель. Сегодня ночь прошла спокойно. Пасмурно. Осеннюю ленинградскую мразь мы встречаем восторженно.

Говорят, что немцы иногда "острят". Будто бы они сбросили на Сенной сверток с белыми булками, с насмешливой запиской, а еще где-то даже корзину с бутербродами. Сперва, конечно, был страх, а потом драка. Говорят, что они

вместо листовок побросали продуктовые карточки и что прошедшая сейчас перерегистрация карточек вызвана этим.

Каково положение на фронте, не знаем. Днем и ночью слышим кононаду. Как всегда люди настороженно спрашивают, к нам это или от нас. Чаше от нас. Но весьма редко к нам. Говорят, что немцы под Л[енингра]дом перешли к обороне. Очень хорошо укрепились, зарыв танки и забетонировав нами же выкопанные траншеи. Где они на Карельском, не знаю, во всяком случае, за Токсовом. До Мги их тоже нет. Пушкин, кажется, в их руках, а Петергоф, кажется, наш. Не знаю. Говорят, что в Л[енингра]де стоит войско, по одним слухам $1\frac{1}{2}$ —2 миллиона, по другим даже больше, но сомнительна даже первая цифра. Во всяком случае, школы и многие общественные здания заняты под казармы и госпитали.

Голодно. Едим суп, суп и еще суп, и при том мало супу. Надя ходит в "Бристоль" и по пропуску получает несколько супов, приносит домой, едим их вечером и утром. Хлеба не хватает совершенно. На деньги купить ничего кроме пайка нельзя, а менять — только на керосин и спирт. А где их взять? Керосина нет. С трудом сделал маме печку. Теперь надо дрова.

Вечные мысли о еде удручают. Дома сразу после обеда, набухавшись чаю, заваливаюсь спать, чтобы не проголодаться, хотя и после обеда, конечно, не сыт, но хоть тяжесть в желудке, на полчаса создает иллюзию. Вообще же я вечно и всегда голоден.

На работе холодно, сидим в пальто и шапках, у нас в отделе 5–6°C. Внизу кое-где тепло.

Идет сбор теплых вещей для армии. В магазинах вдруг исчезло все носильное и мануфактура, да и многое другое постепенно исчезает. Многое, по-видимому, из магазинов мобилизовано для армии, и, кроме того, люди, увидев, что на деньги все равно не поешь, бросились покупать вещи. Разбомбят и так с вещами, а не разбомбят — так вещи всегда ценность, даже и при немцах. Некоторое время в магазинах дрались за каждую тряпку, даже шелк расхватывали, а сейчас в магазинах вообще пусто. Мыло пропало, даже вазелин пропал. Кстати, в поисках пищи люди уже объели и аптеки, всякие витаминосодержащие пилюли, таблетки, сиропы и т.п. уже пошли для чая вприкуску и так просто. Гематоген и прочее уже доедается, все сладковатое на вкус идет в употребление, как еда. Одеколон тоже пропал, его пьют. На спирт сейчас можно иметь все (краденое, конечно).

Иногда на студии появляются наши окопники, они все еще копают. Сейчас где-то недалеко на правом берегу. Угрюмые, в сапожищах, закутанные в шарфы, темные, не то от загара, не то от грязи. Кто половчее, пристроились к штабу, там и спать теплее и вторую тарелку супа иногда можно получить. Вид у них усталый и голодный, живут в холоде и голоде, работают по 11 часов.

Впрочем, устали все, многие бросили ходить ночью на тревогу вниз и остаются дома, многие назло даже раздеваются и спят, что бы ни было. Устали и аварильщики. Рассказывают, как они меланхолично заворачивают сигарку около завала, когда им кричат, что под завалом люди и они еще живы. Оупение. Ну живы, ну откапавем как сможем, устали. И откапывают вместо нескольких часов, два дня, и, конечно, находят уже мертвецов.

До чего оригинальны разрушения от фугасных бомб. В некоторых домах разрушены верхние этажи, уцелели нижние. В некоторых срезаны все этажи до земли. В некоторых нижние этажи пострадали больше верхних. Иногда заваливается все внутри, остается коробка. Иногда как платье падает вся штукатурка, иногда заваливаются стены и остается нутро (у водокачки). Иногда дом раскалывается на куски, которые сдвигаются один относительно другого, иногда дом изгибается, как мягкий, перекашивается.

Сдали Одессу. Этого ожидали давно. Неужели такая же участь постигнет и Ленинград? Если нечего будет есть, возможно. Говорят, что немцы всех мужчин забирают в конц[ентрационные] лагеря, а женщин заставляют хоронить трупы. Не знаю. Во всяком случае, в покое не оставят, заставят работать на самой тяжелой и опасной работе.

Удар немцев под Калининским как будто задержался.

Из Л[енингра]да все время понемногу люди уезжают. Кое-кто на самолетах, кое-кто по Ириновской дороге до Ладожского озера, через озеро на паромовых или баржах, не знаю. И дальше – по железной дороге. Последний путь через озеро позволяет взять больше вещей, но опасней и очень тяжел физически. Право на выезд, говорят, дается орденосцам и с большим трудом через Ленсовет или как-то в этом роде. Одним словом, всякий желающий не выедет. Куда ехать? Говорят, основываясь на письмах, что немцы бомбят Пятигорск и Сталинград, т.е. Кавказ и Волгу, Сибирь? Но, пожалуй, и там сейчас тесно, сколько там беженцев. На сколько в Л[енингра]де осталось продовольствия? На всю зиму? Или на месяц? Боюсь, что последнее.

Люди стараются шутить и шутят много, люди молодцы, привыкли, только бы пережить это время, только бы остаться в живых, сохранить в живых семью. Люди эгоистичны, они радуются, когда бомбят не их район.

По утрам в вестибюле рассказы, кто, где, что видел, где побросал, где наковырял, где тушили и как тушили зажигательные, где и как "дом качался, как на рессорах", и т.д.

Я живу с Надей и Жанной у Маруси, мама – у Зины. Сосед по квартире уезжает, семья его уже давно уехала, предлагает нам перебраться в его квартиру, там просторнее, есть радио, пианино. Если достану дрова, переберемся. Пианино. Кажется, несмотря ни на что, сил и времени сейчас хватает только на студию, на еду и спанье, все же попытаюсь немного посамочувствоваться. Продолжать занятия немецким. Я с начала войны бросил из-за недостатка времени, мечтаю продолжить, но, конечно, не сейчас, а вот пианино, хотя это и труднее, я, кажется, попробовал бы.

Частные телефоны все выключены, никуда по знакомым, конечно, не ходим и ничего ни о ком не знаем. С работы торопимся домой, чтобы не застала тревога. Все же надо сказать, сейчас тревог намного меньше. Иногда целые дни проходят или без тревог совсем, или с 2–3 тревогами. Так же и ночи. Бывают ночи в 3–4 тревоги, но бывают и без тревог вовсе.

В кармане у меня завернуто 100 г хлеба, взятого за завтрашний день. Это пытка. Я голоден, хотя только что пообедал и хожу с хлебом в кармане, так хочется его съесть, но надо оставить на вечер.

Глава 3. Подошла зима

20.X.41.

Как обычно, пишу во время дежурства на вышке. Сейчас 8 часов утра, рассвело. Ночь прошла спокойно. Пасмурно. Ночь темная, но далеко не такая темная, как я помню, были ночи в декабре, во время финской войны. Тогда, помню, я на улице сталкивался с прохожими и временами шел ощупью на память. Сегодня можно было различать здания, Неву, предметы на столе внутри вышки.

Город темен, только непрерывно вспыхивают трамвайные искры. Их так много, что небо над городом кипит неустанно вспыхивающими отсветами от них. Сегодня под утро началась и продолжалась часа 2 интенсивная стрельба. Вспышки выстрелов почти не удается отличить от трамвайных, так много и тех, и других. По-видимому, стреляли наши тяжелые дальнобойные в Кировском

районе и около "Большевика"²⁸. Как всегда, всю ночь непрерывно поднимались ракеты в южной стороне. Мне кажется, что до них 12–15 км. Они поднимаются из очень многих точек, расположенных цепью на одном от нас расстоянии.

Крыши домов белые. Немцам трудно будет ориентироваться. Сейчас наши дежурные команды спят в комнатах, на тюфяках, на сенных подушках. Комнаты отапливаются. Не так давно спали в ателье, зачастую без тюфяков, а до этого спали в просмотровых залах, было еще лето, и страшная духота. Одна команда воровала у другой и матрасы, и подушки, и одеяла. Сейчас комнаты днем на ключе.

Вчера радио опять порадовало нас музыкой. Музыка отвлекает, а то газетные и митинговые передачи надоели до тошноты. Смысл всех статей и передач одинаков: немцы предполагали шутя разделаться с городом в каких-нибудь десять дней, но они просчитались, им потребовалось целых одиннадцать дней, чтобы сломить сопротивление героической Красной Армии. Город "Н" был и будет советским, город "Н" оставлен нашими войсками. Будем работать еще лучше, отдавая все силы обороне и т.д. Митинг из Кронштадта, из Москвы, из Одессы, из Киева (последние два города уже теперь не упоминают), бесконечные рассказы – все как две капли воды похожие один на другой, о том, как лейтенант Иванов, командующий энским подразделением на подступах к городу "Н", навел панику на фашистов и уничтожил столько-то солдат и столько-то офицеров, и т.д. Однообразно до одурения. Я уже давно совершенно бросил читать газеты и слушать радио. Первые десять строк сводки, где говорится либо стереотипно о том, что наши войска вели ожесточенные бои на всех фронтах, либо о том, что мы оставили такой-то город, я всегда узнаю от товарищей, слушавших радио, все же остальное тошнотворно. Я часто думаю о том, что будет с нами, с Ленинградом, с Россией, если мы будем побеждены и взяты немцами, и находит тоска. Много будет лучше, но будет много чудовищно тяжелого. Советский период, если так придется когда-нибудь говорить, имел много светлых хороших сторон, я и сейчас вспоминаю о них с теплым чувством. Советские песни, 1 мая, пионеры, много хорошего.

Что будет не знаю, но иногда находит тоска, потому, что начинает казаться, что чтобы ни было, все будет плохо. Иногда же наоборот, кажется, что любой вариант хорош и остается желать только одного, жить. Это правильнее.

Заветный кусочек хлеба я съел в 6 часов, теперь меня скоро сменят и я, может быть, еще застану в столовой жиденьких щец.

23.X.41.

Погода типичная, ленинградская осенняя мразь. Наконец-то, третьего дня я шел в 8 часов вечера домой, туман, мокро, лицо колет мелкий, как пыль, дождик, я чуть не пел от радости. Уж в такую-то погоду лететь нельзя, на 200 метров ничего не видно. Мечта, а не погода. Однако немцы не захотели давать нам отдохнуть. Начался вновь артиллерийский обстрел города. Мы проснулись вчера ночью от звуков разрывов, здание вздрагивало, стекла дребезжали. Как всегда, прежде всего вопрос, это выстрелы или разрывы, это мы стреляем или в нас стреляют. Я откровенно скажу, я до сих пор не умею по звуку определить это. Однако в данном случае больше походило на разрывы, потому что перед разрывом за 1½–2 [сек]. был слышен каждый раз далекий звук выстрела. Утром стихло. Впрочем, немцы стреляют по центру города вообще очень короткими очередями. Они выпускают по данному району города 10–15 снарядов с перерывами в 3–5 минут и на этом кончают. На другой день говорили, что обстреливали Выборгскую сторону. По звуку мне казалось, что значительно ближе, метров 300.

Немцы жмут на Ростов и на Москву. На нашем фронте затишье, но не

совсем. Вчера была слышна очень интенсивная стрельба в районе Кировского района — Лигово. Ночью мне показалось, что немецкие ракеты стали в направлении Лигово подниматься ближе. Возможно, они еще придвинулись. До сих пор они, говорят, стояли в Лигове.

Железнодорожного сообщения с внешним миром все нет. С продовольствием становится все хуже. В "Бристоле" стали давать по пропускам только один суп, а до сих пор Надя брала в бидон по 4–5 порций супа. Нормы на продукты каждую декаду сокращают. На эту декаду совсем отменили рыбные изделия, которых на нашу семью полагалось на декаду 400 граммов.

На студии создали комиссию (которую по счету?) для урегулирования вопросов питания, а то даже несчастного супа часто кому-нибудь не хватало. В обычные дни мы получаем на студии одну тарелку супа в день, а каждый третий день, т.е. в дни дежурств, три тарелки. В сегодняшнее дежурство мы, например, получили в обед фасольный суп со сметаной (!) вкуснейший и еще омлет! На ужин то же самое, а сегодня утром на завтрак получили только один стакан чая с сахаром. Я непрерывно и все время голоден. Уже чувствуется слабость от голода. Трудно подниматься по лестницам. Какая-то вялость в мышцах. Всегда хочется есть. Все время приходится заставлять себя работать, так как работа буквально валится из рук.

Ничего съедобного не купишь. Иногда, говорят, из-под полы можно купить за 30–50 руб. буханку хлеба (1,5 кг стоящую [в магазине] 1,5 руб.). Кое-что можно будто бы выменять на спирт, керосин, но где их взять?

25.X.41.

Сегодня мы с Надей и Марусей²⁹ сделали вылазку. Вчера Фаня видела, что в консервный магазин на углу Марата и Невского привезли томатный сок и горошек, который должны были сегодня давать без карточек. Сегодня мы встали в 4 часа, в 5 вышли, в 5.30 были на месте (ходить разрешается только с 5 часов) и были уже, по крайней мере, тысячными. Пока было темно, милиция разгоняла, но становились вновь поодаль. Потом, с рассветом, представители из публики стали давать номерки. Создалась толчея, драка, милиция забрала выдававшего в милицию, запретив выдавать номерки. На дверях магазина висело объявление "сока сегодня в продаже не будет". Но никто не уходил. Магазин открывается в 9 часов. Я уехал в 8, они остались. Мы стояли против Стремляной, а хвост очереди был у Колокольной. Мы продрогли, и едва ли они что-либо получили. Я чуть не попал в милицию, сказав милиционеру, что милиция создает беспорядки вместо помощи в наведении порядка. Милиционер даже собрал свидетелей, слышавших мои слова. По теперешнему времени недолго попасть в трибунал за такую вещь, и я перетрусил. Но милиционера отвлекли, а я смылся.

Сегодня Ельчев³⁰, приехавший вчера с окопов, подарил мне одну редиску величиной с яблоко (семянную), я ее резал, она вся была прогнившая и пустая, но кое-что из стенок сохранилось, и я ее с удовольствием ел с хлебом.

Картошки не достать нигде, говорят, что где-то за городом ее можно наметать на спирт и керосин и даже купить за 500 руб. мешок (50 кг), но я знаю, что многие хотят купить по этой цене, но негде.

Прошел слух, что якобы хотят выпустить в коммерческую продажу водку и даже продукты, с одной стороны для того, чтобы изъять у населения наличные деньги, которых нет в банке, и с другой стороны, чтобы стимулировать стахановский труд, а то сейчас как ни работай все равно карточка одна и та же, норма одна и та же, а денег для выкупа нормы надо очень немного.

Правительство уехало из Москвы. У нас затишье, только часто повторяются артобстрелы отдельных районов города.

29.X.41.

Прочно лежит снег, мороз, настоящая зима. Вчера, в 7 часов вечера после многих дней перерыва был опять налет, несмотря на пасмурную погоду, бросали зажигательные на правом берегу у 5-й ГЭС и в Кировском районе, и несколько фугасных в районе нашей студии. Я был на вышке. Тряхнуло, дверь открылась. Стекла целы.

Третьего дня достал с Чечулиным немного дров, вернее Чечулин достал ворованные, а я с ним ездил, напилели, нагрузили машину и по полмашины по 1,5 кубометра свезли по домам. Самое трудное сейчас с транспортом. Машину дают, дай бензин. А где его взять? Ауре³¹ доверил Чечулину "в долг" 20 л. Подводу если и найдешь, то очень трудно – за деньги. Просят натурой, хлебом, водкой, картошкой, сахаром. То же и с другими видами услуг. Прачки стирают, дворники пилят дрова только за продукты.

Ходят слухи, что с I.XI хлеба прибавят по 100 г и кое-что коммерческое выпустят.

Тишина на нашем фронте под Л[енингра]дом, по-видимому, кончается. Начались бои в районе Ивановского на Неве. Мы ли хотим переправиться на левый берег или немцы на правый, не знаю. Говорят о каком-то предпринимаемом нами решительном прорыве на этом участке с целью освободить Северную дорогу.

По утрам спрашиваем: "Ну какие сегодня сводки?" – и в ответ слышим обычно: "Сдали то-то" или "Появилось новое направление". Сегодня под Москвой появилось Волоколамское направление.

От слабости у меня сегодня подступила дурнота, но прошла. Стало понятно выражение "еле ноги влачить".

Пишу, лежа дома на диване. Идет бомбежка, но у меня болит живот и я лежу. Надя и Жанна в ванной. Жанна простужена и мы ее боимся спускать в подвал. Сегодня немцы прилетели в 6.35 вечера. Как только наступила темнота, как всегда. Где-то бросают, доходит сотрясение, бухают зенитки, временами над домом проходит, гудя, самолет, лежишь и ждешь.

Фабрика наша под угрозой закрытия. Нет денег платить зарплату. Вечером я прошел 3 км пешком и уже до вечера не мог отдохнуть. Слабость. На пальце у меня уже месяц не заживает пустяковая трещина.

3.XI.41.

Ходят разговоры о борьбе за Северную дорогу, они, говорят, увезли рельсы.

Говорят, что через Ладожское озеро все время поддерживается в некотором объеме снабжение, даже некоторый подвоз.

На студии началось производственное оживление, добились будто бы даже получения от Ленфильма, который бездействует, пленки.

Вчера Мирон достал овес и мы его осваивали, мололи в сухом виде, сеяли, делали блины, а из остатков суп протертый. Изумительно. Впрочем, мне все кажется изумительно вкусным.

Немцы почти ежедневно обстреливают и делают по 1–3 налета. Убежища привели к распространению эпидем[ических] заболеваний. Жанна больна коклюшем. По тревоге мы прячем ее в ванной, либо, если ночью, вообще не трогаем, а обычно и сами спим, не обращая внимания. Все надоело, холодно, все устали. В нашем районе сравнительно тихо, и мы привыкли к тому, что слышим только зенитки, шум самолета, да далекие разрывы. Кто-то гибнет, мы пока живы, может быть, последний день, последний час, последнее мгновение. Эта мысль уже стала привычной, потеряла остроту.

Темнеет в 6 часов, около 6.20 начинаются обычно тревоги. Спешим с работы попасть домой засветло. Работы много и нас обязали в случае необходимости оставаться до 8 вечера.

Канун 24 годовщины [Октябрьской революции]. Погода сухая и довольно ясная, особенно по ночам, когда луна полная, светит во всю. Немцы активны. Каждый вечер несколько налетов, большое количество фугасных бомб. На днях Мирон, стоявший внизу, в течение каких-то 20 минут, пока длилась бомбежка, насчитал 29 бомб, которые были слышны со свистом, т.е. падают где-то в радиусе не более километра. Зажигательных бросают меньше. Зато почти непрерывно идет артобстрел какого-либо района. Вчера снаряды рвались где-то недалеко от моего дома, на Чайковской, сегодня даже по радио объявлено, что по Володарскому району всему населению укрыться в щелях и убежищах и прекратить движение ввиду обстрела района. Взрывы слышны с перерывами в несколько минут, где-то недалеко от студии.

Вчера вечером сильно бомбили. Дом мой трясло, лампа слегка качалась. Потом потускнела, и погас свет во время одного из ударов, и мы весь вечер и утро провели со свечкой.

Я весь вечер молол в котлетной машинке овес, который пожертвовал мне Мирон. Надя сидела в коридоре с Жанной и просила не шуметь, чтобы прислушиваться, а я все молол, чтобы не слушать. Думал будем живы, поедим лепешек, есть хотелось безумно, как всегда, бомбы трясли дом.

Своеобразная эта тряска. Звук долетает негромкий, но земля и дом точно сдвигаются туда-сюда несколько раз в течение доли секунды. Именно несколько раз, несколько ударов мгновенно следующих один за другим почти сливаются в один, но все же дающие сотрясению некоторую протяженность.

За последние дни было раза 2, что я был сыт. Надя наварила похлебки из овса, протертого через решето; и я ел ее 3-4 тарелки, потом без конца чаю и был сыт. Сейчас я вновь ослаб. Слабость в ногах, особенно почему-то в бедрах. Ноет даже. Хочется лежать.

Мы дома перебрались в квартиру П., через площадку. Там просторнее и свободнее, но холодно. Дрова тают, но в комнате не выше 14-15° С. Сегодня я мерз всю ночь, хотя и был под одеялом и под пальто.

Я уже 3 месяца с лишним не раздевался для сна.

Меня одолевает уныние. Иногда мне кажется, что я либо заплачу, либо сойду с ума. От вечного ожидания нелепой смерти, от вечного голода, от вечного невероятного напряжения для любого действия, так как делать надо многое, а слабость одолевает от сознания колоссального горя, которое разливается сейчас по человечеству.

Любой конец, лишь бы быстрее. Ожидают решающих боев, по-видимому, под Москвой, но возможно, и под Л[енингра]дом.

Рассказывают много случаев, когда снаряды убивают людей, стоявших в очередях, едущих в трамваях, просто идущих по улице.

Жанна больна коклюшем и в убежище ей нельзя. Сидит дома. Капризничает. Надя нервничает. Мама ходила в октябре обедать по моему пропуску в "Бристоль". Брали там, кроме супа, еще и второе, по крупной карточке и были довольны. В этом месяце ее не пустили, потому, что не ее пропуск. Я все не застаю директора, чтобы уладить. После работы нет желания заезжать туда. Суп дают — одну воду, зато можно не успеть до тревоги домой добраться.

Процветает кража продуктов. Ведь купить, кроме нормы, абсолютно ничего нельзя. Все причастные к распределению продуктов, работники столовых, магазинов, и т.д. воруют, меняют, продают из-под полы, но я бы рад купить, да негде, все шито-крыто между своими, чтобы не попасться. Говорят, что цена буханки хлеба дошла до 70 рублей, при ее нормальной стоимости 1 руб. 55 коп, и при моей зарплате номинально 1200, а при вычетах 785 (!!). Хозяйки спорят, что выгоднее, взять ли на мясную карточку свинину копченую, которой дают 75%

нормы, или колбасу, в которой половина муки, или стоять полдня за свиной, из которой зато можно сала натопить, или брать мясные блюда в столовых и т.д. По кондитерским талонам мы можем получать на декаду 500 г. Надя хочет взять 10 пирожных (вместо хлеба с маслом), я хочу 200 г какао и 100 г конфет, а остальное – пирожные.

Какао мы разбалтываем в кипятке и пьем без сахара. Сытно.

Фаня сохранила каким-то образом консервы – крабы, полученные вместо рыбы, и варит из них студень с желатином, но многие едят и один желатин в виде студня, это, кажется последнее, что было без карточек.

Люди как-то вымачивают горчицу и пекут из нее лепешки, одним словом, идет в ход все, хоть как-то съедобное.

Слабость. Надо работать. Но нет сил, да и настроения, по правде говоря, нет.

На студии оживление, снимаются несколько короткометражек. Директор Галкин. Все боятся возвращения Матусова, он все еще на окопах, которые все еще копаются. Наших там осталось человек 20.

Молодежь весела. Интеллигенция в унынии, рабочие зло молчат, старухи причитают, домохозяйки осунулись и тянут свою лямку. Ребята хулиганят, собирают коллекции осколков и зажигательных бомб.

На днях стали заниматься старшие классы школ.

Театры (не все) функционируют и полны. Это понятно. Люди читают самую отвлеченную литературу, ходят в театр, ведут философские споры, лишь бы забыться и не думать, не слушать, не знать.

Устали от напряжения, нужна разрядка.

9.XI.41.

Ждали праздника со страхом, ожесточенных бомбежек, ведь все время стояли лунные ночи, ежедневно были налеты. 6-го вечером тревога была дана необычно рано, в 6.10 я уже был дома. Ну, думаю, начнется непрерывная бомбежка на 2 дня. Бомбежки были сильные, но за вечер 6-го было 2 или 3 тревоги по 1–1,5 часа, было много фугасных, а ночь и весь день 7-го и ночь на 8-е прошли без налетов. Обстрел был все время, но не сильный.

Погода 7-го испортилась, пошел снег, 8-го тоже было пасмурно и был только один налет около 5 часов вечера. Бросал фугасные около студии (в лазарет), я был на вышке. Моя реакция – с одной стороны тупое безразличие, с другой стороны – одновременно животный истерический страх от издерганных нервов.

У меня лично, вернее у нас с Надей, день 7-го прошел забавно. Кстати, я не писал, что демонстраций, конечно, не было, а выходной с 3-го (воскресенье) перенесли на 7-е, а 8–9 – рабочие дни. Слушали 6-го вечером речь Сталина. Ее не выключали даже во время тревоги. Речь хорошая, но все же тяжело. Так вот, 7-го к нам пришли тетя Зина, дядя Ваня, мама, и Надя готовила им обед, щи из принесенного кочана капусты с колбаской, оставшейся от моей нормы, и на второе – блинчики из картофельной муки, выпрошенной у Капилевича, с начинкой из риса (последнего), вынутого из чемодана. Пришла и Тоня, и сказала, что у них 6-го вечером рядом упавшей бомбой выбило все стекла. Я пошел забивать. Из 5 окон успел забить 2. Наши до меня пообедали и ушли пока светло домой. Дома была общая топка ванны. Фаня, Макс и В.А. успели вымыться, а Надя ждала меня. Когда стали выпускать горячую воду, чтобы помыть ванну, кран испортился и вся горячая вода вытекла. От слишком быстрой и сильной перемены температуры, колонку повело и разошелся шов, вода хлынула в топку, на пол и в нижний этаж. Прибежали жильцы. Я в это время пытался вынуть кран, чтобы сменить кожу, но он застрял, и меня облил фонтан холодной воды. В конце концов, я его вынул и починил, но оказался мокрый и невымытый. Надя и Жанна тоже не вымылись. Белье, целый таз, не

выстирано. Надя плакала. Обед прошел без меня, ванна не удалась, конечно, обидно. Я устал, как черт. Весь вечер потом молот овес. Тетя Тоня с Региной³² пришли ночевать, и мы с Надей теснились на одной кровати. Хорошо, что хоть 6-го вечером нам сделали чудный подарок, зажегся свет.

По утрам я встаю теперь на полчаса раньше, затапливаю буржуйку, и Надя мне греет суп или жарит овсяные блинчики. Дрова тают, ноги подкашиваются. Все по-прежнему. Говорят, что Гитлер, выступая по радио из Киева (!?), сказал, что он приказал в ближайшее время взять Москву, а Ленинград сжать более тесным кольцом. Говорят, что Северная дорога освобождена и по ней есть кое-какие движения, но немцы ее держат под обстрелом, не пропуская, буквально, ни одной дрезины, у них пристреляна каждая точка.

13.XI.41.

Вчера по радио и вечером на совещании было официально объявлено о том, что предпринимается прорыв. Последние дни началась мобилизация. С завтрашнего дня сокращают хлебную норму с 400 на 300 г для рабочих и с 200 на 150 г для всех остальных. В столовых стали вырезать крупяные талоны за суп (25 г), за гарнир к мясному и за крупяные блюда вдвойне. Я вчера принес домой тарелку лапши, отдав за нее 100 г талонов, а всего по инждивенческой карточке на декаду 200 г. Значит, инждивенец всего в декаду имеет либо 8 супов, либо 2 каши. Я теперь обедаю чаем без сахара с 50 г хлеба. Слабость ужасная. Живот болит. Барометр идет все выше... Ночь сегодня была ясная, за истекшие сутки моего дежурства было 8 тревог, из них три днем, три вечером и две ночью.

Последние дни было пасмурно, и налеты были днем.

Буханка хлеба, если ее найти, а это почти невозможно, оценивается в 100 руб. [за] кило хлеба. Больницы полны больными от горчичных лепешек, разъевших кишки, и от дуранды³³.

Солуянов где-то договорился обменять свой костюм на 8 кило мяса. Многие ему завидуют.

14.XI.41.

Погода ясная. Мороз доходит до 15° С. Немцы начали ожесточенно бомбить. Раньше был хоть какой-то "порядок". Днем летали их разведчики и можно было не бояться, вечером были бомбежки, а ночи хоть какое-то время можно было спать спокойно. Теперь они бомбят и днем, и в сумерках, и вечером, и ночью, и под утро, и при этом весьма в широких масштабах, и все жилые кварталы в центре. Вчера вечером, например, в 6 часов только успело стемнеть, еще не все добрались до дома, как уже начали "сыпать", "бросать" и т.д. Бросали на Петроградской (уже который день подряд), бросили на ул. Желябова (4 дома), разрушили Думу, попали в Гостиный двор, на Марсово поле, даже, говорят, в Эрмитаж. Вообще же сбросили за одну только вечернюю тревогу несколько десятков фугасных бомб. Часть, как всегда, не разорвалась.

Последние дни Надя днем, по тревоге, одевала Жанну и Регину и находилась с ними либо в кухне, если тихо, либо забиралась в тамбур между дверей, в капитальной стене из прихожей на лестницу. Там тесно, темно и холодно, но безопаснее от завала. В убежище они не ходят. У Жанны коклюш, а под лестницей ребята продрогнут. Ночью, мы во время тревог их не будим, а только сидим одетые рядом с ними. Я сплю одетый все время, только ботинки снимаю и пиджак, а Надя раздевается. Иногда ночных тревог мы не замечаем. Радио бывает довольно тихое, да Вениамин Аркадьевич³⁴ еще закроет к себе дверь, ну мы и не слышим sireны.

По-видимому, официально объявлено о готовящемся нашем прорыве для того,

чтобы поддержать дух населения и дать ему какую-то надежду, поскольку последнее снижение норм, говорят, привело к ряду голодных бунтов на заводах. Мало кто верит в прорыв, по-видимому, будет попытка, а затем...

С Крымом, по-видимому, дело кончилось. Бои идут уже под Керчью и Севастополем. Под Москвой немцы, говорят, остановлены.

Нева и Ладожское озеро замерзают. Одну баржу тащили по течению два буксира. Скоро они станут совсем. Тогда связь с внешним миром через озеро прекратится окончательно. Говорят, что Северная дорога почти очищена, кроме каких-то 10 километров, но ее надо вновь строить, все шпалы и рельсы увезены. Зимой строить под обстрелом 100 километров дороги!

Голодаем. Я ем на студии суп только в дни дежурства и следующий день за дежурством, а потом 2 дня "обедаю" чаем. Вчера я в третий раз перемолол и пересейял остатки овса, и Надя утром с примесью картофельной муки испекла блины. За кондитерские изделия она получила на декаду банку меда, грамм 500, и я ел блины с медом. Объеденье. Впрочем *любая* еда мне кажется чем-то необыкновенным. Маруся вчера "подбросила" Наде грамм 600 картофельной муки и пол-литра льняного масла. Это роскошно. Магазины пусты, и даже то, что полагается по карточкам, невозможно получить. Вот уже четвертый день декады, а Надя не получила еще на эту декаду ни мяса, ни крупы.

Хлеб снизили до 300 г рабочим, 150 – всем остальным. Мы четверо теперь имеем 750 г в день. Какао Надя хотела взять по кондитерским талонам, нигде нет. Капилевич³⁵ обещал с полкило картофельной муки, хожу каждый день, ревизия, не может. Винокуров³⁵ все водит за нос. Обещал за политуру привезти и хлеба, и овес, а ничего не везет. Сейчас обещал привезти мяса конины 3 кило, не знаю. Мирон³⁶ говорил, что у него есть товарищ, имеющий спирт и желающий его обменять. Аппель³⁷ знает какого-то человека, который достает через кого-то продукты и меняет. Вот по этой цепи в 5–6 человек идут пока переговоры, выйдет ли что-нибудь, не знаю. Каждый пожелает себе "комиссионные", что останется.

Сегодня я двигаюсь прилично, вчера я буквально не мог подняться со стула после дежурства.

Жанна вырывает еду из рук, а ложась спать, плачет от голода. Надя всегда голодная, но скрывает и отдает мне и Жанне все, что можно.

21.XI.41.

Пишу, как обычно, сидя на вышке. Сейчас 8.15 утра. Еще только светает, и я с трудом пишу, не разбирая написанное.

Сегодня ночь прошла без тревог. Этого не было давно. Последние 2–3 дня бомбили по вечерам где-то далеко, а перед этим дня 2–3 – наш район, Чайковскую, около Литейного, Рылеева и т.д. Было страшно. Надя с больной Жанной (у нее температура и приступы коклюша) запирались в тамбуре. Жанна, выхваченная из постели, укутывалась в одеяло и пальто.

Вчера я подал заявление Галкину с просьбой дать мне 6 дней отпуска, которые набежали у меня с сентября, так как я истощен недоеданием настолько, что совершенно не могу работать. Он заявление вернул и предложил сперва попытаться получить бюллетень. Попробую. Я так слаб, что еле поднимаюсь по лестнице и почти не работаю, а только сижу.

Кончилась декада, а Надя, бегая ежедневно, не выкупила еще всех полагавшихся продуктов. Магазины пусты. Вчера опять сбавили хлеб, 250 г рабочим и 125 г всем остальным.

Утром, уходя из дома, я теперь почти никогда не ем суп. Голый чай с несколькими крохотными лепешками или с 30–50 г хлеба и все. На студии иногда только чай со 100 г хлеба, а иногда и без хлеба, и только в дни дежурств

позволяю себе суп, а дома по вечерам – две тарелки супа и капельку какого-либо второго и потом чай до одурения.

Хлеб продают часто подмоченный, и мы получаем его еще в 1,5 раза меньше.

Ответственные работники обжираются. Оказывается, существует неопубликованный порядок, по которому они официально получают несколько карточек, 2–4 и до 6 на одного. А сколько еще ворованного! Воровство сейчас приняло гигантские размеры. Все стоящие у прилавков сыты, меняют, копят, а остальные – голодные. О ходе "прорыва" ровно ничего не слышно. В то же время говорят, что немцы взяли Тихвин. Для чего же тогда прорываться? Сдали Керчь. Бои за Калинин. Сводки ровно ничего не освещают.

Сейчас можно выделить типы.

Матусов, Ауре, Воронин³⁸ – 100%-ные сытые господствующие, газетно-агитирующие и продающие все и всех Галибина³⁹ – энтузиаст, общественник, отдающая все силы всем, не анализируя обстановки. Интеллигенты и обыватели охающие, критикующие, анализирующие, еле влекущие ноги. Некоторые честно голодают и работают. Некоторые нагло воруют и не работают.

Я не украду, все равно другой украдет, а за то, что я помру с голода, мне никто спасибо не скажет – такова философия многих.

Тоска и слабость растут с каждым днем. Кажется еще 10 дней и слягу от бессилия и отчаяния. Надя держится лучше.

28.XI.41.

Последние дней пять немцы бомбят днем. Начинают в 12–12.15 и до 5–6 часов вечера без перерыва. Тревога длится ежедневно по 5–6 часов, зато вечер и ночь проходили тихо. Дома сидим в темноте. Свет включают только на время тревоги и ночью с 12 часов, а то и позже и до 6 часов утра, так что весь день, весь вечер и утро – темнота. Керосину нет, свечей нет. У Фани оказалось припасено 3 кило воска, и мы делаем коптилочки. На днях у меня украли дрова, те самые с таким трудом и риском добытые. Разобрали стенку сарая и унесли почти все, оставив три охапки. Сжигаем дрова Вениамина Аркадьевича, мокрая гнилая осина, да и ее ненадолго, меньше кубометра. Новая забота. В комнате еле-еле держим 13–14° С. Жанна выздоравливает от коклюша. Мама живет у нас, не прописана пока. С продуктами плохо. У Нади, а она ежедневно с 5–6 часов утра и весь день бегает и стоит по очередям, еще не все выкуплено по карточкам за ноябрь. Даже то, что положено, нельзя получить. Дают заместители. Вместо крупы – картофельную муку 1 : 1 или яичный порошок 1 : 1/4, вместо мяса – шпиг 50%, да и того нет. Самое главное, крупы до сих пор мы не получили даже за 2-ю декаду. Едим супы, и те одна вода и в сильно ограниченном количестве. Хлеб получаем 125 г на иждивенцев и детей и 250 г – на рабочих. Я лично ем хлеба не более 100 г в сутки, остальное – Жанна. Я стал есть желатин, снятый с пленки⁴⁰, в виде желе с горчицей. Я вечно всегда голоден. Хожу и работаю с невероятным трудом. Иногда подступает тошнота и головокружение. Уставать есть от чего. Ходить на работу и обратно приходится, как правило, пешком, или большую часть дороги пешком или в невероятной давке ехать. Трамваи еле ходят и переполнены. Руки обычно заняты, я везу всегда с фабрики⁴¹ полный портфель досочек для печки, а их надо заготовить. Дома колка дровишек, изготовление коптилочек.

Хождение по улицам во время тревоги запрещено. Штраф до 100 р[уб]. Однако многие ходят. Очень многие лавируют, но ходят. По улицам иногда идут сплошной массой, особенно когда тревога затягивается. Рискуют. Но идут. Я ходил много раз. Вчера шел в темноте с работы. По Шлиссельбургскому [проспекту] валят целые толпы. Все молчаливые, торопливые. Ведь у всех дома

семьи, заботы, разве можно ждать? Ну упадет бомба. Не обязательно же на голову. А убьет, значит все сразу и кончится, не придется беспокоиться ни о чем. Трамваи стоят, люди идут, тесно, скользко, песком не посыпано, торопятся скорее-скорее домой.

Что на фронте? Немцы яростно лезут к Москве. Как дела на нашем фронте? Не знаем, ничего не знаем. Иногда проходит слух, что то или другое место под Ленинградом отбили у немцев и даже будто бы очистили Северную дорогу и восстанавливают ее, но в то же время в газетах ничего, а артиллерийский обстрел города повторяется ежедневно, причем обстреливают и центр, и окраины, и очень много жертв.

Настроение тяжелейшее. У нас на студии 30 с лишним человек мобилизовали на обучение минометному делу с последующей отправкой в части. Меня пока миновало. Рассказывают про немцев всякие ужасы. Надоело. Хочется любого конца. Тишины, покоя и есть, есть, есть!

Глава 4. Выжить!

23.XII.41.

6.30 утра. Пишу, сидя в штабе на дежурстве. Не писал почти месяц. Надо многое вспомнить, думаю, что смогу. Почему не писал? Все что-нибудь мешало. Времени свободного не было, одиночества не было, света не было, было утомление. Но буду по порядку.

В первых числах декабря произошли некоторые перемены. Кажется, это было в первых числах декабря или чуть раньше, не помню.

Во-первых, внезапно кончились налеты. Перед концом они были очень часты и интенсивны. В частности бросили около нас и у Фани, выбили все стекла. Последние налеты были и днем, и вечером, и ночью. Второе, что относится к началу декабря, это эпопея "пешей эвакуации". Собственно кавычки не нужны, люди эвакуировались действительно пешком. Организовывались группами по предприятиям или, кажется, через коменданта города. До Ладожского озера поездом, а там ночной переход по льду 30 км и еще 200 км пешком. Будто бы были организованы ночлежные и питательные пункты, не знаю. Не знаю также, много ли ушло, но знаю, что дней через 10 пешая эвакуация была запрещена и заменена эвакуацией на автомашинах. Где-то примерно по этому же маршруту начали ходить автомашины. В Ленинград они везли продовольствие, отсюда — людей. Началась организованная эвакуация многих учреждений на машинах. С собой давали взять до 30 кг груза и на 2 дня продовольствия. Эта эвакуация продолжалась до самого последнего времени, потом я слышал, что ее прекратили, но, кажется, что она в сокращенном объеме все еще идет.

Третье, что относится к началу декабря, и это, конечно, самое главное, это перелом на фронте. Началось с Ростова, потом под Москвой, и, наконец, у нас, под Ленинградом. Началось наше наступление, которое пока идет довольно успешно. Не буду описывать его деталей, поскольку их можно установить из газет. На сегодняшний день под Ленинградом, по-видимому, наши, имея задачу окружить немцев, стоящих под Ленинградом в районе Мга—Пушкин—Красное село и т.д., и идущие через Будогощь—Чудово, по-видимому, на Новгород, потом на Псковское озеро и на залив, дошли, по-видимому, до Московской дороги, так как последнее сообщение было о взятии Грузино и Будогощи. Говорят, что немцы, боясь оказаться в мешке, сами начали эвакуировать Пушкин⁴² и Красное село. Но это только слухи.

С момента начала наших успехов настроение, конечно, поднялось. Появился хоть какой-то просвет впереди, который становился, как выход из тоннеля, все ярче и ближе.

Кажется, поставлена задача снять во что бы то ни стало блокаду с Ленинграда. Ох, как давно пора это сделать. Но пока, конечно, никакого облегчения мы не имеем. Наоборот. Сейчас стало особенно тяжело. Все сдали. Продукты, которые и по норме-то получается ничтожное количество, почти невозможно получить. В декабре карточки, в отличие от ноября, прикрепили к магазинам. Хозяйкам не приходится бегать, искать. Зато появилось другое. Привозят продукты по крохам. Хватает их на 25–50 человек, стоящих в очереди впереди. Привозят не каждый день. Чтобы быть в очереди в числе этих первых, надо становиться в 2–3 часа ночи под страхом быть забранным милицией (ведь с 10 [вечера] до 5 ночи нельзя ходить по улицам) и либо оштрафованным, либо даже отправленным на лесозаготовки. Иногда хозяйки становятся уже с вечера. Надя совместно с Юлей и еще одной женщиной сменяются по 2 часа, и так стоят каждую ночь, но вот до сего дня у Нади получено только мясо, а крупа и масло не получены еще и за первую, и за вторую декады, конфеты выкуплены от отчаяния повидлом. Пиво не выкуплено. Питаемся впроголодь, цепляясь за жизнь. В основном помогают Маруся и Мирон. Они несколько раз подбросили козеин, вчера подбросили овса, раза два дали масла льняного, немного картофельной муки, дали заимообразно крупы. Мы съели все неприкосновенные запасы, кроме моих двух, т.н. "военных" маленьких плиток шоколада и одной бутылки портвейна. Съели с отчаянием и неприкосновенные банку крабов и банку лапши с мясом. Доканчиваем и неприкосновенную бутылочку постного масла. Все печенье, а их было скоплено до 400 г (Надя брала их по жанниной карточке вместо хлеба, давали 100 г печенья за 125 г хлеба, кстати их каждый раз приходилось бегать искать. Часть давала Жанне, а часть откладывала). Так вот, эти печенья ушли на приготовление клецок в суп. Жаннину плитку шоколада понемножку съели. Спирт менять в декабре почти не удалось, если не считать одного обмена с Шевчуком, на литр спирта около 3-х кило дуранды и 2.200 картошки. Тогда мы несколько дней были почти сыты, применяя слово "сыты" в современном смысле этого слова.

К началу декабря относятся еще следующие перемены. Начались пешие хождения на работу. Если до этого очень часто приходилось идти пешком до работы, потому, что трамваи ходили нерегулярно или в них было не попасть, то здесь они просто перестали ходить. По несколько дней подряд они вообще стояли по всему городу, как говорят, из-за заносов, а может быть из-за отсутствия энергии, я так и не знаю. Иногда они "ходили" в кавычках, ползая по некоторым улицам, по причудливым маршрутам и в случайные часы дня. Одним словом, как правило, в декабре трамваи не ходят. На ряде улиц рельсы давно занесены снегом, затоптаны и их и не найти. Если иногда днем вдруг "идут трамваи", то только по магистралям.

Хождение на работу пешком оказалось ужасным. Ведь есть многие, живущие за 10–12 километров. Фаня Мурова⁴³ ходит с Покровки 2,5 часа в один конец. Миссун⁴³ ходит с Крестовского острова и т.д. Люди тратят 3–4 часа на дорогу в один конец, опаздывают на 2 часа, выматываются, замерзают (ведь вот только вчера была оттепель, а то стояли все время морозы 15–25° С). Многие не в состоянии сделать два конца в день и заночевывают на работе. Говорят, на ряде хороших заводов специально оборудовали общежития для далеко живущих и слабых. Я, проходя сравнительно немного, 5 км, выматываюсь ужасно. С начала декабря студия лишена света. Многих отпустили в простой, в том числе и меня, и, хотя мне все равно приходилось раз в три дня ходить на студию, я все же только этим простым и живу весь декабрь. На ежедневную ходьбу и работу я уже давно не способен. От дежурств я был в декабре освобожден и вот только сегодня дежурю вновь впервые, поскольку в связи с затишьем в области тревог дежурства перевели на один раз в 8 дней и людей не хватало.

(Вчера неожиданно была тревога и были сброшены бомбы, одна около нашего дома. Вечером она разорвалась. Шальной налет.)

На студии горят четырехвольтовые лампочки, тьма, холод, могильная тишина.

Дома у нас уже дней 10 нет света. Сидим при восковых светильничках. Воск фанин уже кончился. Я слил из примуса около четверти стакана керосина, сделал коптилку, но и керосин догорает. Сегодня пойду на рынок менять свои 125 г хлеба на бутылочку керосина, может быть найду. Дома холодно, в комнате 8–12° С, в кухне и коридорах, конечно, холоднее. Впрочем, и это по теперешнему времени жара. У Фомина⁴⁴ – 3° С мороза, у Кузьминского⁴⁵ – 6° С мороза. Недавно мы достали кубометр дров, он обошелся нам около 400 рублей, а хватит его на 20–25 дней.

Я за вычетом налогов получил из 1200 руб. на руки около 800 руб., а сейчас в связи с простым буду получать 50%. Кроме того, нам только после Нового года обещают дать получку за 5.XII. Деньги приходится экономить, но сейчас странные цены. Суп в столовой, с вырезкой 25 г крупы, стоит 30 коп., а рядом с этим хлеб на рынке, если его удастся купить за деньги, стоит 100 г 30 руб. Вообще очень характерен рынок в его меновой части. На толкучке меняют все на все. Хлеб и дуранда имеют хождение универсальное, как в былые времена деньги. На полкило хлеба можно получить четверть кубометра дров. За 100 г хлеба женщина отдала крепдешинное платье. За кило хлеба можно иметь валенки и т.д. Из несъедобного можно обменять на съедобное только такие вещи, как теплую одежду, керосин, свечи, самовар, печурку. В остальном же меняют крохи на крохи, пять конфеток, ломтик шпика, флакончик масла, ломтик хлеба, осколочек дуранды и т.д. Меняют одно съедобное на другое. На пол-литра спирта мне удалось на днях выменять кило дуранды. Вообще это ужасно невыгодно, но я был рад и этому, так как дома было пусто совершенно.

Надя опухает. У нее опухли веки и, кажется, ноги, но телом и лицом она пока мало изменилась и в основном держится довольно хорошо. Жанна вялая, мерзнет, не играет, греется у печки, коклюш кончился. Она похудела, но здорова, немного простужена. Она все же ест лучше нас всех. Она съедает половину хлеба, и остальную половину мы с Надей съедаем с утренним стаканом чая (больше не пьем, чтобы не опухнуть). Жанне Надя делает, если есть возможность, и более хорошие лепешки из дуранды с примесью картофельной муки или козеина и т.д. и даже кашку иногда варила, и молоко 0,2 литра соевое она имеет и т.д.

Мама слаба, но здорова.

Я слабее с каждым днем. Каждая, самая небольшая физическая работа вызывает, даже движения вроде, как, например, залезать на стул, требуют собираться с силами, отчаянных усилий воли, а иногда приводят к полудурнотному состоянию. Даже залезть в карманы, посмотреть часы трудно. Когда сидишь, трудно встать, трудно всякое движение. Выйдя на улицу, сперва чувствуешь бодрость, но, пройдя квартал, уже чувствуешь усталость и ноги подкашиваются и дрожат. Похудел я ужасно. Надя испугалась, когда я вчера положил ее руку на свое тело. Кожа висит на костях. Я стал страшно легко мерзнуть.

Да. Голод, холод, темнота. По счастью, хоть отдыхаем пока от тревог. Впрочем, артобстрелы бывают и довольно сильные, даже исключительно сильные. Пью я совсем мало, один стакан чаю утром и один вечером. Днем обед обычно состоит из 2–3 тарелок жидкого супа и все. Никаких вторых, конечно, мы не видим уже много месяцев. Если есть что-либо твердое, хлеб, или козеиновый сыр, или дурандовые лепешки, то я их всегда ем в сухоматку и только потом пью голый чай или голый суп. Так приятно именно жевать что-либо твердое. Я

всегда прошу, чтобы со мной при этом не разговаривали, и ем в полном сосредоточении, прожевывая до предела.

К ощущению ненасыщенности я привык, как оно ни мучительно, но я никогда, конечно, не бываю сыт в старом смысле этого слова. Изредка, когда удастся съесть вдруг 4–5 тарелок супа, чувствуешь набуханность желудка, но это не сытость.

Слабость, вот что огорчает. Вчера, добредя до студии, я несколько часов лежал в штабе. Сейчас совершить рейс через всю студию в уборную для меня проблема. Как я дойду до дома, не знаю. Я еле держусь на ногах. На днях я дома стоял у плиты и жарил лепешки, и мне стало дурно. Надя довела меня до постели. Подступает дурнота очень часто. Говорят, что раньше середины января лучше не ждать облегчения с питанием. С середины ноября, каждые 5–10 дней по городу разлетаются слухи, каждый раз "совершенно достоверные", что вот с 10-го, с 15-го и т.д. хлеб прибавят, но приходит 10-е, 15-е и т.д., а хлеба все 125 г и 250 г рабочим. Сейчас ходят слухи, что хлеб будет прибавлен с 1-го и что новые карточки печатаются уже на 200 и 400 г. Не знаю.

Гитлер сменил Браухича, сам стал на его место. Это может приостановить бегство немцев, тогда все надежды на ликвидацию блокады опять пропадут.

Лишь бы пережить это время. На людей страшно смотреть. Все осунулись, состарились и еле движутся. На улицах все еле идут, иногда видишь сидящих, стоящих, которые уже не в силах двинуться. Умирают ежедневно, так много. В особенности мужчины. Гробы возят все время, но больше возят покойников без гробов, просто в "обертке", говорят, что многих покойников просто подбрасывают в соседние дома в чем есть.

Темнота. Через три дня начнет светать. Хоть одна радость еще прибавится, станет легче.

Так хочется поднакопить продуктов к Новому году и хоть один раз поесть человеческий обед, с густым супом и вторым, и главное, чтобы было побольше твердого, жевать, *жевать*.

Мама ощущает больше всего тоску по сладкому, я же нет. Я совершенно равнодушен к сладкому (относительно, конечно), свободно пью голый чай, но больше всего тоскую по мучному, по хлебу, по тесту и т.д.

Ну пока кончаю.

Добавление к записи 23.XII.41.

Подвожу некоторые итоги. Напомню обстановку на конец декабря 1941 г.

Голод. Об этом нет необходимости говорить. Это была главная беда, и о ней в дневнике уже много написано.

Холодно. В то время ведь никакого центрального отопления не было, дома отапливались дровами, которые сжигали в печках. Дров не достать. Люди жгли свою мебель, книги, все, что удастся найти. В то время в Ленинграде еще не было газа. Готовили пищу либо на плитах в кухне (дрова!), либо сжигая керосин в примусах или керосинках. Керосину в блокаду тоже не было. Готовили на железных печурках, а если дров достаточно, то на кухонных плитах.

Электричества нет, поэтому использовать его для приготовления пищи невозможно.

Воды в водопроводах нет. Воду возят в ведрах, бидонах, кастрюлях из Невы, на саночках. Спускаются к воде (это при наших набережных!) и там черпают воду из дыр, пробитых во льду. Много воды не привезешь. Посуду мыть, стирать, помыться нечем.

Канализация не работает. Как не стало воды, все сточные трубы засорились, потом замерзли. Туалетов не стало. Все отходы люди выносят во дворы и выбрасывают или выливают прямо в снег, где-либо в уголке.

Темно. Днем дома темно, ведь окна наглухо забиты, потому что они либо разбиты, либо просто забиты фанерой, картоном или одеялом, чтобы ночами окна снаружи не светились. Днем иногда освещались, открывая форточку. Вечерами темно и на улицах, так как фонари не горят, окна не освещены. Идешь осторожно, глядя на крыши домов, слегка выделяющиеся на фоне неба. Бывает, что и столкнешься со встречным. Машины идут с темно-синими фарами. В комнатах "лампадки", так как на лампы керосина нет. Телефоны, как правило, не работают. Я уже не говорю о лифтах. О них забыли.

Так вот жили люди в Ленинграде в конце декабря 1941 г.

25.XII.41.

Сегодня праздник. Совершенно неожиданно прибавили хлеба, до 350 рабочим и до 200 иждивенцам и детям. Все поздравляют друг друга, смеются, говорят, в очередях люди плакали. Сегодня Надя сделала котлеты из марусиной конины, которую они подарили с макаронами, которые Надя выстояла. Надя стояла, не уходя из очереди, 2 ночи подряд и получила конфеты, масло и макароны. Первый раз за 1,5 месяца ели 2-е блюдо, одна котлеточка и ложечка черных макарон. "Небесное" блюдо, но мало, мало. Сегодня я даже голоднее, чем всегда, странно.

1.I.42.

Наступил Новый год. На улице 30° мороза. Света нет, воды нет, хлеб не прибавили. Но главное, самое главное – у Нади открылось кровохаркание. Это меня совершенно выбило из равновесия, и я готов плакать, как ребенок. Я за нее держался, она меня тащила, я еле держусь на ногах, а теперь я должен ее вытаскивать, не имея сил, да не только ее, а всю семью. Чувствую, что теряю самообладание и даже не могу собраться с мыслями.

Вчера встретили Новый год. Мы все. Фаня, дядя Ваня, тетя Зина и Илья Алексеевич⁴⁶, которого мы не видели несколько месяцев. Поели поднакопленные жалкие запасы. Был студень, овсяный суп, котлеты с макаронами, хлеб, лепешечки, вино, чай с конфетками (по 1–2 шт.). Все было в таком минимальном количестве, что, конечно, еле хватило, но все же хватило, и я был впервые за 3–4 месяца почти по-настоящему сыт, даже по-настоящему сыт, и это было совершенно "небесное" состояние. Печь истопили два раза и было тепло (до 15 °C). Сегодня проснулись уже в холоде. Я нигде не могу согреться. Жиру нет.

8.I.42.

Цепляемся за жизнь. Вместо облегчения пока становится все тяжелее. Вода замерзла и Фаня носит ее в единственном ведре. Уборная замерзла и засорилась, и мы в глиняном горшке, обвязанном веревкой, выносим во двор нечистоты (мамина обязанность). Свету нет, и мы мучаемся с коптилками на соляровом масле, которое подарил Мирон. Продукты еще не додали даже за декабрь, уже не говоря о январе, на который еще даже не объявлены нормы, и магазины пусты, кроме мяса, которое мы на первую декаду получили и съели. С хлебом перебои, так как хлебозаводы без воды и энергии. Спичек нет, на рынке они 10 руб. коробок, дрова тают с ужасной быстротой. По счастью, хоть морозы немного спали и удастся в комнате поддерживать градусов 10–13 С. Зато в кухне и коридоре холод, ходим в ватниках и шапках, а мама в пальто. Чем питаемся? Я нашел еврея на Охте, который мне на днях, я у него был, дал на пол-литра спирта кило отрубей. Он, впрочем, давал их как пшеничную муку. Да и обвесил, оказалось 770 г. Надя мешает их с соевой мукой, полученной вместо крупы по карточкам, и делает лепешки. Маруся нет-нет да подбросит овса тарелочку. Вот мы и едим, утром – чай с половиной хлеба, днем – суп по две

тарелки (мне иногда перепадает даже по 3—4 тарелки), овсяного, жидкого с клецками из той же смеси соевой муки с отрубями и со второй половиной хлеба, а вечером – чай с лепешками. Это еще роскошь. Впрочем, было три дня в январе, когда мы даже ели суп на мясе и каждому досталось по кусочку мяса. На днях я ходил опять на рынок и обменял на 100 г спирта стакан капустных зеленых листьев, на 200 г – кулечек костно-мясной муки, которую я первый раз видел и имеющую вид сора, подметенного с поля, кулечек, грамм 200, козеиновой муки, которая пахнет мылом и керосином и, кажется, вообще не козеиновая, и еще на 200 г спирта обменял кулечек, грамм 300, отрубей, которые оказались перемешаны с землей и на зубах хрустят, но я их ел, прошло, и буду есть. Спирт кончается.

Здоровье наше неважно. У Нади в первых числах, после возни у плиты, повторилось сильное кровотечение из горла и она слегла на 3 дня. У нее сильно болел бок, кашляла. Я еле двигаюсь. Вчера я остался лежать в постели на весь день, но сегодня встал опять. Надя встала, ходит, хозяйничает, я страшно боюсь за нее. Я слаб ужасно, сегодня я еле оделся. Ночью я с трудом ворочаюсь. Утром у меня пульс 44 и температура 35,8, ноги дрожат, от ходьбы ужасно ноют суставы в бедрах, невероятные запоры, в среднем ухе гул и сквозняк, очевидно, евстахиева труба открылась от похудения. Вчера я лежал, но хорошо ли сделал, не знаю. Я чувствую, что если ляжешь, то еще хуже слабеешь. Сегодня я пересилил себя, встал и лучше себя чувствую. Надя молодчина, крепкая. Мама слаба и по улице еле ходит, с обмороками. Атмосфера дома ужасная. Мама и Надя – на ножах. Мама все и всех ненавидит, критикует, просит есть, язвит. Я хочу, чтобы я и Надя получали большую долю, мама обижается. Надя подсовывает Жанне и мне, и сама голодная, маме все кажется, что ее обделяют. Кошмар. Жанна ослабела, сидит все время у печки, вялая, рисует или скулит от скуки, почти не гуляет, на улице мерзнет и капризна, жалуется, что холодно и "нечем дышать", вообще же она все понимает и говорит только о еде и о Пушкине [городе, где мы жили до войны. – П.К.], о нашей жизни, о войне. Она вечно голодна, как и мы все.

Город медленно умирает. Трамваи не ходят, света нет, воды нет, люди падают, людей везут в гробах и без гробов, люди серые, по неделям немывшиеся, закопченные коптилками, опухшие, люди мрут как мухи. К смертям привыкли, стали равнодушны и жестоки, не реагируют.

На фабрике света нет, зарплату задержали на месяц, не топят, почти все в простое, многие уже умерли, многие слегли, многие еле ходят.

Радио сообщает ежедневно (первый раз последние известия передаются в 6 часов утра, потом в 7, дальше, кажется, в 9, 11, а в 2 часа утренний выпуск, в перерывах бывают концерты, статьи или просто часа три тикает метроном) о том, что наши войска заняли несколько населенных пунктов, в том числе город такой-то (какой-нибудь малоизвестный под Москвой), истреблено столько-то, захвачено столько-то.

Факт, что блокада Ленинграда еще не разбита, и подвоза еще нет.

9.1.42.

Сегодня поднялся раньше обычного, в 7.30, остальные спали, с трудом оделся, разогрел себе на печурке судочек супа, оставленного мне со вчерашнего дня с тремя лепешечками, и в 9.30 ушел к своему еврею на Охту. Мороз усиливается. Постепенно я разошелся и пошел довольно легко. У него было только мясо, у меня – 900 г спирта. Выторговать у него невозможно. Он отхлебнет, смеряет и говорит, что дает столько-то. Дал мне 1 кг 400 г мяса. Обещает, что когда будет мука, вернуть недовес. Обещает достать масло и картошку, а также дрова по 250 руб. кубометр. Сговорились, что приду 13-го. Мясо ходили вешать с его

женой в ближайший продмаг, благо там пусто и продавцу нечего делать. Надя за мясо ругала, ошметки и с длинной шерстью, она боится, что собачье. Но что я могу сделать? Он ведь говорит: "Не хочешь – не надо". Назад я дошел уже с трудом и как сел у печки, так вот и сижу, не вставая, до сих пор, а сейчас 3 часа, а я пришел в начале первого. Пообедали овсяным супом с хлебом. Сейчас Надя побежала в диспансер, мама моет посуду, Жанна рядом со мной рисует, а я блаженствую у печки. Впрочем, сидеть больно, ведь сидишь на костях. Скоро стемнеет, ловлю дневной свет, копилки удручают.

Надя молодец, бодрa. Она моется каждое утро (я нет, потому что холодно и слабость), сейчас она даже вытерлась одеколоном и рубашку передела, для меня это непостижимо. Вчера она, кроме того, что сготовила у плиты обед на 2 дня, еще вечером стирала Жанне. Устала, раскашлялась, опять было немного крови, я испугался, но сегодня она опять бодрa и как будто здорова. Битый битого везет. Мама то валится с ног, то везет.

Добавление к записи 9.I.42.

О сомнительном мясе, приобретенном на Охте. Я тоже подозревал, что это мясо собаки или кошки. Старался убедить Надю, что это не так. Съели. Не отравились. Как я должен был поступать? Отказаться от мяса и прийти домой пустым? Но ведь они, голодные, ждали меня. В то время в Ленинграде уже были съедены почти все кошки и собаки, не стало голубей. Когда человек изголодался, он забывает законы нормальной человеческой жизни, становится животным. А у них один закон – "съедобно – ешь".

Животная "беспринципность" проявлялась и в других формах. После войны мне пришлось побывать в квартирах ленинградских дворников, переживших в Ленинграде всю блокаду. Попадались квартиры, напоминающие магазины антиквариата. Стены вплотную увешаны картинами, дорогая мебель, много хрусталя. Висит роскошная одежда, много дорогих безделушек. Откуда? Да они и не скрывали. Кругом умирали целыми семьями богатые люди. Родных у них не было. Дворники приходили в эти квартиры и брали все, что хотели. Принцип: "Я не возьму – другой возьмет". Сколько было обогатившихся на смерти других. Один из операторов нашей студии (не буду называть фамилии) в 1942 г. приехал в Новосибирск с несколькими чемоданами, набитыми совершенно новым мужским и женским бельем, мужскими рубашками, женскими платьями. Продавая и меняя их на рынке, он роскошно прожил в Новосибирске все военные годы. Откуда у него все это было? Источник один – опустевшие комнаты умерших.

В то время наряду с героизмом военных на фронтах и тружеников тыла процветало и беспардонное ограбление своих. Мне кажется, что и продажа собачьего мяса (выдавая его за говядину), и собиранье имущества умерших – поступки одного ряда. Они беспринципны, безнравственны, это не лучше, чем, например, выламывание зубов с золотыми коронками с убитых. Героизм и грязь шли тогда в Ленинграде параллельно.

10.I.42.

Сегодня ночью я вставал и почувствовал себя плохо. Пульс был 35. Надя испугалась. Утром я еле встал и сегодня с трудом двигаюсь. Вызвали врача.

17.I.42.

Тяжело жить, живем надеждами. Надя везет нас всех. У меня были дни, когда пульс по ночам падал до 35, а температура и сейчас 35,3 и пульс по ночам 40–42. На улицу не выхожу, еле двигаюсь по квартире. Вчера был врач, вызванный 10-го, дал бюллетень и выписал камфору и валерианку с чем-то для поддержания

сердца. Врачиха говорит, что сейчас смертность дошла до 20 000 в день (!!). Это полмиллиона в месяц, это вымирание города!!!

Жанна почти целый день в постели, дрова кончились. Уговорили Ивана (дворник) принести за 250 г спирта 3 охапки дров, но и они кончаются. На улице 15–30°С мороза, а в комнате 7–10, в коридоре и в кухне ниже нуля, вода в ведре замерзает. Света нет, воду достаем с невероятным трудом. В нашем доме в двух квартирах еще идет вода, но не дают. В соседнем доме не дают. Фаню вчера побили, она пришла в слезах. Надо ходить за квартал и стоять час в очереди. У нас нет даже помойного ведра, и мама по многу раз в день, спотыкаясь на темной лестнице, носит помой в кухонном горшке. Все выливают их во дворе прямо в снег, что будет весной??

На днях Фане удалось достать бумажку и мы с Надей привезли с Охты политуру и воску 5 кг. Везла Надя, я плелся рядом. Надя ходит теперь на Охту к Фишману. Надя пилит дровишки, все Надя, Надя.

У Дениса⁴⁷ в семье трагедия, он лежит и кричит от болей в кишках, тетя Тоня лежит, умирает от голода, тетка сошла с ума, лежит связанная. Лидия Станиславовна умерла, но ее не довезли до кладбища, бросили у Таврического сада, не в силах были везти. Рина еле ходит, подсовывая Регину знакомым. Два раза приводили к нам, но мы не в состоянии ее брать. Ирина умоляла меня пойти в райздравотдел похлопотать об отце, я не ходил, был не в силах. Ведь скорая помощь не ездит, квартирные врачи не приходят, и Денис 2 недели не может добиться врачебной помощи. Несчастное семейство. Мама добрела до них, Денис просит, если они умрут, взять Регину. Легко сказать.

Люди мрут. Ведь еще не выдали всех продуктов даже за 3-ю декаду декабря, а за январь только кое-кто получил мясо и крупу за первую декаду. Большинство в январе сидит только на хлебе.

Смерть всюду кругом. Чувствую, что она недалеко и от меня, хотя настроение у меня бодрое. Бьемся, бьемся буквально из последних сил.

Стемнело. Пока кончаю писать, свечек не успел накатать, а трехсветильный светильник у Нади в кухне, она пилит там. Будем пока с Жанной беседовать в темноте.

17.I.42.

Сегодня я остался в постели, слабость, пульс опять 25. Надя побежала на Охту.

Надя кормит меня "на убой", но все зря. Впрочем, очевидно, не зря, иначе бы умер. Как изменилась сейчас, между прочим, манера есть. Наслаждение доставляет жевание всего твердого, потому что неделями и месяцами сидишь на чае и супах. Я, например, хлеб и лепешки всегда ем отдельно от чая и супа. Больше всего я люблю утром хлеб есть, укрывшись одеялом с головой, в сухоматку, и только доев его, я пью стакан голого чая. За обедом я ем хлеб либо между 2-мя тарелками супа, либо с супом, но дожевывая кусок до конца, и только тогда заедаю супом. Ем сосредоточенно, не выношу, когда со мной разговаривают, как молитва. Хлеб жую с упоением, дожевывая его до жидкой кашицы, пока только можно глотать. Рот набиваю полный, в отличие от Жанны, которая ест крохотными кусочками, растягивая еду на полчаса. Она сперва съедает суп, потом гуцу и хлеб, я – сперва гуцу и кончаю всегда обязательно жидким. Надя и мама едят нормально, как раньше (в смысле манеры).

Хочется записать несколько характерных черт этого периода. Смерть стала настолько обычным явлением, что вот, например, когда маме в булочной стало душно, она упала и сидя на полу попросила посадить ее на стул, ей продавщица сказала: "Бабушка, вы вот там на ступеньках сядьте умирать". Довести ее до

дому никто не хотел. Когда она долго не шла и Фаня высказала предположение, не случилось ли с ней что-либо, я первым делом подумал о том, что у нее все хлебные карточки, и что если они все пропадут. Карточки стали дороже матери.

По улицам временами возили покойников. Часть в гробах, плохоньких, иногда фанерных, а многих – просто завернутые в тряпки. Провожающих нет. Везут обычно двое на саночках, быстро, лица не выражают никакого горя, везут на свалку ненужную вещь. Многие, как и Лидию Степановну, не довозят, бросают на дороге, подбрасывают в соседние дома. У нас в доме умерли одинокие старушки. Соседи их сразу же обокрали, в том числе прежде всего карточки. Без сдачи карточек не выдается оформление на похороны, да и некому о них беспокоиться, так они и лежат в своей комнате уже больше месяца. Хорошо еще, что холодно. У Софы умер отец. Она на днях его хоронила. Обещала рассказать про ужасы, которые она видела. Два дня она стояла в очереди в Райсовет за похоронкой. На кладбищах покойников, как говорят, вынимают из гробов и сваливают в траншеи, вырытые экскаваторами или просто складывают штабелями. Из больниц, говорят, ежедневно увозят по несколько машин покойников. Смерть кругом. И все в основном мужчины. Крепкие мужчины. Пожилая уборщица на базе, на Охте, говорит: "Женщина начнет валиться весной, помяните мое слово". Возможно.

В аптеках либо нет лекарств, либо они не принимают рецептов из-за холода и отсутствия света. Скорая помощь не выезжает, квартирные врачи не приходят иногда по 10 дней. В больницу устроиться трудно.

Живем надеждами. Радио работает не всегда, а когда работает, то тихо и стоит оно у нас в коридоре (в комнату нет сил переставить), и мы последние 10 дней почти не в курсе сводок и передач. Была на днях речь Попкова⁴⁸, в которой он будто бы обещал скорое облегчение. Будто бы он передавал о том, что взяла Мгу. Будто бы (это уже просто из области слухов), что от Тихвина до Вологды все забыто эшелонами с продовольствием для нас. (Это, кстати, слишком мало, все дело ведь не в количестве продовольствия в Союзе, а в подвозе.)

Ряд симптомов говорит о том, что после 20 января должно стать легче. Упорнейшие слухи ходят о прибавке хлеба. Военным уже прибавили. Ясельным детям тоже. Проводится перерегистрация карточек. Фанину знакомую, шоферу Марусю, вызвали в райком и предупредили, что на днях ее мобилизуют, как и всех других шоферов, для срочной перевозки продуктов в Ленинград. Очевидно, Северная дорога либо еще долго будет восстанавливаться, ведь немцы ее полностью, говорят, разобрали на свои блиндажи, либо речь идет о развозке на базы, уж я не знаю. Вообще точно сказать, что делается на Ленинградском фронте, я не могу, но все разговоры сводятся к тому, что после 20-го станет легче. Начнется выдача продуктов и, может быть, увеличат норму. Но время так тянется, люди мрут, каждый день – мука. Несчастный город, сколько он переживает, во что он превратился!

Чтобы достать дрова, сейчас появилось три варианта. У нас во дворе один меняет 3 кубометра на 8 кило дуранды. Значит надо достать дуранду. Борис Кинавичев обещал на спирт, но пока нет ни у него дуранды, ни у меня спирта. Я, по-видимому, уже больше достать не смогу. Последний раз я попилил дровишек и на другой день был совсем разбит, а после совсем ослаб. Мы заняли немного дровишек у Мирона, чтобы Борис Кинавичев обещал на спирт. За хлебом сейчас простаивают утром 2–3,5 часа. Днем хлеба уже не бывает, а иногда бывает и без очереди, но перебиться так, чтобы брать не утром, не удастся. Берем всегда сегодня на завтра и съедаем за 2 раза. Ну, пока кончаю.

Глава 5. Стационар

Здесь я хочу описать один, очень характерный и важный момент нашей жизни, почему-то не попавший в дневник.

Где-то в конце второй декады января мне стало совсем плохо. Надя сообщила на студию и там приняли возможные тогда меры. В то время в Ленинграде стали открывать Стационары – нечто вроде больниц для дистрофиков. В них можно было лежать хоть целый день, кормили чуть больше, чем "на воле", и всегда близко был врач или медсестра.

В нашем Невском районе (где находилась студия) такой стационар был организован в помещении поликлиники, на проспекте Обуховской обороны (теперь Шлиссельбургском), у стен самого крупного в районе завода "Большевик". По-видимому, дирекция студии договорилась с райкомом, райсоветом или непосредственно со стационаром, чтобы они взяли меня. Наде сообщили, чтобы она доставила меня туда, по дороге зайдя на студию.

Надя повела меня. Шли, конечно, пешком. Шел я с огромными усилиями, останавливаясь. Подходил к студии, уже совсем теряя силы. Вошел в кабинет директора, упал на кресло и расплакался, как ребенок. Слишком большое было напряжение и слишком больно было ощущать свою полную беспомощность. Меня накормили супом и стали готовить ко второй половине пути. Достали какие-то саночки, Аня Ивантер (машинистка) дала для меня свое красное ватное одеяло. Они посадили меня на саночки, закрыли одеялом и Надя потащила меня. От студии до стационара километров 6, если не больше. Хрупкая, измученная женщина тащит за собой санки, на которых сидит закутанный в красное одеяло крупный и грузный мужик. Могу себе представить, как это выглядело со стороны. Но тогда такие сцены никого не удивляли.

Надя дотащила меня. Как она смогла это сделать, мне и сейчас непонятно. Но она меня дотащила и спасла мне жизнь.

Меня уложили на кровать. А она пошла пешком домой, на ул. Чайковского. Километров 12. До сих пор я в неоплатном долгу перед ней.

22.I.42.

Лежу в стационаре. Отдыхаю, но вообще это своеобразная пытка. Кормят мало и промежутки совершенно нечем заполнить и отсчитываешь мучительно тянущиеся часы до следующей ложечки каши, маленькой, до обиды. Стационар для подкормки. Утром, часов в 10, один стакан черного кофе, 50 г сахару и на сутки вперед хлеб 350 г, потом в 12 – 1 завтрак, грамм 80–90 каши, крохотная ложечка, часа в 4–5 обед из тарелки супа, так себе, второе – обычно опять кашка, иногда мясного мало-мало, потом ужин часов в 8, опять из супа и каши или лапши, опять крохотная порция, которая исчезает во рту за 4 раза, и часов в 10 вечера стакан голого чая без всего. Есть хочется до тоски. Обстановка такая. Стационар переживает организационный период, он ничем не обеспечен. Воды нет, ее таскают откуда-то ведрами, экономят. Уборной нет, в коридоре стоит ведро для всех палат. Света нет, в коридоре горит коптилка, да в нашей комнате у одного собственная коптилочка. Дров мало, за них дерутся, скандалят, прячут под койками.

24.I.42.

Продолжаю. Воды так мало, что на умывание в сутки на человека дается полкружечки. Вчера – смех, валерианку (единственное лекарство) давали без воды, прямо одни капли с ложки. В нашей палате на четверых один халат. Вчера мы утром получили сверх конфет по 20 г масла, неслыханно обрадовались, а потом узнали, что "за это" отменили 12-часовой завтрак. Упали духом. А за

обедом нас еще "ударили", объявили, что отменяется гарнир к мясному и ужин будет из одного блюда вместо двух. Я впал в отчаяние. Сегодня ночью нас обстреливали, снаряды рвались каждые 5–10 минут где-то совсем рядом, в нескольких ста метрах, стекла дребезжали, открылась форточка. Впечатление было, что снаряды рвутся непосредственно рядом с нашим зданием, ежеминутно ждали попадания, был слышен выстрел и через 3 секунды – разрыв. Мысли были самые тяжелые, вместо улучшения с продуктами – ухудшение. Утром нас порадовало известие, совершенно неожиданное, что всем прибавлен хлеб по 50 г. Потом прекратился обстрел, а нас накормили хорошими завтраками, дали два стакана какао (вместо обычного сахара) и одно яйцо. О яйце мы знали еще накануне и ждали его сутки. Сколько было о нем разговоров! Сегодня мы его получили в 11 часов утра, а уже с 7 часов утра только о нем и говорили. Кто как будет есть и т.д. Мы все намяли его с хлебом в кашку. "...За благом следуют печали, печаль же радости залог", или как там у Пушкина⁴⁹. Сестра-хозяйка сказала, что сокращение нашего меню временное, ввиду перерасхода норм или фондов по стационару, и потом будет опять лучше. Значит, это еще не общегородское. Короче говоря, настроение стало опять хорошее. Удручают домашние дела. Вчера звонил Наде, дров у них нет, есть нечего, беда.

Мои соседи по палате – три старика. Два глуховатых. Один интеллигент – Рождественский Иван Васильевич, старый врач, лет 53–55, болезненный, худой, замкнутый, по-видимому, очень хороший человек, но сейчас находящийся в страшно тяжелом положении и весь ушедший в свои страдания. Он главврач поликлиники, которая в этом же доме, служащие приходят к нему часто. Маруся, уборщица, с ним на ты и боготворит его, как рабыня, ухаживает нежно. Он с ней мягок, но, бывает, когда нужно, строг с другими. Лежит, не вставая.

Второй старик – завхоз райкома, Нагорнов Иван Захарович, лет 57, сухой, домовитый, очень ограниченный. Ходит в красном лыжном костюме, платке на голове и завернутый в одеяло. (Халат общий дали только сегодня.) Довольно живописен. Имеет обыкновенную коптилочку, топит печь, конопатит окно, говорит больше о еде: "Вот если бы этой каши, да полную миску" и т.д. При каждом предварительном шуме вскакивает с койки в коридор, не тащат ли термос с очередной едой или дрова. Немного сварлив, немного обидчив. Его порции ему всегда кажутся меньше других, скандалит и обычно зря.

Третий мой сосед, собственно, не старик ему лет 45–48. Это Елисеев Георгий Николаевич, зав. финотделом райсовета. Это просто дурак, длинный, тощий, глуховатый, говорящий резко, но невпопад и невнятно, ограниченный и необразованный до ужаса. И занимает такой пост. Видимо недобр, мелочен, грубват.

Жизнь стационара – богатейший материал для Зощенко и Чехова. Как жаль, что я слаб и трудно пробовать себя.

Вечерами, когда теплится коптилочка, в печи шипят мокрые осиновые дрова, мы лежим. У печки сидит Маруся, пришедшая к Ивану Васильевичу. Она не обедала два дня. Столовая "Большевика" остановилась, нет пару, света и воды, а в лавках все еще ничего не выдают. Сегодня она достала в лавке по какой-то карточке грамм 200 муки вместо крупы, насыпала часть ее в кружку с водой, разболтала и кипятит в печке, сидя перед ней на табурете. Это ее обед. Идет унылый разговор о голоде, о падающих на улицах людях, о том, как Марусе перейти на другую должность, чтобы получить 1-ю категорию, о том, что будет. Уныло. Мысли все время не уходят от дров, от холода, от еды, хлеба, слабости, безнадёжности, неисчислимых тягот жизни, трудности пешего сообщения. И т.п.

А ожидание обеда? Когда лежишь под одеялом по возможности недвижно, чтобы не будоражить аппетит, смотришь на часы и обеда все нет и нет. Уже

вместо трех часов – четыре, пять, все кажется, что его несут, в коридоре гремит дверь, что-то тащат, оказывается, кровать. Потом начинают давать со второго этажа, значит, еще ждать. Потом почему-то минуют нашу палату, потом оказывается, что не хватило почему-то вторых, потом еще что-нибудь. Один раз ужинный суп пролили, целый термос, поехали снова на кухню ресторана "Большевик", срочно развели печь, сварили мучную болтушку. Ужин запоздал на три часа. Один раз стали взвешивать на весах гречневую кашу. Из 70 порций (нас 70 человек) не хватило 19, конечно, нам. Опять ждали без конца, принесли пшенную, так хотелось гречневой. А как обидно, когда минуют палату или когда уже приготовишься и хлеб начнешь жевать, а суп кончился и пошли за вторым термосом, опять жди 10 минут.

Пояснения к записи 24.I.42.

Этот обстрел мне особенно запомнился. Немцы с удивительным спокойствием и деловитостью обстреливали задний квадрат, завод "Большевик", который делал в значительной доле военную технику. Разрывы снарядов, через совершенно одинаковые промежутки времени перемещаясь по территории завода, на которой находился и наш стационар, по прямой линии в одну сторону, потом, чуть сместившись в бок, шли назад. Там опять смещались дальше вбок и шли опять по третьему ряду. Мы слышали приближение разрывов. Разрыв совсем рядом. Следующий – мы. Все замерли. Но разрыв в стороне, а затем все дальше от нас. Миновало. Облегченно вздохнули.

Несколько слов о кормежках. Наша палата – все лежачие. Нам приносят. Но сколько переживаний каждый раз. Тягучее ожидание, волнение, вдруг что-то помешает. Обидно до слез, когда пронесли мимо нас в соседнюю палату. Стояли в дверях палаты. Один раз поймали девушку, разносящую обеды на "страшном преступлении" – спускаясь по темной лестнице, она пальцем подхватывала с тарелок по "клочку" каши и совала себе в рот. Ее поймал притаившийся в углу один из больных. Но это мелочь. Сколько было хищений продуктов служащими стационара. То говорят, что получена бутылка вина для подкрепления слабых. Но она якобы лопнула (замерзла) и вино разлетелось. То якобы везли на саночках из кухни бидон с супом, он упал, суп разлился и т.п. Уверен, что все это было вранье, составлялся акт и "разлившееся" раздавалось сотрудникам. Но надо и их понять. Мы голодны, но лежим. Они голодны, но должны работать. В то время люди становились эгоистами. К сожалению, это – закон природы, и в той или иной мере проявлялся тогда у всех.

26.I.42.

В стационаре бурно. Новый главврач проводит реформы. Посадил всех обедать в темном коридоре, рядом с парашками. Про лежачих забыли совсем. Началось перемещение из палаты в палату, заменяется персонал, начался ремонт. Хаос полный, беспорядков стало еще больше. Сегодня мы остались немыты и неубраны, и завтракали позднее. Меня еще донимает забота о карточках. Книг нет, тоскливо. Иван Васильевич ушел и поговорить стало не с кем. Дома 0 °С, дров нет, есть нечего. Телефон с городом не работает, я изнервничался. Скандалы кругом, крики, никакого покоя и ухода.

29.I.42.

Время идет. Я лежу, но начинаю ходить и, пожалуй, все же становлюсь крепче. В городе, по рассказам, совсем плохо с продовольствием. Даже хлеб теперь люди по 2–3 дня не получают, простаивая по 5 часов на морозе –30°–35 °С. Кошмар. Телефонная связь с городом нарушилась, и я уже дней 5–6 не могу связаться со своими. С громадным трудом, потому что я лежачий, получил

свои карточки и сегодня дежурная сестра Дуся понесла мое письмо и карточки ко мне домой (она идет на выходные к себе на ул. Халтурина. Нелегкая задача, километров 15 в один конец). Я ей плачу за помощь в получении карточек и за заход на студию и домой – 50 руб. Вот какова жизнь.

У меня выработалась довольно смешная система питания, но я дошел до нее, ища наиболее рациональную форму использования своего пайка. Мы обычно просыпаемся часов в 5–6, зажигаем коптилочку, разговариваем, нам меряют температуру, подметают, ходим в коридор, моемся (полкружки над ведром). К 8 часам уже нестерпимо хочется есть, а завтрак по расписанию в 10 часов, а фактически запаздывает до 11–11.30. Съедаем первую порцию хлеба, грамм 75, часов в 11, с завтраком я съедаю грамм 100, из них 75 вчерашнего, 25 нового. Потом в промежутке до обеда грамм 75, за обедом грамм 50, до ужина грамм 25, за ужином грамм 75. Весь хлеб я ем в таком виде: с маслом по утрам мякиш, кладя на него масло ломтями (масла всего 15 г). (Во всех случаях я хлеб нарезаю потом на кубики, самый последний – самый большой.) Количество, конечно, определяется не расписанием, а условиями данного дня. Я никогда не ем хлеб с супом, чаем и т.д., а всегда – до или после, сосредоточившись и разжевывая его всухомятку до жидкой гладкой кашицы. Хлеб, идущий, например, к обеду, я съедаю за 15–20 минут до обеда, специально, чтобы "испортить" аппетит. Это поможет, обед при таком испорченном аппетите кажется сытнее. Впрочем, испортить мой волчий аппетит хоть на немного, почти невозможно. Суп я ем жижицу, а потом гущу, второе с наслаждением жую крохотными порциями, прослюнивая до отказа, а последней ложкой набиваю полный рот. Ем всегда молча, сосредоточенно и медленно. Хлеб, съедаемый в промежутках, ем обычно закрывшись с головой одеялом, лежа.

Смешно, что такой большой процент записей касается еды, но что делать? Голод, равного которому не знает история последних веков, царит в городе. Смертность совершенно ужасающая, у нас в стационаре 70 коек, за день умерло более 10 человек, по городу умирало уже 15 дней тому назад 15–20 тысяч человек в день, а сейчас, наверное, еще больше. Я боюсь точно сказать, но ведь в течение января рабочим было выдано крупы за 2–3 выдачи около килограмма, причем большинство получило мукой, так как не дождалось крупы, а иждивенцы едва ли грамм по 500. Кроме крупы, по-моему, давали немного мяса, примерно половину, т.е. примерно 200 и 500 и все. Это на месяц! Не знаю, вот, кажется, пока я лежал, выдавали масло грамм по 150 и еще перебои с хлебом, и страшные морозы до 30 °С. Ну, как можно выжить? Голодные годы [19]18–19, когда их вспоминают старики, кажутся раем земным по сравнению с этим периодом. Город вымирает. И я чувствую, что конец будет не скоро. Наше наступление на фронте, по-видимому, рассчитано на окружение немцев через вбивание клина на Псков–Кингисепп–Финский залив. Сейчас по смутным сведениям (радио здесь нет, сводки скупы и мы узнаем о них по рассказам приходящих "с воли" раз в несколько дней, газетки попадают редко и с запозданием дней в 5) наши части взяли Невель, значит, клин вбит дальше Новгорода. После окружения надо еще уничтожить. Эта операция продлится месяца два, т.е. до апреля. Тогда, может быть, наладится снабжение, но начнутся другие кошмары. Начнется тепло, которого мы так страстно ждем и которое принесет смерть многим оставшимся в живых. Оттают трупы, брошенные в сугробы, нечистоты, выплеснутые во дворы, появятся мухи, появится тиф, холера, поносы, которые начнут косить людей, истощенных к тому времени до предела. Страшен будет Ленинград весной 42 года. Трамваи не ходят, свет не горит, вода и уборные не действуют по всему городу. Предприятия почти все стоят. Даже больницы некоторые вынуждены закрываться, так как замерзли и полопались все трубы отопления и водопровода. Заморозили даже райсовет Володарского района.

До меня дошел слух, что вновь началась эвакуация из Ленинграда. Эвакуируют женщин, стариков, детей и тех мужчин, кого отпустит военкомат и служба. Я думаю, что меня бы отпустили. Позволяют брать до 30 кг груза, везут на поезде до Ладожского озера, потом на машине через озеро и там поездом до Ивановской, Ярославской или Вологодской областей. Я хочу ехать. Это перелом в моих взглядах, но я хочу ехать. Я боюсь за Надю и Жанну. Я отдохнул, теперь, может быть, дотяну, а они нет. Мама умрет. Я не верю, чтобы она смогла все это пережить. И я чувствую, что не смогу ее похоронить. Ее свалят в ту же кучу, невытую, неодетую, завернутую в тряпье.

Меня смущает во всем этом только мое сердце, которое теперь ослабело так, что при малейшем физическом усилии колотится до 140–150. Ведь дороги с пересадками, с 120–150 кг багажа, это не шутка. Как я справлюсь с этим в условиях суровой зимы? Я хочу ехать в какой-либо дружной компании, хотя бы таких же слабых, но друзей. Я написал Наде, просил разузнать. Выйду отсюда, займусь этим вопросом. Мне страшно не хочется покидать Ленинград, с которым у меня связана вся жизнь, покидать его, столько перенеся в нем, но, кажется, придется. Иначе смерть.

Как близко все время стоит смерть перед глазами. Как часто слышишь о смерти знакомых. Кругом смерть. Тихая смерть, глупая, обидная. Я ведь еще не жил. Да я-то не умру, я так хочу жить, что не дам себе умереть. Но Надя и Жанна?

31.I.42.

Вчера при раздаче утреннего завтрака осталось немного сырковой массы, вечером ее по списку, составленному нашей докторшей Валентиной Аксентьевной Аленушкиной, принесли раздавать слабым, больным. В нашей палате оказалось так, что получили двое, а "ответственный" Елисеев не получил. Что с ним случилось! Он разволновался, рассердился, запротестовал (от часто ходит отсюда на службу по несколько километров, крепкий и вполне уже ходячий). Валентина Аксентьевна испугалась, вычеркнула кого-то, а ему дала. Ужасная вещь. Этот Елисеев очень типичен. Он вполне здоров, но его положили сюда и приказали считать больным. Он требует, именно требует себе и витамин, который дается только слабейшим, и жадно глотает все лекарства, не разбираясь от чего они, вчера он даже забыл, что взрослый и солидный, и вел себя, как обиженный ребенок. Кроме него не получил еще старик Пигоров. Тот тоже расстроился и почти плакал, говоря о 31 годе непрерывного трудового стажа и т.д. Ему тоже в конце концов дали. И что дали, полстоловой ложки творога. Из-за пол-ложки творога взрослые люди готовы плакать или теряют самообладание. Ужас.

Сегодня сестра-кастелянша очень неосторожно передала при всех нас Цветкову сверточек от жены, а его жена – сестра-хозяйка. Они всячески скрывали свое родство, но дело здесь ясное, они его тоже достаточно здорового сюда устроили, она его подкармливает тем, что крадет в кухне. Старик Пигоров сказал: "Эх, Цветков, хорошо иметь знакомых", – и его голос дрожал от подступивших слез. Цветков страшно "обиделся", на воре "шапка горит", и стал грубо объяснять, что жена делится с ним пайком, повздорили. Однако, очевидно, он и перетрусил. Он всегда был хамоват, а тут вдруг стал "Павел Владимирович" и ласковый тон, и как живете, расспросы и т.д., а за обедом его жена, Мария Павловна, сама пришла разносить нам обед и принесла в нашу палату раньше всех горячего и густого супа. Замаслила. Эх, на моем месте Чечулин мгновенно бы использовал ситуацию – "выручка пополам или донесу". Впрочем, и я хочу так же сказать, когда окажусь с ним наедине. До чего только голод не доведет.

Крадут все. Откуда-то появились фальшивые бирки на обед, очевидно, леком согласился стукнуть печатью за полкотлетки. Сегодня масла принесли 10 г вместо 15, потом после скандала довесили, говорят, в кашу, да ведь всего-то нам 30 полагается, еще неизвестно где те 5 г (5 – в суп). Какао полагается по два стакана, наливают по 1,5, желе дали в I этаже по 90 г, а во втором – по 70, сахару сегодня дали по 30 г, очевидно, вычитая 20 за вечерний творог, но творог они сами ведь не сахарили, это сырковая масса. Вчера был плов, где количество мяса уж, конечно, было меньше положенного по норме, и так без конца. Омлеты выехали с фабрики-кухни с довесками, а приехали без довесков и т.д.

Жаль Валентину Аксентьевну. Она почти плачет. Она проводит здесь на ногах почти весь день и вечер, спит в нетопленной комнате и ее не берут на питание. Голодает. Главврач с ней груб. Тяжело ей. Она хочет уехать с сестрой в Новосибирск. Она беспомощна. Спрашивает всех насчет эвакуации, спрашивает, как устроиться в военный госпиталь. Шутка сказать, ведь для этого нужно передвигаться, а транспорта нет.

Транспорт. Ленинград без транспорта. Хлеба в магазинах не хватает и люди стоят по 3 дня, не получая хлеба, потому что на хлебзаводе воду возят на саночках из Невы вручную. Хлеб месят вручную из-за отсутствия электроэнергии, а ее нет, потому что топливо от правобережных лесов не на чем привезти. Трамваи не ходят и телефон работает не всегда, и почта еле-еле по 5 дней в черте города. Для какой-либо справки надо тащиться пешком. Мне 50 руб. стоило переслать домой письмо. В каких-нибудь 50–80 километрах от Ленинграда лежат все необходимое, продовольствие, топливо, надо возить на машинах, нет горючего, нет транспорта. Постоянное явление, что на базах есть продукты, а в магазинах нет. Впрочем, в январе и базы пустуют. Подвоз в условиях снежной и холодной зимы на машинах очень сложен. Ленинград съедает в день с армией (2 + 3 млн) считая на круг по 700 г сухих продуктов (население в среднем не более 300 г в день фактически и 400–500 – теоретически), 3–3,5 тыс. тонн, т.е. около 3 тыс. машин. II – топливо, боеприпасы и пр. Тяжелая задача. Замерла жизнь без транспорта.

Интересные некоторые физиологические ощущения. Пальцы "набухшие до размера комнаты", "кидание поперечное и продольное, когда закрыты глаза". Первое, очевидно, от повышенного давления. В туалет хожу сейчас регулярно раз в 5 дней. Страшно слабы ноги и сердце, малейшее усилие – сердцебиение, утомляемость через 5 минут, щемящие боли в сердце, особенно, когда лежишь на левом боку. Больно сидеть, ведь тазовые кости торчат, покрытые только тонкой кожей. Мужчины и женщины утратили свои специфические физиологические функции, свои способности и потребности, отличавшие одних от других. Стали бесполовыми дряхлыми существами, про которых уже трудно сказать "он" или "она". Это какое-то жалкое "оно".

Куда ехать? И как удастся ли? Хочу в Новосибирск или к Виктору в Йошкар-Олу.

Пояснения к записи 31.I.42.

Несколько слов, характеризующих то, как изменились люди тогда. Туалет стационара. Комнатка. На полу ведра. У стены ведра и над ними доска. Это для слабых, кто не может "орлом". Туалет общий для мужчин и для женщин. Я помню, как я сидел там над ведром, а рядом сидела над ведром медсестра, и мы разговаривали так же свободно, как говорили бы раньше, сидя рядом на диване. Ни малейшего стыда. Все "нормальное" ушло, как сегодня ненужное. Нужно и важно только одно – выжить, а для этого есть, есть и есть, а в этом вопросе все люди одинаково едины, и мужчины, и женщины.

1.П.42.

Вот и 1 февраля. От него много ждали. Впрочем, ждали и от 20.I. перелома к облегчению. Пока ничего. Я лежу, слаб по-прежнему. Надя мучается по-прежнему. Город вымирает. Я блаженствую только от тепла. В нашей палате градусов 17–20, я заменил даже ватное одеяло на байковое. Погода мягкая, дров хватает. Зато дома мерзнут. Я хочу здесь подольше побыть. Может быть хоть сколько-нибудь окрепну и смогу стать полезным членом семьи. Елисеев выписался. На его место перешел Солуянов⁵⁰. Теперь я в очень теплой и дружной компании. Василий Васильевич Пигоров, директор ФЗУ комбината Тельмана, старичок-текстильщик, слабый, но сердечный старик, рассказывает много интересного о Германии, где он был в [19]28 году в командировке. Цветкова мы переделали. Он теперь начнет по мере возможности использовать свое родство, от которого он уже не отказывается, для улучшения нашего общего питания всей палаты. Пока это возможно будет только иногда в виде более густого супа. У нас тоже устанавливаются хорошие с отношения Фимой Ивановной. Да и то, что Пигоров – отец одной из дежурных медсестер,* – тоже удобно. Она заходит часто. Боюсь только, что долго здесь не продержат. Все же голодно здесь. До сих пор не могу достать книг, и в промежутки между кормежками либо дремлем, либо беседуем. Во время же беседы любая тема скатывается к еде. Мы и так, и этак, а она, мысль, съезжает к еде, как лошадь к конюшне. Сил нет совсем не думать о еде.

8.П.42.

Жизнь идет нудно и бурно одновременно. Я по-прежнему лежу, слаб и голоден. Со мной лежат Василий Васильевич, Солуянов, Цветков. Василий Васильевич приятен, неглуп, душевный человек. Паша назойлив, но свой, киношный человек. Цветков изводит грубостью и глупостью. Свой блат он использует только для себя, и мы с ним все в той или иной мере переругались.

Новый главврач, побушевав первые дни, устал, отказался от ряда реформ, кое-чего добился, кое-что развалил. Обедают опять по палатам, стало тише и лучше. Зато часы питания стали шалить, меню тоже шалит. Он, оказывается, поссорился с зав. фабрикой-кухней и отстранился от питания, которое перешло в ведение Ломтева, главврача соседнего стационара завода "Большевик". Наш суточный рацион сейчас следующий:

Утром хлеб 400 г, масло – 15 г, яйцо вкрутую или творог – 75 г (через день), какао или кофе холодное и без всего – 2 стакана (через день). Днем обед, суп гороховый, лапша или альбуминовый 500 г, жидкий, на второе (через день) или котлеточка с 35 г гарнира или каша грамм 90–105 (рисовая, пшенная, лапша, гречневая), иногда третье – желе из какао. Мясное бывает, кроме котлеточек, шницель, по одному разу был даже кусок утки (грамм 50) и кусок свинины (грамм 70). Ужин последнее время – либо суп и творог, в тех же количествах, либо творог и какао, либо кашка и кофе и т.п. Еще утром, я забыл, дают сахар, грамм 30. Вот и все. Хлеб последние дни черный, а как-то был белый. Голодаем. Что же говорить о людях, не лежащих, как мы в тепле, без работы, а работающих на холоде и получающих половину нашего, а иногда только хлеб.

С семьей я имею самую нерегулярную связь. Иногда работает телефон. Надя простужена и лежит. У них холодно и голодно. Я уже 6 дней не могу переправить ей письмо. Медсестра Дуся все хочет идти в город и занести, но все не идет. Погода теплая, мороз, но небольшой.

* Далее слово неразборчиво.

На Ленинградском фронте тихо. Блокада все не прорвана и нет надежды на скорое облегчение с продуктами. 20 января, от которого столько ждали, давно прошло. После него выдали населению грамм по 200 масла, сахара и крупы и все.

Приближается весна и с ней болезни. Я твердо решил бежать из Ленинграда. Мы договорились с Солюяновым действовать вместе. Мы хотим переводиться в Новосибирск с заездом на отдых куда-либо по дороге и сделать это в феврале, а то будет поздно. Эвакуация идет и при его связях это может выйти. Надо бежать, чтобы выжить.

Мы оторваны от жизни здесь, но и то, что мы видим вокруг себя, ужасно. Из 18 санитарок 12 – на бюллетенях, от той же дистрофии. Был день даже, когда работала всего одна. Некому пилить дрова, некому возить из Невы воду. Нет керосину, и мы иногда сидим в темноте. Больные ночью выходят ощупью из палаты и мочатся прямо на пол в коридоре, потому что тьма и ведра не найти. Белье не меняют, темно-серое, некому стирать и нет воды, лекарств не хватает, посуду, из которой мы едим, мы моем сами, кофе или супом (и съедаем, конечно), а водой удастся ее помыть раз в 3–4 дня. Тело у меня давно не мыто и поросло корой.

В заводских столовых кормят супом из ржи. Как правило, предприятия не работают. Смертность сильнейшая и пока все еще подавляющее преобладание мужчин. Хлеб последние дни выдается в магазинах, говорят, бесперебойно. Табак и папиросы невероятно поднялись в цене. Одна папироска стоит 5–10 рублей и больше. Спичек нет, их считают по штучке и ценят высоко. Все измучены. Работа идет еле-еле.

От голода люди теряют самообладание. Больные, когда разносят обед, стоят с тарелками в дверях палат и суют тарелки раздавальщицам, крича и умоляя скорее принести.

Газеты полны однообразных эпизодов об истреблении фашистов и статей о том, что необходимо самоотверженно работать на предприятиях и приводить в порядок жилой фонд.

9. II. 42.

Первое надоело своим однообразием, второе – все страшно, ужасно правдиво, но ведь люди-то еле ползают. Разве трубы замерзли потому, что мы не знали, что их нужно утеплять? Люди, бедные люди, еле дотаскивали ноги до постели, ощупью в темноте и холоде залезали под матрасы, чтобы согреться, но дрожали всю ночь. Бедные люди, несчастный город.

Матусов сказал мне вчера, что я в списке небольшой группы, которая при первой возможности эвакуируется. Отрадно, но когда будет эта первая возможность? Последние два дня я как будто немного крепче. Но, впрочем, и раньше иногда мне казалось, а потом возвращалась слабость такая, что было трудно перевернуться на другой бок.

Из-за скудного питания очень редко посещаем туалет. Сегодня седьмой день как я там не был. Сколько можно? Из последних сил сделал себе массаж живота. Не помогло. Внутри камень. Пришлось применить особые меры, о которых и не напишешь.

Сейчас в палату заглянула сестра и сказала: "Вам выписана валерианка и пилюли Блауде, ни того и ни другого нет". Это обычное явление. Нет салола, нет кальцекса, валерианки, препаратов железа, вазелина, ничего. Даже каких-нибудь слабительных.

Василий Васильевич, красивый высокий мужчина 50 лет, смуглый, чернобровый, кареглазый, седой, очень сердечный, очень прямой. Сейчас он очень слаб. Говорит, делая вздохи между словами и повторяя слова. Любит расска-

зывать про Германию, где он был в [19]28 году. Он член партии, но все оценивает по своей совести. Влюблен в германские предприятия и жизнь. Последние дни он совсем впал в детство и в психоз. Он съедает утром весь хлеб, потом закрывается с головой и пытается спать весь день, чтобы переспать промежутки, ночью не спит, мучается, постоянно спрашивает который час. Лицо искажено страданием. При каждом подозрительном шуме в коридоре, он, невзирая на слабость, выбегает в коридор, долговязый, в висящих кальсонах и незаправленной фуфайке, и, не увидев обеда, с отчаянием бухается на койку. Когда начинается выдача обеда, он начинает бесноваться, хватает тарелку (хотя должен лежать и ждать, пока разносчица сама в палату не принесет) и, выбежав в коридор, волнуется, охает. Когда всем принесут, все смотрят друг другу в тарелки с завистью, всем кажется, что у соседа больше и гуще. Ужас, как звери, как дети.

О чем говорят лежа на койках:

— Вот, если бы всего столько же, да прибавили бы хлеба до 1200 г, три раза по 400 г, вот бы и хватило.

— Нет, хлеба хватило бы и меньше, вот каши бы добавили бы больше, полную миску.

— Жиров надо, мяса. Вот я до войны, например... (и начинается какой-либо рассказ, как, кто, где ел, рассказ про самую обыкновенную еду, но которой было много, и начинается пытка).

На днях кто-то "сам слышал" по радио о прибавке хлеба. Все оживились. Говорят, что по ту сторону озера продуктов прямо завал, на каждого хватило бы по мешку крупы. Возят все время, но только на машинах. Не успевает и транспорт внутри города. Вообще еле дышит.

Сводки скудные. О них говорят так: "Да ничего особенного, эпизоды разные". Это эпизоды о том, как А или Б истребил трех фашистов, в то время как в Л[енингра]де умерло 20 000 героев, изводят. Тактика наших армий понятна. Хотят отрезать немцев, вбивая несколько глубоких клиньев, но ведь надо закончить все это пока зима, ведь мы сильнее немцев только зимой, а морозы уже кончаются, а конца еще не видно.

Надо уезжать.

Мне кажется, что я буду, если останусь жив, другим человеком и моя жизнь будет делиться на "до" и "после" всего этого. Столько пережить.

Сейчас 14.30. Обед нам сегодня, вероятно, дадут во 2-ю очередь, после 2-го этажа, часов в 5. Сейчас разверну заветный платочек с хлебом под подушкой и с трепетом и жалостью съем немного хлеба. Сосет нестерпимо.

11. II. 42.

Вчера и сегодня беспокойные дни. Вчера звонил домой. Надя больна, лежит. Я страшно боюсь за нее. Вчера пришла сюда жена Солуянова. Она сказала страшную вещь. Ленинград со дня на день будет под карантином из-за чумы и других эпидемий, которые надвигаются на нас, и тогда прощай эвакуация, а с ней прощай жизнь. Будет к тому же трудовая повинность по уборке трупов и нечистот, раскисших от стаявшего снега. А трупов под снегом немало. Зря Солуянова говорит, что на ее глазах многие брошенные трупы постоянно заносились снегом.

Карантин, чума, холера. Надо бежать скорее. Вчера главврач сказал нам, что через 3 дня выпишет. Я же решил действовать быстрее. Надя сообщила, что сестра тети Тони Ольга, секретарь эвакуопункта, может помочь, однако не ранее 1 марта. Это поздно. Зоя говорит, что запись прекращена и уже назначенные на выезд дошли до середины марта! Матусов сказал, что я включен им в какой-то таинственный список работников студии, которых он считает необ-

ходимым эвакуировать и ждет ответа от райкома. Мало радости, поскольку это полная неопределенность.

Мы с Солуяновым решили пощупать почву. Получили справки о болезни, согласие Матусова отпустить со студии и пойдем завтра в райсовет.

Сегодня прибавили хлеба. Теперь рабочие получают 500 г, служащие – 400, а иждивенцы – 300. Радостно, но мало. Люди мрут и падают. Начали умирать женщины.

Сегодня утром нас опять обстреляли. Блокада, все еще блокада. А зима на исходе, скоро будут бомбежки и начнется, может быть, кошмар. Кто знает, успеют ли наши части завершить обход немцев? Боюсь, что нет.

14. II. 42.

Третьего дня мы с Солуяновым, наконец, собрав все необходимые документы (мед. справку, паспорт, резолюцию Матусова, заявление) и получив свою одежду, все это увертками и маневрами, поползли в райсовет и райком. Шли тихонько, сердце колотилось, точно на плечах груз. Дорога километра 3, но еле дошли, хорошо, что хоть мороз небольшой. Официально мне сообщила некая Петерс, любезно бездушная учительница, заменяющая заболевшую секретаря председателя исполкома т. Лях, около которой стояло несколько женщин, все тоже с вопросом об эвакуации, что никакой эвакуации нет. Тон ее легкомысленно-игривый, беседует со своей знакомой, неохотно отрываясь. В комнате холодно, ответы скупые, тайна, секрет, так что ничего толком не поймешь. Все же при мне она несколькими оформила документы на выезд. Насколько я ее все же понял, ежедневно по 50–60 человек они выпускают, но только тех, кто принесет справку, что их берет с собой какой-нибудь эвакуируемый завод, школа и т.п., или что их предприятие обеспечивает своим транспортом. Одним словом, организовано эвакуируются только заводы, школы и т.д., и население пока даже не записывают, впрочем, кажется (?!), другие районы эвакуируют и население. Где же можно узнать? "Не знаю". Люди уходят ни с чем.

Солуянов пошел к Мясниковой и к Мееровичу. Меерович от него заявление взял (он председатель эвакуационной комиссии и, кажется, один из секретарей Райкома) и обещал постараться устроить, но без энтузиазма, а со мной не стал и разговаривать. Я долго его ждал, потом он приехал и долго и грубо бранил плачущую официантку, уволенную "за самоснабжение" и желающую уехать. Со мной он даже не прошел к столу, а тут же у дверей сказал, чтобы мы не ходили к нему в одиночку, что директор должен дать список, что у него была ежедневная броня на 10 человек, а сейчас ее нет, и, не взяв у меня заявления, выпроводил. Я пошел к Мясниковой. Какая разница! Она – начальник особого отдела, маленькая, подтянутая, живая, с добрым сердечным огоньком в глазах. Она возмутилась, почему наша дирекция не дала до сих пор списка, кого они считают необходимым эвакуировать из своих работников. Позвонили Галкину. Оказывается, они список-то дали, но не сюда, а в горком, и он там лежит без движения. Она дружески-настойчиво потребовала, чтобы он составил новый список, в котором были бы и я, и Солуянов, и завтра передали бы ей, причем она сама за ним по дороге заедет. Мне предложили лежать в стационаре, не волноваться и ждать ее звонка. Обещала в ближайшее время устроить отъезд (!!).

Я не выдержал, у меня задрожал голос, появились слезы, я растрогался, разволновался от такого сердечного отношения. Поблагодарил, как мог. Съев в столовой по карточке Солуянова и по талону, данному Мясниковой, по тарелке супа, мы с Солуяновым побрели домой, т.е. в стационар.

От Матусова мы скрыли, что были в райкоме, но он узнал, очевидно, ему звонил Галкин.

Про Матусова в райкоме говорят с возмущением, что он, имея возможность открыть стационар при студии, не открыл его, имея возможность улучшить питание в нашей столовой, не улучшил, имея возможность спасти кадры, угробил их. Одним словом, им возмущены. Сейчас же он опустил, слаб, лежит и не в состоянии ничем заниматься. Василий Васильевич, который лежит теперь с ним (мы с Солуяновым переехали на 2-й этаж, в палату 22), говорит, что Матусов очень хорошего мнения обо мне и плохого о Солуянове, хочет мне помочь, жалеет, что я подпал под влияние Солуянова. Все это приятно, но он "лежачий камень", а под него вода не течет. Он пришел вчера к нам, уличил нас во лжи и ругал, обвиняя в паникерстве. Лежите, говорит, и лечитесь и не нервничайте, а когда выйдете, займетесь эвакуацией. Кроме того, говорит, только паникеры не видят, что скоро будет совсем хорошо.

Мне сперва было очень стыдно, потом менее, но потом я почувствовал, что он меня совсем не уговорил. Надя лежит, питаются они одним хлебом и чаем. Вот тебе и "совсем хорошо". Нет, надо ехать, на Матусова надежда плохая. Гораздо больше надежды на Мясликову. Хоть бы дольше поддержали здесь.

За окном слышна непрерывная канонада. Это только сегодня так интенсивно, а то все были отдельные периодические обстрелы, но сегодня прямо сливается в раскаты, как гром, зато где-то сравнительно далеко.

Сводки скупы, ничего не говорят. В окно мы видим, как чистят рельсы, уже давно говорят, что скоро пустят паровичок, провода порваны и висят во многих местах. Говорят, что на днях нам в стационаре включают свет. Эх, если бы свет, воду, канализацию, горючее, транспорт, топливо, жизнь возродилась бы и главное, конечно, есть, есть, есть!!!

Мы вот лежим, еще кое-как терпим, а стоило вот нам пройти, как я совершенно обезумел от голода и съел весь свой "резерв" хлеба, оставляемый на утро (грамм 150–200).

Кое-что нам прибавили, масла утром дают теперь 40 г, сахар 50–60 г, хлеба теперь дают 500 г (издвенцы 300) с II числа, служащим – 400.

Сегодня я взвесился. Без одежды 51 кг. До войны я весил обычно от 60 (в худшие периоды) до 64 (в лучшие) периоды жизни.

Каждый приход кого-либо со студии, это известие о чьей-либо смерти. Умер Барабанов⁵¹, плох Синицын⁵². Какие все были крепыши, молодые. Как обидно было бы вот так умереть от голода, на кровати, совершенно без пользы.

Сейчас хоть заметно светлее и мягкая погода.

Мы здесь в тепле, иногда даже жарко, откидываем одеяло, а они там, несчастные.

Куда ехать? Я хочу в Новосибирск, а может быть, в Йошкар-Олу? Мне даже не хочется об этом думать, пока я не перейду кордон. Вырваться из этого мертвого царства, а там видно будет. Столько пережить в Л[енингра]де, и бросить его накануне избавления, тяжело и обидно, но кто знает, скоро ли придет окончательное избавление, а весну Наде здесь не пережить, да и мне дома тоже.

Елисей вернулся в стационар.

О чем "гудит" население стационара? Все о том же, о раскладке, о пайке, о меню, об обвесах и воровстве.

Беспорядков много. Палаты воруют копилки друг у друга, на ночь воруют из уборной ведра. Фабрика кухни составляет путаные меню, разбавляют творог водой, делают супы вместо объявленной в меню каши, делают сладкие блюда без сахара, удерживая с нас сахар, и так без конца. Белый хлеб стали давать пополам с черным, однако водопроводчику дали одним белым и т.д. По меню каша манная и масла 5 г, взвешивая вместо 180, всего по 175, скандал. И так все время. Главврач отстранился от питания и занялся устройством своей квартиры. Старшую сестру опять сместили, новая, пожилая, с военного корабля, горячо

взялась за дело, но надолго ли? Старуху-раздавальщицу поймали, когда она в коридоре совала мальчишке прирезки хлеба, уволили.

Больные напоминают арестантов в висящих и неряшливых халатах, небритые. Нравы просты. Женщины и мужчины не стесняются сидеть на ведре при друг друге. Грязны мы ужасно. На теле корки грязи, белье серое, я не мылся в бане с осени, а в тазу месяца два, здесь только раз вымыл голову, да обтерся до пояса.

Нервничаем. Беспокоимся о домашних, считаем часы до еды. Но сейчас хоть есть книги. Все же здесь рай.

20.III.42 (на память)

Больше месяца не делал записей. За это время произошло много чрезвычайно важного. 18 февраля мы с Солуяновым покинули стационар. Этому предшествовало сообщение Мясниковой, что мы включены на эвакуацию на 21.II. Очень остро разрешился при уходе вопрос о карточках. Накануне нашего ухода пришел главврач и потребовал карточки. Заявил, что иждивенческие не годятся. На мою версию об утере заявил: "Доставайте, откуда хотите, а мы задержим документы". Паспорт, по счастью, был у меня с собой, а справку я решил не брать, потеряв на этом 1000 руб. (она заменяет бюллетень).

Я провел ночь без сна, в мыслях о возможных осложнениях с судом, с милицией и т.п. Утром, однако, главврач стал мягче и согласился заменить рабочую карточку талонами из двух иждивенческих. Я был рад и этому. Одна иждивенческая у меня была приготовлена уже заранее. Однако разрешился вопрос еще проще. Пришел Филиппов (начальник райздравотдела), узнав в чем дело, обругал и нас за обман (у Солуянова была предъявлена служащая карточка, сама-то по себе годная, но с израсходованным за полмесяца хлебом), он не поверил нам и главврачу, что поздно схватились, и студию, что те не проследили, а в результате распорядился никаких иждивенческих карточек не брать, а ограничиться актом. Таким образом, я оказался и с документами, т.е. справкой, и карточка осталась у меня. Я на обратном пути мог еще кое-что по ней выкупить, а именно мы пообедали с Солуяновым, и я еще принес домой кило хлеба да 100 г сарделек.

Дошел я до дома, конечно, с трудом. Выйдя из стационара часов в 12–1 и делая привал в райкоме и на студии, я был дома только часов в 9 вечера, совершенно усталый. "Кутили", справляли мой приход, моим хлебом, да сарделькой, да еще принес Жанне грамм 150 белого хлеба и грамм 50 сахарного песку.

Так закончилась стационарная эпопея и началась другая эпопея, эвакуационная.

Нужно было собраться и оформить все дела за два дня. Началась лихорадочная деятельность. Мама страшно восстала против отъезда. Тетя Зина стала отговаривать, говоря, что из совершенно достоверных источников она знает, что ко Дню Красной Армии, т.е. к 23 февраля, будет сообщено о наших громадных победах, о которых пока скрывают, и что после этого наступит резкое улучшение снабжения. На меня это подействовало и я стал колебаться, стоит ли ехать, однако, менять решение было неудобно. Военкомат решил за меня, не отпустили. Я впал в отчаяние, одновременно был рад, но больше было досады. Я пытался хлопотать, ходил с запиской Солуянова (его отпустили без всяких и он был готов ехать) в Горвоенкомат, это было ужасно, на проспект Маклина, так далеко, я выбился из сил, еле доплелся домой и, конечно, безрезультатно. Одним словом, эшелон, а с ним и Солуянов уехали, а я остался. Звонил Мясниковой. Она подбодрила, обещав подействовать включению меня в следующую партию, если я за это время выхлопочу освобождение. День Красной Армии не

принес никаких радостей. Это влило в меня энергию, и мы с Надей вновь начали действовать. Мы разыскали адрес врача, которая приходила ко мне на дом (она была больна), пошли к ней на дом, она дала мне справку, которую мне отказывались дать в поликлинике, о том, что мне необходимо по состоянию здоровья уехать из Ленинграда. Потом Надя ходила на студию и достала справку, очень хитро составленную Галкиным, о том, что я в отпуску за свой счет, но откомандировываюсь в Новосибирск. Потом Надя сама пошла в Военкомат и меня сняли с учета. Я позвонил Мясниковой, меня включили в список на 28. Началась вновь лихорадочная подготовка.

Два дня я посвятил спирту. Разлил по бутылочкам в дорогу около 2,5 л, да еще оставил 0,5 л маме и обменял кое-что на крупу. Мама все время отговаривала ехать. Кончилось тем, что ни тетя Зина, которая тоже была первоначально включена мною в список едущих в составе моей семьи, ни мама не поехали. Маму решили оставить в Ленинграде, так как ей будет слишком тяжело дорога.

30.III.42.

Подразобрали вещи. Тут еще к несчастью испортилась печь в комнате и кончились дрова. Пришлось перебираться в комнату Вениамина Аркадьевича, благо он заходит только раз в неделю, и топить мебелью. Сожгли стол, топчан, кое-какие книги, игрушки. Последний день был самый напряженный. Сварили и поели каши, так как нам предстояло много работы, пошли с Надей на студию. Получили мартовские карточки, с трудом, Галкин говорит: "Зачем? Вы же 28-го уезжаете", а я хотел по ним в студийной столовой что-нибудь успеть вперед получить. После долгих разговоров дали, но в столовой, кроме пяти порций каши не дали ничего. Хлеб Александра Маркеловна обещала на другой день дать, на 3-4 дня вперед. Я отрезал тогда хлебные талоны, оставил их, а карточки сдал Тихомировой⁵³, взял справку "по форме 7" и Надя побежала в Райсовет, а я занялся получением денег. Через пару часов Надя по телефону сообщила, что ей не оформляют эвакуационные документы, потому что у нас забран вперед хлеб (вырезаны талоны). Что делать? До Райсовета километров 6-7, время 6 часов, работа в Райсовете кончается в 7.30. Тихомирова уходит, хорошо, что она еще здесь и хорошо, что она живет на полпути к Райсовету. Обещает помочь. Я возвращаю ей талоны, она выписывает новую справку, с Надей сговариваемся, что она идет на встречу с Тихомировой. Тихомирова уходит. Я получил деньги, Матусов дал всего 500 руб., хотя студия должна мне зарплаты примерно 1100 руб. и, конечно, за отпуск рублей 500. Пошел в отдел взять фотопластинки в дорогу. Нашел отдел запечатанным. Это Чечулин с Лаврентьевым, днем ходили, активировали кражу, которая была обнаружена в отделе и, думая, что я ушел, запечатали. Это ужасно. Я остался без пластинок. Я хотел взять их для заработков в деревне. Ушел ни с чем. Пришел домой в 7.30 и сразу стал звонить в райсовет Мясниковой. Выяснил, что Надя успела и ее уже оформляют. Пришла она совершенно измотанная, уже ночью, ведь она прошла всего больше 30 км. Документы оформлены, завтра едем! Начали укладку вещей, усталые, при свете копилки, в холоде. Часам к 4-м ночи все было готово, кроме постелей и продуктового чемодана. Поспали 2 часа. Встали разбитые. Уложились. Сварили и поели еще каши. Маруся прибежала, говорит, что пришла за Мироном машина и может нас довезти. Наскоро закончили упаковку, 10 мест, такая уйма вещей. Не простившись, погрузились, поцеловались с мамой, она заплакала. Поехали на вокзал, было 9 часов утра. Началось наше странствование.

Мама брошена? Я преступник? Или я правильно поступил, оставив ее? Что ждет нас? Провожать никто не поехал, некогда.

Вокзал. Вещи тяжелы, их много. Я еле тащил их. Устроились сперва на платформе, потом в зале ожидания. Народу много. Когда и где будет посадка, неизвестно. В середине дня оказывается, что уже можно получить обед и хлеб в столовой на Арсенальной. Беру посуду, отправляюсь, жду в очереди 2 часа, пока начнут давать. А вдруг там уже посадка? Ведь отправление назначено было на 12 часов, а сейчас уже 3. Получаю на каждого по 1150 г хлеба и чудную перловую кашу с сардельками и с маслом. Иду обратно. Ноги еле идут. Жадно едим простывшую кашу. Вкусно изумительно. Сосед обвиняет соседку в краже хлеба и сахара из рюкзака. А мы-то с ним подружились и хотели вместе ехать.

В 4 часа началась посадка. Достал санки, за 100 г спирта нашелся человек. Полдороги тащил санки, потом он нам помог. Конечно, добрались да вагона последними. Кое-как устроились у дверей. Вагоны дачные, теснота.

4.IV.42 (на память)

Поехали только ночью. Незадолго до отправления в вагоне появился Ельчев. Оказывается, едет его сестра. Познакомил. Настоящая "баба рязанская". Едет в Рязань. Уговаривали ехать с ним. Потом появился еще майор, брат Ельчева, а еще позднее Ельчев приволок менять на спирт полкотла каши, грамм 300 колбасы и грамм 200 масла. Откуда достал не знаю, наверное, брат майор достал. Отдал 0,5 л. Еще было там хлеба грамм 200. Итак, поехали ночью. Стояли на путях станции, на Охте, без конца на остановках. Только на следующую ночь, часам к 2, доехали до Борисовой гривы. Лежать в вагоне, конечно, не удавалось, только Жанну на чемаданы положили. Даже сидеть было негде. В маленьком дачном вагончике было 70 человек с вещами. Питались хлебом и колбасой, выменянными у Ельчева. Узнали, что в эшелоне едет группа завода "Большевик", человек 600, на Северный Кавказ, в Краснодар, в станицу Динскую. Примкнули к ним, так как почувствовали, что одиночкам "райсоветовским" будет ехать трудно, а отделиться мы всегда сможем. После некоторых хитростей, удалось внести в их список.

Ждали, что в Борисовой гриве накормят, однако, когда приехали, объявили, что кормить будут по ту сторону Ладожского озера. Приуныли. У всех все давно съедено. Объявили, что переброска на машинах будет постепенно, по вагонам. Ждать в вагонах. Дети будут в автобусах. Составили список. На улице вьюга.

На этом дневник обрывается

Пояснения к записям 20.III.42, 30.III.42, 4.IV.42.

Мирон подбросил – мне еще пару бутылочек спирта. Что бы мы делали без Мирона! Спирт – это "валюта", и она так пригодилась нам потом в дороге.

Поездом до Ладожского озера. Помню эту ночь. Стоим в вагоне среди гор свертков, мешков, еле державшихся на ногах людей. Рядом открытая дверь туалета. Там тоже люди и вещи. Время от времени туда протискивается кто-то из едущих и его приходится пропускать. Бесконечные остановки. Ехать можно только тогда, когда в небе нет немецких самолетов. Более суток ушло, чтобы добраться до озера. Помню пересадку на машины. Площадь, темно. Люди бегут, стоят грузовики. Мы кидаем вещи на первую попавшуюся машину, с трудом влезает сами. Еще ночь, надо торопиться, так как днем через озеро ехать нельзя, немцы увидят. Едем. Водитель, по-видимому, смертельно устал, вялет. Дорога по замерзшему озеру – узкая, по бокам сугробы. Движение одностороннее. В нескольких десятках метров слева идет встречная дорога. По обеим все время едут машины. Наша машина стала вилять сильнее. Вдруг она свернула чуть в сторону и на полном ходу врезалась в сугроб. Стучим шоферу. Тишина. Он заснул. Я вылезая из машины, начинаю "семафорить" машинам, идущим за нами. Никто не останавливается. Надя срочно раскапывает сумку и

достаёт бутылочку со спиртом. Я показываю ее проезжающим шоферам. Несколько машин проехало мимо, наконец, одна остановилась. Я прошу шофера вытащить нас из сугроба. Он цепляет нас тросом и, дав задний ход, вытаскивает на дорогу. Наш шофер проснулся. Мы едем, позади уже машин нет. Мы последние из всех приехавших этим поездом. Уже рассвело. Наконец, мы въезжаем на берег. Большая площадь, рельсовые пути. Вдалеке стоит поезд из товарных вагонов, двери открыты, вагоны полны народу, это – наша партия. Мы можем опоздать, паровоз уже дымит. Мы бежим к вагонам, по частям переносим вещи через рельсы, саночки ведь бросили там, при пересадке. В вагоны нас не пускают, толкают, говорят – полно, места нет. Бежим вдоль состава. Только в последнем вагоне нам удалось уговорить стоящих в дверях вагона, нас пустить. Сунем вещи в вагон. Трудно, ведь вагон стоит просто на путях, а не у перрона. С трудом поднимаем наши тяжести. Помогая друг другу и с помощью других, залезаем в вагон. Это обычный товарный вагон, только в нем сделаны нары и посередине стоит печурка. Вещи на полу. На них спят женщины и дети. Мужчины спят над ними, на нарах. Но там так тесно, что лежать можно только на боку, причем всем на одном и том же боку, чтобы не "нос к носу". Слышен свисток. Поезд пошел. Мы эвакуированы! Куда мы едем, не знаем.

Дальнейшая наша судьба тоже была полна огромных трудностей.

Но это уже другая тема.

Послесловие

Несколько слов о дальнейшей судьбе меня и моей семьи (написано в 1993 г.)

Дорога

На поезде ехали несколько дней. Куда нас везли, я так и не знаю. Куда-то на юго-восток. Подолгу стояли то в поле, то на станциях. На вокзалах получали по поварешке каши. Хлеб давали по вагонам. Я как-то оказался причастным к дележу этого хлеба и потому (грех мой!) съедал его больше положенного. Естественно, заболел, и пришлось нам всей семьей сойти с поезда в Ярославле. Мы знали, что недалеко от этого города, в деревне Зайково живут родные Коробковых. Ехали пассажирским поездом, а потом более 20 км на деревенских санях. На них были вещи, я и Жанна. Хозяин и Надя шли пешком рядом, больше лошадей тянуть не могла. В деревне нас приняли хорошо, щедро кормили. Вела нас там местная врач. Окрепнув, я связался со студией в Ленинграде, со студией в Новосибирске и с нашим Главкомом, который давно уже был из Москвы переведен туда. Одним словом, я оформил свой переезд в Новосибирск, куда в мае [19]42 года мы с Надей и Жанной перебрались.

Новосибирск

В этом городе мы с Надей проработали с июня 1942 г. до конца войны, она – мультипликатором, я оператором, снимал военно-учебные и техно-пропагандистские фильмы. У меня первое время сказывался "психический сдвиг" – результат голодовки. Я, например, в экспедициях, обедая с товарищами в столовой, подьедал то, что они не доели, а остатки недоеденного ими хлеба уносил домой. Они удивленно смотрели, переглядываясь, но молчали. Скоро это прошло, я физически окреп, Надя тоже. Жанна пошла в школу. Мы с Надей получили участок земли в 10 соток, растили картошку, овощи и даже просо. Я с товарищами подрабатывал разгрузкой вагонов с углем, вытаскиванием и складированием бревен из р. Оби. Жили у одной местной жительницы в комнате, которую у нее, как и у многих, власти города отобрали специально для "беженцев".

В Новосибирске у нас с Надей родился сын Миша, и когда ему минуло один месяц, мы приехали обратно в Ленинград. Это было летом 1945 г., сразу после окончания войны.

После войны

После войны мне удалось перейти с операторской работы на режиссерскую, а со временем, добавить к этому работу сценариста (для своих фильмов). С 1958 г. я стал параллельно с работой в кинематографии еще и писать для детей научно-популярные книжки на космические темы.

Многие из моих научно-популярных фильмов получили дипломы и премии на международных фестивалях, а мои книжки были переведены на другие языки и много раз переиздавались у нас.

В 1993 г. мне исполнилось 83 года. С 1972 г. я – пенсионер, с 1993 г. – и инвалид. Надя – пенсионерка. Жанна на пенсии. Она вдова. У нее двое детей, сыну 27 лет, дочери 16 лет. Все мы трое считаемся блокадниками. Я имею медаль "За оборону Ленинграда".

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шитье мешков – мешки заполнялись песком и в таком виде складывались для защиты окон подвалов, убежищ, витрин магазинов, памятников и т.п.
- ² Заклейка окон – считалось, что, если наклеить на стекла окон крест-накрест полоски бумаги, это предохранит их от рассыпания в случае ударной волны при взрыве бомбы или снаряда где-то неподалеку. Эти почти никогда никому не помогало. Стекла бились.
- ³ Разгрузка чердаков. Эти работы были вполне обоснованы и спасли много домов. Ожидались бомбежки зажигательными бомбами (мелкие бомбочки, чуть меньше бутылки, высыпаемые самолетом вниз, как горох из кружки). Они легко пробивали крыши домов, но потолки верхних квартир обычно уже пробить не могли. Взрываясь при ударе, такая бомба горела ослепительно ярким пламенем, зажигая все вокруг. Поэтому надо было вынести с чердаков все горючее и натаскать туда побольше песка, приготовить специальные длинные железные щипцы, вроде тех, что раньше применялись у каминов для перекладывания горящих дров или угля. В дальнейшем при бомбежках "зажигалками" на чердаках дежурили люди и, когда падала такая бомба, подбегали, хватали ее щипцами, бросали на песок и засыпали им, бомба догорала, не причиняя вреда.
- ⁴ Копка. Примерно в радиусе 100 км от Ленинграда, в южном и западном направлении, посланные туда ленинградцы рыли большие глубокие, не проходимые для танков рвы.
- ⁵ Эвакуация учреждений и заводов. Из Ленинграда уезжали со всем персоналом и техникой институты и заводы, уезжал и "Ленфильм". Паковалась аппаратура и на нашей студии. С того момента, когда были перерезаны немцами все железные дороги, конечно, это прекратилось. "Ленфильм" успел уехать в Алма-Ату.
- ⁶ Матусов – директор нашей киностудии "Техфильм" (теперь "Леннаучфильм").
- ⁷ "Тревогн" – объявление по городской радиотрансляционной сети о том, что над городом появились немецкие самолеты или начался артиллерийский обстрел. Репродукторы всюду были включены круглосуточно, но чтобы люди были уверены, что в данный момент они исправно работают, круглосуточно передавалось тикание метронома. Оно прекращалось только на время сообщений о тревоге и о том, что опасность миновала (отбой). К этому тиканию привыкли. Сегодня оно стало эмблемой блокады.
- ⁸ Володарский район – теперь Невский район Санкт-Петербурга.
- ⁹ Григорий Иванович Кулик (1890–1950), маршал (1940), командовал 54-й армией, действовавшей в р-не Шлиссельбург–Мга. 29 сентября 1941 г. освобожден от командования 54-й армией. – *Ред.*
- ¹⁰ "ОЖС" – "Одна женщина сказала", "ОВР" – если не ошибаюсь – "Один военный рассказывал". Так все, делая новости, обозначали источник информации.
- ¹¹ Рапидная съемка – высокоскоростная съемка, осуществляемая с частотой 300 кадров/сек. – *Ред.*
- ¹² Дядя Ваня – брат моей матери. В тот период моя мать жила у него и его жены, тети Зины.
- ¹³ Прописка. В Ленинграде тогда было много беженцев из пригородов, Гатчины, Петродворца и т.д. Для получения карточек необходима была прописка. Беженцы жили у родственников и знакомых, а если их не было, то на предприятиях, где они работали. Управляющие делами (управхозы, коменданты и т.п.) прописывали не всех. Не знаю почему. Мы с Надей жили у Надиной тетки на ул. Чайковского, но прописаны были на студии. Моя мать прописалась у брата, но с большими трудностями. О том, что мы с Надей были прописаны на студии, я не знал (или забыл) и узнал только в 1990 г., когда собирали документы для получения Надей знака "Житель блокадного

Ленинграда". Тогда мне сказали в жилконторе на ул. Чайковского, что мы не были там прописаны. Надю спасло сохранившееся удостоверение об эвакуации 28 февраля 1942 г. На студии же книги не сохранились. Однако мы где-то получали карточки, и объяснить это можно только тем, что мы, очевидно, были прописаны на студии.

¹⁴ Чечулин – один из операторов нашей студии.

¹⁵ Фаня Вяземская – работала тогда в мультиксе студии художником, потом режиссером.

¹⁶ Георгий Константинович Жуков (1896–1974), маршал (1943). С 13 сентября 1941 г. генерал Г.К. Жуков был назначен командующим войсками Ленинградского фронта. 10 октября 1941 г. отозван на Западный фронт, командование Ленинградским фронтом передано генералу И.И. Федюнинскому. – *Ред.*

¹⁷ Филипп Иванович Голиков (1900–1980). В 1941–1943 гг. командующий рядом армий, войсками Брянского и Воронежского фронтов. – *Ред.*

¹⁸ Макс – художник по фамилии Максимов.

¹⁹ Запасы продовольствия. Это трагедия Ленинграда. К началу войны в городе действительно было много продовольствия. Но все оно хранилось в одном месте, в так называемых Бадаевских складах, в центре города. Немцы, конечно, об этом знали, разбомбили его, и все, что там было, сгорело. Это был совершенно небывалый, грандиозный пожар, чем-то напоминающий взрыв атомной бомбы. Темно-коричневый "гриб" дыма затмил небо над городом. Почему власти не рассредоточили продукты по разным складам города? Почему вообще не было принято никаких мер защиты складов? Почему допустили такую катастрофу? Не будь этого пожара, не было бы зимой 1941/42 г. голода в Ленинграде. Чье это головотяпство, я не знаю.

²⁰ А. Лозовский (1878–1952). В 1939–1946 гг. заместитель наркома (министра) иностранных дел СССР. – *Ред.*

²¹ Аэростаты – это еще одно дорогостоящее, но не оправдавшее себя, грандиозное мероприятие военных и городских властей того времени. Дело в том, что теоретически самолетам врага безопаснее летать "бреющим" полетом, низко над землей, появляясь неожиданно из-за домов и стремительно проносясь над головой артиллеристов. Когда они летят высоко, то их гораздо легче заметить, прицелиться и сбить зенитной пушкой. Чтобы исключить возможность "бреющих" полетов, в разных точках города на крепких стальных тросах поднимали в воздух надутые легким газом огромные баллоны. Вертикально натянутые тросы были расположены над городом так, что пролететь, не зацепив крылом за какой-либо трос, было невозможно; самолет упал бы на землю. Немцы от этого, в сущности, ничего не потеряли. Они летали высоко, но там их наши зенитчики так ни разу и не сбили. И бомбардировки с воздуха принесли городу огромный ущерб. Хорошо, что их больше не поднимают. Дорогое это дело.

²² Галкин – один из режиссеров студии, по образованию врач, снимал только научно-популярные картины на медицинские темы. Человек умный, очень энергичный, активный общественник, деловой.

²³ Ракетчики – предатели, которые сигнализировали немецким самолетам, чтобы помочь им ночью ориентироваться в полете над городом, погруженным в темноту, найти заданные для бомбежки районы и объекты, такие подлецы сигнализировали двумя способами. Один – сигнальные ракеты. Второй, более хитрый и трудный для обнаружения и поимки изменника. Эти люди помещали лампы в дымоходах своих печей. Огни этих ламп, естественно, были совершенно не видны с земли, но хорошо видны с самолетов. Сигнализирующие, прикрывая и открывая лампы, "мигали" каким-то особым способом, чем-то вроде телеграфной азбуки морзе, имея, по-видимому, каждый свой "код", и таким образом показывали летчикам, где и какие объекты расположены в городе.

²⁴ Гусева – если не ошибаюсь, ассистент режиссера студии.

²⁵ Мирон – муж Надиной тетки Маруси, в квартире которых мы жили.

²⁶ Фаня Мурова – монтажница студии.

²⁷ Антипин – макетчик отдела комбинированных съемок студии.

²⁸ "Большевик" – завод в Невском р-не Ленинграда (см. с. 245).

²⁹ Маруся – тетка Нади.

³⁰ Ельчев – ассистент оператора или оператор студии, точно не помню.

³¹ Ауре-Паулус – начальник отдела кадров студии, человек, обладавший огромной властью, жестокий, мстительный, тогда его все боялись.

³² Регина – дочка (примерно трех лет) моей двоюродной сестры Ирины.

³³ Дуранда – это то же, что и жмых. – *Ред.*

³⁴ Вениамин Аркадьевич – хозяин соседней квартиры, где мы потом поселились.

³⁵ Капилевич, Винокуров – сотрудники студии, либо администраторы, либо снабженцы, точно не помню.

³⁶ Мирон, не знаю какими путями, но иногда доставал и приносил домой спирт, то одну, то две бутылочки. Делился с нами. Спирт был тогда "валютной", на которую можно было купить, а вернее выменять, что угодно. Этот "мироновский" спирт не раз нам очень помогал. Но не так уж много его было.

- ³⁷ Аппель – режиссер студии.
- ³⁸ Воронин – начальник 1-го отдела студии (местное ГПУ).
- ³⁹ Галибина – кажется, ассистент режиссера.
- ⁴⁰ Желатин, снятый с пленки – в то время ели все, что могло перевариться в желудке и дать хотя бы какое-то ощущение сытости. Звук в то время записывался оптическим способом (записи на магнитной пленке тогда еще не было). Пленка, на которой писался звук, ничем не отличалась от той, на которой снималось изображение. Только чувствительность ее была меньше. Записанный звук после проявки и фиксирования выглядел как тонкая зубчатая линия по краю пленки, занимающая не более 3% площади. Эмульсия, которой покрыта пленка, как известно, состоит из желатина, содержащего бромистое серебро. При проявке и фиксировании фонограммы оставался чистый желатин, содержащий всего 2–3% серебра, что совершенно безопасно для человека. Я брал негатив фонограммы, размачивал его в воде и, когда желатин набухал, соскабливал его ножом. Его клали в воду и варили прекрасное желе.
- ⁴¹ В те годы наш "Техфильм" еще назывался кинофабрикой и лишь потом стал называться киностудией.
- ⁴² Об "эвакуации" немцами жителей г. Пушкина. Я уже писал, что 60 тыс. жителей этого города по вине местных властей своевременно не уехали, ждали команды. Все они были "эвакуированы" в Германию, попросту увезены туда как пленные, и там, вероятно, одни были уничтожены, другие использованы как дешевая рабочая сила, а кто-то приспособился к обстановке и остался там жить. Во всяком случае, насколько мне известно, никто из них обратно после войны не вернулся. Весной 1945 г., еще до окончания войны, я был в Пушкине. Город разрушен почти до основания. Из-под снега торчали острые куски кирпичных стен, и лишь в нескольких местах из этих развалин был виден робкий дымок. Ведь еще была зима, и кто там пытался выжить, не знаю.
- ⁴³ Фаия Мурова, Миссун – лучшие монтажищи студии.
- ⁴⁴ Фомин – один из режиссеров студии.
- ⁴⁵ Кузьминский – не помню, режиссер или администратор.
- ⁴⁶ Илья Алексеевич Коробков – ученый, геолог, профессор, был нашим соседом по коммуналке, когда мы жили перед войной в Пушкине.
- ⁴⁷ Денис – Денис Павлович, брат моей матери, мой дядя, врач невропатолог или психиатр, точно не помню, его жена – Тоня, их дочь – Ирина и внучка – Регина.
- ⁴⁸ Попков Петр Сергеевич (1903–1950). В 1939–1946 гг. – председатель Ленгорсовета. – *Ред.*
- ⁴⁹ Подтвердить принадлежность этой цитаты поэту по "Словарю языка Пушкина" (в 4 т. М., 1961) не удалось. – *Ред.*
- ⁵⁰ Солуянов – один из режиссеров нашей студии. Член партии. Работал в военном секторе, снимал военно-учебные фильмы. До этого дня я на студии никогда с ним не общался. Но тут мы оказались все же "сослуживцами", к тому же объединенными общей идеей – эвакуацией.
- ⁵¹ Барабанов – очевидно, сотрудник студии, но кем работал – не помню.
- ⁵² Синецын – один из операторов студии. Хороший, замечательный человек.
- ⁵³ Тихомирова – начальник отдела кадров студии.

МЕМУАРЫ В.А. ДЬЯКОВА

Для В.А. Дьякова, по его собственному признанию, "мемуарный возраст" наступил после 75 лет. В последние месяцы жизни, не прекращая активно работать на научном поприще (середина октября – участие в польско-российской конференции "Историография на переломе эпох", начало ноября 1995 г. – заключительная правка рукописи книги "Русская идея и славянский вопрос в России и Польше"), особенно важным своим делом он считал воспоминания. Именно их продолжением историк собирался в первую очередь заниматься после возвращения домой из больницы...

Работая над мемуарами, Дьяков пользовался домашним архивом – старыми автобиографиями, бережно хранимой обширной перепиской, газетными и журнальными вырезками, которые длительное время собирал в двух папках с надписью "Материалы по истории Великой Отечественной войны". Обращался он и к другим воспоминаниям, прежде всего самым любимым – Г.К. Жукова. Для описания научной деятельности важным подспорьем служили издательский (1948–1995) и рабочий (1977–1995) дневники Дьякова, в которых аккуратно фиксировалась судьба трудов после их завершения и каждодневные занятия ученого. Помощником в работе над воспоминаниями была супруга историка Белла Борисовна (в тексте В.А. Дьякова – Бела), которая оказала также неоценимую помощь при подготовке рукописи к публикации. Они вместе учились в школе, а свадьба состоялась ровно за неделю до начала войны.

Из записей "Рабочего дневника" следует, что историк приступил к воспоминаниям 11 марта 1995 г. после разборки своих бумаг. Впрочем, сама мысль обратиться к прожитому возникла у Дьякова намного раньше. Определенную, возможно, решающую, роль сыграла командировка в Венгрию в 1979 г., во время которой ему представился случай рассказать журналистам о венгерском периоде своей фронтовой биографии. Ответы московского ученого на вопросы редакции журнала "História" были опубликованы в № 1 за 1980 г. под заголовком "Венгрия 1945-го – историк в мундире". Дьякова тянуло вновь побывать, как он сам признавался, "не для дела, а больше для воспоминаний", в тех странах и местах, куда его забрасывала война.

Долгих раздумий потребовал выбор жанрового "ключа". В упомянутых папках хранится маленький рукописный набросок без даты, позволяющий судить о развитии замысла. "Мне стоило большого труда, – писал Дьяков, – определить жанр того, что я предлагаю... читателю. Это не научное исследование и не мемуары, строго и бесстрастно излагающие то, что пришлось испытать или увидеть собственными глазами. Как профессиональный историк я долгое время имел в поле зрения только эти варианты и даже пытался их осуществить. Но ни тот, ни другой не удовлетворяли, поскольку мне хотелось донести до своих современников, а возможно, и до потомков не общий ход военных событий... не описание какого-то числа частных эпизодов собственной жизни, а рассказать о переживаниях и судьбах целого общественного слоя". Итак, первоначально Дьяков намеревался писать, пользуясь его же терминологией, "историческое повествование". Позднее, как мы увидим, он стал формулировать свою задачу несколько иначе – более камерно и "мемуарно".

Следом за только что процитированным отрывком в рукописи помещен развернутый план, включающий разделы: "Год рождения 19-й", "О себе и своих близких", "Гром среди ясного неба", "Беспощадные жернова войны (22 июня 41 – июль 42)", "Как рождаются и умирают солдаты (июль – октябрь 42)", "Первые военные мозоли", "Тыловые заботы и радости", "На попутных через Румынию и Венгрию", "От Будапешта до Вены во взводе топоразведки", "Долгожданный и трудный мир", "Военные мытарства в мирное время", "Архив в Бузулуке и Подольске", "Большие минусы и маленькие плюсы службы в военкомате", "Свобода, она же необходимость", "Горькие привкусы долгожданной свободы". Этой схемы В.А. Дьяков придерживался и в дальнейшем, хотя приведенные заголовки в тексте воспоминаний отсутствуют. Характерно, что план обрывался где-то на середине 50-х годов: первоначально историк не собирался описывать свою научную деятельность.

Составив план, Дьяков начал было писать раздел "Гром среди ясного неба", но набросал лишь несколько вступительных фраз. Собирался также подготовить отдельное эссе о московских ополченцах 1941 г. под названием "Последний рубеж". В форме повести предполагал воплотить замысел, который в коротенькой авторской аннотации под заглавием "Только война" раскрывался так. После смерти фронтовика в майские дни 45-го в госпитале остается дневник "Война и мир Нетолстого", который спустя много лет попадает в руки его близкого друга-литератора. В написанной им повести найденная рукопись "используется в больших цитатах вместе с разного рода архивными и иными (в частности, устномемуарными) материалами". "Это дает неограниченные возможности документальности, ретроспекции, – поясняет свои намерения Дьяков, – и автор при любой возможности может высказываться против домыслов и беллетризации". Последнее предостережение очень характерно для Дьякова и аргументируется в ряде его печатных трудов.

Трудно сказать, что помешало продолжить все перечисленные начинания – другие ли занятия, в которых Дьяков никогда не испытывал недостатка, дальнейшие поиски жанра, ненаступивший еще "мемуарный возраст". Важно другое – центральное место в них занимает Великая Отечественная. Когда в последние годы жизни, общаясь с коллегами, В.А. Дьяков рассказывал различные эпизоды своей биографии, было заметно, что в наибольшей степени историка занимают военный и довоенный периоды. Видимо, именно обращение ко времени, когда он был рядовым представителем общества, позволяло острее всего чувствовать сопричастность историческому значимому.

Воспоминания В.А. Дьякова складываются из нескольких завершенных вариантов и фрагментов. Самый пространный текст представляет собой 72 машинописные страницы с небольшими изменениями преимущественно стилистического характера, внесенными автором при считке черной шариковой ручкой. Он состоит из краткого, в несколько фраз, вступительного слова и четырех глав: "Школьные годы" (С. 1–24), "Московский историко-архивный институт. 1937–1941" (С. 24–28), "Война и военная служба. 1941–1952" (С. 28–56), "Как я стал историком-полонистом" (С. 56–72). Вторая и третья главы публикуются ниже. Сохранились также рукописные черновики. После завершения этого охватывающего практически всю жизнь историка варианта воспоминаний (для удобства будем называть его пространным) он собирался постепенно, кусками, без соблюдения строгой хронологической последовательности, дополнять имеющийся текст. В перспективе мемуарист, по всей вероятности, имел в виду сведение всех фрагментов в единое, структурно и стилистически цельное повествование.

Существует также отдельный текст на 12 машинописных страницах с авторской правкой, имеющий заглавие "Воспоминания. VI. 1941–1995". Сам мемуарист называл его "кратким вариантом" воспоминаний, однако название это, несмотря

на очевидное стремление В.А. Дьякова придать тексту законченный вид, не совсем точно отражает содержание. Дело в том, что центральное место в нем принадлежит 50-м – началу 60-х годов – периоду, практически отсутствующему в пространном варианте, но весьма важному для понимания пути Дьякова в науку.

Второй большой (14 с.) дополняющий текст имеется только в рукописи и состоит из разделов: "Смоленское артиллерийское училище в городе Ирбите (февраль–май 1942 г.)", "Челябинск и Чебаркуль (май–июнь 1942 г.)", "Коломна (июнь–июль 1942 г.)", "Юго-Западный и Донской фронты (июль–ноябрь 1942 г.)". По объему он двукратно превосходит соответствующий отрывок главы "Война и военная служба".

Наконец, в папке с воспоминаниями В.А. Дьякова обнаружен текст (5 с.), посвященный первым двум месяцам войны. Начало его представляет собой сильно правленную первую страницу краткого варианта, далее следует рукопись, отчасти повторяющая, отчасти дополняющая соответствующие места пространственного варианта. Оба военных фрагмента практически готовы к печати, хотя автор не успел внести окончательной правки: в тексте имеются некоторые стилистические шероховатости и повторы.

Восстановить в точности последовательность работы над разными "слагаемыми" воспоминаний сейчас не представляется возможным. Известно, что сперва Дьяков обратился к детскому периоду. Однако уже в самом начале апреля 1995 г. в "Рабочем дневнике" значится глава "Как я стал историком-полонистом". Возможно, какую-то роль в нарушении хронологии сыграла начавшаяся подготовка к 50-летию юбилею Института славяноведения и балканистики РАН, в которой В.А. Дьяков принимал деятельное участие. Последними были, по всей видимости, написаны краткий вариант и два фрагмента о 1941–1942 гг.

Во вступительном слове к пространному варианту четко обозначены жанр и адресат воспоминаний. "Писать собираюсь, – сообщает Дьяков, – главным образом о событийной стороне жизни, а не о своих чувствах и размышлениях по поводу происшедшего. Читателей вижу преимущественно среди близких мне людей, прежде всего родных и друзей, что, естественно, отразится на содержании и форме последующего текста". Действительно, главное содержание мемуаров составляет описание различных этапов собственного жизненного пути. В преобладании автобиографического начала, того, о чем с полной достоверностью мог поведать только он сам, несомненно, сказался Дьяков-источниковед, отлично знавший критерии ценности мемуарных свидетельств. Рука мастера чувствуется в изображении быта и обычаев – особенно военного времени. Необходимо отметить умение выбрать и в мельчайших деталях описать характерные картины, эпизоды, типы.

Война у Дьякова лишена героической патетики. Это не исполненный исторической торжественности катаклизм, а продолжение жизни гражданских по своим навыкам людей, прежде всего самого мемуариста, в непривычных, жестоких, часто экстремальных условиях. Рискнем предположить, что, помимо общей концепции воспоминаний, изложенной во вступительном слове, в их тональности обнаружили себя многолетние профессиональные занятия Дьякова "батальными" произведениями Л.Н. Толстого, а также его постоянное общение, уже "для души", с произведениями К.М. Симонова ("Дни и ночи", "Разные дни войны"). В повествовании историка явно присутствует толстовское понимание войны как "противного человеческому разуму и всей человеческой природе события", убеждение, что погруженные в мир повседневных забот люди были на войне "самыми полезными деятелями". Что же касается круга читателей, то В.А. Дьяков не только не исключал возможности опубликования мемуаров, но и приносил главу "Как я стал историком-полонистом" в редакцию журнала "Славяноведение".

То обстоятельство, что последний текст плодovitого ученого написан художественной прозой, представляется глубоко символичным. С мыслью о писательском поприще 18-летний юноша из провинциального захолустья прибыл в Москву. Эта мечта, кажется, сопровождала Дьякова всю его жизнь, побуждая многократно обращаться к научно-популярному жанру (в частности, в серии ЖЗЛ), вторгаться в область литературоведения, клеймить "засушенный" язык науки, мешающий ученым-гуманитариям заинтересовать широкого читателя. В.А. Дьяков писал всегда охотно, легко, внятно и веско. Стилль воспоминаний, разумеется, разнится от языка научных трудов. В нем в полной мере проявились особенности устной речи рассказчика, а также тот добродушный юмор, который отличал его отношение к жизни и себе самому.

Обращение Б.Б. Дьяковой к переписке и записным книжкам военных лет, а также автобиографиям супруга начала 50-х годов позволило исправить некоторые неточности, которые, несомненно, были бы устранены самим автором в процессе подготовки рукописи к печати.

Краткий вариант воспоминаний и фактически служащая ему продолжением глава "Как я стал историком-полонистом" будут опубликованы в переводе на польский язык в журнале "Przegląd Wschodni" (Варшава). Своего издания ждут глава о детстве, проведенном мемуаристом в Татарии, Сталинградской области и Области Войска Терского, а также фрагменты о 1941–1942 гг.

Л.Е. Горизонтов

Из воспоминаний В.А. Дьякова

II. Московский историко-архивный институт. 1937–1941

Оканчивая среднюю школу в станице Прохладной (Кабардино-Балкария), я вовсе не собирался стать историком. В шестнадцать–семнадцать лет многие балуются стихами, и я не был исключением. Проза меня привлекала меньше, но при отсутствии поэтического вдохновения я готов был заниматься и ею. Неудивительно, что, получив в 1937 г. аттестат отличника, дающий право на поступление в высшие учебные заведения без экзаменов, я послал документы на литературный факультет Московского института философии литературы и истории (МИФЛИ). Однако в последних числах августа, когда я приехал в Москву, выяснилось, что там 25-процентный лимит для отличников был уже исчерпан до того, как было получено мое заявление. 30 августа мне вернули документы, и я отправился куда глаза глядят, в поисках любого временного прибежища, которое позволило бы мне не возвращаться домой; а на следующий год я снова собирался поступать в МИФЛИ. От Сокольников, где помещалось это очень модное в те годы учебное заведение, я доехал на метро до Лубянки и вышел, решив подать документы в первый же вуз, который встретится мне по дороге. На Никольской улице на глаза попала вывеска теперешнего Московского государственного историко-архивного института; я подал в приемную комиссию документы и был зачислен¹. Еще до окончания первого курса я отрекся от МИФЛИ, уразумев, что и архивистика может быть весьма полезной для писательского поприща, если мои мечты о нем не испарятся.

МГИАИ на фоне исторического факультета Московского университета, а до создания этого последнего – МИФЛИ, выглядел не очень солидно, хотя там читали лекции такие известные ученые, как Е.В. Тарле², П.П. Смирнов³, В.К. Никольский⁴. Однако с точки зрения подготовки студентов к самостоятельной работе с источниками и вообще к научным занятиям он имел ряд преимуществ.

цеств. В МГИАИ сравнительно немного внимания уделялось всеобщей истории, но по отечественной истории в целом, особенно по источниковедению российской истории, по архивоведению и вспомогательным историческим дисциплинам мы получали гораздо лучшую подготовку, чем выпускники истфака МГУ. Эти последние приобретали некоторый опыт работы со специальной литературой и опубликованными источниками, студенты же МГИАИ, кроме этого, овладевали еще и навыками работы с недостаточно использованными или вовсе не известными исследователям материалами, хранящимися в архивах.

Курсовые работы в МГИАИ я написал, не обращаясь к архивным источникам. Но для заработка мы в студенческие годы обработали немало архивов действующих учреждений, а во время практических занятий по архивоведению довольно близко познакомились с документацией XVII–XX вв. Теоретические занятия по русской палеографии и некоторая практика, которую мы получили в тогдашнем ГАФКЭ, а теперешнем ЦГАДА [ныне – РГАДА. – Л.Г.], все это вместе было достаточно для того, чтобы работать с письменными источниками разных исторических эпох. Впрочем, по молодости лет большинство из нас не очень серьезно относились к занятиям, как теоретическим, так и практическим. Что касается меня и моих друзей Д. Воскобойника⁵ и В. Буряка⁵, то немало времени и сил мы тратили на так называемую "архивную халтуру", т.е. за довольно солидную плату приводили в порядок архивы действующих учреждений. Зарботки во много раз превышали студенческую стипендию, что позволяло нам прилично одеваться и иметь некоторые средства на развлечения. Кстати сказать, остатки заработков наши жены и подруги получали уже во время войны, когда нас не было в Москве.

Из преподавателей, читавших общие курсы в МГИАИ, мне особенно памятен П.П. Смирнов, В.К. Никольский и Е.В. Тарле. Из них только Павел Петрович Смирнов числился в штате Историко-архивного института, а во время войны в 1941–1942 гг. был даже его директором. Он сам проводил с нами экскурсии по историческим местам Подмосковья. В одном из дворцов Шереметевых Павел Петрович разыграл маленький спектакль. Это было в бальном парадном зале с навоощенным паркетным полом. При входе он остановил нас, назвал какую-то дату из петровского или екатерининского царствования, а потом стал подробно описывать каждого из тех, кто в этот день мог быть среди гостей, называл их по имени и отчеству, описывал внешность, манеры и костюмы, даже импровизировал фрагменты их разговоров с хозяевами и друг с другом. А когда из напольных часов, стоявших в дальнем углу зала, раздались звуки мазурки, он подхватил одну из студенток и, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, протанцевал с ней несколько кругов, поразив нас своей элегантно-стью.

П.П. Смирнов был хорошим лектором; записями он практически не пользовался, говорил живо, свободно, постоянно чередуя какие-то обобщающие суждения с конкретными характеристиками и описаниями. Наверное, не у всех, но у многих внимательных и заинтересованных слушателей (а среди нас были и такие), профессор Смирнов умел создавать иллюзию соприсутствия по отношению к тем событиям, о которых рассказывал. Павел Петрович примерно за год перед началом войны вернулся в Москву, кажется, из Ташкента, куда был выслан в 1937 г.⁶ Нам он казался человеком совершенно аполитичным, да, наверное, и был таковым, но угодил под ежовскую "метлу", которая, как известно, "очищала" советское общество не столько от плевел, сколько от чего-то иного. Мне он стал особенно симпатичен после того, как оказался едва ли не единственным из профессоров, не оставивших Институт во время паники в середине октября 1941 г., когда из Москвы, сломя голову, бежали не только частные граждане, но и люди, занимавшие весьма ответственные посты.

Поток жизни, а особенно война, разорвали связи с Институтом у большинства его воспитанников. В значительной мере изменились административный состав и профессорско-преподавательские кадры. Но бывшие студенты, в том числе и я, не пропускали случая, дающего возможность хотя бы заглянуть в старинное здание на Никольской улице. В 1947 г., находясь на службе в подольском архиве Министерства Обороны⁷, я заочно окончил Институт и получил диплом. Парадоксально, что кроме пятерок в нем оказались две четверки, одна из них – по истории СССР; ее я получил у В.Е. Иллерицкого⁸ за не очень ему понравившийся ответ о русских революционных демократах конца 50-х – начала 60-х годов XIX в., т.е. по тематике, которая впоследствии заняла видное место в моих научных интересах. Тематика эта вошла в моду за последние годы войны, а я, готовясь к экзаменам в 1946 и 1947 гг., еще не успел "попасть в струю" и интересовался эпохой Н.Г. Чернышевского не более, чем декабристами.

III. Война и военная служба. 1941–1952

Мне кажется, что едва ли не для всех российских парней, достигших совершеннолетия во второй половине 30-х годов, ожидание войны было почти неизбежным и достаточно привычным чувством. Всерьез, но в основном умозрительно, волновали студенческую молодежь испанские события. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. затронула нас непосредственно. В этой войне добровольцами участвовало несколько студентов Историко-архивного института, в том числе одна девушка (Капитолина Босенко).

22 июня 1941 г. застало наш курс на производственной практике; я проходил ее в одном из московских архивов. Занятия прекратились, но едва ли не на следующий день после этого комсомольцев, не успевших разъехаться на каникулы, пригласили на "трудовой фронт". Так мы с Д. Воскобойником оказались близ Дорогобужа, где примерно с 28 июня московские ополченцы работали лопатами, сооружая ров и другие противотанковые препятствия на восточном берегу Днепра. Рядом с нами работали около 900 студентов и школьников из Свердловского района Москвы. Назначенный старшим среди 40 своих однокашников, я оказался на должности командира роты, состоявшей примерно из 100 человек и, кроме нашего Института, объединявшей еще разные более мелкие организации, из которых наиболее экзотичным было Еврейское театральное училище. Воскобойник стал интендантом роты – он должен был нас кормить и поить. Большинство "бойцов" роты едва ли не впервые держало в руках лопату и потому не могли выполнять нормы, несмотря на все их старания.

17 июля, когда из-за Днепра уже слышалась артиллерийская канонада и фронт приблизился к его берегу, "трудовая армия" ретировалась в полном беспорядке. Начальство исчезло первым, не оставив никаких указаний. Большинство "рядовых" мелкими группами отправились на шоссе Минск–Москва, оттуда уехали на попутных автомашинах. Вместе с теми, кто сохранил остатки организованности, я добирался пешком до Вязьмы (это 80–90 км). По шоссе почти непрерывной вереницей двигались автомашины, в основном грузовики. На фронт они везли боеприпасы, продовольствие, отчасти пополнения живой силы. От фронта транспорт шел порожняком или вез раненых. По дорогам и по быстро образовавшимся тропинкам параллельно с шоссе двигались в сторону Москвы небольшие, человек по 15–20, цепочки арестантов из эвакуированных тюрем с 2–3 конвоирами, а также более или менее неорганизованные группы эвакуирующегося гражданского населения. Аккуратно через каждые 15–20 мин. над шоссе появлялось звено юнкерсов из трех самолетов и сбрасывало бомбы вместе с кусочками труб, металлическими бочками и другими предметами, которые при падении были даже страшнее бомб. При появлении немецких самолетов раздава-

лись крики "Воздух", и все разбегались в поисках какой-либо канавы или ямы, куда можно было спрятать хотя бы голову. Воздушные тревоги сильно замедляли движение, и я помню, как арестанты торопили конвоиров с командой "отбой" и сами строились, чтобы поскорее выбраться из зоны бомбежек. Один из первых налетов застал нас на недавно окученном картофельном поле; перепрыгивая из борозды в борозду, мы с Воскобойником, сломя голову, бежали к стоявшему невдалеке кусту, но, не добежав, бросились ничком в борозду; после недалекого взрыва нас осыпало комками земли, а когда мы подняли головы, то на месте куста увидели довольно глубокую воронку. С тех пор в подобных ситуациях я старался не суетиться, а поскорее ложиться, чтобы не дразнить судьбу, от которой все равно никуда не убежишь.

Ночевали мы где-то в поле. Проснулись рано, позавтракали остатками недоваренного поросенка, которого накануне по дешевке купили в одной из расположенных у Днепра деревень, поскольку колхоз оттуда эвакуировался и распродал свое имущество. Зарезали и освеживали поросенка с большими трудностями, ибо никто не знал, как это делается. Поели поросятины без аппетита, ибо не было соли, но все-таки это подкрепило силы. На второй день около полудня добрались до железнодорожной станции Вязьма. Оттуда на товарном эшелоне за ночь я доехал до Москвы и рано утром явился в общежитие к молодой жене.

На следующий день мы с Белой проснулись в 12-м часу, позавтракали (пообедали) и поехали к 3-м часам дня в наш Институт, чтобы я мог "положить" в комитете комсомола. Однако на запертой двери комитета висела записка о том, что все комсомольцы мужского пола должны явиться в наш (Свердловский) райком комсомола. Предчувствуя новую разлуку, Бела пыталась меня удержать, но не смогла. Скоро мы вместе оказались во дворе райкома, где стояла беспорядочная толпа в основном женского состава, а за ней виднелась шеренга парней, перед которой со списком в руках рассказывал незнакомый военный в сопровождении двух райкомовских деятелей. Военный задал мне два вопроса: стрелять умеешь? в армию пойдешь? Получив положительный ответ, он предложил мне занять место в строю.

А дальше события развивались в довольно быстром темпе: военный забрал у нас паспорта; пешком мы промаршировали сначала до сада "Эрмитаж", где получили мобилизованные от населения велосипеды, а затем с ними "на поводу" прошагали до Матросской тишины в Сокольниках. Ночевать пришлось на голом полу, а я был в парадном костюме. Впрочем, к утру мне его уже не было жалко, поскольку я осознал, что гражданская одежда мне понадобится очень нескоро. В "Известиях" от 22 июля 1941 г. был опубликован снимок, на котором мы с велосипедами воспроизведены около склада декораций в саду "Эрмитаж"; подпись под ним гласит: "Московский добровольческий велополк". Формирование такого действительно планировалось, но фактически он не был создан, поскольку нас оказалось всего 56 человек; наличных велосипедистов распределили по армейским батальонам связи в качестве "связных-самокатчиков".

Мы же с Д. Воскобойником оказались вскоре в полку связи, обслуживавшем Штаб фронта резервных армий, который в 1941 г. располагался одно время в доме отдыха близ Гжатска, а затем в зданиях сельскохозяйственного техникума на 300-м километре Варшавского шоссе. Нас с Д. Воскобойником, как архивистов, сразу же приспособили на должности писарей-экспедиторов телеграфной станции при штабе фронта. Мы, сменяя друг друга, работали круглые сутки, и через наши руки проходила вся телеграфная часть переписки. Правда, читать ее мы успевали лишь отчасти, но основные фронтовые новости всегда узнавали раньше многих. Днем работы было мало. Телеграфный поток начинал расти вечером и на входящих он достигал пика между 23 и 24-мя часами, когда отовсюду

сходились донесения об итогах дня. Потом начинался ажиотаж на исходящих – штаб фронта перегонял информацию в Москву. После полуночи, обычно между часом и двумя, приходил на прямые переговоры со ставкой Г.К. Жуков – командующий фронтом – с одним из своих адъютантов, который тщательно собирал и уносил с собой телеграфную ленту. На аппарате работала старшая телеграфистка, а остальных на это время выдворяли из зала. Кстати сказать, телеграфная рота почти целиком была сформирована из мобилизованных работников московского Центрального телеграфа.

Из гжатского периода сохранился в памяти следующий трагикомический эпизод, связанный с С.М. Буденным, который первое время был командующим фронтом. Он обычно ночевал в Москве и приезжал в Штаб около одиннадцати часов дня на громоздком черном ЗИС-101, самом парадном в те годы автомобиле. При входе ему обычно рапортовал комендант штаба – громогласный и хорошо вымуштрованный капитан, а на втором этаже докладывал обстановку дежурный из старших офицеров – преподавателей или воспитанников Академии генерального штаба. Это были пожилые, хорошо образованные люди, в значительной части с учеными степенями. В боковом коридорчике первого этажа были расположены туалеты, которые не были рассчитаны на "фронтовую" перегрузку. Однажды, проходя мимо коридорчика, Семен Михайлович, приняв себя за умного, повел усами и хорошенько выматерил идущего следом коменданта, добавив, что, если до завтра положение не изменится, он "воткнет его головой в говно". Затем командующий поднялся на второй этаж, где около крупномасштабной карты, прикрепленной к стене, ждал его дежурный по штабу – полковник генерального штаба, имеющий профессорское звание, который начал ему докладывать о все более усложнявшейся ситуации на московском направлении. Однако маршал, не успев переключиться, все еще материл "засранцев", которые окопались по-дальше от передовой, чем подадут плохой пример подчиненным штабам.

Вторым "героем" первых месяцев войны был генерал Доватор, конный корпус которого совершил рейд по тылам немецких войск, наступавших на Москву. Не Бог весть какая победа, но в тогдашней обстановке этот рейд всячески прославляли в газетах и по радио, да и сам Доватор вел себя без лишней скромности. Дорогу от Гжатска к месту дислокации штаба фронта пересекала небольшая речушка, мостик через которую почти сразу не выдержал многократно увеличившегося транспортного потока и провалился, а место, где транспорт переправлялся вброд, быстро превратилось в труднопроходимую большую лужу. Когда Доватора пригласили в штаб для вручения награды, он послал передовой разезд своих саперов, которые восстановили мост и привели в порядок дорогу так, что геройский кавалерист со своими адъютантами смогли предстать перед штабом фронта в тщательно вычищенных сапогах и очень эффектно выглядели в своих черных бурках и кавказских папахах.

Г.К. Жуков, сменивший С.М. Буденного на должности командующего фронтом, вел себя совершенно по-иному. Он если покидал свое рабочее место, то оказывался не в Москве, а на передовой. Ездил туда на простой "эмке", а шофером у него был родственник, кажется, брат. Никто не мог сказать, когда Жуков спит. В разносной книге на входящие шифрограммы, которую я вел как писарь-экспедитор телеграфной станции, была одна личная подпись Жукова. Адресованную командующему корреспонденцию обычно получали его адъютанты. Шифровка, о которой идет речь, поступила около двух часов ночи; я сразу же отправил ее адресату с посыльным. Жуков занимал в то время отдаленно стоящий домик, состоящий из трех комнат. В первой находились охранники и шофер – они спали; во второй – три адъютанта, из которых один спал раздетым на койке, второй – одетым на тахте, а третий – дремал, положив голову на письменный стол с деловыми бумагами. Из приоткрытой двери в

третью комнату раздался голос Жукова: "Кто там, заходи". Посыльный вошел, и Жуков молча расписался в разносной книге.

Мою службу в полку связи Западного фронта прервал несчастный случай: при одном из переездов полуторка, в кузове которой мы с Д. Воскобойником ехали, сидя у борта, слегка стукнулась о встречную машину, в результате чего у моего товарища были сломаны два ребра, а у меня – нога. Дело было в октябре 1941 г. на окраине подмосковного Подольска; сначала мы попали в подольскую больницу, а оттуда нас эвакуировали в Иваново, где мы оказались в разных госпиталях. Перезванивались, хотели выписаться одновременно и попытаться получить направление в одно место, но ничего не получилось. Потом я оказался в Апрелевке (под Москвой), в запасном полку 33-й армии. Меня назначили писарем роты связи. Командира ее я просто не помню – он большей частью обитал у знакомой бабенки; старшина, вершивший его именем почти все дела, появлялся, но был обыкновенно наполовину или совсем пьян; рабочей лошадкой пришлось быть мне – целыми днями я возился со списками и ведомостями, а командир роты и старшина лишь подписывали их, не глядя.

Тем временем немцы заняли Нарофоминск и продолжали двигаться к Москве. В какой-то день звуки перестрелки совсем приблизились к поселку, ни старшины моего, ни командира роты на месте не было, и приказа было ждать не от кого. Я велел ездовому запрячь сани, собрал кое-какие ротные бумаги, положил их в вещмешок вместе с несколькими килограммами сахара-рафинада и буханкой хлеба, а затем отчалил в сторону Голицына, поскольку прямая дорога к Москве была уже отрезана.

Только выехал за окраину поселка, как от дальней опушки леса послышались звуки стрельбы немецких автоматов. Возчик с перепугу погнал лошадей, а я, чтобы сократить путь, свернул на целину и по глубокому снегу с трудом добрался до противоположной стороны большой поляны. Винтовка моя осталась на подводе, а ремень с двумя тяжелыми патронташами и вещмешок с ротным архивом я бросил, барахтаясь в глубоком снегу. Задышавшись, добрался до опушки леса и вышел на рокадное шоссе, идущее от Апрелевки к Голицыну. Шел я, придерживаясь середины дороги, опасаясь, что на ширине колес автомашины шоссе могло быть заминировано. Дорога была пуста почти до окраины Голицына. Только там оказался патруль пограничников, который задержал меня и доставил в комендатуру. Там меня допросили и вместе с другими заблудшими солдатами передали в формирующийся мотострелковый батальон какой-то, кажется, 40-й танковой бригады. На следующий же день она вступила в бой.

Не знаю, сколько танков было тогда в бригаде, помню только, что, атакуя подмосковные деревушки по глубокому снегу, мы – пехотинцы шли обычно не за танками, а впереди них. От батальона к концу декабрьского наступления оставалось 27 человек, а о потерях танкистов ничего не было слышно. Для меня наступление окончилось на окраине г. Рузы, но не из-за ранения, а потому, что мне пришлось долгое время ходить в ватных брюках и валенках, пропитанных бензином: получилась большой химический ожог, который потребовал почти двухмесячного лечения в госпитале. Символичной для этого этапа войны мне кажется следующая картина: огромное снежное поле перед одной из живописных подмосковных деревень; оно буквально усеяно трупами рослых пограничников, которые были брошены в бой, не успев переодеться во фронтовое обмундирование; мы похоронили их в братской могиле на месте сгоревшей во время боя скирды сена – только там прогретая земля поддавалась лопатам. Что касается виновников этой бойни – двух погибших в бою немецких пулеметчиков, то их забросали снегом в вырытом ими же окопчике. Не помню, как я попал в состав этой похоронной команды, но перед отправкой на передовую полученные в ней впечатления были для меня весьма нехстати.

Первые часы наступления, начавшегося ночью 6 декабря, мы провели надвигающихся танках, цепляясь за все, что помогало удержаться на броне. На пути к месту боя было хвойное мелкоколесье и надо было крепко держаться, чтобы не угодить под гусеницы вслед идущей машины. А в остальном было довольно комфортно, поскольку работающий мотор достаточно прогревал забашенную часть танка. На исходном рубеже мотопехота выдвинулась вперед, а танки остановились. Нам называли очередную деревню, и мы рассыпались в цепь; двигаясь по глубоким сугробам, мы успевали как следует прогреться еще до того рубежа, на котором немцы открывали пулеметный огонь. Остановиться и залечь не давало, с одной стороны, начальство, а с другой – мороз; огонь противника был зачастую такой, что голову поднять страшно. В послевоенные годы, будучи в санатории "Дорохово", я пытался разыскать те места, где находился в декабре 1941 года, но безрезультатно. Удивляться этому не приходится, поскольку воевал я там в разгар зимы, а отдыхал – в середине лета.

Выйдя на окраину Рузы (насколько помнится, это было 17 декабря 1941 г.), мы заняли примыкающие к лесу несколько дворов. Ночью были вырыты в сугробах окопы, но когда рассвело, то выяснилось, что из них нельзя и носа высунуть, потому что с окраины города вели прицельный огонь два немецких снайпера. Запас патронов и ручные гранаты у нас имелись, а вот с горячей пищей дело обстояло плохо, поскольку кухня могла достаточно приблизиться к передовой только в темное время суток. Сзади нас стоял деревянный дом с пробитой снарядами крышей; туда мы по очереди добирались ползком, чтобы передохнуть и поест. Еще до нашего появления в дом доставляли раненых, но в него угодил снаряд, и часть из них погибла. В первую ночь, сменившись с дежурства, я приполз в дом и проспал спокойно несколько часов на 15–20° морозе между двумя трупами, не подозревая, что нахожусь в таком соседстве. Тем временем воспалительный процесс от моего бензинового ожога нарастал, и я решился показать его в медпункте, который был развернут в соседнем овраге. Санинструктор сделал перевязку и присоединил меня к очередной партии раненых. Во время транспортировки воспаление заметно усилилось; в сортировочном госпитале в Москве правый валенок разрезали, после чего уже омертвевшую кожу с подъема ноги мне удалили довольно большими лоскутками. Затем я был отправлен в другой госпиталь, находившийся в Иванове. Обескоженные места не заживали до тех пор, пока в госпитале не приспособили проволочную решетку над поврежденным местом, чтобы не присыхал бинт.

После госпиталя был запасной полк в Ижевске – огромный земляночный городок, откуда регулярно отправлялись маршевые роты с пополнениями в действующую армию. Там меня завербовали в Смоленское артучилище, эвакуированное в Ирбит. Двухлетний в мирное время срок обучения был сокращен во время войны до шести месяцев. Я пробыл в училище три месяца и был отчислен из-за того, что в письме к находившемуся на фронте Д. Воскобойнику критически отозвался о военной муштре. Письмо задержало цензурное ведомство и переслало его по месту моей службы; перед отчислением из училища я был исключен из комсомола с формулировкой "как трусовый интеллигентик" (это сталинское клеймо в те времена активно использовалось кстати и некстати). За неуспеваемость и недисциплинированность одновременно со мной была отчислена порядочная группа курсантов. Сержант, сопровождавший нас по пути в запасной полк, в отличие от других, называл меня "политическим" и велел остальным присматривать за мной, когда собирался спать.

В Ирбит, где находился запасной полк, мы прибыли в солнечный майский день⁹. В штабе никого не было. На плацу пыль стояла столбом – командир полка проводил строевой смотр – мимо трибуны, где он находился со свитой, "рубил" строевым шагом одно подразделение за другим. Поскольку в то время мобили-

зовывали главным образом старшие возраста, выправка у солдат была не блестящая, да и старания не хватало. Полковник ругался и почти все подразделения заворачивали на повторный заход. Нас это дело не касалось; сначала мы сидели и посмеивались, а потом "выиграло ретивое" – кто-то предложил: давайте мы им покажем, как надо ходить в строю. И ненавистная муштра превратилась вдруг в желанное развлечение. Четыре шеренги по четыре человека – молодые, веселые, здоровые – мы прошли перед начальством так, что в тот же день получили сержантские звания и стали младшими командирами.

Вскоре после этого я оказался в большом центре формирования артиллерийских частей, расположенном близ г. Коломны. Там, в частности, формировались, проводили боевые стрельбы и оттуда отправлялись на фронт истребительные противотанковые артиллерийские полки (ИПТАПы). Каждый из них состоял из пяти батарей 76-миллиметровых пушек новой конструкции, причем каждая батарея могла в случае необходимости действовать отдельно на танкоопасных направлениях. В начале июля 1942 г. наш полк погрузился в эшелон, который должен был следовать до станции Поворино, но из-за бомбежек разгрузился несколько раньше, а затем двигался своим ходом. В нашей батарее вместо пяти офицеров было только два; еще в июне я фактически занял офицерскую должность, хотя оставался сержантом и не получал офицерского жалования. Фронт в это время стабилизировался по верхнему и среднему течению Дона; сначала наш полк был под Воронежем, в районе Верхнего Мамона, потом переместился южнее и оказался на задонском плацдарме близ того самого хутора Ягодного, который описан у Шолохова в "Тихом Доне".

Паромная переправа была устроена у хутора Усть-Хоперский. На левом берегу реки подъезд к переправе был скрыт довольно густым лесом. От правого берега дорога поднимается вверх по крутому склону. Паром состоял из двух барж, соединенных платформой, на которую помещались три грузовика или пушка с передком и тягач. Переправу немцы бомбили довольно часто, но безрезультатно. В роще перед переправой скопилось довольно много войск и техники, но грузиться на паром они не спешили, ожидая перерыва в бомбежках. Убедившись, что бомбы почти в одинаковой мере опасны как находящимся на пароме, так и ожидающим погрузки вблизи берега, я воспользовался заминками во время воздушных тревог, чтобы переправить батарею вне очереди и, к счастью, без каких-либо потерь.

Плацдарм, на котором мы оказались, имел ширину 8–10 км, а глубину 5–6 км: это была степь с небольшими островками деревьев или кустарника у оврагов. Значительная часть земли покрыта неубранной пшеницей или ячменем. Просторные поля успели вызреть (там, где не сгорели) и кое-где на них остались следы того, как итальянские солдаты, оборонявшие этот участок, сначала отходили с полной выкладкой, потом бежали, бросая сначала вещи потяжелее: ранец, патронташ, личное оружие, и лишь после этого у некоторых дело доходило до алюминиевого котелка, который бросали последним. На грейдере, идущем вдоль Донской гряды, осталось несколько громоздких семитонных фиатовских грузовиков, которые трофейные команды не успели употребить в дело, прежде чем их "раскурочили" наши солдаты. Пленных итальянцев прежде всего разували – на нашем участке действовала горно-стрелковая дивизия "Челере", обутая в специальные альпийские ботинки. Вспоминаю трагикомическую историю: я шел по овражку вдоль провода, соединявшего огневые взводы нашей батареи с наблюдательным пунктом, и неожиданно наткнулся на нашего и итальянского солдат, которые изо всех сил орали друг на друга. Оказалось, что отставший от своих соотечественников итальянец спал в траве, а наш боец посчитал его мертвым и попытался снять с него ботинки; оба были с автоматами, но почему-то не стреляли, а только кричали друг на друга. Итальянец апеллировал ко мне, как к

офицеру, показывая на ботинки и ссылаясь, по-видимому, на право собственности; но я все-таки присудил трофей своему соотечественнику. Немецких пленных наша братия не любила и содержала в строгости; к итальянцам же и венграм, которых было немало на Донском фронте, относилась вполне терпимо. Однажды я в присутствии целого оружейного расчета долго беседовал, как мог, с одним молодым солдатом — уроженцем Милана. Он оказался недавно мобилизованным студентом, показывал семейные фотографии, уверял, что является убежденным пацифистом. Потом, начертив для него план, я велел ему идти к пункту сбора пленных. Два раза его выпроваживали, но он возвращался, боясь оказаться во власти наших соотечественников, которые настроены по-иному. Пришлось дать ему солдата для сопровождения.

На задонском плацдарме наш полк оставался до наступления в ноябре 1942 г., закончившегося окружением Сталинграда. А я был ранен раньше в картинной, но в общем-то никому не нужной артиллерийской дуэли. Это было в разгар моды на использование артиллерии для стрельбы прямой наводкой. На открытой местности, где мы воевали, ничейная зона между воюющими сторонами была около километра для пехоты, а для артиллерии и того больше. На задонском пятачке было тесно, и получилось так, что рядом с наблюдательным пунктом нашей батареи оказались НП командира нашего полка и командующего артиллерией армии. Этот последний выбрал цель на другой стороне долины и приказал подавить ее одним орудием из нашей батареи, поставленным на прямую наводку. По должности я не должен был участвовать в этой акции, но командир батареи побоялся какого-либо промаха со стороны командира орудия и велел мне тоже ехать. Нужно было десятью снарядами из одного орудия подавить обстреливавшее нас орудие противника. Поскольку все делалось как в театре — на виду высокого начальства, я решил сам командовать орудием. Противник вовремя заметил наши приготовления и послал снаряд в нашу сторону через полминуты после нашего первого выстрела. С таким же временным интервалом перестрелка продолжалась и дальше. Не знаю точно результатов нашего обстрела, но четвертым снарядом противника я был тяжело ранен, сгоряча смог забраться на сиденье виллиса и, сидя, проехать мимо находившегося в блиндаже начальства, хотя чувствовал, что рот наполняется кровью от поврежденного осколком легкого. В грузовике на пути к медпункту я лежал, но сознания не терял ни в медсанбате, ни в эвакуогоспитале, где зондировали две мои раны на спине в поисках осколков. Не сразу стало ясно, что ранение сквозное, при котором осколок прошел ниже позвоночника (я лежал на животе), но так удачно, что не повредил ни ребер, ни легких.

Как тяжело раненого меня эвакуировали, не снимая с носилок; в железнодорожном вагоне ставили их на специальные "кригеровские" кронштейны. Лежать я мог только на правом боку и говорил шепотом, поскольку грудная клетка была туго затянута бинтами. Эвакуировали нас поездом через Балашов в далекий Фрунзе. Балашовские железнодорожники ходили по вагонам и раздавали раненым пакеты с подарками. В отдельном купе было несколько раненых немцев и венгров. Когда дело дошло до них, поднялся шум — одна часть раненых считала, что им подарки давать нельзя, другая высказывала противоположное мнение. Санитарки устроили плебисцит. Какое было принято решение, не помню; я очень горячо высказывался "за", но мой слабый голос едва ли кто-либо слышал, поскольку мой "кригер" был расположен в дальнем конце вагона.

Во фрунзенском госпитале я пробыл около трех месяцев. Поскольку он формировался в Москве, ко мне персонал относился как к своему пострадавшему земляку. Чтобы скорее заживала рана, меня превратили в "самолет" — правую руку загипсовали в полусогнутом и вытянутом в сторону положении, что создавало массу неудобств и сложностей. Но после фронтовых тягот и опасностей это

казалось блаженной передышкой – угроза смерти, постоянно угнетавшая на фронте, хотя и не была снята совсем, все-таки отодвинулась на какое-то время. Оказавшись во Фрунзе, поспешил разослать по всем возможным адресам письма, чтобы восстановить связи с родными. Ответов до своего отъезда из госпиталя получить не успел. В те времена после тяжелых ранений еще можно было получить отпуск на долечивание, но Прохладный был оккупирован немцами, а в Москву отпуска не давались. Я выбрал Иваново, где жила моя бабушка, рассчитывая, что по пути я смогу выяснить ситуацию в Москве и, может быть, там задержусь.

Из госпиталя я выписался в том, во что был одет при поступлении в него: замызанная ватная стеганка, гимнастерка с одним "кубарем" (хотя документа о присвоении звания младшего лейтенанта у меня не было). В каптерке мне дали на дорогу пару селедок и буханку черного хлеба, которые я завернул в газету; сестры подарили мне томик Пушкина и выхлопотали "по блату" билет в мягкий вагон скорого поезда Фрунзе–Москва. В купе я оказался раньше всех, залез на вторую полку и, чувствуя себя не в своей тарелке, сделал вид, что сплю. Один за другим появились майор и два подполковника – как на подбор – юрист, интендант и медик. Они быстро познакомились друг с другом и, когда поезд тронулся, уже сидели за бутылкой водки. Когда выпили по первой, интендант, предлагая закусить первосортной ветчиной, выразил сожаление, что не успел запастись селедочкой. Я со второй полки заявил, что селедка как раз имеется, и был тут же кооптирован в компанию, получив в ней соответствующую моему возрасту и званию роль "Фигаро здесь – Фигаро там". Соответственно на второй день пути, когда поезд подъезжал к Кзыл-Орде, я стоял на ступенках вагона с котелком, чтобы в числе первых пассажиров запастись кипятком для нашего купейного чаепития. Соскочив до полной остановки поезда, я вдруг обнаружил перед собой тещу, которая, как оказалось, получила телеграмму из госпиталя о том, что я еду этим поездом.

Бела же за несколько дней до этого уехала из Кзыл-Орды в Коканд, куда был эвакуирован Московский химико-технологический институт, чтобы продолжить учебу. Конечно же, я отнес в вагон кипяток, попрощался со спутниками и остался в Кзыл-Орде. Там я провел отпуск, потом еще месяц или полтора долечивался в госпитале, иногда на ночь сбегая домой без официального разрешения. Дело было в зимнее время; один комплект одежды у нас был на двоих с оказавшимся в аналогичном положении Николаем Старшиновым¹⁰, и мы пользовались этим комплектом по очереди. С вечера выбраться из госпиталя было довольно легко, а возвращаться перед рассветом – значительно труднее. Госпиталь занимал длинное деревянное здание с коридором по всей его длине. В дальнем конце коридора мы оставляли незапертым одно окно, но всегда сохранялась опасность, что кто-либо из персонала заметит это, и обратный путь будет отрезан. Как-то я возвращался позже обычного, когда уже начинало светать. На окне в коридоре стояла свечка и было слышно, что санитарка моет пол. Пришлось затаиться и ждать, а на дворе становилось все светлее... К счастью, санитарка вскоре ушла, и мне благополучно удалось сначала забраться в коридор, а затем проскользнуть в палату мимо дремавшей сестры. С разбега я нырнул под одеяло, но наткнулся на что-то твердое. В первый момент мне показалось, что это новый раненый в гипсе, но оказался свернутый в трубку плакат об оказании первой помощи при кровотечении, который ребята сунули в кровать, чтобы замаскировать мое отсутствие. Через какое-то время госпиталь получил предупреждение, что ожидается крупная партия раненых, и я попал под очередную выписку: меня отправили сначала в Чирчик (близ Ташкента), а затем на курсы усовершенствования офицерского состава в Чебаркуль (близ Челябинска).

Из чирчикских впечатлений в памяти остались жара и строевые занятия, которыми нас "потчевали" сверх меры, да еще с пением. Отчасти эта муштра скрашивалась тем, что запевадой был одесский еврей по фамилии Птиц – своим пением он развлекал нас не только в строю, но и в свободное от занятий время. В Чирчике нас привлекали в массовке к съемкам кинокартины "Два бойца". На грязном рукаве речушки Чирчик были построены декорации окрестностей Ленинграда, а солдаты вместе с Марком Бернесом в порядочную жару должны были изображать с полной выкладкой атаку и рукопашные бои, происходившие в условиях октябрьского или ноябрьского ненастья. Ничего не получалось до тех пор, пока статисты вели себя слишком осторожно, стараясь поменьше замочиться и вымазаться. Режиссер требовал повторений до тех пор, пока они не стали обращать на это внимания, поскольку уже были мокрыми и грязными. Меня, к счастью, сия чаша миновала, поскольку я оказался в оцеплении, охранявшем место съемок от любопытных жителей Чирчика.

Не помню почему я оказался в Чебаркуле – по своей просьбе или по воле начальства. Там меня зачислили на курсы офицерского состава при 30-м учебном артиллерийском полку, после окончания которых я получил специальность командира взвода топорозведки. Специализация эта была довольно интеллигентной, связанной с картами и схемами, требующей кое-каких знаний по математике, которые мне пришлось не без труда восстанавливать в памяти. Курсы я кончил в июле 1944 г. отличником, получив право выбирать место службы в действующей армии. Выбрал 2-й Украинский фронт – единственный в то время действовавший уже за границами страны. Наступавшие войска фронта не встречали серьезного сопротивления, потерь было немного, тем более по моей военнотопографической специальности. Резерв наш перемещался вслед за войсками на солидном от них расстоянии; резервисты пользовались при этом попутным транспортом, а жили на частных квартирах, являлись ежедневно в отдел кадров, чтобы узнать, не появилась ли вакансия. В таком качестве я проехал всю Румынию и часть Венгрии. Только в феврале 1945 г., когда фронт находился близ озера Балатон, я получил назначение в арtpолк 41 гв[ардейской] стрелковой дивизии.

Армейский праздник 23 февраля застал меня в пути к месту назначения. Ехал я на попутных машинах; отчасти приходилось идти пешком, но это не было в тягость потому, что стояла солнечная весенняя погода, багаж мой состоял из небольшого полупустого фибрового чемоданчика, а спешить мне было некуда. В канун 23-го я попросился на ночлег к солдатам на промежуточной станции связистов-шестовиков. Двое из них были на линии, а четверо возились в доме со змеевиком самогонного аппарата – такие аппараты имелись тогда чуть не в каждом взводе. Самогонку гнали из различного сырья, чаще всего, как в данном случае, из виноградного жом (отходов винодельческого производства, которые можно было найти почти в каждом дворе). Я попал как раз вовремя – пошел первач; его попробовали на спичке, и капля вспыхнула синим пламенем. Мне, как гостю, отлили из первой кружки, и в голове сразу зашумело. Закусывали ку-сочками баранины, которые каждый мог обжарить по своему вкусу на раскаленной докрасна железной печке. Настроение у всех было весьма благодушное и не столько от алкоголя, сколько от того, что наступала весна, и с каждым днем росла уверенность, что военная "страда" близится к концу.

Наутро я плотно позавтракал остатками вчерашнего пиршества и отправился в путь. До штаба дивизии оставалось 4–5 км, сначала по шоссе Будапешт-Секешфехервар, потом немного по проселочной дороге. Свернуть нужно было примерно за километр до гребня возвышенности, которая отделяла Секешфехервар, где еще шли бои, от долины озера Веленце, где бои давно отгремели. Я поворот прозевал и шел, пока сидевшие в окопчике солдаты не предупредили

меня, что дальше местность простреливается. В штабе дивизии, куда я, наконец, добрался, получился скандал: мне хотели вручить не топографический взвод, а взвод управления, что гораздо хлопотнее и опаснее. Начальник штаба даже размахивал пистолетом, и я вынужден был согласиться, но вскоре возвратился из госпиталя прежний командир, и меня перевели в топоразведку. В последние месяцы войны взвод топоразведки много работал, но почти без практических результатов, потому что фронт почти непрерывно двигался. Мы едва успевали сделать привязку своих позиций и определить координаты важнейших целей, как противник отходил, наши позиции соответственно менялись, и нужно было делать новые замеры и рассчитывать новые координаты. Напряженность боевых действий заметно снижалась, война явно близилась к концу, и поэтому как-то даже страшнее стало: а вдруг подвернешься под случайный снаряд или на авось брошенную бомбу.

Кажется, недели две мы просидели в окопах близ северо-восточной окраины Секешфехервара. Было еще довольно прохладно, часто шли дожди – в окопах, землянках, ходах сообщения нельзя было уберечься от грязи и сырости. Большое наступление, начавшееся, помнится, 4 или 5 марта, совпало с установлением весенней погоды. В прорыве фронта мы не участвовали, а дальнейшие события мне вспоминаются как веселая прогулка по живописной местности. Моторизованные части выдвинулись далеко вперед, а основная масса войск, обеспеченная транспортом лишь отчасти, широким потоком двигалась следом, используя разные нештатные средства передвижения. Наша дивизионная разведка, например, захватила где-то громоздкий похоронный катафалк, запряженный четверкой лошадей, и полупьяные хлопцы с песнями ехали на нем от Секешфехервара до Вены. Две пары лошадей, которые имел наш взвод, удалось в несколько приемов сменить на лучших, причем в какой-то момент было так, что в одну пару запрягали рослого старого мерина вместе с маленьким рысистым монгольским коником, что часто становилось предметом многочисленных шуток, как с нашей стороны, так и от посторонних.

В Вене, не помню уже каким образом, я раздобыл большой, размером 2 × 2 м, план города, на который были нанесены все улицы и переулки и обозначены более или менее крупные здания. Пользуясь им, я, во-первых, помогал ориентироваться на местности нашему полковому штабу, во-вторых, пользовался сам для нескольких велосипедных экскурсий по городу в то время, когда в нем еще не закончились бои. План этот я долго сохранял, но в какое-то время В.М. Турок-Попов¹¹ выпросил его у меня ненадолго и не вернул. Пользуясь планом и ориентируясь на высоченную Карлскирхен, я добрался почти до центра, где на углу Оперн-ринга меня остановили солдаты, находившиеся "на передовой". Укрепленным пунктом им служило полуподвальное помещение небольшого магазина "колонияльных товаров", расположенное в угловом доме. У них было два пулемета, с помощью которых они держали под контролем и улицу, и переулок. Пулеметы стояли на ящиках, пулеметчики сидели в креслах, а рядом с ними стояли цилиндрической формы коробки с конфетами и печеньем разных сортов и бутылки с изысканными сортами вин. Карлскирхен горела, и тяга была настолько сильной, что столб дыма высоко поднимал в небо полуобгоревшие листы каких-то бумаг.

Моя поездка была не праздной прогулкой, а разведкой пути для предстоящего перемещения нашего полка. По разведанному мной маршруту полк совершил переезд по восточной окраине Вены с юга на север и вышел к Дунаю, чтобы поддержать огнем переправу пехоты с южного берега на северный. После освобождения Вены, в которой мы пробыли один или два дня, мы через знаменитый Венский лес двинулись на запад параллельно Дунаю и перемещались вдоль него до р. Эннс – одного из левых притоков Дуная. Навстречу нам дви-

гались американские войска; дважды или трижды назначался день встречи, мы готовили выпивку и закуску, слушали инструкции политруков о том, как себя вести; но союзники не появлялись, и мы двигались до следующего назначенного начальством рубежа. Не помню точно день, когда мы выехали к шоссе, идущему вдоль реки Эннс к Дунаю; кажется, это было 8 или 9 мая. Шоссе было занято танками, автомашинами, походными кухнями, конными обозами, достигшими назначенного рубежа и ждавшими дальнейших указаний. Подвыпившие солдаты пели и плясали, пока не были назначены места для размещения частей в мирных условиях.

За несколько дней там из досок и брезента были выстроены военные городки с жильем для личного состава, коновязями для лошадей, столовыми, клубами и т.д. Работали охотно и с азартом потому, что верилось, что это последний лагерь военного времени. На шоссе у реки стоял небольшой чистенький городок, а мы осваивали второй природный этаж долины, выше которого шел довольно пологий, поросший лесом склон с отдельно стоящими усадьбами местных бауэров. Из постоянных построек на отведенной полку территории находился только один двухэтажный каменный дом, хозяева которого уехали, не пожелав войти в контакт с советскими войсками. В этом доме поместился штаб полка, а все остальные соорудили себе временные жилища – брезентовые палатки с деревянным каркасом и полом из пахнущих смолой свеженапиленных досок.

Через месяц или полтора пришел приказ о перемещении всей дивизии в Винер-Нойштадт – город, расположенный километрах в 50-ти южнее Вены. Наш летний городок со всеми построенными временками по договоренности передавался американцам. Вместе с двумя солдатами я был оставлен, чтобы осуществить передачу союзникам, которые должны были появиться на следующий день, а за нами из полка должны были прислать машину. Соответственно продовольствия нам оставили на одни сутки. Однако американцы задержались, а машина появилась только через четыре или пять дней. Мне пришлось пару раз сходить к местным австрийским властям, и они помогли нам обеспечить себя продовольствием.

На второй или третий день около штабного дома, который мы после всеобщей эвакуации заняли под караульное помещение, появилась довольно молодая немка в сером больничном халате и в косынке, на которой нашит красный крест. Она заявила, что до нашего прихода была жительницей одного из близлежащих домов, и попросила разрешения поискать в лагере кое-какую мебель, которая исчезла из ее квартиры. Конечно, я ей разрешил, и она долго ходила по лагерю, но, кажется, ничего не нашла. Когда впоследствии я рассказал об этом нашему полковому офицеру "Смерш", он уверял меня, что это американская шпионка, чему я никак не мог поверить. С бургомистром близлежащего городка можно было объясняться по-русски, поскольку он в качестве военнопленного побывал в России во время первой мировой войны. Он тоже сказал, что объявившаяся в лагере особа раньше в этих местах не жила, но я все-таки позволил ей поселиться в лагере. Когда же за нами приехала машина, она попросилась с нами до окраины Вены. Что же касается американцев, то они так и не приехали в лагерь до нашего отъезда.

Тем временем наш полк переместился в Винер-Нойштадт, город, расположенный южнее Вены на полдороге от австрийской столицы до города Грац. Я же со своим топовзводом оказался на большом артиллерийском полигоне, расположенном несколько севернее Винер-Нойштадта, рядом с автострадой Вена-Грац. Готовясь к планировавшимся учебным стрельбам, мы подводили к полигону топографическую сеть и одновременно охраняли полигонные постройки от мародерских действий окрестного населения. В течение полутора-двух месяцев взвод имел практически полную административную и хозяйственную самостоятельность. Помкомвзвода у меня был из осужденных на небольшие сроки уго-

ловников, которых во время войны отправляли не в тюрьму, а на военную службу. Соответственной была его предприимчивость, которую мне не раз приходилось останавливать, чтобы она не довела до преступления. Он, в частности, постоянно тасовал наше конское поголовье, обменивая одних лошадей на других, которые ему казались лучшими, почти всегда имел внештатную тяговую силу, которую сдавал в аренду окрестным крестьянам за шнапс и разную, как он выражался, шамовку. Обед он обычно приносил мне лично, а когда я пытался выяснить, откуда мясо или картошка (со склада получали только консервы и перловку или макароны), то он отвечал: "Не спрашивайте, товарищ лейтенант...", а мне ничего не оставалось как в очередной раз повторить: "Смотри, не подведи меня под монастырь".

Секрет помкомвзвода раскрылся случайно. Моим ординарцем был немолодой уже солдат с Брянщины – Никишин – человек спокойный, хозяйственный и непьющий. Любимым его занятием было снимать себе в блокнот планы домов австрийских бауэров, потому что он мечтал после окончания войны отстроить свой дом по европейскому образцу и выбирал для него наилучшую планировку. У этого Никишина вдруг изменилась походка, что могло служить одним из признаков гонорей. Я его призвал к себе, чтобы пропесочить и послать в санчасть за лекарствами, но он страшно обиделся, опроверг мои предположения и добавил: "Если бы вы две ночи на этой кляче без седла покатались, то и у вас была бы такая же походка". Оказалось, что наш помкомвзвода с его неистребимыми уголовными привычками нашел покупателя в деревне на противоположной от нас стороне полигона, а Никишин под покровом ночи доставил ему злополучного мерина. На следующий день помкомвзвода еще раз продал мерина, а Никишину приказал ночью украсть его во второй раз и перегнать к новому покупателю. Пришлось аннулировать эти "сделки", благо мед и яйца, которые помкомвзвода получил за них, еще не были съедены.

С окончанием военных действий настроение наших солдат и офицеров кардинальным образом изменилось. Почти все рядовые, а также значительная часть младшего и среднего командного состава с нетерпением ждали демобилизации, едва ли не все их мысли и чувства уже были дома – "на гражданке". Но время шло, а демобилизация все не начиналась. Мы были дружны с начальником связи полка – старшим лейтенантом, фамилию которого я, к сожалению, уже успел забыть. Не дождавшись приказа о демобилизации, он начал допекать начальство разными нарушениями дисциплины, но это долго не давало результатов. Однажды мы оба были в наряде – он дежурным по полку, а я – начальником караула. Полк квартировал в огороженном кирпичной стенкой поместье какого-то австрийского графа. Караул располагался в специально построенной кордегардии у парадного въезда, посыпанного мелким светлым гравием. На этом месте дежурный рапортовал полковнику, приходившему обычно в семь утра. За ночь мой товарищ осушил несколько бутылок вина; он угощал и меня, но, выпив немного, я от дальнейшего уклонился. В семь утра, будучи в караульном помещении, я слышал, как мой приятель прокричал команду "Полк, смирно!"; затем последовало довольно продолжительное молчание, а потом раздался крик командира полка "Караул, в ружье". Я с двумя караульными бросился к парадному въезду и увидел взбешенного почти до невменяемости полковника и полупьяного моего друга, который нарочито развязно стоял перед ним, слегка покачиваясь, и смеялся. Оказалось, что, подав команду, он начал мочиться под ноги командира полка, но был остановлен его адъютантом. Полковник приказал мне сейчас же посадить виновника переполоха на гауптвахту, что я и вынужден был сделать, чтобы не нарушить субординацию. Приказ о демобилизации, подписанный еще до этого события, пришел через несколько дней, и мой товарищ уехал домой без последствий, которые

могли бы быть довольно неприятными, поскольку командир полка приказал оформить материалы для суда чести.

В августе 1945 г. мне одному из первых среди офицеров дивизии удалось получить месячный отпуск в Таганрог, куда Бела была направлена для работы на авиационном заводе после окончания Менделеевского химико-технологического института. Наша дочь Зоя, родившаяся в январе того же года, оставалась в Прохладном у родственников жены. Из впечатлений от этой поездки более всего памятливы две вещи. Во-первых, Бела стала солидной взрослой женщиной, к которой мне первое время и подходить было немного страшно. Во-вторых, я мельком увидел и немного познакомился с ее сослуживцами – здоровыми мужиками, которые, имея "бронь", всю войну просидели в тепле около своих и наших жен, не хлебнув и десятой доли того, что досталось на нашу долю. Конечно, они "ковали" для нас оружие, имели ненормированный рабочий день и получали продукты по карточкам, но разве это можно сравнить не только с фронтовой жизнью, но и с пребыванием нашим в тылу, например, в госпитальях или в запасных полках вроде Чирчикского или Чебаркульского?! Прошло пятьдесят лет, а у меня до сих пор не забылось тогдашнее чувство обиды на несправедливость судьбы, которая к одним была гораздо более благосклонна, чем к другим, ничем не заслужившим такой дискриминации.

Возвратившись в полк после отпуска, я особенно остро почувствовал полную ненужность того, чем мне приходилось заниматься, оставшись на военной службе, и полную свою несовместимость с тем образом жизни, который придется вести, если я не добьюсь демобилизации. Во время отпуска я дважды встретился с тогдашним начальником – полковником Кондашевым¹², он обещал добиться моего перевода и выполнил свое обещание. В результате со временем я оказался в Бузулуке, куда во время войны был эвакуирован этот архив. Жить там пришлось на частных квартирах. Сначала это был выгороженный разобранным платяным шкафом угол большой комнаты, потом отдельная, но небольшая, кажется, 12-метровая комната. Это было не очень уютно, но надоевшая холостяцкая бездомность все-таки кончилась и началась наша с Белой семейная жизнь – почти через пять лет после официального оформления брачных отношений.

В 1946 г. ЦАМО [см. прим. 7. – Л.Г.] был переведен в подмосковный Подольск. Мы получили там комнату в военведомственном доме; она была в полтора раза просторней нашей квартиры в Бузулуке; вдобавок мы имели общую кухню с двумя соседями и балкон в нашем полном распоряжении. Архив был рядом – в десяти минутах ходьбы. Весь более или менее руководящий штат состоял из военнослужащих в майорских и выше званиях. Я был лейтенантом, но занимал должность майора-подполковника и как единственный специалист по архивному делу преподавал архивное дело своим сослуживцам, а как самый молодой из офицеров, не утративший физическую форму, проводил занятия по физподготовке. Военные должности в Архиве были заняты преимущественно бывшими начальниками отдела кадров из расформировывавшихся в то время дивизий – майорами и подполковниками административной службы. Во время службы в ЦАМО я заочно окончил Историко-архивный институт; начальство положительно относилось к моей учебе в институте, и я мог, когда это необходимо, ездить в Москву.

Одним словом, мои служебные дела в ЦАМО складывались благополучно, но только до тех пор, пока в 1952 г.¹³ не начались сокращения штатов в армии. Оставалось без должности немало старших офицеров, в том числе кадровиков и работников административно-хозяйственной службы, а я занимал должность именно такого ранга. Кроме того, вышел приказ министра обороны о сохранении военной тайны и всплыли вдруг "темные пятна" моей биографии – исключение из

комсомола и отчисление из училища в связи с перехваченным военной цензурой письмом. В результате я был откомандирован в распоряжение Московского военного округа, где получил назначение в Мытищинский военкомат. Альтернативой были Группа оккупационных войск в Германии или Дальний Восток, что, конечно же, меня не устраивало. К демобилизации же путь был отрезан материальными трудностями, прежде всего отсутствием жилплощади (жили мы в это время в здании военкомата, где после увольнения удержаться было довольно трудно, хотя, как потом выяснилось, все же возможно). После Мытищинского я потом еще некоторое время служил по соседству в Калининградском горвоенкомате, откуда был откомандирован как годный к строевой службе в артиллерийский полк, находившийся в Козельске. Там я, занимая должность заместителя начальника штаба дивизиона, без особого труда восстановил в памяти то, что связано с чисто профессиональной сферой артиллерийского командира, но с большим трудом заново привыкал к внешним проявлениям строевой службы и военной субординации. Эти проявления угнетали меня особенно сильно тогда, когда рапорт с просьбой об увольнении из армии был уже подан и оставалось только дожидаться решения начальства. Поскольку решение это затягивалось, я послал письмо тогдашнему генеральному секретарю ЦК КПСС Г.М. Маленкову¹⁴, по его резолюции и был уволен в запас в сентябре 1952 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.А. Дьяков поступил в МГИАИ не в 1937 г., когда он после окончания средней школы впервые приехал в столицу, а в 1938 г. будущий историк некоторое время колебался в выборе между гуманитарным и техническим образованием и один семестр проучился в Горном институте, после чего ненадолго вернулся домой.

² Евгений Викторович Тарле (1875–1955) – историк, академик АН СССР (1927), лауреат Государственных премий (1942, 1943, 1946), преподавал в МГУ и других вузах.

³ Павел Петрович Смирнов (1882–1947) – историк, профессор МГИАИ в 1938–1947, заведующий кафедрой истории СССР, директор института в 1941 – 1942 гг., лауреат Государственной премии (1942).

⁴ Владимир Капитонович Никольский (1894–1953) – историк, профессор МГУ в 1930–1946 гг., кафедры всеобщей истории МГИАИ в 1942–1953 гг.

⁵ Давид Иосифович Воскобойник (1918–1983) – как и В.А. Дьяков, окончивший МГИАИ вскоре после войны, прослужил в армии до 1961 г. Участь в 1949–1951 гг. на военно-историческом факультете Военной академии им. М.В. Фрунзе, Воскобойник поддерживал интерес своего друга к военной проблематике; видимо, именно ему обязан Дьяков важным для себя знакомством с крупнейшим военным историком Л.Г. Бескровным (1905–1980). В последние годы жизни Воскобойник работал в научно-исследовательских подразделениях ЦСУ СССР. Другой друг со студенческих лет – кандидат исторических наук Вячеслав Иванович Буряк (1916–1990) – закончил свою профессиональную деятельность вузовским преподавателем в Астрахани.

⁶ П.П. Смирнов преподавал в Среднеазиатском университете в Ташкенте в 1927–1934 гг.

⁷ В 1946–1949 гг. официально назывался Архивом Министерства Вооруженных Сил СССР; с 1975 г. – ЦАМО.

⁸ Владимир Евгеньевич Иллерицкий (1912–1980) – доктор исторических наук, профессор, преподавал в МГИАИ с 1946 г., заведующий кафедрой истории СССР досоветского периода в 1962–1976 гг.

⁹ Запасной полк, в который автор попал в мае 1942 г., располагался не в Ирбите, а в Чебаркуле. Второй раз в Чебаркуле Дьяков находился с конца 1943 до середины 1944 г. после тяжелого ранения, полученного 19 октября 1942 г. на Донском фронте.

¹⁰ Николаем Старшиновым ошибочно назван К.Н. Страшнов.

¹¹ Владимир Михайлович Турок-Попов (1904–1981) – доктор исторических наук, сослуживец Дьякова по Институту славяноведения АН СССР, специалист по истории Австрии и международных отношений XX в.

¹² Василий Васильевич Кондашев – начальник Архива Министерства Вооруженных Сил СССР до 1948 г.

¹³ Пребывание В.А. Дьякова в подмосковном Подольске продолжалось до мая 1949 г., а не до 1952 г.

¹⁴ ВКП(б) переименована в КПСС только в октябре 1952 г. Г.М. Маленков (1902–1988) в описываемое время – секретарь и член Политбюро ЦК ВКП(б).

ВОСПОМИНАНИЯ А.Д. ПЕДОСОВА О ВЫСТУПЛЕНИИ МАРШАЛА Г.К. ЖУКОВА В АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (1966)

Александр Данилович Педосов (1921–1993), профессор, доктор исторических наук, видный специалист в области истории КПСС и истории СССР, участвовавший в написании и редактировании многих фундаментальных научных работ, а также долгое время ведший записи дневниково-мемуарного жанра по этой проблематике. Систематизировав их, он оставил воспоминания, датированные 22 июля 1991 г. Интерес, который представляют эти воспоминания, во многом определяется тем, что автор, по роду своей деятельности, встречался со многими интересными людьми. Некоторые детали их жизни, свидетелем которых был автор, пока не нашли отражение в литературе. А некоторые и не найдут из-за узкого круга их участников или локального характера. В 1958–1973 гг. он преподавал на кафедрах марксизма-ленинизма, истории КПСС в Академии общественных наук, Высшей партийной школе. Избран (1958–1961) секретарем парткома ВПШ, а затем инструктором Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам (1961–1973). В 1973–1983 – заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Воспоминания А.Д. Педосова, хранящиеся в домашнем архиве, можно условно разделить на четыре неравные части: 1. Война (Начало войны. Ижевск 1942–1943)¹. 2. Послевоенное строительство (Первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР. Завершение истории со строительством Дворца Советов. Г.М. Попов. Один футбольный матч. В 1949 году). 3. Встречи (Три встречи с М.И. Калининым²). Одна беседа с маршалом Мерецковым. Василий и Светлана Сталины. Н.С. Хрущев. Лекция маршала Жукова в Академии общественных наук в начале декабря 1966 г. "25-летие обороны Москвы в 1941 году"³). 4. Некоторые фрагменты памяти (150-летие войны 1812 года. 60–70-е годы в Латвии. Румыния. 1971 год).

Для публикации был избран раздел воспоминаний, посвященный маршалу Г.К. Жукову. Это объясняется, с одной стороны, известностью самой фигуры, с другой – в воспоминаниях личности маршала уделяется много внимания.

И.И. Комарова

25-летие разгрома немцев под Москвой. Лекция маршала Г.К. Жукова в Академии общественных наук при ЦК КПСС в начале декабря 1966 года

В начале декабря 1966 г. отмечалось 25-летие разгрома немцев под Москвой. Мы собрались в парткоме Академии общественных наук, где я работал, обговаривали, как нам отметить дату. Кто-то из сибиряков сказал: а нельзя ли

¹ Педосов А.Д. Начало войны. Листки воспоминаний // Профи. 1997. № 1. С. 110–117.

² Великий строитель нового мира: 100 лет со дня рождения М.И. Калинина // Правда. 1975. 17 нояб. (в соавт. с П.А. Голубом).

³ Текст лекции Г.К. Жукова (в том числе и его прямая речь) дается в записи автора воспоминаний.

пригласить самого героя этого дела – маршала Жукова? Жуков в те годы не выступал, его вообще как бы не было. Позвонили в Главпур, чтобы узнать телефон. Ответили, что маршал Жуков в докладчиках не значится. Настойчивый секретарь парткома Варламов Константин Иванович узнал телефон, созвонился с Г.К. Жуковым. Тот назначил время, и к нему поехали Варламов и Куличенко Виктор Андреевич – пред. профкома, оба – преподаватели Академии. Маршал жил в доме, в районе Патриарших прудов, как и некоторые другие члены Политбюро. В передней комнате майор гладил китель. Жуков расспросил наших, что это за Академия общественных наук, кто там учится, кто будет на лекции. Его заинтересовало, что у нас люди – рядовые партийные и другие идеологические работники со всей страны, поинтересовался тем, кто там профессора, а главное, что именно хотят от него услышать. Оживился, когда узнал, что интересно, во-первых, его увидеть своими глазами и услышать своими ушами. А во-вторых, хорошо бы ответить на неизбежные вопросы. После двух-трех предварительных встреч Георгий Константинович появился в актовом зале Академии общественных наук. Его сопровождал майор, помогавший развешивать карты-схемы. Все щиты с кафедр собрали, потому что Г.К. принес два десятка карт и схем. В коридоре, напротив трибуны-кафедры, села жена с медицинским саквояжем на коленях. Она – врач. Актовый зал набит до предела и сверх того. Встретили Жукова восторженно. Зал встал и не собирался садиться. Наконец, даже Жуков как-то почувствовал неловкость. Сам сел. Все начали усаживаться. Где-то крики "Ура Жукову!", "Ура-а-а". Опять встают. Не может начать. Наконец, как-то строго посмотрел в зал, надел очки в золотой оправе, взял папку и встал на кафедру, окинув взором всю шеренгу карт, охвативших сцену от края до края. Там были общий вид московской обороны по этапам, разверстки отдельных участков и т.д. Жуков на кафедре имел профессорский вид. Плотный, коренастый, с указкой в руках, внимательный взгляд из-под очков в тонкой желтой, металлической оправе. Речь – четкая, ясная, неторопливая, взвешенная, с паузами для раздумий и, наверное, для слушателей. Временами как-то откидывает корпус назад, делает глубокий вдох. Он говорил в общей сложности часа три-три с половиной, с перерывом минут на 20. Часа полтора – лекция, а часа полтора – ответы на вопросы, коих была целая гора. Весь перерыв он все вопросы раскладывал и группировал. Я буду рассказывать, перемежая основную часть выступления с ответами на вопросы, чтобы повествование шло более-менее по проблемам.

Мне запомнилось следующее. Жуков сказал: "Когда у нас в литературе утверждают, что мы были не готовы к войне – это неправильно. Начало большой войны – это очень сложный вопрос. На него никак нельзя ответить однозначно. Здесь слишком много составных частей, из которых складывается тот или иной ход начала войны. В войнах прошлого дело сводилось в основном к нескольким генеральным сражениям, где успех зачастую определялся тем, как полководцы расставят свои силы. Что касается старой России, то она, – говорил Жуков, – как правило, проигрывала начальный период войны. В России всегда был долгий период разворота сил. Теперь было совсем иное дело. Я не думаю что мы и сейчас достигли достаточной степени изучения начального периода войны. И я не уверен, что можно когда-то поставить точку: все изучено. Сейчас еще много здесь неизвестного". Но Жуков обратил внимание, на то, что в главном, основным мы были готовы к отражению нападения "и Германии, и, я подчеркиваю, – говорил Жуков, – любой возможной комбинации наших противников. У нас была создана довольно мощная промышленность, развитая сырьевая база с достаточными резервами и для черной и для цветной металлургии, мощное машиностроение, нефтедобыча и производство нефтепродуктов с резервами производства в глубоком тылу. Наконец, мы создали в довоенные годы

мощную строительную отрасль. Организованное сельскохозяйственное производство в виде колхозно-совхозного строя. И главное, уже были советские люди, советский народ, была наша партия, ее проверенные на деле кадры".

...Ниже я остановлюсь на этом еще в связи с оценкой маршалом Жуковым уровня высшего руководства, в частности, деятельности Сталина как Верховного Главнокомандующего и руководителя партии и государства. Отдельно Жуков остановился на состоянии к началу войны Красной Армии и Флота. Он сказал, что Красная Армия к началу войны была безусловно мощной, современной кадровой армией, способной противостоять любому агрессору. Об этом убедительно показал опыт наших сражений в 1938–1939 гг. на Дальнем Востоке. "Но, – заметил он дальше, – уже война с Финляндией 1939–1940 гг. показала и другое. Именно, что при наличии мощной экономической, политической и военной потенции у нас имелись серьезные упущения в учебной и боевой подготовке, разработке оперативно-тактических вопросов начального периода большой войны. Что касается техники, – говорил Жуков, – то картина выглядела следующим образом. Война в Испании, которую гитлеровская Германия и фашистская Италия провели в 1936 – 1939 гг., показала следующее. В начале войны, в 1936–1937 гг. наши самолеты не уступали немецким техническим средствам. Но вот уже в конце войны, 1938 – 1939 гг., наши самолеты И-15, И-16 и другие машины стали уступать новым образцам немецких самолетов и танков". Далее он говорил о том, что историки пишут, дескать, имелся просчет в оценке момента вероятного нападения Германии на Советский Союз. И Сталин, и Тимошенко – нарком обороны, и Жуков – начальник Генерального штаба, они мол, несут значительную долю ответственности за наше тяжелое положение, которое сложилось в начальный период войны. Жуков сказал, что, может быть, это и верно. "Я бы сказал, что это отчасти верно. Конечно, Сталин переоценил значение договора о ненападении с Германией – договора 1939 г. Но Сталин говорил мне не раз, что Гитлер нападет на нас, конечно. Но это будет летом 1942 г., когда он освоит ресурсы Западной Европы, а может быть, и высадится в Англии. Сталин считал эту высадку реальной. Но давайте подумаем, все-таки Гитлер потерпел полный разгром. А если бы Гитлер высадился и укрепился в Англии до того, как напасть на нас? Гитлер – большой авантюрист. А Сталин переоценил уровень стратегического мышления Гитлера, когда рассчитывал, что Гитлер пойдет на нас в 1942 г. ...Теперь я бы хотел сказать о том, что были сигналы от Черчилля и других буржуазных государственных деятелей, называлась прямая дата нападения на Советский Союз в разных источниках, 22 июня. Вы представьте себе положение высшего руководства страной. Ведь оно сопоставляет данные, полученные из многих каналов. Это – дружественные страны, иные государства. Почему мы должны были верить именно предупреждению Черчилля? Данные наших посольств, вся служба Министерства иностранных дел, по линии государственной безопасности, Коммунистического Интернационала, братских партий. Даже мнение нашего Генерального штаба – это всего лишь одна строчка, так сказать в таблице источников и мнений, которыми оперирует высшее руководство страны".

«Теперь о Тимошенко и Жукове. Когда я пришел в январе 1941 г. на должность начальника Генерального штаба, то примерно через 2 недели, когда я сопоставил то, что теперь уже изучил в Генеральном штабе, с тем, что изучил до этого, будучи командующим войсками Киевского особого военного округа, я пришел к выводу: надо рассчитывать на то, что вероятное нападение на нас Германии состоится этим летом, т.е. в 1941 г. И надо начать разворачивать армию, переводить на военные рельсы промышленность и вообще народное хозяйство. Надо об этом доложить Сталину.

С этим я пришел к наркому. Семен Константинович сказал: "Ты пришел к

этому выводу, ты – начальник Генерального штаба. Иди и докладывай". Я позвонил Сталину. Он ответил, что готов принять. Тимошенко говорит: "Едем вместе". Мы с Тимошенко взяли рулон с картами, схемами и театров мировой войны, и нашей страны и наших приграничных районов, и поехали. Помню, что наш сверток, целый рулон карт, все никак не входил в дверь машины ЗИС-101, пришлось его помять. Кстати, через несколько дней мы, работники Генерального штаба, оборудовали у Сталина стену с картами Советского Союза, демаркационной линии между СССР и Германией 1941 г., Европы, мира, вообще театров шедшей мировой войны» и добавил следующее: "Один человек, которого все мы очень уважали, а потом вырвали из своего сердца [выразительный жест рукой], говорил, что Сталин по глобусу руководил военными действиями. Надо потерять всякий стыд, чтобы нести эту чушь. Я сам устанавливал карту у Сталина. А что касается глобуса, то, насколько я помню, в приемной у Сталина всегда стоял большой глобус.

Но я возвращаюсь к самой беседе – Сталин, Тимошенко, Жуков в феврале 1941 г. Сталин внимательно выслушал, Семен Константинович иногда уточнял кое-что. Но у нас с Тимошенко была в целом общая позиция. Сталин убедительно привел нам доводы, о которых я говорил выше. А именно, почему нападение Германии на нас состоится в 1942, а не в 1941 г.

Я еще раз повторяю, что мы, Генеральный штаб, Министерство обороны – это ведь одна строка, важная, конечно, в целом реестре мнений, которые находятся в поле зрения высшего руководства страны и на основе совокупности которых высшее руководство принимает решение". Так подчеркнул Жуков и сделал далее оговорку, что главный урок из внезапности нападения на нас гитлеровской Германии в 1941 г. таков, что в будущей войне у нас не будет резерва времени. "И меня, – сказал Георгий Константинович, – этот вопрос очень беспокоит. Я уже говорил выше, что у России есть плохая традиция проигрывать именно начальный период войны. Расстояние для мобилизации, какая-то леность мышления, долго запрягаем и т.д. и т.п."

...Мне вспоминается также, как Георгий Константинович отвечал на вопрос о том, что для него, маршала Жукова, было на всем протяжении войны наиболее ответственным, наиболее драматичным и требовавшим от него наибольшей нагрузки. Он сказал: "Конечно, битва под Москвой". Рассказывая о сражениях на различных участках московской обороны, Жуков подробно останавливался на ходе событий не только в целом, но и на отдельных участках. Нас поразила его изумительная память: он называл события, факты, номера частей до полков, а в отдельных случаях до батальона, фамилии командиров, о которых говорил в каком-то особо уважительном тоне, о войсках. Он всегда называл командиров по имени-отчеству. И говорил, примерно так: Здесь позицию занимал 1001 артиллерийский полк под началом такого-то товарища, называя имя, отчество, фамилию. "Но что может сделать артиллерийский полк, даже противотанковый, против многократно превосходящей танковой лавины? Полк может погибнуть, не сдав позиции. Он исполнил свой долг. Но превосходство противника в силе, если оно существует, позволяет ему, не считаясь с потерями, продвинуться вперед. Так было дело и на многих участках под Москвой в конце ноября – начале декабря. Поэтому маневр ресурсами приобретал первостепенное значение. Наши бесконечные просьбы к Верховному Главнокомандующему о подкреплении, о присылке резервов, на которые он был очень скуп и вынуждал нас обороняться теми силами, которые есть, мы только потом могли оценить, когда сложился благоприятный момент для перехода в контрнаступление, когда появились в начале декабря признаки, что немцы выдохлись. Выдохлись, конечно, не вообще, а в своем наступательном порыве".

Жуков подчеркнул особую важность того, что высшее руководство, Ставка

Верховного командования все время битвы под Москвой находились здесь. Он рассказал о таком факте: «Где-то в первых числах октября мы с Булганиным, членом Военного Совета, решили поставить вопрос перед Сталиным о том, что необходимо, в интересах лучшего управления войсками и Западного фронта и руководства военными действиями на других фронтах, переместить управление Западного фронта на Кунцевскую резиденцию Сталина, где находилась Ставка, а Ставку Верховного Главнокомандования переместить в район Арзамаса. Слишком быстро и очень тяжело становилось управлять войсками. С этим я и поехал к Сталину.

Приехав к Сталину, я был поражен, Сталин сидел за столом с Борисом Михайловичем Шапошниковым, начальником Генерального штаба (кстати, наверное, самый образованный из старых военных специалистов. Окончил Академию Генерального штаба в 1910 г., прошел службу на командных и штабных должностях в старой и советской армиях. Единственный человек, кого Сталин величал только по имени-отчеству, хотя он был моложе Сталина на 3 года).

Они сидели за большим столом, где были разложены карты, схемы, и вместе разбирали какую-то пухлую машинописную рукопись. Оказалось перевод немецкого автора по тактике танковой войны. Сличали с лежавшей рядом хорошо нам известной книгой Гудериана "Бронетанковые войска и их взаимодействие с другими родами войск", изданной у нас в 1940 г. Делали выписки, чертили карандашами. Сталин кивнул, чтобы я присел. И когда я увидел эту сосредоточенность Сталина с Шапошниковым, я не решился поставить вопрос, ради которого прибыл: о переводе управления Западного фронта в Кунцево, а Ставки ВГК – в Арзамас. (Под Арзамасом у нас была подготовлена резервная база, со связью и пр.) У командующего всегда есть вопросы к Главкому, их я поставил и уехал...» Обратила на себя внимание такая деталь в рассказе Жукова. Он говорил о себе не "воевал", а "работал". Я тогда работал в Ленинграде в должности командующего Ленинградским фронтом". Или: "Я тогда работал по координации действий центральных фронтов при подготовке будущей Курской битвы" и т.д.

Очень много вопросов было к Жукову об его отношении к Сталину как полководцу. Жуков показал целую кипу таких вопросов, он все вопросы сгруппировал в перерыве. И сказал: «Прошу вас всех иметь в виду, что я не отвечаю на вопрос о Сталине как руководителе государства, партии, международного коммунистического движения. Я отвечаю на ваш вопрос о роли Сталина как полководца.

Должен сказать, что в деятельности Сталина как полководца я отчетливо вижу три периода. Первый период – до Сталинграда. Второй период – от Сталинграда, включая Курск. Третий период – после Курска, переход через Днепр и до окончания войны. Должен твердо сказать, что в первый период войны Сталин в вопросах современной войны разбирался плохо. Он нас, военное руководство, часто критиковал, что мы, военное руководство, слишком много живем традициями гражданской войны. Но я должен сказать, что он сам в этот период жил в основном теми же традициями. К тому же, – заметил Жуков, – Сталин в годы гражданской войны никогда не был на командной работе. Он был в должности уполномоченного продовольственного дела на Юге России (1918 год. Царицын), был членом Реввоенсовета Юго-западного и Южного фронтов, РВС республики, так что опыт у него определенный был. Когда по итогам финской войны вопрос обсуждался на Пленуме ЦК в марте 1940 г., Сталин выступал очень интересно, критически, хорошо. Нас, высшее военное руководство, он критиковал за то, что мы медленно изучаем новейший опыт войны, которая идет уже с 1939 г. Это же мы слышали от Сталина и при подведении итогов военной игры, которую высший состав Армии и Флота провел на картах весной 1941 г.

Тогда мне пришлось выступать в роли командующего группировкой "синих", а группировкой "восточных" командовал командующий западным особым военным округом генерал армии Павлов и "подыгрывал" ему нарком обороны Тимошенко.

Итоги этой игры, проводившейся несколько дней, – она шла в Наркомате обороны, – показали следующее. Мы ориентировались на те наличные людские и материальные ресурсы, какими располагали стороны. И эта игра показала, что позиция "синих", т.е. наступающей, западной, стороны оказалась более предпочтительной. Мы проводили крупные танковые охваты, выбрасывали воздушные десанты. И нужно сказать, что при подведении итогов этой игры Сталин был очень сердит. Мне передали, – сказал Жуков, – что после игры Сталин сказал: "Ну вот Жуков за "синих" выиграл, вот пусть-ка теперь, в должности начальника Генерального штаба и покажет, как на самом деле нужно готовиться к приближающейся войне".

Вообще-то я должен вам сказать, что мне казалось: мое мнение как начальника Генерального штаба было для Сталина не очень авторитетным. В самом деле, кто я такой был для Сталина? Он впервые познакомился со мной в 1939 г., когда я был у него по итогам боев на Халхин-Голе, где я командовал группировкой. Он расспрашивал, я докладывал. Вскоре после этого последовало мое назначение командующим Киевским военным округом, а затем уже в Генеральный штаб. Но все-таки мне казалось, что для Сталина более авторитетным было мнение Тимошенко и некоторых других военачальников. Я был для него слишком молодой и менее опытный командующий, а тем более генштабист...»

...Итак, я отвлекся. Жуков говорил, что Сталин в этот первый период войны, хотя он был энтузиастом прогресса техники, мог допустить такие вещи. «Например, шла речь, чтобы на одном из артиллерийских заводов организовать производство 100-миллиметровой зенитной пушки, оно было фактически подготовлено. Изделие мирового класса. И производство 100-миллиметровой зенитной пушки на этом крупном и новом артиллерийском заводе начиналось по решению СНК СССР, прогрессивному решению, ибо потолок авиации быстро растет, как и другие параметры. Но готовое дело заволынили. Сталин под влиянием Г.И. Кулика – зам. наркома обороны по вооружению, консервативного человека, недалековидного, назначил комиссию Жданова, та заседала и пришла к выводу, что надо свернуть производство 100-миллиметровой пушки, а мощности вернуть на производство рядовой 76-миллиметровой пушки, которых действительно не хватало. "Я 76-миллиметровку знаю с гражданской войны". Вот и логика! Хотя подчеркиваю: Сталин не уставал ругать нас, что мы плохо извлекаем уроки из новейшего опыта войны. И самое ближайшее будущее показало ошибочность решения Жданова–Сталина о 100-мм пушке».

...Между прочим, в Центральном партийном архиве хранится фундаментальная рукопись Б.Л. Ванникова, наркома вооружения до 10 июня 1941 г. Там подробная история этого вопроса. Частично этот эпизод со 100-мм пушкой там есть, а частично был опубликован в "Военно-историческом журнале", в середине 70-х годов.

«...Но, – говорил Жуков, – Сталин – такой человек, который в любой обстановке мог учиться. Я вам рассказал о случае, который запомнил, с моим приездом к нему 13 октября 1941 г., когда Сталин с Шапошниковым разбирали машинописный перевод нового немецкого труда о танках.

Что касается второго периода войны, который начинается от подготовки Сталинградской битвы и до Курской, включительно, я должен сказать, что тут начали проявляться определенные проблески серьезного понимания современной войны у Сталина. А что касается третьего периода войны (я считаю после Курска, Орла, штурма Днепра, освобождения Киева), то я должен вам сказать –

тут голос Жукова зазвенел особым "металлом", – это был полководец современной мировой войны большого масштаба.

И, подводя общий итог, – сказал Жуков, – в этой войне мы имели достойного Верховного Главнокомандующего».

Правда, при этом, даже применительно к третьему периоду войны, Жуков заметил: "Тут, вы знаете, Сталин мог иногда дать совет даже командующему фронтом очень существенный».

Было очень много вопросов к Жукову относительно отношения Сталина к военным кадрам периода 1937 г. Жуков отвечал таким образом: «Из всех вопросов, которые я усвоил, работая в течение ряда лет бок о бок со Сталиным, в личных общениях или ежедневно разговаривая с ним по ВЧ из тех мест, где находился; в многочасовых беседах с ним и на заседаниях ГКО, Ставки (тут не всегда и разделишь), я отчетливо видел, как внимательно относился Сталин к выращению военных кадров. Он нам говорил: "Вы знаете, что значит вырастить командующего армией. Тут нужны годы и годы. И командующий армией, который не прошел настоящей военной школы, еще не может быть настоящим командующим".

"И тут, – говорил Жуков, – я вступаю в противоречие в моем понимании Сталина. Как он мог допустить, что в 1937 г. наша армия лишилась целого ряда выдающихся полководцев. Я уже не говорю о других ступенях офицерского, генеральского состава. Возьмите, Уборевича, командовавшего 10 лет, до 1937 г., Белорусским военным округом. Я знал его очень хорошо, потому, что работал в БВО, в том числе был и начальником штаба округа и заместителем командующего. Это был, не побоюсь сказать, выдающийся теоретик и практик войны. Причем, танковой войны, энтузиаст воздушных десантов, знаток и теоретик глубокой операции. Мы на маневрах 1935 г., которые проводили в больших масштабах, с приглашением делегаций различных зарубежных армий капиталистических стран (а энтузиастом этих маневров был Уборевич), применили крупные танковые клинья с участием нескольких мощных танковых дивизий и даже одного танкового корпуса. Мы выбрасывали воздушные десанты, один раз – приблизительно в полторы или две тысячи человек. Все это было диковинкой для представителей генеральных штабов Англии, Франции, Германии, Швеции, которые присутствовали на маневрах в Белоруссии. И уверяю вас, что если бы Уборевич 22 июня 1941 г. был на посту, катастрофы на аэродромах, со связью, с дислокацией частей не могло быть. Уборевич сумел бы повести дело так, что войска, командиры, штабы были на местах. Во всяком случае никто бы не болтался в отпусках в злосчастное воскресенье, никакие диверсанты не сумели бы найти и разрушить связь, никакие самолеты не торчали бы на открытых аэродромах.

Это был Уборевич. Я о нем прикинул на 22 июня, потому что служил с ним 10 лет. И представляю, как бы он решал вопросы в той сложной ситуации после советско-германского договора 1939 г. и начавшейся войны Германии против Польши.

А еще Тухачевский – лучший знаток западного театра военных действий, не говоря уж об общеизвестных его качествах в области высшей стратегии и оперативного искусства и военно-технического прогресса.

Я не понимаю 1937 года. До сих пор я не вижу на него ответа, – сказал Жуков; Вы не обижайтесь, – говорил он, обращаясь к аудитории. Вы тут партийные, советские, теоретические работники. Вас вырастить можно. Потому, что народное хозяйство работает непрерывно, и в мирное, и в военное время. А хороший командующий должен пройти хорошую военную школу, чтобы вырасти во всесторонне способного и умелого и обстрелянного командующего для настоящих военных действий...»

...Сейчас, я, автор этого рассказа о лекции Жукова, сделанного по свежим моим записям того дня, немного отвлекусь. Как пришлось прочитать (Жуков не касался этого в лекции), что сам Жуков летом 1937 г. был исключен из партии в Минске. Он телеграфировал об этом Сталину, и пришло указание – отменить решение об исключении Жукова из партии...

...Заканчивая изложение своей записи выступления Жуков у нас в Академии общественных наук в первых числах декабря 1966 г. в связи с 25-летием Московской битвы, я не могу отделаться от следующей мысли: она бродила у нас, его слушателей и организаторов лекции, много дней после встречи с ним. «Поймите, – говорил он, – мы, ведь не могли проиграть оборону Москвы. Хотя и готовились к худшему. – Тут голос его вновь зазвенел "металлом". – Конечно, мы и в этом, худшем случае, в конце концов победили бы. Но это стоило бы куда больших жертв. Думаю, что война затянулась бы на 7–8 лет...»

...Но вспоминая незабываемые часы, мы все думали и о парадоксе нашей политической организации. Как нестерпимо жаль, что маршал Жуков, начиная с октября 1957 г. фактически не принимал участия в строительстве Вооруженных Сил. Ему тогда не было и 60 лет. Он не был ни в какой группе консультантов при Министерстве обороны, как обычно используются высшие военачальники, ни еще в какой иной форме использования. Во всяком случае, когда мне, по долгу службы в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, пришлось быть одним из заместителей председателя Главной редакционной комиссии Советской военной энциклопедии, а председателем был министр обороны А.А. Гречко, я спросил его тет-а-тет: почему никогда на заседаниях, где бывали многие старые командующие, маршалы, многие давали заключения по статьям в 8-томном издании, не видно и не слышно Жукова, Андрей Антонович как-то грустно взглянул на меня и ничего не ответил.

Известие о смерти Жукова пришло как раз на заседании Главной редакции СВЭ 18 июня 1976 г. Председатель Н.В. Огарков прекратил заседание, почтили память великого полководца и военные поехали к нему, кажется, на дачу. Почему-то подумалось: он умер 18 июня, наверное, именно эти дни, накануне 22 июня, были тяжелыми для его сердца всегда.

Жукова похоронили в Кремлевской стене, рядом с Сергеем Сергеевичем Каменевым – одним из видных военных деятелей старой армии, теоретиком – генштабистом и командующим войсками в старой и советской армии.

Каменев С.С. умер в 1935 г. будучи начальником штаба РККА (тогда названия Генштаб еще не было).

Г.К. Жуков входил в состав ЦК партии, был кандидатом в члены ЦК в 1941–1946 гг. и в 1953–1957 гг., был членом Президиума ЦК КПСС в 1956–1957 гг. И в 1946 и в 1957 гг. его выводили на пленумах из состава ЦК. И он уходил, как рассказывают участники пленумов, в гробовой тишине стуча каблуками.

А на памятной встрече он говорил нам так: "Вот мне приписывают недооценку партийно-политической работы в армии. Как можно? Ведь я, между прочим, член партии с 1919 года! Но я никогда не мог понять, почему одни люди отдаются без остатка, а другие – позволяют себе работать в полсилы, да еще бесосновно поучают первых. Вот этим, другим, я не давал пощады. Иное дело, когда человек делает все, что он может, но ему не дано. У него кругозор от силы – командир дивизии, а его ставят на округ, протяженностью по фронту 1000 километров, да 600 – в глубину. Хотя лично он – герой. Сам лично. Везде и все зависит от людей. А в военном деле – тем более!"

О ПОСЛЕДНЕЙ КНИГЕ АКАДЕМИКА А.М. САМСОНОВА

Академик Александр Михайлович Самсонов (1908–1992) тесно связал свою научную биографию с исследованием событий второй мировой и Великой Отечественной войн. Его фундаментальные труды по данной проблематике¹ заняли достойное место в отечественной историографии.

В конце 80-х годов, когда в общественном сознании шел бурный процесс переосмысления прошлого, преимущественно, сталинской эпохи, А.М. Самсонов стал известен широкому кругу читателей прежде всего благодаря своим многочисленным интервью и публицистическим выступлениям в периодике, которые вызвали немедленную реакцию в различных уголках страны. Размышления о необходимости ликвидации "белых пятен" истории привели, по выражению самого ученого, к "удивительному резонансу": он получил свыше 2500 писем-откликов. Около 200 из них были отобраны, откомментированы А.М. Самсоновым и включены вместе с некоторыми его газетными и журнальными публикациями в книгу "Знать и помнить"².

Замысел автора состоял в том, чтобы приблизить содержание и форму книги к суждениям "за круглым столом" представителей широкой общественности. В ней обобщались ответы на часто повторяющиеся вопросы. Значительное место отводилось полемике А.М. Самсонова с его оппонентами, мнения которых были представлены в книге со всей полнотой. Он стремился учесть все точки зрения, вплоть до самых крайних, причем опубликованные письма давались в тех же количественных пропорциях, что и полученные³.

Для своего времени (публикация готовилась к печати в 1987–1988 гг.) подобный замысел, несомненно, был новаторским. Да и не каждый академик смог бы опубликовать почти полумиллионным тиражом (именно такого тиража достигла книга "Знать и помнить") письма, в которых содержалась открытая критика в его адрес со стороны неспециалистов. А.М. Самсонов считал, что "нельзя быть рабом устаревших взглядов, включая свои собственные, если они ошибочны в свете новых знаний"⁴.

Несмотря на усиливавшийся недуг, Александр Михайлович начал работу по воплощению нового замысла: он намеревался собрать воедино выступления в периодической печати 1988–1991 гг., стенограммы "круглых столов" со своим участием и, где нужно, дополнив, а где необходимо – сократив их, и, сделав полученные за этот период читательские письма "органической частью" работы, опубликовать ее. Автору этих строк довелось тогда быть референтом академика А.М. Самсонова и оказывать ему помощь в подготовке рукописи.

Свою последнюю книгу Александр Михайлович назвал "Настоящее и

¹ Самсонов А.М. Память минувшего. События, люди, история. М., 1988; Он же. Вторая мировая война, 1939–1945: Очерк важнейших событий; Он же. Сталинградская битва. М., 1990; Он же. Москва, 1941 год: от трагедии поражений – к великой победе. М., 1992; и др.

² Самсонов А.М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. М., 1988.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

прошлое в зеркале истории" Фрагменты публицистики". К сожалению, рукопись общим объемом 20 а.л. не дошла до издательства. 5 апреля 1992 г. А.М. Самсонов скончался.

Содержание рукописи "Настоящее и прошлое в зеркале истории...", несомненно, представляет большой интерес. Во-первых, в ней обобщены суждения не просто ученого-историка, но и человека, умудренного многолетним жизненным опытом, видевшим, как он сам писал, "войну вблизи". Во-вторых, работа над ней шла в годы, когда кончалась горбачевская "перестройка", завершался распад Советского Союза, сопровождавшийся большими социально-политическими и экономическими потрясениями, которые А.М. Самсонов, как и многие миллионы людей в нашей стране, близко принимал к сердцу и тяжело переживал.

Таким образом, последний научный труд академика А.М. Самсонова может рассматриваться и как исследование, и как исторический источник, запечатлевший события начала 90-х годов, переломные для судьбы Отечества.

Работая над книгой, он, с одной стороны, тщательно анализировал появившиеся на рубеже 80–90-х годов публикации по проблемам, которые намеревался затронуть в ней (судьбы России после распада СССР; роль общественного сознания в выборе путей дальнейшего развития страны; Сталин и сталинизм; история Великой Отечественной войны). С другой стороны, А.М. Самсонов стремился расширить круг источников, составлявших ее основу. Для этого он использовал свои статьи и интервью, опубликованные после выхода в свет книги "Знать и помнить", которые были дополнены новым текстом, письма читателей, пришедшие к нему после 1988 г. и, наконец, архивные документы.

Примечательно, что материалы для рукописи "Настоящее и прошлое в зеркале истории..." накапливались и систематизировались А.М. Самсоновым в виде вырезок из журналов и газет, а также ксерокопий и складывались в отдельные папки. В каждой папке содержались материалы по одной проблеме (теме). В результате это облегчало ему работу при написании книги и, как правило, содержимое тематически скомпонованных папок составляло ее разделы.

В папках хранились и многочисленные письма его корреспондентов. Преклонный возраст и болезнь не позволяли Александру Михайловичу посещать библиотеки, поэтому он заказывал библиотечную литературу через референта, а также приобретал различные интересующие его новинки литературы: книги, сборники статей, документальные публикации, главным образом по истории второй мировой войны, которые в большом количестве выходили на рубеже 80–90-х годов.

В личной библиотеке А.М. Самсонова много книг, подаренных авторами и составителями. Работая с литературой, он использовал закладки, помещая их между нужными страницами либо в начале интересующих глав, разделов и т.д.

Повседневное общение с А.М. Самсоновым дало автору этих строк возможность составить представление о том, какова была "творческая лаборатория" ученого. Методика его работы, если говорить об организации, была, на первый взгляд, крайне простой и даже традиционной, однако это лишь повышало степень продуктивности. Следует отметить, что А.М. Самсонов сам не владел пишущей машинкой, а тем более – компьютером. Находившаяся в его кабинете конторка, за которой можно было писать лишь стоя, свидетельствовала о том, что главным его инструментом являлась авторучка либо карандаш. На его рабочем столе всегда присутствовали письменные приборы с большим количеством авторучек и разноцветных карандашей. В папках сохранились как рабочие варианты рукописей, так и окончательные машинописные тексты. А.М. Самсонов отличался большой аккуратностью, хорошо "ориентировался" среди многочисленных папок с материалами, книг, журналов, газет, по порядку разложенных на его рабочем столе.

Материал для книги "Настоящее и прошлое в зеркале истории..." был собран и подготовлен к печати к началу 1992 г. Благодаря любезности вдовы А.М. Самсонова Анны Георгиевны Самсоновой имеется возможность ближе познакомиться с ее содержанием.

Рукопись представляет собой машинописный текст, первый экземпляр которой был помещен в специальную папку. На обложке рукой А.М. Самсонова написано: "Академик А.М. Самсонов. Настоящее и прошлое в зеркале истории. (Фрагменты публицистики). 1 экз." Сплошная пагинация в рукописи отсутствует, пронумерованы лишь страницы внутри разделов.

Структура книги. В предисловии "От автора" акцентировалось внимание на необходимости познания прошлого, учета исторического опыта при определении перспектив выхода России из кризиса. А.М. Самсонов выделил три основных направления в российской общественно-политической жизни начала 90-х годов: сторонников перестройки общества при сохранении "социалистической ориентации", создания федеративного или конфедеративного государства; приверженцев сохранения целостности государства, его общественного строя и идеологии бывшего СССР без какой-либо коренной ломки; сторонников леворадикального, демократического крыла, выступающих за коренную ломку общественных отношений.

"Сегодня, когда пишутся эти строки, СССР распался. Одной из главных причин этого явилось тяжелое наследие тоталитаризма"⁵, – подчеркивал А.М. Самсонов. Провидческими представляются следующие мысли историка: "Распад Союза губителен для всех республик, что станет еще яснее со временем". Но А.М. Самсонов верил: несмотря на всю сложность и даже трагичность ситуации, создавшейся после распада СССР, в будущем обязательно должны будут проявить себя такие фундаментальные факторы, проверенные опытом истории, как общность исторических судеб народов бывшего СССР, единство их экономических, культурных, этнических и других связей.

Основная часть книги "Настоящее и прошлое в зеркале истории..." открывается разделом "На критическом рубеже Отчизны". В него вошли материалы, в которых А.М. Самсонов подытожил острую полемику по таким ставшим на рубеже 80–90-х годов животрепещущим проблемам, как избавление от тоталитарного прошлого, пересмотр роли Октябрьской революции 1917 г. и всей истории страны послеоктябрьского периода во всемирно-историческом масштабе и др. Автор выступает не как беспристрастный летописец, лишь фиксирующий происходящее, но и как очевидец, участник событий, познавший вместе со своим народом и голод времен гражданской войны и разрухи, и неустроенный быт, и испытания на фронтах войны. Поэтому он выступал категорически против обвинений, преобладавших в начале 90-х годов в публицистике, в причастности к преступлениям тоталитарного режима в адрес всех членов КПСС.

В этой части книги А.М. Самсонов дает краткий очерк событий в бывшем СССР, предшествовавших и сопровождавших его распад. Для него было совершенно ясно, что исчезновение с политической карты такой великой державы неизбежно повлечет за собой "цепную реакцию в России и некоторых других республиках СНГ". "Судьба Родины, а во многом и всей современной цивилизации, решается в эти трудные 90-е годы", – писал А.М. Самсонов.

Дальнейшие события, очевидцем которых ему уже не довелось стать, подтвердили данный вывод.

Второй раздел книги посвящен анализу такого трагического для нашей страны и во многом пережившего себя во времени явления, как Сталин и ста-

⁵ Здесь и далее цитаты приводятся по: Самсонов А.М. Настоящее и прошлое в зеркале истории: Фрагменты публицистики. Рукопись хранится в домашнем архиве вдовы А.М. Самсонова.

линизм. А.М. Самсонов включил в него свои ранее публиковавшиеся, но дополненные с учетом новых данных, статьи "Гитлер и Сталин: сопоставимы ли они?", "Сталинизм: истоки и рецидивы", "Судьба противостоящих Сталину" и др. Основной пафос этих публикаций состоит в том, что автор прямо декларировал свое негативное отношение к тоталитарному сталинскому режиму, указывая на тяжелые последствия пережитков сталинской мифологии в общественном сознании. При этом он особо подчеркивал вклад ученых-историков в объективное изучение событий 30–50-х годов, связанных с деятельностью Сталина и его "соратников".

Наиболее объемным по содержанию и по количеству представленных материалов является третий раздел книги, названный "Страницы Великой Отечественной войны". Это и естественно, ведь почти полвека своей жизни А.М. Самсонов посвятил изучению связанных с ней проблем. В этой части рукописи представлены его размышления о причинах возникновения и развязывании второй мировой войны, о героизме, проявленном советскими людьми в годы Великой Отечественной, о своих однополчанах, с которыми довелось пройти фронтовыми дорогами, а в послевоенное время делить радость встреч и горечь расставаний.

В центре внимания историка оказались и такие являвшиеся "запретными" в течение десятилетий в условиях идеологического господства КПСС темы, как причины чудовищных поражений Красной Армии в 1941–1942 гг., трагедия плена, коллаборационизм (на примере власовского движения), сталинские депортации 1941–1944 гг.

Следует напомнить, что в 1967 г., будучи директором издательства "Наука", А.М. Самсонов подвергся совершенно необоснованному выговору, вынесенному решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС за выпуск политически вредной книги А.М. Некрича "1941. 22 июня". Теперь хорошо известна вся подоплека "дела Некрича", которое относилось к периоду, когда к власти пришел Л.И. Брежнев и начался процесс реанимации культа личности, сопровождавшийся, в частности, идеологическими кампаниями и "проработками" историков⁶. Одна из них затронула и А.М. Самсонова... Александр Михайлович в начале 90-х годов не раз в разговоре с автором этих строк вспоминал об обстоятельствах "дела Некрича", хотел ознакомиться с его материалами, хранившимися в Центральном партийном архиве (ныне – РЦХИДНИ), однако, осуществить задуманное ему не довелось.

Вероятно, именно в связи с воспоминаниями о книге А.М. Некрича, в которой была затронута одна из "запретных" страниц Великой Отечественной войны – вопрос о причинах трагического для СССР и Красной Армии ее начала, у А.М. Самсонова возникало желание обратиться не только к данному вопросу, но и к другим драматическим и слабо изученным проблемам истории войны.

Следующий, четвертый раздел рукописи по своему содержанию как бы является продолжением предыдущего и носит название "История и публицистика". Здесь собраны полемические статьи и выступления академика, связанные с воспитательной, социально-политической ролью исторической науки в обществе, а также затрагиваются вопросы, относящиеся к трактовке мемуаров Г.К. Жукова; открытое письмо А.М. Самсонова "руководителям Науки и Армии", в котором он выступает против очернительства прошлого Отечества, и др.

Пятый раздел книги называется "В кривом зеркале лежеполемики" и содержит ответы А.М. Самсонова наиболее ярким оппонентам, которые позволяли себе, как выразился сам историк, "недостойные методы спора с инакомыслящими".

⁶ "Дело А.М. Некрича": Из истории гонений на советскую интеллигенцию [Публ. док. и вступ. статья С.П. Петровского] // Кентавр. 1994. № 4, 5.

Александр Михайлович, по натуре человек очень спокойный и отличавшийся большой интеллигентностью, умел уважать чужое мнение, прислушаться к нему, но никогда не позволял себе в полемике "переходить на лица", о чем и свидетельствуют материалы упомянутой части его рукописи.

Шестой раздел этой рукописи содержит свыше 30 писем, адресованных А.М. Самсонову, которые были получены, главным образом, в 1990–1991 гг. Здесь и обращения коллег-историков, и отклики на книгу "Знать и помнить" простых читателей, в том числе – эмоциональный рассказ бывшего солдата вермахта, взятого в плен 9 мая 1945 г. (!) и находившегося в лагерях в СССР, о судьбе немецких военнопленных.

В приложении к книге А.М. Самсонов намеревался использовать архивные документы периода Великой Отечественной войны, которые выявлялись по его просьбе в РЦХИДНИ, однако, данное намерение осуществить до конца не удалось.

Таким образом, сохранившаяся в творческом архиве академика А.М. Самсонова рукопись последней монографии "Настоящее и прошлое в зеркале истории..." дает, на наш взгляд, довольно полное представление о научных интересах и замыслах исследователя, оставившего заметный след в отечественной историографии Великой Отечественной войны. Хочется надеяться, что она будет опубликована и станет, как и книга "Знать и помнить", достоянием широкой общественности.

ЮБИЛЕЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ С.М. СОЛОВЬЕВА и И.Е. ЗАБЕЛИНА

Хроника заседания

13 декабря в помещении РГПИБ состоялось юбилейное заседание памяти И.Е. Забелина и С.М. Соловьева. Его открыл *М.Д. Афанасьев*, директор Исторической библиотеки, в которой хранится библиотека Забелина, переданная ГИМом. Прозвучало вступительное слово *С.О. Шмидта* ("И.Е. Забелин и С.М. Соловьев в культуре Москвы"), выступление *С.В. Чиркова* "Историки петербургской школы о И.Е. Забелине", был зачитан доклад *А.Н. Шиханова* "Архивный труженик" (тексты этих выступлений публикуются в наст. томе АЕ). Были сделаны доклады *М.В. Катагощиной* "Религиозно-нравственные проблемы в творчестве И.Е. Забелина", *Н.А. Долгополовой* "И.Е. Забелин в своих дневниках", *В.Б. Шаркова* "Воспоминания И.Е. Забелина о первых годах работы в Оружейной палате". В последнем докладе вниманию слушателей были представлены Воспоминания Забелина о работе в Оружейной палате, которые являются заключительной частью его "Воспоминаний о жизни", хранящихся в ОПИ ГИМ (Ф. 440. Ед. хр. 12. Л. 1–141). Они содержатся в двух общих тетрадах и третьей, сшитой из 14 листов. Третья (общая) тетрадь, заполненная текстом лишь наполовину, содержит воспоминания Забелина о первых годах его работы в Кремле. Написаны они черными чернилами, на полях и в тексте имеются карандашные вставки и разделение текста по главам (карандашом в начале некоторых страниц). Это напоминает о том, что им была задумана большая работа, к сожалению, не законченная. О том, что Забелин предполагал писать воспоминания более обширные, свидетельствует л. 84, где написана часть плана будущих воспоминаний: "Встречи и Знакомства", "Люди добрые и недобрые", "Студент Жиленков". "Кремлевская часть" воспоминаний содержит также описание его встреч с Грановским, Снегиревым и Полевым. Эта часть воспоминаний интересна тем, что дает понять истоки научной деятельности историка, выходца из Сиротского училища, ставшего одним из самых уважаемых сотрудников Оружейной палаты.

В зале заседаний библиотеки присутствовали сотрудники АК, активисты общества "Старая Москва", работники РГПИБ.

Т.В. Лохина

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Совместное заседание посвящено памяти прославленных историков нашего Отечества и великих граждан Москвы, родившихся 175 лет назад – Сергея Михайловича Соловьева (его день рождения 5 мая 1820 г.) и Ивана Егоровича Забелина, который родился 17 сентября 1820 г. Имена Соловьева и Забелина как бы олицетворяют вершинные достижения в развитии отечественной исторической науки. И, когда в 1993 г. в соответствии с Положением о золотых медалях и премиях, присуждаемых РАН, были утверждены награды по Отделению истории, то "за большой вклад в изучение истории" решено было присуждать раз в пять лет золотую медаль имени С.М. Соловьева, а "за большой вклад в исследование проблем археологии" раз в три года – премию имени И.Е. Забелина.

И Соловьеву, и Забелину посвящена немалая литература – и мемуарная, и научно-историографическая. Вышли в свет книги – о С. Соловьеве В.Е. Иллерицкого в 1980 г., о Забелине – А.А. Формозова в 1984 г. В 1984 г. издана составленная под руководством С.С. Дмитриева новаторского типа книга "С.М. Соловьев. Персональный указатель литературы". В 1922 г. опубликованы в двух книгах материалы научных чтений в ГИМ в 1990 г. к 170-летию Забелина (там и моя статья "И.Е. Забелин и русская культура"). С изучением архивных материалов (прежде всего личных фондов обоих историков), переизданием и изданием впервые их трудов круг тем статей и диссертаций о многосторонней творческой деятельности Соловьева и Забелина все расширяется. Тем более, когда постепенно происходит освобождение от обязательности только политико-идеологического ("классового") подхода к историографическим явлениям и историю исторической мысли перестают рассматривать лишь как смену концепций, отражающих прежде всего общественно-политические взгляды историка. Темы сегодняшних выступлений – историографические явления, еще недостаточно изученные. Постараюсь в том же ключе говорить и во вступительном слове.

Рождение в один год Соловьева и Забелина может восприниматься как случайное совпадение. Но в том, что такие выдающиеся историки, отличавшиеся особенностями и своей биографии (особенно ее начального этапа), и подхода к историко-культурным явлениям и научной методике, были современниками, обнаруживается определенная закономерность, отражающая уровень и своеобразие развития науки и общественной жизни России. Подобно тому, что наблюдаем в истории современной им русской классической литературы: в один год родились и столь разные писатели как Герцен и Гончаров – в 1812 г., Достоевский и Некрасов – в 1821 г., Лев Толстой и Чернышевский – в 1828 г.

Сотворенное этими историками и литераторами имеет общую почву – культура и общественное сознание той поры, которую в годы их детства характеризовали как Карамзинскую эпоху. Широко известно высказывание Пушкина: "Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом". С изданием многотомной "Истории государства российского" знание о прошлом

своего Отечества стало приходить в общество не из произведений художественной литературы (прежде всего драм и поэм на исторические сюжеты), а из сочинения, которое, являясь занимательным чтением, к тому же доступным и детям, примечаниями своими вводило в мир не только научных знаний, но и методики научных исследований и архивных богатств.

До сочинения Карамзина исторические труды в России предназначались преимущественно узкому кругу ученых или составлялись в учебных целях. И показательно, что авторами выступали зачастую иностранцы по рождению, писавшие и печатавшие их на иностранном языке (обычно на немецком). С изданием "Истории государства Российского" и появлением откликов на нее в журналах, исторические сочинения заняли прочное место в литературной периодике. Историческая наука в глазах общества обрела и просветительскую (даже просветительно-воспитательную) функцию. Рассуждения о значении опыта истории, о путях исторического развития (особенно своего Отечества), об исторических параллелях и примерах, а затем и об источниках исторического знания, об исторических традициях своего края характерны уже для 1830-х годов и для обеих столиц, и для провинции, где образуются губернские статистические комитеты (с широкой программой изучения и настоящего, и прошлого своего края) и начинают издавать губернские ведомости. Уже во второй четверти XIX в. входит в обычай печатать материалы исторической тематики и научные труды ученых историков в журналах и других изданиях широкого профиля – именно для таких изданий готовили свои статьи Соловьев, Забелин, Костомаров, еще в большей мере их младший современник Ключевский. Подобные труды, рассчитанные и на широкого читателя, по форме своей были на грани с публицистикой, если точнее выразиться, с "литературной критикой", и воспринимались тоже как "литература"; т.е. в традициях Карамзина и Пушкина, который мыслил себя в этом плане наследником Карамзина как Историографа.

А литература в пушкинские времена была (о чем писали и сам Пушкин, и Вяземский) сферой занятий преимущественно образованных аристократов и стремившихся войти в эту среду лиц иного социального происхождения (постепенно оттеснявших с арены литературной жизни потомственных дворян). Сферой занятий преимущественно аристократии была в столицах и отечественная история – напомним, не только о самом Карамзине, архивистах Бантыш-Каменских и Малиновском, участнике и историке Отечественной войны генерале Михайловском-Данилевском, но и об их предшественниках: видном сановнике и родственнике императрицы Анны Татищеве, князя Щербатове, генерале Болтине, обер-гофмейстере Елагине, наконец, о самой Екатерине II, о тех, кто составлял окружение знатных меценатов графов Мусина-Пушкина и Румянцева, президента Академии художеств Оленина. Европейски просвещенные молодые аристократы служили в Коллегии, затем Министерстве иностранных дел и в его архиве в Москве: эти "архивные юноши" получали навыки знакомства и с историческими документами давних времен (хотя, как правило, и не слишком отягощены были служебными обязанностями). Титулованные лица стояли во главе архивных учреждений (в МГАМИД – князь Оболенский, позднее в Межевом архиве – князь Мещерский). Да и сама история России тех столетий, от которых сохранилась архивная документация, представлялась аристократам в определенной мере историей фамильной (напомним об изображении исторической роли Пушкиных в "Борисе Годунове" и реплику царя Бориса: "Противен мне род Пушкиных мятежных...").

И под "интеллигенцией" в 1830–1840-е годы подразумевали европейски образованную аристократию (определение В.А. Жуковского). Лишь в пореформенное время этим сразу получившим распространение термином стали обозначать работников умственного труда и в области искусств. Герцен в 1866 г.

характеризовал таких "работников умственного движения" (в их числе университетских профессоров) как "пролетариат интеллигенции"¹.

Главными "работниками умственного движения" в сфере исторической науки были тогда Соловьев и Забелин. Поражали многообразие проблематики их трудов и широта хронологического охвата – от древности до нового времени, и при этом всегда опора на первоисточники. Оба историка – просветители и организаторы науки. Деятельность именно Соловьева и Забелина на долгие годы предопределила характер деятельности историков московской школы и вообще основные направления и формы работы российских историков.

При этом заметны были и отличительные черты творчества и научных, и жизненных вкусов двух знаменитых сверстников, возможно обусловленные уже разницей образа жизни их в детские годы, когда оба почувствовали притягательную силу занятий историей.

Особую роль сыграло раннее знакомство с "Историей" Карамзина (что отмечается в биографиях и других выдающихся людей XIX столетия). Разное восприятие прочитанного обоими мальчиками объясняется различными душевными и умственными предпочтениями, навыками воспитания и просвещения, первичным жизненным опытом. Выросший в достатке в семье столичного образованного священника Соловьев, прочитав "историю" Карамзина "не менее двенадцати раз, разумеется, без примечаний", особенно любил главы о славных победах и государственных деяниях ("действовал во мне отроческий патриотизм" – писал историк в воспоминаниях). Воспитанника же Сиротского училища Забелина, выдвинувшегося лишь благодаря редким способностям, любознательности, трудолюбию, сразу же более всего прельстил первый том "Истории", где меньше чем в других томах отведено место государственным деяниям и государям².

Для Соловьева-мемуариста (а, может быть, уже и при первом чтении) "История" Карамзина – прежде всего история "государства Российского", для Забелина – "российская история". Решившись повторить великий подвиг Карамзина и сочинить единолично многотомную "Историю России с древнейших времен", Соловьев преимущественно сосредоточился на явлениях государственно-политической истории. Забелин же стал основательно – и тоже в хронологической последовательности – изучать повседневные явления жизни россиян и историю Москвы на всем ее протяжении, составляя энциклопедию истории быта допетровской Руси. Но для обоих характерно то, что создавая свои монументальные труды, Соловьев и Забелин (как и первопроходцы науки отечественной истории Татищев, Щербатов, Карамзин) неутомимо вводили в научный обиход новые архивные материалы, и в первую очередь на них опирались в своем изложении. Авторы всех последующих многотомных сочинений обо всей истории России, начиная с Ключевского, считали допустимым обходиться без новых архивных документов – в основе их фактологической базы прежде всего "История" Соловьева.

Соловьев использовал, конечно, и издания 1820–1870-х годов – публикации источников и труды историков и юристов, более того, статьи его о своих предшественниках – у истоков науки российской историографии. Европейски образованный Соловьев, слушавший лекции знаменитых профессоров в университетах Западной Европы, считал необходимым при изучении отечественной истории (особенно сравнительно с зарубежной, к чему имел склонность) обращаться к новейшим трудам западноевропейских историков, социологов, фило-

¹ Подробнее см.: Шмидт С.О. К истории слова интеллигенция // Россия, Запад, Восток: встречные течения: Сб. памяти академика М.П. Алексеева. СПб., 1997.

² Шмидт С.О. "История государства Российского" в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского (репринтное воспроизведение издания пятого). М., 1988. Кн. 4. С. 32–35.

софов. И написанное Соловьевым в методическом плане вровень с высшими достижениями современной ему зарубежной исторической мысли.

Забелин, конечно, тоже старался творчески использовать опыт предшественников. Но он был гениальным самородком, не получившим вообще высшего образования и недостаточно осведомленным о зарубежных изданиях. Тем более поразительны его историческая интуиция, его методические прозрения. Это редчайший пример того, когда знаточество аккумулируется в глубокое научное знание. Не вдаваясь в теоретические обоснования, но приметливо наблюдая над тем, что становится реальным источником познания в деталях повседневной жизни и в настоящем и в прошлом, Забелин привлек для своих исследований все доступное в ту пору многообразие исторических источников – и письменные, и фольклор, и разговорную речь, и изобразительные, и вещественные, и поведенческие. И предопределил современные понятия о комплексном и сравнительном источниковедении, об источниковедческих возможностях краеведения, археологии.

В России, особенно в Москве, когда Академия наук находилась в столице – Петербурге, научная работа историков была возможна либо в университете, либо в хранилищах памятников истории и культуры.

С лекциями Соловьева утвердилась традиция исследовательского типа курсов отечественной истории; более того, такие лекционные курсы стали основой готовящихся к печати книг³. Форма научной работы в университете склонных к самостоятельному изучению прошлого России (ее истории, памятников ее культуры) была в середине XIX в. определена С.М. Соловьевым и Федором Ивановичем Буслаевым (недаром В.О. Ключевский их обоих почитал своими учителями), Соловьеву как преподавателю он посвятил особую статью. Впрочем, на примере того же Ключевского убеждаемся в том, что занятый поглощающей его и поразительной по продуктивности исследовательской и литературной работой, Соловьев, видимо, не слишком внимательно наблюдал за самостоятельным развитием своих учеников. Иначе трудно объяснить, как мог он молодому человеку такого склада мышления и литературных вкусов навязать несоответствующую стилю его дарования тему о житиях русских святых, особенно после написания им "Сказаний иностранцев о Московском государстве" и дополнений по истории русского быта к книге немецкого историка П. Кирхмана⁴.

И Соловьев, и Забелин были убежденными сторонниками создания музеев. Для Забелина, всю жизнь связанного с работой в Оружейной палате, с археологическими раскопками, музей мыслился не только как депозитарий историко-культурных ценностей и просветительский центр, но и как научный институт и научная школа для молодежи. Именно в музее можно было исследовать историю повседневной жизни и обучать этому научную молодежь. И Забелин выступил там как организатор своеобразной школы повышения квалификации молодых специалистов, окончивших университет. Беседы-семинары⁵ Забелина с привлеченными к работе в музее воспринимались ими позднее (когда они стали широко признанными видными учеными) как научная школа.

Роль и Соловьева, и Забелина в организации научно-просветительского дела – музеев, изданий, лекций, научных обществ, в приобщении к историческим знаниям общественности от подростков (для которых они тоже писали и книжки,

³ См.: *Дмитриев С.С.* Соловьев и Московский университет // *С.М. Соловьев: Персональный указатель литературы.* М., 1984. С. 20–22.

⁴ Отдельной книгой дополнения впервые опубликованы Р.А. Киреевой (*Ключевский В.О. История русского быта...* М., 1995).

⁵ См.: *Воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине* / Подг. С.Б. Филимонов // *АЕ* за 1976 год. М., 1977. С. 272–278.

и очерки) до высокообразованной интеллигенции и богатых сановников и предпринимателей, способных оказать материальное содействие развитию науки и культуры, заслуживает тоже специального изучения и популяризации. Велико и, пожалуй, еще недооценено общественно-воспитательное значение для формирования представлений об обязанностях ученого-просветителя "Публичных чтений о Петре Великом" Соловьева. И знаменательно (конечно же, не случайно) то, что они имели место в год основания Политехнического музея (объединившего усилия ученых-естественников) и Исторического музея, научным руководителем которого стал и оставался до конца жизни Забелин.

Многообразная творческая деятельность великих историков – Сергея Михайловича Соловьева и Ивана Егоровича Забелина – славная страница не только истории науки, но и российской, и мировой культуры, нашей общественной жизни.

АРХИВНЫЙ ТРУЖЕНИК С.М. СОЛОВЬЕВ

В речи по случаю избрания в члены Общества любителей российской словесности при Московском университете 4 февраля 1859 г. С.М. Соловьев с полным на то основанием назвал себя архивным тружеником. И действительно, в его расписанной буквально по минутам жизни занятиям в архивах уделялось едва ли не самое заметное (по крайней мере, по затратам времени) место. Ученому по праву принадлежит приоритет в систематическом изучении делопроизводственных материалов XVII – первой четверти XIX вв., начале выработки методики отбора и работы с ними. Поэтому рассмотрение взглядов С.М. Соловьева на состояние архивного дела, археографии, подходов к отбору отдельных видов документов призвано углубить наши представления об источниковой базе его сочинений, творческой лаборатории выдающегося отечественного историка¹.

Уже с конца XIX в. в историографической литературе бытует мнение, что под влиянием Л. Ранке его российский адепт признавал хранящиеся в архивах акты и государственное делопроизводство "преобладающим видом исторических материалов", абсолютизируя объективность содержащихся в них фактов – источники "строго-ученого знания"². Идеи немецкого автора, видевшего задачу исследователя в изложении преимущественно фактографической стороны общественного процесса, кардинально расходились со взглядами С.М. Соловьева, смотревшего на историю как науку народного самопознания и считавшего своей первоочередной задачей выявление общих закономерностей развития. В фактографической пресыщенности сочинений С.М. Соловьева скорее следует находить не отражение методологической зависимости от Л. Ранке, а следствие общего состояния современной ему науки.

С уязвостью источниковой базы русской истории С.М. Соловьев столкнулся сразу же по получении кафедры в Московском университете в 1845 г. "Пособий не было. Карамзин устарел в глазах всех. Надобно было для составления хорошего курса заниматься с источниками"³, – вспоминал он. Основные летописные своды к тому времени были опубликованы лишь частично, первые тома "документов и бумаг" МАМЮ и издания П.М. Строева⁴ не восполняли полно-

¹ Вопрос об источниковой базе "Истории России с древнейших времен" (далее – "История России") С.М. Соловьева не остался без внимания исследователей. См.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1891. Кн. 8. С. 10–18; Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891–1892. Т. 1, ч. 1–2. Указатель имен; Андреев А.И. Работа С.М. Соловьева над историей России // ТМГИАИ. М., 1947. Т. 3. С. 3–16; Шаханов А.Н. Работа историка С.М. Соловьева в архивах // СА. 1987. № 6. С. 40–45; Он же. Архив С.М. Соловьева // ЗОР ГБЛ. М., 1986. Вып. 45. С. 27–46.

² Иконников В.С. Указ. соч. Т. 1, ч. 1. С. 26; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. М., 1872. Т. 1. С. 107–108; Он же. Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 255.

³ Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 326.

⁴ Обе диссертации С.М. Соловьева в значительной степени основаны на выводах, полученных в результате анализа актового материала, содержащегося в публикациях П.М. Строева. Ученый откликнулся на них двумя обзорными рецензиями: "...Издания источников русской истории, принятые и прекрасно выполненные Археографическою комиссиею, служат явным признаком пробудившегося в обществе стремления к народному самопознанию" (ОР РГБ. Ф. 285. К. 7. Ед. хр. 8. Л. 1 об.).

стью пробелов в архивных разысканиях Н.М. Карамзина, Н.Г. Устрялова. Даже по прошествии многих лет С.М. Соловьев выражал неудовлетворение результатами археографической деятельности в России. В своей речи 31 января 1879 г. по случаю избрания председателем ОИДР он отмечал, что отечественные ученые призваны активизировать издание Полного собрания русских летописей и актового материала удельного периода, "статейных списков" (разрядных книг). Исходя из этого, задачу исследователя С.М. Соловьев видел не только в анализе материала, но одновременно и в его популяризации; а при ограниченной доступности архивохранилищ – в доведении информации до ученых. Отсюда многочисленные цитаты, а порой и полное воспроизведение документов в трудах С.М. Соловьева.

Бережное отношение к историческому факту ("ни йота летописи не должна пропасть для историка") выдвигалось С.М. Соловьевым в противовес выборочному их отбору (лишь "достойные пера") у Н.М. Карамзина, пренебрежению "мелкими деталями", "натяжками" и "наскокам" на материал в трудах представителей школ М.Т. Каченовского и славянофилов⁵. Резко негативно относился он к произведениям тех авторов, которые, например, "найдут хорошее качество, хороший поступок у какого-нибудь Нерона и пишут целые сочинения, что напрасно считают Нерона Нероном, он был хороший человек... Отыщут дурное слово или дурной поступок у человека, который пользовался славой, ..и начинают толки, что напрасно величали его благодетельную деятельность..."⁶. Максимально полное выявление источников по проблеме рассматривалось им как гарантия от односторонних оценок фактов, событий и лиц русской истории. Это явилось причиной обращения С.М. Соловьева к архивным материалам в самом начале его творческой деятельности.

Еще в студенческие годы юноша обнаружил в не описанном и не систематизированном полностью Древлехранилище М.П. Погодина не известную ранее исследователям часть "Истории Российской" В.Н. Татищева, апробировал и поставил вопрос об изучении истории ее текста. В 1844 г. в Национальной библиотеке в Париже С.М. Соловьев знакомится со списком хроники Георгия Амартола – одним из важнейших источников Повести временных лет. В 1853 г. в столичной Публичной библиотеке он "напал на Тверскую летопись", текст которой был опубликован только в 1865 г. в ПСРЛ (Т. 15)⁷. В сентябре 1845 г. Н.А. Мельгунов сообщал М.П. Погодину: "Если ты имеешь какие-нибудь виды на бумаги [А.И.] Тургенева, то спешу с ним переговорить о них. Он поручил Соловьеву, [А.Н.] Попову и, кажется, Бодянскому пересмотреть перепись своих здешних бумаг..."⁸.

Еще в ходе работы над "Историей отношений между русскими князьями Рюрикова дома" ученый подметил: "...Начиная с Иоанна Калиты, происходит важная перемена в источниках, из которых черпаем мы известия о княжеских отношениях, а именно, вместо скудных, недосказанных известий летописи мы получаем богатое содержание духовных княжеских грамот и договоров"⁹. Тогда же С.М. Соловьев обратил внимание на разрядные книги и житийную литературу как источники политической и социально-экономической истории Московского государства. Последняя, в виду своей полной неизученности и сулящей

⁵ Соловьев С.М. Соч. Стб. 1397–1398, 1494, 1496, 1508–1509; Он же. Избранные труды. С. 301–302.

⁶ Соловьев С.М. Избранные труды. С. 94–95.

⁷ Соловьев С.М. О продолжении Истории Татищева // Москвитянин. 1845. Ч. 5. № 10. С. 164–176; Он же. Избранные труды. С. 332; ОР РГБ. Ф. 285. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

⁸ ОР РГБ. Ф. 231. II. К. 20. Ед. хр. 85. Л. 32–32 об.; Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л. 16. Позднее отдельные документы из коллекции А.И. Тургенева С.М. Соловьев использовал при подготовке своих сочинений. См.: ОР РГБ. Ф. 285. К. 1. Ед. хр. 28. Л. 1; К. 6. Ед. хр. 9/3. Л. 1 об., 4 об.

⁹ Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 307.

отсюда исследовательской перспективы (по аналогии с текстами западноевропейских житий) приковала внимание ученого. Во многом именно с этой целью С.М. Соловьев обратился к книжным собраниям князя М.А. Оболенского, графа А.С. Уварова, В.М. Ундольского, Синодальной библиотеки, рукописных отделов Эрмитажа, Публичной библиотеки, Румянцевского музея. С разрешения обер-прокурора Синода ученый получил доступ к архивам и библиотекам Синодальной канцелярии, Троице-Сергиевой лавры, Воскресенского и ряда других монастырей Московской епархии¹⁰. О большом интересе С.М. Соловьева к этой разновидности повествовательных источников говорит также его письмо к С.В. Ешевскому в Казань, куда с началом Крымской войны были эвакуированы рукописные собрания Соловецкого монастыря¹¹. В общей сложности в "Истории России" ученый использовал тексты более 40 житийных произведений, из них около 20 рукописных списков, а у жития Михаила Клопского им выявлены даже две редакции.

С.М. Соловьев искал самые ранние, составленные непосредственно по монастырским записям и еще не переделанные в ущерб фактографическому наполнению в "красочные произведения" тексты. "Чем украшеннее, многоглаголивее сказания, — формулировал он цель своих архивных разысканий, — тем подозрительнее относительно своей древности"¹². В итоге, несмотря на крайне невысокую оценку житий как источника по изучению гражданской истории России, С.М. Соловьев находил в них свидетельства о батыевом нашествии, обстоятельствах смерти Дм. Шемяки, взаимоотношениях Новгорода с Литвой и Москвой, царствовании Ивана IV и др.¹³

В конце 1850-х годов С.М. Соловьев вплотную подошел в своих исследованиях к порогу новой истории России — периоду практически не разработанному в отечественной литературе. "Мы могли знать подробности о вел. кн. Изяславе Мстиславиче и оставались в совершенном мраке относительно лиц и событий XVIII в."¹⁴, — писал он. Скудость публикаций, отсутствие документальных исследований делали для ученого необходимым обращение к архивным материалам. С этой целью в 1858–1860 гг. С.М. Соловьев был допущен к работе с документами Государственного архива Российской империи (ГАРИ), архивов Сената, Военного и Морского министерств, Петербургского и Московского архивов МИД. Последний он впервые посетил еще в 1850 г., а через два года с разрешения А.М. Горчакова ученому был открыт доступ к "новым делам" за первую половину XIX в.¹⁵

С.М. Соловьев в полной мере использовал покровительство графа С.Г. Строганова и свое положение преподавателя наследникам престола для получения привилегий в условиях работы с практически недоступными современным ему

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 285. К. 5. Ед. хр. 10; К. 6. Ед. хр. 2. Л. 8–9 об.; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 237. Л. 1–2.

¹¹ РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 173. Л. 6.

¹² Соловьев С.М. История России. М., 1988. Кн. 2. С. 319. Примеч. 236. В качестве примеров позднейших переделок Соловьев приводил "распространенные сказания" о страданиях Феодоре и Иоанне, житие Бориса и Глеба в поздних редакциях летописей (Там же. С. 106–107, 653. Примеч. 148). Отсюда понятно, что при наличии опубликованных житий Михаила Клопского, архимандрита Дионисия, патриарха Никона ученый обращался к их рукописным спискам (Там же. М., 1989. Кн. 3. С. 710. Примеч. 88; Кн. 4. С. 687. Примеч. 95; Кн. 5. С. 352. Примеч. 24; С. 662. Примеч. 30).

¹³ Там же. Кн. 2. С. 14–15, 304. Примеч. 42; С. 650. Примеч. 94; С. 679. Примеч. 664; Кн. 3. С. 9, 341. Примеч. 1; Кн. 4. С. 318. Примеч. 38; и др. В связи с этим необоснованно выглядят упреки ученому в том, что он "никогда не интересовался житиями святых как источником" (Чумаченко Э.Г. Ключевский — источниковед. М., 1970. С. 60; Смирнов С.И. Исследование В.О. Ключевского "Древнерусские жития святых как исторический источник". М., 1913. С. 4–5).

¹⁴ Соловьев С.М. История России. Кн. 12. С. 606.

¹⁵ РГАДА. Ф. 31. (Текущие дела Госархива). Оп. 1. Д. 136. Л. 1–1 об., 24, 40–40 об.; РГИА. Ф. 540 (Канцелярия имп. Марии Александровны). Оп. 17/369. Ед. хр. 67. Л. 15; Волкова И.В. "Новый период" истории России в трудах С.М. Соловьева: Из истории общественной мысли середины XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 145.

исследователям материалами и выборе их тематики. Несомненно, немаловажное значение здесь играл и растущий год от года авторитет С.М. Соловьева как ученого, декана, ректора старейшего российского университета. Так, однажды чиновник МИД А.Г. Жомини под предлогом изученности вопроса о наполеоновских войнах отказал в выдаче документов. "С.М. Соловьев рассказывал мне, – вспоминал очевидец, – что беседуя однажды с Жомини о своих занятиях, он упомянул об изготовленном им обширном труде, который был посвящен иностранной нашей политике в царствование Александра I [Речь идет о монографии "Император Александр Первый: Политика – Дипломатия". СПб., 1877. – А.Ш.]. Жомини удивился. "Что же Вы надеетесь сообщить нового? – заметил он. – Ведь все это уже описано Тьером..." Допуск к материалам все же удалось получить через голову строптивого чиновника¹⁶.

Во время занятий с великими князьями в Петербурге, из МГАМИД пере-сылались интересовавшие С.М. Соловьева дела по "сношениям России с иностранными государствами" за третью четверть XVII в. С 1859 г. он стал пользоваться исключительным правом выписывать документы МАМЮ до 1725 г. для работы дома; в 1863 г. это разрешение было распространено и на материалы XVIII в. из МГАМИД. Тогдашний управляющий архивом князь М.А. Оболенский так мотивировал просьбу историка перед вышестоящим начальством: "В свое время историограф Карамзин пользовался тем же правом. Такой обширный, многотомный, добросовестный труд, как составленная им Русская история, требует много времени и усидчивых кабинетных разысканий и, конечно, заслуживает подобного исключения из общего правила"¹⁷. В 1868 г. С.М. Соловьев отказался от этой привилегии: как полагают, поводом послужила пропажа части выданных ему на дом дел¹⁸.

В то время работа в архивохранилищах была сопряжена не только с трудностями организационного, но и чисто технического порядка. И те, и другие С.М. Соловьев испытал в полном объеме. До середины 1870-х годов в России специальные помещения под архивы еще не строились, и они располагались зачастую в случайных, плохо оборудованных помещениях. Условия работы в читальных залах требовали большого терпения и физической выносливости. В письме архиепископу тверскому Савве от 1876 г. исследователь искренне благодарил за проявленную заботу во время его занятий в Синодальной библиотеке: "В то время как в других архивах я должен был с опасностью явною для здоровья заниматься в шубе, у вас я находил теплый приют..."¹⁹. Не лучше обстояли дела и в МГАМИД, хранилище которого в 1770–1874 гг. располагалось в палатах думного дьяка Емельяна Украинцева в Хохловском переулке. П.И. Бартенев вспоминал: "Там уже не только сырость, но в помещении рукописей – туман от сырости. Обои уже гнили. Соловьев острит, утверждая, что последний том его Истории никак не может быть сух, так как он работал над ним в архиве"²⁰.

¹⁶ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 70; Ефимов А.В. Соловьев как историк международных отношений // История и историки: Историография всеобщей истории. М., 1966. С. 329–330.

¹⁷ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 136. Л. 99–99 об. См. также: Л. 9–10 об.; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1890. Кн. 7. С. 87. В РГАДА хранятся дела о допуске и работе (в том числе и требования на выдачу материалов) С.М. Соловьева с фондами МАМЮ (Ф. 337. Оп. 1. Д. 76) и МГАМИД (Ф. 31. Оп. 1. Д. 136), впервые введенные в научный оборот А.И. Андреевым.

¹⁸ РА. 1907. Кн. 2. С. 554; Андреев А.И. Указ. соч. С. 8–10.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 285. К. 1. Ед. хр. 16. Л. 1–2.

²⁰ Встречи с прошлым. М., 1987. Вып. 4. С. 307. Лишь в 1874 г. фонды МГАМИД были перевезены в специально построенное на углу Воздвиженки и Моховой здание (ныне на этом месте – новый корпус РГБ).

В середине XIX в. только в Синодальной библиотеке и в Румянцевском музее была в основном закончена обработка рукописных собраний, имелись описи к части фондов МГАМИД и путеводитель по архивам Сената. Реестры приказных дел МАМЮ были неполны, научно-справочный аппарат еще не сформировался, что требовало визуального просмотра большого комплекса материалов. Позднее С.М. Соловьев напишет: "...Ученый должен был развернуть громадное, так называемое, колесо, столбец, перебитый и перебивающийся под его руками, причем глаза, рот и нос наполняются желтоватым порошком, польза от которого для здоровья должна быть определена медиками"²¹.

Все виды работ с документами ученый выполнял сам, исключительно в редких случаях прибегая к помощи копистов, и это при том, что цитаты и пересказ источников составляют не менее 2/3 объема его трудов. "У Соловьева не было ни Малиновского, ни Калайдовича, ни Тургенева, помогавших Карамзину и указаниями, и выписками"²², — отмечал К.Н. Бестужев-Рюмин. Занятия в архивах, которым С.М. Соловьев отводил все свободное от преподавательской и административной деятельности время, прерывались лишь на летние вакации, когда собранный материал систематизировался, обрабатывался в ходе подготовки очередного тома "Истории России"²³.

Понимая значимость трудов С.М. Соловьева для отечественной науки, администрация архивов всячески стремилась создать ему благоприятные условия для работы, что при недостатке учетной документации и большом объеме затребовываемых дел сделать было не так-то просто. Н.И. Костомаров вспоминал характерный эпизод: «Соловьев спешно требовал какое-то дело для своей работы. Чиновник попросил его немножко подождать. На что Соловьев сказал с сердцем: "История не ждет!"»²⁴ Вероятно, подобные эпизоды повторялись довольно часто. Так, только за первую половину 1860 г. им были просмотрены и сделаны выписки из сорока "связок" документов Преображенского приказа и Тайной канцелярии, в том числе из дел о крестьянской войне 1773–1775 гг. Параллельно ученый работал с материалами Госархива за вторую половину XVII в. Общее же число изученных за год дел переваливает за несколько сотен²⁵.

Во время занятий С.М. Соловьев бывал замкнут, неразговорчив, полностью сосредоточивался на документах. Служители даже прозвали его за это "бирюком", ни мало, впрочем не сомневаясь в научной значимости его сочинений "Слава историка отражается на архиве, где он трудится, и указывает к нему путь новым исследователям, которые порой как бы рождаются с ним"²⁶, — отмечалось в адресе МГАМИД по случаю выхода в свет 25 тома "Истории России". Стол, за которым в течение 20 лет (1859–1879) работал С.М. Соловьев в этом архиве до настоящего времени бережно хранится в РГАДА и наряду с ценнейшими документами, представляет одну из его достопримечательностей²⁷.

²¹ Соловьев С.М. Императорские советы в России в XVIII веке // РС. 1870. Т. 2. № 11. С. 463.

²² Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. С. 268–269.

²³ Ключевский В.О. Соч. М., 1989. Т. 7. С. 330; Соловьев С.М. (младший). Воспоминания (ОР РГБ. Ф. 696. К. 3. Ед. хр. 11. Л. 28–30).

²⁴ Огонек. 1879. № 45. С. 886.

²⁵ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 136; Ф. 180. Оп. 1. Д. 184. Объем использованных источников был так велик, что в зарубежной историографии даже бытовало мнение, будто на С.М. Соловьева работал целый авторский коллектив. См.: Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 179.

²⁶ Современные известия. 1879. № 292; ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л. 63.

²⁷ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 464. Л. 82–86; Ф. 180. Оп. 7. Д. 3521. Л. 1–2; Автократова М.И., Буганов В.И. Сокровищница документов прошлого. М., 1986. Указатель имен. По смерти С.М. Соловьева сотрудники ведущих исторических архивов страны приняли участие во всероссийской подписке на учреждение стипендии его имени в Московском университете и сооружении памятника историку.

Вынужденный после столкновения с министром народного просвещения и своим давнишним недоброжелателем графом Д.А. Толстым покинуть университет в мае 1877 г., С.М. Соловьев обратился к канцлеру А.М. Горчакову с просьбой рекомендовать его на место директора МГАМИД. Отказ барона Ф.А. Бюлера от перевода в столицу помешал реализации этого плана. В ответе А.М. Горчакова сообщалось: "Я охотно исходатайствовал бы место для Вас, так как я не мог бы сделать лучшего выбора..."²⁸. Уже безнадежно больной и не встающий с кресла, он просил у близкого к наследнику К.П. Победоносцева устроить разрешение о доставлении материалов из архивов на его московскую квартиру в Денежном переулке — работа над 29 томом "Истории России" продолжалась до последних дней жизни ученого.²⁹

Немаловажное место в становлении исследовательских навыков у студентов историко-филологического факультета Московского университета отводилось С.М. Соловьевым самостоятельной работе с архивными документами. В начале 1870-х годов ему удалось добиться разрешения у расположенного к нему Ф.А. Бюлера о допуске старшекурсников в читальный зал МГАМИД³⁰.

Сопоставлением фактов, добытых из источников разных видов, С.М. Соловьев полагал обеспечить объективность своих выводов. В архивных изысканиях ученый не отдавал явного предпочтения никакой категории источников, привлекая к исследованию и государственное делопроизводство, и мемуары, и частную переписку современников, и периодическую печать. Не имея физической возможности просмотреть весь комплекс архивных материалов по темам своей работы, историк вынужден был останавливаться прежде всего на наиболее типических, информативных и требующих минимума критического анализа источниках. Так, отдавая предпочтение дипломатической переписке при освещении вопросов внешней политики, он писал: "... [Посол] занимает важный пост, он в сношениях с государем и министрами, он знает все как было, должен знать, потому что обязан сообщать верные сведения своему двору. Действительно, это источник важный, можно найти в нем чрезвычайно интересные известия, подробности..."³¹.

Изучение внешней политики России XVII–XVIII вв. потребовало от ученого фронтального просмотра дел Посольского приказа и Коллегии иностранных дел по сношениям со всеми европейскими дворами, Турцией, Персией и др. в МГАМИД. С.М. Соловьев первый приступил к систематическому изучению "малороссийских дел" МАМЮ и, несмотря на практическое отсутствие справочного аппарата к ним, сумел с достаточной для своего времени полнотой воссоздать политическую историю Украины в XVII столетии. Корпус использованных по этой теме документов у него значительно шире, чем в специальных монографиях Н.И. Костомарова. В ходе работы над сочинением "Император Александр Первый" С.М. Соловьев ознакомился с делопроизводством Министерства иностранных дел за первую четверть XIX в. (в первую очередь с перепиской посла во Франции и Англии графа Поццо-ди-Борго с К.В. Нессельроде, к которой прежде исследователи не допускались); в Госархиве им сделаны выписки из коллекции документов иностранных дворов и др.³²

²⁸ ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед.хр. 10. Л. 64, 125.

²⁹ Там же. Ф. 230. К. 4409. Ед. хр. 1. Л. 52 об.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3735. Л. 1–7.

³¹ Соловьев С.М. История России. Кн. 12. С. 606.

³² РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–112. Подробный перечень архивных материалов, использованных в работах С.М. Соловьева, см.: Иконников В.С. Указ. соч. Т. 1, ч. 1. С. 405, 406, 425, 702, 869 и др. В фонде канцелярии МГАМИД хранятся требования 1869–1872 гг. на выдачу историкам дел за вторую четверть XVIII в. (РГАДА. Ф. 180. Оп. 6. Д. 71).

В качестве основного источника по вопросам внутриполитической и социально-экономической жизни России XVIII в. ученый выделяет сенатскую документацию. В комментариях к соответствующим томам "Истории России" мы найдем отсылки к более чем 4 тыс. дел этого учреждения (прежде всего к журналам и протоколам заседаний). В дополнение к ним привлечены документы фондов Кабинета Петра I, Верховного тайного совета, Кабинета министров, Синода, органов политического сыска и дознания – Преображенского приказа, Тайной канцелярии. Первым из отечественных ученых С.М. Соловьев был ознакомлен с "делом" патриарха Никона в Синодальной библиотеке (1879), секретными бумагами Госархива (1860–1861) о судебных процессах над царевичем Алексеем Петровичем, П.П. Шафировым, А.Д. Меншиковым, А.П. Волынским, Э.И. Бироном, В.Я. Мировичем, "записками" о дворцовых переворотах Елизаветы Петровны и Екатерины II. Для работы над последним томом "Истории России" С.М. Соловьеву были предоставлены протоколы следствия над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками из Петербургского архива старых дел³³.

Естественно, что разрешая С.М. Соловьеву работу со столь "щекотливыми" источниками еще сравнительно недавней политической истории страны, столличные чиновники одновременно пытались обеспечить контроль за их использованием. Так, администрации МАМЮ вменялось в обязанность наблюдать за направлениями исследовательского поиска при работе с секретной документацией Преображенского приказа и Тайной канцелярии и информировать об этом вышестоящее начальство. А изложение С.М. Соловьевым обстоятельств "насильственной смерти" Петра III подверглось даже высочайшей цензуре³⁴. В целом же каких-либо серьезных столкновений с Главным управлением по делам печати у С.М. Соловьева не было: исследователь, всецело зависящий в деле допуска к архивным материалам нового времени от благорасположения властей, подвергал свои труды жесточайшей самоцензуре.

С.М. Соловьев имел обыкновение по выходе в свет своих произведений уничтожать весь скопившийся за время работы подготовительный материал к ним. Поэтому об исследовательской "технике" ученого сегодня можно судить в основном лишь по фрагментарно сохранившимся источникам последних лет его жизни. На этапе, предшествовавшем непосредственному знакомству с архивными делами, С.М. Соловьев составлял краткие перечни литературы, опубликованных источников по теме, шифров документов, классифицированных в специально заведенных для этого тетрадях "для записывания источников и пособий" по принятым сызначала в "Истории России" рубрикам (город, крестьяне, обложение, церковь и т.д.), а внутри них – по вопросам и хронологии. Копии, выписки, аннотации источников по той же схеме заносились в другие тетради, которые велись ученым с 1842 по 1865 г.³⁵ Это позволяло С.М. Соловьеву одновременно собирать материал, восполнять информационные пробелы. Параллельно эти записи использовались профессором для обновления содержания своих лекционных курсов. Так, тетрадь с записями за период Киевской Руси была заведена за десять лет до непосредственного обращения к монографическому изучению этого вопроса³⁶.

³³ Гибенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1. Предисл.; Современные известия. 1879. № 292; РГИА. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода). Оп. 1. Отд. 1. Т. 2. Д. 225. Л. 6; Ф. 472 (Канцелярия Министерства имп. двора). Оп. 35. Д. 5; Ф. 1120 (Соловьевы). Оп. 1. Д. 25; РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 36. Л. 40–40 об., 112–112 об.; Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ). Оп. 1. Д. 184. Л. 5–6; ОР РГБ. Ф. 521. (Н.Л. Рубинштейн). К. 5. Ед. хр. 9. Л. 132.

³⁴ РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 173. Л. 16; Ф. 337. Оп. 1. Д. 184. Л. 1–49; Д. 76. Л. 4–49.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 285. К. 2. Ед. хр. 20. Л. 1–3; Ед. хр. 7. Л. 1–4; К. 6. Ед. хр. 9; Ед. хр. 15. Л. 1–10. См.: Шаханов А.Н. Архив С.М. Соловьева. С. 32–33.

³⁶ ОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 9/3. Л. 1.

Подобная организация научной работы, вкупе с исследовательским талантом и удивительной трудоспособностью С.М. Соловьева, объясняет во многом так поражающую современников и потомков периодичность выхода томов "Истории России". На методах работы С.М. Соловьева с архивными материалами отразилось, без сомнения, и взятое перед самим собой обязательство выпускать в год по одному тому своего труда, что требовало синхронности в ознакомлении с источниками и введением их в научный оборот.

Сочинения С.М. Соловьева во многом благодаря богатству использованного при их подготовке архивного материала до настоящего времени даже для специалистов не утратили своего справочно-информационного значения. Однако, несмотря на перегруженность подробностями и деталями, они не превратились в заурядную хрестоматию по истории страны. В адресе Петербургского университета 1876 г. справедливо отмечалось: "...Опираясь на материал, извлеченный из многочисленных архивов, материал по большей части никем не изученный и даже никому не известный, историк смог не только [с]группировать этот материал, но и сделать из него общие выводы"³⁷. Его критический подход к документу соответствовал уровню современному ученому источниковедению³⁸.

С учетом своего огромного опыта исследовательской работы, С.М. Соловьев видел основную задачу архивных учреждений в скорейшем "приведении в порядок архивов, составлении верных описей и изданиях их". Создание научно-справочного аппарата к фондам, по его мнению, призвано стимулировать бывшие тогда еще эпизодическими архивные разыскания ученых. С.М. Соловьев выступал против пересыщения описей фактическими сведениями из источников, ибо они – лишь первый ориентир в поисках и заменить собой документ ни при каких условиях не в состоянии³⁹.

С.М. Соловьев не был сторонником публикации интересных, но не связанных логически и тематически между собой материалов: "...Пестрые сборники... иногда вместо облегчения затрудняют исследователя"⁴⁰. Подобные издания оправданы лишь в случаях нахождения документов в частном владении, их неудовлетворительного физического состояния. Ученый приветствовал издание сборников с максимально полным выявлением источников по проблеме.

Своими разысканиями С.М. Соловьев обогатил современную ему отечественную науку, чем значительно облегчил творческие поиски последователей. Тома "Курса русской истории" В.О. Ключевского, посвященные XVIII в., были в значительной мере построены на материалах, введенных в научный оборот его предшественником. В свою очередь более частые обращения исследователей в архивы подтолкнули и ускорили процессы реорганизации архивного дела в стране, систематизации, описания фондов.

³⁷ Там же. К. 1. Ед. хр. 54. Л. 1–2.

³⁸ Ключевский В.О. Соч. Т. 7. С. 331; Черепнин Л.В. С.М. Соловьев как историк // Соловьев С.М. История России. М., 1959. Кн. 1. С. 28–34.

³⁹ Соловьев С.М. Императорские советы в России в XVIII веке. С. 463.

⁴⁰ Там же; ОР РГБ. Ф. 285. К. 7. Ед. хр. 8. Л. 1 об.; Маяковский М.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960. С. 210–222, 230, 238; и др.

С.В. Чирков

ИСТОРИКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ О И.Е. ЗАБЕЛИНЕ

В 1876 и 1879 гг. вышли два тома "Истории русской жизни", в которой И.Е. Забелин попытался воплотить общую концепцию русской истории. Эта книга вызвала отрицательные отзывы большинства ученых – современников автора, выразившиеся и в опубликованных рецензиях Н.И. Костомарова, А.А. Котляревского, И.И. Первольфа, и в частных разговорах и записях Н.Г. Чернышевского, Б.Н. Чичерина. Особенно резкими были оценки В.О. Ключевского в неопубликованных рецензиях на книгу. Он усматривал у Забелина "стремление выпукло, наглядно изобразить явление с внешней стороны, но не объяснить его медленным анализом известий. Факты взяты на чувство и воображение. Больше вглядывался, чем вдумывался"¹. Считает книгу неудачной и современный исследователь творчества Забелина².

В то же время весьма благожелательным оказался отзыв на первый том труда Забелина, появившийся в журнале "Древняя и новая Россия". Принадлежал он перу профессора Петербургского университета К.Н. Бестужева-Рюмина, впоследствии возглавившего школу русских историков, сформировавшуюся в этом университете. Рецензент предъявлял очень высокие требования к исследованию, ставящему задачу "воспроизведения народного типа". По его мнению, для разрешения такой задачи "сверх обстоятельного и близкого знакомства с источниками, сверх врожденного инстинкта народной жизни, способствующего пониманию многих сторон, не поддающихся научному анализу и ускользающих от взгляда постороннего человека, – нужно еще сравнительное изучение разных народных типов, требующее знакомства с разными сторонами жизни, составляющими в настоящее время предмет отдельных наук... важно определить взаимное действие одного народа на другой, сказывающееся не только в заимствовании внешнем... но и в заимствовании идей, взглядов, политических и общественных идеалов". Если предпосылки первого ряда налицо у Забелина, то считать его знатоком "отдельных наук" Бестужев-Рюмин не может. Но и тут он находит оправдание автору: "Наука русская еще очень молода: в ней встречаются исследователи с обширным умом, гениальными соображениями и отсутствием надлежащей ученой подготовки, и цеховые ученые, обученные и по-латыни, и по-гречески, знающие и древне-скандинавский язык, и много другого, но..."³ В целом рецензент положительно оценил книгу Забелина, сделав лишь частные замечания.

Бестужев-Рюмин сочувственно относился не только к этому труду историка. И во вступительной главе к своей "Русской истории", и в лекциях по истории-

¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 170.

² Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 161.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. [Рецензия] Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. I // Древняя и новая Россия. 1876. № 8. С. 386, 387.

графии он отмечал достоинства "Домашнего быта русских царей", замечая, правда, "неудачные иногда общие рассуждения" Забелина⁴. При этом произведения Забелина не привлекали Бестужева-Рюмина художественным подходом к древнерусскому быту. Как заметила Р.А. Киреева, слова "историк-художник" не были произнесены петербургским профессором в адрес Забелина⁵. Привлекало прежде всего изучение жизни народа, что было весьма характерно для взглядов Бестужева-Рюмина 60–70-х годов XIX в., когда в попытках обозначить идейное содержание своего исторического направления он использовал в разных сочетаниях термин "народный", а С.М. Соловьева упрекал в том, что в его истории "не видать жизни и духа народного"⁶. Кроме того, привлекало и то, что труд о домашнем быте "составлен по делам архива Оружейной палаты; нельзя не подивиться умению составлять стройную картину из отрывочных известий"⁷. Бестужев-Рюмин считал, что изучение истории должно идти не от общей мысли к факту, а от факта к общей мысли, и видел очередную задачу науки в критической обработке источников и перепроверке всех ходячих мнений.

Ученик К.Н. Бестужева-Рюмина, сам уже избранный экстраординарным профессором Петербургского университета, С.Ф. Платонов не только дал печатный отзыв на доклад И.Е. Забелина "О первоначальном поселении Москвы" на VIII Археологическом съезде, но и счел возможным включить этот отзыв в число своих избранных статей⁸. На основании детального анализа первых летописных известий о Москве Платонов уточнял представления о ее ранней истории и критиковал Забелина за излишнее доверие к показаниям поздних летописных сборников. В получивших широкую известность "Лекциях по русской истории" Платонов привел забелинскую характеристику удельного периода, отметив, что она "совершенно лишена черт юридического определения". Единственной связью русской земли в этот период было жившее в народе чувство национального единства⁹. Таким образом, и преемник Бестужева-Рюмина выделял тему "народа" как ведущую проблему творчества Забелина.

Автор одной из первых энциклопедических статей о И.Е. Забелине – ученик С.Ф. Платонова, известный историк русского феодализма Н.П. Павлов-Сильванский. Считая, что определяющими чертами творчества московского историка являются "вера в самобытные творческие силы русского народа и любовь к низшему классу... народу-кормильцу", Павлов-Сильванский выделял у Забелина стремление выдвинуть при изучении исторического процесса народную "общую правду", важное значение экономических отношений в истории политики и культуры. Существенна была подмеченная эволюция взглядов Забелина на значение рода в Древней Руси. Если в ранних работах род представлял "стихийную силу, пригнетавшую и уничтожавшую личность", то в "Истории русской жизни" значение родоначальника ослаблено, на первый план выходит "братский род", община, "где первым и единственным законом было братское равенство". Павлов-Сильванский отметил и значение развитой Забелиным теории вотчинного происхождения Московского государства и его попытки объяснить усиление московских князей при помощи экономических и психологических факторов¹⁰.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т. I. С. 244; Он же. Лекции по историографии за 1881/1882 г. СПб., б.г. С. 232, 233.

⁵ Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 205.

⁶ Цит. по: Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Тр. юбил. науч. сессии ЛГУ. Секция ист. наук. Л., 1948. С. 42, 43.

⁷ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. I. С. 244.

⁸ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории, 1883–1912. СПб., 1912. С. 76–83.

⁹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. 9-е изд. Пг., 1915. С. 114.

¹⁰ Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз и Ефрон. СПб., б.г. Пт. 18. Стб. 49, 50.

Построения Забелина о характере вотчинного хозяйства были использованы Павловым-Сильванским в работах о "русском феодализме"¹¹.

Некролог почетного члена императорской Академии наук И.Е. Забелина написал академик А.С. Лаппо-Данилевский¹², еще один ученик К.Н. Бестужева-Рюмина. Глубокий знаток историографии и выдающийся методолог исторической науки, Лаппо-Данилевский стремился включить творчество Забелина в контекст развития отечественного научного знания. Как отмечает С.О. Шмидт, Лаппо-Данилевский показал новаторство московского ученого, не придавленного грузом уже общепринятого, выученного, долженствующего быть повторенным, когда писал, что Забелин "не прошел строгой научной школы; но вместе с тем, не связанный ни учеными традициями, ни какою-либо новой доктриной, мог отдаться исследованию" избранной им области русской истории – истории народной жизни¹³. Однако по мере расширения круга занятий Забелина и перехода от изучения источников к изображению истории старинного быта «он все более нуждался в каких-либо принципах для своего исторического построения: он и стал подыскивать их преимущественно в "органическом понимании" нашей истории», наиболее стройно развитом в концепции К.Д. Кавелина¹⁴. Лаппо-Данилевский обстоятельно анализирует преломление этой концепции в творчестве Забелина.

Забелин понимал народ как "естественный организм", "как живое целое, как живую совокупность сил, действующих взаимно для достижения самосущей цели своего бытия". Полагая, что историческая наука должна познать общий закон, "по которому развитие и жизнь известного народа совершались", Забелин не отрицал значения "государственной формы", в которой "народ сознает себя как живую единицу", но интересовался преимущественно самой "народною личностью", хотел отыскать "полноту единичной, индивидуальной жизни" и раскрыть в ней живую душу" и с этой точки зрения придавал важное значение исследованию "мелочей" жизни, бытовой истории.

Это изучение Забелин называл "археологическим"; Лаппо-Данилевский подчеркивал, что этот термин применялся в широком, методологическом, а не узком – антикварном смысле слова. В исторической литературе того времени не было до появления Забелина труда, «сочетавшего органическую теорию и "археологическое" изучение народной жизни»¹⁵. Придерживаясь теории родового быта, Забелин своими исследованиями несколько видоизменил ее, резюмируя под родом "союз родства", "общину многих семей", связанных "естественною последовательностью рождения", общими интересами и выгодами, отмечая влияние на процесс образования государства не только эволюции рода, но и других факторов духовной и материальной культуры. В частности, Лаппо-Данилевский упоминает о плодотворности для дальнейшего развития науки забелинских теорий о "промысловом круговращении" древнерусской жизни и значении в нем старых городов – "торговых средоточий"¹⁶.

Лаппо-Данилевский продемонстрировал актуальность трудов Забелина для дальнейшего развития русской исторической науки. Хотя принципы и методы науки стали за время его жизни иными, круг интересов научной мысли значительно расширился, – все же сохранил научное значение объект изучения Забелина, жизнь русского народа, а "его наблюдения в области старинного русского

¹¹ См.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 35, 124, 249, 255, 313, 333, 407.

¹² Лаппо-Данилевский А.С. И.Е. Забелин (Некролог) // Изв. АН. Сер. 6. 1909. № 2.

¹³ Шмидт С.О. И.Е. Забелин и русская культура // И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. М., 1992. Ч. 1. С. 25.

¹⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 124.

¹⁵ Там же. С. 124, 125.

¹⁶ Там же. С. 127.

быта и живые образы, созданные его творчеством, долго еще будут служить прочным операционным базисом и благотворным стимулом для дальнейшего исследования"¹⁷.

Некролог И.Е. Забелина написал и другой петербургский историк, ученик и С.Ф. Платонова, и А.С. Лаппо-Данилевского – А.Е. Пресняков¹⁸. Подобно своему учителю, он прежде всего стремится ввести фигуру Забелина в контекст отечественной историографии и считает его даровитейшим и наиболее типичным представителем "могучего поколения, создавшего своими трудами научное изучение русского прошлого", относя к этому поколению также С.М. Соловьева, Ф.И. Буслаева, К.Д. Кавелина, Н.В. Калачова, К.С. Аксакова. О том, что в таком определении не было "некрологического" преувеличения, говорит повторенная Пресняковым через десятилетие характеристика Забелина, сопоставленного с С.М. Соловьевым, В.И. Сергеевичем, В.О. Ключевским¹⁹.

Внимание Преснякова, впервые попытавшегося сформулировать отчетливое представление об отличительных чертах петербургской школы русских историков²⁰, привлекает и вопрос о принадлежности Забелина к тому или иному научному сообществу или течению научной мысли. Отмечая, что «он сам себя создал как живое воплощение той "самобытности", которую так чутко воспринимал и ценил в исторической жизни», Пресняков писал: "Школой, его вскормившей, был архив Оружейной палаты", имея в виду все ту же "самобытность" научной культуры, воспитанной непосредственным общением с письменными источниками и их хранителями. Именно почерпнутый из этого общения "огромный запас археологических сведений, согретых глубокой любовью к изучаемым бытовым древностям" дал пищу таланту Забелина, его трудам по "реставрации наглядных, образных представлений о прошлом"»²¹.

Рядом с этой основой творчества Забелина лишь на второе место Пресняков ставит влияние "школы родового быта", концепций Соловьева и Кавелина. Однако это влияние ярко сказалось на выработке Забелиным "самостоятельной исторической теории", формировавшейся под воздействием "приемов построения, установленных схем и отдельных выводов" историографической традиции, идущей от Соловьева и историко-юридического направления²².

Излагая основные положения забелинской исторической теории, задача которой "определить основу, сущность всего общественного быта и строя Древней Руси", Пресняков видит главную особенность этой теории в представлении о допетровской Руси как "цельном культурно-историческом типе". Воплощение идеалов и национальных основ древнерусской жизни Забелин находил в идеалах Домостроя, в порядках местничества, боярской вотчины, царской вотчины-государства. Подобные воззрения "школы родового быта" Пресняков был склонен объяснять влиянием на ее концепции некритически усвоенных показаний поздних московских летописей XV–XVI вв., по существу старинной историографической традиции²³. Точно так же и Забелин, "подобно московским книжникам XV–XVI вв. и невольно следуя им", свою теорию русской истории "обращает в своего рода теодицею московской действительности"²⁴.

¹⁷ Там же. С. 128.

¹⁸ Пресняков А.Е. Памяти Ивана Егоровича Забелина // Вест. Европы. 1909. № 2.

¹⁹ См. об этом: Пресняков А.Е. С.М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии (речь 1920 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: Сб. статей. Л., 1963.

²⁰ См. об этом: Валк С.Н. Указ. соч. С. 57, 58.

²¹ Пресняков А.Е. Памяти Ивана Егоровича Забелина. С. 806.

²² Пресняков А.Е. С.М. Соловьев... С. 83.

²³ Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием "Образование Великорусского государства" // ЛЗАК. Пг., 1920. Вып. 30.

²⁴ Пресняков А.Е. Памяти Ивана Егоровича Забелина. С. 808.

Но влияние историографической традиции не победило могучей основы непосредственного изучения: "здоровый реализм" Забелина привел его к расчленению искусственного представления о единстве культурно-исторического типа "древней", "допетровской" Руси. В "Истории русской жизни", в статье "Взгляд на развитие московского единодержавия" (1881) Забелин выделяет отличное от родового начало "нераздельной братской семьи" в древнейшем периоде русской истории, XVII век – как переходное время к новой эпохе, прослеживает развитие московского самодержавия как исторической формы медленно складывавшегося народного единства. «Постепенное развитие исторических воззрений Забелина привело его, таким образом, к замене прежней задачи – определить одним "началом" всю сущность бытового строя допетровской Руси – новой проблемой: вскрыть основные черты эволюции ее быта, ее общественных и политических форм»²⁵.

Изменение взглядов Забелина стало, по мнению Преснякова, одним из симптомов концептуального кризиса "школы родового быта", а этот кризис открывал новые горизонты развития научной мысли. Поэтому Пресняков называет эволюцию воззрений Забелина не только интересной, но и показательной²⁶.

Подводя итоги, следует отметить, что историки петербургской школы уделяли творчеству И.Е. Забелина особенное внимание. Ими не только рассмотрены проблематика творчества, отдельные теории и научные построения Забелина, но и обозначены роль и место трудов московского ученого в общей схеме развития отечественной исторической науки. Причина этого видится в сближении исследовательских позиций Забелина и петербургских историков. "Самобытность" ученой работы Забелина, непосредственное изучение источников, "здоровый реализм", приводящий к разложению заимствованных историографических схем, перекликались с такой характерной чертой петербургской школы, как "научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции"²⁷.

Существенный вклад в изучение творчества Забелина петербургские историки внесли, наметив направление эволюции этого творчества (данный аспект почти не получил развития в последующей литературе о Забелине). А ведь необходимость эволюции всякого индивидуального творчества в связи с потребностями жизни хорошо понимал и сам Иван Егорович, когда насмешливо писал о "застарелых фрунтовиках мысли", которые "гневаются... и даже ругаются, почитая себя все-таки умнее общего жизненного движения и вовсе не замечая, что в этом движении обнаруживается очень здоровая сторона общества..."²⁸.

²⁵ Там же. С. 810.

²⁶ См. об этом: Пресняков А.Е. С.М. Соловьев... С. 84.

²⁷ Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации... С. 7.

²⁸ Забелин И.Е. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. I. С. 306.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Л.И. Шохин

О МОСКОВСКИХ АРХИВИСТАХ – СОВРЕМЕННОКАХ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В историографии содержатся противоречивые сведения о политической позиции сотрудников архивов в период первой революции. В.В. Максакوف утверждал, что среди работников МАМЮ и МГАМИД преобладали дворяне, что они находились под влиянием историков, "политически связанных с кадетской партией и монархическими организациями"¹. Такой тезис нуждается в значительной корректировке; он должен был оправдать негативное отношение к старым специалистам после революции 1917 г. Пересмотр вульгарной, антиисторической концепции истории архивного дела в начале XX в. был начат С.О. Шмидтом². При обсуждении его доклада "К истории архивного строительства в первые годы Советской власти" академик Н.М. Дружинин поделился своими личными наблюдениями о некоторых видных историках и архивистах дореволюционного времени, продолжавших работать позднее (М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, В.Н. Сторожев и др.). Конечно, мало кто уже помнил тех людей и все конкретные обстоятельства их жизни³. В обобщающих трудах об интеллигенции поставлен вопрос о предпосылках перехода различных ее представителей (в том числе историков-архивистов) к пониманию неизбежности перемен в общественной жизни и необходимости продолжать работу в новых условиях⁴. Расширение круга источников по сравнению с предшествовавшими работами позволяет более конкретно раскрыть тему, взглянуть на нее как бы глазами современников революционных событий, которые прежде всего были патриотами своей родины и энтузиастами архивного дела⁵.

К началу XX в. дворянский элемент среди архивистов составлял явное меньшинство, преобладали выходцы из духовного сословия и прочие разночинцы. Все они, за редким исключением, не имели ни капитала, ни недвижимости и жили на

¹ Максакوف В.В. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. С. 114.

² Шмидт С.О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970. С. 19–35.

³ См. об этом: Долдобанова Н.А. Деятельность Археографической комиссии в 1969 г. // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 330–331.

⁴ См., например: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 90, 256.

⁵ См.: "Повседневное описание случившегося...": Из дневника историка-архивиста И.С. Беляева о событиях в Москве 28 февраля – 6 марта 1917 г. / Публ. Л.И. Шохина // ИА. 1993. № 2. С. 36–45; Шохин Л.И. Впечатления архивистов МАМЮ о первой мировой войне // ОА. 1994. № 4. С. 102–105. На Московских Шереметевских чтениях 26 мая 1995 г. доложено сообщение "Отражение предреволюционной эпохи в письмах архивиста И.С. Беляева С.Д. Шереметеву (1894–1904)".

скромное жалование, соответствовавшее уровню доходов наиболее многочисленного слоя интеллигенции – учителей, врачей и т.п.⁶ Н.Г. Бережков, поступивший в МАМЮ в 1911 г. после окончания сразу двух высших учебных заведений – Московского университета и Московского археологического института, оставленный для приготовления к профессорскому званию, с сожалением записал в своем дневнике о первом визите к месту службы: "По понятиям архива, представляться начальству в пиджаке неудобно, а у меня только и есть пиджак"⁷. Что касается идейной позиции буржуазной, в том числе кадетской интеллигенции, то она являлась в известной мере оппозиционной по отношению к правительству. По мнению видного архивиста МГАМИД С.А. Белокурова, одного из руководителей Московского общества истории и древностей российских, взгляды В.Н. Сторожева представляли препятствие его избранию в члены общества еще в 1894 г. Рекомендовавший его коллега по МАМЮ Н.Н. Оглоблин возразил, что Сторожев не принадлежит к "Милюковской партии", "он – человек нейтральный. [...] Наше Общество – не политический кружок, а ученое общество, – доказывал Оглоблин. – Здесь нужны не лица, а их работа"⁸. Д.Я. Самоквасов распорядился в мае 1896 г. в ознаменование коронации Николая II водрузить над входом в здание МАМЮ, выходявшее фасадом на Большую Царицынскую улицу (ныне – Большая Пироговская, 17) металлического двуглавого орла, простоявшего там до 1917 г.

В ходе русско-японской войны архивисты, как и другие чиновники, пережили немало разочарований и должны были подготовиться к новым неожиданностям. «Глубоко скорблю душой под впечатлением последнего морского боя Порт-Артурской эскадры и гибели контр-адмирала Витгефта⁹, – писал И.С. Беляев графу С.Д. Шереметеву. – Нам что-то не везет в эту войну. Не того безотчетно ждет наше русское сердце! Неужели предстоят и еще дни испытаний, неужели еще нескоро можно вздохнуть свободно и сказать с облегчением: "Наконец-то!"»¹⁰. Некоторых архивистов призвали в армию, в частности прапорщиков запаса Ю.В. Готье (академик с 1939 г.) и П.Н. Зенбицкого (автора ряда работ по генеалогии). Последний 19 января 1905 г. прислал из Саратова письмо сослуживцу по МАМЮ И.С. Беляеву: "Пишу Вам это письмо при необычайной обстановке: сижу с вооруженной командой на городской водокачке, охраняем рабочих от забастовщиков. Вот уже неделя, как мы живем почти в боевой обстановке: то едешь с разездом по городу, то дежуришь в театре, то, как сегодня, на водокачке. Беспорядки проходят пока, ввиду принятых мер, спокойно"¹¹.

В Москве тоже становилось тревожно. Чувство растерянности в ноябре 1905 г. проявилось и в письме Д.Я. Самоквасова московскому градоначальнику с просьбой восстановить возле архива постоянный полицейский пост, упраздненный в связи с тем, что близлежащий район города вышел из-под контроля властей, и постовые неоднократно подвергались нападению. Сотрудники МАМЮ, большинство из которых снимали квартиры или меблированные комнаты на Плющихе, Зубовском и Смоленском бульварах, на Арбате, с опаской проходили на службу по неохраемым улицам, где происходили не только революционные выступления, но и наблюдался всплеск уголовщины. Те, кто жили в казенных

⁶ См.: Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября, Февраль – октябрь 1917 г. Л., 1988. С. 27–29.

⁷ ОР РГБ. Ф. 373 (Н.Г. Бережков). К. 77. Д. 9. Л. 180.

⁸ РГАДА. Ф. 184 (С.А. Белокуров). Оп. 1. Д. 708. Л. 15, 18.

⁹ Командующий 1-й Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал В.К. Витгефт (1847–1904) погиб 28 июля 1904 г. при попытке прорваться из Порт-Артура во Владивосток.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 114. Л. 166об.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 121 (И.С. Беляев). Оп. 1. Д. 6. Л. 142.

квартирах на территории архива и огороженного около него участка, чувствовали себя на положении осажденных: "Почти ежедневно совершаются возле архива грабежи и другие беспорядки, — доносил Самоквасов. — По вечерам и ночью в городском саду против архива слышатся призывы о помощи против грабителей. [...] У памятника Пирогову найдено тело убитого студента. В 7 часов вечера ограблена служанка, посланная в лавку одним из чиновников, живущих в архиве. С Большой Царицынской улицы брошен в архив 6-фунтовый камень, повредивший двойное окно и упавший на письменный стол управляющего"¹².

В декабре 1905 г. драматизм ситуации достиг кульминации. Беляев пытался иронизировать с Шереметевым, не предполагая 1 декабря, что всеобщая политическая стачка перерастет в вооруженное восстание: «То время, которое переживаем в данную минуту, можно назвать периодом общего недовольства. Одни недовольны Витте¹³, другие — Дурново¹⁴, третья — почтово-телеграфными чиновниками, четвертые — недостатком энергии со стороны первого органа города — Думы и т.д. Относительно наступило некоторое затишье, но должен отметить появляющуюся у нас распушенность войск. На улицах очень ходко идут в продажу вновь появившиеся юмористические журнальчики "Сигнал", "Стрелы" и "Жало", с образцом которых я познакомил Вас в прошлый раз. Появились в продаже и так же ходко идут открытые письма¹⁵, отпечатанные на красных и зеленых карточках с отпечатанными текстами последних песен толпы: "Рабочая марсельеза", "Машинушка" (подражание "Дубинушке"), "Похоронный марш" ("Вы жертвою пали борьбы роковой..."), "Варшавянка" и пр. У нас есть русское шампанское, а на днях появилась русская марсельеза!"¹⁶.

12 декабря Н.Н. Ардашев писал А.А. Гоздаво-Голомбиевскому (к тому времени переехавшему в Петербург, в архив Государственного Совета): "Еще вчера прислуга и сторожа возвестили, что готовится нападение на архив. Действительно, революционные действия к ночи перешли уже в Смоленский и Зубовский районы. Около полуночи, кроме ружейного треска, загрелись близости пушки. Утром убедились, что они стояли уже на Зубовском. Мимо нас в клинику везли раненых. [...] После 12-ти явились какие-то люди и стали требовать открытия архивных ворот. Сторожа перепугались, Самоквасов достал винтовку... Но, когда стали грозить стрелять и они, калитка была отворена... От наших ворот толпа, человек 25, пошла к конному двору, чтобы взять вагоны на баррикады"¹⁷. В самом деле, почти все Садовое кольцо с переулками покрыли баррикады. На углу Смоленской улицы и Плющихи 11 декабря стояли три орудия, стрелявшие оттуда по Арбату и Смоленскому рынку. 11–12 декабря часть баррикад была сожжена, но 13-го их построили заново, военные действия распространились на Плющиху и Большую Царицынскую улицу. К 15 декабря весь район "до Садовых" был занят войсками¹⁸. 2 января 1906 г. Беляев с облегчением сообщал Шереметеву: "В Москве, кажется, жизнь входит в норму, потому что пьянство на улицах обычное. А казалось ранее, что и оно положило зубы на полку. Во всех правительственных учреждениях, в том числе и в нашем архиве, идет усиленное составление именных карточек избирателей в Государственную Думу"¹⁹.

¹² РГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ). Оп. 1. Д. 10021. Л. 46.

¹³ Витте С.Ю. (1849–1915) — председатель Совета министров (1905–1906).

¹⁴ Дурново П.Н. (1845–1915) — министр внутренних дел с октября 1905 по апрель 1906 г.

¹⁵ Открытки.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5070. Л. 144–144об.

¹⁷ РГИА. Ф. 889 (Ардашевы). Оп. 1. Д. 54. Л. 8об.–9.

¹⁸ См.: Ситин П.В. Из истории московских улиц. М., 1958. С. 473.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 114. Л. 191.

Как известно, Самоквасов баллотировался в Думу от "Союза русского народа", но не был избран. 8 марта 1907 г. Беляев писал графу Шереметеву о думской речи председателя Совета министров П.А. Столыпина: «В Москве много разговоров о Столыпинской декларации²⁰, которую находят дельной и покойной. Мне же очень понравилось его вторичное слово, с которым его можно поздравить. Пожалуй, только окончательная часть ("руки вверх" и "не запугаете") слишком театральна и громка для премьеры и государственного сановника, но быть может для современников это и нужно. В остальном же слово Столыпина образно, метко и сильно. Недурны и оба епископы-ораторы²¹. В Москве пока забастовка трамваев и газа, но покойная, ничего общего не имеющая с октябрём 1905 года, да и в Думе городской не тот теперь хозяин^{22»}²³. Третьиюньский переворот Беляев воспринял как ординарное событие: «Роспуск Думы прошел у нас совершенно спокойно, куда покойнее первого раза²⁴, даже скорее – совсем равнодушно: должно быть, это становится у нас "за обычай"»²⁵.

Как можно себе представить, до 1905 г. большинство архивистов не ставили под сомнение неизбежность существующего порядка вещей и потому события застали их врасплох. Даже Н.Н. Оглоблин, совершенно непохожий на Д.Я. Самоквасова, воспринял происходящее как повторение Смуты начала XVII в.: об этом красноречиво говорят статьи Оглоблина в "Историческом вестнике"²⁶. В.Н. Сторожев (заведующий одной из секций ЕГАФ в 1918–1925 гг.), напротив, в письме академику А.С. Лаппо-Данилевскому 1 ноября 1905 г. назвал всю прошлую жизнь "доисторическим периодом" – настолько велико было его воодушевление по отношению к происходившим переменам. Но затем он впал в уныние, о чем свидетельствует другое письмо: "1906 и 1907 года были такими, которые произвели на меня потрясающее влияние, и моральное, и физическое. Теперь живо чувствуешь, что жизнь уже прошла, наступила пора ликвидации и ухода со сцены, чтобы дать место поколению, которое будет и хочет жить"²⁷.

²⁰ Столыпин П.А. (1862–1911) 6 марта 1907 г. зачитал правительственное заявление на одном из первых заседаний Государственной Думы II созыва, затем выступил с эмоциональным ответом на речи революционно настроенных депутатов. Стенограмма опубликована в газетах 7 марта 1907 г.

²¹ В поддержку правительственного заявления выступили епископ Платон (депутат от Киевской губернии) и епископ Евлогий (депутат от Люблинской и Седлецкой губерний).

²² В октябре 1905 г. московским городским головой был либерал князь В.М. Голицын (1847–1931), затем вместо него избрали Н.И. Гучкова (1860–?), брата лидера октябристов А.И. Гучкова. Являлся городским головой с 1905 по 1913 г.

²³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5078. Л. 27–27об.

²⁴ I Государственная Дума была распущена 9 июля 1906 г. Часть депутатов не подчинилась указу о роспуске, уехала в Финляндию и выпустила "Выборгское воззвание" с призывом начать кампанию гражданского неповиновения. II Государственная Дума действовала 20 февраля – 2 июня 1907 г., ее роспуск и одновременное изменение избирательного закона 3 июня 1907 г. вошли в историю под названием "Третьиюньский переворот".

²⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 114. Л. 219об.

²⁶ Перечень публицистических статей Н.Н. Оглоблина в журнале "Исторический вестник": Шестая голова (Из провинциальных былей) // 1904. № 9. С. 897–917; Устинова правда (Из деревенских настроений) // 1906. № 4. С. 110–126; Гамазейное движение (Из деревенских настроений) // 1906. № 6. С. 801–821; Под думским режимом (Из провинциальных настроений) // 1907. № 1. С. 120–141; Клинические мошны (Из деревенских настроений) // 1907. № 2. С. 546–558; Около мужика // 1907. № 4. С. 123–150; Пятидневная республика (К истории смуты 1905 г.) // 1907. № 6. С. 803–816; На вольных митингах (Из провинциальных настроений) // 1908. № 1. С. 186–208; Не жизнь, а декорация (Из провинциальных настроений) // 1911. № 1. С. 141–165, [окончание] № 2. С. 578–603; Отголоски смуты (1905–1906 гг.) // 1912. № 10. С. 249–282; Развал (Из провинциальных настроений) // 1913. № 4. С. 160–196; Политические ссыльные на Вычегде // 1913. № 6. С. 918–924; В смутные дни (Очерки и наброски) // 1914. № 4. С. 174–191, [окончание] № 5. С. 585–598.

²⁷ СПб. ФА РАН. Ф. 113 (А.С. Лаппо-Данилевский). Оп. 3. Д. 357. Л. 23, 28.

Знаменитый архивист С.А. Шумаков, автор "Обзора грамот Коллегии экономии" (М., 1899–1917. Ч. 1–4), в письме С.Б. Веселовскому (с 1946 г. – академик) охарактеризовал политические перемены в России как "нашу революцию", выразив тем самым свою солидарность с ней, но он считал Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. ошибкой большевиков, да и с меньшевиками ему "по пути только до Твери, а не до Петербурга"²⁸.

При поступлении на службу в архив, как и в другие государственные учреждения, каждый давал подписку не принимать участия в тайных обществах. Молодые люди, недавно получившие образование, предоставляли еще и справку с места учебы о неучастии в антиправительственной деятельности. В 1907 г., когда происходили свирепые репрессии, полиция привлекла к политическому дознанию двух сотрудников МАМЮ – В.В. Нечаева и Н.Н. Маркова. Их сразу же уволили из архива. Правда, после смерти Самоквасова в 1911 г. они получили возможность вернуться, но Нечаева не восстановили в штате, он работал с 1912 г. на временных основаниях, как вольнонаемный²⁹.

Идейная борьба продолжалась в различных формах. В 1907 г. Самоквасов, совмещавший управление МАМЮ с профессорской кафедрой на юридическом факультете Московского университета, увидел около аудитории, где он обычно читал лекции, человек пять своих слушателей, поставивших его в известность о бойкоте, объявленном ему как реакционному профессору. По словам Самоквасова, "в отдалении коридора стояла кучка студентов с возбужденными красными рожам и издавала предостерегающие крики". Лекция была сорвана³⁰.

В научной и научно-популярной литературе обозначились противоположные течения. С одной стороны Н.Н. Ардашев в рецензии на брошюру эсеровского публициста Л.Э. Шишко "Рассказы из русской истории" (СПб., 1906; недавно переиздана) пренебрежительно написал, что это – "скорее научный суррогат, даже в пролетарском смысле"³¹. С другой стороны С.А. Шумаков в отзыве на книгу Н.А. Рожкова "Происхождение самодержавия в России" (М., 1906), где широко использовались документы московских архивов, упрекал автора в недостаточно продуманном подходе к марксистской концепции исторического развития³². 19 марта 1911 г. историк А.А. Кизеветтер (член ЦК конституционно-демократической партии) подал записку о выходе из Московского общества истории и древностей российских в знак протеста против избрания почетным членом реакционного министра народного просвещения Л.А. Кассо. На освободившееся место выбрали сотрудника МАМЮ Н.П. Чулкова³³, но его сослуживец С.И. Порфирьев (сын профессора Казанской духовной академии), до которого дошли слухи о возможном выдвижении его кандидатуры, заранее отказался: "По моим взглядам, – заявил он, – кресло, покинутое Кизеветтером, не должно быть занимаемо лицом, менее его имеющем право на эту высокую честь, но вполне разделяющим его взгляды по общественным вопросам"³⁴. Впрочем, фрондерство носило довольно безобидный характер игры в оппозицию. Председатель МОИДР, генерал В.Г. Глазов, написал С.А. Белокурову 17 мая 1912 г.: "Сегодня в заседании Совета Министров я виделся с Кассо. Говорит, что очень

²⁸ АРАН. Ф. 620 (С.Б. Веселовский). Оп. 2. Д. 127. Л. 2.

²⁹ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1016. Л. 59; Д. 1031. Л. 50. См. некрологи Н.Н. Маркова и В.В. Нечаева // АД. 1923. № 1. С. 145, 148.

³⁰ РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Д. 54. Л. 140б.

³¹ Там же. Д. 10. Л. 5. Возможно, рукопись Н.Н. Ардашева легла в основу рецензии, опубликованной под псевдонимом Старов. См.: Ист. вестн. 1906, № 1. С. 300–303.

³² Оттиск рецензии в библиотеке РГАДА (из библиотеки МАМЮ).

³³ ОР РГБ. Ф. 203 (МОИДР). Кн. 42 (Протоколы). Л. 233, 366.

³⁴ АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 96. Л. 10б.

польщен избранием. [...] Над Кизеветтером, с которым он когда-то жил на одной лестнице и был знаком, он посмеялся, но, по-видимому, без особого озлобления"³⁵.

Отголоски первой русской революции продолжались до 1910-х годов. Любопытно сравнить отклики архивистов на такое событие, как убийство П.А. Столыпина. "Как раз в самый день похорон матушки узнал я о смерти Столыпина"³⁶, – делился своими мыслями Беляев с графом С.Д. Шереметевым. – Что это – возмездие за так открыто выраженное чувство злобы в отношении гг. Дурново и Трепова³⁷, или же избавление его самого от повторения подобных, а может быть и еще больших и сугубых ошибок, которые могли создать ему еще тернистее и продолжительнее страдания его жизненного пути, чем те, какие он испытал в продолжении двух дней? Во всяком случае, его как очень способного, сильного волею и все-таки русского государственного человека – жаль"³⁸.

Н.Г. Бережков, узнав о подписке в архиве на памятник Столыпину и на храм-памятник 300-летнего царствования Романовых, записал в дневнике, что никогда не станет в этом участвовать, и сожалел о поимке убийцы Столыпина – Богрова. Однако в то же время Бережков не отказался помочь новому управляющему архивом Д.В. Цветаеву (дяде поэтессы М.И. Цветаевой) в написании статьи об избрании царем Михаила Романова в 1613 г., зная, что министр юстиции И.Г. Щегловитов собирался поднести статью самому Николаю II. В дневнике Бережкова записано: "В каком положении статья? Карьеристские потуги Цветаева, что-то роковое лежит в них... Удивительно, в каких все несчастных предприятиях приходится участвовать"³⁹. Как видим, для Беляева Столыпин представлялся слишком "левым", а для Бережкова – крайне "правым". В биографическом очерке о директоре Румянцевского музея И.В. Цветаеве сопоставляются два факта из жизни его брата, профессора истории, директора Коммерческого училища в Москве с 1906 г. и будущего управляющего МАМЮ, Д.В. Цветаева: издание им в 1882 г. книги «"Баллады Шиллера. Опыт объяснения" и прозвище Черномор, которое дали ему воспитанники Коммерческого училища за огромную черную бороду и черносотенство: "Черносотенец. А когда-то увлекался Шиллером..."»⁴⁰.

Впрочем, брожение продолжалось в основном на окраинах, а в Москве до поры до времени восстановилось спокойствие. Профессору Харьковского университета В.И. Савве, переписывавшемуся с С.А. Белокуровым, МГАМИД представлялся одним из немногих мест, где можно спокойно работать над историческими источниками. "Иным, чем то, что здесь, повеяло от письма Вашего, – обращался он к Белокурову 7 декабря 1910 г. – Скверно у нас. Мы в университете на всякое явление откликаемся постановлениями не учиться, а учиться мы начали в этом полугодии около середины сентября. Многому научились. Большинство студентов ничего не знает и знать не хочет, интересен только диплом. Если бы я был одинок, бросил бы университет и ушел бы к Вам в архив"⁴¹.

³⁵ РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 437. Л. 124.

³⁶ П.А. Столыпин был смертельно ранен эсером Д.Г. Богровым 3 сентября 1911 г.

³⁷ Трепов Д.Ф. (1855–1906) – товарищ министра внутренних дел в 1905 г., после октября 1905 г. – дворцовый комендант.

³⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5105. Л. 71об.–72.

³⁹ ОР РГБ. Ф. 373. К. 77. Д. 11. Л. 31, 80об.; Д. 13. Л. 12об., 73об., 77об.–78, 91об., 98об., 155, 186об.; Д. 14. Л. 2; *Цветаев Д.В.* Избрание М.Ф. Романова на царство // Журн. Мин-ва юстиции. 1913. № 1.

⁴⁰ См. об этом: *Каган Ю.М.* И.В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1987. С. 149.

⁴¹ РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 834. Л. 24 об.

Вышеприведенный материал носит характер калейдоскопа и трудно поддается обобщениям. Тем не менее обзор непосредственных жизненных впечатлений (изложенных в письменной форме в дни революционных событий, а не спустя какое-то время, когда привходящие обстоятельства могут повлиять на оценки и суждения) ярко характеризуют некоторых сотрудников МАМЮ и МГАМИД, показывают различие во взглядах. Одни из них были более консервативными, чем можно было бы думать по их научным трудам (Оглоблин после ухода из архива стал публицистом откровенно "охранительного" направления), другие, напротив, более оппозиционными (Шумаков искренно пытался освоить марксистские воззрения задолго до того, как они стали официальной идеологией). Возможно, со временем удастся найти новые источники и дополнить наши наблюдения и выводы.

Д.В. Омельчук, С.Б. Филимонов

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО С.Н. БУЛГАКОВА (1922)

Среди недавно рассекреченных документов архива Главного управления Службы безопасности Украины в Крыму удалось обнаружить следственное дело знаменитого русского философа, публициста и общественного деятеля Сергея Николаевича Булгакова (1871–1944), в 1922 г. высланного властями за пределы Советской России. Документы этого дела, насчитывающего 73 листа, позволяют дополнить и уточнить не только известные по литературе представления о крымском периоде жизни и деятельности С.Н. Булгакова, но и его биографии в целом, а также о процессе выдворения его из России.

Следственное дело начинается с так называемой "Учетной карточки"¹. Из нее явствует, что 50-летний протоиерей С.Н. Булгаков, "священствующий" 4 года, бывший московский профессор политэкономии, полный человек среднего роста, с темно-русой бородой, длинными густыми волосами и размашистой походкой, проживал с семьей в Ялте с сентября 1921 г. До этого жил в Коризе и служил в Алушке. В декабре 1921 г. был взят на учет органами ГПУ по следующим причинам, названным в "Учетной карточке": как второй священник Александро-Невского собора г. Ялты, "пользующийся авторитетом среди духовенства и верующих", как бывший член партии эсеров, как "монархист по убеждениям, тщательно скрывающий свои политические взгляды". (В скобках заметим, что изучаемая нами литература о С.Н. Булгакове не содержит упоминаний ни о его пребывании в рядах партии эсеров, ни о его монархических убеждениях. В последней графе "Учетной карточки" – "активность" – значится: "Не замечена".

Тем не менее, 20 сентября 1922 г. в доме С.Н. Булгакова (г. Ялта, ул. Дарсановская, 5) был произведен обыск. И хотя, как свидетельствует протокол обыска (Л. 7), "компромата" обнаружить не удалось, у хозяина была взята подписка о невыезде.

7 октября Крымское политическое управление (КПУ), исполняя волю московского начальства (содержащаяся в следственном деле переписка свидетельствует о том, что так называемое дело С.Н. Булгакова было задумано в центре, а реализовано крымскими органами ГПУ), поручило Ялтинскому пограничному

¹ Архив Главного управления Службы безопасности Украины в Крыму. Д. 15 944. Л. 1. Далее ссылки на архив даются в тексте с указанием только листов дела.

отделению ЯПО(КПУ) "немедленно арестовать Сергея Булгакова и совместно с материалом препроводить с нарочным в следственно – оперативную часть КПУ" (Л. 35).

Поскольку на территории Ялтинского округа проживало в то время двое Булгаковых (вторым был приехавший из Москвы в Алупку лектор), с арестом вышла заминка, вызвавшая суровое послание начальника КПУ Реденс начальнику ЯПО КПУ Кораблеву (Л. 17).

Как явствует из "Анкеты для арестованных и задержанных" (Л. 23), 13 октября, без предъявления каких-либо обвинений, лишь на основании служебной записки уполномоченного секретной группы ЯПО КПУ Израйлева, С.Н. Булгаков был арестован. 17 и 20 октября он писал на имя начальника Ялтинского особого отдела два заявления (Л. 24, 31) с просьбами предъявить ему обвинение, подвергнуть допросу и ускорить движение дела. Тщетно. Заявления оставлены без внимания.

21 октября С.Н. Булгаков писал на имя начальника Ялтинского особого отдела третье заявление: "Ввиду отправки меня в Симферополь прошу разрешить мне свидание с женой" (Л. 30). Судя по резолюции, 10-минутное свидание с женой в присутствии сотрудника ЯПО КПУ С.Н. Булгакову было разрешено. В тот же день он был препровожден в Симферополь, в тюрьму КПУ.

Одновременно, 21 октября, из Москвы в КПУ поступила шифрованная телеграмма, подписанная начальником следственно-оперативного управления ГПУ В.В. Менжинским. В ней предписывалось "профессора Булгакова после ареста выслать за границу бессрочно тчк Обвинение 57 статья Кодекса тчк Исполнении сообщить тчк" (Л. 32). Таким образом, участь С.Н. Булгакова была предreshена. Остальное было лишь делом техники крымских чекистов.

Становится понятным, почему в деле имеется лишь один протокол допроса (Л. 58), датированный 28 октября 1922 г. Но и в нем заполнена лишь анкетная часть: 1. Фамилия ("Булгаков"), 2. Имя и отчество ("Сергей Николаевич"), 3. Возраст ("51 л."), 4. Семейное положение ("женат"), 5. Национальность ("русский"), 6. Губернии и уезда ("сын свящ[енника] Орловск[ой] губ. – г. Ливны"), 7. Волости и села (прочерк), 8. Местожительство ("Ялта, Дарсановская, 5"), 9. Занимаемая должность ("второй священник Александро-Невского собора г. Ялты"), 10. Образование ("высшее"), 11. Социальное положение (прочерк), 12. Партийность ("беспарт[ийный], б[ывший] христ[ианский] соц[иалист]"), 13. Чем занимался и где: а) до 1914 года ("профессурой"), б) до Февральской революции ("тоже"), в) до Октябрьской революции ("тоже"), г) до настоящего времени ("с 1918 г. священником"), 14. Сведения о прежней судимости ("при старом реж[име] 1902 г. в Киеве за социализм, в 1911 г. изгнан из Москвы"). Графа "Обвинение" осталась незаполненной, как и оборотная сторона "Протокола допроса обвиняемого", на которой, собственно, и должен был быть зафиксирован его текст. Как видим, обвинять С.Н. Булгакова было не в чем...

1 ноября 1922 г., как следует из рапорта коменданта тюрьмы КПУ (Л. 56), С.Н. Булгаков был освобожден из-под ареста и возвратился в Ялту. Из письма начальника ЯПО КПУ в Крымполитуправление от 16 ноября (Л. 53) явствует, что о предстоящей высылке С.Н. Булгаков предупрежден. Каждые три дня он регистрируется в ЯПО КПУ. За ним ведется "внутреннее наблюдение" (иначе говоря к нему был приставлен "стукач").

23 ноября последовало официальное постановление уполномоченного секретного отделения следственно-оперативной части КПУ Малли (Л. 59). Этим документом была поставлена последняя точка в "деле" С.Н. Булгакова. Он обвинялся в "политической неблагонадежности, конкретно выражающейся в активной ученой работе против рабочего движения при б. царском правительстве". (Надо отдать должное автору сего документа: отнюдь не каждому под силу додуматься

до столь абсурдного обвинения! Так, далее следует еще более изумительный для законопослушных граждан пассаж. "По рассмотрении следственного материала, нашел, что согласно телеграмме ГПУ № [...] от 17/VIII с.г. гр. Булгаков подлежит препровождению в с[ледственный] о[тдел] ГПУ, согласно же телеграммы ГПУ № [...] гр. Булгаков на основании ст. 57 Уголовного кодекса подлежит бессрочной высылке из территории РСФСР. В исполнении последней телеграммы (подчеркнем: не статьи закона, а всего лишь телеграммы! – *Авт.*) постановил: гр. Булгакова Сергея Николаевича, 51 лет, выслать из пределов РСФСР без права возвращения, предоставив ему 2-х недельный срок для ликвидации своих домашних дел".

13 декабря С.Н. Булгаков дал ЯПО КПУ обязательство, что первым отходящим из Ялты в Севастополь пароходом он оставит пределы Ялтинского округа с тем, чтобы из Севастополя проследовать за границу (Л. 62). 18 декабря С.Н. Булгаков был уже в Севастополе по адресу: ул. Гоголевская, 11, кв. 1 (Л. 64).

Как явствует из рапорта начальника Севастопольского окружного отдела КПУ в Крымполитуправление (Л. 69), 27 декабря 1922 г. (а не 30 декабря, как зачастую указывается в литературе) «С.Н. Булгаков вместе с женой Елизаветой Ивановной, 54 лет, дочерью Марией, 24 лет, сыном Сергеем, 11 лет, были высланы за пределы Советской России на уходившем из Севастополя (а не из Ялты, как нередко сообщается в публикациях. – *Авт.*) в Константинополь иностранном пароходе "Жан"».

Следственное дело С.Н. Булгакова завершает выписка из протокола заседания Коллегии ГПУ (судебное) от 15 марта 1923 г.: "*Слушали:* Дело № 17145. Булгаков Серг. Ник. Обв[иненный] по ст. 57 УК, администр[ативно] высланный из пределов РСФСР без права возвращ[ения]. Докл[адывал] т. Груздуп. Утв[ердил] т. Уншлихт. *Постановили:* Дело сдать в архив" (Л. 73).

Выявленные нами документы позволяют не только дополнить и уточнить существующие представления о последних месяцах пребывания С.Н. Булгакова на Родине и процессе высылки его на чужбину, но и определить места, связанные с пребыванием выдающегося нашего соотечественника в Крыму.

О.В. Рыкова

ИЗДАНИЯ Ж. ФЕРРАНА ПО ИСТОРИИ, ГЕНЕАЛОГИИ И ИКОНОГРАФИИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА

Многолетняя оторванность российской научной и общественной жизни от русской эмиграции привела к тому, что до сих пор мы мало знаем о ценнейших зарубежных справочниках и других изданиях по русской истории. Знаем, главным образом то, что переиздается в России, а то, что не переиздано, увы, чаще всего отсутствует в государственных хранилищах, даже в бывших спецхранах¹. Все эмигрантские издания выходили малым тиражом, а генеалогические – особенно: наиболее распространенный тираж – 50 экземпляров. Поэтому, в лучшем случае, знаем об этих изданиях из устных источников, иногда – по ссылкам и упоминаниям, реже – по специальным библиографиям. В генеалогии нередки случаи,

¹ Положение сейчас, к счастью, меняется, главным образом, благодаря созданию центров, где собирается эмигрантская литература, но генеалогическая тематика мало представлена в них. См.: Литература русского зарубежья в фондах библиотек Москвы: Крат. справочник. М., 1993.

когда даже специалисты ничего не знают о тех или иных справочниках. До сих пор нет в России полного библиографического описания трудов генеалога Н.Ф. Иконникова, нет сведений о других генеалогических трудах. Драгоценным исключением является недавно опубликованная роспись содержания журнала "Новик".² Поэтому, долг всех специалистов, имеющих "ключ" к тем или иным изданиям, давать о них по возможности подробную информацию.

Настоящий обзор посвящен парижским изданиям Ж. Феррана по истории российского дворянства³. Имя этого составителя и издателя стало известно в Москве в 1980-е годы благодаря ныне покойному генеалогу Ю.Б. Шмарову. Но сам он не имел ни одного тома феррановских изданий, а узнавал о них от своих знакомых. (Насколько мне известно, в Москве тогда было 8 книг у трех частных владельцев.) Ю.Б. Шмаров получал на время по одной из этих книг и перефотографировал из них все портреты, количество которых в одном томе колебалось от 500 до 600. Пока книги находились у него в доме, то с ними можно было познакомиться многочисленным посетителям гостеприимного шмаровского дома.

Таким образом, стало известно о четырех томах "Русское дворянство: Портреты" (№ 14–17), о фотоальбомах "Романовы" (№ 20) и "Потомство князя Н.П. Трубецкого (1828–1900)" (№ 13).

О составителе и издателе долгое время ничего не было известно и вполне естественным казалось предположение, что его мама или бабушка носили какую-нибудь громкую русскую фамилию. Но, оказалось, Ж. Ферран, во-первых, не имеет никаких русских корней и связей, а, во-вторых, по роду своих основных занятий не имеет никакого отношения к исторической науке вообще и к российской тем более: он является служащим министерства оборудования и транспорта; издания по истории русского дворянства – его хобби, явившееся как бы случайно, от интереса к личностям М.И. Кутузова, А.В. Суворова и увлечения старой фотографией.

В результате этого хобби начиная с 1970 г. вышли в свет 42 томов, 31 из которых подготовлены непосредственно Ж. Ферраном, остальные – другими лицами, в ряде случаев с его помощью. Вся издательская деятельность осуществлена непосредственно им.

Все книги опубликованы на французском языке, за исключением мемуаров С.С. Белосельского-Белозерского, семейного альбома князя Н.П. Трубецкого – на английском языке и отдельных фрагментов текстов на русском языке (Розеншильд-Паулины).

Основной тип изданий Ж. Феррана – фотоальбомы большого формата (35 × 28 см или чуть меньше) с подробными генеалогическими и биографическими аннотациями и фрагментами родословных. В издании "Русское дворянство: Портреты" фотографии систематизированы по следующим основным темам: детство, учащиеся, Пажеский корпус, семейные, поместья и усадьбы, жизнь в деревне и на даче, бал в Эрмитаже в 1903 г., императорский флот, армия, императорский двор, светская жизнь, портреты, министры, государственные служащие, эмиграция. Как всякая систематизация, она условна, и нередко случаи, когда некоторые фото с неменьшим основанием могли быть перенесены в другой раздел, например, некоторые семейные фото эмигрантского периода находятся в разделе "семейные", рядом с дореволюционными изображениями. Но эта малосущественная деталь не имеет особого значения тем более, что

² См.: Богатырев С.Н. Историко-генеалогический журнал "Новик" в 1934–1963 гг. // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1993. Вып. 2. С. 87–113.

³ Список изданий Ж. Феррана прилагается в конце статьи. Ссылки в данном тексте даются по номерам списка.

готовится к выпуску специальный том указателей к фотографиям из серии "Русское дворянство: Портреты".

Другой тип феррановских изданий – родословные росписи с приложением отдельных фотографий. Есть сборники родословных: три тома княжеских (№ 4–6) и два тома графских фамилий (№ 7–8); есть тома, посвященные отдельным родам (Оболенские, Юсуповы, Мусины-Пушкины и др.) или потомству какого-либо известного лица (потомство М.И. Кутузова, А.В. Суворова, Н.П. Трубецкого, вел. кн. Павла Александровича).

Родословные в изданиях Ж. Феррана имеют свою специфику: это не традиционные поколенные росписи, наиболее распространенные в русской генеалогии, а росписи по отдельным ветвям, или, как их еще иногда называют, росписи по готской системе: вначале указывается лицо, которое условно в данном случае выступает как родоначальник и далее дается его потомство в пределах 5–6 поколений: дети обозначены римскими цифрами, внуки – арабскими, правнуки – точками, праправнуки выделены мелким шрифтом. Объем сведений о каждом лице соответствует традиционной практике, принятой в генеалогии. В тех случаях, когда публикуется сравнительно большая родословная, например, князей Оболенских, то вначале дается общая схема, с указанием номеров отдельных ветвей, линий, отраслей, а затем идут соответствующие фрагменты по порядку нумерации. Наряду с росписями по готской системе используются схемы, например, для сравнительно небольшой родословной Юсуповых–Сумароковых–Эльстон или для фрагментов родословных; в некоторых случаях используются привычные нам поколенные росписи (Мусины-Пушкины, Кугушевы, Розеншильд-Паулины). Но, очевидно, явное предпочтение готской системы и обусловлено, по-видимому, тем, что издатель получает материалы от представителей родов, каждый из которых знает гораздо лучше свою ветвь, чем другие.

Третий тип феррановских изданий – мемуары или очерки истории рода с приложением родословных (Роппы) или без них (Белосельские-Белозерские, Шиповы-Шану) или очерки представлены наравне с родословными (Розеншильд-Паулины). В ряде изданий имеются факсимильные изображения документов, в том числе на русском языке (Кугушевы, Роппы, Юсуповы и др.).

Кроме этого, есть два совершенно особых издания: первое – ценнейший справочник-некрополь русского кладбища Сент-Женевьев-де-Буа, подготовленный И. Грезиным – долгожданное издание, о необходимости которого не раз высказывались и эмигранты, и россияне. Второе издание – монография о художнике Ж. Фрисеро (1807–1870), женатом на побочной дочери Николая I – Ж. Кобервейн, потомки которых живут во Франции по сей день. Предисловие к этой книге написано М.Ф. Романовым.

Трудно переоценить значение всех изданий Ж. Феррана. На фоне этой оценки мелкие замечания, типа неточностей некоторых дат, несоответствия соединения в схемах (которые иногда легко устраняются логически) представляются совершенно незначительными, тем более, что не существует генеалогических изданий без погрешностей. Лишь в отдаленной перспективе, когда будет создан компьютерный банк по родословным (основы такого банка сейчас закладываются группой специалистов во главе с доктором технических наук М.И. Смирновым в фирме "НАФТАМ"), появится возможность выверить все факты и устранить неточности. В рамках традиционных методов, увы, это оказалось недостижимым идеалом, о чем свидетельствует весь опыт русской генеалогии.

Ж. Ферран выполнил историческую миссию: собрал, систематизировал и издал ценнейший пласт генеалогической, иконографической и биографической информации о русском дворянстве конца XIX–XX вв., главным образом в эмигра-

ции, с отдельными фрагментами материалов о лицах и ветвях, оставшихся в России.

Ж. Ферран взял на себя тяжелый труд сбора этих материалов. В эмиграции отношение к этим изданиям неоднозначное: одни всячески приветствуют их и помогают составителю, другие – категорически против них. Не касаясь всяких субъективных моментов последних, можно только констатировать, что у них, по-видимому, отсутствует чувство исторической общности со своими корнями и родиной предков, а по поводу нежелания поделиться своими материалами можно вспомнить старую мудрость: что спрячешь – то потеряешь, что отдашь – то твое. Тем значительнее выступает заслуга французского гражданина Ж. Феррана перед российской историей. В научный оборот им введены тысячи имен и портретов, которые без подвижнического труда Ж. Феррана могли бы кануть в Лету. Я не знаю, какие задачи ставил перед собой Ж. Ферран, подготавливая и издавая свои замечательные книги, однако говорить высокие слова на эту тему он не любит. Но, как сказал Л.Н. Толстой, любимое дело есть самое трудное и самое нужное. Сомнений нет – издание было делом трудным – Ж. Ферран сам этого не скрывает. Не раз он хотел его бросить, но любовь к своему занятию все превозмогла. А то, что это дело нужное – доказывает весь опыт русской генеалогии, когда, даже отрицая эту науку, не могли обойтись без справочников П.В. Долгорукова, В.В. Руммеля, А.Б. Лобанова-Ростовского, Г.А. Власьева и других генеалогов. Точно так же будут цениться и издания Ж. Феррана, без которых нельзя будет понять судьбу русского дворянства после 1917 г., нельзя будет оценить в целом роль и значение этого сословия и его потомков в XX в., разобраться во всех родственных связях и биографических деталях отдельных лиц.

Часть своих книг Ж. Ферран периодически переиздает (Романовы, Оболенские, Трубецкие) или выпускает отдельные дополнения. Одновременно готовит к изданию и новые тома, посвященные Голицыным и адмиралам последних трех царствований. Планируются также другие издания.

В настоящее время количество экземпляров книг Ж. Феррана в России значительно увеличилось, но они находятся преимущественно у частных лиц. В государственных хранилищах имеются как исключение по 1–2 книги. Наиболее полная подборка феррановских изданий находится в Государственном музее А.С. Пушкина, где в момент написания данного обзора хранится 23 книги (в приложении они отмечены звездочками). Книги получены в дар от самого Ж. Феррана, а также от И.Р. Грезина, А.В. Есаулова, М.А. Можайского, А.А. Мусина-Пушкина и Г.Н. Розеншильд-Паулина. Музей выражает им свою огромную благодарность.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список трудов Ж. Феррана

1. La descendance du Maréchal Alexandre Vassiliévitch Souvorov. P., 1970.
2. La descendance du Maréchal Mikhaïl Hilarionovitch Koutouzov. P., 1972.
3. La descendance du Maréchal Petr Semenovitch Saltykov. P., 1976.
4. Les familles princières de l'ancien Empire de Russie. P., 1979. Vol. 1.
5. Les familles princières de l'ancien Empire de Russie. P., 1980. Vol. 2.
6. Les familles princières de l'ancien Empire de Russie. P., 1982. Vol. 3.
7. Les familles comtales de l'ancien Empire de Russie. P., 1981. Vol. 1.
8. Les familles comtales de l'ancien Empire de Russie. P., 1983. Vol. 2.
9. Les princes Obolensky. P., 1982.
10. Aperçu généalogique sur quelques descendes naturelles de Grands-Ducs de Russie au XIX siècle. P., 1982.
11. Les Nabokov: Essai généalogique. P., 1982.

12. Familles princières de Géorgie. P., 1983.
13. Recueil généalogique et photographique de la descendance du prince Nicolas Pétrovitch Troubetzkoy (1828–1900). P., 1984.
- * 14. Noblesse russe: Portraits. P., 1985. Vol. 1.
- * 15. Noblesse russe: Portraits. P., 1986. Vol. 2.
- * 16. Noblesse russe: Portraits. P., 1987. Vol. 3.
- * 17. Noblesse russe: Portraits. P., 1988. Vol. 4.
- * 18. Noblesse russe: Portraits. P., 1993. Vol. 5.
- * 19. Noblesse russe: Portraits. P., 1996. Vol. 6.
20. Romanoff: Un album de famille. P., 1989.
21. Romanoff: Un album de famille: Complement. P., 1990.
- * 22. Les princes Youssouppoff et les comtes Soumarokoff-Elston: Chronique et photographies. P., 1991.
- * 23. Les princes Kougoucheff: Recueil généalogique et photographique. P., 1992.
- * 24. Les princes Obolensky: Recueil généalogique et photographique. P., 1992.
- * 25. Les princes Obolensky: Complement. P., 1995.
- * 26. Les baron von der Ropp: (branche russe): Recueil généalogique et photographique. P., 1992.
- * 27. Le Grand-Duc Paul Alexandrovitch de Russie: Chronique et Photographies. P., 1993.
- * 28. Histoire et généalogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. P., 1994.
- * 29. Descendances naturelles des Souverains et Grands-Ducs de Russie de 1762 à 1910: Répertoire généalogique. P., 1995.
- * 30. Il est toujours des Romanov: Les Romanov en 1995. P., 1995.
- * 31. Tableau généalogique de la parenté et des alliances des familles v. Furman, Kholodowsky, Deutrich – Beloukha – Kakhonovsky, Strawinsky, Jellatchitch, Willinbakhov. P., 1996.

Участие в подготовке и издании

32. Boulversements / Par Olga Voronoff. P., 1988.
- * 33. Les imprévus de mon destin / Par Marie Chipoff-Chanut. P., 1990.
34. Il était une fois... Brunoy!..., Quincy! / Par Olga Efnovsky. P., 1991.
- * 35. Famille von Rosenschild-Paulin / Par Nicolas von Rosenschild-Paulin. P., 1991.
36. La faucille et la moisson / Par Zénaïde Bashkiroff. P., 1993.
- * 37. Joseph Frécero (1807–1870): Peintre-voyageur / Par Serge Romain. P., 1993.
- * 38. Memoirs of Prince Serge Sergeevitch Belosselsky-Belozersky / Par M. Lyons. P., s.a./ (1993) (en anglais).
- * 39. Memoirs of Mounia Golovine: 1905–1920. P., 1995.
- * 40. Grezine Ivan. Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière de Ste-Geneviève-des-Bois (Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де Буа. Сост. И.П. Грозин. 1995 (на рус. яз.).
41. Our Family's Album. A Genealogical and photographic chronicle of the Descendants of Prince Nicolai Petrovitch Troubetzkoy (1828–1900). New York, 1995.
- * 42. Grezine I., Schoumkov A. Descendance du general de Jomini. Paris, 1977.

* Книги, имеющиеся в Государственном музее А.С. Пушкина.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Ю.Г. ОКСМАНА

(к 100-летию со дня рождения)

12 января 1995 г. исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося литературоведа, археографа, текстолога, публикатора и комментатора литературных текстов и исторических источников Юлиана Григорьевича Оксмана (умер 15 сентября 1970 г.). Библиография его трудов была впервые напечатана за границей американским славистом В.Б. Эджертоном на основе списка работ, составленного самим Ю.Г. Оксманом¹. Печатаемый ныне список трудов уточнен и значительно дополнен².

1915

К вопросу о дате стихов Пушкина о старом дожде и догассе молодой // *Рус. библиофил.* № 3. С. 90-94.

1916

Программа драмы А.С. Пушкина о паписсе Иоанне. (К истории недоконченного замысла) // Пушкинист. / Под ред. проф. С.А. Венгерова. Пг. Т. 2. С. 258-268.

Отз.: Брюсов В.Я. // *Изв. Моск. лит.-худ. кружка.* 1916. Вып. 14-15. С. 79-82; *Ветринский*—*Чешихин В.Е.* // *Вестн. Европы.* 1916. № 6. С. 344-346; *Вознесенский А.* // *Рус. филол. вестн.* 1916. Вып. 1. № 3. С. 174-178; *Выгодский Д.* // *Летопись.* 1916. № 7. С. 311-312; *Дерман А.Б.* // *Рус. мысль.* 1916. № 7. С. 2-3 (3-я pag.); *Измайлов О.* // *Журнал журналов.* 1916. № 11. С. 15; *Княжнин Вл.* // *Ист. вестн.* 1916. № 11. С. 508; *Фатов Н.Н.* // *Вестн. воспитания.* 1916. № 11. С. 47-50 (2-я pag.); *Штрайтх С.Я.* // *Южная мысль.* 1916. 29 апр.; *Эйхенбаум Б.М.* // *Речь.* 1916. 7 нояб.; *Изв. книжного магазина т-ва М.О. Вольф.* 1916. № 4. Стб. 57-58 (Б.п.); *Моск. ведомости.* 1916. 4 авг. (Подп.: Н.В.); *Родной язык в школе.* 1916. № 9-10. С. 462-463 (Б.п.); *Рус. зап.* 1916. № 9. С. 321-324 (Б.п.).

1917

Сюжеты Пушкина. (Отрывочные заметки): 1. К литературной истории стихов Пушкина "К***" ("Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный..."); 2. Пушкин и Арно; 3. Заметка Пушкина о железной маске // *ПС.* Вып. XXVIII. Пг. С. 73-95.

Отз.: Томашевский Б.В. // *ПС.* Вып. XXXVI. 1923. С. 78.

Кровавый бандурист. Новые страницы Н.В. Гоголя. // *Нива.* № 1. 7 янв. С. 2-6. (Переп.: *День.* № 5. 6 янв.; *Петроградский листок.* № 6. 7 янв.; *Рус. слово.* № 6. 8 янв.)

Три новых документа о Пушкине. (Из цензурных разысканий) // *День.* № 27. 29 янв.

Меры николаевской цензуры против фурьеризма и коммунизма // *ГМ.* № 5/6. С. 69-72.

Рец. на кн.: Борис Рапоф. К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества. Пг. 1916 // *ГМ.* № 1. С. 299-301.

1918

Рец. на кн.: Марк Азадовский. Из старых альманахов. Забытые рисунки П.А. Федотова. Пг., 1918. // *Понедельник народного слова.* № 7. 10 июня. С. 8.

1919

Ред.: Литературный музей. (Цензурные материалы 1 отделения) IV секции Гос. арх. фонда). Пб [Б.г.]. Т. 1. 420 + 6 нум. с. (совм. с А.С. Николаевым).

Отз.: Бродский Н.Л. // *Науч. изв. Сб. 2.* [1922]. С. 200-207; *Гроссман Л.П.* // *Современное слово (Одесса).* 1919. 17 дек.; *Модзалевский Б.Л.* // *Библиогр. листы.* 1922. № 2. С. 12-13; *Лемке М.К.* // *КЛ.* 1922. № 4. С. 418-419; *Летопись Дома литераторов.* 1921. № 3 (Б.п.); *Brang P.* // *ZSPh.* 1956. Bd. XXIV. Heft 2. S. 391-392.

Стихотворения Евгения Баратынского в цензуре // *Там же.* С. 336-340.

Цензурные материалы о Д.В. Веневитинове // *Там же.* С. 340-347.

"Кровавый бандурист" // *Там же.* С. 347-356.

"Нахлебник" Тургенева. Первая редакция комедии // *Там же.* С. 368-373.

Отз.: Бродский Н.Л. // *Науч. изв.* 1922. № 2. С. 200-207; *Brang P.* // *ZSPh.* 1956. Bd. XXIV. Heft 2. S. 391-392.

"Завтрак у предводителя". Запрещенный цензурой текст // *Там же.* С. 381-389.

Всепопданнейшее представления о "Записках охотника" Николаю I. // *Там же.* С. 394-406.

Два письма Тургенева // *Там же.* С. 406-409.

1921

И.С. Тургенев. Исследования и материалы. Вып. 1.: 1. Секретное следствие 1852 г. о

¹ Russian Literature. Amsterdam. 1971. № 5. P. 5-34.

² Составители К.П. Богаевская, В.А. Черных благодарят А.Л. Гришунину, взявшего на себя труд просмотреть список перед сдачей его в печать и сделавшего ряд уточнений и дополнений.

"Записках охотника". 2. Появление в печати "Муму". 3. История опубликования "Нови". 4. К истории "Сцен и комедий". 5. К биографии Тургенева (И. Тургенев в Санкт-Петербургском университете. II. Цензурная справка о "Помещике". III. К истории "письма" о смерти Гоголя). Приложение: Анонимная статья Н.А. Некрасова о комедиях Тургенева. Одесса. 126 С.

Отз.: Л[яцкий] Е.А. // Slavia (Прага). 1923. № 1. С. 185; Brang P. // ZSPH. 1956. Bd. XXII. Heft 2. S. 381–383. 387, 396, 398.

Полежаев перед судом николаевской цензуры // Уч. зап. высшей школы г. Одессы. Отд. гум.-обществ. наук. Т. 1. Вып. 1. Одесса. С. 83–85.

Ф.М. Достоевский в редакции "Гражданина". (По неизданным материалам) // Творчество Достоевского: Сб. статей и материалов / Под ред. Л.П. Гроссмана. Одесса. С. 63–82.

Отз.: Бродский Н.Л. // КА. 1922. Т. 1. С. 438; Пр[охоров] Г. // Наука на Украине. 1922. № 4. С. 419–420.

Секретные инструкции о Ф.М. Достоевском. (Материалы Одесского архивного фонда) // Там же. С. 36–38.

Ред.: Посев. Одесса–Поволжье: Лит.-крит. и науч.-худ. альманах. Одесса. 175 С.

Константиновская легенда в Херсонщине. (Эпизод из истории крестьянских волнений) // Там же. С. 135–142.

То же (в сокращении) // На помощь. В пользу голодающих. Одесса. 15 авг.

Ред., введение, примеч.: Костомаров Н.И. Украинский сепаратизм. (Неизвестные запрещенные страницы). Одесса.

Отз.: М[яковский] В. // Голос друку (Харків). 1921. Кн. 1. С. 172–173.

Ред., введение, примеч.: Тургенев И.С. Завтрак у предводителя. (Запрещенный цензурой текст комедии). Одесса. 56 С.

Ред., введение, примеч.: Тургенев И.С. Бурмистр. Одесса. 24 С.

Введение, примеч.: Тургенев И.С. Муму. Одесса. 40 с.

Отз.: Бродский Н.Л. // Свиток. 1922. № 2. С. 121–122.

1922

Сюжеты Пушкина. (Отрывочные замечания): 1. "Роза". 2. "Шотландская песня". 3. К истории "Песен западных славян" // Пушкинский сборник памяти проф. С.А. Венгерова. М.; Пг. С. 24–39.

Борьба с Байроном в Александровскую и Николаевскую эпоху // Начала. Пг. № 2. С. 256–263.

Письмо кн. П.А. Вяземского к А.Д. Галахову. (Неизвестный автограф из собрания Н.М. Лисовского) // Уч. зап. Высшей школы г. Одессы. Отд. гум.-обществ. наук. Т. 2. Одесса. С. 130–132.

1923

Судьба одной пародии Достоевского. (По неизданным материалам). // КА. Т. 3. С. 301–303.

Отз.: Б[ем] А.Л. // Slavia (Прага). 1924. № 1. С. 188–189.

Несостоявшийся журнал М.Е. Салтыкова-Щедрина "Русская правда". // КА. Т. 4. С. 393–398.

Одесские вольнодумцы пушкинской поры. // Былое. № 21. С. 49–56.

Отз.: КС. 1923. № 6. С. 309 (подп.: А.К.-ий).

Основные моменты изучения Пушкина в Одессе (1823 – 15 августа 1923). // Изв. Одес. губисполкома, губкома КП(б)У и Губпросвета. 15 июля.

Новое о Пушкине. (По неизданным материалам):

1. Неизвестная одесская расписка Пушкина.
2. "Урок царям". 3. Как разрешены были к выпуску в свет "Цыганы" // Там же. Лит.-худ. прил. С. 3.

1924

Кирилло-мефодиевцы в Новороссии. (Обзор материалов Одесского архивного фонда) // БК. № 1/2. С. 250–261.

Отз.: Л[ернер] Н. // КС. 1925. № 3. С. 254.

Апокрифическое письмо императора Николая к Пушкину // Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пб. С. 51–73.

Отз.: Ходасевич В.Ф. // Соврем. записки (Париж). Т. XIX.

Ред.: Атеий: Ист.-лит. временник. Л. Кн. 1–2 (совм. с Б.Л. Модзалевским и П.Н. Сакулиным).

Отз.: Груздев И. // Рус. современник. 1924. № 2. С. 290–292.

Новые тексты Пушкина. 1. "Письмо к издателю" в "Современнике" 1836 г. // Там же. С. 15–24. Мнимые строки Пушкина ("Как небеса на небе..." и пр.) // Там же. С. 164–166.

Может ли быть раскрыт пушкинский план "Влюбленного беса"? // Там же. С. 166–168.

Летопись жизни Белинского. М. XIII + 283 с. (совм. с Н.Ф. Бельчиковым и П.Е. Будковым).

Отз.: Книга о книгах. 1924. № 3. С. 48. (Б.п.); Цинговатов А.Я. // НМ. 1925. № 2. С. 158–159; Ежов И. // Книгоноша. 1924. № 21. С. 10.

1925

После 9-го января 1905 г. (Материалы для истории стачечного движения в Петербурге) // Труд в России. Кн. 1. С. 180–191.

Отз.: КС. 1925. № 5. С. 314 (подп.: Читатель).

Всеволод Гаршин в дни "диктатуры сердца" // КС. Кн. 2. С. 126–138.

Отз.: Гитин К. // КГ. 1925. 20 мая. (Веч. вып.).

"Современник": неизданный журнал В.В. Измайлова. (По неопубликованным материалам) // Современник. Кн. 1. С. 298–303.

Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г. (По неизданным материалам) // Пушкин: Статьи и материалы / Под ред. М.П. Алексеева. Одесса. Вып. 1. С. 6–11.

Ред.: Декабристы: Неизданные материалы и статьи. Труды Пушкинского Дома при Российской академии наук. М. XV + 336 с. (совм. с Б.Л. Модзалевским).

Отз.: Троцкий И.М. // КЛ. 1925. № 3. С. 276–278; Сказин Е.В. // КС. 1925. № 5. С. 323–325; Пиксанов Н.К. // ПР. 1925. Кн. 8. С. 194–195; Шибунин А.Н. // Былое. 1925. № 6. С. 235–236; Шафир А. // Изв. ВЦИК СССР. 1925. 3 дек.; Веч. Москва. 1925. 17 окт. (подп.: Ю.); Ленинигр. правда. 1925. 19 сент. (подп.: В.); Гирченко В. // Заря Востока. 1925. 25 дек.; Гирченко В. // Забайк. рабочий. 1925. 9 авг.; Азадовский М.К. // Сев. Азия. 1926. Кн. 5–6. С. 198–200; Жизнь Бурятия. 1925. Кн. I–II. С. 121–124 (Б.п.); Кизеветтер А. // Соврем. записки (Париж). 1925. Т. 26. С. 494–496.

Восстание Черниговского полка. (Новые материалы) // Там же. С. 5–36.

Отзвуки декабрьских событий 1825 г. в Новороссии: 1. Поимка поручика И.И. Сухинова; 2. Письмо В.И. Сухачева к гр. М.С. Воронцову из Таганрогского тюремного замка; 3. Мытарства декабриста Рынкевича; 4. Последняя попытка облегчения участи А.А. Бестужева. // Там же. С. 51–96.

Отз.: Кондратьев А. // Новая веч. газ. 1925. 16 июля.

Письмо декабриста С.Г. Краснокутского // Там же. С. 165–167.

Д.И. Завалишин в борьбе за опубликование своих записок // Там же. С. 185–196.

Декабристы-солдаты // КГ. Веч. вып. Л. № 297. 9 дек.

Высылка декабриста Д.И. Завалишина из Читы // Былое. Кн. 5. С. 148–152.

Саратовское гнездо нигилизма в 1871 г. (Последний извет А.Ф. Леопольдова) // Былое. Кн. 6. С. 55–58.

Из бумаг Д.Ф. Трепова // КА. Т. XI–XII. С. 448–466.

Из писем и записок В.Ф. Раевского // КА. Т. XIII. С. 297–314.

Отз.: Азадовский М.К. // ЛН. 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 49.

Рец. на кн.: Девятое января. Книга для чтения / Сост. А.А. Шилов. Л.; М., 1925. 239 с. // КС. № 3. С. 237–239.

Рец. на кн.: Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925 // КС. № 4. С. 277–279.

1926

"Партбилет" декабриста // Огонек. № 1. 3 янв. С. 2.

Восстание Черниговского полка. (По неизданным документам) // Огонек. № 2. 10 янв. С. 10–11.

Ред.: Атений: Ист.-лит. временник. Л. Кн. III. (совм. с Б.Л. Модзалевским).

Соженная трагедия Гоголя из прошлого Запорожья // Там же. С. 46–58.

Послание В.Ф. Раевского к Батенькову (1815) // Там же. С. 5–7, 26–28.

Отз.: КГ. 1925. 30 дек. (Веч. вып.). (Б.п.).

Письмо И.С. Тургенева к И.Ф. Миничкому // Там же. С. 116–117.

К истории опубликования "Энеиды" И.П. Котляревского // Там же. С. 152–154.

По поводу одной "рецензии" [Ответ И.А. Груздеву] // Там же. С. 157–159.

Отклик московских промышленников на антиеврейские беспорядки 1881 г. // КА. Т. 1 (XIV). С. 258–260.

Сост. и ред.: Декабристы: Сб. отрывков из источников. М. 463 + IV с. (при участии Б.Л. Модзалевского и Н.Ф. Лаврова).

Отз.: Нечкина М.В. // ПР. 1926. № 11/12. С. 148–150; Пресняков А.Е. // КС. 1926. № 7/8. С. 339–341; Троцкий И.М. // КЛ. 1926. № 5. С. 145–155; Добровольский П.

// Записки ист.-филол. відділу Всеукр. АН. 1928. Кн. 18. С. 333–339; Урал. рабочий. 1926. 7 июня.

[Вводная заметка к "Своду" А.Л. Боровкова] // Там же. С. 1–2.

Возмущение лейб-гвардии Семеновского полка // Там же. С. 30–33.

Первые тайные организации декабристов // Там же. С. 67–73.

"Южное общество" (1821–1825) и "Общество соединенных славян" // Там же. С. 117–123.

Агитация и пропаганда в войсках 3-го корпуса и восстание Черниговского полка // Там же. С. 355–364.

Рец. на кн.: Базилевич В. Декабристы на Киевщине, 1825–1925. Киев, 1926 // КС. Кн. 3. С. 275–278.

Рец. на кн.: Памяти декабристов: Сб. материалов. I. Л., 1926 // КС. Кн. 4. С. 264–266.

Рец. на кн.: Щеголев П.Е. Декабристы. М.; Л., 1926 // КС. Кн. 5. С. 278–282.

Рец. на кн.: Україна: Науковий двохмісячник українознавства / Під ред. акад. Грушевського. Київ, 1925. Кн. VI // КС. Кн. 7/8. С. 350–352.

Ред.: Бунт декабристов: Юбил.сб. Л. 400 с. (совм. с П.Е. Щеголевым).

1927

Анонимные фельетоны И.А. Гончарова // Фельетоны: Сб. статей / Под ред. Ю.Н. Тынянова и Б.В. Казанского. Л. С. 80–93.

Отз.: *Нейман Б.В.* // ZSPH. 1930. Band VII. S. 178.
Секретне слідство про "Ісповедь Наливайко"
К.Ф. Рылеєва, року 1825 // Юбілейний збірник
на пошану акад. Д.И. Багалія. Київ.
С. 874–878.

Епизод из истории пушкинского печатного текста. Заметки на полях // ПС. Вып. XXXI–XXXII. Л. С. 61–66.

Незв'язаний розказ А.П. Чехова "Атака на мужей" // КГ. № 294. 30 окт. (Веч. вып.). С. 4.

То же на англ.: The Graphic. 1928. № 3042. P. 510.

Рец. на кн.: Пушкин. Письма / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. 1815–1825 // Науч. работник. № 4. С. 126–127.

Рец. на кн.: Декабристи на Україні: Зб. праць Комісії для дослідів громадських течій на Україні / За редакцією акад. С. Ефремова та В. Міяковського. Київ, 1926 // КС. Кн. 1. С. 246–249.

Рец. на кн.: Багалій Д. Декабристи на Україні // КС. Кн. 2. С. 276–278.

Рец. на кн.: Филиппович П. Шевченко і декабристи. Київ, 1926 // Там же. С. 278–279.

Рец. на кн.: Рух декабристів на Україні. Харків, 1926 // КС. Кн. 5. С. 211–214.

Рец. на кн.: Памяти декабристов: Сб. материалов. Л., 1926. Вып. 2 и 3. // КС. Кн. 6. С. 256–258.

Рец. на кн.: Повстання декабристів на Україні. Наук. зб. / За ред. акад. Д. Багалія. Харків, 1926 // КС. Кн. 8. С. 223–226.

1928

Одеське "Гніздо змови" 1825 року. Спроба перегляду питання про базу "декабризму" на Україні // Прапор марксизму. Харків. № 2. С. 165–207.

Отз.: *Пресняков А.Е.* // КС. 1928. № 7. С. 196–197.

Легенда о стихах Лейского. (Из разысканий в области пушкинского печатного текста) // ПС. Л. Вып. XXXVII. С. 42–67.

Отз.: *Винокур Г.О.* // ПР. 1928. № 6. С. 197.

За кулисами Зимнего дворца: Из неизданного дневника сенатора Е.М. Феоктистова // Огонек. № 42. 14 окт.

Рец. на кн.: Восстание декабристов: Материалы. М.; Л., 1927. Т. 5. // КС. Кн. 2. С. 173–175.

Рец. на кн.: Евгеньев-Максимов В.Е. Очерки из истории социалистической журналистики в России XIX в. М.; Л., 1927 // Там же. С. 175–177.

Рец. на кн.: Филиппович П. Шевченко і декабристи. Київ, 1926. // Там же. С. 278–279.

Рец. на кн.: Юбілейний збірник на пошану акад. Д.И. Багалія. Київ, 1927 // Там же. Кн. 3. С. 188–190.

Рец. на кн.: Шевченко Т.Г. Твори. Т. IV. Щоденні записки (журн.). / Под ред. акад. С. Ефремова. 1927 // Життя і революція. Кн. 3. С. 188–190.

Рец. на кн.: Панаев И.И. Литературные воспоминания. Первое полное изд. Л., 1928 // КС. Кн. 6. С. 186–187.

Рец. на кн.: Яворский М. Нариси з історії революційної боротьби на Україні. Харків, 1927. Т. 1 // КС. Кн. 6–9. С. 253–256.

Ред., введ. и коммент.: Гаршин В.М. Рассказы. М.; Л. 375 с.

Ред., введ. и коммент.: Сушкова Е. Записки 1812–1841. Первое полное изд. Л. 446 с.

Отз.: *Берковский Н.* // На лит. посту. 1928. № 24. С. 66–67; *Заварин В.* // КН. 1928. № 3. С. 227–228; *Поступальский И.* // ПР. 1928. № 5. С. 195; *Рождественский В.* // Звезда. 1928. № 5. С. 165; *Дор А.* // Железнодорожник. 1928. № 6. С. 32; КГ. 1928. 25 февр. (Веч. вып.) (подп.: Р.К.); *Бём А.Л.* // Slavica (Прага). 1929. Т. III. S. 711.

1929

Восстание декабристов. Т. VI. Восстание Черниговского полка. Обзор источников, публикаций и исследований. М.; Л. XVII + 406 с.

Отз.: *Нечкина М.В.* // ИМ. 1929. № 13. С. 248–252; *Добровольский Л.* // Зап. іст.-філол. відділу Всеукр. АН. 1929. Кн. 25. С. 351–354; *Летописи марксизма.* 1929. № 9–10. С. 168. (Б.п.).

Примеч.: *Тургенев И.С.* Соч. Т. 3. Сцены и комедии. М.; Л. С. 223–251.

Примеч.: *Тургенев И.С.* Соч. Т. 4. Сцены и комедии. М.; Л. С. 207–231.

Литература "Заговора равных" в России. "Пифагоровы законы" Сильвена Марешаля в переводе В.С. Сопикова и "Правила Соединенных Славян": Тез. докл. // Ленингр. об-во библиофилов. 8 мая. [Листовка].

Неизвестное письмо Л.Н. Толстого к Е.П. Ковалевскому // Звезда. Кн. 12. С. 185–186 (подп.: Ю.О.)

Рец.: Новейшая украинская литература о Шевченко и Кирилло-Мефодиевцах // КС. № 5. С. 179–182.

Рец. на кн.: Анненков П.В. Литературные воспоминания / Пред. Н. Пиксанова. Вст. статья, ред., примеч. Б.М. Эйхенбаума. Л., 1928 // КС. № 6. С. 193–195.

Рец. на кн.: Чичерин Б.Н. Воспоминания / Вст. статья и примеч. С.В. Бахрушина. М., 1929 // КС. № 7. С. 179–180.

Рец. на кн.: Твори Марка Вовчка / За ред. О. Дорошкевича. Київ, 1928. Т. 4 // КС. № 10. С. 211–212.

Ред.: Рукописи Пушкина в библиотеках, музеях и архивохранилищах СССР: Краткое описание. 1. Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде / Сост. Л.Б. Модзалевский. Л. XX + 51 с. (совместно с Н.В. Измайловым).

Ред. и примеч.: Воспоминания Е.М. Феокистова. За кулисами политики и литературы, 1848–1896. Л. XXXII + 428 с.

Отз.: Бельчиков Н.Ф. // Известия. 1929. 24 окт.; Могиланский М. // Червоный шлях (Харьков). 1930. № 1. С. 218–219.

Переизд.: М., 1991. 459 С.

Е.М. Феокистов и его воспоминания // Там же. С. XVI–XXIX.

Примеч.: Кони А.Ф. На жизненном пути. Л. Т. 5.

1930

Повесть о прапорщике Черниговского полка. (Неизвестный замысел Пушкина) // Звезда. Кн. 7. С. 217–222.

Полемические заметки Пушкина: 1. Неизвестные строки о Надеждине; 2. Заметка о Булгарине; 3. "Наперсник Невского проспекта" // Там же. С. 222–224.

Дым. (Памфлетный роман И.С. Тургенева) // Тургенев И.С. Соч. М.; Л. Т. IX. С. 417–437.

Новь. (Последний роман И.С. Тургенева) // Там же. С. 437–455.

Неизвестные фельетоны И.А. Гончарова // Фельетоны сороковых годов. М.; Л. С. 15–84.

Подготовка текста: План драмы о папессе Иоанне // Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. Прил. к журн. "Красная нива". М.; Л. Т. 3. С. 456–457.

То же. // Пушкин А.С. Полное собр. соч. М.; Л. Т. 3. С. 565–567.

Рец. на кн.: В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. / Собрал и коммент. М.К. Клеман. Пред. и ред. Н.К. Пиксанова. Л., 1928 // КС. № 6. С. 191–192.

Рец. на кн.: И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собрал и коммент. М.К. Клеман. М.; Л., 1930. // КС. № 10. С. 208–209.

Рец. на кн.: Декабристы М. и Н. Бестужевы. Письма из Сибири. Вып. 1. Селенгинский период (1839–1841) / Ред. и примеч. М.К. Азадовского и И.М. Троицкого. Иркутск, 1930. XII + 138 с. // Звезда. Кн. XI. С. 205–206 (подп. Ю.О.).

Ред., введение, примеч.: Воспоминания А.М. Каратыгиной // Каратыгин П.А. Записки. Л. Т. 2. С. 121–322.

Пушкин и А.М. Колосова // Там же. С. 310–322.

Ред.: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. Прил. к журн. "Красная нива". М.; Л. Т. 4. Евгений Онегин. Повести. 590 с. (совм. с С.М. Бонди, Б.В. Томашевским, Ю.Н. Тыняновым, Д.П. Якубовичем).

Ред.: Фельетоны сороковых годов. Журнальная и газетная проза И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева. М.; Л. 368 с.

Ред.: Некрасов в воспоминаниях и документах / Сост. Е. Иссерлин и Т. Хмельницкая. Л. 600 с.

Ред.: Судьба Блока: По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам / Сост. О. Немецкая и Ц. Вольпе. Л. 278 с.

1931

К истории высылки Пушкина из Петербурга // Памяти П.Н. Сакулина: Сб. статей. М. С. 162–165.

Путеводитель по Пушкину. Заметки и статьи: Альманах; Ансело Х.Ф.; Арап Петра Великого; Арно А.В.; Баратынский Е.А.; Белинский В.Г.; Бестужев-Рюмин М.А.; Библиотека для чтения; Булгарин Ф.В.; Воейков А.Ф.; Гоголь Н.В.; "Гости съезжались на дачу"; Грессе П.Б.; Греч Н.И.; "Две танцорки"; Делиль; "Дневник"; Дурова Н.А.; Жан-Поль; "Железная маска"; Завадовский А.П.; Записки Моро де Бразе; Инзов И.Н.; Истомина Е.И., "Кирджали"; Киреевский П.В.; Колосова А.М.; "Миеомзина"; "Московский вестник"; "Московский наблюдатель"; "Надинька"; "На углу маленькой площади"; "Начало повести о прапорщике Черниговского полка"; Новиков Н.И.; Одоевский В.Ф.; Озеров В.А.; Орлов А.А.; Орлов М.Ф.; Орлов Ф.Ф.; Перфильев А.П.; "Пиковая дама"; Планы и наброски повести о стрельце и боярской дочери; Повести Белкина; Погодин М.П.; Раевский В.Ф.; Розен Е.Ф.; "Роман в письмах"; "Рославлев"; "Русский Пелам"; "Северная пчела"; Сенковский О.И.; Скриб О.Э.; "Современник"; Сомов О.М.; Сперанский М.М.; "Сын казенного стрельца"; "Сын отечества"; Толстой Ф.И.; "Участь моя решена"; Хрущев А.П.; "Цезарь путешествовал"; Циклер; Кн. Шаховской А.А.; Шевырев С.П.; Шереметев Б.П.; Шишков А.С.; Энгельгардт В.В. // Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. Прил. к журн. "Красная нива". М.; Л. Т. 6.

Рец. на кн.: Декабристы на Украине / За ред. акад. Багалия. Київ, 1930. Т. 2 // КС. Кн. 6. С. 205–208.

Ред.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-ых годов. М. Т. 1. 461 с. (совм. с С.Н. Черновым).

Ред. и вводн. очерк: "Белая Церковь". Записка Ф.Ф. Вадковского. // Там же. С. 187–201.

Ред., введение и примеч.: Воспоминания С.В. Капнист-Скалон // Там же. С. 289–427.

Ред.: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. Прил. к журн. "Красная нива" на 1930 г. М.; Л. Т. 5. Критика, история, автобиография. 542 с. (совм. с Н.К. Козьминным, Н.О. Лернером и П.Е. Щеголевым).

1932

"Русская воля", банки и буржуазная литература // ЛН. М. Кн. 2. С. 165–186.

Ред.: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. М.; Л. Т. 4. Повести. 805 с.

1933

Проблематика и техника исторического романа Пушкина // Лит. учеба. № 2. С. 98.

Banks and Bourgeois Literature // International Literature. № 1. P. 116–124.
 Police, guerre et presse à la veille de la Révolution // Ibid. P. 147–152.
Рец.: К.Ф. Рылеев. [По поводу нового издания его стихотворений]. // Звезда. Кн. 7. С. 149–156.
Коммент.: Тургенев И.С. Соч. М.; Л. Т. XII. Статьи. Речи. Предисловия. Корреспонденции. Письма в редакцию. С. 500–727.
Ред.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-ых годов. М. Т. 2. 455 С.
Вступ. статья и примеч.: Записки декабриста В.Н. Соловьева о поручике Черниговского полка И.И. Сухинове // Там же. С. 7–20.
Ред.: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. М.; Л. Т. 5. Критика. История. Автобиография. 1000 с. (совм. с П.Е. Щеголевым).
Отз.: Сергиевский И.В. // Лит. обозрение. 1936. № 1. С. 35–37; Л-штейн А. // Там же. № 20. С. 31–34.

1934

Москва и Петербург. (Из записок дорожного).
 Неизвестная страница Гоголя // Лит. Ленинград. № 15. 31 марта. С. 3.
 К истории библиотеки Пушкина // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А.С. Орлова. Л. С. 443–447.
 Пушкин в работе над "Историей Пугачева" // ЛН. М. Т. 16–18. С. 443–446.
Отз.: Богословский Н.В. // ЛГ. 1935. № 31; Селивановский А. // Лит. критик. 1935. № 12. С. 237, 248; Чулков Г.И. // КН. 1935. № 8. Благый Д.Д. // Лит. критик. 1936. № 1. С. 154; Сергиевский И.В. // Там же. № 5. С. 65; Лит. современник. 1937. № 1. С. 162–164 (Б.п.); Шкловский В.Б. // Знамя. 1937. № 1; Мордовченко Н.И. // Вестн. АН СССР. 1949. № 6. С. 89.
 Письмо [Пушкина] к А.Ф. Смирдину [25 октября 1827 г.] // Там же. С. 539–542.
 Неизданные письма к Пушкину: Доп. коммент. и ввод. заметки // Там же. С. 556–606.
Публ., вступ. статья и примеч.: Воспоминания П.А. Катенина о Пушкине // Там же. С. 619–656.
Отз.: Бескин Э.М. // Сов. искусство. 1935. 29 авг.
Публ.: Пушкин в ссылке. I. Вечер в Кишиневе. (Из бумаг "первого декабриста" В.Ф. Раевского); II. Из дневника прапорщика Ф.Н. Лугинина (15 мая – 19 июня 1822 г.) // Там же. С. 657–678.
Отз.: Измайлов Н.В. // Лит. Ленинград. 1935. 2 июля; Чулков Г. // КН. 1935. № 8. С. 210; Нечкина М.В. // ИЗ. 1947. Т. 23. С. 143, 177.

Проблематика и техника исторического романа Пушкина. (На материале романа "Капитанская дочка"): Тез. докл. // Ин-т русской лит-ры (Пушкинский Дом) АН СССР. Беседы с начинающими писателями. Итоги двух-

летней работы. К Всесоюзному съезду советских писателей. Л. С. 15–16.
Рец.: Новая книга о Тургеневе. [И.С. Тургенев. 1833–1933. Л., 1934] // Лит. Ленинград. № 31. 8 июля.
Ред., пред. и примеч.: Рылеев К.Ф. Полное собр. стихотворений. Л. XVIII + 575 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
Отз.: Бельчиков Н.Ф. // Известия. 1934. 30 сент.; Сергиевский И.В. // ЛГ. 1934. 16 сент.; Лелевич Г. // Там же. 1934. 22 окт.; П[редтеченский] А. // Ленинград. 1934. 14 сент.; Веселовский Т. // Ленингр. правда. 1934. 16 авг.; Головенченко Ф.М. // Худ. литература. 1934. № 11. С. 47–49; Алтаов А. // Звезда Севера. 1934. № 12. С. 87–88; Троцкий И.М. // Лит. современник. 1934. № 12. С. 138–140.

Ред., вст. статья и коммент.: Гаршин В.М. Соч. 2-е изд., доп. М.; Л. 358 с.
Ред., введ. и примеч.: Гаршин В.М. Письма. М.; Л. 597 с.
Отз.: Горбов Д.А. // Известия. 1934. 24 мая; Косвенский М.М. // КС. 1934. № 5/6. С. 246–249; Эльсберг Я.Е. // Худ. лит-ра. 1934. № 5. С. 51–52; Евнин Ф.И. // Изв. ОЛЯ. 1962. Вып. 4. С. 292, 297, 299; Словоцков Р. // Последние новости (Париж). 1934. 27 февр.
Ред.: Добролюбов Н.А. Полное собр. соч.: В 6 т. Л. Т. 1. Литературная критика. Статьи 1856–1858 гг. 675 с.
Отз.: Бескина А. // Лит. Ленинград. 1934. 2 окт.
Ред.: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. 2-е изд. М.; Л. Т. 4. Повести. 816 с.
Ред.: То же. Т. 5. Критика, история, публицистика. 546 с. (совм. с П.Е. Щеголевым).
Ред.: То же. Т. 6. Критика, история, публицистика. (Неизданное и черновое). 640 с. (совм. с П.Е. Щеголевым).

1935

Коммент.: Папесса Иоанна // Пушкин А.С. Полное собр. соч. [1-е изд.] Л. Т. VII. С. 695–700.
Ред.: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 9 т. М., Academia. Т. I–VI. (совм. с М.А. Цявловским).
Отз.: Загорский М. // Сов. искусство. 1935. 11 нояб.; Сергиевский И. // Книга и пролет. революция. 1936. № 4. С. 15–20.
Ред.: Добролюбов Н.А. Полное собр. соч.: В 6 т. Л. Т. 2. Литературная критика. Статьи и рецензии 1859–1861 гг. 768 с.
Отз.: Глаголев Н.А. // НМ. 1936. № 2. С. 263–277; Штрайх С.Я. // КН. 1936. № 1. С. 259–275; Лаврецкий А. // Сов. книга. 1946. № 2. С. 14–19.
Ред.: Выставка новых поступлений Ин-та русской лит-ры (Пушкинского Дома) АН СССР. 1934–1935. М.; Л.
Ред.: Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне 1853–1865 / Сост. П.Н. Берков. М. – Л. 199 с.

Запись рассказов И.А. Крылова о Пугачевщине // Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Л. Т. 1. С. 26–29.

Отз.: *Тарле Е.В.* // Лит. критик. 1937. № 2. С. 106–107.

К истории высылки Пушкина из Петербурга в 1820 г. (Неизвестное письмо С.Л. Пушкина к В.А. Жуковскому) // Там же. С. 191–195.

Публ. и коммент.: Новые тексты Пушкина. Письмо к издателю "Сына отечества" // Там же. Л. Т. 2. С. 5–7.

Коммент.: Неизвестные приложения к письму Ф.Н. Глинки к Пушкину от 28 июля 1831 г. // Там же. С. 325–334.

Публ. и предисл.: Неизвестная статья Добролюбова ("Энеида" в пер. Шершеневича) // Изв. Отд. общ. наук АН СССР. Т. 1–2. С. 273–322.

"Великий ум". Речь памяти А.М. Горького в Доме ученых в Кисловодске // Сев.-кавказ. большевик. № 142. 21 июня.

Рец. на кн.: Штрайх С.Я. Первый друг Пушкина. М., 1930 // Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Т. 1. С. 333–335.

Рец. на кн.: Пушкин А.С. Соч. // Ред., биогр. очерк и примеч. Б.В. Томашевского. Л., 1935 // Там же. С. 410–414.

Рец. на кн.: Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. статья, ред. и примеч. А.Н. Лозановой. Л., 1935 // Там же. С. 434–435.

Подготовка текста и коммент.: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 9 т. М. Т. VIII. Критика. История. Публицистика. 807 с.

Ред.: То же (совм. с М.А. Цявловским).

Отз.: *Благой Д.Д.* // Большевицкая печать. 1935. № 11. С. 35–37; *Загорский М.* // Сов. искусство. 1935. 11 нояб.; *Сергиевский И.В.* // Лит. обозрение. 1936. № 1. С. 35–37.

Ред.: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. 3-е изд. М. Т. 4. Повести.

Ред.: То же. Т. 5. Критика. История. Публицистика. 558 с.

Ред.: То же. Т. 6. Критика. История. Публицистика. Нензданное и черновое. 563 с.

Ред.: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. М.; Л. Academia. Т. 1, 2, 3 (совм. с М.А. Цявловским).

Ред.: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. 4-е изд. М. Т. 4. Повести. 656 с.

Ред.: То же. Т. 5. Критика. История. Публицистика. 607 с.

Ред.: То же. Т. 6. Критика. История. Автобиография. 802 с.

Ред.: Шемановский М.И. Студенческие годы Добролюбова // Год XIX. Альманах. М. С. 390–425.

Ред.: Добролюбов Н.А. Полное собр. соч.: В 6 т. М. Т. 3. Критика и публицистика. Статьи и рецензии 1856–1859 гг. 672 с.

Отв. ред.: Н.В. Гоголь. Материалы и исследования / Под ред. В.В. Гиппиуса. М.; Л. Т. 1. 502 с.

Отв. ред.: То же. М.; Л. Т. 2. 629 с.

Ред.: Писемский А.Ф. Письма / Подготовка текста и коммент. М.К. Клемана и А.П. Могилянского. М.; Л. 928 с.³

Ред.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии (АН СССР. Ин-т лит-ры). М.; Л. Т. I. 423 с.

[Ред.]: То же. М.; Л. II. 520 с.⁴

1937

[Ред. и коммент.]: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 9 т. М. Т. IX. Критика. История. Автобиография. Материалы записных книжек и черновые наброски. С. 621–755; 806–826.

[Ред. и коммент.]: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. М. Т. IV. Повести.

[Ред. и коммент.]: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. М. Т. V. Критика. История. Публицистика.

[Ред. и коммент.]: Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. М.; Л. 141 с.

[Ред.]: Фомин А.Г. Puschkiniana. 1900–1917. М.; Л. 539 с.

1938

[Ред. и коммент.]: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 9 т. М. Т. VII. Повести Белкина. 999 с.

[Ред.]: Глеб Успенский. Материалы и исследования. М.; Л. Кн. 1. 744 с. (редактором указан И.И. Векслер).

1940

[Ред. и коммент.]: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. 5-е изд. М. Т. IV. Повести. 696 с.

1947

[Ред.]: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 6 т. 5-е изд. М. Т. V. Критика. История. Публицистика. 615 с.

Неизвестное письмо А.М. Горького [к А.И. Куприну] // Коммунист (Саратов). 18 июня. С. 2.

1948

А.В. Кольцов и тайное общество "независимых" // Уч. зап. Саратов. гос. ун-та. Т. XX. Саратов. С. 50–91.

³ В связи с арестом Ю.Г. Оксмана в декабре 1936 г. издание вышло в свет без указания его имени. Имя Ю.Г. Оксмана сохранилось лишь на нескольких экземплярах.

⁴ Эта и последующие работы Ю.Г. Оксмана, сданные в печать до его ареста, выходили в 1937–1940 гг. без указания его имени.

Отз.: *Пермяков Г.* // ЛГ. 1949. 5 окт.; *Тимохин В.* // Коммунист (Саратов). 19 окт.; *Тонков В.А.* // Лит. Воронеж. 1952. Кн. 1. С. 205; *Тонков В.А.* // ZS. 1961. Bd. VI. Heft 2. S. 270-271.

Из разысканий в области биографии Белинского: 1. Легенда о переводе "Монфермельской молочницы". 2. Письмо Белинского к К.С. Аксакову от 16-20 ноября 1837 г. 3. Записка Белинского к М.А. Бакунину от 3 января 1838 г. 4. Дата смерти Белинского. Биобиблиогр. справка // Там же. С. 310-321.

1949

Неизвестный автограф Пушкина. (К истории "Капитанской дочки") // Сталинец (Саратов). № 16. 7 июня.

1950

[Ред. и предисл.] Белинский в неизданной переписке современников (1834-1848) // ЛН. Т. 56. С. 87-200 (подп.: А. Осокин).

Переписка Белинского: Крит.-библиогр. обзор // Там же. С. 201-254.

Отз.: *Жданов В.В.* // Сов. книга. 1951. № 12. С. 89; *Эльсберг Я.Е.* // Вестн. АН СССР. 1951. № 10. С. 137, 142; *Березина В.Г.* // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1952. Вып. 17. С. 82-84; *Богаевская К.П.* // Изв. ОЛЯ. 1956. Т. XV. Вып. 3. С. 273-274; *Ванюшина М.А.* // Уч. зап. Борисоглеб. гос. пед. ин-та. 1956. Вып. 1. С. 114; *Березина В.Г.* // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1957. Вып. 33. С. 38, 49.

[Публ. и вводная статья]. Письмо Белинского к Гоголю // Там же. С. 513-605 (совм. с К.П. Богаевской).

1951

Мнимые статьи молодого Белинского // ЛН. Т. 57. С. 564-567.

Отз.: *Нечаева В.С.* В.Г. Белинский. М., 1954. С. 458-459.

1952

Из разысканий о Пушкине: 1. Неосуществленный замысел "Истории Украины". 2. Пушкин в работе над "Капитанской дочкой" // ЛН. Т. 58. С. 211-242.

Отз.: *Жданов В.В.* // НМ. 1953. № 5. С. 262; *Galster B.* // Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. (Варшава). 1954. № 2. S. 120-121, 126; *Измайлов Н.В.* // Вестн. АН СССР. 1955. № 3. С. 132-133; *Легава М.П.* // Тр. филол. фак-ту Харк. держ. ун-ту им. Горького. 1956. Т. 3. С. 192-194; *Виноградов В.В.* // Annali dell'Istituto universitario orientale (Неаполь). 1961. P. 15-17.

А.А. Краевский и В.Ф. Одоевский - Пушкину. [Письмо 1836 г.] // Там же. С. 289-296.

Лермонтов в записках А.И. Арнольди // Там же. С. 449-476.

Отз.: *Попов А.В.* Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954. С. 103-107.

Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ // Уч. зап. Сарат. гос. ун-та. Вып. филол. Т. XXXI. С. 111-204.

Отз.: *Путинцев В.А.* // Сов. книга. 1953. № 7. С. 102; *Порох И.В.* // Уч. зап. Сарат. гос. ун-та. Вып. ист. 1960. Т. 68. С. 35-37; *Brang P.* // ZSPh. Bd. XXIV. S. 372.

К истории работы Белинского в "Телескопе": 1. Белинский накануне "Литературных мечтаний". 2. Н.А. Полевой - сотрудник "Телескопа". 3. Белинский и литературно-театральный салон Н.С. Селивановского // Там же. С. 230-262.

Отз.: *Путинцев В.А.* // Сов. книга. 1953. № 7. С. 104; *Ванюшина М.А.* // Уч. зап. Борисоглеб. гос. пед. ин-та. Филол. науки. 1956. Вып. 1. С. 103.

1953

Новые тексты Рыльева: 1. К истории первого легального издания "Сочинений и писем К.Ф. Рыльева". 2. Неизвестные строфы думы "Ольга при могиле Игоря". 3. Дополнения и поправки к тексту поэмы "Войнаровский". 4. Неизвестные строфы о Мазепе и Кочубее в первой редакции "Войнаровского" // Там же. Т. XXXIII. С. 133-147.

Отз.: *Mazon A.* // RES. 1957. Т. 34. P. 229-230.

1954

Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века: 1. "Воззвание к сынам Севера". 2. "Пифагоровы законы" и "Правила Соединенных Славян" // Очерки из истории движения декабристов: Сб. статей. М. С. 451-515.

Отз.: *Порох И.В.* // Уч. зап. Сарат. гос. ун-та. Вып. ист. 1960. Т. 68. С. 24-26; *Сливовский В.* // Przegląd historyczny. 1956. № 4. S. 811-818.

Неизвестные строфы думы "Ольга при могиле Игоря" // ЛН. Т. 59. С. 19-20.

Новые тексты поэмы Рыльева "Войнаровский" // Там же. С. 31-56.

Агитационная песня "Царь наш - немец русский" // Там же. С. 69-84.

Агитационная песня "Ах тошно мне и в родной стороне" // Там же. С. 85-100.

[Письмо Рыльева к Булгарину от 28-30 апреля 1825 г.] // Там же. С. 147-152.

Рассказы о Рылеве рассыльные "Полярной звезды" // Там же. С. 251-256.

Об авторе нелегальной песни "Подгуляла я" // Там же. С. 268-272 (подп.: А. Осокин).

Отз.: *Окунь С.Б.* // ВИ. 1954. № 12. С. 138; *Соколов А.Н.* // Изв. ОЛЯ. 1954. Т. XIII. Вып. 5. С. 480-482; *Порох И.В.* //

ВЛ. 1958. № 5. С. 224–225, 228–229, 231;
Порох И.В. // Уч. зап. Сарат. гос. ун-та.
Вып. ист. 1960. Т. 68. С. 26–28.

1955

Н.И. Тургенев – Герцену. [Письма 1861–1863 гг.] // ЛН. Т. 62. С. 583–590.

Отз.: *Путинцев В.А.* // Вестн. АН СССР. 1956. № 1. С. 116.

Вечно живое наследие. [О новом издании сочинений и писем А.И. Герцена] // ЛГ. № 79. 5 июля.

Проблематика "Истории Пугачева" Пушкина в свете "Путешествия из Петербурга в Москву" Радищева // Сарат. гос. ун-т. Науч. ежегодник за 1954 год. С. 149–154.

Из истории нелегальной агитационно-пропагандистской литературы начала XIX в.: 1. "Пифагоровы законы" и "Правила Общества соединенных славян" // Там же. С. 154–158.

1956

Неизвестные письма В.Ф. Раевского // ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 129–170.

Ранние стихотворения В.Ф. Раевского (1816–1822) // Там же. С. 517–530.

Отз.: *Соколов А.Н.* // Изв. ОЛЯ. 1957. Т. XVI. Вып. 5. С. 486; *Чуковский К.И.* // ЛГ. 1957. 22 янв.; *Порох И.В.* // ВЛ. 1958. № 5. С. 229; *Порох И.В.* // Уч. зап. Сарат. гос. ун-та. Вып. ист. 1960. Т. 68. С. 26–28.

Огарев – С.Г. Волконскому. [Письмо от 8 или 9 июля 1861 г.] // ЛН. Т. 63. С. 102–106.

Подг. текста и примеч.: Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. М. Т. XI. Литературно-критические статьи и речи. Биогр. очерки и заметки. 568 с.

Отз.: *Назарова Л.Н.* // ВЛ. 1959. № 2. С. 222–223, 226.

Ред.: Белинский В.Г. Полное собр. соч. М. Т. XI. Письма. 1829–1840. 718 с.

Коммент.: Там же (в соавторстве).

Коммент.: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М. Т. VII. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 гг. (в соавторстве).

Ред., подг. к печати, коммент.: Рылеев К.Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М. 442 с.

Ред.: Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М. Т. XII. Письма. 1841–1848. 596 с.

Ред.: Гнедич Н.И. Стихотворения. Л. 350 с.

Ред.: Макогоненко Г.П. Радищев и его время. М. 774 с.

Ред.: Орловский сборник статей о "Записках охотника" // Изв. ОЛЯ. Кн. 1. С. 81–83.

Ред.: Новое издание Герцена // Там же. Кн. 2. С. 166–171.

1957

И.С. Тургенев на службе в Министерстве внутренних дел // Уч. зап. Сарат. гос. ун-та. Т. LVI. С. 172–183.

Ред.: Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. М. Т. 1. (совм. с И.Л. Андрониковым и Д.Д. Благим).

От редакции // Там же. С. 5–6 (б.п.)

Ред.: Нью-Йоркский сборник материалов по русской литературе // ВЛ. № 8. С. 243–247.

Ред.: Новая книга о Достоевском. [На ки.: Шкловский В.Б. За и против. Заметки о Достоевском. М., 1957.] // НМ. № 12. С. 198–200.

1958

Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского. М. 643 с.

Отз.: *Березина В.Г.* // НМ. 1961. № 6. С. 257–258; *Гуральник У.А.* // ЛГ. 1961. 13 июня; *Кулешов В.И.* // Изв. ОЛЯ. 1961. Т. XX. Вып. 3. С. 23; *Кулешов В.И.* // В мире книг. 1961. № 6. С. 29; *Якобсон Л.* // ВИ. 1961. № 8. С. 150–153; *Иллерицкий В.Е.* // Советская историческая наука от XX до XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 223–224; *Хинкулов Л.Ф.* // Сов. Украина. 1960. № 3. С. 190; *Велчев В.* // Язык и литература (София). 1961. № 1. С. 69–73; *Nyiro L.* // Vilagirodalmi Figyelo (Будапешт). 1960. № 3. Р. 285–288; *Mazon A.* // RES. 1960. Т. 37. Р. 212–213.

К вопросу о тексте письма Белинского к Гоголю // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. Сб. в честь 80-летия со дня рождения Н.К. Пиксанова. М.; Л. С. 137–140.

Об одной строке в дневнике Пушкина // Научный ежегодник за 1955 год. Сарат. гос. ун-т. Отд. 3. С. 14–16.

Тургенев и Герцен в полемике о политической сущности образов Гамлета и Дон-Кихота // Там же. С. 25–28.

Борис Павлович Козьмин (Некролог) // Изв. ОЛЯ. Т. XVII. Вып. 6. С. 555–557.

[Ред.] Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М. Т. XIII. Статьи из "Колокола" и другие произведения 1857–1858 годов. 675 с.

В этом томе в связи со смертью редактора Б.П. Козьмина Ю.Г. Оксманом осуществлена композиция всего материала, написана большая часть преамбулы (С. 479–482), отредактированы примечания и установлена структура заметки "Правда ли?" (С. 493).

Ред.: То же. М. Т. XIV. Статьи из "Колокола" и другие произведения 1859–1860 годов. М. 701 с.

Ред.: То же. М. Т. XV. Статьи из "Колокола" и другие произведения 1861 года. 498 с.

Ред.: Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов. Т. 1. 423 с.

Отз.: *Лидин В.Г.* // ЛЖ. 1960. 5 февр.; *Рейсер С.А.* // ВЛ. 1960. № 4. С. 213–217; *Рюриков Б.С.* // НМ. 1960. № 6. С. 233, 243; НМ. 1960. № 2 (б.п.); *Locys D.* // ZS. 1960. Bd V. Heft 4. S. 587–603.

От редактора // Там же. С. 5–12.

Ред.: Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов. 542 с. (совм. с Е.И. Покусаевым и А.П. Скафтымовым).
 Рец.: Новый библиографический указатель по "Колоколу" Герцена // ВЛ. № 11. С. 214–220.
 "Библиотеке поэта" – 25 лет // Там же. С. 255–256.
 То же // ЛЖ. № 20. 23 мая.

1959

От "Капитанской дочки" к "Запискам охотника". Пушкин – Рылеев – Кольцов – Белинский – Тургенев: Исследования и материалы. Саратов. 316 с.

Отз.: Боровой С.Я. // Знамя коммунизма (Одесса). 1960. 23 марта; Покусаев Е.И., Усакина Т.И. // Коммунист (Саратов). 1960. 21 июля Степанов Н.Л. // ВЛ. 1960. № 12. С. 202–205; Фридлиндер Г.М. // РЛ. 1960. № 3. С. 228–230. Дымищ А.Л. // ЛЖ. 1961. 12 февр.; Берков П.Н. // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. 1962. Вып. 3. С. 85–94; Mazon A. // RES. 1960. Т. 37. P. 212–213; Zöldhe-lyi Z. // Filologiai Közlöni (Будапешт). 1961. № 3/4. P. 435–437; Покусаев Е.И., Усакина Т.И., Цигенгейст Г. // ZS. 1961. Bd. VI. Heft 3. S. 452–461; Sliwowski R. // Slavia Orientalis. 1961. № 2. S. 268–270.

Пушкинские записи рассказов И.И. Дмитриева о восстании Пугачева // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. М.; Л. С. 108–116.

Еще раз о недостатках издания сочинений Лермонтова // ВЛ. № 2. С. 131–142 (совм. с М.Г. Ашукиной и В.В. Ждановым). Б.п.

Рец.: Скафтымов А.П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958 // Изв. ОЛЯ. Т. XVIII. Вып. 6. С. 537–539.

Ред.: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М. Т. XVIII. Статьи из "Колокола" и другие произведения 1864–1865 годов. 751 с. (совм. с В.А. Путинцевым).

Ред.: Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов. Т. 2. 422 с.

Ред.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века // Подг. текста и примеч. С.А. Рейсера и А.А. Шиловой. Л. 886 с. (Библиотека поэта. Большая серия).

1960

Рец.: A.P. Skafymov. Ein verdienstvoller sowjetischer Literaturwissenschaftler // ZS. Bd V. Heft 2. S. 284–287.

Ред.: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М. Т. XIX. Статьи из "Колокола" и другие произведения 1866–1867 годов. 570 с. (совм. с Л.М. Долотовой).

1961

Пушкин и Белинский // Тринадцатая всесоюзная Пушкинская конференция. 6–8 июня 1961 г.: Тез. докл. Л. С. 9–12.

Отз.: Пугачев В.В. // Горьк. ун-т. 1961. 5 июля.

Наследие Пушкина и спорные вопросы генезиса критического реализма // Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур: Материалы дискуссии 11–15 января 1960 г. М. С. 365–368.

[Выступление на обсуждении статьи Б.И. Бурсова и Г.П. Макогоненко в ИМЛИ] // ВЛ. № 1. С. 122–124.

Ред., подг. текста и примеч.: Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения. М.; Л. Т. II. Сцены и комедии. 1843–1849. 623 с.

Отз.: Mazon A. // RES. 1962. Vol. 41. P. 222.

Ред.: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М. Т. 22. Письма 1839–1847 годов. 481 с. (совм. с Л.М. Долотовой).

Ред.: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М. Т. 24. Письма 1850–1852 годов. 579 с. (совм. с И.Ю. Твердохлебовым).

1962

Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе // Изв. ОЛЯ. № 1. С. 14–33 (в соавторстве).

Ред.: Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М. Т. VI. Критика и публицистика (совм. с Д.Д. Благин, С.М. Бонди, В.В. Виноградовым).

Пушкин – литературный критик и публицист // Там же. С. 441–469.

Примеч. // Там же. С. 469–582.

Пушкин в работе над "Историей Пугачева" // Там же. М. Т. VII. С. 371–387.

Примеч. // Там же. С. 387–396; 407–411; 447–455.

Ред., коммент.: Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем. В 28 т. М.; Л. Сочинения. Т. III. Сцены и комедии 1849–1852. 471 с.

Ред.: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М. Т. 26. Письма 1856–1859 годов. 542 с. (совм. с М.А. Соколовой).

Ред.: Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М. 435 с.

Ред.: Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / Изд. подг. Б.М. Эйхенбаум и Э.Э. Найдич. М. 228 с. (Лит. памятники).

Рец.: Orszé Népköltészet (Рец. на кн.: Русская народная поэзия. Горький, 1961) // Világirodalmi Figyelő (Будапешт), № 2. P. 215–217 (совм. с Т.М. Акимовой).

[Резюме выступлений на IV Международном съезде славистов. Москва. Сентябрь 1958 г.] // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М. Т. I. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. С. 219–223, 316–318, 360–361, 586–587.

Алексеев Михаил Павлович // КЛЭ. М. Т. 1. Стб. 143–144.

Билфелдт Хаис Хольм // Там же. Стб. 616.

Буш Владимир Владимирович // Там же. Стб. 792.

Вальдапфель Йозеф // Там же. Стб. 843.
Велчев Велчо Петрович // Там же. Стб. 892.
Волков Роман Михайлович // Там же. Стб. 1019–1020.

1963

- Ред.: Декабристы в Москве: Сб. статей. М. 279 с.
От редактора // Там же. С. 5–6.
Белинский и политические традиции декабристов // Там же. С. 185–219.
Ред.: Проблемы изучения Герцена. М. 536 с.
Публ. и послесл.: Незвестные строки Герцена о русском социализме // Там же. С. 9–15.
Отз.: *Pab E.F.* // *Kritika*. 1964. № 7. Р. 59–61.
Hercen i powstanie styczniowe // *Literatura radziecka*. № 1. S. 158–161.
Ред.: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М. Т. 28. Письма 1865–1866 годов. 438 с.
Ред.: Тургенев И.С. Собр. соч. и писем: В 28 т. М.: Л. Сочинения. Т. IV. Записки охотника. 1847–1874. 614 с. (совм. с С.А. Макашиным).
Ред.: Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма / Изд. подг. С.Я. Боровой и М.И. Гиллельсон. М. 374 с. (Лит. памятники).
Ред.: Горбачевский И.И. Записки. Письма // Изд. подг. Б.Е. Сыроечковский, Л.А. Соколовский, И.В. Порох. М. 354 с. (Лит. памятники).
Невежда под маской исследователя. Письмо в редакцию [по поводу работы М.И. Мальцева "Проблема социально-политических воззрений А.С. Пушкина"] // *Известия*. 6 авг. С. 5 (совм. с И. Андрониковым, С. Бонди, Б. Мейлахом и др.).

1964

- Сост.: Пушкин А.С. Капитанская дочка. М., 1964. 284 с. (Лит. памятники).
Отз.: *J.Th. Shaw* // *The Slavic and East European Journal*. 1966. Vol. X. № 1. Р. 68; *Метева Е.* // *Език и литература* (София). 1966. № 2. С. 75–76.
То же: 2-е изд., доп. Л., 1985. 319 с.
Пушкин в работе над романом "Капитанская дочка" // Там же. С. 149–208.
Послел.: Тургенев И.С. Русский немец и реформатор. (Недописанный рассказ из цикла "Записки охотника") // *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 34–38.
Отз.: *Осьмакова Л.Н.* // *Изв. ОЛЯ*. 1965. Вып. 1. С. 260.
То же // Проблемы сравнительной филологии: Сб. статей к 70-летию чл.-кор. АН СССР В.М. Жирмунского. М.; Л. С. 377–383.
Рец.: Монументальный труд. Четыреста лет русского книгопечатания. Русское книгопечатание до 1917 года. М., 1964 // Москва. № 3. С. 207–209.
Рец.: Биография Достоевского. (На кн.: Гроссман Л.П. Достоевский. М., 1963) // *ВЛ*. № 4. С. 200–204.
Рец. на кн.: Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. Л., 1962 // *ВИ*. № 9. С. 158–160.

- Ред.: Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л. Сочинения. Т. VIII. 623 с. (совм. с Н.В. Измайловым и С.А. Макашиным).
Ред.: Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. М. Т. 1. (совм. с И.Л. Андрониковым).
От редакции // Там же. С. 553–559.
Сост. и коммент.: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. С. 86–102, 212–235, 432–443, 469–476.
Гельгардт Роман Робертович // *КЛЭ*. Т. 2. Стб. 121 (б.п.)
Гранжар Анри // Там же. Стб. 326–327 (б.п.)
Гурский Конрад // Там же. Стб. 454 (подп.: Ю.Г. Григорьев).
Дмитриев Михаил Александрович // Там же. Стб. 705–706 (б.п.)
Зильберштейн Илья Самойлович // Там же. Стб. 1021 (б.п.).

1965

- К вопросу о перечнях анонимных произведений Добролюбова, составленных Н.Г. Чернышевским // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию акад. В.В. Виноградова. М. С. 432–437.
Очерк истории цензуры зарубежных изданий в России в первой трети XIX века // Н.А. Добролюбов: Статьи и материалы. Горький. С. 341–365 (Уч. зап. Горьк. гос. ун-та. Вып. 71).
Письмо к Е.Б. Тагер // Воздушные пути (Нью-Йорк). Вып. IV. С. 51–53.
Рец. на кн.: Четыреста лет русской печати. М., 1964. Т. 1 // *Slavia Orientalis* (Варшава). № 2. С. 262–265.
Рец. на кн.: Библиотека А.Н. Островского. Описание. М., 1963 // *Ibid*. № 3. С. 371–372.
Рец. на кн.: Литературный музей А.П. Чехова. Таганрог; Ростов н/Д., 1964 // *Ibid*. С. 372–373.
Ред.: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М. Т. 30. Кн. 2. Письма 1869–1870 годов. Дополнения к изданию. 1015 с. (совм. с Л.Д. Опульской).

1966

- О некоторых итогах работы над первым советским изданием полного собрания сочинений Н.А. Добролюбова // Из истории общественного движения и общественной мысли в России в XIX веке. Горький. С. 3–20. (Уч. зап. Горьк. гос. ун-та. Сер. нст.-филол. Вып. 78. [Т. 1]).
Рец.: Книга М.П. Алексеева об испано-русских литературных отношениях // Там же. Вып. 78. Т. 2. С. 471–475 (подп.: Ю. Григорьев).
Рец. на кн.: Бельчиков Н.Ф. Пути и навыки литературоведческого труда. М., 1965 // Там же. С. 477–489 (подп.: Ю. Григорьев).
Рец.: Чеховский сборник Таганрогского музея // Там же. С. 533–535 (подп.: А. Осокин).

Рец. на кн.: Итоги и проблемы изучения Пушкина // Там же. С. 537–544 (подп.: Г.А. Рязанцев. Совм. с В.А. Тепловой).
Измайлов Николай Васильевич // КЛЭ. Т. 3. Стб. 73.
Кубацкий Вацлав // Там же. Стб. 864.

1967

Рец.: Летопись жизни и творчества Лермонтова // Прометей. М. Т. 2. С. 315–321 (подп.: Ю. Григорьев).
Рец.: Библиотека А.Н. Островского // Там же. С. 321–322 (подп.: Ю. Григорьев).

1969

"Две дороги". К истории рассказа В.М. Гаршина "Происшествие" // Прометей. М. Т. 7. С. 266–267 (подп.: Ю. Григорьев).

1970

Подг.: Добролюбов Н.А. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. М. 616 с. (Лит. памятники).
Старые и новые издания сочинений Н.А. Добролюбова // Там же. С. 528–566.
Коммент. // Там же. С. 570–572, 583–586.
[Отрывок из письма к К.И. Ерымовскому от 22 декабря 1925 г.] // Литературное краеведение: Материалы к спецкурсу. (Астраханский гос. пед. ин-т). Астрахань. Вып. 7. С. 29–30.
[Несколько дополнений к рецензии М.Г. Зельдовича и М.П. Легавки на "Творческую историю" Н.К. Пиксанова] // Вопросы русской литературы: Межведом. republ. научн. сб. Львов. Вып. 1(13). С. 81–82.
Ред.: Толстой Л.Н. Анна Каренина. Роман: В 8 ч. / Изд. подг. В.А. Жданов и Э.Е. Зайденшнур. М. 912 с. (Лит. памятники).
Ред.: Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Изд. подг. Л.Д. Опульская и Г.Ф. Коган. М. 808 с. (Лит. памятники). (Совм. с В.В. Виноградовым).

1971

Пушкин и декабристы // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов. Вып. 1. С. 70–88.
Рабб Харальд // КЛЭ. Т. 6. Стб. 123.
Райснер Эберхард // Там же. Стб. 165 (подп.: Ю.О.).
Русакнев Симеон Стоянов // Там же. Стб. 436.
Селивановский Николай Семенович // Там же. Стб. 734 (подп.: А. Осокин).
Сливовский Рене // Там же. Стб. 942.
Катенин Павел Александрович // Русские писатели: Биобиблиогр. словарь. М. С. 346–350.
Заметки Пушкина об освобождении Москвы от интервентов в 1613 году // Страницы истории русской литературы: К 80-летию чл.-кор.

АН СССР Н.Ф. Бельчикова. М. С. 299–305.

Отз.: Могиланский А.П. // РЛ. 1971. № 4. С. 226.

[Предисл. к статье Б.А. Васильева "Пушкин и Сильвио Пеллико"] // Моск. комсомолец. 6 июня.
Переписка Ю.Г. Оксмана с Г.П. Струве // Новый журн. (Нью-Йорк). № 103. С. 92–106.

1974

Басня К.Ф. Рылеева "Гусь и змия" // Уч. зап. Латв. гос. ун-та им. Петра Стучки. Рига. Т. 215. Пушкинский сборник. Вып. 2. С. 116–122.

1975

В.Ф. Раевский и его записки // Декабристы в Сибири. В сердцах Отечества сынов. Иркутск. С. 212–225.
Примеч. (к письмам) // Там же. С. 318.

1977

Недописанные рассказы [В.М. Гаршина] // ЛН. Т. 87. С. 159–177.

1984

Автобиография / Публ. М.О. Чудаковой и Е.А. Тоддеса // Тыняновский сборник. Первые Тыняновские чтения. Рига. С. 81–83, 90.
[Воспоминания о Ю.Н. Тынянове] // Там же. С. 91–96, 102–103.
[Отрывки из писем] // Там же. С. 85–89.

1986

[Отрывок из письма к Г.М. Козинцеву от 18 апреля 1964 г.] // Козинцев Г.М. Собр. соч.: В 5 т. Л. Т. 5. С. 482.

1987

Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г. Оксмана к Г.П. Струве / Публ. Л. Флейшмана // Stanford Slavic Studies. Vol. 1. Stanford. P. 15–70.

1988

[Отрывок из письма к А.П. Оксман об Андрее Белом от 15 октября 1917 г.] // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига. С. 327.
Из переписки Ю.Г. Оксмана [30 писем к А.П. Оксман 1936–1947 гг. и отрывки из писем к М.М. Штерн] / Публ. М.О. Чудаковой и Е.А. Тоддеса // Четвертые Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения. Рига. С. 96–168.
Краткое жизнеописание / Публ. В.В. Пугачева // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли: К 65-летию

1989

Пушкинская ода "Вольность". (К вопросу о датировке) // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Посвящается памяти Юлиана Григорьевича Оксмана: Межвуз. науч. сб. Саратов. Вып. 5, ч. 2. С. 3–33.

1990

Политическая лирика и сатира Пушкина // "Тамиздат". От осуждения – к диалогу. Памяти Антонины Петровны Оксман посвящается. Саратов. С. 63–89.

Из переписки Юлиана Оксмана и Виктора Шкловского / Публ. А.В. Громова // Звезда. № 8. С. 128–141.

[Отрывки из писем к К.П. Богаевской 1947–1955 гг.] // ЛО. № 4. С. 103–109.

[Отрывки из выступления в ЦГАЛИ 25 апреля 1966 г., автобиографических заметок, писем] / "Человек жизнерадостный и жизнедеятельный..." (Набросок портрета Ю.Г. Оксмана по материалам его архива) / Обзор А.Д. Зайцева // Встречи с прошлым. М. Вып. 7. С. 525–537.

[10 писем к А.П. Оксман] / Публ. А.Д. Зайцева // Там же. С. 538–550.

[Дневниковые записи о встречах и беседах с А.А. Ахматовой] / Публ. А.Д. Зайцева // Там же. С. 556–566.

1991

Из дневника, которого я не веду // Воспоминания об Ани Ахматовой. М. С. 640–647.

[Стенограмма выступления на конференции по обсуждению юбилейного издания сочинений Л.Н. Толстого 11 ноября 1935 г. в Пушкинском Доме] / Публ. В.А. Викторovichа / Сюжет и время: Сб. науч. трудов к 70-летию Г.В. Краснова. Коломна. С. 188–192.

[Отрывки из писем к М.К. Азадовскому] // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск. Кн. 1. С. 407, 430–433; Кн. 2. С. 373.

[Отзыв о статье М.К. Азадовского "Во глубине сибирских руд"] // Там же. Кн. 2. С. 373.

1993

[Письмо к И.М. Альтер] // ВЛ. № 5. С. 232.
[Отрывки из писем к К.П. Богаевской] // Там же. С. 234–270.

1994

[Письма к Р.А. Резник] / Публ. Е. Водонос и А. Филиппова // Волга. № 1. С. 104–121.

1995*

Письма Ю.Г. Оксмана Е.И. Покусаеву и А.С. Вознесенской // Волга. № 5/6. С. 147–151.

[Письма И.В. Пороху и С.М. Касовичу] / Публ. Н. Свищева. Саратов. № 5. 12 янв.

Ю.Г. Оксман являлся также членом редколлегий следующих изданий:

Декабристы и их время. М., 1928–1932. Т. 1–2. Изв. АН СССР. Отд. общественных наук. 1935. № 1–7.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. [1-е изд.] М.; Л., 1935. Т. 7.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 3-е изд. М., 1935–1936.

Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. Вып. филол. Саратов, 1953–1957. Т. 33, 41, 53, 56.

Научн. ежегодник Саратов. гос. ун-та за 1955 год. Отд. 3. Филол. фак-т. Саратов, 1958 (председатель редколлегии).

Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956–1965. Т. IX–XXX. (с 1958 по 1964 г. – зам. главного редактора).

Серия "Литературные мемуары". С 1957 по 1964 г.

Серия "Литературные памятники". С 1959 по 1964 г.

Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959–1962.

Тургенев И.С. Собр. соч. и писем: В 28 т. М., 1960–1968.

Литературное наследство. М., 1960–1964. Т. 68–71, 73.

Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России: Избр. труды. М., 1961. 767 с.

Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1.

* В 1996 г. опубликована работа Ю.Г. Оксмана «О "холопах добровольных"» / Публ. К.П. Богаевской // Новое лит. обозрение. (М.). 1996. № 21. С. 129.

СОКРАЩЕНИЯ

БК	– "Борьба классов"	ЛЖ	– "Литература и жизнь"
ВЛ	– "Вопросы литературы"	ЛН	– "Литературное наследство"
ГМ	– "Голос минувшего"	НМ	– "Новый мир"
Изв. ОЛЯ	– "Известия Отделения литерату- ры и языка АН СССР"	ПР	– "Печать и революция"
ИМ	– "Историк-марксист"	ПС	– "Пушкин и его современники"
КА	– "Красный архив"	РЛ	– "Русская литература"
КГ	– "Красная газета"	СГУ	– Саратовский государственный университет
КЛ	– "Красная летопись"	RES	– Revue des e'tudes Slaves (Paris)
КЛЭ	– "Краткая литературная энцикло- педия"	ZS	– Zeitschrift für Slavistik (Berlin)
КН	– "Красная новь"	ZSPh	– Zeitschrift für Slavische Philolo- gie (Berlin)
КС	– "Каторга и ссылка"		

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Е.В. СТАРОСТИНА

(К 60-летию со дня рождения)*

1966

Народное образование в Республике Мали // Тез. докл. XXIV науч.-исслед. конф. МАДИ. М. С. 6-9.

1968

К истории изучения П.А. Кропоткиным Великой французской революции // Фр. ежегодник за 1966 год. М. С. 293-303.

Техника социологических исследований // Аннотации докл. XXVI науч.-исслед. конф. МАДИ. М. С. 31-32.

1970

О встречах В.И. Ленина и П.А. Кропоткина // АЕ за 1968 год. М. С. 225-229.

Беседа В.И. Ленина с П.А. Кропоткиным о кооперации // Аннотации докл. XXVIII науч.-исслед. конф. МАДИ. М. С. 22.

1971

К. Либкнехт и памфлет П.А. Кропоткина // Прометей. М. Т. 8. С. 210-211.

Крестьянская община в идеологии революционного народничества // Аннотации докл. XXIX науч.-исслед. конф. МАДИ. М. С. 14.

1972

Источники о жизни и деятельности П.А. Кропоткина. (Из истории русской общественной мысли конца XIX-XX в.) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 27 с.

А. Кропоткин и его "Программа революционной пропаганды" // ИСССР. № 1. С. 134-138.

Неизвестная встреча В.И. Ленина и П.А. Кропоткина // Аннотации докл. XXX науч.-исслед. конф. МАДИ. М. С. 13.

1973

Архив П.А. и А.А. Кропоткиных // ЗОР ГБЛ. М. № 3. С. 5-10 (совм. с Л.В. Гапченко).

Система, уровень и организация преподавания истории в колхозах и лицеях Республики Мали // Аннотации докл. XXXI науч.-исслед. конф. М. С. 14-15.

1974

Программа курса "Зарубежная археография" // СА. № 3. С. 104-105;

Псевдонимы П.А. Кропоткина // СА. № 6. С. 85-86.

1975

П.А. Кропоткин. (Материалы к биографии) / Под ред. проф. В.Е. Иллерицкого. М. Рота-принт. 213 с.

1976

Путеводитель по Национальному архиву США // СА. № 6. С. 100-102 (совм. с Г.И. Королевым).

Ф.А. Коган-Бернштейн [некролог] // СА. № 6. С. 118 (без подписи).

Ред.: Гармаш В.Н. Архивное дело в Соединенных Штатах Америки. М. 57 с.

1977

Ф.А. Коган-Бернштейн (1899-1976) [некролог] // СВ. М. Вып. 41. С. 424 (без подписи).

1978

Президентские библиотеки в системе архивной службы США // СА. № 6. С. 78-86 (совм. с Т.С. Кабочкиной).

1979

Международные архивные курсы // СА. № 1. С. 74-77 (совм. с И.П. Медведевым).

Сост., част. перевод, авт. вступ. ст., коммент. и указ.: П.А. Кропоткин. Великая французская революция. М. 575 с. (совм. с А.В. Гордоном).

Публ.: Тэн о французской революции // Там же. С. 455-467.

1980

Архивы современной Франции // Фр. ежегодник за 1978 год. М. С. 233-246.

XVI Международная конференция "круглого стола" архивов // Вопросы критики методологии и теории буржуазного архивоведения. М. С. 153-164.

Методологические проблемы истории архивного дела в современном французском архивоведении // Там же. С. 110-119 (под псевд. Е.В. Михайлов).

П.А. Кропоткин: Библиогр. указатель печатных трудов, обзор библиоф. фондов и неопубл. материалов. М. Т. 2. 249 с.

1981

Программа по курсу "Архивы и архивное дело в зарубежных странах". М. 73 с.

* 4 ноября 1995 г. исполнилось 60 лет директору и заведующему кафедрой истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ, доктору исторических наук, профессору Е.В. Старостину.

Методические указания к курсу "Архивы и архивное дело за рубежом". Свердловск. 14 с. (совм. с В.А. Чудиновских).

1982

Чтобы идти кратчайшим путем [о материалах по истории СССР, находящихся за рубежом] // ЛГ. 5 мая.

Заседание, посвященное столетию А.А. Шилова // СА. № 1. С. 92.

Ред.: Сорокин В.В. Архивы учреждений СССР (1917–1937) М. 107 с.

Историко-революционный мемориальный музей П.А. Кропоткина // Великий Октябрь и непролетарские партии. Калинин. С. 195–202.

Архивное дело в странах Западной Европы к началу XX века и зарождение международного сотрудничества // СА. № 3. С. 67–75.

Вступ. ст., коммент.: Kropotkin Pjotr A. Die Große Französische Revolution 1789–1783. Bd. 1. 349 S.; Bd. 2. 387 S. (совм. с А.В. Гордоном).

1983

Развитие международного сотрудничества архивистов (1918–1939) // СА. № 2. С. 66–71.

Социальные функции архивов // СА. № 3. С. 92.

Архивное дело в зарубежных странах: Метод. указ. Свердловск. 46 с. (совм. с В.А. Чудиновских).

Развитие международного архивного сотрудничества до второй мировой войны: Уч. пособие. М. 55 с.

Рец.: С.О. Шмидт // СА. 1984. № 5. С. 71–72.

Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: П.А. Кропоткин. Письма из Восточной Сибири. Иркутск. 192 с. (совм. с В.А. Маркиным).

Ред.: Сорокин В.В. Ведомственные архивы СССР 1938–1959 гг. М. 67 с.

1984

Архивное дело во Франции. М. 76 с.

Речь И.Н. Мышкина: К вопросу об авторстве // Историография и источниковедение архивного дела в СССР. М. С. 165–177.

[Анархисты]. На перепутье: в объятиях контрреволюции // Непролетарские партии в России: Уроки истории. М.С. 409–412; 473–477.

Предисловие // Там же. С. 3–4.

Рец. на кн.: Справочник научного работника: Архивы, библиотеки, исследователи. Львов. 1983 // СБ. № 5. С. 70. (совм. с В.В. Крыловым).

Ред.: Архивоведение и археография: Программа курса. М. 31 с.

Ред.: Сорокин В.В. Объединенные ведомственные архивы СССР. М. 68 с.

Рец.: Революцией призванный (Сайкин О. Герман Лопатин). М., 1983 // Комс. правда. 14 авг.

1985

Великой французской революции П.А. Кропоткина 100 лет // Книга "Памятные даты". М. С. 210.

Советский архивист в Лаосе // СА. № 2. С. 95.

Западноевропейская историография архивоведения (конец XIX – первая треть XX в.) // СА. № 3. С. 70–77.

Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: П.А. Кропоткин. Великая французская революция. София. 575 с. (на болгар. яз.) (совм. с А.В. Гордоном).

Ред.: История и организация архивного дела в СССР: Программа курса. М. 56 с.

Проблемы пополнения ГАФ СССР документами из-за рубежа // Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. "Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества". М. С. 30–34.

Ред.: Архивы КПСС: Программа курса / Сост. В.Е. Корнеев. М. 22 с.

Ред.: Ведомственные архивы СССР, 1959–1980 / Сост. В.В. Сорокин. М. 76 с.

1986

Зарубежная буржуазная историография архивоведения: Уч. пособие. М. 82 с.

Рец.: Архивное дело в ГДР: теория и практика: Учебник. / Гл. ред. Б. Брахман. Берлин, 1984 // СА. № 6. С. 76–79 (совм. с В.И. Дурновцевым).

Ред.: Дремина Г.А. Центральные государственные архивы в период развитого социализма. М. 45 с.

Ред.: Самойченко В.Н. Исторические архивы дореволюционной России: Уч. пособие. М. 1986. 246 с.

Ред.: Корнеев В.Е. Местные бюро Истпарта ЦК ВКП(б): Создание источн. базы ист.-парт. науки, 1920–1929. М. 81 с.

1987

Рец.: Утопический социализм в России: Хрестоматия / Сост. А.И. Володин, Б.М. Шахматов. М., 1985 // СБ № 3. С. 76–77.

1988

Документы по истории народов СССР в зарубежных архивах. М. 76 с.

Происхождение фондового принципа классификации документов // СА. № 6. С. 18–28.

Не историки для архивов, а архивы для историков // ВИ. № 12. С. 175–176.

1989

К вопросу о границах архивного дела и обязанности архивистов // Архивы СССР: История и современность. М. С. 10–17.

Отв. ред. и авт. предисл. этого сборника.

Кропоткин читает Жореса // Французская революция и Россия. Альманах. М. С. 165–195 (совм. с А.В. Гордоном).

То же на фр. яз.

Международные архивные организации и их деятельность: Уч. пособие. М. 81 с.

1990

А.Л. Станиславский [некролог] // СА. № 3. С. 111.

Обсуждение проблемы доступа в зарубежном архивоведении // СА. № 5. С. 17–24.

1991

Архивология // Реализм исторического мышления: Проблемы отечеств. истории п-да феодализма. Чтения, посвящ. памяти А.Л. Станиславского: Тез. докл. М. Ротапринт. М. С. 240.

Декрет об архивном деле 1918 года // ВИ. № 7/8. С. 41–53 (совм. с Т.И. Хорхординой).
То же, на нем. яз.: Archivmitteilungen. № 2. S. 56–64.

То же на фламанд. яз. Archives et Bibliothèques de Belgique. T. LXII. № 1/2. P. 191–218.

Выступление на учредительном съезде Российского Общества историков и архивистов // Вестн. архивиста. 1991. № 1. С. 47–49.

О проекте устава Российского Общества историков и архивистов // Вестн. архивиста. № 3. С. 67–69.

Международный симпозиум по архивному образованию // СА. № 1. С. 111–112.

[Интервью с Т.И. Бондаревой] Каким быть обществу архивистов // СА. № 2. С. 28–31.

Отз.: Виноградов В.Н., А.В. Домбровская, Пшеничный А.П. и др. А реальности не подтверждают. Письмо в редакцию // ОА. № 6. С. 108–112.

Архивы и архивное дело в зарубежных странах. Свердловск. 88 с. (совм. с В.А. Чудиновских).

1992

Сост.: Петр Алексеевич Кропоткин: Указатель литературы 1921–1992 гг. М. 60 с. (совм. с И.Л. Беленьким).

Вступ. ст. к этой книге: Наследие П.А. Кропоткина. С. 3–8.

Анархистские организации и движения // Очерки истории политических партий и движений России. Кн. I, вып. 3. Ростов н/Д; М. С. 131–147.

[Послесл. к ст.] Цаплин В.В. О праве собственности на архивные документы в дипломатических актах дореволюционной и советской России // ОА. № 4. С. 26–27.

1993

Архивы периода Великой французской революции // ОА. № 4. С. 92–99.

[Выступление] О развитии Историко-архивного института РГГУ // Уч. совет РГГУ (январь–июнь 1993 г.). М. С. 72–74.

Церковные архивы России (Из опыта создания справочника) // Вестн. архивиста. М. № 1 (13). М. 96–100 (совм. с Н.Ю. Сидоровой).

1994

Предисл.: Попов А.В. Фонд Н.А. Троицкого в ГАРФ. М. С. 7–8.

История России в зарубежных архивах: Уч. пособие. М. 78 с.

Зарубежные архивы: Программа курса. М. 44 с.

Декрет 7 мессидора II года Республик (к 200-летию Великой французской революции) // Мир источниковедения: Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза. С. 252–257.

[Докл. на Междунар. коллоквиуме "Подготовка хранителей национального достояния в Европе"] // La formation des conservateurs des biens culturels en Europe. Paris. P. 132–134.

Рукописное наследие Марка Блока (1886–1944) // Материалы науч.-практ. конф.: личные фонды и коллекции – источник сохранения национальной памяти. М. С. 77–78.

"Школа хартий" глазами российских исследователей // Управление высшим образованием: Рос.-фр. конф.: Тез. докл. М. С. 47–50.

Рец.: История русской православной церкви в документах региональных архивов России! Аннот. справ.-указ. М. 1993. 681 с. // ОА. № 5. С. 126–127.

[Выступление] // Ученый совет РГГУ (февр. – июнь 1994 г.). М. С. 126–127.

1995

Три месяца в фашистской тюрьме (солдатские мемуары) // ОА. № 3. С. 71–86.

Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 34 с.

1996

Сост.: Jewish Documentary Sources in Russia, Ukraine and Belarus. N.-Y. 164 p. (совм. с В. Кнором и др.).

XIII Международный конгресс архивов: впечатления участников // ОА № 5. С. 113–114.

1997

Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М. 330 с.

Вступ. ст., сост.: Документы по истории и культуре евреев в архивах г. Москвы: Путеводитель. М. 601 с.

Статьи в энциклопедиях

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1984. (2-е изд., 1987). Анархисты; П.А. Кропоткин; А. Ге.

Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1985. Анархисты; П.А. Кропоткин.

Философский энциклопедический словарь. М., 1984. (2-е изд., 1989). Анархизм; П.А. Кропоткин.

Отечественная история: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. Архивоведение.

Русские писатели, 1800–1917: Библиогр. словарь. М., 1990. Т. 2. О.Л.Д' Ор.

Энциклопедический словарь юного историка. М., 1994. Архивы.

То же. 2-е изд. Анархизм; Архивы; Патриотизм; Терроризм. М. 1996.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА К.К. ЗЛОБИНА ОБ ИЗДАНИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ

В планах дипломатического ведомства России по изданию исторических источников особое место занимает впечатляющий по замыслу проект издания "российского дипломатического сборника", изложенный управляющим С.-Петербургским главным архивом Министерства иностранных дел К.К. Злобиным в записке от 16 августа 1863 г. (адресат записки не указан)^{1*}. В сборнике предполагалось опубликовать все договоры, заключенные Россией с иностранными государствами с древнейших времен по 1856 г., а также декларации и ноты "имеющие характер обоюдности"².

Из вновь обнаруженного документа – докладной записки Злобина товарищу министра иностранных дел Н.А. Муханову от 21 февраля 1863 г. – становится очевидным, что проект Злобина появился несколько раньше и поводом послужила направленная в Министерство иностранных дел записка посла в Лондоне барона Филиппа Ивановича Бруннова (1797–1875), предлагавшего продолжить издание дипломатических документов, начатое графом Д.Н. Блудовым в 1823–1825 гг.³, которое открыло "новую страницу в истории русской археографии"⁴.

В.Г. Бухерт

21 февраля 1863 г.

Господину товарищу министра иностранных дел

Вашему превосходительству угодно было препроводить ко мне полученную из Лондона записку, в которой изъясняется сожаление, что не было продолжено собрание документов для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 году до конгресса в Вероне в 1822 году¹. Этот труд, по мнению автора записки, важен потому еще, что был первым поощрением изучению русского языка в приме-

^{1*} Записка К.К. Злобина об издании российского дипломатического сборника (Подг. Е.А. Чиркова) // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 301–302.

² Там же. С. 301.

³ Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 г. до конгресса в Вероне в 1822 году, изданные Министерством иностранных дел. СПб., 1823–1825. Ч. 1, т. 1–2.

⁴ Чиркова Е.А. Издание документов внешней политики XIX в. дипломатическим ведомством России в 1820-х годах // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 220.

нении его к дипломатическому слогу, который не может усовершенствоваться без образцов и без опытности.

Вследствие сего имею честь довести до Вашего сведения, что означенное собрание было составлено при нижеизложенных обстоятельствах:

Во время пребывания своего в Троппау блаженной памяти государь император Александр Павлович, в видах усвоения русского языка Министерству иностранных дел изволил поручить состоявшему в ведомстве сего Министерства статскому советнику Блудову² сделать русский перевод как всех актов, на которых было тогда основано общественное и политическое устройство Европы, так и тех документов, которые более других выражали мысли его императорского величества по сему предмету.

Сверх трактатов и деклараций уже обнародованных на иностранных языках, предполагалось перевести инструкции, всеподданнейшие доклады, ноты и записки, представлявшие особенную важность.

Труд этот был возложен на статского советника Блудова по тому уважению, что в нем соединялись качества преданного слуги государя, истинного россиянина и просвещенного любителя литературы.

От 7 марта 1822 года статский советник Блудов уведомил статс-секретаря графа Нессельрода³, что он окончил порученные ему занятия. За них он был награжден чином действительного статского советника.

С того времени прошло сорок лет. Русский язык выработался совершенно, благодаря преподаванию прав и политических наук в нескольких университетах и лицеях. Значительное число сочинений по части истории и международного права, изданных особенно со времени вступления на престол ныне царствующего государя императора и отличающихся не одним внутренним достоинством, но и чистотою языка, и изяществом изложения, свидетельствуют, что не предостит более надобности учить нас выражать по-русски те понятия, для которых во времена Священного союза и Веронского конгресса не было другого языка, кроме французского. Впрочем, если в последние годы царствования императора Александра так мало употребляли русский язык для дипломатической переписки, то главнейшею тому причиною было то обстоятельство, что большая часть дипломатов наших вовсе не знали языка государства, в службе которого они состояли. Чтобы в том убедиться, стоит только взглянуть на прилагаемый у сего список лиц, занимавших не только высшие должности дипломатической службы, но и консульские места; многие ли из них знали по-русски и получили воспитание в России, в отечественных учебных заведениях? Само собою разумеется, что здесь не уместно было бы говорить о их дипломатических достоинствах, но из этого списка ясно обнаруживается, что не русский язык был виноват, если все выходившее из разряда самых обыкновенных канцелярских бумаг писалось тогда в нашем Министерстве иностранных дел по-французски. Еще в первые годы правления императора Александра Первого, а именно в 1806 году, товарищ министра иностранных дел князь Чарторижский⁴ предоставил всеподданнейший отчет государю императору по сему Министерству на русском языке и лишь впоследствии отечественный язык был вытеснен окончательно французским из дипломатической нашей переписки.

Теперь, когда русский язык и любовь к нему не есть более достояние тесного кружка литераторов, как то было сорок лет назад, то очевидно нет никакого основания продолжать полезный труд графа Блудова лишь с целью учить дипломатов говорить и писать на отечественном языке. Что же касается до исторического значения сего сборника, то в "Полном собрании законов Российской империи" мы имеем русский текст всех трактатов и деклараций, на которых основано международное право Российского государства.

Для изучения дипломатической истории России полезнее всего было бы иметь отдельное собрание всех договоров, заключенных нашим правительством. В обширном собрании наших законов весьма затруднительно отыскивать дипломатические трактаты. Это огромное собрание имеется в нескольких экземплярах в Министерстве иностранных дел, но едва ли оно было доставлено в наши посольства и миссии.

Для того, чтоб сделать доступным для каждого знание дипломатических отношений России к другим государствам, можно бы кажется изготовить полное собрание трактатов, заключенных нашим правительством и для сего принять нижеследующие основания:

1. Это собрание будет состоять из четырех частей.
2. В первой будут заключаться в хронологическом порядке все трактаты до 1648 года, которым начинается Собрание законов. Первыми будут помещены древнейшие из тех, которые в подлинниках находятся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел.
3. Во второй части все трактаты, уже помещенные в "Полном собрании законов", до вступления на престол императора Александра Первого.
4. В третьей части все трактаты до последнего времени.
5. К числу трактатов следует отнести декларации и ноты, состоявшиеся по соглашению с другими государствами и, следовательно, имеющие свойство обоюдности.
6. Все договоры напечатаны будут по-русски, с подлинным текстом на том иностранном языке, который был употреблен другою договаривающею стороною. Оба текста, как русский, так и иностранный, будут вновь проверены по подлинным ратификациям, хранящимся в архивах Министерства иностранных дел.
7. В это собрание войдут только те акты, которых официальные подлинники хранятся в архивах Министерства иностранных дел и которых достоверность, следовательно, не подлежит никакому сомнению.
8. Если договор в подлиннике был составлен на русском и на немецком или на каком-либо азиатском языке, то будет помещен и французский перевод русского текста, так чтобы это собрание могло быть вообще доступно и для иностранцев.

9. Четвертая часть будет служить дополнением к трем первым. В нее войдут акты, пропущенные в первых трех частях, манифесты, изданные не для проходящих обстоятельств, как например война, но служащие выражением постоянной воли правительства для сношений в мирное время с иностранцами, исторические сведения о Министерстве иностранных дел, список министров и послов, одним словом все, что признано будет полезным для изучения нашей дипломатии.

Для составления этого сборника особенных затруднений не представляется. Оба главных архива, как Московский, так и С.-Петербургский имеют налицо все ратификации и подлинники, с которых надлежит сделать новые списки для типографии или проверить уже имеющиеся копии. В библиотеке Департамента внутренних сношений хранятся списки с древнейших трактатов, снятые на основании указа Государственной коллегии иностранных дел 24 сентября 1800 года. Таким образом, все материалы для первых трех частей уже готовы и находятся под рукою. Составление четвертой части без сомнения потребует более времени по разнообразию предметов.

Желательно было бы напечатать это собрание в 8-ю долю листа большого формата, без особенного великолепия, для того, чтобы это издание было доступно для публики, так как оно будет необходимым пособием при изучении истории международного права и дипломатических наук и настоятельно книгою

каждого русского дипломата. Благодаря французскому тексту, этот сборник вероятно найдет покупателей и за границей, и продажа экземпляров несколько вознаградит издержки издания.

Во всяком случае это будет примечательный труд, он сделает доступным для каждого многие договоры, которые нигде не были напечатаны.

Злобин

РГАДА. Ф. 11 (Переписка разных лиц). Оп. 1. Д. 223 (доп.). Л. 18–23. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду двухтомная публикация "Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 до конгресса в Вероне в 1822 году, изданные Министерством иностранных дел" в 1823–1825 гг. О ее подготовке см.: Чиркова Е.А. Издание документов внешней политики XIX в. дипломатическим ведомством России в 1820-х годах // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 217–221.

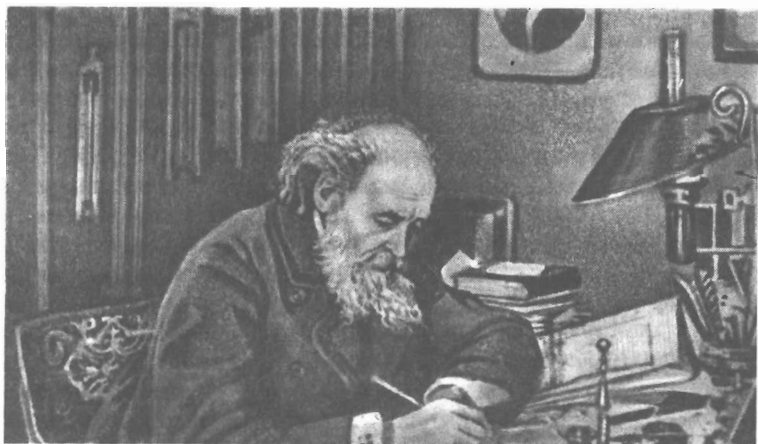
² Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – граф, министр внутренних дел (1832–1838), главноуправляющий II Отделением Собственной е.и.в. канцелярии (1839–1862).

³ Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) – граф, министр иностранных дел (1816–1856).

⁴ Чарторыйский Адам Адамович (1770–1861) – князь, товарищ министра иностранных дел (1802–1804), министр иностранных дел (1804–1806).

⁵ В "Полном собрании законов Российской империи" опубликованы документы не с 1648, а с 1649 г.

ЗАПИСКА И.Е. ЗАБЕЛИНА О КОМПЛЕКТОВАНИИ ФОНДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

*И.Е. Забелин: в своем кабинете в Историческом музее. 1890-е годы.
(Из архива фотографа А.А. Задикяна)*

Публикуемый документ – копия деловой записки научного руководителя Исторического музея И.Е. Забелина, обосновывающей возможности дальнейшего пополнения фондов Музея. Адресована Председателю Исторического музея великому князю Сергею Александровичу. В Записке упомянут и директор Музея князь Н.С. Щербатов. Написанная с чисто практическими целями, Записка представляет интерес не только для изучения биографии Забелина как организатора

Исторического музея, но и как памятник музееведческой мысли России последней четверти XIX в. Записка не имеет даты.

Хранится в личном фонде И.Е. Забелина (Ф. 440) в ОПИ ГИМ.

В.Б. Шарков

О возможных пополнениях коллекции Императорского Российского Исторического музея

1) По Высочайше утвержденному Положению об Императорском Российском Историческом Музее (§ 1-й) оный Музей имеет целью собирать и хранить в подлинниках и различных копиях разнородные памятники древности и старины, которые в своей совокупности представляли бы наглядную и по возможности, во всех частностях полную картину прошлой жизни, как русского народа, так и народов, когда-либо обитавших в пределах Российской Империи.

Для выполнения этой обширнейшей и многосложной задачи Историческому музею, кроме назначенных ему весьма ограниченных собственных средств, необходимы содействие и помощь со стороны других учреждений, особенно, если таковые специально заведуют изысканиями древностей и собиранием находимых памятников по всей России.

Помощь эта тем необходимее, что Музею не предоставлено право приобретать памятники собственными расследованиями, — он может приобретать их только покупкою или добровольными дарами. И то, и другое подвержено чистой случайности, кроме того, в настоящее время, благодаря именно почину в учреждении Исторического музея, повсюду стали возникать местные музеи, а между частными лицами стремление собирать русские редкости и древности вошло, так сказать в моду, вследствие чего цены на древние вещи против прежней их стоимости возросли до невероятных цифр.

Конкурировать с этими охотничьими ценами Историческому музею нет возможности и нет разумных оснований. Таким образом, с этой стороны способ наполнения зал Музея соответственными памятниками представляется до крайности затруднительным.

Между тем Исторический музей как государственное, казенное учреждение мог бы пополнять свои коллекции, по крайней мере, из Казенных же хранилищ и от учреждений, специально заведующих извлечением древностей и собиранием случайно находимых памятников по всей России.

Единственное учреждение, имеющее таковую специальную задачу, есть Императорская Археологическая комиссия, состоящая в ведомстве Министерства Императорского Двора. Она, согласно своему уставу, приобретает памятники собственными расследованиями, по преимуществу на юге России, и собирает со всего Государства случайные находки древностей, представляет собранное и открытое на высочайшее воззрение и затем излишние для ее целей предметы распределяет в тот или другой музей по своему усмотрению, в иных случаях доставляя различные предметы и в Исторический музей, и в другие губернские музеи. Так, в № 4443 газеты "Новое время" от 17 июня помещено сведение, что Комиссия принесла в дар Симферопольскому музею 150 довольно ценных предметов, найденных крестьянами в курганах Бердянского уезда. Есть сведения, что Комиссия обещает пополнять находимыми древностями и другие губерни-

ские музеи, например, Рязанский, а для вновь устраиваемого Херсонесского музея предполагает даже обратно взять мраморы и из Исторического музея.

Устройство местных музеев очень желательно и в высшей степени полезно. Однако они должны и могут собираться на местные же средства и трудами местных археологов-любителей. Обогащать их на императорские средства, казалось бы, излишне, по той особенно причине, что существует Императорский Российский Исторический музей, обязанный по § 1-му своего Положения собирать от всех местностей государства, что может воспроизводить во всех частностях полную картину старого... быта и минувшей жизни его племен и народностей. По этой задаче, Высочайше утвержденной, Исторический музей не должен оставлять без внимания ни одной находки, как бы не была она маловажна и незначительна, потому что и маловажное и незначительное столь же необходимо для общей картины, как и все значительное. Словом сказать, по этой задаче, не существует предмета, который не был бы полезен для коллекций Исторического музея.

Бердянские курганные находки, поступившие в Симферопольский музей, едва ли уместны в этом Музее, который должен сосредоточивать в себе древности одного Крымского полуострова. Древности же побережий Азовского моря должны отойти в какой-либо другой Музей, например, Новочеркасский.

Между тем в Новочеркасском музее из Бердянской округи нет ни одного памятника. Каким же путем Исторический музей может приобрести эти памятники, если не имеет права производить собственные изыскания и если центральное археологическое учреждение не находит полезным передавать таковые памятники прежде всего в Исторический Всероссийский музей.

Вот причины, по которым было бы крайне желательно и полезно для Исторического музея исходатайствовать Высочайшее соизволение и повеление, дабы Императорская Археологическая комиссия все поступающие в ее собственность и приобретаемые ею по разным случаям предметы древности, оказывающиеся для нее излишними, неотменно препровождала полностью и исключительно только в один Императорский Исторический музей, который после разбора и ученой оценки сих предметов, с своей точки зрения, всегда может отделить дубликаты и излишние предметы из своих коллекций и в местные губернские музеи или же может возвращать их самой Комиссии. При этом Исторический музей за приобретаемые им предметы всегда также может удовлетворять находчиков древностей уплатою их стоимости по оценке Комиссии.

Немало особых забот и трудов было положено и в установлении того порядка, каким должен содержаться каждодневный домовый обиход Музея. И в этом отделе распорядительной деятельности труды кн. Щербатова заслуживают полнейшей признательности как относительно устройства повседневной рабочей службы, так и в высокой степени выгодным для казны употреблением рабочих сил. Почитаю своею прямою обязанностью с полною искренностью свидетельствовать перед Вашим Императорским Высочеством, что Управление Музея, пользуясь неутомимыми и крайне заботливыми трудами чиновника особых поручений, имеет в его лице во всех отношениях замечательного хозяина, деятельность которого вполне обозначает дальнейший ход дел по устройству всех отделов Музея, как равно и по выгоде этого устройства в экономическом отношении.

ОПИ ГИМ. Ф. 440. (И.Е. Забелин). Ед.хр. 275. Л. 75-79.

ПИСЬМА С.Ф. ПЛАТОНОВА А.Ф. КОНИ

Начало личного знакомства Сергея Федоровича Платонова с Анатолием Федоровичем Кони относится, по-видимому, к 1911 г. и связано с намерением пригласить Кони для выступлений в возглавляемом Платоновым Императорском женском Педагогическом институте. Одно из них было намечено на 23 сентября 1912 г., другое — на 17 октября 1915 г. (Кони должен был произнести "слово" об умершем великом князе Константине Константиновиче). Кони и Платонов вели переписку и в последующие годы. Три письма А.Ф. Кони С.Ф. Платонову (от 23 апреля 1925 г., 11 февраля и 27 декабря 1926 г.) уже опубликованы^{1*}. Теперь же появилась возможность опубликовать и письма выдающегося историка.

В.Г. Бухерт

1

1 июля 1924 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович!

Я искренне был порадован Вашим приглашением и очень благодарю Вас за Ваше доброе внимание ко мне¹. Но приглашение Ваше застало меня накануне отъезда в заграничную поездку и сборы мои, по некоторым обстоятельствам, так осложнились, что я просто не смогу вырваться сегодня вечером из дому, хотя и чрезвычайно этого хочу.

На тот случай, если бы я не сумел преодолеть препятствий на пути к Вам, я прошу глубокоуважаемого Бориса Николаевича² передать Вам это письмецо и принести Вам мои извинения.

Отправляясь "dahin, dahin"^{2*}, шлю Вам свой низкий поклон и пожелание "счастливо оставаться". Назад буду только в августе.

Искренне преданный Вам

С. Платонов

ГАРФ. Ф. 564 (А.Ф. Кони). Оп. 1. Д. 2876. Л. 6-6 об. Автограф.

2

26 апреля 1925 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович.

Тронут Вашим обращением ко мне по поводу Костомарова³; сердечно благодарю Вас за него. Через месяц придется вспомнить К.Д. Кавелина, умершего тоже в 1885 году. Тогда, когда сходили со сцены эти историки, я только "начинал" — и видал их своими глазами всего по одному разу! Но оба эти имени много говорили уму и сердцу нашего поколения.

Искренне преданный Вам

С. Платонов

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2876. Л. 7. Автограф.

^{1*} Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 8. С. 325, 336, 341.

^{2*} туда, туда (нем.).

© В.Г. Бухерт

7 мая 1925 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович!

Я получил Ваши "Житейские встречи" и прочитал их с величайшим интересом. Изумляюсь, как в свое время они остались вне моего горизонта. В них особенно ярок образ "Никиты"⁴ и очень интересны сведения о последних годах Валугева⁵ (для меня это совсем ново). Очень, очень благодарю Вас.

Искреннейше преданный Вам

С. Платонов

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2876. Л. 8. Автограф.

27 мая 1925 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович!

Я получил Ваше письмо от 25.V. Конечно, все мы будем очень жалеть, что не услышим Вас 26/8, в день рождения Пушкина. Но Ваше здоровье нам дорого, и все Ваши желания и предположения мы почтем для себя обязательными. Ваше письмо я передам в президиум Пушкинского "кружка" (или "Отделения") Общества "Старый Петербург", так сказать, – для руководства.

Будьте здоровы!

Искренне преданный Вам

С. Платонов

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2876. Л. 9. Автограф.

28 декабря 1926 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович!

Мне было очень приятно прочитать Ваши строки о "Петре В[еликом]"! Я очень раскаиваюсь, что не послал Вам этой моей книжки, и могу оправдываться лишь тем, что, как современный автор, почти не имел ее экземпляров.

Если Вы не видали в "Известиях" этого года моих двух статей "Из бытовой истории Петровской эпохи", то разрешите их Вам доставить. Это – "осколки" от основной работы над Петром, думаю, очень интересные⁶. За ними скоро последует статейка об ордене (или "манете") Иуды-предателя, пожалованном шутому князю Шаховскому⁷ весом в 12 фунтов серебра. Эту я Вам пришлю немедля по напечатании.

Выздоровливайте и берегите себя!

Искренне почитающий Вас

С. Платонов

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2876. Л. 10. Автограф.

13 марта 1927 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович!

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо от III.9. и за портрет с приложением. Я передам эти вещи в Пушкинский Дом, где они будут более к месту, чем у меня, не имеющего никакого коллекционерского вкуса. Думаю, что вещи эти – музейные и заслуживают достойного хранения.

Запись, посланная Вам от меня, имелась у меня в одном экземпляре. Если цените ее, оставьте в Вашем портфеле, если нет, как-нибудь верните. Общая цифра расходов на подкуп была 23 000 в два приема. Дана она была "взаимно", т.е. с возвратом. Но, по-видимому, вернули только 10 000 рублей, а в роздачу пошло 13 000 рублей. Все-таки недорого!⁸

В надежде повидаться с Вами в недалеком будущем, остаюсь искренне Вам преданный

С. Платонов

P.S. Не знаете ли Вы, какой инструмент назывался в XVIII веке "циркуль-зем": два циркуль-зема было у Петра Великого, и никто не может объяснить, что такое. Полуастролябия?

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2876. Л. 11–11 об. Автограф.

31 марта 1927 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович!

Ваша открытка меня очень смутила: я немедленно ответил на Ваше письмо. Я благодарил Вас за портрет и архаическое при нем письмо и, помнится, сообщал, что передам и то, и другое Пушкинскому Дому (что уже и сделал). О фотографии я сообщал, что дублета не имею, но что, если Вы хотите ее оставить у себя, соглашусь с удовольствием.

Очевидно, письмо до Вас не дошло.

Думаю, что напал на след, что такое "циркуль-зем". По-видимому, артиллерийский прибор, описание которого (без термина) нашел в книге Петровского времени⁹.

Не хворайте, Анатолий Федорович!

Всего лучшего!

Искренне преданный

С. Платонов

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2876. Л. 12. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С.Ф. Платонов был приглашен на празднование 80-летия А.Ф. Кони и заготовил текст приветственной речи.

² Молас Борис Николаевич (род. 1877) – управляющий делами конференции Российской Академии наук.

³ В письме от 23 апреля 1925 г. Кони отзывался на статью Платонова об Н.И. Костомарове, опубликованную в "Красной газете" 21 апреля 1925 г.

⁴ "Никита" – Крылов Никита Иванович (1808–1879) – профессор римского права Московского университета, учитель А.Ф. Кони.

- ⁵ Валуев Петр Александрович (1815–1890) – министр внутренних дел в 1861–1868 гг., министр государственных имуществ в 1872–1880 гг., граф с 1880 г., пред. Комитета министров в 1880–1881 гг.
- ⁶ Имеются в виду статьи: "Берг-коллегия или великобританский монастырь в Санкт-Петербурге при Петре Великом", "Любимцы Петра Великого: Медведь, Битка и др.", – опубликованные в 1926 г. (Изв. АН СССР. Отд. ист. наук и филолог. Л. № 7/8; 9).
- ⁷ Шаховской Юрий Федорович – князь, шут Петра I ("князь-папа").
- ⁸ Имеется в виду подкуп Екатериной I после смерти Петра I гвардейцев Преображенского и Семеновского полков путем экстренной выдачи ранее задержанного им жалования (См.: Платонов С.Ф. Книга расходная Санкт-Петербургского комиссариата Соляного правления 1725 года // ЛЗАК. Л., 1927. Вып. 34. С. 284).
- ⁹ См.: Платонов С.Ф. Что такое "циркуль-зем"? // Записки Историко-бытового отдела Государственного Русского музея. М., 1928. Т. 1. С. 1–8.

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ДОКУМЕНТА Д.Б. РЯЗАНОВА

В марте 1995 г. исполнилось 125 лет со дня рождения видного историка, архивиста и общественного деятеля академика Давида Борисовича Рязанова (1870–1938). Более 50 лет его имя запрещалось у нас упоминать. Лишь в последние годы появились статьи и публикации¹.

Ниже публикуются архивные материалы ученого 1925 и 1933 гг. Первый документ – стенограмма выступления Рязанова по вопросам литературы (РЦХИДНИ. Ф. 301, не датирована) (протитирована в статье В.А. Смирновой, см. сноску 1). Перед текстом чернилами обозначено: "Рязанов". Есть основание предполагать, что речь идет о его выступлении на одном из заседаний видных деятелей партии и писателей, организованном ЦК весной 1925 г. в связи с подготовкой известной резолюции "О политике партии в области художественной литературы" от 18 июня 1925 г. (См.: О партийной и советской печати: Сб. документов. М., 1954. С. 345).

Рязанов был решительно против тоталитарных тенденций в российском рабочем движении. Находясь с 1917 г. в рядах РКП(б), он резко выступал против антидемократических действий ее руководства, против бюрократизации партии и подавления в ней инакомыслия. Демократическая позиция ученого отразилась и в публикуемом документе, где впервые представлены его литературные взгляды.

Рязанов издавна интересовался русской художественной литературой. В личном фонде Рязанова за период его пребывания в Петербургских "Крестах" в

¹ См.: Крылов В.В. Человек огромной энергии и интеллекта // Сов. библиография. 1989. № 6. С. 47–53; Смирнова В.А. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов // ВИ КПСС. 1989. № 9. С. 71–84. Перепечатана в кн.: Трагические судьбы: Репрессированные ученые Академии наук СССР: Сборник. М., 1995; Рокитянский Я.Г. Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // ННИ. 1992. № 2. С. 107–148; Солодянкина О.Ю. Д.Б. Рязанов и его деятельность в научно-исторических учреждениях: Дис... канд. ист. наук. М., 1992; Рокитянский Я.Г. Судебная расправа 1922 года: Академик Рязанов против карательной практики сталинизма // Вестн. РАН. 1992. № 4. С. 103–121; Он же. Теоретическое завещание академика Д.Б. Рязанова // Там же. 1993. № 11. С. 1035–1044; Он же. Академик Рязанов – переводчик сочинений Рикардо // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. Ч. II. С. 327–333; Он же. Глас вопиющего: Академик Д.Б. Рязанов против сталинизма РКП(б) // Вестн. РАН. 1995. № 4. С. 365–376; Он же. Обреченные: Переписка академика Д.Б. Рязанова с профессором П.С. Рыковым (Май 1937 г.) // ОА. 1995. № 2; Рокитянский Я.Г., Головина Г.Д. "Я не совершал никакого преступления". Две саратовские рукописи Д.Б. Рязанова 1932–1934 гг. // ИА. 1995. № 2. С. 201–221; Последние письма Д.Б. Рязанова (подг. В.Е. Корнеев) // АЕ за 1993 год. М., 1995; Külow V. David Rjasanow – mit Marx gegen Stalin // Das Argument. 1992. N 196. S. 897–903; David Rjasanow – Marx–Engels–Forscher, Humanist, Dissident. B., 1993; Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина: Биограф. очерк: Документы. М., 1996.

1893–1897 гг. сохранилось множество прошений арестованного с просьбами передать ему книги, преимущественно научные, а также книги русских писателей, прежде всего классиков – Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, И.С. Тургенева, Г.И. Успенского². Увлеченность художественной литературой отразилась и на литературном стиле и выступлениях ученого.

Стенограмма показывает, что отношение Рязанова к современной советской литературе существенно отличалось от позиции вождей РКП(б), которые склонны были "руководить" литературным процессом с помощью "пролетарских" писателей. Рязанов призывал партийных деятелей не вмешиваться в литературные дела и дать самим писателям возможность доказывать свою жизне-способность. Он сумел увидеть опасность в предоставлении "партийной марки" тем или иным группам писателей. Именно от этого так пострадала впоследствии советская литература.

Заслуживают внимания и размышления Рязанова о русских классиках, о "советском птичьем языке" обществоведения и публицистики.

Вторая публикация – письмо Д.Б. Рязанова известному деятелю российского революционного движения Вере Николаевне Фигнер (1852–1942) от 24 января 1933 г. Тогда Давид Борисович находился в Саратове в административной ссылке. Арест последовал в ночь на 16 февраля 1931 г. Сталин торопился удалить с политической арены человека, которого ненавидел за независимый нрав, многочисленные выступления против политики генсека, в защиту оппозиционеров, многолетнюю борьбу за освобождение узников ВЧК, ГПУ и ОГПУ, наконец, за поддержку ученых, ставших в начале 30-х годов объектами преследований и репрессий.

Рязанова обвинили в том, что он будто бы взял на хранение у бывшего меньшевика, сотрудника ИМЭ И.И. Рубина, документы контрреволюционного характера, и его выслали на три года в Саратов. В конце концов ссылка стала бессрочной. 23 июля 1937 г. он был арестован второй раз и 21 января 1938 г. расстрелян.

В.Н. Фигнер и Д.Б. Рязанов были давно знакомы, встречались, переписывались³. Их политические взгляды во многом сходны. Оба – противники тоталитаризма и антидемократических действий вождей большевиков, оба негативно относились к политическим репрессиям и неоднократно обращались к руководству страны с призывами прекратить репрессии, улучшить условия содержания заключенных и ссыльных. Фигнер оказывала моральную поддержку знакомым ссыльным, в том числе и Рязанову⁴.

Первые годы саратовской ссылки для Рязанова были особенно тяжелы. Нелегкими были бытовые и материальные условия. Пребывание в тюрьмах ОГПУ не могло не сказаться на его здоровье, ученый болел. За каждым шагом Рязанова следили сотрудники местного ОГПУ, которые не оставляли его в покое и дома. Поэтому сам факт получения письма от такой известной общественной деятельницы не мог не сказаться благоприятно на настроении Рязанова. Особую ценность для него представляло присланное вместе с письмом 2-е издание полного собрания сочинений В. Фигнер. В Саратове Рязанов испытывал интеллектуальный голод. Его богатейшая библиотека была опечатана в московской квартире и возвращена ему лишь после июля 1934 г. В первые годы ссылки Рязанов не мог активно заниматься научной работой. Он начал переводить в середине 1932 г. произведения английского экономиста Д. Рикардо для собрания сочинений (оно вышло позднее без упоминания фамилии переводчика).

² РЦХИДНИ. Ф. 301 (Д.Б. Рязанов). Оп. 1. Д. 154.

³ ЦА ФСБ РФ. № Р-37181. Т. 7. Л. 84–85.

⁴ Леонтьев Я.В., Юрьева Ю.В. Незапечатленный труд: Из архива В.Н. Фигнер // Звенья: Ист. альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 432–438, 443–456.

Публикуемое письмо дает представление о душевном состоянии ученого в трудные годы саратовской ссылки, содержит ценные сведения об одесском периоде его жизни (1874–1889), о начале его политической деятельности, о духовном развитии гимназиста Рязанова, тогда еще Гольдендаха.

Письмо позволяет конкретно представить идейную эволюцию первого поколения русской социал-демократии, которому впоследствии довелось сыграть большую роль в судьбе России. Среди тех, кто повлиял на их взгляды, были упомянутые в письме Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Н.К. Михайловский, П.Н. Ткачев, П.Л. Лавров и другие публицисты. В круг их литературных и политических интересов входили периодические издания, названные Рязановым. В публикуемом письме хорошо вырисовывается интеллектуальная атмосфера, в которой шло становление взглядов представителей русского марксизма. Письмо послужит дополнением к материалам о "Народной воле", опубликованным в нашей стране⁵.

Я.Г. Рокитянский

1

Выступление Д.Б. Рязанова на совещании в ЦК РКП(б) по вопросам литературы [весна 1925 г.]

О напостовцах¹ только несколько слов. (*Авербах² с места: теплых*). Не могу примириться* с тем, что Вы, товарищ Авербах, в этой компании. Все чувствуют, что в вашей группе есть что-то неладное, но никто не договаривает этого до конца. В напостовской публицистике имеется элемент странного свойства. От военного коммунизма вы отпираетесь, но от таких приемов, как вгоняние в рай дубиной, напостовцы не отказываются. Товарищ Троцкий³ говорил здесь о подкожном впрыскивании, в котором нуждаются писатели. Напостовцы предпочитают накожные приемы воздействия. Именно это делает подозрительным весь тот шум, который они подняли, хотя и у них имеются талантливые попутчики. Странно только, что для вас, для пролетарских поэтов, вся литературная Россия упирается в "Красную Новь". Послушать вас, так "Красная Новь", есть пуп этой России. Но вы сильно преувеличиваете ее значение и роль самого Воронского⁴. Было время, когда "Красная Новь" сыграла роль организующего центра литературы, говорят даже, что она, как первый большой журнал после октябрьского периода, играла определенную политическую роль, что она помогла разложению белогвардейской литературы. Если это так, то, к сожалению, "Красная Новь" уже давно сама разложилась, разлагая эту литературу. Было время, в "Красной Нови" печатались вещи, которые я, как большой любитель изящной литературы, охотно читал. В них нашла себе отражение та крестьянская стихия, которая поддерживала пролетарскую революцию. Интересен был иногда Пильняк⁵, но с особенным удовольствием читал я Вс. Иванова⁶, пока и он не разложился в "Красной Нови". Но я все же не понимаю, чем эта литература мешает вашей пролетарской, и откуда эта вражда к Воронскому, точно именно он делал погоду в русской литературе.

Скорее можно винить Госиздат, тов. Мещеряков⁷, очень плохой хозяин, кото-

⁵ "Народная воля" в документах и воспоминаниях. М., 1930; Волк С.С. Народная воля, 1879–1882. М.; Л., 1966; Народническая экономическая литература. М., 1978.

* В тексте стенограммы, видимо, опечатка: "помиряться".

рый шатается во все стороны. Давно уже мог бы он ввести некоторую руководящую линию, умеряющую линию. Я не говорю о "бутербродах" и их распределении. Создалось бесконечное множество групп и группочек, которые, несмотря на их пролетарские этикетки, являются в сущности таким же продуктом буржуазного вырождения.

Конечно, очень хорошо, что мы собираемся здесь, в зале под крылышком ЦК, но было бы бедой, если бы ЦК и какие-нибудь его органы попробовали бы вмешаться в это дело. Я, товарищи, заявляю, что предпочитаю здесь полную анархию, надо предоставить возможности каждой^{2*} из этих групп и группочек самим доказать свою жизнеспособность. Только что Мещеряков попробовал указать вам особый критерий качества данной литературы – количество сбываемых экземпляров. Но в данном случае это совершенно безнадежный критерий. На рынке может иногда распространяться в огромном количестве экземпляров литература весьма посредственная, малограмотная, если только ей приходится на помощь какой-нибудь могучий аппарат, вроде торгового сектора Госиздата. Тем в более привилегированное положение попадает книга, использующая аппарат партии. Я понимаю, что каждый член ВАППа, а то и просто какой-нибудь подваппленный представитель новой литературы стремится к тому, чтобы получить партийную марку – марку ЦК – чтобы создать для себя несравненно более выгодные условия конкуренции в сравнении с остальными группами и группочками. Партийная марка создаст условия, при которых бесталанные люди, но люди весьма практические, внесут полное извращение в ту литературу, которая развивается и растет. В последние годы т. Троцкий объясняет это развитие нэпом, но он ошибается. Эти новые ростки выросли все-таки на годах энтузиазма в 1917–1919 гг., но они выкристаллизовывались в литературные формы, когда революционная энергия частью нашла себе приложение в новых способах воздействия на рабочие и крестьянские массы. Наоборот, нэп только отравляет эти ростки новой литературы, и что меня пугает в "Красной Нови", так это то, что она в настоящее время отравляет и разлагает то, что было хорошего у Пильняка, Всеволода Иванова и др.

Я не хочу касаться другой темы нашей критики. Весьма внимательный читатель всех произведений, которые издает Воронский, я, грешный человек, не читал ни одной его критической статьи. Я и вообще плохо знаком с нашей новой критикой. Сегодня я слушал т. Троцкого и других, но их заявления показывают, что у нас марксисты в области литературы и искусства продолжают стоять на идеалистической точке зрения.

Это не значит, что мы должны пренебрегать формой. Начиная с несомненно не вышедшего из толщ пролетариата, но весьма толстого и громогласного Демьяна⁸, вплоть до молодого тов. Безыменского⁹, тоже не вышедшего из толщ пролетариата, все, кто хочет писать для пролетариата, должны приветствовать всякий успех литературной формы. Без этой формы нельзя как следует отображать мысли, чувства, настроения той или иной группы людей. А литературные формы, язык, вырабатываются долгим историческим путем. Мы будем всегда благодарны русскому дворянству в лице его лучших революционных представителей, русской революционной буржуазии, в лице ее лучших представителей, за то, что они выработали великий русский язык. Нам нужны хорошие издания наших классиков, чтобы рабочий класс мог усвоить себе это великое наследие.

Госиздату давно уже пора издать и дворянского поэта Пушкина, чтобы он стал доступен всякому крестьянину и рабочему. У Пушкина можно най-

^{2*} В тексте стенограммы которой.

ти достаточно материала и кроме его прекрасного языка. Мы приближаемся, товарищи, к столетию декабристов. Не надо забывать, что Пушкин вынесен на гребне декабристского движения, которое не ограничилось только одним 14 декабря. Этот день является результатом долгого революционного и общественного движения, в основе своей тоже неисключительно национального. Мы своих народников, на которых мы стали марксистами, практиками, до сих пор не можем издать для рабочих. Мы до сих пор пренебрегаем Успенским¹⁰, на котором воспитывались Плеханов¹¹ и все русские марксисты вплоть до Ленина.

Мы разучились говорить на хорошем ядреном русском языке. Мы до сих пор еще злоупотребляем советским птичьим языком. Я приветствую тов. Демьяна, на произведениях которого отдыхаешь от передовиц наших газет, я приветствую всякую новую струю, которая входит в нашу литературу. Не надо поэтому пренебрегать формой, нужно учиться у старых буржуазных мастеров слова. Не надо только подражать наиболее разложившимся продуктам этой буржуазной литературы. Простота языка и значительность нового содержания, создаваемого пролетарской революцией. Такие задатки мы видели в первой повести Либединского¹².

И мой совет пролетарским писателям: не бегайте ни к маменьке, ни папеньке, ни в Оргбюро, ни в Учраспред, если у вас только крепкие ноги, а не рахитичные столбики вместо ног. Стойте на них твердо, опирайтесь на рабочее движение, питайтесь его соками, и тогда вам не будет страшна "Красная Новь".

РЦХИДНИ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 83. Л. 43–46. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пролетарские писатели, группировавшиеся вокруг журнала "На посту" (1923–1925) и отрицательно относившиеся к "непролетарскому" литературному творчеству и классикам русской литературы.

² Авербах Леопольд Леонидович (1903–1938) – литературный критик, один из основателей и теоретиков Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) и Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), член редколлегии журнала "На посту".

³ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – политический и государственный деятель, в 1925 г. – член Политбюро ЦК РКП(б).

⁴ Воронский Александр Константинович (1884–1943) – литературный критик, писатель, член РСДРП с 1904 г., в 1921–1927 гг. – редактор журнала "Красная Новь" (Москва) – одного из центров борьбы за новую культуру.

⁵ Пильняк (Вогау) Борис Андреевич (1894–1937) – писатель, в первой половине 20-х годов автор романа "Голый год" (1921), а также ряда повестей и рассказов.

⁶ Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) – писатель, в начале 20-х годов автор повестей "Партизаны" (1921), "Броненосец 14-69" (1922), напечатанных в журнале "Красная Новь", книги "Цветные ветра" (1922).

⁷ Мещеряков Николай Леонидович (1868–1942) – деятель российского революционного движения, публицист, член-корреспондент АН СССР (1939), заведующий Госиздатом, зам. главного редактора БСЭ.

⁸ Бедный Демьян (Ефим Алексеевич Придворов) (1883–1945) – поэт-сатирик, публицист.

⁹ Безыменский Александр Ильич (1898–1973) – поэт комсомольской плеяды.

¹⁰ Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – писатель-реалист, творчество которого проникнуто демократическими революционно-народническими идеями.

¹¹ Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – философ, теоретик марксизма в России, основатель первой русской марксистской группы за рубежом "Освобождение труда", позднее один из редакторов "Искры", с 1903 г. – один из лидеров меньшевизма, идейный оппонент большевиков.

¹² Либединский Юрий Николаевич (1898–1959) – писатель, автор повести "Неделя" (1922).

24 января 1933 г.

Дорогая Вера Николаевна,

Большое спасибо за сочинения¹. Вы напрасно только думаете, что я не читал. Просмотрев теперь все семь томов, вижу, что читал не только "Запечатленный труд", но и все очерки, посвященные Шлиссельбургцам, а также все стихотворения. Новостью для меня является только шестой и седьмой тома, но и эти не целиком. Я уже, кажется, рассказывал Вам, что письма Ваши из тюрьмы до Шлиссельбурга мне давала читать еще в 1889 г. сестра Ваша Ольга Николаевна, с которой я познакомился у Лаврова². Теперь, когда волей-неволей уходишь иногда в воспоминания, мне часто приходится вспоминать о моем домарксистском периоде, а его сознательная часть падает как раз на мои народнические годы от 1884 до 1889 г. Говорю от 1884 г., потому что с того времени начал принимать уже активное участие в "периферийной" работе. А до 1884 г. дело ограничивалось знакомствами и выполнением функций "письмоносца", каковой профессией я начал очень рано заниматься. Кипучая революционная жизнь в Одессе от вооруженного сопротивления Ковальского³ до убийства Стрельникова⁴ все время толкала мысль в определенном направлении. Казнь Лизогуба, Чубарова и Давиденко я уже переживал сознательно⁵. Некоторые подробности об отправке Виттенберга и Логовенко для казни в Николаев я помню с того времени⁶. Легенды, связанные с убийством Стрельникова и Вашим участием в нем, я слышал уже скоро после факта. В нашей гимназии – вторая – были особенно сильны революционные традиции и среди учеников, и даже среди учителей. Помню учителя гимнастики офицера Толя, который был арестован, кажется, вместе с Крапским, и учителя истории Гаушанского, товарища Желябова⁷ по университету. Он рассказывал об этом ученикам старших классов и нарвался раз на резкое замечание со стороны одного из братьев Борзановых, которые вместе с Нерушским были организаторами народовольческой группы в нашей гимназии. В 1885 г. ее решили подтянуть и назначен был директором пресловутый Д. Щеглов, когда-то приятель Добролюбова⁸ и радикальный журналист, а после ренегат и автор "Истории социальных систем", из которой я почерпнул свои первые сведения по истории социализма⁹. Он взялся за дело усердно. Он ли подбросил или сам Гаушанский потерял при выходе из класса номер "Народной воли" – мы, зная очень хорошо не особенно храброго Гаушанского, склонялись к первой версии, – но Гаушанский был немедленно уволен. Я уже был тогда на очень плохом счету и не без оснований¹⁰. В 1886 г. я был среди молодежи "известностью", но резко высказывался против "гимназического", "фабричного" и "учебного" террора¹¹. В октябре 1887 г. в связи с арестами, проводившимися по всей России, был арестован, но, допрошенный самим Добродеевым, благополучно отделался. Только после Октябрьской революции я узнал, что один из наших наиболее "этических" товарищей, кончивший профессором философии и этики в одном из французских университетов, будучи арестован в Ярославле, кажется, в начале 1888 г. дал, среди других откровенных показаний, такой лестный отзыв о моих революционных способностях и наклонностях, что я с тех пор попал в жандармские отчеты и стал предметом тщательного "наружного" и "внутреннего" наблюдения.

А между тем к этому времени в моем миросозерцании появилась значительная "трещина". Моей специальностью – я был, как тогда говорили, весьма "начитанный" мальчик – была всеобщая и русская история, в особенности история социальных и духовных течений с уклоном в сторону философии. А с 1887 г.,

сохраняя свою любовь к истории, я поворачивался в сторону экономики и политической экономии.

И вот в связи с разгоревшейся по поводу Вашего "предисловия" полемики по^{1*} вопросу о роли Михайловского¹² и Тихомирова¹³, я вспомнил теперь, как у нас тогда шла "дискуссия", как совершилась смена "властителей дум". "Писаревщина" была для меня пройденным этапом уже в 14 лет. Под влиянием Чернышевского¹⁴ и Добролюбова сложилось и мое народническое миросозерцание. Ткачев¹⁵ одно время увлек, но не отвлек от этого основного русла. "Исторические письма" Лаврова дали философское обоснование. Лавров был нам тогда известен как союзник "Народной воли". И таким же союзником был для нас Михайловский, особенно в период 1879–1884 г., но и до 1887–88, когда заряд, данный ему "Народной волей", совершенно ослабел. Надо сказать, что в доходивших до нас номерах "Народной воли" мы искали не "теорию", а "тактику", "революционные выводы". Для нас "Отечественные записки" и еще в большей степени "Дело" за 1880–83 гг. были органами "легального народолюбия". Михайловский после своего поворота в 1879 г. привлекал своим страстным – как казалось тогда – миросозерцанием и умением откликаться на все и всяческие злобы дня. Литература "Народной воли" не могла справиться с этой задачей. Это прекрасно понимали Ваши товарищи: отсюда стремление овладеть легальной журналистикой и завоевать там себе гегемонию. Колосов, конечно, неправ, когда превращает Михайловского в редактора и главного теоретика "Народной воли", но и Вы умаляете значение "Народной воли" в истории русского общественного развития, когда забываете о той огромной роли, которую Тихомиров и другие народолюбцы играли тогда, как редактора и сотрудники в легальной литературе. Если "Дело" до второй половины 1880 г. было по преимуществу "ткачевским", то со второй половины 1880 г. становится "народолюбческим", и в большей степени, чем "Отечественные записки", потому что первую скрипку в нем играет Тихомиров, поместивший в "Деле" почти все свои лучшие теоретические статьи. Так, статью "Неразрешенные вопросы" И. Кольцова ("Дело" 1881 г. I) отметила тогда вся подпольная печать. В наших кружках, где хорошо знали, что И. Кольцов – сокращенный псевдоним – так и расшифровывали И(сполнительный) К(омитет) – читали весьма усердно и так же внимательно изучали всю его полемику с Русановым¹⁶ по вопросу об экономических и политических принципах в социологии, которая явилась первой репетицией его будущей полемики с Плехановым. Достаточно сравнить статью Тихомирова первого тура со статьями второго тура этой полемики, чтобы увидеть, что в первом туре выступает еще прекрасный литератор, чувствующий за собой прочную опору, а во втором – надломленный, надорванный писатель, пережевывающий по инерции, без всякого напора и упора, старые аргументы, жестоко разбитые горькой действительностью. Напомню его прекрасную статью, которая обосновывает необходимость крепкой революционной организации. Она была посвящена работам Кареева¹⁷ о французском крестьянстве и напечатана в 1881 г. в "Слове"^{2*}. Она также свободна от всяких иллюзий насчет самостоятельной политической роли крестьянства, как и все коренное народничество. В этих статьях Тихомиров – ты не Желябов, ты другой – действительно был теоретическим рупором народолюбия. В "Вестнике Народной Воли" только одна статья напоминает старого Тихомирова. Это – "В мире мерзости запустения". Она показывает, каким прекрасным "внутренним обывателем" был Тихомиров,

^{1*} Далее вычеркнуто по поводу.

^{2*} Тогда же и там же была напечатана статья Лаврова (Шукина) "Теория и практика прогресса", в которой он делает более революционные выводы из своих "Исторических писем". По моему совету он присоединил ее после к новому изданию "Исторических писем". [Примеч. Д.Б. Рязанова.]

автор "Заметок с Дона" в "Деле" за 1882 год. Талант очеркиста он выявил и в своих французских книжках, как "Conspirateurs et policiers"¹⁸.

Вообще было бы интересно проследить прямое и косвенное влияние народо-вольческой идеологии в легальной литературе 1880–1884 гг. А для этого необходимо изучить не только "Отечественные записки", "Дело" и "Слово", но и такие журналы, как "Русское богатство", "Новое образование" и "Устой". Во всех этих журналах народо-вольцы тогда преобладали не только как "толкачи" и "водители", но и как сотрудники. Напомню хотя бы о спившемся писателе Протопопове, который еще в 1877 г. дебютировал под именем Морозова интересной статьей "Литературная злоба дня", которую мы также читали в кружках, а в "Слове" за 1881 г. дал критику "Медового месяца либерализма".

Но я уже слишком увлекся. Хотел написать еще о ткачевизме и якобинстве. Отложу до другого раза. Несколько слов лично о себе. Живу хорошо. Я, как советовал французский врач Emile Coué, повторяю ежедневно его лечебную формулу: "С каждым днем и во всех отношениях я чувствую себя все лучше и лучше". В английской редакции она звучит еще более чудотворно: "Every day and in every way I am becoming better and better"¹⁹. Она действительно производит магическое действие. Он сам, правда, не дотянул даже до 70 лет, он он, наверное, сказал бы, как и наш Мечников²⁰ о своей диетической формуле, что без этой формулы он прожил бы еще меньше. Mais si "tout va bien ici, les livres manquent"²¹. Журнал "Каторга и ссылка"²² я регулярно читаю, но отдельных изданий Общества не имею. А прежде получал регулярно. Особенно мне не хватает Словаря революционных деятелей.

Привет Михаилу Петровичу²³. Сердечный привет от Анны Львовны²⁴. Крепко жму руку.

24 января 1933

Саратов
Камышинская, 85

Д. Рязанов

Конверт:
Москва 34
Барыковский 9 кв. 51
Вере Николаевне Фигнер
от Д. Рязанова
Саратов
Камышинская 85

РГАЛИ. Ф. 1185 (В.Н. Фигнер). Оп. 1. Д. 702. Л. 1–4. Автограф, написанный фиолетовыми чернилами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фигнер В. Полн. собр. соч.: В 7 т. 2-е пересм., доп. и испр. изд-е. М., 1932. Т. 1–7.

² Лавров Петр Лаврович (1823–1900) – социолог и публицист, один из идеологов революционного народничества, в 1868–1869 гг. опубликовал "Исторические письма". С Лавровым Рязанов встречался в 1889 г. в Швейцарии.

³ И.М. Ковальский и его товарищи оказали вооруженное сопротивление полиции при ее налете на конспиративную квартиру в Одессе в начале 1878 г.

⁴ Стрельников В.С. – киевский военный прокурор, известный применением недозволённых методов дознания, включая фальсификацию показаний, и активной борьбой против народников, в марте 1882 г. убит по приговору Исполкома "Народной воли".

⁵ 10 августа 1879 г. в Одессе были казнены революционер Д.А. Лизогуб, а также И.Я. Давиденко и С.Ф. Чубаров.

⁶ С.Я. Виттенберг и И.И. Логовейко были казнены в Николаеве 11 августа 1879 г.

- ⁷ Желябов Андрей Иванович (1851–1881) – революционный народник, с 1873 г. – член кружка "чайковцев" в Одессе, один из создателей и руководителей "Народной воли", член ее Исполкома, организатор покушения на Александра II, повешен в Санкт-Петербурге 3 апреля 1881 г.
- ⁸ Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) – критик, публицист, революционный демократ, сторонник республиканских взглядов.
- ⁹ В показаниях Рязанова, данных после ареста в одесском жандармском управлении в декабре 1891 г., говорилось: «Познакомился я с социализмом в России из книги Чернышевского "Что делать?" Первые понятия об истории социалистических учений почерпнул из книги Д. Щеглова "История социальных систем". Мне тогда было 15 лет. Книга Чернышевского попала мне тогда так же, как она попадалась и всякому гимназисту» (Историко-революционный сборник / Под ред. В.И. Невского. Л., 1924. Т. II. Группа "Освобождение труда". С. 197–198).
- ¹⁰ В показаниях 1891 г. Рязанов отмечал: «Следует припомнить время, когда я воспитывался. Время это было временем деятельности "Народной воли", когда революционные идеи были слишком распространены и когда эти идеи, конечно, не могли не заметить в гимназиях. В гимназии меня начальство подозревало в вольномудстве в том смысле, как это слово понимается в гимназии. В 1886 г. я был уволен из пятого класса за неуспехи в греческом языке» (Там же. С. 198).
- ¹¹ Свое враждебное отношение к терроризму Рязанов сохранил до конца дней. См.: Там же. С. 199.
- ¹² Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – социолог, публицист, литературный критик, один из редакторов "Отечественных записок", "Русского богатства", в 90-х годах выступал против марксизма.
- ¹³ Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) – публицист, член Исполкома "Народной воли", с 1882 г. – представитель организации за границей, позднее отошел от движения, в 1888 г. подал прошение о помиловании и стал монархистом.
- ¹⁴ Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – писатель, демократ, ученый, революционер, в 1856–1862 гг. – редактор журнала "Современник", сторонник идеи крестьянской революции. Свои социалистические взгляды изложил в романах "Что делать?" и "Пролог".
- ¹⁵ Ткачев Петр Николаевич (1844–1885/1886) – один из идеологов революционного народничества, публицист, сотрудничал в журналах "Русское слово" и "Дело", с 1873 г. – в эмиграции; с 1875–1881 гг. издавал журнал "Набат".
- ¹⁶ Рusanов Николай Сергеевич (лит. псевдоним Сергеевский) (1859–1939) – народник, позднее эсер.
- ¹⁷ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, член-корреспондент Российской АН (1910), почетный член АН СССР (1929). В 80-х годах испытал влияние народничества, затем – либерал.
- ¹⁸ *Tikkimiroff L. Conspireurs et policiers. P. 1887.*
- ¹⁹ "С каждым днем и во всех отношениях мне становится все лучше и лучше". – *Англ.*
- ²⁰ Мечников Илья Ильич (1845–1916) – биолог и патолог, почетный член Петербургской АН (1902), почетный академик, Нобелевский лауреат (1908) (совместно с П. Эрлихом).
- ²¹ Но хотя здесь "все прекрасно, книг не хватает". – *Фр.*
- ²² "Каторга и ссылка" – науч.-ист. журн. Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.
- ²³ Сажин М.П. (1845–1934) – муж сестры В.Н. Фигнер, Евгении Николаевны, революционный народник, участник Парижской Коммуны и революции 1905–1907 гг.
- ²⁴ Анна Львовна Рязанова (Брановер) – жена Д.Б. Рязанова.

ПИСЬМО Д.Б. РЯЗАНОВА 1935 г. ПО ВОПРОСУ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИНСТИТУТОМ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА БИБЛИОТЕКИ В.И. ТАНЕЕВА

В бывшей секретной части архивного фонда ИМЛ при ЦК КПСС, хранящегося в РЦХИДНИ, имеется несколько документов 1935–1936 гг., связанных с историей приобретения Институтом библиотеки известного русского общественного деятеля В.И. Танеева*. В 1935 г. наследники Танеева предъявили ИМЭЛ претензии об оплате переданных Танеевым Институту библиотеки и собрания гравюр. 15 августа 1935 г. на распорядительном совещании дирекции ИМЭЛ Э. Цобель, бывший в 20-е годы заместителем директора ИМЭ, сообщил о том, что при получении библиотеки и собрания гравюр от Танеева последнему

* Танеев Владимир Иванович (1840–1921) – русский общественный деятель, утопический социалист, адвокат. Защитник на процессе "нечаевцев" и др. Приветствовал Октябрьскую революцию.

была выплачена обусловленная сумма. Но так как в бухгалтерии не оказалось никаких сведений о расчетах с Танеевым, юрисконсульт Института Крутиков обратился к находившемуся в ссылке бывшему директору ИМЭ Д.Б. Рязанову как единственному свидетелю с убедительной просьбой "сообщить, действительно ли Танееву Институтом оплачена была стоимость библиотеки и собрания гравюр. Если оплата действительно была произведена, убедительная просьба установить, хотя бы приблизительные размеры выплаченной Танееву суммы" (РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 37 Д. 95. Л. 23). Примечательно, что на машинописном отпуске этого письма проставлена только дата – 15 сентября 1935 г., но не указан адрес Рязанова. Это позволяет предположить, что письмо было отправлено секретной спецсвязью.

19 октября 1935 г. ИМЭЛ получил обстоятельное письмо-ответ Д.Б. Рязанова по этому вопросу. Текст этого письма имеется в архиве в двух экземплярах: рукописный автограф и машинописная копия, сделанная в Институте после его получения (Л. 20–21). Вверху, в правом углу этого экземпляра напечатано слово "Секретно", которое зачеркнуто рукой неизвестного зелеными чернилами и теми же чернилами исправлено на "Не подлежит оглашению". Полученные от Рязанова сведения были сообщены председателю Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР Ю.М. Стеклову с просьбой уведомить об этом сына – профессора П.В. Танеева, который, очевидно, первоначально обратился туда со своей просьбой (Л. 27). Но не удовлетворенным таким разрешением их просьбы "наследники" – Э. и П. Танеевы – подали 11 марта 1936 г. заявление на имя И.В. Сталина, в котором говорилось о национализации библиотеки В.И. Танеева в 1918 г. В архиве сохранился машинописный отпуск письма заместителя директора ИМЭЛ В.Г. Сорина в V часть Особого сектора ЦК ВКП(б) от 28 марта 1936 г. (Л. 25–26), в котором повторялась информация, сообщенная Рязановым в его письме. Суммируя все это, можно предположить, что руководство ИМЭЛ, учитывая настойчивость наследников, вынуждено было обратиться к опальному и ссыльному академику, который единственный мог прояснить возникшую ситуацию.

Ниже публикуется письмо Д.Б. Рязанова в ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Текст передан по рукописному оригиналу, сверенному с машинописной копией.

В.Е. Корнеев

Извиняюсь за запоздалый ответ. Письмо юрисконсульта Крутикова получено было мною, когда тяжелая болезнь надолго приковала меня к постели. Теперь мне разрешено сидеть некоторое время в течение дня и пользоваться этим, чтобы ответить на Ваш запрос. Так как мне очень трудно писать, то почерк мой несомненно еще менее разборчив, чем обыкновенно. Танеевы не имеют и не могут иметь никаких претензий к ИМЭЛ. Они никогда не продавали^{2*} ни библиотеку, ни коллекции гравюр ИМЭЛ. Старик Танеев умер в 1921 г. Более точную дату можно установить при помощи сына. Во всяком случае ИМЭ тогда как отдельное учреждение еще не существовал. Так называемая "передача" состоялась еще во второй половине 1918 г. Библиотека была национализирована и передана Социалистической академии общественных наук, когда она еще помещалась в здании Практической Академии коммерческих наук. Все это происходило в то время, когда душой и телом Соц[иалистической] Ак[адемии] были покойные Рейснер¹ и Покровский². Когда после моего переезда в Москву в конце января 1919 г. я принял более деятельное участие в работе Академии, я настоял на переводе ее в новое помещение в Ваганьковский пер. (Улица

^{2*} Здесь и далее выделены слова, подчеркнутые Д.Б. Рязановым.

М[аркса] и Э[нгельса]), где теперь помещена библиотека Ком[мунистической] Ак[адемии].

Вместе с другими нац[ионализированными] фондами была перевезена и библиотека Танеева.

Когда после моего доклада в ноябре 1919 г. об организации работ Соц[иалистической] Ак[адемии] приступлено было к устройству ряда научно-исследовательских кабинетов, и между прочим наряду с кабинетами по истории литературы и философии (сюда вошла и религия) – он назывался тогда кабинетом по истории идеологии – организовал в особом помещении (на Воздвиженке) кабинет по истории и теории марксизма.

Только 8 февраля 1920 г. ЦК на меня возложил задачу "создания первого в мире музея по марксизму", вместо которого и предложил организовать научно-исследовательский Институт М[аркса] и Э[нгельса]. Лишь в ноябре 1921 г. я нашел для него помещение. Юридически ИМЭ существует, как отдельное учреждение только с 1 июня 1921 г., когда он отпочковался от Соц[иалистической] Ак[адемии].

Из всей библиотеки В. Танеева – *национализированной, а не переданной или проданной*, перешли или влились в библиотеку ИМЭ только несколько десятков книг по истории франц[узского] социализма и коллекция гравюр по истории Вел[икой] Фр[анцузской] Рев[олюции].

Вся остальная часть библиотеки и наиболее *валютные* – религия, философия, изящная литература и история литературы в том числе – остались в библиотеке Соц[иалистической] Ак[адемии]. В архиве последней должна храниться опись книг Танеева – она имеется и у "наследников", и на ее основе легко установить, как мало книг вышло из нее в библиотеку ИМЭЛ.

Из всего сказанного явствует, что "наследники" не могут иметь никаких претензий вообще и к Институту в частности. Не могут они иметь никаких претензий и к Ком[мунистической] Академии. Уважаемому юрисконсульту напомню, что "передача" произошла при действии закона 18 апреля 1918 г. об отмене наследования и что согласно примечанию первому к ст. 59 гражданского кодекса РСФСР *бывшие собственники* не имеют права возврата имущества, перешедшего в ведение трудящихся до 22 мая 1922 г.

Было бы действительно недурно, если бы все владельцы национализированных библиотек и их "наследники" могли потребовать "возмещения" от Ленинской библиотеки, от Салтыковской, от Библ[иотеки] Ком[мунистической] Ак[адемии] за "переданные" ими книги.

Особенно наглой является такая претензия со стороны "наследников" Танеева. Мне хорошо известно, что 78-летний Танеев весьма философски и доброжелательно отнесся к факту национализации его библиотеки. Сов[етская] власть также подчеркнула свое доброе отношение к Танееву. В 1919 г. (весною) на заседании Совнаркома под председательством Ленина был принят по предложению Покровского и по моему декрет – текст его был набросан Покровским – в силу которого Танееву с очень лестной мотивировкой назначалась особая пенсия. Этот декрет можно найти в архиве Совнаркома.

Прибавлю, что *никогда* ни к Институту ИМЭ, ни к Соц[иалистической] Академии "наследники" никаких претензий об оплате библиотеки В. Танеева не предъявляли, ибо прекрасно знали, что не имеют на то никакого права.

Уже после выделения ИМЭ из Соц[иалистической] Академии ко мне явился сын В.И. Танеева с своей супругой и предложил купить некоторые книги и гравюры, уцелевшие от национализации. Мы их купили. И после время от времени являлась главным образом "она" с какими-либо "забытыми" вещами. За все эти объекты они получали деньги. Но речь идет в этом случае – *en bloc* – о сумме в несколько рублей.

Когда я спросил у "наследников", не остались ли после смерти старика какие-либо письма или рукописи – мы хотели поместить в "Летописях Марксизма" очерк о Танееве – они могли предложить несколько рукописей. Я не помню, заплатил ли я и сколько за эти рукописи – об этом могут знать Цобель, Шиллер³ или Луппол⁴, который взял на себя заботу о Танееве^{3*}. Предпочитаю думать, что сын настолько дорожил памятью отца, что не пожелал требовать деньги за то, что представляло материал для предполагавшегося монографического очерка о его отце, для популяризации имени которого так много сделал ИМЭ. Во всяком случае он либо продал их или *предоставил для работы*.

Если Цобель действительно на распорядительном совещании дирекции 15 августа сообщил, что при получении библиотеки и собрания гравюр от Танеева последнему Институтом выплачена обусловленная сумма, то это представляет логическую и историческую конфузию, объясняемую аберрацией памяти.

С ком[мунистическим] прив[етом].

Д. Рязанов

14 октября 1935 г.

РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 95. Л. 15–19.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928) – профессор права. До 1905 г. народник. В 1905 г. примкнул к большевикам. После Октябрьской революции – заведующий отделом законодательных предположений в Наркомате юстиции. Работал в Наркомпросе, вел педагогическую работу.

² Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – советский историк, партийный и государственный деятель, академик АН СССР (1929). С 1918 г. зам. наркома просвещения. Руководитель Коммунистической академии, Института красной профессуры.

³ Шиллер Франц Петрович (1898–1955) – советский литературовед. В 1922–1933 гг. работал в ИМЭ, с 1929 г. вел педагогическую работу в московских вузах. Автор трехтомного труда "История западно-европейской литературы нового времени" (М., 1935–1937).

⁴ Луппол Иван Капитонович (1896–1943) – советский философ, академик АН СССР (1939). В 20-е годы работал в ИМЭ. Основные труды – по истории философии, эстетики и литературы. Репрессирован. Умер в заключении в Саратовской тюрьме. Реабилитирован посмертно.

С.К. БОГОЯВЛЕНСКИЙ В РГАДА

В статье академика Л.В. Черепнина "Сергей Константинович Богоявленский как историк (1872–1947)" говорится, что он еще студентом начал архивные изыскания, а с 1898 по 1930 г. служил в МГАМИД и Древлехранилище. Революция застала его в МГАМИД, в 1918 г. он участвовал в проведении архивной реформы, затем выступал в журнале "Архивное дело" со статьями о своей работе в разборочных и поверочных комиссиях. В личном фонде С.К. Богоявленского в Архиве РАН остались неопубликованные работы этого периода – "Архивный фонд" и "О составлении тематических карточек". Л.В. Черепнин выделял второй период послереволюционной деятельности С.К. Богоявленского, когда он вернулся из ссылки по так называемому "академическому делу" и перешел в Институт истории АН СССР¹.

Делопроизводство канцелярии РГАДА позволяет установить некоторые дополнительные данные о работе С.К. Богоявленского.

В частности, в 1920 г. он вошел в состав комиссии Главного управления

^{3*} См.: Луппол И. Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским // Летописи марксизма. 1928. II. С. 73–75 [Примеч. Д.Б. Рязанова].

¹ См.: АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 213–214.

архивным делом по выработке форм описей. В 1926 г. приводил в порядок приказные дела старых и новых лет и разбирал столбцы, затерявшиеся среди коллекции "городовых книг". В 1927 г. им подготовлена для читального зала опись "городовых книг" в МГАМИД, систематизированных по уездам, разобраны вновь поступившие частные архивы князей Львова и Васильчиковых. Разбирались им также эвакуированные во время первой мировой войны архивные фонды из Польши и Прибалтики. В 1929 г. С.К. Богоявленскому, А.А. Новосельскому, К.В. Покровскому, Н.П. Чулкову поручили составление "Краткого руководства по архивному делу для работников архивных учреждений РСФСР". В рабочем дневнике С.К. Богоявленского 1928–1930 гг. зафиксировано, что в конце 1928 – начале 1929 г. он разбирал столбцы, поступившие их архива Васильчиковых; в 1930 г. возобновил начатое в первой половине 1920-х годов по заданию Центрархива выявление документов по истории торговли и промышленности (таможенных книг, наказов гостям, ведавшим Архангельской ярмаркой, столбцы Устюжской и Галичской четвертей), по истории просвещения в XVII в., по истории Казахстана.

С.К. Богоявленским в 1928 г. написана "Должностная рабочая инструкция" следующего содержания. «Квалификация. Образование: историко-филологический факультет Московского университета. Архивный стаж – 30 лет. Зарегистрирован в ЦКБУ по категории "А". Имеет научные труды. Работает в отделе быв. МГАМИД в качестве заведующего: планирование и отчетность; архивно-техническая работа по разборке фондов, перемещению их, составление топографического указателя, ревизия фондов и т.п.; составление списков и картотеки фондов по отделу; составление новых и проверка старых описей по отделу; составление справок; обслуживание читального зала – подготовка дел к выдаче, выдача и прием с соответствующей регистрацией, то же во временное пользование. По специальным поручениям заведующего Древлехранилищем или управления ЦАУ участв. в заседаниях Поверочной комиссии, подготовке архивных материалов для передачи в Польшу и Литву; проведение выставок, экскурсий; инструктирование курсантов² по разборочным работам».

Штат Древлехранилища насчитывал всего 17 человек, поэтому каждому сотруднику приходилось заниматься всеми видами работ, на научные занятия оставалось совсем немного времени.

Определенный интерес представляет черновик статьи С.К. Богоявленского "О кадрах" в архивную стенгазету. Оценивая положение в Древлехранилище, автор критически отзывался о Центрархиве, сосредоточившем под одной крышей три больших архива (Московский архив Министерства юстиции, Московский главный архив Министерства иностранных дел и Московское отделение Общего архива Министерства императорского двора) и в то же время сократившем личный состав (80 человек) в несколько раз. "Помимо текущей работы, приходится заниматься заданиями ЦАУ по выявлению полезных ископаемых, выявлению документов для разграничения с Китаем, подготовки Рижского договора с Польшей, изучения национальных культур (калмыки, киргиз-кайсаки, якуты и проч.). [...] Еще хуже дело с подготовкой смены. ЦАУ перебрасывает сотрудников из одного архива в другой. Тут надо четко установить, – писал С.К. Богоявленский, – что ценность сотрудника определяется не только его общим развитием и специально-архивной подготовкой, но и знанием содержания своего архива. [...] Поэтому давно пора позаботиться о том, чтобы для сотрудников, у которых за плечами многолетняя работа в одном и том же архиве, но которые не имеют помощников, были намечены для будущей смены кадры молодых сотрудников для изучения состава архива под руководством старых".

² Слушатели архивных курсов при Центрархиве.

С.К. Богоявленский пытался придать Древлехранилищу актуальное значение, чтобы повысить статус архива и его работников: "Подбор и выявление материалов на очередные темы делают Древлехранилище сотрудником Комкадемии, ИКП, Общества историков-марксистов и др. научных групп, подводящих прочный фундамент под современное научное и политическое мировоззрение. Осуществление всех этих задач постоянно наталкивается на малочисленность состава сотрудников, которые к тому же от научных занятий постоянно отвлекаются технической работой всякого рода по обслуживанию читального зала и исполнению поручений ЦАУ".

9 августа 1930 г. С.К. Богоявленский не вышел на работу в архив, записи в его рабочем дневнике обрываются. В Древлехранилище, переименованном в ГАФКЭ, почти полностью обновился личный состав, прервалась преемственность работы, что сразу же заметно повлияло на ее качество. Известно, что после войны С.К. Богоявленский возобновил связи с архивом, редактировал первый том "Путеводителя по ЦГАДА" (М., 1947). Мы бы хотели привлечь внимание к тому, что он и в конце 1930-х годов уже выступал в роли архивиста-консультанта, о чем свидетельствуют написанные им 7 апреля 1939 г. замечания на доклад И.Ф. Колесникова "Столбцы".

Необходимо пояснить, что в 1937 г. в ГАФКЭ состоялось производственное совещание по обсуждению разработанного Центрархивом проекта "Правил инвентарного описания", который, однако, не подходил к документам XVII в., особенно столбцам. 10 июля 1938 г. И.Ф. Колесников прочитал в ГАФКЭ доклад, имевший целью адаптировать эту инструкцию к описанию столбцов. Переработав свой текст, он вновь выступил 10 февраля 1939 г. на расширенном совещании с участием ученых из Института истории (С.В. Бахрушин и др.) с докладом "Описание и систематизация столбцов Московского государства, хранящихся в ГАФКЭ"³. По решению ЦАУ должны были создать комиссию для разработки правил систематизации и описания столбцов. Руководство ГАФКЭ обещало учесть представленные отзывы. По всей вероятности, этим вызвано появление "Замечаний" С.К. Богоявленского⁴.

Неизвестная до настоящего времени работа С.К. Богоявленского не только являлась весьма злободневной в 1939 г., но и в дальнейшем в значительной мере сохраняла практическое значение. В конце 1940-х – начале 1950-х годов было проведено массовое развертывание столбцов Поместного приказа, которые хранятся теперь в закрытых папках в несброшюрованном виде. Исключительно важна затронутая С.К. Богоявленским проблема обобщенного описания дел в столбцах и документов в россыпи. Как он и предвидел, описание россыпи затянулось (но едва ли он думал, что так надолго) до 1970-х годов! На протяжении длительного времени заново искали решение по ряду частных вопросов методики описания: применять ли термин "переписка" к документам XVII в., указывать ли в описи имена должностных лиц, степень подробности датировки (год? месяц? число?). Любопытно упоминание о не дошедшем до нас списке дьяков Поместного приказа, составлявшемся Н.Н. Ардашевым вплоть до его смерти в 1923 г.⁵

Л.И. Шохин

³ См. подробнее: Подъяпольская Е.П. Совещание научных работников ГАФКЭ по вопросу о систематизации и описании столбцов // АД. 1939. № 1. С. 164–169; Колесников И.Ф. Столбцы. К методике работ по систематизации и описанию // АД. 1939. № 2. С. 28–59.

⁴ О предложении С.К. Богоявленского брошюровать столбцы в 1919 г. см.: Шохин Л.И. Обработка, описание и реставрация приказных столбцов и книг, хранившихся в МАМЮ // ОА. 1992. № 5. С. 28.

⁵ Использованные здесь материалы архивного делопроизводства, в свое время выделенные в макулатуру, до сих пор не упорядочены и не подключены к основной описи фонда канцелярии РГАДА.

При всей желательности хранить столбцы в том виде, как они вышли из недр Приказа, хранение их в свернутом виде давно уже признано нецелесообразным. Были сделаны даже попытки наматывать столбцы на катушки и пользоваться особым станком, на котором столбец при разворачивании перематывался на другую катушку. Конечно, такой прием давал некоторые гарантии сохранности столбца, большие, чем самое аккуратное ручное свертывание и разворачивание. Однако и тут изнашивание столбца не компенсировалось какими-либо выгодами научного характера. Пытались также развернутый столбец складывать в виде гармоник, не разрывая склеек, но и это оказалось затруднительным, так как легко рассыпавшийся на отдельные листы столбец приходилось укреплять, вновь приклеивая по оставшим или наклеивая по бортам тонкие полоски бумаги.

Очевидно, приходится столбец расклеивать на отдельные листы. Но в этом случае, как мне кажется, совершенно недопустимо разбивать столбец на отдельные дела и тем нарушать исторический факт создания в Приказе данного столбца. Отсюда могут возникнуть практические неудобства при научном использовании столбца. Дворцовый архив в значительной степени испорчен тем, что столбцы разбиты на отдельные дела и теперь нельзя в некоторых случаях определить, в каком Приказе рассматривалось то или другое дело: в Большом дворце, в Дворцовом судном, в Казенном или в Оружейной палате, а это вовсе не безразлично для исследователя. По разбитым на части столбцам невозможно восстановить компетенцию Приказа в целом или какого-либо его отдела. Известно, что распределение столбцов Разрядного приказа по столам, произвольно произведенное в XVIII в., вызвало целую литературу, чтобы выяснить структуру Приказа, и эту работу нельзя еще считать вполне законченной.

Разбивка столбцов на дела сильно усложнит эту задачу. Как известно, в течение долгого времени к Посольскому приказу были присоединены Четвертные приказы, совершенно не связанные с Посольским приказом характером их деятельности. Но в то же время Посольский приказ, помимо своих специфических функций, был занят также управлением некоторыми городами во всех отношениях: и в административном, и в финансовом. Разбивка на дела лишит возможности решить, какому Приказу принадлежит данное дело, тогда как по целому столбцу этот вопрос решается очень легко. Неудобство пускать в обращение столбец большого объема устраняется делением его на части, зарегистрированные, однако, под одним номером.

Расклеенный столбец желательно видеть сброшюрованным аккуратно, без выступающих наружу отдельных листов и с равномерным распределением обрешков листа по всей длине тетради, чтобы не было горба посередине. Прием хранения разбитого столбца в несброшюрованном виде, как практиковалось в Архиве Министерства юстиции, никак нельзя признать рациональным, и необходимо или сброшюровать отдельные листы, или хранить несшитые листы в папках с клапанами, как это принято в парижской Национальной библиотеке и в Архиве.

Справедливо указывают, что брошюровка исключает возможность прочитать пометы и скрепы, написанные на склейках. Надо заметить, что пометы на склейках попадают сравнительно редко, а скрепу нетрудно прочитать и не прибегая к складыванию двух листов, на которые она разбита. В случае разбивки пометы полезно приложить фотографическую или рукописную копию пометы. Но все-таки надо предусмотреть тот случай, что исследователю потребуется расшить дело и приложить один лист к другому, чтобы вполне точно воспроизвести помету. Чтобы такая расшивка не сопровождалась разрушением всей брошюровки, следует столбец прошивать не весь насквозь, а отдельными

тетрадами, давая каждой тетради узкий бумажный корешок, как это практиковалось при сшивании "приказных дел новой разборки"; тетради скрепляются вместе в одно целое. Если потребуется расшивка, что случилось очень редко, то расшивалась только одна тетрадь. Такой способ сшивания имеет еще то преимущество, что при развертывании одна тетрадь легко откидывается от другой, и сгибы бывают только в пределах одной тетради.

Разрез листа не на месте текста, написанного на скрепе, а 2–3 строками выше или ниже, допустим в тех случаях, когда сстав хорошо держится на клею, и нет опасности, что приклеенная к листу тонкая полоска бумаги отклеется и пропадет. Надо также проследить, чтобы лист с наклейкой не выступал наружу и не лохматился. Во всяком случае, разрез не по склейке надо считать исключительным случаем.

Если в деле имеются идущие один за другим документы, написанные на небольших отрывках бумаги, и они достаточно крепко склеены, то их нет надобности разрезать в пределах размера листа, но нумеровать, конечно, каждую склейку.

Некоторые столбцы на последнем листе в углу иногда имеют обозначение содержания столбца: "Таможенный сольвычегоцкий" или "Столп всяких дел". Эти современные обозначения обязательно вводятся в опись. Более поздние определения содержания столбцов на обложках не могут приниматься на веру ни в части содержания, ни в части обозначения фонда.

Дьячи подписи дают надежное указание на учреждение, отпускающее грамоту, память или отписку. Пока не напечатан список дьяков по учреждениям, необходимо иметь под рукой сведения о приказных дьяках: Список дьяков Поместного приказа (сост. Ардашевым), список дьяков Посольского приказа (сост. Белокуровым), списки дьяков в напечатанных Археографической комиссией "Донских делах". Список, напечатанный в XVIII в. в новиковской "Вивлиофике", содержит множество ошибок.

При сведении сходных дел под рубрики есть опасность впасть в схематизм, лишая каждый отдельный зафиксированный документом случай его индивидуальной характеристики. Например: "О наборе в беломестные казаки свободных людей всякого звания". В одном случае в казаки взяли казачьего сына, в другом – ясачного татарина, в третьем – сына боярского и т.д. И возможно, что исследователь, который занят вопросом не о пополнении казачьих рядов, а бытом и историей татар, нуждается в ознакомлении только с некоторыми документами, смешанными с другими, ненужными. С другой стороны, под общим безличным заголовком могут скрываться некоторые интересные для историка факты классовой борьбы, протеста, насильственного набора и т.д. Это не значит, что не следует соединять однородные дела под одним заголовком, но надо делать это с большой осторожностью и только с материалом шаблонного содержания, или с указанием в скобках индивидуальных особенностей отдельного случая.

Снова повторяю свое отрицательное отношение к разбивке столбца на самостоятельные дела. Поставленный в скобках старый номер столбца дает очень мало и не показывает, в каком окружении был в столбце тот или другой документ. Часто документ получает дату на основании соседних документов, не связанных с ним по содержанию. В таких случаях выделенный документ придется датировать, приводя длинные рассуждения, которым исследователь может и не поверить и начать исследование по восстановлению нарушенного порядка последовательности документов в столбце. Не произойдет никаких неудобств, если дело будет описано с шифром № столбца и № находящегося в нем дела.

Непонятно, что значит – "столбцы в россыпи". Если под этим термином подразумевать небольшие столпики в 2–3 склейки, то их не всегда можно

квалифицировать как россыпь, так как такие столбики формировались и в Приказах. Нельзя также россыпью считать столбцы, у которых утрачено начало. Россыпь это — отдельные листы, оторвавшиеся от столбцов, иногда произвольно свернутые в свитки. В докладе рекомендуется распределение "внутри фонда" рассыпанного материала на группы: "широкие по объему и определенные по содержанию". Тут чувствуется какая-то недоговоренность. Столбцовой россыпи очень большое количество, на много лет работы. Если предполагается всю эту массу россыпи предвзято разбить на группы, то это — очень сложная и длительная работа с развертыванием и последующим каким-то внешним оформлением столбцов; работа, которая на десятки лет остановит описание столбцов. Если же группировка материала "внутри фонда" ограничивается только некоторой дозой вынесенного из хранилища для обработки материала, а через несколько дней будет обрабатываться новая партия россыпи, то, мне кажется, разбивка на группы бесполезна. Кроме того, намеченные группы очень неопределенны. В судебном деле главный интерес кроется иногда в раскрытии специальных отношений; финансовый вопрос тесно связан с административным; покупка за границей оружия связана с международными отношениями и с военным делом. Мне кажется, что предложенная группировка страдает схематизмом, и ни один исследователь ею не удовлетворится, то есть она окажется бесполезной. Полезнее было бы ограничиться указанием на происхождение документа или дела в том или другом учреждении и придерживаться строгого хронологического порядка. Вообще же, как я думаю, столбцовую россыпь, требующую продолжительной и сложной работы, надо отнести на вторую очередь, и описательную работу сосредоточить на скорейшем обращении в унылый оборот менее поврежденных столбцов.

При разбивке столбца на дела давать каждому делу "родовое название — столбец" совершенно недопустимо, так как дело — есть только часть столбца. Очевидно, первое название должно быть — "дело" или юридический термин документа, о чем говорится на стр. 28 доклада.

Термин "переписка" характеризует не сущность материала, а только форму. Кажется более целесообразным этот термин присвоить только к эпистолярной переписке, очень редкой среди документов XVII в., и не относить его к сношениям путем грамот, отписок и памятей. Требование в сведениях о фондообразователе поместить имена должностных лиц в большинстве случаев совершенно невыполнимо. Например, обрабатываются столбцы Разрядного приказа, но перечислить хотя бы одних начальников этого Приказа за XVII век едва ли сумеет и сам составитель доклада при всей своей большой эрудиции. Во многих случаях упоминание имен должностных лиц совершенно бесполезно и достаточно упоминания учреждения. Можно кратко написать в описи так: "Память из Посольского приказа в Ямской о присылке подвод для гетманских посланцев", и будет лишним прибавить: "от боярина князя В.В. Голицына и боярина кн. А.В. Голицына боярину Гр. Никиф. Собакину". Уменьшительные имена употреблялись не только по отношению угнетенных классов. Князь В.В. Голицын в письмах к своему подчиненному, думному дьяку Украинцеву, подписывался так: "Васка Голицын челом бьет". Но я согласен, что следует употреблять, где можно, полные имена. Автор записки сомневается, нужны ли даты с обозначением месяца и числа. Я полагаю, что они безусловно нужны, и чем детальнее развивается изучение истории СССР, тем они становятся полезнее.

В докладе опущен один вопрос, требующий разъяснения. Может ли архивист, описывая столбец, "приводить его в порядок", перемещая листы в их последовательности. Этот вопрос решается различно. Одни решительно возражают против всякого изменения последовательности листов, как они оказались в обрабатываемом столбце. Другие широко пользовались возможностью "рациональ-

ного" перетасовывания листов. Я держусь такого мнения, что перетасовывать можно только те листы, которые расклеены, а если клей еще держится, то можно предположить, что показавшаяся нам неправильная последовательность листов зафиксирована была еще в Приказе или в Приказной избе и потому никаким изменениям не подлежит. Единственный случай, когда возможна перестановка склеенных листов, представляется тогда, когда столбец весь свернут в обратном направлении, и первый лист оказался последним. Последние листы свернутого столбца очень часто оказываются перепутанными, так как для составления надписи на обложке в XVIII и начале XIX в. развертывали конец столбца, знакомились с содержанием нескольких листов для выяснения даты и названия учреждения и затем завертывали. А так как листы от сырости оказывались большею частью расклеенными, то завертывали их кое-как и нарушали прежнюю последовательность. Восстановление ее можно поручить только высоко квалифицированным работникам и только при соблюдении таких условий: перестановка допускается: 1) если по склейкам имеются пометы или скрепы, по которым можно уверенно восстановить последовательность листов; 2) если штрихи текста заходят с одного листа на другой. Руководствоваться при восстановлении порядка листов кажущейся последовательностью содержания очень рискованно. Во всяком случае, перестановку листов можно производить только при полной уверенности в ее правильности. В случае же сомнения полезно к документу приложить записку о предполагаемом правильном порядке последовательности листов и оставить листы так, как они были в свернутом виде. Надо иметь в виду, что даже перепутанные листы могут в некоторой части сохранить прежний порядок, и произвольные действия архивиста уничтожат и эти остатки порядка.

С.К. Богоявленский

7 апреля 1939 г.

РГАДА. Архив канцелярии. Машинопись, последний экземпляр.

ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1995 г.

23 мая прошло заседание, запланированное еще на 1994 г., посвященное 75-летию со дня кончины А.С. Лаппо-Данилевского, на котором были освещены вопросы методологии исторического познания, ученой деятельности академика и судьбы его научного наследия. Заседание открыл С.О. Шмидт. Состоялись доклады: А.А. Александрова "А.С. Лаппо-Данилевский – председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского", О.М. Медушевской "Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современные гуманитарные науки", С.В. Чиркова "Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Археографической комиссии", С.О. Шмидта "А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох", И.Л. Бельникова "Л.П. Карсавин о методологических принципах исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского и Г.Г. Шпета". Эти доклады легли в основу статей, опубликованных в АЕ за 1994 год, вместе со статьями Л.Н. Простоволосовой "О несостоявшемся заседании памяти А.С. Лаппо-Данилевского в Историко-архивном институте (1944)", В.П. Корзун "Невостребованное наследие. (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского)" и Ф.Г. Тараторкина "А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания "Истории России" на английском языке (1915–1918)".

5 июня были проведены традиционные Тихомировские чтения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне (см. наст. изд.).

7 июня совместно с Российским независимым институтом социальных и национальных проблем, Государственной общественно-политической библиотекой, Институтом всеобщей истории РАН, РЦХИДНИ была проведена международная научная конференция, приуроченная к 125-летию со дня рождения Д.Б. Рязанова (см. наст. изд.).

Археографическая комиссия являлась соорганизатором III Всероссийской научной конференции "Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни", состоявшейся 26–29 июня в Пензе.

8 августа состоялось заседание комиссии, на котором О.А. Князевская поделилась результатами своей работы в отделе рукописей Львовской национальной библиотеки. Ею были прове-

рены сведения о славянских рукописях XIV в., которые должны войти в первый выпуск описания рукописей первой половины XIV в. Основное внимание было сосредоточено на исследовании Быбельского Апостола, письмо которого отражает древние особенности украинского языка. Среди давно известных возмездительного продления $e \rightarrow \bar{e}$, мены $v - y$ ($v\bar{e} - ou$), в рукописи представлено особое употребление буквы ω сравнительно с o и o . Это – третья рукопись из известных в настоящее время с указанными приметами письма.

10 октября на заседании комиссии был заслушан отчет Б.Н. Морозова о работе, проведенной им в США по созданию компьютерной базы биографических сведений о составе Боярской думы Российского государства XV–XVII вв. Этот проект осуществляется РГАДА и Гарвардским университетом. В банк данных введены сведения о 500 членах Боярской думы и высших дворянских чинах XV–XVI вв. Отчет вызвал активное обсуждение, в котором приняли участие С.О. Шмидт, В.А. Черных, Ю.В. Андрюшаитис, О.А. Князевская, Н.А. Кобяк, А.А. Курносов, Н.Б. Шеламанова.

В ноябре была проведена Международная конференция "Живые традиции. Результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества", соорганизатором которой была Археографическая комиссия.

28 ноября состоялось заседание комиссии, на котором было заслушано сообщение Е.А. Белоконь о работе по разбору, систематизации и описанию архива И.А. Курганова, хранящегося у его дочери, в США. Это собрание включает различные материалы Курганова, документы организации народников в Европе и Америке (архив Координационного Центра антибольшевистской борьбы в Мюнхене) и архив Керенского, переданный им перед смертью Курганову. Документы, практически не известные отечественному исследователю, хранят богатейший материал по истории русской эмиграции. В сообщениях были намечены перспективы дальнейшей обработки и изучения материалов этого частного собрания.

13 декабря состоялось юбилейное заседание памяти И.Е. Забелина и С.М. Соловьева (см. наст. изд.).

Т.В. Лохина

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

"Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни". Тезисы докладов III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1995. 208 с. (РАН. Министерство культуры РФ. Российский институт культурологии. Администрация Пензенской обл. Союз краеведов России)*.

Издание содержит тезисы следующих авторов: А.Н. Акиншин (Воронеж); В.Ю. Афиани (Москва); Э.Л. Базарова (Москва); В.В. Балахонский (Пенза); И.Л. Беленький (Москва); В.А. Бердинских (Вятка); Е.Я. Бурлина (Самара); Л.Н. Вдовина (Москва); Ю.А. Веденин (Москва); С.С. Веселова (Москва); И.Ф. Вилков и К.М. Тимошкин (Пенза); Г.Ф. Винокуров (Пенза); К.Д. Вишневский (Пенза); В.А. Власов (Пенза); В.А. Дворянов (Пенза); Е.А. Ермолин (Ярославль); А.Д. Зайцев (Москва); В.Н. Зименко (Пенза); А.Е. Иванов (Москва); Л.В. Иванова (Москва); С.С. Илизаров (Москва); Н.М. Иношкин (Пенза); Т.Н. Кандаурова (Москва); А.С. Касимов (Пенза); А.И. Книжницкий (Москва); В.А. Ковригина (Москва); В.Ф. Козлов (Москва); Е.В. Кончин (Москва); В.П. Корзун (Омск); Л.В. Кошман (Москва); Е.М. Крацова (Сыктывкар); И.В. Кузнецова и Ю.Ю. Иерусалимский (Ярославль); Ю.Г. Лазовский (Глазов); О.Г. Ласунский (Воронеж); В.И. Лебедев (Пенза); Г.С. Лялина (Москва); Е.В. Мануйлова и В.И. Мануйлов (Пенза); В.И. Матющенко и В.П. Корзун (Омск); А.А. Мирошниченко (Глазов); Н.И. Михайлова (Москва); М.П. Мокначева (Москва); Т.Н. Панкратова (Москва); В.М. Петров (Москва); Г.П. Присенко (Тула); Т.О. Размустова (Москва); Л.В. Рассказова (Пенза); И.Е. Ромашин (Тула); Л.П. Роцевская (Сыктывкар); Г.С. Румянцева (Москва); В.П. Сазонов (Пенза); Ю.Г. Салова (Ярославль); А.И. Самойленко (Пенза); В.Н. Середа (Тверь); Л.И. Сизинцева (Кострома); Ю.Б. Смирнова (Ярославль); К.А. Соловьев (Москва); В.А. Соломонов (Саратов); А.А. Сундиева (Москва); Е.К. Сысоева (Москва); Н.Н. Тагильцева (Екатеринбург); Н.Н. Тагильцева и Л.Н. Мазур (Екатеринбург); Ю.Л. Троицкий (Новосибирск); О.Н. Труевцева (Барнаул); А.В. Тюстин (Пенза); К.Б. Умбрашко (Новосибирск); С.Б. Филимонов (Симферополь); Ю.У. Фохт-Бабушкин (Москва); Л.П. Хаханова (Москва); Н.И. Цимбаев (Москва); В.Д. Чернышов (Тверь); Е.Н. Чернявская (Москва); С.В. Чирков (Москва); Ю.И. Чубукова (Рыбинск); Д.Г. Шеваров (Москва); С.Л. Шишлов (Пенза); С.О. Шмидт (Москва); С.Ю. Шокарев (Москва); Э.А. Шулепова (Москва); М.Ф. Шумейко (Минск).

"Ключевский". Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. 392 с. / Редколлегия: С.О. Шмидт

(отв. ред.), В.Н. Зименков (отв. секретарь), С.М. Каштанов, Р.А. Киреева, В.И. Лебедев, Н.И. Мошин, Е.С. Попов. (АК. Департамент культуры Пензенской обл.). Оглавление: С.О. Шмидт (Москва). К читателю; М.А. Айвазян. Малоизвестное письмо С.Ф. Платонова к В.О. Ключевскому 1891 года; А.А. Александров (Москва). Реформатор В.О. Ключевский о М.М. Спераиском; Дж. Д'Амато (Генуя, Италия). Работа В.О. Ключевского "Сказания иностранцев о Московском государстве" и итальянские источники; В.В. Балахонский (Пенза). В.О. Ключевский и методология исследовательских процедур исторического обоснования; И.Л. Беленький (Москва). Имя В.О. Ключевского в текстах русских писателей конца XIX–XX вв.; С.Н. Богатырев (Москва, Хельсинки). Царский совет в сочинениях Дж. Флетчера и В.О. Ключевского; Г.Ф. Винокуров (Пенза). В.О. Ключевский и революционное народничество; Ю.Н. Воробьев (Москва). Ключевский о Горьком; В.С. Годин (Пенза). Архив рассказывает...; Г.Е. Горланов (Пенза). "Каждая душонка наша бредит корнями и суффиксами"; А.Н. Гришин (Пенза). Мысли о российском идеале воспитания; А.И. Дворжаанский (Пенза). Пензенские адреса Ключевского; В.А. Дворянов (Пенза). Окружение В.О. Ключевского в "Пензенский" период жизни будущего историка; Л.И. Демина (Москва). А.С. Павлов. Речь Ключевского; В.П. Догаева (Пенза). Ф.И. Буслаев и В.О. Ключевский: учитель и ученик; М.И. Ефремкина (Пенза). Проблема метода изучения истории в работах В.О. Ключевского и современности; А.А. Зимин (Москва). Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой и В.О. Ключевский о времени Василия Тёмного; С.М. Каштанов (Москва). К изучению взглядов В.О. Ключевского относительно финансовой и военной истории России; Р.А. Киреева (Москва). Слово о Ключевском; В.О. Колобков (С.-Петербург). С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский (За строкой некролога). (По материалам архива Ф. Платонова); А.Т. Кондратьев (Пенза). О научно-педагогических параллелях; В.И. Лебедев (Пенза). В.О. Ключевский и вопросы изучения сторожевой и станичной службы в XVI–XVII вв.; А.Н. Медушевский (Москва). В.О. Ключевский и русский конституционализм; С.А. Мезин (Саратов). В.О. Ключевский как историк русской культуры X–XVII вв.; А.Н. Мельник (Рязань). Воспоминания ученика об учителе; И.Л. Миникозон (Н.Новгород). Историко-экологические взгляды В.О. Ключевского и их развитие в Нижегородском (Горьковском) университете; В.Г. Мионов (Саратов). В.О. Ключевский и саратовское краеведение; П.Е. Михайлов (Москва). Дневники и письма молодого Ключевского (1861–1868); Н.Ф. Мокшин (Саранск).

* Материалы этой конференции см.: Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции: В 2 ч. Пенза, 1997.

В.О. Ключевский об участии финских народов в формировании русского народа; С.Д. Морозов (Пенза). Общественные взгляды и мастерство В.О. Ключевского; М.П. Мохмачева (Москва). В.О. Ключевский и "новая волна" историков начала XX в.; Е.М. Персанова (Пенза). Творческое наследие В.О. Ключевского в школьном курсе отечественной истории; Н.А. Попов (Москва). Вопросы исторической портретистики в трудах В.О. Ключевского; Л.Н. Простоволова (Москва). Ю.В. Готье А.И. Яковлеву; О.М. Савин (Пенза). В.О. Ключевский в пензенской печати; В.Б. Семенов (Пенза). В.О. Ключевский, реформы и историческое "самозабвение". (К размышлениям о недавнем прошлом); Ю.Н. Смирнов (Самара). В.О. Ключевский о взаимосвязи армии, самодержавия, дворянства в России XVIII в.; Я.Г. Солодкин (Кустанай). "Временник" Ивана Тимофеева в исследованиях В.О. Ключевского; В.И. Стрельцов (Пенза). Опыт исторического объяснения В.О. Ключевским пьесы Фовизина "Недоросль"; А.В. Тюстин (Пенза). Пензенский спутник В.О. Ключевского; С.Б. Филимонов (Симферополь). Ма-

териалы о В.О. Ключевском в архиве "Старой Москвы"; А.Н. Цамутали (С.-Петербург). В.О. Ключевский и петербургские историки; С.В. Чирков (Москва). Ключевский и русская археография; Е.А. Чиркова (Москва). В.О. Ключевский и П.В. Знаменский; А.Н. Шаханов (Москва). Учитель и ученик: С.М. Соловьев и В.О. Ключевский в 1860–1870-е годы; О.Л. Шишманова (Москва). В Музее-квартире К.А. Тимирязева; С.О. Шмидт (Москва). Ключевский и культура России; С.Ю. Шокарев (Москва). В.О. Ключевский как генеалог; Л.И. Шохин (Москва). Неизвестное письмо В.О. Ключевского С.Д. Шереметеву; И.Ф. Шувалов (Пенза). Использование лингвистического материала в исторических трудах В.О. Ключевского; Е.А. Крючкова (Пенза). Музей В.О. Ключевского; Е.М. Персанова (Пенза). Ключевые чтения в Пензенском государственном педагогическом институте им. В.Г. Белинского; Библиография. Труды В.О. Ключевского и о нем. Хроника. Премия Академии наук им. В.О. Ключевского; Список сокращений; Сведения об авторах; Именной указатель.

Т.В. Лохина

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1995 г.

Институт рукописной и старопечатной книги Российского Поволжья (г. Нижний Новгород) в июне–августе 1995 г. проводил археографические исследования на территории Сергачского, Книгининского, Большемурашкинского, Володарского районов Нижегородской области. В результате работы было приобретено 35 памятников письменности и печати XVI–XX вв., из них: рукописных – 21. Хронологически памятники распределяются следующим образом: XVI в. – 1, XVII в. – 3, XIX в. – 12, XX в. – 11. Наиболее интересными представляются Сборники XVIII–XIX вв., Сборники духовных стихов XIX–XX вв., редкие старообрядческие издания: "Староверческий символ последнего времени" – издание конца XIX в., полемические сочинения против "отрицателей" начала XX в., "Двухдневная беседа... А.М. Запьянцева и А.К. Кузнецова в с. Толбе" начала XX в. и др. Из старопечатных изданий наибольший интерес представляют Троице постная, напечатанная Андроником Тимофеевым Нежежей в 1589 г., издания Московского Печатного Двора XVII в., издания старообрядческих типографий в Клинцах и Гродно.

Была продолжена работа по собиранию памятников письменности и печати экспедицией Древлехранилища им. В.И. Малышева, финансирование которой взял на себя Фонд Сороса. В июле 1995 г. состоялась очередная экспедиция на Северную Двину. Предыдущая поездка в эти

места была предпринята ИРЛИ в 1990 г., затем была прервана на несколько лет из-за отсутствия средств. В результате Археографической экспедиции в Древлехранилище поступило 29 рукописей XVI–XX вв., а в Научную библиотеку Санкт-Петербургского университета – 18 старопечатных изданий 1609–1613 гг. Из рукописной книжности бесспорный интерес представляет Устав Иерусалимский в списке XVI в., Троице постная 10–20-х годов XVI в. с записями о принадлежности церкви Бориса и Глеба в Сольвычегодске, Сборник 20–30-х годов XVIII в. с сочинениями дьякона Федора и инока Авраамия, что свидетельствует о достаточно раннем знакомстве северодвинских старообрядцев с рукописным наследием первых полемистов в защиту истинной веры. Получены также сборник поморского письма конца 40-х годов XIX в., украшенный заставкой в красках, он содержит Киевско-Печерский Патерик, жития Митрополита Филиппа и Ефросина Псковского, сборник, содержащий Поморские ответы в списке 70–80-х годов XVIII в., сборник 70–80-х годов XIX в. с Повестью дьякона Федора о Петре и Евдокиме, записка о Кондратии Соловечком и послание инока Авраамия "к дочери духовной", местные помянники XIX и XX вв. Специального внимания заслуживает "Опись церковного и монастырского имущества, принадлежащего Покровскому единоверческому монастырю" 1856 г., а также Дневник Василия Федоровича Щипунова за

1915–1923 гг. – источниковедческое значение этих документов для истории старообрядчества несомненно. Были получены также лицевые Страсти Христовы в списке 80-х годов XVIII в. с 34 миниатюрами в красках.

Археографы МГУ отметили в 1995 г. 30-й

полевой сезон. Подробно о результатах и наиболее интересных находках Археографических экспедиций см. статью И.В. Поздеевой "30 лет полевой археографии Московского университета (1966–1995)".

Н.А. Кобак

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ Д.Б. РЯЗАНОВУ

7 июня 1995 г. в Москве в Российском независимом институте социальных и национальных проблем (РНИСиНП) состоялась международная научная конференция, приуроченная к 125-летию со дня рождения выдающегося ученого, государственного и общественного деятеля академика Давида Борисовича Рязанова (1870–1938), репрессированного сталинским режимом. Ее организаторы: Археографическая комиссия РАН, Государственная общественно-политическая библиотека (ГОПБ), Институт всеобщей истории РАН, РНИСиНП и РЦХИДНИ.

Открыл конференцию заместитель генерального директора РНИСиНП М.П. Мчедлов, посвятивший свое выступление Рязанову как создателю и руководителю Института К. Маркса и Ф. Энгельса, его заслугам в превращении ИМЭ в независимое научное учреждение, тем основным принципам (профессионализм, коллегиальность, гласность, международное сотрудничество), которые были положены Рязановым в основу работы института.

Многогранность и широта интересов Рязанова определили тематику выступлений, было заслушано 11 докладов. Н.Ю. Колинский показал Рязанова как ученого, организатора науки, общественного деятеля, стоявшего у истоков создания российского марксоведения, архивного дела. С не известной современным исследователям стороны открыл выдающегося ученого Я.Г. Рокитянский (Изд. РАН), основываясь на документах Центрального архива ФСБ РФ, воспоминаниях современников Рязанова, партийных документах, он воздал должное Рязанову как гуманисту и правозащитнику.

Большое внимание на конференции было

уделено личным связям Рязанова с другими яркими представителями революционной интеллигенции. "Рязанов и Бухарин" (В. Хеделер, Берлин), "Рязанов и Б.И. Николаевский" (В.В. Крылов, ИАИ РГГУ), "Рязанов и М.Н. Покровский" (А.А. Чернобаев, ИА), "Рязанов и И.И. Рубин" (Л.Л. Васина, РЦХИДНИ) – эти темы вызвали большой интерес у участников конференции. Ю. Ройан (Амстердам) остановился на связях Рязанова с германской социал-демократией.

Марксоведческая деятельность Рязанова, выработка им критериев издания первой МЭГА нашли отражение в докладе Р. Хеккера (Берлин). Заслугам Рязанова как собирателя документов и организатора архивного дела в России отдал должное заместитель директора РЦХИДНИ Ю.Н. Амиантов. В своих выступлениях Л.И. Львова (ГОПБ) и С.М. Котова (РЦХИДНИ) показали Рязанова как создателя богатейшей научной библиотеки и музея Маркса и Энгельса.

На конференции были заслушаны воспоминания одной из сотрудниц Рязанова А.Б. Закс. Не смогли принять участия в конференции, но представили свои выступления академик РАО С.О. Шмидт (АК) о Рязанове и старой российской интеллигенции¹ и М.Д. Дворкина (ГОПБ) о приобретении Рязановым для ИМЭ частных европейских библиотек.

Материалы конференции будут опубликованы в сборниках, посвященных 125-летию со дня рождения Д.Б. Рязанова, на русском и немецком языках. В сборники будут включены также редкие фотографии Рязанова.

Е.М. Аржанова

¹ Материалы доклада стали основой статьи "К юбилею Д.Б. Рязанова" (см. наст. изд.).

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ПЕНЗЕ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

26–29 июня 1995 г. в Пензе состоялась III Всероссийская научная конференция "Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни", организованная Археографической комиссией, Российским институтом культурологии Министерства культуры РФ, Союзом краеведов России и администрацией Пензенской области. Большую помощь в проведении конференции оказали Министерство культуры, Российский гуманитарный научный фонд, пензенские власти, обеспечившие прием многочисленных гостей и оперативное издание сборника тезисов докладов¹. Конференция открылась в пензенском Центральном доме искусств. С приветственными словами к ее участникам обратились заместители главы администрации Пензенской области В.В. Букин и руководитель департамента культуры области Е.С. Попов, были оглашены приветствия академика Д.С. Лихачева, главы администрации области А.Ф. Ковлягина. На пленарном заседании об итогах и задачах программы "Культура русской провинции XVIII–XX вв." говорил С.О. Шмидт, о роли провинциальных музеев в сохранении памятников истории и культуры в 1920-е годы – В.Ф. Козлов (Москва), о провинциальных музеях России в социальном пространстве и времени – А.А. Сундиева (Москва), о публичных библиотеках в

культуре провинции – М.Д. Афанасьев (Москва), о специфике и проблеме востребованности провинциальной культуры – Н.М. Иношкин (Пенза), об изучении культуры Пензенского края XVIII–XX вв. – К.Д. Вишневский (Пенза). Дальнейшая работа по секциям была организована в профилактории "Строитель", где жили участники конференции. Это позволило обеспечить интенсивное творческое общение, неформальный характер дискуссий, заинтересованное обсуждение важнейших проблем. Гостеприимные хозяева провели ознакомительные экскурсии по историческим памятникам Пензы, посещения музея В.О. Ключевского, музея сценического искусства им. В.Э. Мейерхольда, Литературного музея, Областной картинной галереи им. К.А. Савицкого, "Музея одной картины", областного Театра драмы им. А.В. Луначарского. После закрытия конференции ее участники совершили поездку в Лермонтовский музей-заповедник "Тарханы" и в музей-усадьбу В.Г. Белинского. Деятельность конференции подробно освещалась местными газетами, пензенскими радио и телевидением. Появились публикации о конференции и в центральной печати². Материалы конференции, включающие и доклады тех, кто не мог выступить на ней, опубликованы в Пензе³.

С.Ч.

ЗАСЕДАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1995 г.

13 октября состоялось совместное заседание С.-Петербургского отделения АК РАН, СПб. ФИРИ РАН, БАН, РГИА и С.-Петербургского научного общества историков и архивистов, посвященное памяти выдающегося историка и археографа Александра Ильича Копанева. Заседание проходило в РГИА.

Его открыл председатель СПб. научного общества историков и архивистов Л.Е. Шепелев. С приветственным словом к собравшимся обратился председатель СПб. отделения М.П. Ирошников.

На заседании были заслушаны следующие доклады: Ю.Г. Алексеева (СПб. ГУ) "А.И. Копанев и проблемы истории России XV–XVI вв."; М.Б. Свердлова (СПб. ФИРИ) "А.И. Копанев и

проблемы изучения феодальной крестьянской собственности на землю"; В.М. Воробьева (СПб. ГУ) "А.И. Копанев и проблемы поместного землевладения"; З.А. Тимошенко (Псковский педагогический институт) "Приходские церкви и крестьянский мир на северо-западе России в XVII в."; В.М. Панелья (СПб. ФИРИ) "Об отзыве Б.А. Романова на кандидатскую диссертацию А.И. Копанева"; Ю.Н. Беспятых (СПб. ФИРИ) "Иностранцы в описаниях Санкт-Петербурга времен Анны Иоановны"; З.В. Дмитриевой (СПб. ФИРИ) "Фонд А.И. Копанева в Институте российской истории РАН"; Л.И. Киселевой (БАН) "Рукописный отдел БАН: вчера, сегодня, завтра"; Г.И. Копанева "А.И. Копанев – мой научный руководитель"; А.А. Амосова (БАН)

¹ См. наст. том (Новые издания Археографической комиссии).

² *Смородкин С.* Провинциальна ли провинция? // Российская Федерация. 1995. № 15. С. 54, 55; *Бондарева Т.И.* Конференция в Пензе // ОА. 1995. № 5. С. 107–109.

³ Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни: Материалы III Всерос. науч. конф. Пенза, 1997: В 2 ч.

"А.И. Копанев и его деятельность по спасению культурного наследия России". В обсуждении докладов приняла участие научная общественность Санкт-Петербурга.

В зале заседаний была развернута выставка основных трудов А.И. Копанева, а также документов из его личного архива.

10 ноября состоялось отчетное заседание СПб. отделения АК. На заседании присутствовали члены отделения, сотрудники СПб. ФИРИ, ОР РНБ, ОР БАН, Пушкинского Дома, СПб. ГУ.

Заседание открыл председатель СПб. отделения АК М.П. Ирошников. На заседании были заслушаны отчеты научных учреждений об археографических экспедициях 1995 г., новых поступлениях и археографической работе в С.-Петербурге.

Об археографической работе Древлехранилища им. В.И. Малышева рассказал А.Г. Бобров. В июне-июле 1995 г. состоялась очередная, 32-я по счету, археографическая экспедиция Пушкинского Дома на берега Северной Двины. Экспедиция была проведена при финансовой поддержке Международного научного фонда (Фонда Сороса). В экспедиции приняли участие сотрудники Пушкинского Дома, Научной библио-

теки СПб. ГУ, БАН, Института лингвистических исследований. В результате экспедиции Древлехранилище пополнилось 29 рукописями XVI-XX вв., а в Научную библиотеку СПб. ГУ поступило 18 старопечатных изданий 1609-1913 гг. В целом на средства по гранту Фонда Сороса за август 1994 - июль 1995 г. Древлехранилище получило 54 рукописи XVI-XX вв.

Об археографической экспедиции ОР РНБ рассказал П.А. Медведев, который был в Новгородской области с 6 по 16 сентября и собрал информацию о наличии старообрядческого населения в районах, расположенных на востоке Новгородской области, что дает возможность обстоятельного археографического обследования этих мест в недалеком будущем. Эти районы еще не посещали археографы. Результатом поездки этого года стало приобретение для библиотеки двух печатных книг XVII в. и семи рукописей XIX - начала XX в.

Об археографической работе в БАН рассказал Н.Ю. Бубнов. Он зачитал доклад Л.И. Киселевой о состоянии и перспективах археографической работы в ОР Библиотеки.

З.В. Дмитриева

ЮБИЛЕЙ ПУШКИНСКОГО ДОМА*

В декабре 1995 г. научная общественность России отметила 90-летие со дня основания Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Созданный как центр хранения рукописей А.С. Пушкина и изучения его творческого наследия, Пушкинский Дом превратился со временем в крупнейшее в России научно-исследовательское учреждение, в котором изучается отечественная словесность во всем ее объеме - от устного народного творчества и древнерусской литературы до литературы XX в.

В связи с юбилеем в Санкт-Петербурге прошли благотворительные концерты. Первый состоялся в Большом конференц-зале ПД за неделю до юбилея - 8 декабря 1995 г. В нем приняли участие Государственный симфонический оркестр Санкт-Петербурга (дирижер А. Аниханов), народная артистка СССР И. Богачева и Камерный хор. Второй концерт прошел в Ротонде Марининского дворца 16 декабря 1995 г. Среди его участников были известные солисты Марининского и Академического театра оперы и балета им. М.П. Мусоргского.

Декабрьские благотворительные концерты "на устройство Пушкинского Дома" были органи-

зованы Государственным симфоническим оркестром Санкт-Петербурга, Всемирным клубом петербуржцев и дирекцией Пасхального фестиваля (при поддержке общественно-политического движения "Союз реалистов" и фонда 200-летия А.С. Пушкина).

15 декабря 1995 г. в Большом конференц-зале Петербургского центра РАН, где первоначально размещались архивы и коллекции ПД, состоялось торжественное заседание, на котором с рассказом о Пушкинском Доме выступил его директор Н.Н. Скатов. С приветственными словами выступили также академик-секретарь Отделения литературы и языка Е.П. Челышев, академик Д.С. Лихачев, председатель Государственной инвестиционной корпорации Ю.В. Петров. Были зачитаны многочисленные приветственные телеграммы от научных учреждений¹.

Рукописный отдел провел научные чтения, приуроченные к юбилею. В Музее ПД работала выставка "Тень Пушкина меня усыновила". Был издан красочный буклет, рассказывающий о личности и собирательской деятельности А.Ф. Онегина (в его издании существенную помощь оказали ТОО "Ателье Мод" и студия "Олдмор Имидж").

* В "АЕ за 1996 год" будет опубликована статья П.В. Бекедина "Пушкинскому Дому - 90 лет".

¹ Подробнее об этом см.: *Ненашев С.* Пушкинскому Дому 90 лет // Санкт-Петербургские ведомости. 1995. 16 дек.

Дирекция Института получила много поздравительных телеграмм. Приведем лишь одну из них, присланную на имя Н.Н. Скатова членами Союза писателей России: "Дорогой Николай Николаевич, дорогие пушкинодомцы, поздравляем с годовщиной со времен, когда на берегах Невы была возведена крепость, достойная культуры Отечества. Просим вас и впредь сохранять и

пропагандировать памятники российской словесности, все то, что связано с бесценным духовным наследием, иародным миропредставлением, освещать тайны и глубины отечественной культуры. Желаем, несмотря на безденежье культуры, бессилie власти и безразличие общества, достойно выстоять во имя торжества знания и высокого просвещения!"²

П.Б.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Четвертый год в последний вторник каждого месяца в Доме-музее М. Цветаевой собираются на свои заседания члены Общества любителей российской словесности (ОЛРС). При Московском университете с 1811 по 1930 г. уже действовало Общество с таким названием. Оно устраивало заседания, литературные вечера, выставки, занималось издательской деятельностью. Среди его председателей и временных председателей были А.Ф. Мерзляков, М.Н. Загоскин, А.С. Хомяков, М.П. Погодин, И.С. Аксаков, Ф.И. Буслаев, П.Д. Боборыкин, А.П. Чехов, И.А. Бунин, П.Н. Сакулин. Среди его членов – В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, К.Н. Батюшков, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов. Для Общества было характерно стремление "к здоровой" словесности, терпимость к чужим мнениям, отказ от журнальной борьбы, при обсуждении проблем словесности ценнилась объективность, основанная на архивных материалах. Своими трудами Общество внесло значительный вклад в развитие филологической науки, в популяризацию русской литературы. Такая позиция, направление в работе привлекли организаторов нового ОЛРС. Они решили идти по пути возрождения утраченных традиций.

16 июня 1992 г. было проведено учредительное заседание, выбран почетный председатель академик Д.С. Лихачев, председатель академик Академии естественных наук В.П. Нерознак. Членами Общества стали филологи, писатели, поэты, журналисты, учителя, студенты. Общество объединяет более 100 человек.

Первое учредительное заседание прошло в Доме-музее М. Цветаевой, второе, организационное, 27 октября 1992 г. в Российском фонде культуры. Третье, уже научное, состоялось 24 ноября 1992 г., на котором А.Н. Тихонов рассказывал о подготовке к переизданию словаря В.И. Даля под редакцией И.А. Бодуэна де Куртене.

Р.Н. Клейменова (НИСО), ученый секретарь, на протяжении многих лет занимающаяся историей Общества при Московском университете, сделала сообщение о "Роли Общества

любителей российской словесности в создании памятника Н.В. Гоголю в Москве в 1909 г."

29 декабря 1992 г. главный редактор журнала "Новая Юность" А.М. Ткаченко познакомил членов Общества с планами и редакционным портфелем журнала, который открыт прежде всего для молодых авторов. Остановился Ткаченко и на причинах отделения от "Юности". Затем хранительница Дома-музея М. Цветаевой Н.И. Катаева-Лыткина провела экскурсию для членов Общества по музею.

26 января 1993 г. Е.Н. Ширяев (ИРЯ) выступил с докладом "Культура русской речи: свет и мрак". Докладчик остановился в основном "на мраке", до "света" так и не дошел. Говорил о необходимости создания службы русского языка, о необходимости борьбы за чистоту русского языка.

23 февраля 1993 г. В.В. Крылов (ИРИ РГГУ) сделал доклад "Издательство "Academia" – вклад в отечественную культуру". В докладе много внимания уделено участию Л.Б. Каменева в трудах издательства, приветствовалось появление издательства с таким же названием, предлагалось начать с издания каталога прежнего издательства. Академик РАО С.О. Шмидт (АК) выступил с воспоминаниями о Каменеве. В.И. Аннушкин (МГУ) посвятил свое выступление русской риторике, важности возрождения ее в наши дни.

5 марта 1993 г. Общество провело заседание в МПГУ на тему "Что мы понимаем под российской словесностью?" С сообщениями выступили В.П. Нерознак "Российская словесность и современная филология", А.Л. Гришунин (ИМЛИ) «Серия "Литературные памятники" и словесность», В.И. Аннушкин "Об учебниках российской словесности", Р.Н. Клейменова "О задачах Общества любителей российской словесности 1811–1930 гг."

В.П. Нерознак, подводя итоги, выразил сожаление, что и на сегодняшний день четкого определения российской словесности нет.

30 марта 1993 г. Г.П. Мельников (РУДН) сделал доклад "Своеобразие строя русского языка". Основная идея доклада заключалась в том, что каждый язык имеет свою внутреннюю структуру и то, что характерно для одного язы-

² Цит. по: Лит. Россия. 1995. 22 дек. С. 15.

ка, не пригодно для другого. Если изучать внутреннюю структуру языка, то можно предсказать, что с ним будет, представить в образе динамической картины.

6 апреля 1993 г. заседание было посвящено определению такого понятия, как "интеллигент". С сообщениями выступили *Ю.А. Бельчиков* (ИРЯ им. А.С. Пушкина) и *И.П. Золотусский* (ЛП). *Ю.А. Бельчиков* рассказал об истоках слова "интеллигент", о тех понятиях, которые вкладывались в это слово в разные периоды русской истории. *Н.Ю. Бокадорова* (ИЯ) дополнила замечанием, что Ключевский и Жан де Летр связывали появление интеллигента с приобщением к письменной культуре. Во Франции интеллигент – это интелектуал.

И.П. Золотусский в докладе "Интеллигенция в русской классической литературе" высказал мнение, что образы интеллигентов являются сами писатели. Он привел целый ряд мужественных поступков писателей-интеллигентов. Остановился на просветительской (слово означало божественное просвещение) деятельности Жуковского как воспитателя Александра II. По мнению докладчика, в настоящее время интеллигент это "образованец", у него отсутствует чувство греховности, вины перед народом, но не все согласилось с таким мнением.

8 апреля 1993 г. Общество приняло участие в открытии выставки изданий издательства "Посев" в Доме-музее М. Цветаевой.

26 мая 1993 г. ученый секретарь Общества *Р.Н. Клейменова* на Международной научной конференции в Казани, посвященной 250-летию со дня рождения Г.Р. Державина, выступила с сообщением "Г.Р. Державин и Общество любителей российской словесности при Московском университете", рассказала о работе вновь созданного Общества. На конференции было принято решение о воссоздании в Казани Общества любителей отечественной словесности, существовавшего в Казани в начале XIX в.

16 июня 1993 г. академик *МАО И.Ф. Протченко* сделал доклад "О Буслаеве", который им был ранее прочитан на конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева, проходившей на его родине в Пензе. На ней он рассказывал о воссозданном в Москве ОЛРС, председателем которого с конца 1874 и до конца 1877 г. был Ф.И. Буслаев. Пензенцы выразили готовность организовать у себя подобное общество. Протченко представил подготовленную им и изданную в издательстве "Промсвещение" книгу Ф.И. Буслаева "Преподавание отечественного языка". *Нерознак* высказал желание издать собрание сочинений Буслаева, приблизить возвращение классики.

В тот же день председатель Общества *Нерознак* и ученый секретарь отчитались о работе Общества. Было отмечено, что под грифом Общества вышла три книги: А.С. Пушкин "Стихотворения" (М.: "Академия", 1992); "Венок Карамзину" (М.: "Академия", 1993); М.В. Горбаневский "Топонимика и компьютерная лексикография" (М.: "Посев", 1993).

4 июля 1993 г. Общество вместе с издательством "Посев" и Домом-музеем М. Цветаевой организовало презентацию книги Ю. Мальцева "Иван Бунины. 1870–1953". В обсуждении книги приняли участие академик РАО С.О. Шмидт, В.М. Горбаневский (ИНР), академик Е.П. Челышев. *Р.Н. Клейменова* рассказала о Бунине – члене ОЛРС.

19 октября 1993 г. *Е.А. Брейтбарт* (Изд-во "Посев"), выступая на тему "Поэт и эмиграция", размышляла об особом положении поэтов в эмиграции, продолжающих писать на родном языке. Особенно тяжелым было положение М. Цветаевой. По мнению Брейтбарт, воспоминания родственников поэтов часто не объективны.

23 ноября 1993 г. на презентации "Российского литературоведческого журнала" (1993. № 1, 2), устроенной ОЛРС, выступили главный редактор *А.Н. Николокин* (ИНИОН) и члены редколлегии *В.И. Кулешов* (МГУ), *Э.В. Переслегина* (ИМЛИ), *Е.Н. Лебедев* (ИМЛИ), *М.П. Капустин* (ИРЗ), *А.С. Мулярчик* (ИМЛИ), *И.Л. Волгин* (МГУ).

24 января 1994 г. *В.И. Аннушкин* вынес на обсуждение проект хрестоматии по истории русской риторики.

22 февраля 1994 г. *С.О. Шмидт* (АК) выступил с докладом "Арбатская пушкиниана". Основная идея выступления сводилась к тому, что А.С. Пушкин и "не уходил" с Арбата. Там жили он и его современники, исследователи его творчества, мастера искусств, вдохновленные пушкинской поэзией, участники пушкинских юбилейных торжеств.

26 апреля 1994 г. *Е.М. Верещагин* (ИРЯ) сделал доклад "Славянорусский парафраз Псевдо-Клементина: Значение источника для российской словесности".

24 мая 1994 г. Общество провело заседание совместно с Музеем А.С. Пушкина, на котором был заслушан доклад *С.К. Романюка*. Ссылаясь на архивные разыскания, он выдвинул новую версию о месте рождения А.С. Пушкина. *Р.Н. Клейменова* сделала сообщение об изучении творчества Пушкина в ОЛРС, *Э.И. Зиновенко* – о создании в Москве мемориального комплекса "Родина поэта".

14 июня 1994 г. *И.С. Улуханов* (ИРЯ) выступил с докладом, посвященным 130-летию со дня рождения А.А. Шахматова (1864–1920). *Е.И. Галанова* (ИРЯ) дополнила доклад "По архивным материалам". *Нерознак* и *Клейменова* сделали отчет за год.

29 сентября 1994 г. *В.В. Сапов* (ИСАН) представил доклад "Новые материалы о Чаадаеве". По его предположению Чаадаев родился не в Москве, а в с. Хрипуново (усадьба Чаадаевых). Кое-что от этой усадьбы осталось до сих пор. Сапов доказал, что флигель, где жил Чаадаев в Москве, сохранился. *Р.Н. Клейменова* в сообщении "Чаадаев и ОЛРС" показала, что Чаадаев невольно способствовал в 1837 г. прекращению деятельности ОЛРС и его возрождению в 1858 г.

25 октября 1994 г. Е.Н. Лебедев (ИМЛИ) в докладе "Один и независим" (К 150-летию со дня кончины Е.А. Баратынского) – рассказал о сложной судьбе поэта. Пушкин говорил о нем: "Оригинален, ибо мыслит по-своему". Протченко обратил внимание на субстантивированные прилагательные в поэзии Баратынского. Клейменова добавила, что Баратынский вместе с А.С. Пушкиным были избраны в члены Общества 23 декабря 1829 г.

17 ноября 1994 г. В.П. Нерознак сделал доклад "Об одном анахронизме в русской орфографии", где остановился на неоправданном употреблении в некоторых словах буквы "ы" и предлагал это изменить. Между присутствующими учеными возник спор. К единому мнению не пришли.

28 декабря 1994 г. Е.М. Верещагин в докладе "Об одном стихотворном тексте об апостоле Матфее (середина XVI в.)" рассказал о появлении жития апостола Матфея, избранного уже после воскресения Христа, малозвестном на Руси.

31 января 1995 г. А.Л. Гришунин выступил с рассуждениями о годе рождения Грибоедова. Он считает правильным год, указанный на могиле: 4 января 1795 г. Путаницу внесло открытие А.И. Ревякина о том, что в семье Грибоедовых 13 января 1795 г. родился сын Павел. Верещагин настаивает, что нужно верить церковным записям, согласно которым действительно в 1795 г. родился Павел, но вскоре умер, поэтому о нем нет дальнейших упоминаний, а Александр родился 4 января 1794 г. Клейменова рассказала об изучении наследия Грибоедова в ОЛРС и сделала сообщение об издании "Горе от ума" в Москве.

27 февраля 1995 г. поэт Евгений Данилов и композитор **Борис Муратов** выступили с поэтической программой "Любовь моя Русь. Осмысление России через поэтическое слово".

28 марта 1995 г. И.П. Видуэцкая (ИМЛИ) рассказала о проблемах подготовки 30-томного собрания сочинений Н.С. Лескова в издательстве "Терра". Наследие не собрано, публицистика затеряна. Последний том должен выйти к 2000 г. Ученый секретарь познакомил присутствующих с заметкой члена ОЛРС И. Золотусского в "Литературной газете" – "Поклон Лескову". Член общества **Е.Д. Козлов** представил присутствующим выставку своих картин (к живописи он относится как к знаковой системе).

25 апреля 1995 г. на заседании, посвященном 50-летию Победы над Германией, выступили: **А.Л. Гришунин** с сообщением "Твардовский и книжная культура", в котором рассказал о работе в архиве А. Твардовского при подготовке текста "Василия Теркина" для серии "Литературные памятники"; **И.В. Поздеева** – "Книга сражается" (о книгах, вышедших во время войны, как слово сражалось вместе с бойцом); **Т.С.**

Глебова – "Военная проза К. Симонова". Возник спор: сталинист или нет Симонов, и можно ли было тогда быть не сталинистом.

23 мая 1995 г. В.И. Зимин (ИНР) сделал доклад "Русские пословицы и поговорки (вчера и сегодня)" на основе вышедшего "Большого словаря пословиц и поговорок", проанализировал пословицы времен В.И. Даля и современных.

20 июня 1995 г. А.Л. Гришунин выступил с сообщением "Стихотворение А.С. Пушкина "В начале жизни школу помню я" (Об исследователе творчества Пушкина Б.А. Васильеве)", рассказал о малоизвестном исследователе философских и религиозных взглядов Пушкина. По докладу высказались **А.П. Толстяков** (ИМЛИ), **Е.И. Смирнова-Стеценко** (РУДН), которая была знакома с Васильевым.

26 сентября 1995 г. И.В. Пешков (изд-во "Лабиринт") в сообщении "Бахтинский вопрос" остановился на проблемах, с которыми ему пришлось столкнуться при издании четырех книг "Бахтин под маской". **И.Г. Птушкина** сделала замечания по оформлению книг. **В.М. Горбачевский** отметил, что изд-во "Лабиринт" одно из немногих издательств, которое не пошло на поводу издательских выгод. Пешков выразил готовность (в ответ на предложение Крылова) издать следственные материалы Бахтина. Писатель **А.Е. Смирнов** предложил создать мастерскую для талантливых детей, но для этого нужна финансовая поддержка. Члены Общества одобрили идею, посоветовали попробовать организовать мастерскую при школе или при Лингвистическом университете и проводить занятия факультативно.

31 октября 1995 г. Е.Н. Ширяев выступил с докладом "О современном состоянии русского языка". Второй раз на заседании Общества он говорил о проблемах русского языка. Свое выступление он построил по только что вышедшей в издательстве "Наука" книге "Мы сохраним тебя, русская речь". Представители СМИ отметили низкий уровень грамотности выпускников гуманитарных вузов. Большой интерес вызвал указ Президента о службе русского языка.

28 ноября 1995 г. В октябре исполнилось 200 лет со дня рождения Смирдина. **А.П. Толстяков** (ИМЛИ) рассказал об утраченном архиве А.Ф. Смирдина, о найденной им копии списка бумаг Смирдина, на основе которого он планирует подготовить книгу.

И.Г. Птушкина рассказала о поездке в Италию на Международную конференцию, посвященную Герцену, и о своем докладе "Герцен и Данте", о влиянии Данте на творчество Герцена.

26 декабря 1995 г. И.В. Поздеева¹, организатор и руководитель 30-летних исследований традиционной культуры современного старообрядчества, познакомил с выставкой "Живые традиции. 30 лет полевых исследований русской традиционной культуры".

¹ Статью И.В. Поздеевой "30 лет полевых археографин Московского университета (1966–1996)" см. в наст. томе.

ЮБИЛЕЙ А.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

21 ноября 1995 г. в Институте российской истории РАН состоялось расширенное заседание Центра истории России средних веков и начала нового времени. Коллеги поздравляли известного ученого Александра Александровича Преображенского с 70-летием.

Главный научный сотрудник ИРИ РАН, доктор исторических наук, профессор А.А. Преображенский родился 18 ноября 1925 г. в г. Орехово-Зуеве Московской губернии в семье потомственных русских интеллигентов. В начале 1943 г. из 10-го класса средней школы он ушел защищать Родину от гитлеровских захватчиков. Был тяжело ранен. После военного госпиталя юношу направили на работу в г. Челябинск. Здесь на оборонном заводе трудился до конца войны. Без отрыва от производства А.А. Преображенский завершил среднее образование в вечерней школе рабочей молодежи с золотой медалью. Осенью 1945 г. он стал студентом Московского историко-архивного института, который блестяще окончил в 1949 г. Около трех лет Александр Александрович работал начальником Государственного архива Красноярского края, одновременно занимаясь в заочной аспирантуре Института истории АН СССР. После увольнения из архивных органов молодой ученый стал аспирантом стационара этого института. С той поры А.А. Преображенский не менял места работы, стал кандидатом исторических наук (1953), затем доктором исторических наук (1969). Основные труды Александра Александровича были посвящены истории Урала и Западной Сибири конца XVI – начала XVIII в. Они получили широкое признание в нашей стране и за ее пределами.

Но ученый не замыкался в рамках избранной специализации. Круг его интересов чрезвычайно широк. Здесь и обобщающие работы, разделы в коллективных трудах и дискуссионные статьи по проблемам генезиса капитализма, расслоению крестьянства, абсолютизма. Перу А.А. Преображенского принадлежат работы о Российско-Американской компании, русско-японских отношениях конца XVIII – начала XIX в., о положении русской церкви в XVII в., классово-сословном строе и др. Признание читателя получили популярные исследования по истории Москвы. Значителен круг историографических и источниковедческих публикаций А.А. Преображенского. В качестве ответственного редактора он дал путевку в жизнь многим капитальным монографиям и коллективным трудам. Около 15 лет А.А. Преображенский возглавлял крупное научное подразделение Института – сектор (отдел) феодализма, руководил аспирантами. Среди его учеников четыре доктора наук. Кроме того – работа в ученых и научных советах, участие в научных форумах, в том числе на

международном уровне. Ряд работ Александра Александровича переведен на иностранные языки. Ныне в списке публикаций мастера исторического письма значится до 400 названий (книги, брошюры, коллективные труды, публикации историков и т.д.).

В Центре была развернута выставка трудов юбиляра, включая учебники для школы, а также тома "Археографического ежегодника". Об этом стоит сказать чуть подробнее. Работая в Красноярске, А.А. Преображенский основательно изучил обширную коллекцию документов, собранную в свое время купцом Г.В. Юдиным. При содействии академика М.Н. Тихомирова обзор этого собрания А.А. Преображенский напечатал в "Археографическом ежегоднике за 1958 год" (М. 1960). В этом издании позже были опубликованы другие ценные источники, предложенные А.А. Преображенским.

Воздать должное талантливому исследователю, педагогу, организатору науки, патриоту и замечательному человеку собрались товарищи по работе в институте, представители научных учреждений, вузов и архивов Москвы (Истфака МГУ, РГГУ, МПГУ, РГАДА и др.). Поступили многочисленные приветствия от историков 23 городов России. Откликнулись ученые Украины, Белоруссии, Армении.

В своем выступлении директор ИРИ РАН член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров охарактеризовал творческий путь А.А. Преображенского, весомый вклад юбиляра в изучение прошлого России, подготовку научных кадров, пропаганду исторических знаний. В приветствии коллег из Центра сообщалось, что А.А. Преображенский всегда ставил общественные интересы выше личных. Это проявлялось и в его научно-исследовательской деятельности. "Мы, Ваши друзья и коллеги по работе, – пишут они, – высоко ценим присущие Вам замечательные качества – талант исследователя и педагога, эрудицию, спокойную мудрость и доброжелательность, мягкий юмор". Зам. директора института А.В. Игнатьев и О.В. Орлик говорили о плодотворном сотрудничестве с А.А. Преображенским на пути создания обобщающих трудов по истории внешней политики России. От Центра истории России XIX в. ученого поздравляли его руководитель А.П. Корелин и В.И. Бovyкин, подчеркнувшие широту научных интересов А.А. Преображенского. Член редколлегии журнала "Преподавание истории в школе" Г.М. Карлов вручил А.А. Преображенскому номер журнала, в котором напечатана статья о юбилеях как об одном из видных деятелей школьного исторического образования. Приветствуя юбиляра, редакция журнала "Вопросы истории" в письме упомянула о том, что "на протяжении десятилетий Вы тесно сотрудничали с нашим журна-

лом, опубликовав на его страницах более 20 статей, обзоров и рецензий, неизменно вызывавших у читателей большой интерес".

Зам. главного редактора журнала "Отечественная история" *М.А. Рахматуллин* отметил 30-летнее участие А.А. Преображенского в работе этого органа в качестве члена редколлегии. Кстати, А.А. Преображенский был одним из авторов первого номера журнала, вышедшего в 1957 г. Зав. кафедрой отечественной истории РГГУ *А.И. Комиссаренко* от имени преподавателей и студентов близкого юбиляру Историко-архивного института напомнил о многолетних связях с *Alma mater*. В переданном им тексте коллективного поздравления заключены прочувствованные пожелания маститому историку осуществления творческих замыслов, "добра, спокойствия и так свойственного Вам неспешного глубокого раздумья над самыми сложными проблемами прошлого России". Зам. директора РГАДА *Ю.М. Эскин* говорил о значительной роли А.А. Преображенского в развитии архивоведческой науки и источниковедения. Он привел интересный факт: А.А. Преображенский, член Научного совета архива, передал в РГАДА группу обнаруженных им в развалинах снесенного дома ценных документов времен Е.И. Пугачева.

В адрес юбиляра поступили из Перми телеграммы начальника управления культуры областной администрации Лисовенко, сотрудников краеведческого музея. Ученый ввел в оборот редкие источники из музейных фондов Перми и Кунгура, в том числе крестьянские архивы XVII–XVIII вв. Не остались в стороне историки Нижегородского университета, Вятского пединститута, Академии культуры в Краснодаре и др. Поступило приветствие из пединститута родного города юбиляра – Орехово-Зуева. С благодарностью вспомнили Александра Александровича ученые Томского и Кемеровского университетов, Сибирского автодорожного института (Омск), Удмуртского института истории, языка и литературы (Ижевск). Художественно оформленный адрес А.А. Преображенскому прислали А.А. Кондрашенков и Д.И. Будаев из Смоленска. О заслугах А.А. Преображенского как ученого, воспитателя молодежи, честного труженика и человека тепло сказали Н.В. Козлова, сослуживцы юбиляра Н.А. Горская, Г.А. Некрасов, Н.Ф. Демидова, Е.И. Колычева и др. В частности, отмечалась прекрасная стилистика трудов юбиляра. О своем учителе говорили А.В. Демкин и Г.А. Саинин. С предложением издать сборник трудов А.А. Преображенского выступил И.А. Булыгин. Оно оказалось созвучным мнению академика Б.А. Рыбакова, с которым познакомила присутствующих А.В. Семенова.

Оживление в зале вызвала речь руководителя Центра истории России средних веков и начала нового времени С.М. Каштанова. В нее был включен изыщно выполненный в ритме древнегреческого гекзаметра текст юмористического поздравления под названием "Алек-

сандрия". Заключительные строки этого своеобразного "источника" звучали так:

"Восславим же, братья и сестры, его, от души пожелаем,
Чтоб, сладким натершись елеем, он в водах науки
Купался всегда с наслаждением и были б
Все дни его счастьем богаты и славой".

Были зачитаны дружеские поздравления от историков Санкт-Петербурга Ю.Г. Алексеева, В.М. Панеяха, И.Я. Фроянова, Ю.А. Лимонова.

Представленные в ходе заседания адреса, письма, факсы, телеграммы, врученные А.А. Преображенскому, наглядно свидетельствовали о высоком авторитете ученого в кругах научной общности, теплом и искреннем к нему отношении людей. А.А. Преображенский оказывал повседневную, бескорыстную и высококвалифицированную помощь вузовским, музейным, библиотечным работникам, соискателям. Научные связи А.А. Преображенского с историками других городов памятли многим. Сотрудники Уфимского научного центра РАН, вспомнив Н.В. Устюгова – учителя А.А. Преображенского, выразили удовлетворение тем, что юбиляр много сделал для исторической науки в Башкирии.

Проникновенное послание пришло из Вологды от коллективов Педуниверситета, Проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера России и Северного отделения Археографической комиссии РАН. "На Ваших трудах, – пишут его авторы А.А. Преображенскому, – выросло не одно поколение учителей истории и великое множество их учеников. Вот почему наступивший юбилей мы воспринимаем как наш большой общий праздник, светлый и радостный для всех, кому дорого прошлое и будущее России". Сотрудники Демидовского института (Екатеринбург) телеграфировали: "Нас восхищает Ваша искренняя любовь к истории, высокое чувство гражданского долга перед Россией и стремление приумножить ее духовные богатства". Судя по приветствиям из Красноярска от историков и библиотечных работников, там хранят благодарную память об ученом. Признательны А.А. Преображенскому ярославские историки за "неустанную борьбу во имя истины в науке и жизни". Ученые Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова из Татарстана считают: "Ваш юбилей – и нашей исторической науки юбилей". В письме членов кафедры отечественной истории и сотрудников отдела рукописей и редкой книги Казанского государственного университета (И.П. Ермолаев и его коллеги) отмечается: "Вы давно уже стали для нас не только другом, но и по-настоящему учителем, примером научного подвижничества и доброго отношения к людям". При этом упоминается, что студенты исторического кружка избрали А.А. Преображенского своим почетным членом. Не менее выразительно написали Н.Ф. Емельянов и сотрудники его кафедры из Курганского пединститута, включая аспирантов: "Мы все

осознаем себя Вашими учениками: и те, кто учился в школе и вузе, и те, кто посвятил себя прекраснейшей науке на земле – Истории". Из Йошкар-Олы поздравляют "правофлангового отечественной науки, верного служителя Клио" (Г.Н. Айплатов). Историки из Саранска также откликнулись на 70-летие А.А. Преображенского. Ученые Коми научного центра в своем адресе благодарили юбиляра за научные труды, создание учебников и подготовку кадров исследователей республики (акад. М.П. Рощевский). "Чувашские историки, – сказано в адресе группы видных ученых Чувашии (акад. В.Д. Димитриев, П.В. Денисов и др.), – знают Вас более 40 лет как одного из выдающихся исследователей отечественной истории, сыгравшего огромную роль в развитии и укреплении школы объективного изучения средневекового прошлого России и ее народов с патристических позиций".

Тема патристизма не раз поднималась на заседании, что и неудивительно: А.А. Преображенский много сделал для ее углубленной научной разработки. Он показал в книге "История раскрывает тайны" (М., 1991), брошюрах "Патристизм – историческая память народа" (М., 1985) и "Во славу Отечества" (М., 1989), а также в многочисленных статьях на страницах журналов и газет, в публичных лекциях живую историческую связь героических дел наших предков по защите страны от внешних врагов. Без преувеличения можно сказать, что идеями патристизма согреты все научные и научно-популярные труды юбиляра, равно как и соответствующие тексты в школьных учебниках по истории Отечества.

А.А. Преображенский не раз помогал своими консультациями создателям художественных и документальных фильмов на исторические темы. Поэтому съемочная группа готовящейся к показу кинокартины "Ермак" и руководство студии "Жанр" Мосфильма выразили свою признательность А.А. Преображенскому в связи с его юбилеем. В телеграмме сказано: «Благодарим Вас за активное соучастие в работе над фильмом

"Ермак", вспоминаем, как Вы защищали Ермака на межнациональной дискуссии в Госкино. Восхищены Вашим знанием героев российской истории как своих родных и очень близких людей" (В. Усков, В. Краснопольский, В. Меньшов, Литвинов). Своего неизменного автора поздравила и газета "Правда".

С вниманием и интересом присутствовавшие на заседании выслушали краткое ответное слово А.А. Преображенского. Оно было выдержано в ином ключе. Выражая благодарность за оказанную ему честь ("с поправкой на юбилейный коэффициент", как пошутил виновник торжества), А.А. Преображенский вспомнил своих учителей Н.В. Устюгова, А.И. Андреева и А.А. Новосельского. Ученый тепло говорил о людях, с которыми его свела судьба на ниве исторической науки – В.И. Шункове, В.Т. Пашуто, А.А. Зимине, М.С. Волине, Н.М. Дружинине. С каждым из них у него связаны те или иные работы, памятные встречи, беседы. А.А. Преображенский определенно высказался за то, чтобы ученые-историки не чурались неожиданных, необычных их профилей тем и смело за них принимались. Это создает необходимый кругозор, требует неослабного внимания к состоянию историографии. Для преподавателей высшей школы, читающих общесторические курсы, – это естественное состояние. Оно должно быть таковым и для ученых, занятых только исследовательским трудом.

Говорил юбиляр и о том, что с детства его окружали книги по истории. Это в большой мере определило выбор жизненного пути будущего ученого, хотя родители не были историками.

70-летие А.А. Преображенского стало знаменательным событием нашей науки, свидетельством ее творческих возможностей и перспектив. Уже после юбилея вышли в свет новые труды Александра Александровича, подтверждающие его высокую репутацию в изучении прошлого России.

А.В. Семенова

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ Ш.М. ЛЕВИНА

В июне 1995 г. в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН состоялось заседание Отдела новой истории, посвященное памяти крупного советского историка Ш.М. Левина. Заседание открыл заведующий Отделом новой истории А.Н. Цамутали и рассказал о жизненном и научном пути Ш.М. Менделевича Левина. Он родился 6 июля 1897 г. в местечке Видзи под Даугавпилсом в семье лесопромышленного служащего. Детство и юность прошли в Риге, куда семья Левиных переехала в 1898 г. В 1914 г. Ш.М. окончил Рижское реальное училище. В 1915 г. приехал

в Петроград и поступил на Общеобразовательный факультет при Психоневрологическом институте. В 1918 г. перевелся в III Педагогический институт, будущий институт им. Герцена, на социально-историческое отделение Гуманитарного факультета. Там в эти годы преподавал Н.А. Рожков, которого Ш.М. считал своим учителем.

В 1923 г. Ш.М. заканчивает институт, его оставляют научным сотрудником при кафедре русской истории. С 1919 г. Ш.М. работает в Музее революции, Историко-революционном архиве, в редакции журнала "Былое", в изда-

тельстве Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и других учреждениях, связанных с изучением истории освободительного движения России. В 1923–1924 гг. он был секретарем редакции "Историко-революционного сборника". С 1927 по 1930 г. Ш.М. – редактор в Словарном отделении Госиздата. С 1929 г. включился в работу трудового коллектива, занятого подготовкой биобиблиографического словаря "Деятели революционного движения в России", стал одним из авторов-составителей его социал-демократической серии.

В 1922 г. в журнале "Былое" появилась первая, подготовленная, Ш.М. публикация документов по истории революционного движения в России. За ней последовали другие документальные публикации и статьи в журналах "Былое", "Красный архив", "Красная летопись", "Каторга и ссылка", "Пролетарская революция" и др.

В 1934 г. Ш.М. начал работать в АН СССР, в учреждении, носившем тогда название Историко-археографического института. Само название подчеркивало его профиль: изучение и издание исторических источников, прежде всего по истории феодальной России, а также по античной и средневековой истории. В середине 1930-х годов тематика исследований значительно расширилась и изменилась. В 1936 г. институт был преобразован в ЛОИИ. Ш.М. к этому времени уже стал признанным знатоком истории революционного движения. Он многое сделал для того, чтобы история освободительного движения в России стала одним из основных направлений в работе ЛОИИ.

В годы Великой Отечественной войны Ш.М. не прерывал научную работу. В 1941–45 гг. Ш.М. работал в Ташкенте, куда были эвакуированы из Москвы и Ленинграда сотрудники Института истории АН СССР. Весной 1945 г. Ш.М. вернулся в Ленинград и до последнего дня жизни (27 июля 1969 г.) работал в ЛОИИ. В нем он занимался прежде всего историей революционного движения и общественной мысли в России. В 1930 – начале 1950-х годов Ш.М. был одним из немногих ученых, изучавших историю революционного народничества. Человек широких интересов, увлеченный музыкой, другими видами искусства, Ш.М. много сделал и для изучения истории русской культуры. В годы работы в ЛОИИ Ш.М. писал главы и разделы для многочисленных коллективных трудов, среди которых были "История Москвы", "Очерки истории Ленинграда", "История СССР с древнейших времен до наших дней", "Всемирная история", "История русской литературы", "Краткая история СССР. Часть I", "Краткий очерк истории русской культуры", "В.И. Ленин и русская общественная мысль XIX – начала XX вв." Он также принимал участие в написании вузовского учебника "История СССР" (Т. 2). Ш.М.

входил в состав редколлегий многих названных трудов, а в некоторых из них был ответственным редактором.

В 1958 г. вышла в свет монография Ш.М. XIX в. "В рукописи остались две незавершенные монографии "Разночинский период русского освободительного движения в освещении дореволюционной историографии" и "Крымская война и русское общество". Некоторые главы из них составили "Очерки по истории русской общественной мысли" (Л., 1974), изданные посмертно.

Ш.М. Левин принадлежал к первому поколению советских историков и археографов. Его труды отличали исключительная насыщенность фактами, оригинальность их интерпретации, четкость оценок и определений. Они пользуются популярностью и в наши дни.

В.Н. Гинев. (СПб. ФИРИ РАН) в своем со-общении остановился на двух эпизодах из творческой биографии Ш.М. Левина – обстоятельствах написания им глав о народничестве в первом издании вузовского учебника по истории СССР, вышедшем в 1940 г., и на обстановке, сложившейся вокруг Ш.М. после опубликования в "Исторических записках" в 1948 г. его статьи "К вопросу об особенностях русского утопического социализма". Охарактеризовав появившиеся в этот период разгромные статьи против народничества, В.Н. Гинев особо отметил, что в этих условиях Ш.М. все же удалось, хотя и не во всем, "отстоять", как он сам писал впоследствии, "правильные, или хотя бы приблизительно правильные взгляды на проблему народничества".

Не стало легче писать о русской общественной мысли 60–80-х годов XIX в. и в первое послевоенное десятилетие. Над историками по-прежнему довлела идеологическая установка, отрывавшая "революционных демократов" (прежде всего Н.Г. Чернышевского) от народников и народничества. К этому прибавилась борьба с космополитизмом. Считалось, патристичным видеть во всем российский приоритет. Исходя из этого, утопический социализм шестидесятников надо было изображать качественно отличным от западного, превосходящим его прежде всего в революционном отношении. Попытка Ш.М. объективно сопоставить русские и западные системы утопического социализма вызвала грубую критику и политические обвинения в "извращениях" роли русского утопического социализма. "Все построение Левина показывает, что он еще отдает дань фальшивой концепции о несамостоятельности русской политической мысли"¹ – вот образчик "критики" тех лет.

Сейчас многие из тех оценок и характеристик, которые с таким трудом и упорством отстаивал Ш.М., кажутся или само собой разумеющимися, или слишком осторожными. Может

¹ Цит. по: Покровский С.А. Политические и правовые взгляды Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. М., 1952. С. 309, 321.

возникнуть соблазн вновь подвергнуть их критике, теперь уже с противоположных позиций. Но если оставаться на почве историзма и не забывать об обстановке на "историческом фронте" 1930 – начала 1950-х годов, то следует, на наш взгляд, признать, что сделанное Ш.М. Левиным в то тяжелое время, заслуживает понимания и уважения.

Е.Р. Ольховский (СПб. ГАУ) отметил, что одной из любимых тем в многогранном творчестве Ш.М. Левина была история "Черного передела", точнее, тема революционного ненародовольческого народничества 80-х годов XIX в. Его Ш.М. занимался с 1924 г. до последних лет жизни, посвятив ей около десяти фундаментальных работ. И хотя до него о "Черном переделе" немало писали Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, О.В. Аптекман, В.И. Невский, Н.Л. Сергеевский, И.А. Теодорович, С. Черномордик и другие, все же только Ш.М. перевел эту тему из области публицистики в область научного исследования. По-видимому, занимаясь подготовкой биобиблиографического словаря "Деятели революционного движения в России", по 1880-м годам Ш.М. просмотрел такое количество подлинных документов, что ему стало ясно: народовольцы в период 1879–1889 гг. не были единственными революционерами на поприще борьбы с царизмом. Ш.М. был первым, кто сумел на гигантском архивном материале правильно, без предвзятости оценить удельный вес "Народной воли" и "Черного передела".

Большое место в творчестве Ш.М., посвященном ненародовольческому народничеству, занимал скрупулезный анализ его идейной разнородности и постоянной эволюции. Ш.М. внимательно изучал самые различные течения внутри так называемого чернопеределчества, исследовал многие крупные программные документы 80-х годов, показал их динамику, ставил их в тесную связь с развитием общественно-политических и литературных процессов в России. Он считал, что самым характерным признаком чернопеределчества за 10 лет его существования стали активное изживание первоначального теоретического аполитизма, переход народников, сначала пытавшихся закрепиться на позициях "Земли и воли", к признанию необходимости, неизбежности борьбы за политические свободы и вообще политической борьбы в конкретных условиях России 80-х годов. Ш.М. считал этот переход наиболее характерным признаком всего чернопеределчества, вне зависимости от того, примкнули ли его сторонники к "Народной воле", ушли ли к группе "Освобождение труда" или нет.

Наряду с идейной эволюцией "Черного передела" в трудах Ш.М. нашла свое место и практическая история различных кружков и групп этого революционного направления. Разработка этой фактической истории опиралась у него на

всю совокупность фактов, на высокопрофессиональное умение их перепроверять, делать осторожные и лишь вполне доказуемые выводы.

Ш.М. постоянно оттенял важную сторону деятельности ненародовольческого народничества 80-х годов – революционную пропаганду среди рабочих. Он справедливо оценивал ее как неизбежный отход от первоначальных теоретических установок "Земли и воли", которые впрочем никогда не соблюдались на практике. Повседневные контакты чернопеределцев с рабочими имели для этих народников далеко идущие последствия. Общим для всего разнородного чернопеределческого направления, считал Ш.М., были (в отличие от народовольчества) вера в народные массы, надежда, что именно народная социальная революция приведет к переустройству жизни. Чернопеределцы считали, что это изменение общественного и экономического строя России реализуется на социалистических началах.

«Историческое значение "Черного передела", – писал Ш.М., – и состояло, между прочим, в том, что он явился противовесом некоторым явно ошибочным элементам народовольческой идеологии и помешал народовольчеству, как идейному направлению, безраздельно овладеть всей революционной ареной; это в какой-то степени воздействовало на самих народовольцев и, главное, сказалось на последующем ходе русского революционного движения»².

В выступлении В.Н. Гинева уже говорилось, что период с середины 1930-х до середины 1950-х годов был очень трудным для исследователей истории народничества и в политическом, и в историографическом отношениях. В 1956–1961 гг. при некоторой относительной политической свободе среди историков возникло непреодолимое стремление приукрасить и возвысить, намеренно героизировать "Народную волю". В этих сложнейших, а иногда и трагических внешних условиях Ш.М. писал о "Черном переделе" то, что требовала его совесть ученого. Он отмечал и сильные, и слабые стороны взглядов чернопеределцев, подчеркивая однако, что они внесли в копилку русской теоретической мысли ценный вклад, вполне сопоставимый с достижениями "Народной воли".

В.В. Мицуров рассказал еще об одном направлении научной деятельности Ш.М. Левина – работе над статьями для "Советской исторической энциклопедии". Удалось выявить 31 публикацию в первых семи томах этого издания. Здесь надо особо отметить статью Ш.М. в пятом томе о революционной народнической организации первой половины 1860-х годов "Земля и воля", деятельностью которой и до сих пор изучена недостаточно. В этой небольшой по объему статье изложены история этой организации, ее программные взгляды, рассказывается о ее свя-

² Левин Ш.М. "Черный передел" и проблема политической борьбы // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: Сб. статей. М., 1961. С. 253.

зях с польским национально-освободительным движением, говорится о роли А.И. Герцена и Н.П. Огарева в ее становлении.

В статье о "Земле и воле" второй половины 70-х годов Ш.М. подчеркивал, что «землепользцы 70-х гг. были выразителями – в определенной, им свойственной форме – идей утопического "крестьянского социализма" и по существу отражали в своей деятельности чаяния крестьянской массы России, борьбу крестьянства за землю, его стремление к свободной и равноправной жизни» (СИЭ. Т. 5). Интересна также статья Ш.М. о Воронежском съезде "Земли и воли" 1879 г. (СИЭ. Т. 3).

Ш.М. написал в СИЭ целый ряд биографий революционных деятелей. Во втором томе (1962) в статье о М.А. Бакуине он сумел в немалой степени преодолеть негативное отношение к революционной и теоретической деятельности Бакунина значительной части советских историков. Ш.М. дал объективный анализ взглядов великого русского революционера. Перу Ш.М. принадлежат также биографии А.И. Желябова, А.В. Долгушина, А.П. Буланова, Ф.В. Волховского, О.В. Аптекмана, А.И. Иванчина-Писарева, братьев Жебуневых и др.

Ш.М. хорошо знал революционную и историко-революционную литературу второй половины XIX – начала XX в. Поэтому закономерно, что он написал в СИЭ статьи о "Великоруссе" 1861 г. о революционном обозрении П.П. Лаврова "Вперед!", о журналах "Земля и воля" 1878–1879 гг. и "Вестник Народной воли" 1883–1888 гг. Очень интересны статьи Ш.М. об историко-революционных журналах "Былое" и "Голос минувшего". Напомним, что в 1925–1926 гг. он работал помощником редактора журнала "Былое". Редактором тогда был известный историк и литературовед П.Е. Щеголев.

Ш.М. является автором биографических статей о ряде русских писателей и публицистов (о кн. П.В. Долгорукове, С.А. Венгерове, Г.З. Елисееве, С.Я. Елпатьевском, Н.М. Астыреве). В седьмом томе СИЭ помещена его статья о В.Г. Короленко. В ней Ш.М., в частности, рассказал о деятельности Короленко в качестве историка и археографа. Мало кто знает, что писатель ряд лет был активным членом Нижегородской губернской архивной комиссии, занимался разбором и описанием архивных фондов, а также теоретическими вопросами архивоведения. Им также написаны биография Ипполита Мышкина и воспоминания о Н.Г. Чернышевском, Л.Н. Толстом, Г.И. Успенском, Н.К. Михайловском.

Статья Ш.М. о Короленко оказалась последней на страницах СИЭ. Он снял под ней свою подпись, отказался от гонорара. Конфликт зрел давно. Жесткие идеологические тиски, постоянное стремление редакции "пригладить" российскую историю и ее деятелей, неоправданные сокращения, менявшие смысл текста – все это сделало невозможным дальнейшее сотрудничество с исторической энциклопедией. Многие статьи Ш.М. для СИЭ не увидели света или вообще не были написаны.

Отметим, что для публикаций Ш.М. в этой энциклопедии характерна тщательно подобранная библиография, которая, как правило, не потеряла своего значения до настоящего времени. Ш.М. Левин был уникальным специалистом, и его сотрудничество с СИЭ это подтверждает.

В конце заседания с воспоминаниями о Ш.М. выступила его дочь, *Р.Ш. Левина* (ИИМК).

В.В. Мицуров

**ВЛАДИМИР
АНАТОЛЬЕВИЧ
ДЬЯКОВ
(1919–1995)**

16 ноября 1995 г. не стало Владимира Анатольевича Дьякова, доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики РАН, члена бюро Археографической комиссии и редколлегии "Археографического ежегодника", иностранного члена Польской Академии наук¹.

Путь в науку для В.А. Дьякова открыл Московский Государственный историко-архивный институт. В студенческом периоде (1938–1941, 1946–1947), прерванном Великой Отечественной войной, – истоки многих привязанностей – профессиональных и человеческих, – которым историк оставался верен на протяжении всей своей жизни. Это и Россия прошлого столетия, и биографии революционеров, и военно-исторические сюжеты, и, конечно же, страсть к архивной работе.

"Пожирателем архивов" назвал его круп-

нейший польский историк С. Кеневич, сам горячий поборник введения в научный оборот рукописных источников². Архивные находки, которые в 60–70-е г. определили место Дьякова в исторической науке, были результатом не только удивительного упорства, но и четкой, им самим выработанной системы поиска. Основопологающим принципом архивной эвристики он считал сочетание знания литературы предмета, всех подробностей, связанных с биографиями героев исследования, и системы делопроизводства. Организация поиска предусматривала ведение конспектов описей фондов сразу по нескольким тематическим направлениям³. Бережное отношение к этому подготовительному, черновому этапу вполне себя оправдало: "архивные засечки", как называл свои конспекты описей В.А. Дьяков, долго служили самому историку, его ученикам и коллегам. Нередко они

¹ О В.А. Дьякове см.: Дьяков Владимир Анатольевич // Историки-слависты СССР: Биобиблиогр. словарь-справочник. М., 1981. С. 73; Горизонтов Л.Е. [Юбилей В.А. Дьякова] // Советское славяноведение. 1989. № 4. С. 126; Фалькович С.М. Археография и архивное дело в творчестве В.А. Дьякова. (К 70-летию со дня рождения) // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 158–161; Т.И.С. Дьяков Владимир Анатольевич // Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян: Биобиблиогр. словарь. N.-Y., 1992. С. 172–173; 75 лет В.А. Дьякову // Славяноведение. 1994. № 6. С. 119; Костюшко И.И., Робинсон М.А. Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995) // Славяноведение. 1996. № 2. С. 91; Студеникина Т.И. Памяти Владимира Анатольевича Дьякова // ННИ. 1996. № 5. С. 248–249; Kieniewicz S. Nasz współpracownik z Instytutu Słowianoznawstwa // Twórczość. 1981. № 10. S. 157–159; Włodimir Djakow // Polonistyka radziecka. Literaturoznawstwo. Warszawa, 1985. S. 336–338; Włodzimierz Djakow // Gazeta Wyborcza. 1995. № 269; Bardach J. Włodimir A. Diakow. 1919–1995 // Nauka. 1996. № 2. S. 240–243.

² Kieniewicz S. Op. cit. S. 157.

³ См.: АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 350–352.

снабжались указателями – именными, предметными, хронологическими, обретая тем самым облик законченных справочных пособий.

"Изучая источники и накапливая конкретный фактический материал, – писал в своих воспоминаниях В.А. Дьяков, – я очень скоро пришел к выводу, что полученные результаты наиболее целесообразно систематизировать по персоналиям, а имеющиеся в архивах сводные материалы копировать целиком и по возможности издавать"⁴. Сведения биографического характера составляют фактическую первооснову значительной части исследований Дьякова, в том числе нескольких его книг, а также многих пространных комментариев к источникам. "История для меня – это прежде всего человеческие судьбы"⁵, – признавался он. В домашней картотеке историка свыше 10 тыс. имен тех, материал о ком им был найден в архивах. Но Дьяков не был только собирателем фактов: вторая, после архивной биографистики, страсть его – стремление к систематизации, обобщению, широкому синтезу.

Значение справочно-энциклопедических изданий охотно признается всеми, но далеко не каждый ученый готов лично участвовать в необычайно трудоемкой работе по их подготовке. Для В.А. Дьякова они составляли необходимый этап исследования, открывающий путь к итоговым заключениям. "В биограммах, – писал он, – информация выверена, освобождена от второстепенных деталей и определенным образом формализована. Это делает словарь хорошей основой для статистических подсчетов и обобщающих выводов"⁶. Упомянувшиеся картотеки по русскому и польскому освободительному движениям стали основой двух фундаментальных биографических словарей: "Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов" (М., 1967) и "Участники освободительного движения 1832–1855 годов (Королевство Польское)" (Wrocław, 1990). Излюбленную методику Дьякову с успехом удалось применить и в области историко-научных изысканий, возглавив работу по созданию библиографических словарей отечественных славистов: "Славяноведение в дореволюционной России" (М., 1978)⁷ и "Славяноведение в СССР: Изучение южных и западных славян" (N.Y., 1992). Еще одному энциклопедическому проекту Дьякова, связанному с историей национальных

идей в славянских странах, суждено было стать его научным завещанием.

Уже будучи наделенным почетными регалиями историком, из-под пера которого одна за другой выходили монографии, В.А. Дьяков без колебаний брался за составление лощей по архивным собраниям. Достаточно сказать, что только в 1993–1995 гг. изданы подготовленные при его участии путеводитель "Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX в." (М., 1994) и большая серия обзоров полоники отечественных архивов для варшавского журнала "Przegląd Wschodni". Долгое время Дьяков являлся членом Ученого совета МГИАИ и Научного совета Центрального (ныне Российского) Государственного военно-исторического архива сотрудником которого он был в 1957–1958 гг.

Публикаторская деятельность – еще одна область, где историк стремился реализовать результаты своих многолетних поисков в архивах. Дьяков был энтузиастом и подвижником научной публикации источников, отстаивавшим – а это приходилось делать неоднократно – полезность общедоступности важнейших документов и целых их комплексов. «Общеизвестно значение источников для исторической науки, – писал он. – Между тем иногда раздаются еще высказывания о "второсортности" работы по публикации источников, о необходимости ее свертывания во имя сбережения сил для теоретических или "чисто" исторических исследований. Очевидно, здесь... требуется разумное равновесие и гармония, чтобы теория, слишком высоко воспарив над источниками, не превратилась в пустое теоретизирование»⁸. В течение четверти века В.А. Дьяков руководил с российской стороны археографической работой по изданию 25-томной серии "Восстание 1863 года. Материалы и документы" – редкого по размаху и безукоризненности исполнения совместного проекта отечественных и польских историков, в ходе осуществления которого было выявлено до 100 тыс. документов.

В середине 70-х годов по его инициативе была основана новая совместная серия "Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX веке", пять томов которой уже изданы, причем многие из опубликованных документов обнаружены и подготовлены к печати Дьяковым. За пределами документальных серий материалы,

⁴ Дьяков В.А. Воспоминания. VI. 1941–1995 (краткий вариант). С. 8.

⁵ Дьяков В.А. Воспоминания (пространный вариант). С. 63.

⁶ Дьяков В.А. Биографистика в истории славяноведения: современное состояние и перспективы развития // Биография исследователя как жанр славистики. Тверь, 1991. С. 14.

⁷ Одно из первых сообщений в печати: Дьяков В.А. О подготовке библиографического словаря "Славяноведение в дореволюционной России" // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 98–101. Об опыте словарной работы см. также: Дьяков В.А. Об использовании социолого-статистических методов при изучении освободительного движения // Историко-социологические исследования. М., 1970. С. 16–18.

⁸ Дьяков В.А. Итоги работы советских историков-славистов (1945–1984) // Сов. славяноведение. 1985. № 5. С. 95.

изданные им в 60–70-х годах в "польских" сборниках Института славяноведения и сборниках Группы по изучению революционной ситуации М.В. Нечкиной, большой дневник П.И. Огородникова (Warszawa, 1986), том "Политическая ссылка в Сибири: Нерчинская каторга" (Новосибирск, 1993).

Более всего историку приходилось работать с судебными делами – источниками вполне массовыми, но в то же время индивидуально-тонкими, достоверность которых, по оценке В.А. Дьякова, «колеблется в амплитуде от нулевого, иногда даже "отрицательного" уровня (когда они состоят из разного рода вымыслов) до почти 100-процентной правдивости»⁹. Вторым по значимости для Дьякова видом источника была, пожалуй, художественная литература, в особенности русская классическая проза исторического жанра. Ему принадлежат замечательные образцы исторического комментария к произведениям большой литературы («Исторические реалии "Хаджи-Мурата"», "Дело Мигурских") или биографиям писателей ("Тарас Шевченко и его польские друзья", изданные с большими сокращениями «Исторические реалии "Записок из Мертвого дома"» и "Польские предки Гийома Аполлинера"). Дьякова серьезно занимал вопрос о соотношении действительности и вымысла в исторической беллетристике. "Право писателя на вымысел, – считал историк, – должно вступать в силу только там, где нет твердо установленных исследователями и прочно вошедших в оборот достоверных фактов. Прибегая к вымыслу вне этих границ, беллетрист, во-первых, дезинформирует читателя, а, во-вторых, неизбежно отступает от внутренней правды создаваемых им художественных образов»¹⁰. За этим несколько максималистским призывом к союзу ученых и литераторов стояла самая искренняя озабоченность, чтобы результаты труда историков становились достоянием как можно большего круга людей. Кстати, верность своей профессии Дьяков хранил и тогда, когда, имея дело с художественными произведениями, старался не выходить за рамки исследования "общественно-политических интересов деятелей литературы и искусства"¹¹.

В.А. Дьяков занимает почетное место в сотрудничестве российских и польских историков. Как уже отмечалось в печати, "для польских коллег В.А. Дьяков долгое время олицетворял то лучшее, что было в нашей исторической науке о Польше"¹². Характеризуя на церемонии присуждения Дьякову звания почетного доктора Лодзинского университета (май 1990 г.) его вклад во взаимодействие ученых двух стран,

А.Ф. Грабский назвал своего московского коллегу продолжателем традиций Н.И. Кареева.

Наряду с многочисленными исследованиями по польской проблематике, в поле зрения Дьякова неизменно находились ключевые вопросы отечественной истории. Сам он считал себя и по подготовке, и по тяготению, и по числу написанных работ прежде всего историком России XIX в. – века, с которым у него за 40 лет исследовательской работы сложились "особые" отношения. В.А. Дьяков мог с полным основанием называть себя и военным историком: обе диссертации связаны с историей армии, любимый архив – Военно-исторический, многие дьяковские герои носили мундиры...

Изданная им книга "Освободительное движение в России 1825–1861 гг." (М., 1979) в значительной степени подвела итог многолетней работы больших коллективов, руководимых М.В. Нечкиной. Монография "Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России" (М., 1993) – результат занятий Дьякова историей отечественного славяноведения.

В возрождении интереса к прошлому славистики как в России, так и за ее пределами роль Дьякова необычайно велика. В 1975–1988 гг. он возглавлял созданный им в Институте славяноведения и балканистики АН СССР сектор историографии, на протяжении почти двух десятилетий фактически, а в 1988–1992 гг. также и официально, руководил Комиссией по истории славистики при Международном комитете славистов. В этой связи нельзя не упомянуть вышедшую под его редакцией коллективную монографию "Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян" (М., 1988), в которой Дьяков является и одним из авторов.

Научному творчеству Дьякова присуща глубокая авторефлексия. Практически по каждому направлению своих исследований – социологическим и сравнительно-историческим изысканиям, исторической биографистике и истории науки – им были подготовлены работы теоретического и методологического плана. Очень "конкретный" исследователь, "пожиратель архивов" и создатель целой галереи портретов исторических деятелей сочетался в нем с мыслителем, стремившимся к созданию крупномасштабных моделей. В этой связи в "Археографическом ежегоднике" уже писалось о «своеобразном дьяковском "натуральном хозяйстве"»¹³. Действительно, руководивший столькими научными коллективами, он был уникально "самодостаточен", умел делать, кажется, абсо-

⁹ Дьяков В.А. Судебно-следственные материалы как источник для изучения польской политической ссылки первой половины XIX в. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 193.

¹⁰ Дьяков В.А. Факты или вымысел? // Звезда. 1969. № 9. С. 208.

¹¹ Дьяков В.А. Воспоминания (пространный вариант). С. 67.

¹² Костюшко И.И., Робинсон М.А. Указ. соч.

¹³ См. об этом: Фалькович С.М. Указ. соч. С. 160.

лютно все, что только имеет касательство к профессии историка. В русле теоретических обобщений особенно много Дьяков размышлял о закономерностях становления буржуазного миропорядка (динамика социальных структур, общественная мысль, альтернативы исторического развития) и специфике историко-научного процесса. Изменения во взглядах у него, не в пример многим, носили органический характер, были итогом большой и самостоятельной работы мысли.

О феноменальной многоплановости и работоспособности В.А. Дьякова свидетельствует оставленный им архив, большая часть которого разложена по тематическим папкам. Их более 450. Наряду с рукописными и машинописными вариантами опубликованных работ, в нем представлены: "отсев" – документы, подготовленные к публикации, но по тем или иным причинам не вошедшие в окончательный вариант изданий, разнообразные конспекты (в том числе архивных описей, о которых шла речь выше), обширная переписка. Архив этот, вне всякого сомнения, готовит открытия для историков России и зарубежных славянских народов, историографов, специалистов по методологии истории, литературоведов, археографов, теоретиков и практиков архивного дела. Одна из папок имеет заголовок "Замыслы небольшие и несостоявшиеся".

Специального упоминания заслуживает "Издательский дневник" историка, в котором фиксировалась судьба его трудов от завершения их автором до выхода в свет – всего свыше 400 позиций. Дневник, или "тетradка... для учета своих сочинений" – гораздо больше, чем простая библиография трудов, расставляющая опубликованное в порядке появления в печати (известно,

что между последней точкой в рукописи и сигнальным экземпляром часто проходят целые годы). Дневник отражает фактическую последовательность работы над различными темами, изменение редакции их постановки и издательских замыслов, позволяет ориентироваться в том, какие труды остались не опубликованы или увидели свет в сокращенном виде. Кроме "Издательского дневника", с мая 1977 по октябрь 1995 г. историк вел "Рабочий дневник", скупые записи которого дают точное представление о том, над чем работал ученый, где бывал, с кем встречался. В последний год жизни Дьяков писал воспоминания, (две главы из них публикуются в настоящем издании).

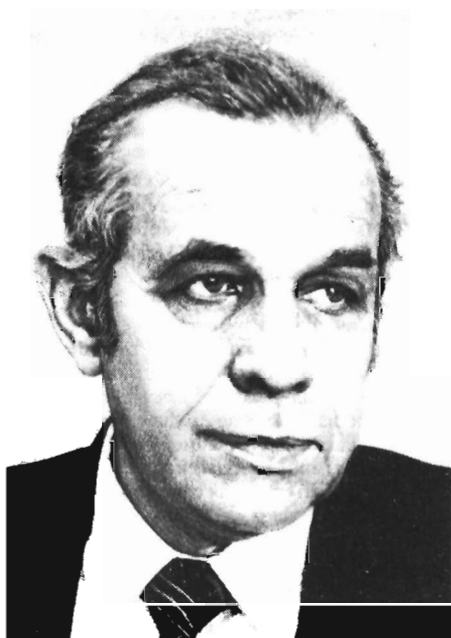
Сейчас бумаги В.А. Дьякова готовятся к передаче в АРАН. Издана полная библиография его работ с большой исследовательской статьей о пути историка¹⁴. В.А. Дьякову будет посвящен один из номеров журнала "Przegląd Wschodni" ("Восточное обозрение").

Архив и библиография ученого – свидетельство тому, о чем доподлинно было известно только близко знавшим В.А. Дьякова людям: работа составляла для него смысл жизни, он не хотел, да и не умел отдыхать – и так буквально до последних дней. Это был счастливый человек, потому что судьба позволила ему отдать себя без остатка любимому делу. Но занятия прошлым никогда не служили историку средством ухода от действительности. В.А. Дьяков остается в памяти коллег как очень живой, динамичный, современно мыслящий человек. Это был редкой души человек – искренний, добрый и щедрый.

Л.Е. Горизонтов

¹⁴ Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996. 94 с.

**СЛОВО
ОБ ИВАНЕ
ДМИТРИЕВИЧЕ
КОВАЛЬЧЕНКО
(1923–1995)**

Иван Дмитриевич Ковальченко был наделен многими талантами. Ученый, из под пера которого вышли десятки научных трудов. Преподаватель, подготовивший и воспитавший многочисленных учеников. Организатор науки, объединявший многое и многих: академик-секретарь Отделения истории и член Президиума Российской академии наук, заведующий кафедрой источниковедения отечественной истории Московского университета, главный редактор ведущего научного журнала по отечественной истории, руководитель научных структур, проектов, коллективов.

Иван Дмитриевич Ковальченко обладал даром перспективного мышления, видел намного дальше других. Но никогда не покидал почвы реальной действительности и умел научные идеи доводить до стадии практического воплощения. Личность сильная, многогранная, неоднозначная, понимал и ценил людей с жизненной позицией. Был доброжелателен и отзывчив: коллега, сотрудник, студент всегда могли рассчитывать на его внимание и помощь. Он был талантливым русским самородком – одним из тех Иванов, на которых от века стоит Русская земля.

Его природный ум, воспитанные с детства трудолюбие и чувство ответственности закалила война. Недаром в трудных ситуациях он говорил: я – десантник. В сентябре 1947 г. 23-летний фронтовик стал студентом исторического факультета Московского университета. Здесь, в стенах университета, с его традициями преподавания и организации исследовательской работы,

с его атмосферой коллегиальности, одухотворяющей все сферы университетской жизни, Иван Дмитриевич получал фундаментальную научную подготовку, сформировался как ученый и педагог. С.Ю. Витте, размышляя о принципиальном различии между университетом и высшей школой, утверждал, что разница эта "заключается в том, что университет живет свободной наукой... Когда стремятся университет поставить в тиски как в смысле лиц учащихся, так и учащихся, то те, которые к этому стремятся, не понимают, что таким путем наука развиваться не может. Без свободной науки не может создаться ни научных знаменитых произведений, ни научных открытий, ни знаменитостей. Университет, кроме того, представляет из себя такую среду для научного развития молодых людей, какую не может предоставить никакая высшая школа, потому что в университете преподаются все научные категории знаний, которые в данный момент составляют достояние человечества, и студенты живут в атмосфере этих знаний... Поэтому правильно поставленный университет есть самый лучший механизм для научного развития"¹. Такое научное развитие получил в Московском университете и И.Д. Ковальченко.

Он был в высокой степени университетским человеком. Отсюда берет начало широта его научных интересов: вопросы, которые задают преподавателю студенты, – вернейший индикатор качества научных гипотез и построений. Нередко после лекций Иван Дмитриевич подолгу

¹ Бумме С.Ю. Воспоминания. М., 1960, Т. 1. С. 79–80.

задерживался, беседа со слушателями. Он часто повторял, что на любую научную тему может говорить от пяти минут до часа. Но монологу всегда предпочитал диалог: ему было интересно и важно мнение собеседника.

Иван Дмитриевич в полной мере разделял убеждение В.О. Ключевского: "Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь"². Не раз Иван Дмитриевич говорил коллегам: добиться, чтобы студенты работали сознательно и с интересом можно только интересным преподаванием.

И.Д. Ковальченко был университетским профессором, что называется, от Бога. Запомнились его лекции – строгие по форме и блестящие по содержанию. Доставляло интеллектуальное наслаждение следить за развитием его мысли, как бы в этот момент рождающейся. Но наблюдая многие годы, как работал Иван Дмитриевич, я отметил для себя, что никогда, ни на одно выступление, а тем более на лекцию к студентам он не приходил не подготовившись.

Как-то Иван Дмитриевич рассказал об уроке, который он получил во время одного из первых своих научных выступлений – доклада на втором курсе в семинаре С.С. Дмитриева, ставшего впоследствии его учителем. Хорошо зная материал, о котором предстояло рассказывать, он тогда не придавал значения рекомендации преподавателя заранее продумать содержание сообщения. Поначалу ничто не возбуждало чувства тревоги: сокурсники внимательно слушали, преподаватель молча кивал время от времени, по-видимому, одобрительно. Так прошли полчаса, час. Никто докладчика не перебивал и не останавливал. Наконец, он сам умолк. Осведомившись, окончен ли доклад, С.С. Дмитриев посетовал на то, что содержание сообщения, к сожалению, не было достаточно продумано, а потому некоторые существенные вопросы темы остались вне внимания докладчика. И затем обстоятельно и методично восполнил пробел. Слушателей Ивана Дмитриевича покорила продуманность его публичных выступлений, строгость организации материала, логика аргументации, обоснованность выводов. За ним, как говорят студенты, легко было записывать.

С Московским университетом И.Д. Ковальченко связывали без малого полвека, три десятилетия из них он возглавлял основанную академиком М.Н. Тихомировым кафедру источниковедения отечественной истории. Под руководством Ивана Дмитриевича кафедра источниковедения превратилась в центр изучения и преподавания системы специальных исторических дисциплин. Он доказал, что источниковедение, исторнография, архивоведение, археография, историческая география – это отнюдь не вспомогательные дисциплины, а необхо-

димые специальные составляющие профессионального образования и профессиональной подготовки историка. И.Д. Ковальченко многое сделал для развития традиционных исторических дисциплин. Долгие годы он был членом бюро Археографической комиссии РАН. В начале 70-х годов он активно поддержал организацию на базе Московского университета полевых археографических исследований. Созданная тогда группа археографов, выросшая в Археографическую лабораторию кафедры источниковедения, стала сегодня научным центром, имеющим мировую известность.

В соавторстве с коллегами И.Д. Ковальченко разработал университетский курс исторической географии, где впервые в отечественной науке была дана обобщенная характеристика историко-географических условий развития нашей страны в VIII–XX вв.

Поколения студентов-историков МГУ воспитывались на лекциях И.Д. Ковальченко по исторнографии истории СССР. Познавание прошлого рассматривалось им как процесс, этапы которого определялись совокупностью изменений в источниковой базе и методах ее исследования, в изучаемой проблематике, но главное – в теории, на основе которой анализировался и обобщался конкретный материал. Стержневой идеей курса стало известное положение о том, что "исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками"³. По масштабности постановки задач и последовательности их реализации, по насыщенности материалом и уровню его обобщения этот курс не имел равных среди преподававшихся на факультете специальных исторических дисциплин. К сожалению, Иван Дмитриевич так и не выкроил времени, чтобы издать его.

Забываясь о становлении и развитии новых специальных исторических дисциплин, возникновение которых стало возможно и необходимо в результате научно-технической революции второй половины XX в., Иван Дмитриевич первым подготовил сначала для студентов кафедры источниковедения, а затем для всех студентов-историков МГУ – новый лекционный курс "Количественные методы в исторических исследованиях". Вскоре лекции по этому курсу были дополнены практическими занятиями. В составе кафедры образована научно-учебная лаборатория исторической информатики.

Понимая значимость овладения вопросами методологии для подготовки профессиональных историков, Иван Дмитриевич предложил, разработал и начал читать студентам фундаментальный лекционный курс "Методологические проблемы исторических исследований". На осно-

² Цит. по: Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 328.

³ См. об этом: Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма // Собр. соч. 4-е изд. Т. 2. С. 166.

ве этого курса им написана монография "Методы исторических исследований" (М., 1987).

Человек энциклопедически образованный, натура творческая, И.Д. Ковальченко, быть может, больше всего сделал в области специальных исторических дисциплин для развития источниковедения. При этом он часто говорил: я не источниковед, имея в виду, что не читал лекции и не вел практических занятий по этому курсу. Но сохранившиеся конспекты его лекций по историографии свидетельствуют, что Иван Дмитриевич на очень высоком уровне владел предметом, материалом и проблематикой источниковедения. Поэтому когда логика развития исторического познания поставила перед учеными новую задачу: от описания отдельных, по большей части внешних, фактов и событий действительности перейти к системному исследованию внутренних, сущностных ее черт и свойств с целью воссоздания на этой основе целостной общей картины явлений и процессов прошлого, он ближе других оказался к ее решению. Им был открыт особый класс исторических источников – источники массовые, т.е. характеризующие не индивидуальные явления общественной жизни, а определенные общественные системы с соответствующими структурами. Фундаментальное значение для источниковедения имеет сформулированная И.Д. Ковальченко идея о возможности и перспективности изучения исторических источников на основе принципов учения об информации. Под редакцией И.Д. Ковальченко подготовлен и двумя изданиями вышел в свет учебник по курсу "Источниковедение истории СССР", в котором впервые в отечественной историографии в одной книге охарактеризованы основные комплексы источников по истории нашей страны с древнейших времен до конца XX в.

Иван Дмитриевич рано оценил необходимость объединения в интересах исторической науки усилий специалистов гуманитарных, естественных и технических дисциплин. Исследуя массовые явления общественной жизни, представляющие собой совокупность исторических объектов, с одной стороны, обладающих одинаковыми свойствами, а с другой – характеризующихся различной мерой проявления этих свойств, он одним из первых среди историков обратился к изучению и использованию математико-статистических методов. Уже зрелым ученым И.Д. Ковальченко вновь сел на студенческую скамью, осваивая вместе со студентами-математиками соответствующие учебные курсы. Много лет спустя он вспоминал, как трудно давались первые шаги: мы, историки, шли тогда учениками к математикам и специалистам по ЭВМ. Лишь единицы из них понимали, зачем нам это нужно.

Три десятилетия спустя И.Д. Ковальченко возглавил государственную комплексную программу "Информатизация архивного дела в

Российской Федерации", объединившую усилия архивистов, ученых-историков и специалистов по современным информационным технологиям с целью разработки общей концепции и конкретных научно-технических решений в этой области. Он с некоторым удивлением и в то же время с удовлетворением констатировал: сегодня мы взаимодействуем на равных. Уже не я, а академики-математики предлагают мне сотрудничество, ориентированное на интеграцию гуманитарного и естественно-научного знания. Счастлив человек, который смог увидеть, почувствовать, ощутить результаты своего труда. Такое счастье испытал И.Д. Ковальченко.

Научная деятельность И.Д. Ковальченко была неразрывно связана с преподаванием. Это – традиция Московского университета, когда студенты на занятиях знакомятся с новейшими научными достижениями, когда ученик получает знания и постигает секреты мастерства непосредственно общаясь с ученым, который становится его Учителем. Иван Дмитриевич хотел узнать так много, что для этого не хватило бы человеческой жизни. Он сумел сделать так много потому, что смог, ниспровергая идеи, организовать работу студентов, учеников, коллег. Избрав темой своих научных интересов аграрную историю России XIX – начала XX в., Иван Дмитриевич уже после защиты докторской диссертации о русском крепостном крестьянстве в первой половине XIX в. подготовил и опубликовал совместно с коллегами и учениками четыре фундаментальных монографии, освещающие различные аспекты этой ключевой для отечественной историографии проблемы: "Всероссийский аграрный рынок, XVIII – начало XX века: Опыт количественного анализа" (М., 1974), "Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма" (М., 1979), "Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения" (М., 1982), "Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы исследования" (М., 1988). В последние годы Иван Дмитриевич готовил обобщающую работу по аграрной истории дореволюционной России.

Профессионально занимаясь прошлым, живя в настоящем, Иван Дмитриевич стремился заглянуть в завтрашний день. На 1995/96 учебный год им была объявлена для студентов в специальном семинаре тема: "Прошлое, настоящее и будущее в воззрениях представителей народных масс, общества и правящих верхов в конце XIX – начале XX веков".

После ученого остаются книги.

После профессора – ученики.

После Человека – светлая Память.

Все это останется после Ивана Дмитриевича Ковальченко.

А.Г. Голиков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	–	Архив внешней политики Российской империи
АД	–	"Архивное дело"
АЕ	–	"Археографический ежегодник"
АК	–	Археографическая комиссия
АОР	–	Архив Октябрьской революции
АРАН	–	Архив Российской академии наук
АСПб ФИРИ	–	Архив Санкт-Петербургского филиала ИРИ РАН
БАН	–	Библиотека АН СССР (РАН)
БСЭ	–	"Большая советская энциклопедия"
ВАН	–	"Вестник АН СССР"
ВИ	–	"Вопросы истории"
ВИД	–	"Вспомогательные исторические дисциплины"
ВИ КПСС	–	"Вопросы истории КПСС"
ГАОР ЛО	–	Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области
ГАФКЭ	–	Государственный архив феодально-крепостнической эпохи
ГАРФ	–	Государственный архив Российской Федерации
ГАУ	–	Главное архивное управление при СМ СССР
ГТУ	–	Горьковский государственный университет
ГИМ	–	Государственный исторический музей
Госпрофобр	–	Государственный комитет СМ УССР по профтехобразованию
ДАИ	–	"Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею"
ЗОР ГБЛ	–	"Записки отдела рукописей ГБЛ"
ИА	–	"Исторический архив"
ИАН	–	"Известия АН СССР"
ИАИ РГГУ	–	Историко-архивный институт РГГУ
ИЗ	–	"Исторические записки"
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры
ИКП	–	Институт красной профессуры
ИМЛИ	–	Институт мировой литературы РАН
ИМЭ	–	Институт К. Маркса и Ф.Энгельса
ИМЭЛ	–	Институт Маркса–Энгельса–Ленина
ИНИОН	–	Институт научной информации по общественным наукам АН СССР
ИНР	–	Институт народов России при Госкомнаце
ИРЗ	–	Институт российского зарубежья
ИРИ РАН	–	Институт российской истории РАН
ИРЯ	–	Институт русского языка РАН
ИСАН	–	Институт социологии РАН
ИСССР	–	"История СССР"
ИЯ	–	Институт языкознания РАН
ЛГ	–	"Литературная газета"
ЛГАЛИ	–	Ленинградский государственный архив литературы и искусства
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет
ЛЗАК	–	"Летопись занятий Археографической комиссии"
МАДИ	–	Московский автомобильно-дорожный институт
МАМО	–	Московский архив Министерства юстиции
МГАМИД	–	Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	–	Московский государственный историко-архивный институт
МГУ	–	Московский государственный университет
МОИДР	–	см. ОИДР
МПГУ	–	Московский педагогический государственный университет
МЭГА	–	Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригиналов
НИСО РАН	–	Научно-издательский совет РАН
НИИ	–	"Новая и новейшая история"

ОА	- "Отечественные архивы"
ОИ	- "Отечественная история"
ОИДР	- Общество истории и древностей Российских при Московском университете
ОПИ ГИМ	- Отдел письменных источников ГИМ
ОР БАН	- Отдел рукописей, редкой книги и картографин БАН
ОР ГИМ	- Отдел рукописей и старопечатных книг ГИМ
ОРКиР НБМГУ	- Отдел редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ
ОР РГБ	- Отдел рукописей РГБ
ПСРЛ	- "Полное собрание русских летописей"
РА	- "Русский архив"
РАН	- Российская академия наук
РАО	- Российская академия образования
РГАДА	- Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	- Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	- Российская государственная библиотека
РГГУ	- Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	- Российский государственный исторический архив
РГПИБ	- Российская государственная публичная историческая библиотека
РЗИА	- Российский зарубежный исторический архив
РИЖ	- "Русский исторический журнал"
РНБ	- Русская национальная библиотека
Росархив	- Государственная архивная служба Российской Федерации
РС	- "Русская старина"
РУДН	- Российский университет дружбы народов
РЦХИДНИ	- Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СА	- "Советские архивы"
СГД	- "Собрание государственных грамот и договоров"
СПбГУ	- Санкт-Петербургский государственный университет
ССП	- Союз советский писателей
СПб ФА РАН	- Санкт-Петербургский филиал архива РАН
СПб ФИРИ РАН	- Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН
СУ РСФСР	- Собрание узаконений РСФСР
ТТИМ	- "Труды Государственного исторического музея"
ТМГИАИ	- "Труды Московского государственного историко-архивного института"
ТОДРЛ	- "Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР"
ЦАМО	- Центральный архив Министерства обороны
ЦАУ РСФСР	- Центральное архивное управление РСФСР
ЦГА РСФСР	- Центральный государственный архив РСФСР
ЦГАДА	- Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ	- Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАЛИ СПб	- Центральный государственный архив литературы и искусства СПб
ЦГАНХ	- Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦГАОР СССР	- Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГА РСФСР	- Центральный государственный архив РСФСР
ЦГАСА	- Центральный государственный архив Советской армии
ЦГВИА	- Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИАМ	- Центральный государственный исторический архив в Москве
ЦИАМ	- Центральный исторический архив Москвы
ЦКУБУ	- Центральная комиссия по улучшению быта ученых
ЦПА ИМЛ	- Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>А.В. Добровская, И.Ю. Горбунов, С.В. Мироненко. Государственный архив Российской Федерации: История формирования и комплектования (1920–1995)</i>	3
<i>С.В. Чирков. А.Е. Пресняков – археограф и архивист (К 125-летию со дня рождения)</i>	29
<i>С.О. Шмидт. К юбилею Д.Б. Рязанова</i>	35
<i>И.В. Поздеева. 30 лет полевой археографии Московского университета (1966–1995)</i>	48
* * *	
<i>Д.М. Володихин. Патриаршие книгописцы и золотописцы конца XVI–XVII вв.</i>	60
<i>А.С. Покровский. Список участников II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (Набросок социально-политического портрета) (окончание)</i>	73
<i>Я.Ю. Самборский. Материалы к биографии К.А. Гвоздева в Российском государственном архиве экономики</i>	116
<i>П. Л. Вахтина (Санкт-Петербург), Л.Б. Вольфцун (Санкт-Петербург). История архива Российской национальной библиотеки</i>	120
<i>М.Ф. Шумейко (Минск). Архивы и власть. (К истории документальных собраний бывших Виленского и Витебского центральных архивов древних актов)</i>	127
<i>М.В. Кукушкина (Санкт-Петербург). Радзивилловская летопись: из истории подготовки факсимильного издания 1994 г.</i>	140
<i>В.А. Бердинских. А.А. Спицын в письмах С.Ф. Платонову</i>	148
<i>В.Г. Бухерт. "Вполне преданный революционной пропаганде" (С.Ф. Платонов под "негласным наблюдением" полиции)</i>	151
<i>В. Эджертон (Блумингтон). Первые и последние встречи с Ю.Г. Оксманом</i>	153
<i>Дж.Х. Линд (Копенгаген). Творческий путь Кнуда Расмуссена (К 10-летию со дня смерти)</i>	160
<i>Н.Н. Покровский (Новосибирск). К 70-летию со дня рождения Д.И. Тверской</i>	167
<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; display: inline-block;">А.Б. Закс</div> . Д.А. Равикович – музеевед-архивист	168
<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; display: inline-block;">В.И. Буганов</div> . А.Г. Маньков – археограф, источниковед, историк феодальной России XVI–XVII вв.	170

50 лет Победы в Великой Отечественной войне

Тихомировские чтения 1995 года

<i>Т.В. Лохина. Хроника заседания</i>	179
<i>В.В. Судаков (Вологда). Источниковедческие проблемы увековечения памяти защитников Отечества и опыт привлечения к поисковой работе учащихся и педагогов</i>	181

Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке СССР к войне (подг. <i>В.А. Невежин</i>)	191
В первые месяцы Великой Отечественной войны (Из дневниковых записей генерала армии И.Р. Апанасенко) (подг. <i>А.А. Кац</i>)	208
Первая зима блокады (дневник ленинградца П.В. Клушанцева) (подг. <i>Д.Г. Шеваров</i>)	213
Мемуары В.А. Дьякова (подг. <i>Л.Е. Горизонтов</i>)	263
Воспоминания А.Д. Педосова о выступлении маршала Г.К. Жукова в Академии обще- ственных наук (1966) (подг. <i>И.И. Комарова</i>)	282
<i>В.А. Невежин</i> . О последней книге академика А.М. Самсонова	290

Юбилейное заседание памяти С.М. Соловьева и И.Е. Забелина

<i>Т.В. Лохина</i> . Хроника заседания	295
<i>С.О. Шмидт</i> . Вступительное слово	296
<i>А.Н. Шаханов</i> . Архивный труженик С.М. Соловьева	301
<i>С.В. Чирков</i> . Историки петербургской школы о И.Е. Забелине	309

II. Обзоры, описания, библиография

<i>Л.И. Шохин</i> . О московских архивистах – современниках первой русской революции	314
<i>Д.В. Омельчук</i> (Симферополь), <i>С.Б. Филимонов</i> (Симферополь). Следственное дело С.Н. Бул- гакова (1922)	320
<i>О.В. Рыкова</i> . Издания Ж. Феррана по истории генеалогии и иконографии российского дворянства	322
Список печатных трудов Ю.Г. Оксмана (к 100-летию со дня рождения) (сост. <i>К.П. Богаевская</i> , <i>В.А. Черных</i>)	327
Список печатных трудов Е.В. Старостина (к 60-летию со дня рождения) (сост. <i>И.П. Старо- стина</i>)	341

III. Публикации

Докладная записка К.К. Злобина об издании документов по истории дипломатии (подг. <i>В.Г. Бухерт</i>)	345
Записка И.Е. Забелина о комплектовании фондов исторического музея (подг. <i>В.Б. Шарков</i>)	348
Письма С.Ф. Платонова А.Ф. Коии (подг. <i>В.Г. Бухерт</i>)	351
Два неизвестных документа Д.Б. Рязанова (подг. <i>Я.Г. Рокитянский</i>)	354
Письмо Д.Б. Рязанова 1935 г. по вопросу приобретения Институтом Маркса–Энгельса библиотеки В.И. Танеева (подг. <i>В.Е. Корнеев</i>)	362
С.К. Богоявленский в РГАДА (подг. <i>Л.И. Шохин</i>)	365

IV. Хроника

<i>Т.В. Лохина</i> . Деятельность Археографической комиссии в 1995 г.	372
<i>Т.В. Лохина</i> . Новые издания Археографической комиссии	373
	397

<i>Н.А. Кобяк.</i> Археографические экспедиции 1995 г.	374
<i>Е.М. Аржанова.</i> Международная конференция, посвященная Д.Б. Рязанову	375
<i>С.Ч.</i> Научная конференция в Пензе по истории культуры российской провинции	376
<i>З.В. Дмитриева</i> (Санкт-Петербург). Заседания Санкт-Петербургского отделения Археографической комиссии в 1995 г.	376
<i>Л.Б.</i> (Санкт-Петербург). Юбилей Пушкинского Дома	377
<i>Р.Н. Клейменова.</i> Общество любителей Российской словесности	378
<i>А.В. Семенова.</i> Юбилей А.А. Преображенского	381
<i>В.В. Мищуров</i> (Санкт-Петербург). Заседание памяти Ш.М. Левина	383
<i>Л.Е. Горизонтов.</i> Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995)	387
<i>А.Г. Голиков.</i> Слово об Иване Дмитриевиче Ковальченко (1923–1995)	391
Список сокращений	394

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК**

за 1995 год

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории РАН*

*Заведующая редакцией
"Наука-история" Н.Л. Петрова*

*Редактор Л.М. Кузнецова
Художественный редактор В.Ю. Яковлев
Технический редактор Т.В. Жмелькова
Корректоры Э.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая, Е.Л. Сысоева*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 2262

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 18.06.97
Формат 70×100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 32,5. Усл.кр.-отг. 32,5. Уч.-изд.л. 37,0
Тираж 460 экз. Тип. зак. 2119

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Московская типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

вышла в свет книга

Русские. 80 л.

Предлагаемая читателю монография является первой книгой серии трудов Института этнологии и антропологии РАН "Народы и культуры". В первой ее части дан материал по историческому развитию русского народа – с XII в. и до наших дней, по формированию историко-культурных ареалов. Вторая часть содержит материалы о семейном и общественном быте, религиозных верованиях, народной этике.

В книге использован уникальный материал экспедиций и архивных изысканий.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга—почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пялюгина, 14, корп. 2; 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой"); 620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой"); 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой"); 660049 Красноярск, проспект Мира, 84; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 117383 Москва, Мичуринский проспект, 12; 103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 5086; 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой"); 142292 Пушкино Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой"); 443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой"); 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; 199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; 194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой"); 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЕЧАТЬ»

1995